Г. А. Ястребинская

ТАЁЖНАЯ ДЕРЕВНЯ КОБЕЛЕВО

Г. А. Ястребинская

ТАЁЖНАЯ ДЕРЕВНЯ КОБЕЛЕВО

История советской деревни в голосах крестьян

1992–2002

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2005

ББК 63.3(2)-28
Я85

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-02-16027

Я85 Ястребинская Г.А.
Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 348 с., илл.

ISBN 5-88451-166-3

В книге освещена история российского и советского крестьянства с дореволюционного времени до наших дней на примере одной из северных деревень. Автору, Г.А. Ястребинской, кандидату экономических наук, старшему научному сотруднику Всероссийского института аграрных проблем и информатики, занимающейся проблемами семейной крестьянской экономики, сельских институций, крестьянских ценностей, удалось создать целостную картину жизни российского села, используя социологические методы исследования и живое общение с жителями деревни Кобелево.

Книга адресована как специалистам (историкам, социологам, экономистам), так и широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)-28

Научное издание

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 14.02.2005. Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 32,3. Печ. л. 29,0
Тираж 800 экз. Заказ № 287

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 5-88451-166-3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5
Паспортные данные деревни Кобелево 8
Краткая хронология истории деревни 9
Дореволюционный период (до 1917 г.) 18
Гражданская война (1918–1920 гг.) 21
Просвет (нэп, 1921–1928 гг.) 22
Коллективизация (1929–1934 гг.) 23
Предвоенные колхозы (1934–1941 гг.) 25
Война (1941–1945 гг.) 26
Послевоенные годы (1946 г. – первая половина 1950-х годов) 27
Хрущевский период (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х годов 27
Брежневский период (вторая половина 60-х годов – 1980 г.) 28
Перестроечное время (1980–1991 гг.) 29
Постперестроечное время (август 1991 – 1992 г.) 29
Половозрастной и этнический состав населения 31
Общая характеристика отраслевой занятости населения 31
Угодья села и способ их использования 32
Характеристика основных предприятий 33
Главные экономические проблемы села 33
Характеристика жилого фонда 34
Транспортное положение села 34
Перечень учреждений социальной инфраструктуры 36
Село в микрорегионе и районе 36
Территория 37
Экология 50
Население 55
Передвижение в пространстве как аспект жизнедеятельности 66
Формальные и неформальные институции (учреждения) 72
Единоличное хозяйство 72
Личное подсобное хозяйство 73
Сельская община 76
Отходничество и ремесла 76
Деревенские помочи 78
Деревенское строительство 78
Мельницы 79
Коммуны 80
Колхозы 80
Водоснабжение 82
Школа, воспитание, обучение 83

Здравоохранение 85
Верования и религия 87
Культурно-просветительские учреждения 89
Праздники и отдых 89
Охрана и поддержание порядка 91
Самодеятельность 92
Институции коммуникации (связи) 92
Торговля и другие формы снабжения 94
Призрение старых 95
Самоопределение и определение 95
Обряд похорон 99
Описание свадебного обряда 103
Власть на селе 106
Приложение 1. Семейные истории 120
История семьи Богдановой Антонины Николаевны 120
История семьи Поповой Анны Владимировны 147
История семьи Богдановой Александры Егоровны 160
История семьи Шехиной Анны Никитичны 202
История семьи Ильина Владимира Артемьевича 220
История семьи Щеголихина Владимира Игнатьевича 238
История семьи Попова Владислава Владимировича 253
Приложение 2. Беседы с жителями деревни 291
Беседа с Козьминым Георгием Николаевичем 291
Беседа с Немытовым Василием Игнатьевичем 297
Беседа с Щербаковым Николаем Федосеевичем 305
Беседа с Поповым Анатолием Артамоновичем 328
Беседа с Амосовой Анастасией Ефремовной 343
Беседа с Щеголихиной Таисией Герасимовной 348
Беседа с Щербаковыми Александром Исаковичем и Софьей Николаевной 355
Беседа с Чемакиной Пелагеей Алексеевной 365
Беседа с Богдановыми Ильей Егоровичем и Екатериной Ефимовной 374
Беседа с Поповым Василием Тихоновичем 389
Беседа с Щеголихиным Павлом Владимировичем 399
Беседа с Богдановыми Анной Дмитриевной и Наталией Дмитриевной 405
Беседа с Шехиным Юрием Петровичем 409
Приложение 3. Беседы с представителями власти 418
Беседа с Ворониным Василием Владимировичем 418
Беседа с Поповым Сергеем Федоровичем 422
Беседа с Немытовым Юрием Васильевичем 425
Беседа с Коневым Павлом Дмитриевичем 431
Беседа с Родионовым Дмитрием Викторовичем 441
Беседа с Щеголихиной Зинаидой Васильевной 447

Посвящается жителям северных деревень,
светлой памяти ушедших,
особо Щербакову Николаю Федосеевичу

ВВЕДЕНИЕ

Появлению этой книги автор обязана двум исследованиям: участию в проекте «Социальная структура российского села» в 1990–1994 гг., и гранту РГНФ (проект № 02-02-00138а), полученному автором в 2002 г. Работа в проекте выполнялась под руководством ученого Теодора Шанина по методике, представленной в ряде публикаций[1]. Работа по гранту РГНФ была осуществлена по той же методике десятилетие спустя.

Данная публикация была бы невозможна без участия жителей северных деревень, с которыми исследовательская судьба столкнула автора и которые были основными носителями информации, положенной в основу этой книги. Автор бесконечно благодарна жителям деревень Кобелево и Красное Пинежского района Архангельской области.

Третья причина появления этого труда скрыта в том, что работа в проекте предоставила автору возможность обследовать три деревни Русского Севера, одна из которых – Красное – была родиной его матери; впрочем, этот выбор подходил под соблюдаемые в проекте условия выборки. Память о своих предках, детских годах, проведенных с родителями летних отпусках в этих местах, стали той благодатной почвой, на которой выросло желание собрать как можно больше материала и о деревне, и обо всем регионе, и опубликовать эту книгу.

Автор благодарна Теодору Шанину, научному руководителю, мудрому исследователю и педагогу. Вопросы методического и методологического плана – прежде всего рефлексивного крестьяноведения, сочетания количественных и качественных сторон исследования – нашли отражение в публикациях Т. Шанина, Е. Ковалева и И. Штейнберга[2]. В методологическом плане с точки зрения Т. Шанина (мы ее разделяем), рефлексивный подход в исследовании

крестьянства – это новый взгляд на проблему истинности использования социально-экономических подходов в полевых исследованиях и их дальнейшей интерпретации в приложении к крестьянству России. Таким образом, настоящая публикация – это также возможность заглянуть внутрь жизни деревни и ее обитателей, увидеть научную «кухню» исследования, понять, на какой почве вырастают и дают плоды научные цветы.

Необходимо отметить роль, которую сыграл в появлении этой книги Виктор Петрович Данилов. Он мягко настаивал на том, что публикация истории деревни по материалам нашего исследования очень нужна. Это не раз произнесенное его желание было дополнительным стимулом, дающем силы и уверенность, что это незряшная затея. Он каждый раз приводил в пример историю села Горюхина, написанную А.С. Пушкиным. Неоднократное упоминание этой истории В.П. Даниловым заставило автора взять сочинения Пушкина и прочитать историю села Горюхина. Это оказалось небесполезным, о чем будет упомянуто ниже. Благодарна бесконечно Виктору Петровичу Данилову. Эта книга – дань его светлой памяти.

Основой истории деревни явился материал, полученный по методике исследования в разделе «Социально-пространственная картина села». Этот материал дополнен ссылками на источники информации, которые можно разделить на три вида.

Первый – это рассказы самих жителей, собранные в форме семейных историй и бесед, разговоров на темы, оговоренные в методике. Здесь надо сказать, что жители описываемой деревни привыкли к научному люду. Здесь постоянно бывают экспедиции филологов, этнологов, антропологов, географов из Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга), Петрозаводска. Поэтому, когда мы работали в данной деревне, то чувствовали, как привычны для жителей вопросы о говоре, названиях, праздниках, песнях и т.п. Работа по нашей методике совершалась первый раз.

Второй – это собственные наблюдения, которые мы старались везде оговорить, как-то пометить, чтобы не было сомнения в источнике приводимых высказываний. Здесь хочу поблагодарить своего верного коллегу, товарища, друга в первом исследовании деревень Русского Севера – Ольгу Григорьевну Субботину из Вологды, с которой мы работали, прожили эти годы, плечо которой я всегда чувствовала в работе и в бытовой организации жизни исследователей.

Третий – данные сельсоветовской отчетности и литературные источники, которых обнаружилось достаточно, чтобы их упомянуть в тексте и примечаниях. Причем я привожу те публикации, которые имеют отношение к описываемой деревне Кобелево, к покшеньгскому кусту деревень.

Все собранные семейные истории приведены в Приложении 1, беседы – в Приложении 2, беседы, относящиеся к вопросам власти на селе, – в Приложении 3. В методике раздел «Власть на селе» бы-

ла отдельной темой, но я сочла необходимым опубликовать его в истории деревни.

Необходимо также отметить, что первое исследование проводилось во время слома колхозно-совхозного уклада жизни на селе, что нами фиксировалось, и было акцентировано на воспоминаниях, поэтому старожилы деревни были в фокусе нашего внимания. Многих из них мы уже не застали, когда приехали во второй раз. Это Василий Тихонович Попов, Анатолий Артамонович Попов, Илья Егорович и Екатерина Ефимовна Богдановы, Александр Исакович и Екатерина Ефимовна Щербаковы, Александра Уваровна Немытова, Анна Никитична Шехина, Александр Флавианович Шехин, Николай Федосеевич Щербаков, Анна Дмитриевна и Наталья Дмитриевна Богдановы, Мария Яковлевна Москвина – светлая память Вам! Можно только сожалеть и догадываться, что еще можно было бы услышать, приди мы раньше. Но благодарны судьбе, что и это услышали.

Будущее деревни в первом проекте нами не исследовалось, во втором мы попытались это сделать, используя скромные средства и время, отпущенные грантом РГНФ. Эти результаты опубликованы в новом сборнике Никоновских чтений (2003 г.) в статье: «Северная деревня Кобелево и перспективы ее развития»[3].

В заключение хочу выразить удивление (как у героя «Истории села Горюхина»[4]), что о такой маленькой деревеньке я смогла собрать так много материала, который был моим грузом, бременем, требовавшим выхода этой книги. И это еще не предел, так как остался материал и темы, которые лишь затронуты здесь или о которых не хочется говорить всуе. Я не могу говорить о деревне и людях, в ней живущих, мимолетно, тем более пренебрежительно, потому что это целый Мир, Космос, из которого когда-то истекла и в котором живет моя душа.

Я верила себе,
Сама наука
Твердила, что в меня,
Как в чернозем
Речная верба,
Корни пустит мука
Всех, кто отпет на языке моем.

Т. Реброва

ПАСПОРТНЫЕ ДАННЫЕ ДЕРЕВНИ КОБЕЛЕВО

Почтовый адрес:
164601 Архангельская область
Пинежский район
п/о Кобелево

Деревня является типичной для заселения средней части реки Пинеги, левого притока Северной Двины. Особенность заключается в том, что исторически это была «столица», административный и культурный центр Покшенья – деревень, расположенных по течению р. Покшеньги, правого притока Пинеги. В Кобелево была церковь, здесь крестили, венчали, отпевали и хоронили всех покшен на кладбище, расположенном вблизи деревни.

Район этот приравнивается по климатическим условиям к районам Крайнего Севера. Областной центр – Архангельск – находится в 360 км к северо-западу от деревни, если считать по автодороге, и в 200 км по железной дороге, соединяющей Архангельск с районным центром. Районный центр – село Карпогоры – стоит в 11 км выше по течению Пинеги, на правом ее берегу по направлению к юго-востоку от деревни.

В Кобелево находится администрация сельского совета, которой подчиняются деревни, расположенные по р. Покшеньге. В настоящее время это деревни Красное, Кобелево, Малое Кротово (левый берег Покшеньги), Лохново и Большое Кротово (правый берег). Все они образуют покшеньгский куст деревень. Кроме названных, к нему относятся деревни Земцово, Русковера, лесопункт Сылога.

Кобелево было центром колхоза, с 1969 г. стало центром отделения совхоза «Тепловский» (Теплов – герой Великой Отечественной войны), центральная усадьба которого была расположена в деревне Кевроле, древнейшем граде Пинежья, летом 1992 г. отметившим свое 855-летие.

Ближайший аэропорт расположен в селе Карпогоры, там же в 5 км от села находится станция железной дороги «Карпогоры-пассажирская». Но от Кобелево удобнее добираться до станции «Карпогоры-товарная», поскольку не надо преодолевать три реки: Покшеньгу, Пинегу и Немнюгу.

В Усть-Покшеньге, околке (так называют часть деревни) Кобелево, расположена речная пристань «Усть-Покшеньга», куда пароходы приходили в «большую воду». (У Ф. Абрамова есть рассказ о прибытии парохода, как раз об этих местах.)

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ

Краткая хронология истории по периодам, выделенным в методике исследования села, приводится в соответствии с характеристиками, данными жителем деревни Н.Ф. Щербаковым (1927–2001) в его собственноручной записи*:

«**Истоки**

1. Дореволюционная деревня на Пинеге характерна своей независимостью: не было крепостного права, крестьяне свободные. Главного источника для нормального проживания нет. Суровые климатические условия, низкое плодородие земли не позволяли заниматься одним земледелием, главное место занимал промысел: охота, скорняжное и сапожное дело, изготовление валенок, битье шерсти, лесные промыслы (подряды), гончарное производство. Лошадные занимались извозом.

Земельные наделы, как по всей Руси, полагались только мужчинам, горе хозяину, где только дочери. Лучшие земли отдавались попу.

Много нищих – пример, известная сказительница: Мария Дмитриевна Кривополенова. Много церквей.

Очень мало грамотных – итог деятельности православной церкви за 900 лет.

---

* История возникновения этого письменного документа примечательна. При первом посещении Николая Федосеевича, знакомстве с ним, он прежде, чем отвечать на вопросы, сам задал ряд вопросов и, когда ответы на вопросы его, по-видимому, в какой-то мере расположили к беседе, категорически отказался от записи на диктофон и, когда наша беседа подошла к концу, спросил: «А что вам надо еще?» Мы показали нашу методику по исследованию деревни, он взял ее и попросил оставить для ознакомления и уточнил, какого свойства материалы нужны ним. Мы ответили, что нам желательна история деревни по тем вопросам, которые отмечены в методике. Он сказал: «Я вам напишу, зайдите через две недели». Через две недеди письменный документ был получен, за что бесконечно благодарны Николаю Федосеевичу.

Торговля велась через купца Володина и лесопромышленника Кыркалова: Володин – владелец парохода («Посыльный»); Кыркалов – известного лесозавода в Архангельске (№ 14).

Чем характерен крестьянин:

1) одежда – из домотканых холстов;

2) обувь – лапти, у богатых – коты;

3) много вшей, причина: отсутствие мыла в достатке и образ жизни: извоз, житье в лесных избушках, когда занимались охотой, лесозаготовками, жили в избах по-черному, которые топились без дымохода.

Образование: церковно-приходская школа – ЦПШ (2 кл.), появившаяся в 1890 г. – в конце XIX в. До этого нанимали частного учителя за определенную плату.

О столыпинской реформе помню по рассказу отца, что под Усть-Покшеньгой на отрубах жил Сусой, были сусоевы навины (новые земли, разработанные в тайге). Старожилы до сих пор помнят Сусоя по названию этих навин.

Война гражданская (1918–1920)

События времен гражданской войны оставили глубокий кровавый след в жизни пинежского крестьянина. Большая доля пролитой крови приходит на безвинных людей. Большую кровавую борозду оставили белая гвардия и интервенты. Сколько людей потоплено в проруби под Веркольским монастырем! Много убитых захоронено на братских кладбищах.

Какая вина была у старухи из деревни Конецгорье? Заколота белогвардейцами за деревней. О многом рассказывают тюремные стены. О зверствах на острове Мудьюг и Нонаньга напоминал запах человеческого тела, который был слышен в тюремных бараках даже в 1958 г.

Переполнены тюрьмы Архангельска, не утихали выстрелы на Мхах (где сейчас архангельский железнодорожный вокзал). Чем измерить то людское горе, которое оставили после себя интервенты и белая гвардия: 27 млн. человек – таковы жертвы гражданской войны, развязанной против рабоче-крестьянской республики (согласно переписи населения 1917 г. и 1920 г.).

Просвет

По окончании гражданской войны проведенная правительством, амнистия обеспечила и уничтожила вражду между крестьянами. Вчерашние враги дружно организовались в кооперацию, создавались товарищества по совместной обработке земли (половина деревни после войны – безлошадные). Возродились кустарное производство (выделка кож, сапожное ремесло, изготовление валенок). Ушла в историю соха, заменена плугом (работа кооперации). Появились веялки, молотилки. Возобновлен охотничий промысел: за пушнину за границей кооперация приобретала плуги, бороны, веялки, топоры, косы.

Город возрождал отечественную промышленность.

Старая дореволюционная крестьянская община расформировалась – раз в 5 лет передел земли.

Коллективизация

Цель: смычка между городом и деревней. Лозунг: «*Город деревне – серп. Деревня городу – хлеб*». Мелкие разрозненные хозяйства единоличников не в состоянии обеспечить страну продовольствием.

Задача: построить высокомеханизированные сельхозпредприятия (колхозы, совхозы).

Высвободить часть рабочей силы в деревне для развития тяжелой индустрии в городе.

Итоги коллективизации:

Взамен серпа, сохи, косы-горбуши, цепа и кичиги стали появляться:

1) косилки-лобогрейки на конной тяге (2 лошади);

2) молотилки простые 4-конные;

3) плуги усовершенствованные 1- и 2-корпусные, прижились 1-корпусные;

4) жатки-самосборки;

5) жатки-сноповязалки;

6) молотилки-полусложные;

7) веялки и др. зерноочистительные машины;

8) перед войной часть колхозов, более богатых, приобрела сложные молотилки и нефтяные двигатели (деревня Лохново – колхоз «Победа Революции»);

9) ликвидировались межи – увеличилась контурность полей, на лугах вырубался кустарник, что давало возможность более рационально использовать машины на конной тяге;

10) создавались МТС (у нас их не было);

11) создавались: молочно-товарные фермы – МТФ (холмогорская порода); конефермы; овцефермы (романовская порода); свинофермы;

12) осуществлялась переделка церквей на школы.

У местного кузнеца (Тыркасов М.А.) была мельница на Калие (ручей), все шестеренки – из дерева, самодельные. Она работала, такой был умелец! Сейчас ее давно нет – кому она мешала?!

В Лохново была национализирована мельница на паровой тяге.

В мелких деревнях строились школы, была ориентация на ликвидацию безграмотности, введено обязательное семилетнее обучение.

Медицинское обслуживание организовывалось на государственной основе: создавались фельдшерско-акушерские пункты.

За счет общественных фондов появилось радио в народных домах (радиоприемник), клубах. Проводились радиослушания, люди шли охотно. Был народный дом, изба-читальня. Строго соблюдалось число читок газет, прослушиваний радио. Зарплата у избача была такая же, как и у председателя сельсовета.

Телефон был на почте.

Организована немая кинопередвижка (имеется в виду немое кино).

В это время прилетел первый самолет в Карпогоры – это было для деревни событие!

Связь с городом (Архангельск): летом – пароходы «Курьер» и «Быстров»: скорость 4 км/ч.

Зимой – на лошадях и пешком. До Архангельска 360 км проходили за 10 суток, почта – за 3 суток: ехала под колокольчик, путь освобождали.

Вводится севооборот – чередование культур научное, появились свои агрономы, зоотехники. От вечной дикости деревня выходит на цивилизованный путь. Но еще долгие годы проявляли себя различного рода колдуны, знахари, шарлатаны и фанатики.

Отрицательные черты:

1) создание коммуны – обобществление частной собственности до мелкого инвентаря;

2) скоропалительность объединения хозяйств без учета согласия крестьян;

3) распределение благ по едокам, безучетный трудодень, позднее введены нормы выработки;

4) отток из деревни кустарей-умельцев. Пример: Тыркасов Михаил Архипович, кузнец. Великий мастер, ковал стволы для ружей, чинил ружья, изготовлял капканы. Бросил кузницу, мельницу на ручье Калия, продал дом и все хозяйство. Уехал в город, у него было 3 сына, 2 дочери.

5) скоротечность антирелигиозной пропаганды;

6) раскулачивание – местный произвол. Пример: хозяйство Ушакова Е.А. (твердое задание не выполнил), хозяйство Поздеевой М.И. (Лохново, твердое выполнил) – все равно раскулачили. Кому это было на руку?

Предвоенные колхозы

По той поре механизированные на конной тяге многоотраслевые хозяйства с подсобными промыслами.

Развиты:

1. Молочное и мясное скотоводство.
2. Овцеводство.
3. Свиноводство.
4. Особо развито коневодство.

Частный сектор:

1. Приусадебный участок – 0,4 га.
2. Коровы, теленок.
3. Овцы.

Колхоз зимой заготовлял лес, выделялись кони и люди.

Перевозка грузов гужевым транспортом. Особый приоритет имела охота.

Людской контингент – бывшие середняки.

Главные организаторы коллективизации рассосались в общей массе, ушли в кооперацию, в заготконторы, в химлеспром, в леспромхозы.

Оплата труда натурально на заработанный трудодень. Выдавалось на трудодень хлеб зерном в зависимости от урожайности.

Урожай распределялся так:

1) расчет с государством;

2) засыпка семян;

3) страховой фонд;

4) на трудодни;

5) деньги: в большинстве – 1 рубль на трудодень. Зависело от хозяйственной деятельности.

Технические культуры выращивали для нужд хозяйства: лен, конопля – без плана и поставок. (О льне: мочили мужики).

Война (1941–1945 гг.)

1) Разрабатывались дополнительные посевные площади за счет лугов.

2) Главная рабочая сила – женщины, старики и подростки: работали от темна до темна.

Одна задача: все для фронта, все для победы.

Главная тягловая сила – лошади – поредела: взята по спецнабору для нужд фронта.

Много подростков мобилизовано трудовыми резервами в ФЗО и ремесленные училища. Годы великих испытаний: хлеб, мясо, молоко, капуста, картофель – все шло на военные нужды. Проходил добровольный сбор теплых вещей. Изготовлялись лыжи и ружболванки (из березы приклады). Голодные, разутые, но силы находили: работали, заготовляли лес. Леспромхозы существовали за счет колхозов.

Приходили с фронта калеченные мужики, чаще почтальон приносил похоронки, и где-то рушились города, горели деревни. Шла война.

Ночью шумели ручные каменные жернова: бабы мололи зерно с ягелем, затем перемешивали с тертым картофелем – утром пекли хлеб или варили болтушку (мусенку). Почти в каждом хозяйстве была корова – главный источник жизни.

Послевоенный период

Война окончена. Остались проблемы, порожденные войной. Хозяйственные дела в деревне решались теми же женщинами. Подростки – большинство мобилизованы в школы ФЗО и др. профучилища. Пришедшие с войны искалеченные солдаты старались остаться в городе или шли работать в промышленность. Ушло на войну много, вернулось очень мало.

Возрождалось промышленное производство, перестраивались заводы для выпуска мирной продукции. Деревня осталась сама со-

бой. Результат: резкое снижение жизненного уровня, в отдельных селах начался голод. Урожайность – 5–6 ц с га. Надой на корову – 600–700 л/год.

Первая половина 1950-х годов

Энерговооруженность труда – коса-горбуша, серп, жнейка-лобогрейка, самосброска, конный плуг, борона, вилы, грабли, лопата. Полусложные молотилки на конной тяге. Производители работ – женщины. Тягловая сила – лошади. Лучшие заготавливаемые корма – зерно, сено – уходили в корм лошадям. Продуктивность животноводства, урожайность оставались на прежнем уровне.

Колхозам, как и прежде, доводился план заготовки леса. Мужчины, девки, парни всю зиму – в лесу. Женщины до весны молотят зерновые – основной хлеб колхозников (замкнутый полуголодный круг).

Непомерно высокие налоги, как денежные, так и натуральные.

Почти у каждого во дворе корова – основная кормилица. Большое подспорье – заготовки грибов и ягод. Охотники жили за счет леса (лось, боровая дичь). Естественно, выручало рыболовство. Этим самым резко тормозилось развитие общественного хозяйства. На заработанный трудодень положенная натуральная оплата не обеспечивала прожиточного минимума, что заставило людей в страдную пору идти на заготовку дикорастущих, уезжать на рыбалку и охоту, а в полях стоят зерновые, падает с колоса зерно, гниет неубранное сено.

Все тот же замкнутый круг.

Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х годов

1. Отменены обязательные поставки как с личного, так и с общественного хозяйств.

2. Повсеместно вводятся государственные закупки.

3. Меняется структура землепользования, вводятся специализации:

а) упор на улучшение кормовой базы, производство сочных кормов;

б) наземное силосование, выращивание корнеплодов, капустно-брюквенный гибрид;

в) налаживание племенной работы в животноводстве (воспроизводство стада);

г) механизация трудоемких процессов;

д) внедрение хозяйственного расчета и научная организация труда;

е) результат: надои на корову с 600–700 литров поднялись до 2,5 тыс. л/год.

Колхоз специализировался на молочно-мясном направлении. Оплата с трудодня переведена на деньги.

Колхозники массово улучшали жилье. Строили новые дома, перестраивали старые. Строились новые фермы, гаражи, создавались

ремонтные мастерские. Начало электрификации деревни за счет мелких электростанций.

Проявлялся массовый коллективизм.

В магазинах появился полный ассортимент товаров, цены снижались. Колхозник имел возможность купить: 1) швейные машины, 2) лодочные моторы, 3) велосипеды-мотоциклы, 4) холодильники, 5) стиральные машины. Массовый подъем жизненного уровня.

Отрицательная сторона:

1. Кукурузная авантюра. Хрущев при посещении Архангельска выразился: «Какой дурак заставляет растить кукурузу?»;

2. Укрупнение колхозов до гигантов;

3. Разделение партийного руководства на промышленное и аграрное;

4. Создание аграрных зон и промышленных;

5. Первые проявления упадка трудовой и производственной дисциплины к концу 1960-х годов: уравниловки в оплате труда, начало развития пьянства;

6. Зачатки планирования от полученного результата;

7. Выселка тунеядцев: часто не обоснованная, а сведение личных счетов с неугодными.

Вторая половина 1960-х – 1980-е годы

1964 г. Осень. Государственный переворот в высшем эшелоне власти. Замена лидера: убрали Хрущева, поставили Брежнева.

Перемена в экономической политике: внедрение гарантированной оплаты плюс установление потолка зарплаты 300 руб. Дальнейшее развитие планирования от полученного результата плюс накидка для дальнейшего роста (10%) производства, что стало тормозом в повышении ПТ. Хозяйственный расчет и НОТ уходили в область предания. Оплата труда стала не за продукцию, а за выход на работу, что сильно ущемило честного труженика, открыта дорога жуликам, лодырям, тунеядцам.

Тридцатитысячники, направленные партией для руководства колхозами, закончили свою деятельность.

Тяжело переживали перемены в экономике бывшие руководители:

Тыркасов Иван Игнатьевич умер от инфаркта.

Тыркасов Гавриил Васильевич позднее умер скоропостижно, и другие.

Государственная машина, запущенная Хрущевым, давала положительный результат до 1975 г. Продолжалась механизация сельского хозяйства. Строились большие животноводческие комплексы. Производительность труда пошла вниз.

В 1972–1980 гг. жизненный уровень оставался на одной черте – застой. Но жизнь продолжалась. Проходили партийные съезды, выборы, сессии Верховных советов, везде хлопали несуществующим успехам.

Плохо сложилась судьба сторонников хозяйственного расчета и НОТ. Одни противники застойной рутины запили (большие и малые руководители), исключались из партии, снимались с работы.

Многие рядовые труженики избирались в состав членов РК. Избирались в Советы народных депутатов; стояли на твердых позициях хозяйственного расчета, укрепляли порядок и дисциплину. От таких тихо, без шума избавлялись при очередных выборах.

Страну готовили к развалу, партию – к дискредитации.

После 1980-х годов

От высшего эшелона партийного руководства до колхозного, совхозного парткома, продвигались, проталкивались так называемые «свои люди», которые впоследствии играли роль организации путчевой авантюры.

После остановки деятельности КПСС перешли от партийной кормушки к так называемой «демократической». В настоящее время проводят и углубляют так называемые «реформы», вернее, проводят ограбление народа, происходит развал производственных структур, идет спад производства, снижение жизненного уровня.

Раздел, раздача земельно-имущественных паев с 1989 г. окончательно уничтожила крестьянина-середняка, на коем держалось колхозно-совхозное производство. (Не взята в учет та доля, которая была внесена в коллективное хозяйство: коровы, лошади, инвентарь, хозяйственные постройки).

Колхозы, совхозы умышленно подводятся к банкротству.

«Демократический» лозунг: «*Возродим, защитим крестьянина*» лопнул, как мыльный пузырь. Ваучеры и их продажа откинет деревню на 150 лет, что-то должно получиться вроде крепостного права.

Идет Конституционный суд – это спектакль без сценария, но все ставит на места, становится ясно, кто был кто.

Произошло невиданное на земле предательство.

Народ, честные коммунисты жестоко обманывались верховными лидерами, под видом строительства светлого будущего страну подвели к развалу. Вчера кричали: «Слава КПСС», сегодня кричат: «Христос воскрес», очищая грехи свои прошлые на церковной паперти.

Количество нищих растет.

Что дала перестройка?

1) Развал мировой социалистической системы.

2) Уничтожение СЭВ.

3) Утрачены хозяйственные связи со странами Восточной Европы и Кубой.

Затем развал КПСС:

1) Закон о борьбе с алкоголизмом унизил и оскорбил миллионы честных советских людей – первая пощечина КПСС.

2) Выборы на альтернативной основе – тысячи программ, обещающих повысить уровень жизни народа. Кандидаты в депутаты

от общественных организаций вытеснили представителей рабочих и крестьян – начало разрыва союза серпа и молота.

Забастовки шахтеров, металлургов положили начало экономического падения. Деполитизация. Подножка КПСС.

3) Замена коллективного управления президентским. Парад суверенитетов привел к развалу Союза, затем – к вооруженным столкновениям и войне между суверенными республиками (гражданская война).

4) Введение фермерства, торгово-закупочных кооперативов положило сельское хозяйство на лопатки. (Конец решения продовольственной программы.)

5) Выход из КПСС лидеров высшего руководства: члены КПСС, члены Политбюро окончательно дискредитировали партию.

6) Повышение цен на средства производства с/х подвело к грани банкротства. Нет баланса с ценами на сельскохозяйственную продукцию. Раскол КПСС.

7) Открытие железного занавеса.

Вся преступная олигархия валом хлынула с запада на восток: рэкет, спекуляция, грабежи, разбой, наркобизнес, половая распущенность, СПИД и т.д.

Русская деревня, веками жившая общинно, разлагается, сосед не доверяет соседу. Коллективные хозяйства идут к банкротству против воли крестьянина.

Фермерское движение уткнулось в стену грабительского предпринимательства.

Деревня живет за счет накоплений, созданных при социалистическом строе.

Лодочные моторы, бензопилы, мотоциклеты уходят в прошлое, возвращается потогонная система – ручной труд. Приходит время строительства овинов, гумен, изготовления лаптей, пошива кустарной обуви и одежды, возрождение выделки кож и посева технических культур с последующей кустарной обработкой.

Ручная обработка приусадебных участков: кирка, лопата – главный землеобрабатывающий инвентарь XIX в. набирает темп.

Запускается земля, выделенная под приусадебные участки для чиновников.

Уходят под снег посевы. Деревня идет к упадку. Воровство.

Идет невидимая война – конечный результат перестройки.

Структуры, могущие противостоять созданному беспределу распущены:

1) народный контроль;

2) ДНД – добровольная народная дружина;

3) ДПД – добровольная пожарная дружина;

4) «комсомольские прожекторы»;

5) совет трудового коллектива и т.д.

Результат: идет растаскивание, разворовывание созданных материальных ценностей, гибнет общественное хозяйство. Появился «красный петух». Телевидение, печать дошли до вершины дикости, массовое шарлатанство».

* * *

Эти строки – память и мысли Николая Федосеевича Щербакова, которого местные жители называют совестью деревни. Посещение его дома, беседы с ним, его образ остались в памяти исследователей, так как мы действительно встретили незаурядного, умного собеседника, которого волнует судьба деревни, государства, народа и сельского жителя. Язык этой записи мы сохранили, кое-где добавив расшифровки сокращений. Текст дан лапидарным языком, но чувствуется, что мысль его работала в направлении обобщения исторического опыта, событий, в которых участвовал он сам, о которых говорили ему отец и дед. В зафиксированных его памятью фактах деревенской жизни чувствуются боль, недоумение человека честной натуры, чистой совести.

Дореволюционный период (до 1917 г.)

Краткие характеристики разных периодов жизни деревни, которые дал нам Николай Федосеевич Щербаков, мы постараемся раскрыть и дополнить устными истории семейной жизни жителей этих мест и беседами с ними, личными наблюдениями, свидетельствами из печатных изданий об этих местах.

Точной даты возникновения деревни Кобелево никто не помнит, не знает. Жительница деревни Софья Николаевна Щербакова (1911–1999), рассказала легенду, услышанную ей от стариков об основании деревни Ко́белево. По этой легенде Ко́бе̇ль – имя мужика, который выиграл эту сторону реки Покшеньги для основания деревни, а тягавшийся с ним Ага́фон – противоположный берег, где теперь деревня Лохново, с околком Ага́фоново. Удачливым оказался Кобель в споре, на каком берегу ставить церковь. По старинному обычаю, зашли вверх по реке и пустили икону, она пристала к берегу Кобеля, так Кобелево стало центром Покшенья.

Вот что рассказала Софья Николаевна Щербакова, родом из деревни Шотовая Гора: «Я от стариков слыхала. Кобель и Агафон веревку тянули: который перетянет? Кобель перетянул и Кобелево стало, а Агафон там остался (Агафоново – околок Лохново за рекой). Кобелю надь сюда церковь строить, а Агафону надь туды. Они зашли кверху (по реке Покшеньге) и спустили икону: куда икона пристанет, тут и церковь построим. Икона сюда вот и пристала.

Я это слыхала от старых людей. Здесь приход стал Покшеньгский» (Прил. 2 – беседа с Шербаковыми А.И. и С.Н.).

Ей вторит учительница Мария Яковлевна Москвина, родом из деревни Шотовая Гора (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.)

В районной газете «Пинежская правда» № 63 (3448) от 27 мая 1969 г. в статье «Покшеньга вчера и сегодня» говорится: «Еще в XII веке удалые ватаги новгородских промысловых людей на месте, где теперь часть деревни Немнюги, основали свой город Кегрелу, так называет его летопись.

К этому же времени относится заселение берегов Покшеньги новгородцами. Здесь, видимо, не было чудских становищ. Об этом свидетельствуют чисто русские названия деревень. Старые люди Покшеньги еще и теперь не забыли предания былинной Руси.

А в писцовых книгах по Кеврольскому стану от 1623 г. уже были написаны прозвища Черти, Туесья, Копылы, Зубаны, Колоколы, Погода, Серебро. Эти прозвища не забыты и поныне».

Действительно, до сих пор помнят жители деревни родовые прозвища: Погода, Коза, Темень, Султан, Костыль, Нитченица, Осот и др.

В районной библиотеке (с. Карпогоры) есть книги «Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв.», которые составлены по писцовым книгам Кеврольского уезда 1623 г., на этот период и ссылается «Пинежская правда». В послесловии публикации сказано, что «Кеврольская писцовая книга 1623 г. ...была выбрана для публикации среди большого количества писцовых книг Русского государства XVII века. В этой книге кроме обычных сведений, встречающихся в подобного рода источниках (о размерах пашенных земель, сенокосных угодий, орудиях охотничьего лова, приходящихся на селение), приводятся еще дополнительные сведения о наезжих пашнях, оброчных угодьях, а главное, о крестьянской дворовой пашне. Писцовые книги с такого рода подробными описаниями встречаются чрезвычайно редко.

Публикуемая писцовая книга подьячих Осипа Прончищева, Семена Реткина, Петра Шаронова Кеврольского уезда 1623 г. хранится в ЦГАДА (Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 185). Книга на 472 л. Сохранность рукописи удовлетворительная, если не считать отсутствия в ней одного листа (л. 6)»[5].

Дореволюционный уклад жизни был общинно-патриархальным. Крестьяне этого края не знали крепостного права. Общие вопросы жизни деревни – раздел пахотной земли, сенокосов, имущества, жилья, наем пастухов, сбор налогов, наказание провинившихся – решали на сходе.

Хозяйство было натуральным или полунатуральным. Выращивали рожь, ячмень, овес, репу, капусту, лен, коноплю. Из скота держали коров, лошадей и овец. Количество скота ограничивалось площа-

дью сенокосов. Покшеньгские деревни не были богаты сенокосными угодьями. Всем околкам деревни (за исключением Усть-Покшеньги) приходилось осваивать сенокосы вверх по реке. В сенокосное время туда выезжали для заготовки сена, которое потом сплавляли на лодках по реке или вывозили санями зимой.

Жили большими семьями, где главную роль играл отец. Ему подчинялись в семье беспрекословно. В одном доме жили отец, его женатые и неженатые сыновья, незамужние дочери. Дома строились огромные, часто двухэтажные или одноэтажные на высоком подклете, с боковыми избами, поветью и скотным двором – все под одной крышей. Отдельно стояли бани, амбары, прясла, гумна и овины.

В домашнем хозяйстве каждой деревни изготовляли различные ткани из льна и овечьей шерсти, шили одежду, вязали шерстяные вещи. Из конопли делали веревки и гужевое снаряжение, из бересты и дерева – посуду.

Для строительства каждой семье бесплатно полагалось 10 бревен ежегодно, это был указ царя. Новые земли образовывались лишь за счет освобождаемых от леса участков, они назывались чащинины, а новые поля – навины. (Прил. 2 – беседы с Щербаковым Н.Ф., Щербаковыми А.И. и С.Н., Богдановыми И.Е. и Е.Е.; Прил. 1 – семейные истории Богдановой А.Н., Богдановой А.Е.)

Разбогатеть от земли было трудно, для освоения новой земли необходимы дополнительные свободные человеческие руки и лошадиные силы. Для разработок выдавался специальный документ, где оговаривались условия освоения леса под сельхозугодья. На это отводился определенный срок (10 лет); если за это время участок не осваивался, то право на освоение участка аннулировалось. Освоивший участок (или его часть) хозяин несколько десятилетий (40 лет) владел им, а затем он переходил в распоряжение общины и подлежал переделу между ее членами.

Женщины, выходя замуж, из деревни мужа в основном никуда не выезжали, если только не нищенствовали или по обету не шли в монастырь. Они занимались, кроме ведения хозяйства, прядением, ткачеством, вязанием, плетением, вышивкой. Мужчины служили в армии, отбор в которую был очень строгим. Ездили на заготовки и сплав леса, на охоту.

Годовой черед работ и занятий перемежался различного рода праздниками: игрищами, посиделками, мечищами, бородами и канунами.

Суровые условия края не позволяли жить одним лишь сельскохозяйственным трудом – основным источником существования крестьянской семьи. Дополнительный доход приносила тайга с ее древесиной и пушниной. Мужское население деревни занималось отходничеством. В зимнее время заготовляли древесину, весной ее плотами сплавляли до Архангельска или до Усть-Пинеги. Охотни-

ки били пушного зверя: белку, куницу, лису, песца. Лошадные мужики занимались извозом (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е., Щербаковыми А.И. и С.Н.).

В деревне были церковь зимняя и летняя, жил священник со своей семьей, у которого был не один дом, надел земли. В Кобелево в 1896 г. была открыта школа при церкви.

Гражданская война (1918–1920 гг.)

Революция 1917 г. докатилась до Пинежского глухого края гражданской войной, начавшейся белогвардейским движением, интервенцией англичан, американцев, французов[6]. Непосредственных военных действий в деревне не происходило. Но во время войны в нее приходили местные, которые были на стороне белых или на стороне красных. Когда были белые, то они занимались самосудом, красные тоже были скоры на расправу. Война шла не на жизнь, а на смерть.

На защиту своей земли встали сами крестьяне. Участники боев на стороне советской власти получили почетное звание «красных партизан». Всему Пинежью известно имя уроженца деревни Кобелево, организатора партизанского движения, бывшего офицера белой армии, командира батальона В.Е. Шехина, удостоенного ордена Красного Знамени в 1919 г.

Уроженцем Кобелево был председатель ЧК Константин Федорович Щеголихин. Его с Захаром Щербаковым жители сумели вывезти из деревни, когда туда нагрянули белые. Об этом рассказали Пелагея Алексеевна Чемакина и Николай Федосеевич Щербаков. Дочь Константина Щеголихина, Валентина, живет в Кобелево до сих пор, но она мало что помнит об отце.

Бесстрашным разведчиком был Николай Егорович Козьмин, уроженец деревни Красное. О его семье, детях рассказано в истории семьи Антонины Богдановой – дочери красного партизана (Прил. 1). Свекор Анны Никитичны Поповой Николай Архипович Шехин был заколот штыками белогвардейцев по доносу жителя деревни. (Прил. 1 – история семьи Поповой А.Н., Прил. 2 – беседы с Щербаковыми С.Н. и А.И.).

Красные утопили живьем в проруби Архипа Лохновского за то, что обижал и обирал старух, прикрываясь их именем. Мирные жители страдали от белых и красных. Война, самосуд позволяли свести старые счеты, и часто члены одной семьи оказывались по разные стороны линии фронта (Прил. 2 – беседы с Чемакиной П.А., Щеголихиной Т.Г., Богдановыми А.И. и Е.Е.).

Некоторые семьи уходили в леса, чтобы избежать смертельной угрозы. Так, Екатерина Ефимовна Богданова (в девичестве Шумилова), вспоминая годы гражданской войны, когда ей было 7–9 лет

и она жила с родителями в деревне Большое Кротово, говорит, что красные и белые выступали в роли карателей в равной мере (Прил. 2 – беседы с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

По окончании гражданской войны была объявлена всеобщая амнистия, что было основой для восстановления мира в деревне. Но человеческие жертвы и хозяйственные потери были велики: многие погибли или вернулись покалеченными, число лошадей сократилось из-за мобилизации на военные цели.

Просвет (нэп, 1921–1928 гг.).

Несмотря на военные потери, деревня быстро восстанавливалась. Развивалась потребительская кооперация, через которую стало возможно закупать новый сельхозинвентарь. В это время деревянная соха была заменена плугом, появились веялки, молотилки, бороны. Единоличные хозяйства организовывали свою работу в рамках сельских общин. Ежегодно на сходах делились сенокосы. Па-хоту делили раз в пять лет. Наделы давали и на женские души, которые были уравнены с мужскими (Прил. 2 – беседы с Щербаковыми А.И. и С.Н.).

К этому времени в Кобелево образовался Покшеньгский сельский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Карпогорской волости Пинежского уезда Архангельской области. Сельсовет с 1925 г. стал подчиняться Карпогорскому району Северного края, а с 1933 г. стал именоваться Покшеньгским сельсоветом депутатов трудящихся Карпогорского района Архангельской области.

В обязанности сельского совета входил сбор налогов с хозяйств. По деревням ездил карательный отряд, который мог изымать излишки урожая у хозяев в пользу советской власти. Память об отряде сохранилась, но о каких-то конкретных действиях никто ничего не вспомнил.

В это время создавались артели по заготовке и сплаву древесины. Особенно доходными были химартели, которые собирали серу: занимались подсочкой (отправляли собранную серу на канифольные заводы Архангельска), курили смолу в смолокурнях.

Коллективизация (1929–1934 гг.)

В 1929 г. в околке Кобелево, Усть-Покшеньга, была организована коммуна «Красный партизан». Об ее организации рассказали сестры Богдановы Анна и Наталья Дмитриевны (Прил. 2). О коммуне в деревне Нючча вспомнила уроженка этой деревни Александра Егоровна Богданова (Прил. 1).

Эти воспоминания о коммунах показывают, что они не прижились и объясняют почему. Крестьяне были вынуждены принять насильно навязываемый извне новый стиль жизни, новый уклад; Тех, кто отказывался вступать в коммуны, лишали жизненно необходимых товаров и продуктов. Как только уполномоченные привезли весть, что образование коммун – дело добровольное, они тут же распались, но сразу началась кампания по образованию колхозов и каждый околок организовал свой колхоз: в Кобелево и на Холму был Кобельский, в Красном – Красногорский, в Жабее и Горушке – Жабоконский. К моменту развала коммуны остались два колхоза: «Красный Север» в околках Усть-Покшеньга, Околок, Холм, Кобелево и колхоз им. Молотова в околках Красное, Горушка, Жабей.

Просмотр похозяйственных книг за 1936 г.[7], работа в архиве района (он хранится в г. Архангельске и в записях указаны не только год, но и дата вступления в колхоз) свидетельствуют, что 1932 г. был годом массового вступления в колхозы, а к 1934 г. колхозы фактически сложились и объединили основную часть населения.

Раскулачивание было незначительным, под него попали наиболее трудолюбивые и предприимчивые крестьяне. В Жабее – это Башкины, в Красном – не было ни одного раскулаченного, в Кобелево – Беляева и Щербаковы. Основной метод принуждения – разного рода налоги: твердые задания, лесоповинности по заготовке леса, опись имущества и реквизиция его (верхушенье).

Раскулаченных никуда не ссылали, после раскулачивания (отъем имущества) они уезжали в города, чаще всего в Архангельск, где очень хорошо устраивались, работали на лесопильных заводах, строили свои дома. Этот район был местом ссылок еще с царских времен (Прил. 2 – беседы с Богдановыми И.Е. и Е.Е., Щербаковыми А.И. и С.Н., Поповым В.Т., Поповым А.А., Щербаковым Н.Ф.)

Воспоминания о ссыльных отрывочны и скудны, что можно объяснить малой степенью контактов жителей со ссыльными и круговоротом работ и забот, которые не оставляли времени проявлять праздное любопытство.

Основная масса «взошедших» в колхоз были середняки – об этом свидетельствуют Н.Ф Щербаков и похозяйственные книги за 1936 г., где указан статус хозяйства: середняцкое или бедняцкое. Бедняков единицы, основная масса – середняки. Интересно, что сами жители говорят: не «вступали в колхоз», а «всходили» («мы взошли»).

В эти годы в церкви был священником Павел Шангин, в 1929 г. последний раз венчались в церкви Софья Николаевна Черная (родом из Шотовой) и Александр Исакович Щербаков. До Шангина (он считается «красным» попом) был поп Бенедикт, который сбежал с мужицким золотом (Прил. 2 – рассказ Щербаковых А.И. и С.Н.).

С начала революции церковноприходская школа была трансформирована в школу крестьянской молодежи (ШКМ), отделена от церкви, и Слово Божие уже не преподавалось.

В образовании колхозов основную роль сыграли молодежь и красные партизаны, которые воевали за советскую власть и были ее опорой.

«Главный коммунар» (название местное) построил себе на Холму огромный дом из лиственницы, но в нем не жил, когда образовался колхоз, коммуна развалилась, он уехал куда-то в город (Архангельск), а в его доме оборудовали скотный двор. В 1993 г. «хозяйственные» руководители начали распиливать это крепкое строение на дрова, что вызвало недоумение и возмущение жителей: «Так хозяин не поступает!» Тем не менее в 1994 г. от добротного здания не осталось и следа.

Имен организаторов колхозов в деревне не назвали, но указали, что все, кто был у истоков колхозов, затем растворились в районном управлении или уехали в город (Архангельск).

Особенностью северного края являются попытки реорганизации лесозаготовительной деятельности. Из артелей стали организовываться лесопункты, объединяемые в промышленные хозяйства. С выделением этого вида хозяйственной деятельности, введением планового задания лес стали сплавлять молем, а не плотами, как было раньше (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

В это время образовалось понятие «кадры». Рабочая сила на лесозаготовках складывалась из двух категорий работающих: кадровых работников и колхозников. Колхозники привлекались из колхозов по разнарядке, а кадры работали постоянно, им, как правило, выдавался паспорт.

Колхозники получали только заработную плату, рассчитываемую по расценкам за виды работ и по выполняемым нормам. «Харчи» они везли с собой из дома или получали посылками. А рабочие «кадры» получали зарплату и паек по карточкам. На взгляд некоторых респондентов, колхозникам с продовольствием было легче, на взгляд других – большой паек у «кадров» был преимуществом (Прил. 2 – беседы с Амосовой А.Е., Богдановой А.Е.).

Электричества, радио тогда не было, но телефонная коммутаторная связь уже существовала, и в этот же период прилетел первый самолет в село Карпогоры. Аэродром был оборудован под селом на берегу Пинеги, на наволоке (луг на берегу реки).

Под Усть-Покшеньгой на берегу Пинеги образовался Кировский завод, где занимались «химией»: гнали (гонили) смолу, собирали серку (подсочка) и отправляли в бочках на канифольный завод. На Кировском работали колхозники из Красного, Жабея, Кобелево, Кротово, Лохново по разнарядке, с отрывом от семей, от дома.

В колхозах образовались бригады многоотраслевого направления, как сказали бы сейчас. Тогда это рассматривалось как обособленное единичное хозяйство общественного характера, т.е. это было продолжением и усилением (по размерам) семейного уклада жизни деревни. Каждый небольшой околок составлял бригаду со

своей конюшней, скотными дворами, пахотной, сенокосной землей, своим инвентарем и орудиями труда. Бригадир непосредственно организовывал весь цикл сельскохозяйственных работ: выдавал задания, учитывал труд – начислял трудодни (Прил. 2 – беседы с Богдановыми А.Е. и Е.Е., Поповым А.А.)

Образование колхозов – переломный момент в жизни российского села и русской северной деревни в частности. Этот период сам по себе требует внимательного рассмотрения и проникновения во внутреннюю логику происшедшего. Коллективизация – это процесс, идущий сверху, государственная политика. И хотя она носит директивный характер, тем не менее она должна была опереться на что-то в самой деревне, в сложившемся укладе ее жизни. Одна из опор – это общинный характер жизни деревни.

Но если раньше этот общинный характер жизни касался регулирующей, организующей, управляющей, судебной, полицейской и налоговой функций, а сам процесс производства протекал в единоличном хозяйстве, то с образованием колхозов обобществился сам процесс производства, хозяйствования на земле. Самоуправление постепенно оказалось в руках правлений колхозов, а по существу – у государственных органов. При этом производители своим продуктом труда никак не распоряжались. Государство забирало все, оставляя минимум, чтобы жизнь в деревне могла продолжаться.

Натуральные налоги с личных хозяйств жителей деревни продолжали изыматься и после коллективизации. К ним добавились налоги на колхозы. С больших хозяйств их проще было собрать, объясняя усилением союза города и деревни, необходимостью строительства нового общества, светлого будущего.

Предвоенные колхозы (1934–1940 гг.)

Этот период можно охарактеризовать некоторой стабилизацией. Колхозный строй установился. Работа в колхозах была организована по бригадному методу. В Кобелево было 5 бригад, каждая численностью около 40 человек. У бригады была своя конюшня на 30 лошадей; молочно-мясная ферма, где содержали коров холмогорской породы; овчарни с овцами романовской породы. В некоторых бригадах были птичники и свинарники.

Колхоз был небольшим, управляемым, в деревне тогда проживало 400–500 человек, около половины трудились в колхозе. Если кто-то отлынивал от работы в колхозе, не вырабатывал 100 трудодней в год, то провинившегося арестовывала милиция, затем его выселяли из деревни, увозили в город. Кто возвращался, а кто и нет.

Выращивались зерновые (ячмень, рожь, овес) и овощные (капуста, картофель) культуры, лен и конопля. Веревки, гужевое снаряжение – все делалось в хозяйстве, не покупалось.

Бригады заготовляли для колхозного скота сено, часть его сдавалась государству. Был специальный сенопункт, куда сено отвозили сами колхозники. Это сено было стратегическим фуражом, так как предназначалось для кавалерии.

МТС в этих краях не было. Основная тягловая сила в колхозе – лошадь. А газогенераторные тракторы, «газухи», появились перед самой войной, и их направляли прежде всего в лесную промышленность, на лесозаготовки.

В это время, как и раньше, широко использовался детский труд. С 7–12 лет дети по мере сил участвовали в сельскохозяйственных работах, и это воспринималось как нормальное воспитание человека, постепенное втягивание его в круг трудовых крестьянских забот. Особенно были тяжелы лесоповинности для девочек и женщин, так как были связаны с отрывом от дома, семьи. Часто мать бросала детей дома одних, а сама работала в лесу, на лесоповале.

Жизнь в деревне была не сытой. Лишнего ничего не было. Выручало только подсобное хозяйство, особенно корова – поилица и кормилица семьи. А семьи по обычаю были многочисленными. Десять детей в семье – не диво.

В 1936–1937 гг. часть людей была репрессирована, например уже упоминавшийся Константин Федорович Щеголихин. Жительница Немнюги Н.П. Прокопьева рассказала нам о своем брате, который в молодости, как раз в эти годы, с друзьями на берегу Белого моря видел, как тайно грузили народный лес на иностранные суда. Когда они стали писать об этом в газету, их всех поместили в лагеря.

Война (1941–1945 гг.)

Война вызвала большой отток людей из деревни. Мужчины были мобилизованы на фронт, молодежь, подростки – в ФЗО и на трудовой фронт. Для нужд фронта была привлечена и основная тягловая сила: лошади. Лошадей не хватало, использовали быков и коров.

В деревне остались старики, дети и женщины, на плечи которых легли все трудности военной жизни в тылу. Деревня жила на грани голода. Муку мешали с молотым мхом. В Кобелево с голода никто не умер, выручала Усть-Покшеньга, где были хорошие урожаи, и мороз редко бил хлеб. А в Красном, Жабее люди пухли, умирали с голода, люди выменивали вещи на хлеб, картофель.

Несмотря на то что государство в виде налогов забирало и продукты и деньги (был военный заем), люди сами собирали посылки для фронта. Туда шли продукты, теплые вещи.

Многие из жителей, побывавшие на трудовом фронте, вспоминали о строгой дисциплине на работе. За опоздание грозил срок за-

ключения. За 3 минуты – полгода, за большее время опоздания срок увеличивался.

В Кобелево рядом со школой находится доска памяти, где поименно перечислены 76 односельчан, погибших во время войны. Одни погибли, другие вернулись искалеченными.

О годах войны рассказывают Александр Исакович Щербаков, Георгий Николаевич Козьмин, уроженец деревни Жабей (околок нынешней деревни Красное) (Прил. 2).

Послевоенные годы (1946 г. - первая половина 1950-х годов)

Война окончилась Победой, но в северной деревне это были годы затишья, жизнь продолжалась своим чередом. Колхозные хозяйства держались на женщинах. С войны не вернулись многие, кто-то (в первую очередь инвалиды) постарался трудоустроиться в городе, часть осталась в армии. Молодежь старалась уйти из колхозов: лучше работать в лесозаготовительной промышленности, чем остаться в деревне. Если что-то и было в магазинах, то купить было не на что, денег у колхозников было мало или не было совсем (Прил. 2 – рассказ Козьмина Г.Н.).

Высокие налоги сохранились как на колхозников, так и на колхозы. План по лесозаготовкам спускался на колхозы, поэтому зимнее время мужчины, молодежь, порой и семейные женщины проводили на лесозаготовках. Заработанного в колхозах не хватало на жизнь, поэтому старались подработать где только можно; в больших семьях держали коров – основных кормилиц.

Общественное производство оставалось многоотраслевым, форма организации труда – бригадной, лошади – основной тягловой силой. Использовали все те же орудия труда: конные плуги, бороны, жнейки, молотилки, серпы, вилы, грабли, косы-горбуши (полукосы).

Оплата труда через трудодни существовала для всех, включая и председателя колхоза. В 1951 г. происходит первое укрупнение колхоза: Кобелево и Красное становятся одним колхозом им. Молотова.

Хрущевский период
(вторая половина 1950-х - первая половина 1960-х годов)

Отменены налоги. Для колхозов вводятся вместо заданий государственные закупки. В деревни Пинежья поступает техника, появляются радио и электричество. Многоотраслевое хозяйство заменяется специализированным. Начинают вводить элементы хозрасчета и научной организации труда. Развивается животноводческое хозяйство молочно-мясного направления. Устанавливается оплата

труда в денежной форме, вводится колхозная пенсия, у колхозников появляется возможность покупать в магазине не только продукты питания, но и промышленные товары. В быту распространяются различные электрические приборы – стиральные машины, бензопилы, моторы для лодок, мотоциклы (Прил. 2 – рассказ Щеголихиной Т.Г.)

Это время технического насыщения северной деревни. Хотя в хозяйстве еще большую роль играют лошади, продуктивность молочного скота растет, так как доля кормов для коров увеличивается.

За это время дважды происходит укрупнение колхоза: в 1958 г. колхоз им. Молотова укрупняется за счет присоединения колхоза «Победа революции» (деревня Лохново), В 1962 г. образуется новый колхоз «Родина», в который вошли все покшенские деревни: Кобелево, Красное, Лохново, Большое и Малое Кротово, Земцово. Центральная усадьба располагается в Кобелево.

С этого момента начинается постепенное запустение полей. На полях колхоза выращивают зерновые, картофель и овощи. Урожайность зерновых составляла 7,9 ц/га: озимых – 6,8 ц/га, яровых – 8,4 ц/га. Урожайность картофеля – 135 ц/га, овощей – 175 ц/га (данные 1961 г.). Надой на 1 фуражную корову – 1800 л, средний вес сдаваемого скота: корова – 390 кг, телята старше 1 года – 310 кг, бычки и телята от 6 месяцев до 1 года – 230 кг. Настриг шерсти с 1 овцы – 900 г в год.

Поскольку большое значение придается животноводству, то соответственно развивается кормовая база. В севообороте предусматриваются зернобобовые, горохоовсяные смеси на зеленый корм и силос. Силосование начинают вести по-новому: не в силосных ямах, а в траншеях. Пытаются вырастить кукурузу на колхозных полях, в том числе из рассады в торфяных горшочках (Прил. 2 – беседа с Поповым В.Т., Прил. 1 – беседа с Богдановой А.Н.).

Брежневский период (вторая половина 1960-х годов - 1980 г.)

В 1969 г. из колхоза «Родина» и колхоза им. Быстрова образуется совхоз «Тепловский».

Центральная усадьба определяется в Кевроле, а Кобелево остается центром покшеньгского отделения совхоза, куда вошли все деревни, бывшие в колхозе «Родина».

Характеристику этого периода достаточно точно передает Николай Федосеевич Щербаков – в обыденной жизни этот период запомнился стабильностью и сравнительной надежностью.

Общественное производство поит и кормит, личное подсобное хозяйство сокращается. Мало кто держит коров, так как совхозное молоко без хлопот и недорого можно приобрести в магазине.

Но Н.Ф. Щербаков (Прил. 2) точно подметил, что хозяйство держится на инерции ранее заложенного в него потенциала. В этом потенциале просматриваются две пружины. Первая – это та техника и новшества, которые ввел Хрущев, и которые докатились до северной деревни. Вторая заложена еще в годы коллективизации (в свою очередь, основанной на традиции крестьянского единоличного труда), когда создавались колхозы, тогда люди трудились в них на совесть, как в своих единоличных хозяйствах. Но были и страх, и жесткая дисциплина. В идеологии культивировались идеи построения светлого будущего, союза города и деревни, единства трудового народа.

Но в эти же годы можно увидеть и начало распада колхозного строя. Уравниловка (гарантированная оплата труда, потолок в уровне зарплаты) снижала энтузиазм людей, управление становилось все более формально-директивным, дисциплина расшатывалась. Старые формы труда сменялись новыми. Вместо бригадной организации внедрялась отраслевая (животноводческое производство и растениеводство), схожая с цеховой в промышленности.

Перестроечное время (1980–1991 гг.).

В это время начинается антиалкогольная компания, которая пьющую деревню затронула непосредственным образом. Вводятся талоны на продукты первой необходимости, среди которых и водка (вино, как ее называют местные жители).

Кобелево становится отделением совхоза в урезанном виде: Лохново и Большое Кротово отделяются в Лохновское отделение совхоза, а Земцово отходит леспромхозу как подсобное хозяйство. Кобелево, Красное и Малое Кротово образуют Покшеньгское отделение совхоза «Тепловский». До августовских событий 1991 г. деревня живет как бы по-старому, все еще не понимая и удивляясь тому, что происходит наверху, в Москве.

Постперестроечное время (август 1991 – 1992 г.)

В Кобелево создается малое предприятие по изготовлению лодок-шитух, которое лопнуло, не просуществовав и года. Руководитель сетует на высокие налоги, а коренные жители видят в нем пришлого (хотя родился здесь), который хочет нажиться на народе, используя народное добро.

Талоны на товары отменяются к концу 1992 г., в магазине появляется много привозных, заграничных товаров: «Сникерс», «Марс», шоколад, дорогие ликеры.

Проходят совхозные собрания. На первом объявляется о преобразовании совхоза в акционерное общество, и люди узнают, что есть какие-то денежно-земельные паи, но не больше. Второе собрание проходило осенью 1992 г., как конференция, в центральной усадьбе совхоза Кевроле, где говорилось о том, что совхоз фактически распадается на 4 отдельных акционерных хозяйства. Часть старой техники достается Кобелевскому хозяйству.

В 1992 г. районное объединение «Молоко» забирает все оборудование по переработке молока, которое стояло на маслозаводе в Жабее в рабочем состоянии. Формально этот завод принадлежал маслопрому. Но Кобелевскому хозяйству в бездорожное время этот маслозавод был бы кстати. Поездка в Кобелево в 1994 г., посещение Жабея свидетельствуют, что от здания маслозавода ничего не осталось, а в годы коллективизации оно было отобрано у «кулака» Башкина, который здесь «в портном ходил» и работал с утра до вечера, как на каторге, только добровольной. Оборудование маслозавода было закуплено и установлено колхозом за деньги, заработанные колхозниками.

Партия распускается, всем сельским коммунистам раздаются их партийно-учетные документы на руки. Сельсоветы преобразуются в администрации. Начинается землеустроительная кампания. Земля делится на совхозную и сельсоветскую, которая подлежит перемеру и оформлению в собственность владельцам (юридическим и физическим, в основном по факту, как сложилось).

Это все нервирует население и непонятно ему. Почему надо платить за землю и за собственный дом? – постоянный вопрос. Увеличивающаяся неопределенность приводит к единственному ответу – надеяться можно только на себя, собственные силы и на внутридеревенскую поддержку.

Многие пытаются развивать личное подсобное хозяйство, покупают коров. Если в 1990 г. в Кобелево в частном владении была 1 корова, то в 1992 г. уже 9, а в 1994 – 18! Обрабатывать землю практически нечем. Лошадей осталось две, и те старые. Техника не поступала пять лет, малой техники нет вообще.

Исследователям видится, что в сложившейся ситуации будет возрастать роль семейной экономики. Увеличение производства семьей в своем личном хозяйстве мяса, молока, овощей, картофеля, корнеплодов, зерновых (ячменя в основном).

Кандидатов в фермеры не видно. Во-первых, это непонятное для многих явление, чаще все понимают под фермерством единоличное хозяйство, о котором помнит только старшее поколение. Во-вторых, единичные примеры арендаторов-фермеров с Лохново и Шотовой вызывают усмешку и критику как несерьезного явления, как на выкормышей совхоза и власть имущих. В 1994 г. глава администрации Покшеньгского сельсовета отметил, что фермера из Лохново (он откармливает телят) таковым не назовешь, так как его хозяйство не является товарным.

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Общая численность населения деревни Кобелево на начало 1992 г. составляла 180 человек, из них 86 мужского пола и 94 женского, на начало 2002 г. соответственно 133, 67 и 66 человек. Основное население – русские. Динамика изменения состава и структуры населения приведены в таблице 1.

Таблица 1

Изменение состава и структуры наличного деревни Кобелево по возрастным группам

По состоянию на	Наличное население, всего	До трудоспособного возраста	Трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
01.01.83				
чел.	177	34	82	61
%	100	19,2	43,3	34,5
01.01.92				
чел.	180	47	91	42
%	100	26,1	50,6	23,3
01.01.02				
чел.	133	36	74	19
%	100	24,1	54,9	18,0

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТРАСЛЕВОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

В 1992 г. из 70 человек работающих, в совхозе работают 32 человека (45,7% от общего числа работающих); 2 человека работают в Земцовском лесничестве; в Карпогорском ЭТУС – 2 человека; РУС – 2 человека, в школе заняты 11 человек (15,7%); один человек работает в Лешуконской химартели; 7 человек (10%) – в потребительской кооперации; один человек – в государственном ветпункте; 3 человека – в СДК; по одному человеку – в ФАП, почте и в отделении сбербанка, 1 человек – на водомерном пункте.

В 2002 г. по сельсовету числится 60 человек безработных. В ЗАО «Покшеньгское» работающих не числится. Основное место работы – школа (48 чел.), магазин (2 чел.), почта (3 чел.), сельская администрация (5 чел.), ФАП (1 чел.), ветпункт (1 чел.), пекарня (2 чел.), ЭТУС (2 чел.), РУС (2 чел.), Земцовское лесничество (4 чел.).

Особых доходных занятий у женщин нет. Если раньше это были различные виды рукоделия от кукол до плетения поясов, то теперь и эти виды рукоделия в значительной степени утрачены. Но и раньше они не являлись предметом дохода, а удовлетворяли собственные потребности.

УГОДЬЯ СЕЛА И СПОСОБ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В сельсовете нам дали выписку о колхозе «Родина» за 1962 г., когда в состав колхоза входили Кобелево, Красное, Лохново, Малое Кротово, Большое Кротово и Земцово. Тогда было наличных дворов 327, членов колхоза 684, а трудоспособных – 398.

Земли колхоза расположены от устья вверх по течению по обоим берегам Покшеньги. Общая площадь землепользования 9323,2 га, в том числе сельхозугодий 2856,8 га.

Климат по теплообеспеченности вегетационного периода умеренно холодный. Период с температурой выше +10°С длится 85–90 дней. Средняя продолжительность безморозного периода составляет около 90 дней, но в отдельные годы он может увеличиваться до 120 дней или, наоборот, сокращаться до 45–55 дней. Особенностью этих мест являются белые ночи, когда солнце летом (июнь–июль) едва скрывается за горизонтом. Такое количество света позволяет получать обильный травостой, а следовательно, и достаточное количество сена.

Зима продолжительная – длится она 175 дней. Средний из абсолютных минимумов температуры составляет – 42°С. Наиболее низкая температура за 70 лет отмечалась –48°С. Морозная погода со средними суточными температурами ниже – 10°С удерживается 100–105 дней, с температурами –15°С до 30 дней. Средняя месячная температура января –14°С. Годовая сумма осадков 450–500 мм.

Земельные площади колхоза имеют резко выраженный рельеф со склонами к рекам Пинега и Покшеньга, а также ручьям, впадающим в указанные реки. Основные пахотные массивы расположены на возвышенных по рельефу участках, где преобладают подзолистые и дерно-подзолистые почвы, а по механическому составу песчаные, супесчаные и суглинистые почвы.

Естественные угодья расположены в пойме Пинеги и Покшеньги и по притокам Покшеньги. Улучшения естественных сенокосов не проводилось, в результате чего большая часть их, особенно по Покшеньге и ее притокам, сильно закочкарена и закустарена. Естественные пастбища – лесные с незначительным травостоем, что сказывается на продуктивности скота.

В 2002 г. земля запускается, не используется, не возделывается. Об этом говорят все жители, с которыми пришлось беседовать (Прил. 1, 2). Освоенность, обжитость деревенского пространства сжимается, как шагреневая кожа – пашни превращаются в покосы, а луга в пастбища. Бывшая производственная зона с гаражом, котельной, фермами, складами, навесами просто исчезла, остались жалкие остатки того, что не может быть использовано в домашнем хозяйстве. Поля, что засевались в тайге, зарастают кустарником, осинами и елью. Выездные покосы также заброшены, нет в них потребности. Более того, крайние околки: Усть-Покшеньга, Жабей –

обезлюдевают и зарастают кустарниками и елью. Тайга за десять лет мощно диктует свои права там, где человек не ведет свою деятельность и не живет. Вспоминаются слова уже ушедших стариков: «Землей раньше дорожили. Земля доставалась трудом и потом наших отцов и дедов». Богатство деревни определялось наличием пашни и близких покосов. Скотину пасли в поскотине (мелколесье). Все поля и покосы были огорожены, чтобы скот не потравил. Нет сейчас ни этих оград, ни прясел, которые запечатлены в литературных трудах Ф. Абрамова, уроженца деревни Веркола, что в 60 км от Кобелево.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

На территории деревни нет никаких промышленных предприятий, за исключением пекарни, построенной в 1994 г., где работают две женщины, обеспечивающие хлебом близлежащие деревни. Пекарня принадлежит районной потребительской торговле.

В одном из бывших домов раскулаченного Башкина в Жабее был создан завод по переработке молока. В 1992 г. он был разворован, все оборудование вывезено, а дом растащен по бревнам; сейчас здесь пустое место.

В 1994 г. в Кобелево вновь построена пекарня; в ней работают две женщины, обеспечивающие хлебом окрестные деревни.

Главные экономические проблемы села

С 1969 г. Кобелево с деревнями Красное и Малое Кротово, расположенными на правом берегу Покшеньги, входили в Покшеньгское отделение совхоза «Тепловский», центральная усадьба которого расположена в Кевроле, в 13 км от Кобелево за двумя реками: Покшеньгой и Немнюгой. Все производственно-хозяйственные проблемы решались по согласованию с управлением совхоза, его дирекцией и главными специалистами. Последние три года на территории Кобелево не осталось ни одного производственного животноводческого хозяйства, ни одного гаража или ремонтно-технической обслуживающей структуры. Сохранилась контора, в которой чаще всего находится единственный человек: экономист-бухгалтер отделения; управляющий бывает крайне редко.

Сельскохозяйственное значение Кобелево состоит преимущественно в его полях и сенокосах, которые значительно запущены; в людях, которые живут здесь и работают.

Снабжение деревни осуществляется через предприятие розничной торговли (ПРТ), которое имеет здесь свое отделение, пекарню и магазины (ранее их было два, сейчас один закрыт).

До 1990 г. в магазине можно было купить, например, совхозное молоко; последние годы молоко в продажу не поступает. Население стало заводить коров в личном подсобном хозяйстве, популярностью пользуются козы. Внутридеревенский рынок существует только по продаже молока, так как другого способа удовлетворить потребность в нем нет.

Другой продукт, производимый в излишке в подсобном хозяйстве, – картофель, который готовы продать за полцены, только некому – никаких постоянно действующих заготовительных структур нет. Иногда вдруг орсы леспромхозов присылают машины для закупки картофеля, но закупка длится, пока не наполнится машина, а приедут ли еще раз – дело случая. Совхозу можно продавать излишки сена, заготовленного населением.

В 2002 г. рухнула производственная система советского (совхоз) и постсоветского времени (АО, ЗАО), что привело к изменениям в социальной и пространственной сфере существования деревни. Жителям трудоспособного возраста стало трудно найти работу. Основное место работы – это школа (14 учителей и 34 человека обслуживающего персонала), ставшая центром жизни деревенского населения. Престижность образования значительно повысилась, так как это единственный способ для подрастающего поколения продолжить образование в городе и найти в будущем место работы.

Характеристика жилого фонда

Жилой фонд представлен деревянными домами, в основном частными, их около 100. Общая жилая площадь, по данным сельской администрации, составляет около 3360 кв. м, из них на коммунальные квартиры приходится около 290 кв.м. Квартирами обеспечиваются учителя, продавец РПТ, пекарь РПТ. В зимнее время около трети домов пустует, часть их заселяется в летний период, когда владельцы пользуются ими как дачами для отдыха, и, как правило, это родственники бывших владельцев дома, жителей деревни.

Дома построены в разное время, основной строительный материал – дерево. Отопление печное, водопровода и канализации нет. Традиционно каждая крестьянская семья имеет свою баню, в которой парятся и моются, как минимум, еженедельно. Воду берут в колодцах или из водонапорной башни, из которой вода раньше развозилась крупным хозяйством, а в настоящее время частным образом.

Транспортное положение села

Транспортного сообщения никакого нет. Самый надежный транспорт – собственные ноги. Ближайшие железнодорожные станции «Карпогоры-товарная» и «Карпогоры-пассажирская» находятся в

12 км и 19 км соответственно, но эти расстояния не равнозначны. Добираясь до станции «Карпогоры-пассажирская», необходимо переправиться через три реки: Покшеньгу, Немнюгу и Пинегу. Эти водные преграды преодолимы только в зимнее время, когда вода скована льдом. Летом через Покшеньгу существует паромная переправа, расположенная под Кобелево. Немнюгу в мелком месте переходят вброд, а Пинега между Немнюгой и Карпогорами преодолима только на лодке.

Дальше надо 2 км идти до Карпогор и 5 км ехать автобусом до станции. Для перевоза машин есть паром под бывшим рыбзаводом, но его надо специально заказывать телефонным звонком в Карпогоры. Из Лохново, до которого 2 км надо идти пешком и переправляться через Покшеньгу, утром в 8 часов и к вечеру в 16 часов ходит совхозный автобус до переправы на Пинеге в летнее время и до Карпогор в зимнее время.

С 1994 г. переправа через Покшеньгу не работает, переправляются жители сами, кто как сможет, да и автобус от Лохново через Немнюгу и до переправы на Пинеге отменен. С 2002 г. из Лохново три раза в неделю ходит автобус в 8 утра до Карпогор, в летнее время переправляется через Пинегу на пароме под бывшим рыбзаводом, возвращается из Карпогор в 11 часов дня. Проезд на автобусе в одну сторону стоит 15 руб. Шофер оплачивает паромную переправу сам – 100 руб. в одну сторону. В зимнее время через реки намываются дороги для проезда транспорта. Платная лодочная переправа через Пинегу из деревни Немнюга не работает. Река Немнюга в месте, которое можно было перейти по бревнам, не замочив ног, в 2002 г. представляет собой уже почти стоячее, медленно текущее озеро, которое надо преодолевать на лодке.

Из Кобелево нет ни одного маршрутного рейса, даже до станции «Карпогоры-товарная», до которой по короткой дороге 19 км. Эта дорога грунтовая и в районе ручья Калия трудно преодолима. Есть кружной путь длиной около 45 км, большей частью покрытый бетонными плитами. Дорога от деревни до пересечения с лесовозной дорогой никем не ремонтируется и не поддерживается. Директор леспромхоза периодически выделяет технику для необходимого ремонта дороги. Но это акт благотворительности и гуманизма: нельзя же оставить людей жить отрезанными от всего мира.

В 1992 г., чтобы добраться до железнодорожной станции, необходимо было договариваться с главой администрации или управляющим отделения, чтобы на вездеходных машинах отвезли к поезду, или встретили с него. В 2002 г. до станции этим путем можно доехать только частным извозом по договоренности.

Железная дорога появилась 20 лет назад, до того времени в эти края можно было долететь самолетом или в большую воду приплыть пароходом. Речные артерии до сих пор служат надежным путем сообщений на моторных лодках, которые есть почти в каждом

хозяйстве. Ограничивающий фактор в последнее время – дороговизна и дефицит бензина.

Железная дорога построена на вечной мерзлоте, это не очень надежное железнодорожное полотно, поэтому поезд идет до Архангельска около 9 часов со скоростью чуть более 25 км/час. Расстояние по железной дороге составляет 200 км, а по автодороге – 360 км. Поезд ходит два раза в сутки: утром и ночью. На станцию «Карпогоры-товарная» к поезду приходит рейсовый автобус из Русковеры, а из Русковеры идет рейсовый автобус до Лохново. От Лохново до Кобелево – пешком да еще на переправу через реку надо успеть.

В 1994 г. поезд Архангельск – Карпогоры ходил раз в сутки ночью из Архангельска, этот же поезд утром шел обратно, прибывая в Архангельск к вечеру. С 2002 г. поезд Архангельск – Карпогоры ходит каждый день: из Архангельска уходит в 14.30, а из Карпогор отправляется в 23 часа.

Дорога между Кобелево и Красное всего 1 км, через урочище ручьев Еськин и Середний. В распутицу за проезд по этой дороге можно давать медаль. Тем не менее служебная машина Земцовского лесхоза по рабочим дням преодолевает ее за сутки 6–8 раз и более, частный же транспорт – по мере необходимости и возможности: не все легковые машины могут справиться с этой задачей в дождь или во время разлива.

ПЕРЕЧЕНЬ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Учреждения социальной инфраструктуры деревни Кобелево по данным на 1992 г. следующие: магазин ПРТ, отделение связи и сбербанка, АТС на 100 абонентов, столовая совхоза, неполная средняя школа, сельский Дом культуры, пекарня, детский сад и ясли, библиотека, фельдшерско-акушерский пункт, ветпункт, администрация сельского совета, контора отделения совхоза (позже – ЗАО), контора лесничества с действующими мастерскими хозяйства.

По данным на 2002 г. уже нет отделения сбербанка, столовая давно не работает, нет детского сада и яслей, нет конторы отделения совхоза, как и самого отделения ЗАО.

СЕЛО В МИКРОРЕГИОНЕ И РАЙОНЕ

Деревня возникла около 800 лет назад. Место ее расположения было выбрано подобно большинству других деревень в этой местности: все деревни расположены на берегах рек – самых лучших пу-

тей сообщения с древних времен. Около рек расположены заливные луга – наволоки, как их здесь называют. Наволоки – природные сенокосы, богатые разнотравьем, а количество кормов естественно регулировало количество скота. Пахотные земли отвоевывались у тайги, а первое время пахали и заливные луга.

Лес очищали вручную. Деревья рубили (пилить стали в конце XIX в.), пни корчевали, затем кирками вручную рыхлили землю, а уж потом применяли соху. Сеяли жито (ячмень) или лен. Лен достигал человеческого роста. Огнем не выжигали, боялись пожаров.

Как уже упоминалось, только околок Усть-Покшеньга обладал достаточными сенокосами рядом с деревней, а остальным околкам Кобелево необходимо было заготавливать сено в верховьях Покшеньги. Такая ситуация характерна для землепользования этих мест. Люди селились везде, где была земля, другое дело, что на Севере не только деревня в целом, но и околки отличались по местоположению, которое во многом определяло плодородие угодий.

Рядом с деревней находятся лесные угодья, богатые дичью и зверьем, ягодами и грибами. На лугу возле Еськина и Середнего ручьев расположены небольшие озера, одно из которых использовалось как мочильная яма для льна и конопли, а другое для выделывания кожи.

Деревня расположена в устье Покшеньги, в сторону юга, юго-востока открываются просторы, через которые хорошо видно деревни Марьина, Шотова, и районный центр – село Карпогоры на горизонте.

Территория

Деревня состоит из нескольких околков. В Кобелево входят следующие околки: Кобелево, Шехино, Пальцовка, Холм, Околок, Усть-Покшеньга. Через все околки проходит дорога вдоль которой одной улицей расположены дома. Эта улица вьется легкой змейкой по изгибам ландшафта так, что когда идешь по улице, дома раскрываются перед взором выступами, окна на два друг из-за друга. Улицу от конца до конца не видно, дома за счет такого расположения открываются перед идущим по улице, а сзади замыкаются и постепенно исчезают. Образ змейки наиболее точно передает впечатление от расположения домов в деревне. (Как у Маяковского: «Вьется улица-змея, дома вдоль змеи...»)

Так же выглядит и деревня Красное, в которую входят околки: Красное, Горушка, Жабей. На противоположном берегу расположена деревня Лохново, имеющая такую же структуру. Околки Лохново: Лохново, Щелья, Фересова Горка, Онорушки, Смоленец, Щербаково, Агафоново, Заполек, Чивикса, Хидгора. Деление на околки подтверждает новгородское происхождение местных деревень[8].

Деление на околки имеет и деревня Немнюга, расположенная в 9 км к югу от Кобелево на реке Немнюга, впадающей левым притоком в Пинегу. На околки делятся деревни Марьина Гора и Шотова Гора, расположенные на противоположном берегу Пинеги, Большое и Малое Кротово по реке Покшеньге.

В начале прошлого века по документам сегодняшние деревни-околки имели и другие названия: Селивановская (Усть-Покшеньга), Першинский (Околок), Остафьево (Холм), Климовская (Холм), Кирилловская (Пальцовка), Илюшинская (Шехино); Осташевская (Кобелево). Правда, жители сейчас этих названий не помнят, разве, что Остафьев Холм не забыт. В деревне Красное зафиксированы названия: Чусовская, Павловская (Красное); Мандуровская (Горушка); Ортевская и Прибытковская (Жабей). О Горушке, что Мандуровская, помнят до сих пор.

О составе деревень свидетельствуют данные писцовой книги XVII в., где приведены названия волостей, деревень, починок, пустошей и дворов; данные о наличии пашни в четях, приходящейся на двор, на село; сена в копнах на село; слопцев, перевесищ на село; вытей жилых. Так в Кеврольском стане перечислены по реке Пукшеньге (Покшеньга) следующие деревни: «деревня Кологривское печище (Левоновское займище); деревня Прибытковская, деревня Васюковское печище, деревня Ортемовское печище, деревня Окуловская (Майбуровская), деревня Кашкинская, деревня Павловская, деревня Часовская, деревня Осташевская, деревня Алюшинская (Семеновская), деревня Кирилловская, деревня Климовская, деревня Остафьев Холм, деревня Ивановская, деревня Селивановская, деревня Залесская (Тимофеевская)[9].

Из этих документов мы видим, что к настоящему времени названия околков изменились и ранее это были не околки, а деревни, деревеньки в 2–3 двора, которые затем, слившись в больших размеров деревни, сохранили более мелкие образования в околках. Закрепление одного из названий, исчезновение других – это интересный предмет для исследователя, специалиста по ономастике.

В документе 1962 г., полученном в сельсовете, когда делалась планировка и обоснование развитие нового колхоза «Родина» в результате слияния бывших колхозов имени Чапаева, «Вторая пятилетка» и «Родина», записано, что в состав колхоза входят 16 населенных пунктов: 1. Усть-Покшеньга, 2. Околок, 3. Холм, 4. Кобелево, 5. Хидгора, 6. Агафоново, 7. Щербаково, 8. Смоленец, 9. Щелья, 10. Лохново, 11. Красное, 12. Горушка, 13. Жабей, 14. Малое Кротово, 15. Большое Кротово, 16. Земцово. К моменту исследования (1992 г.): пункты 1–4 – Кобелево; 5–10 – Лохново; 11–13 – Красное.

Житель Кобелево Александр Исакович Щербаков (1907–1994) рассказал (Прил. 2) о границах деления Кобелево на околки. Околки раньше именовались отдельными деревнями, так как в исследо-

вании есть респонденты, родившиеся в Усть-Покшеньге, Жабее, Смоленце, так записано в их паспортах.

Можно предположить, что отдельные околки-деревни были основаны одним или несколькими родами, а затем разрослись и большинство из них слились между собой. Подтверждением этого служит то, что деревня Павловская в Красном была названа по имени основателя рода Поповых – Павла (см. рассказ Попова Анатолия Артамоновича в Прил. 2).

Современное Кобелево имеет непрерывную застройку трех околков: Кобелево, Шехино и Пальцовка. Кобелево – это часть деревни от Чертовой горы до столовой. От столовой до школы – Шехино, затем идет Пальцовка. В Пальцовке улица заворачивает крутой дугой на юг и заканчивается на уровне Попова борка на берегу Покшеньги. Ответвляясь до крутого загиба дорога продолжается мягкой змейкой и выходит дальше в поле, и через небольшой промежуток (около 200 м) начинается околок Холм. В конце Холма стоит старый скотный двор (теперь начатый пилиться на дрова), заброшенная летняя дойка.

После Холма дорога идет через небольшой перелесок (около 400 м) и начинается Околок, в котором всего 4 дома, здесь жил род Тыркасовых. В журнале «Север» В.П. Орфинский поместил заметку «Пинежские раздумья», где пишет:

«В одном из околков деревни Покшеньга во дворе рядом с домом стоит кирпичный оштукатуренный обелиск. На нем ряд фотографий и лаконичные надписи.

Вверху:

«Тыркасов Василий Афанасьевич
1862–1930 гг.
Тыркасова Матрена Ивановна
24.III.1874 – 7.XI.1941 гг.
Мать, воспитавшая 11 детей, 7 сыновей – защитников Родины.»

Во втором ряду:

«Тыркасов Николай Васильевич
9.VIII.1899 – 7.VIII. 1963 гг.
участник гражданской войны 1918–1922 гг.
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
Тыркасов Артемий Васильевич
23.X.1901 – 11.IV.1958 гг.
участник гражданской войны 1918–1922 гг.
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
Блокада Ленинграда – штурм Берлина
Тыркасов Федор Васильевич
14.V.1917 – XI.1941 гг.
пал смертью храбрых на фронте»

В центре обелиска:

«1967 год
Эстафету
Вашей доблести и славы
Мы с достоинством несем
Семеро Ваших кровных».
Внизу подписи:
«Маримьяна, Александр,
Анастасия, Алексей,
Гавриил, Яков, Петр.»
По бокам две фотографии и надписи:
«Тыркасов Гавриил Васильевич
1910.4.IV – 27.II.1978 гг.
Тыркасов Петр Васильевич
1920.7. VI – 25.XI.1972 гг.»

Семейный памятник.

Мы, участники экспедиции, не знавшие никого из семьи Тыркасовых, долго молча стояли перед скромным монументом, задумавшись о смысле бытия: о безмерной ценности каждой честно прожитой жизни, о прочности кровных уз и – шире – уз, связующих каждого из нас с великой общностью – человечеством, о преемственности и бессмертии человеческих свершений. Да, пусть с разными словами, но все мы тогда думали об одном. И я уверен, не только мы»[10].

Нам, социологам-экономистам конца XX – начала XXI в., нечего добавить: мы испытывали сходные чувства и мысли. Это редкое явление деревенской памяти тронуло нас гораздо сильнее, чем множество величавых памятных столичных сооружений. И каждый раз, проходя мимо, мы испытывали торжественное чувство живой связи с предками и потомками.

(Кстати, многие называют деревню «Покшеньга», хотя такой деревни нет – есть одноименная река. Это обобщение, которое относится в основном к деревням Кобелево, Красное и Лохново, мы находим, например, в недавно вышедшей книге «Культурный ландшафт Русского Севера»[11].)

После Околка дорога заворачивает на север, идет параллельно берегу Пинеги. Метров через 100 после Околка расположена Усть-Покшеньга.

В настоящее время Кобелево и Красное разделены естественной преградой: между ними находится урочище, в котором протекают два ручья: Еськин и Середний.

Это очень холодное место. Даже в жаркий летний день здесь чувствуется прохлада, а в морозные дни минусовая температура в урочище ниже, чем на возвышенных местах, где расположены деревни. Если бы не это место, две деревни давно бы уже соединились. Кобелево с Красным ничем не уступают по протяженности

деревне Лохново на противоположном берегу Покшеньги. Расстояние от конца Жабея до конца Усть-Покшеньги составляет 7 км. Если считать от почты (околок Пальцовка), то до конца Жабея – 4,5 км, а до конца Усть-Покшеньги – 2,5 км.

Ручей Еськин течет с погоста (могильников), расположенного в лесу за деревней Кобелево. На этом кладбище хоронили всех покшен, всех жителей Покшеньского куста деревень. В советское время это правило постепенно нарушилось, и каждая деревня имеет сейчас свои могильники. Об Еськине ручье есть упоминание в книге[12] как о целебном, так как он течет с могильников. Святость ему придает именно связь с предками, что почитается живущими.

В околке Кобелево расположены контора Земцовского лесничества, ветеринарный пункт, здание администрации, контора отделения совхоза, госконюшня (бывшая), остальная часть занята жилыми домами. В околке Шехино расположена столовая, пекарня; контора РПТ, магазин и склад магазина, АТС, ФАП, жилые дома.

В Пальцовке расположены почта с отделением сбербанка, школа, братское кладбище, второй магазин (последние три года закрытый из экономии), СДК, детский сад-ясли; построена, но не пущена котельная, «поповский дом», где живут учителя, а раньше это было здание интерната при школе. Остальные дома – жилые.

В околках Холм и Околок в настоящее время только жилые дома. В Усть-Покшеньге кроме жилых домов расположены пристань, водомерный пост Гидрометеоцентра, пустующие склады отдела рабочего снабжениа (ОРС) и склады сельпо.

На границе между Шехино и Пальцовкой начинается дорога, расположенная перпендикулярно деревенской улице и уходящая в тайгу, эта дорога проходит через часть деревни, которую можно назвать бывшей производственной. Сейчас эта часть заброшена и пустует, кроме водокачки, из которой берут воду и развозят по всей деревне.

В этой заброшенной части были кузница, мастерская, гараж, скотный двор, конюшня. Сейчас остались здания гаража и кузницы и валяется куча металлолома. В 1990 г. СМП (строительно-монтажный поезд, строивший железную дорогу через Карпогоры) начал строительство нового телятника – с расчетом, что отделение будет отпускать строителям мясо по себестоимости. Построены из кирпича основное здание, кормоцех, установлены плиты для силосной траншеи. В проемы окон вставлены рамы без стекол, со стороны леса рамы уже разворованы. Здания все покрыты шиферной крышей. Последние два года телятник так и стоит недостроенный, неосвоенный. В 2002 г. часть бетонных плит увезена бывшими строителями, а оставшееся «добро» используется жителями в своем хозяйстве (Прил. 1, история семьи Попова В.В.)

Дома вдоль улицы стоят лицом друг к другу. Изгородь существует только вдоль улицы, между домами ее в основном нет. Участок

возле дома также называется улицей, называемой хозяином «моя улица» или по имени хозяина дома: «улица такого-то».

Позади домов расположены бани, дровенники, мастерские, за ними в отдалении разбросаны кучкой амбары, в которых хранят зерно, одежду, обувь. Чаще всего это старинные амбары, стоящие на четырех опорах (курьих ножках) особой конструкции, чтобы грызуны не могли проникнуть внутрь, а зерно – отсыреть. Пинежские амбары описаны и классифицированы экспедициями этнографов и филологов, которые часто посещают этот заповедный край.

Около домов находится огород, где сажают картофель, репу, в парниках огурцы, помидоры (парники полиэтиленовые, на деревянном каркасе). Садят лук, морковь, свеклу, капусту. По обе стороны вдоль деревни за границей построек и огородов (усадеб), расположены поля. Поля в сторону леса, ближе к деревне также выделяются жителям под посадку и посев. Сеют в основном ячмень – жито, как его здесь называют. Используют на корм скоту. Ближе к лесу совхозные поля. В сторону реки от деревни идут совхозные поля, потом идет пологий, по высокий, спуск к пойме реки, где расположены наволоки, которые используются как сенокосы. Часть неудобий: узкие места, склон, участки у мокрых низин – роздана в пользование жителям. Все хозяева знают свои места, свои «тычки» – метки.

Там, где находятся школа, Дом культуры (здание бывшей зимней церкви), детский сад-ясли и поповский двухэтажный дом, раньше стояли две церкви, колокольня, был погост. По воспоминаниям жителей, у попа был не один дом, другой находился на месте почты. У последнего попа был дом в начале околка Холм, на том месте сейчас стоит сосна, как раз около нее был дом.

Церквей было две: зимняя – Николы и летняя – Георгия. В зимней церкви сейчас расположен Дом культуры. Акустика в зале великолепна и по сей день. Летняя церковь сгорела в 1968 г. от молнии. Ее можно было спасти, но сбежавшийся народ решил не мешать Божьей воле.

В писцовых книгах написано, что «на Покшеньге погосская церковь Николы, теплая церковь Георгия. А в прежних писцовых книгах были прописаны деревня Церковная, двор церковный, двор попа Самойло Федоров, двор церковного дьячка Ондрюшко Иванов, пашни церковные – 4 чети худых земель, 30 копен сена, $^{1}/_{4}$ слопцев, перевесищ»[13].

Внутри летней церкви была сохранена вся церковная утварь, росписи, иконостас с иконами. Она была закрыта, все было описано. Только одну икону увезли в столицу, сказали, что имеет мировую ценность. Об этом рассказал Николай Федосеевич Щербаков, он был заведующим клуба и сам неоднократно бывал внутри церкви (Прил. 2).

Колокольню после закрытия разобрали, колокола сбросили, они были в летней церкви, сейчас исчезли без следа, а восьмигранный верх колокольни долгие десятилетия стоял в Жабее и служил клубом. Сейчас его там нет. Рядом с церквями было кладбище: на взгорке у бывшего дома священника сохранился борок – небольшая сосновая рощица, который так и зовется – Поповский борок, говорят, что и там было кладбище.

Если идти от Поповского борка вниз по течению Покшеньги, то выходишь на возвышенное место, которое называется Павлова горка. Софья Николаевна Щербакова (1911–1999) рассказала, что слышала от стариков, что был Павел, и он что-то творил на этой горке со своей сестрой, вроде душил ее. Больше она ничего не знает об этом, но горку называют Павловой. (Прил. 2)

С нее открываются захватывающие дух виды: в любое время года можно любоваться заречными далями, красотой деревьев, травы, красными обрывистыми берегами Пинеги и Покшеньги, темнозеленой полосой дальнего хвойного леса, силуэтом пятиглавой (хотя с этого места видно только три главы) Кыркаловской церкви у деревни Шотовой, высоким небом и прерывистой чертой видимых из-за взгорков крыш домов заречных деревень: Шотова, Лохново, Марьина. А почти на горизонте виднеются дома районного центра – села Карпогор.

Крыши домов сейчас крыты шифером, а раньше были тесовые. Надо отметить, что дома на Севере рублены из целых сосновых и еловых бревен, которые с годами становятся, скорее, не серыми, а серебристыми. Если дом построен из лиственницы, то с годами дерево приобретает красноватый, медный цвет. Поскольку дома большие, то в основании лежат огромные бревна. Кажется, что дом должен выглядеть тяжеловесно, но за счет крыши он приобретает какую-то легкость, полет, двухскатная крыша очень напоминает два мощных крыла.

Вид на крыши деревни за рекой подтверждает этот образ. На старых домах, говорят, еще были коньки в виде утицы, головы коня или оленя, резной балкончик на фронтоне, причелины, тоже резные, кисть, свешивающаяся посередине; все это усиливает ощущение легкости. Боковые курицы для держания водостока придают крыше перепончатость и когтистость. Видимость полета создается углом между скатами кровли и едва заметным углом по длине охлупня, некоторой вздыбленностью его к коньку дома.

Вот описание пинежских деревень их книги О. Ларина «Пинежье»[14]:

«Карабкаясь по лесистым склонам, пинежские деревни утверждают себя монументальными срубами избы с крутыми бревенчатыми взвозами, с бойкими коньками на крышах, с теремковыми ставенками и узкими «косящатыми» оконцами. Будто в хороводе к реке сбегают ломанной линией изгороди, чем-то напоминающие

древнеславянскую вязь. Тесными рядами стоят за околицей амбары на «курьих ножках», наполовину вросшие в землю черные баньки, скрипят колодцы-«журавли»[15].

«...Цепочкой высоких изб с гордо посаженными коньками на стыке стропил и скатов (хорошо сказал Сергей Есенин: «конь, как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии, есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице...»)»[16].

Необходимо отметить, что не все околки состоят из одной улицы. Так в Шехино, за рядом домов, расположенных ближе к лесу, намечается второй ряд жилья. Это жилые дома Соловьева, Щеголихина и Богданова, молодого неженатого парня. В околке Кобелево за домом Щеголихина Владимира стоит построенный еще в 1904 г. дом Щеголихина Павла Владимировича (Прил. 2), который приезжает и живет в нем только в летнее время. Между старыми домами и намечающимся новым рядом домов нет никакой улицы, просто пролегает тропинка, она была и раньше. Многие любят ходить задами, а не перед окнами, где всех и вся видно.

В Красном тоже есть раздвоение за основной улицей, так же и в Жабее. Планировка, расположение угодий Красного напоминают Кобелево. Но собственно в самом Красном за основной улицей есть вторая. Названия улицы здесь не имеют. От центра Красного в сторону леса расположена производственная зона, где находятся конюшня (две лошади), ферма, два сарая для хранения сена, пилорама, гараж с котельной, два телятника, один из них пустой, заброшенный, два пустых сарая.

Ближе к концу Красного стоит громадный дом с большими окнами, он перевезен сюда из Кобелево под детский сад-ясли, но так и не отделан. Когда-то это был один этаж двухэтажного дома Башкиных из Жабея, раскулаченных в годы коллективизации. Дом поражает своими объемами, большими окнами. В самом конце Красного – сельский магазин (1966 г.), он находится напротив Кашкина ручья, который огибает возвышенное место, называемое Горушка (околок), где расположено 6 жилых домов.

Напротив Горушки через дорогу начинается околок Жабей; в первом же двухэтажном доме внизу находятся совхозные ясли, а на втором этаже – квартиры совхоза. За ним следуют здание жабоконской начальной школы, которая с 1971 г. пустует, и жилые дома Жабея, расположенные на двух параллельных улицах – одна полная извилистая, вторая односторонняя. В конце Жабея стоит большое здание маслозавода, из которого в 1992 г. вывезли все оборудование. Это здание тоже раньше принадлежало Башкиным. За маслозаводом в сторону реки на поле расположена летняя дойка. В 1994 г. здание маслозавода было разобрано и вывезено из деревни. В 2002 г. со стороны леса начинается наступление тайги

на деревню: кусты и молодые елочки растут везде, где не ходит человек.

Жабей, Горушка и Красное расположены на возвышенных местах. Между деревнями и лугами (наволоками) в пойме Покшеньги, тоже на возвышенных местах, лежат поля.

За Жабеем в сторону Кротово в пойме реки есть озеро Каска и рядом с ним озеро Копанцы. Говорят, что так называется потому, что там мужики копали запруды для ловли рыбы. В писцовых книгах XVII в. об этом месте написано следующее: «Пустое непашеное место Каска повыше Жабья конца у Паконского озера. А межа той Каске с верхнего конца от Майбуровской деревни, а с нижнего конца от пашен от Копылова от Еремеевской деревни»[17].

Между Жабеем и Малым Кротово километра 4–5, в этой стороне находится мелколесная поскотина Солоники – место за ручьем, где коровы лижут почву: на поверхность выходит соль. Здесь же можно встретить медведя.

Ближайшим внешним пространством, регулярно посещаемым жителями не только Кобелево, является кладбище. Если идти по дороге от Пальцовки через старую производственную зону, мимо недостроенного телятника, то через 10 минут ходьбы окажешься у кладбища. Кладбище расположено в сосновом лесу на склоне Еськина ручья. Оно обнесено изгородью, которая во многих местах обветшала и утратилась, так как более 20 лет никто ее не подновлял. Весной 1992 г. Шехин Юрий Петрович, у которого недавно умерла 59-летняя жена, решил начать ее восстанавливать, рассчитывая, что его примеру последуют другие и изгородь обновится.

Кладбище старое, хоронили еще в прошлом веке, о чем свидетельствуют надписи на надгробных плитах, именно плитой закрыты погребальные ямы над домовинами с умершими. На плитах изображено распятие и сделана соответствующая запись: дата рождения и смерти и основные земные заслуги умершего. Плиты гранитные. Встречаются и остатки мраморных надгробий. Основные отметины могил – это православные восьмиконечные деревянные кресты разных размеров. На них вырезаны надписи, свидетельствующие о том, кто под ними покоится, и указаны даты жизни. На всех крестах были врезаны иконки, распятия, но вандалы конца XX века их утащили. Местные жители этого сделать не могли, так как это могилы их предков, да и брать что-либо с кладбища – великий грех и дурная примета. Об этом ярко рассказала Богданова Е.Е. (Прил. 2).

Захоронения последних лет оформлены по-современному: крест ставят не всегда, чаще на могиле разной формы и разного материала плита-памятник с фотографией, именем и датами жизни. Могилы в основном не огорожены, особенно старые. Только последние захоронения стали обносить невысоким штакетником.

На этом кладбище хоронили всех жителей Кобельского сельского общества, всех прихожан этого погоста, а это все деревни по реке Покшеньге: Кротово Большое и Малое, Лохново, Жабей, Красное, Кобелево. К этому же приходу относилась деревня Марьина за Пинегой. Когда прошла революция, потом коллективизация и попа прогнали, государство отделилось от церкви, тогда и Марьина деревня отделилась своими захоронениями от кладбища. Затем отделились Кротово, а в 1990 г. Лохново стало хоронить у себя, открыли новое кладбище, где уже около 50 могил. Теперь на Кобелевском кладбище хоронят только все околки Красного и Кобелево.

До закрытия церкви при захоронении самоубийц соблюдался обычай: тело предавали земле за пределами кладбища, в специально отведенном месте, даже везли к месту захоронения другой дорогой, ближе к Еськиному ручью. Самоубийц (местные говорят о них: «те, кто умер не по-хорошему») в церкви не отпевали. В годы советской власти этот обычай не соблюдался, но сохранился в памяти жителей.

Кладбище посещают на Пасху, в поминальные и именинные дни. Обходят могилы близких и дальних родственников, соседей, друзей, дорогих людей. Обходят могилу в прямом смысле слова – вокруг могилы по ходу солнца. При «встрече» рисуют крестик пальцем на могильном холмике, кладут конфеты, печенье, когда от могилы отходят – трогают крест или памятник, это символ прощания, расставания, еще добавляют слова: «Ты оставайся, а я домой пойду».

У входа на кладбище находится могила Амосова Мирона, его могилу называют сторожем кладбища. У него на могиле сделана такая надпись: «Остановись, прохожий, помяни мой прах, я-то дома, а ты в гостях». Особенно часто кладбище посещают летом, так как многие приезжают в отпуска, и посетить могилы предков считается святым долгом.

Убирают кладбище сами жители деревни. Очищают территорию кладбища, складывают в стороне весь мусор в кучи, но вывезти его они не в состоянии, а никто из имеющих транспорт (совхоз, сельсовет, лесопункт) не помогает.

В начале кладбища есть могила двух воинов, служивших в воинской части в Лохново. В 60-х годах они погибли и похоронены на сельском кладбище. Могила ухожена и прибрана. Следят за ней пенсионеры, делают это добровольно.

Дорога, ведущая к кладбищу, идет дальше. По ней можно дойти до поселка Ясный, это ближний 19-километровый путь до станции «Карпогоры-товарная», а затем увидеть деревенскую свалку. Раньше мусор вывозили сюда из деревни и в пожаробезопасное время сжигали. В последние годы из-за отсутствия специального транспорта (раньше с лошадкой это было сделать проще!) свалка стала недоступной, зато опушка леса по всей протяженности деревни ста-

ла захламляться мусором. В эту же сторону дальше ходят летом и осенью за ягодами и грибами.

Вернемся в деревню. От столовой в сторону Покшеньги идет грунтовая дорога. Она приводит к паромному перевозу через реку, а далее поднимается в гору, идет через Лохново, тайгу, мимо деревни Немнюга и далее в центральную усадьбу теперь уже бывшего совхоза «Тепловский» – деревню Кевролу, древний Кевроль-град (855 лет). Зимой ездят по льду и можно доехать на машине прямо до Карпогор.

Здесь же у переправы, чуть выше по течению реки, оборудован плот, с которого полощут белье. Когда река сковывается льдом, то у ледяной дороги, чуть ниже, делают прорубь для тех же целей. Белье зимой возят на санках в кошелях, а летом кто носит в руках, а кто и возит мотоциклом или мотороллером.

Ниже переправы стоят будки для хранения моторов, весел и прочего, а на приколе – дюралевые лодки и деревянные шитухи. Отсюда отправляются в поездки по реке как вверх по течению, так и вниз: и в гости, и на рыбалку.

За деревней, в лесу, к телятнику сделана просека для дороги, от Малого Кротово до Красного эта дорога отсыпана, а от Малого Кротово до бетонированной технологической дороги покрыта бетонными плитами.

От Кобелево до технологической дороги 17 км. Технологическая дорога связывает Русковеру со станцией «Карпогоры-товарная» (17 км) и уходит дальше к лесовозным дорогам. Эта дорога и позволила отказаться от молевого сплава древесины по Покшеньге.

В других околках традиционно сложились свои места для полоскания белья, причаливания лодок. Так, у Холма свое место для лодок и полоскания, как раз в конце Павловой горки на берегу реки. В Усть-Покшеньге тоже свое место – уже на берегу Пинеги. Здесь же пристань и громадные деревянные склады для хранения грузов, привозимых в большую воду. Тут были и орсовские склады, но строительство железной дороги и бетонированных дорог позволило лесопунктовским снабженцам отказаться от этих складов. Сейчас они стоят пустые.

Сельпо свои склады использует и сейчас. В большую воду сюда привозят муку, сахар, шифер, кирпич, мебель и другие объемистые и тяжелые товары.

Чуть ниже складов и пристани расположен водомерный пост Гидрометеоцентра, на котором работает А.Е. Богданова, дважды в день меряющая уровень и температуру воды, а в зимнее время и толщину льда. Для измерений забиты специальные свайки.

Вдоль берега Пинеги в сторону железной дороги есть дорога, по которой можно дойти до нефтебазы и поселка Ясный, расположенного к северу, у слияния рек Шилеги и Пинеги. Раньше это были охотничьи угодья с охотничьей избой, сюда приходили Илья

Егорович Богданов и Николай Федосеевич Щербаков. Здесь жили медведи. Вот уже 20 лет как эти места освоены человеком. До Шилеги от Усть-Покшеньги – 10 км, до бывшего Кировского завода – 6 км, до ручья Калия – 4 км. На противоположной стороне Пинеги видна деревня Марьина. Раньше марьегорские дети переправлялись на лодке к Усть-Покшеньге и ходили учиться в кобелевскую школу, пока не открыли школу в Шотовой, и отпала нужда добираться за реку.

После войны почту возили до Марьиной, а из Усть-Покшеньги почтальон на лодке добирался до Марьиной и забирал почту для Кобелевского почтового отделения. Сейчас за почтой ездят до станции «Карпогоры-товарная» или же на специальном катере привозят к пристани «Усть-Покшеньга», там ее забирает оператор по доставке почты. Река не всегда доступна для катера: есть время ледохода, молевого сплава, ледостава.

Если возвратиться в Кобелево и пойти в сторону Красного, то как уже описано ранее, попадаешь в урочище двух ручьев – Еськина и Середнего. К уже сказанному об этом месте надо добавить, что вблизи Еськина ручья, по свидетельству многих, в еловом лесочке раньше было кладбище. Сейчас ничто об этом не напоминает.

Когда из урочища поднимаешься к деревне Красное, то здесь есть место, называемое Мостовик, слева по ходу осталась старая изгородь, за ней в глубине небольшого перелеска стоят два обетных креста, на которых навешаны платки, куски ткани, лежат деньги. В старое время здесь стояла часовенка, в праздники кто-нибудь из женщин торговал пирогами. Сейчас у обетных крестов стоит П-образная лавочка. Можно посидеть, отдохнуть. К ним ходят до сих пор и дают обеты.

Вверх по течению Покшеньги расположены сенокосы под Русковерой, у Вида Курьи (курья – место разлива речки в устье ручья, а Вида – название ручья), у реки Охтомы. Туда ездили в сенокосное время ставить сено. Сейчас ездят только к Охтоме.

Выше Охтомы, на Фихтинку, это 200 км, гоняли на выпас скот. От этого места 70 км до Северной Двины, куда ездили за хлебом, когда он кончался. На дальние сенокосы и пастьбу шли берегом реки, брали лошадей, сено ставить ездили на лодках. Причем, когда не было моторных лодок, то пихались вверх против течения реки шестами, преодолевая несколько порожистых мест.

За рекой Пинегой через деревню Марьину Гору проходит старый тракт, связывающий Пинежье с Архангельском. В доколхозное время там был участок, за которым следило Кобелевское сельское общество: постоянно поддерживались в порядке мосты и отрывались канавы-кюветы. Эта дорога существует и по сей день, но кобелевцы ее уже не ремонтируют. В годы войны была трудповинность по ремонту этой дороги: 6 дней работаешь или столько же трудодней высчитывают за невыполнение повинности.

Сравнение Кобелево с другими ближайшими деревнями связано с плодородием полей и близостью угодий. Марьина Гора обладает хорошими хлебными полями, Шотова Гора близкими сенокосами, Большое Кротово имеет хорошие хлебные места и выпасы по реке Шельмуше. Деревня Кобелево по этим критериям находится в промежуточном положении.

Лохново, Красное, Жабей имеют поля, которые часто подвергаются заморозкам. Сенокосы дальние. В Кобелево поля хлебные хорошие, но сенокосов недостаточно, за исключением околка Усть-Покшеньга, где богатые и поля, и сенокосы, которые в последнее время отошли Лохново (Прил. 2 – рассказ Богдановой Е.Е.).

Пространственные ориентиры описаны в предыдущих подразделах этой темы. Это и Поповский борок, и Павлова Горка, Нижнее поле, рыбзавод, Кировский завод, ручьи Калия, Середний, Еськин, Кашкин, названия околков, места обетных крестов (Мостовик и Солоники) и т.д. и т.п. Легенды, сохранившиеся о названиях мест, приведены в этой теме и в начале истории деревни.

Эмоциональная окраска, надо отметить, есть общепринятая и лично-семейная. К последней относятся места, где произошли несчастные случаи. Это, например, смерть близких людей, так у Анны Карповны Амосовой умер отец в тайге, дерево это помечено, такой же случай был у Марьи Герасимовны Поповой. У нее умер в лесу муж. К этому месту она ходит так же, как и на кладбище.

В данной местности характерно использование огородных знамен-меток. Это различные зарубки, по которым можно сказать, кто делал этот мост, огороду, кто поставил стожок сена, кто сложил дрова. Обычно эти метки-знаки передавались по роду (Прил. 2, беседа с Щербаковыми А. И. и С.Н., Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

В Кобелево нет, на первый взгляд, особого различия в поселении разных слоев населения. Но учителя живут возле школы в бывшем поповском доме-интернате. Рядом со школой ее директор построил собственный дом и получила квартиру семья учителей Русановых в отдельном доме, выделенном сельсоветом. Раньше это был садик.

В центре Кобелево сконцентрировалась вся социальная инфраструктура деревни (1992 г.): школа, СДК, почта, отделение сбербанка, магазин, пекарня, столовая, ФАП.

На Холму (1992 г.) волею судеб живут рядом глава администрации и специалист I категории (секретарь сельсовета по-старому). Околок и Усть-Покшеньга полностью заселены одними пенсионерами. Мужчин осталось только два человека, остальные женщины.

Остальные части Кобелево, да и Красного, заселены приблизительно одинаково как пенсионерами, так и работающими, молодежью и детьми. В Кобелево только одна семья Владимира Игнатьевича Щеголихина полностью занята в сельскохозяйственном производстве, в Красном доля таких семей значительно выше.

Освоенность пространства за последние десятилетия сокращается по отношению к сельхозугодьям. Запускаются поля, мелколесные поскотины используются слабо или вообще не используются. Скот уже не гоняют на выпас в верховья Покшеньги. На сенокосных угодьях пасут скот. Мелкие поля около дорог, околиц, в ближнем лесу не обрабатываются и поросли молодым лесом.

Кобелевское отделение в результате организационной чехарды потеряло 70 га прекрасных сенокосов на Острове, испокон веку принадлежавших жителям Усть-Покшеньги и Околка (Прил. 1 – статья Богдановой А.Е. в ее истории).

Воду раньше брали из реки для питья, сейчас это не практикуется. Колодцы поддерживают сообща – артельно. Хозяева, берущие воду из колодца, следят за ним, чистят и подновляют. Если совхоз (колхоз ранее) пользуется этим колодцем, то он выделяет средства на ремонт. Воду в основном берут сейчас из водокачки.

Лес возле Кобелево и Красное сохранился благодаря стараниям Ю.П. Шехина (Прил. 2).

Экология

Взаимодействие человеческого общества с окружающей природой в рамках изучаемого селения можно разделить на следующие периоды: до коллективизации (до 30-х годов); от начала коллективизации и до середины хрущевского периода; от хрущевского периода до наших дней.

Период до коллективизации характеризуется тем, что отношения человека с природой строились в рамках единоличного хозяйствования на земле и отсутствия других обособленных тружеников. Крестьянин сам осуществлял все работы на земле и в лесу. Реки использовались как естественные средства сообщения, грузопотоков, как источники чистой воды и как рыболовецкие угодья.

В этот период действовала сложившаяся система взаимоотношений человека с окружающей его природой. Пахотные и сенокосные земли были основным источником существования крестьянина, а лес был основным источником богатства крестьянина.

«Пинежье издавна живет лесом. Три миллиона гектаров занимает лесная площадь Пинежского бассейна. Кто-то подсчитал, что из заготовленного за год пинежского леса можно выстроить деревянный город с населением около 50 тысяч человек, а платформы, груженные этой древесиной, займут весь железнодорожный путь от Архангельска до Вологды.

Северный лес особого свойства... Возрастные кольца так крепко впечатались друг в друга, что дерево с трудом брал нож. В этом большая ценность хвойных лесов. Короткое прохладное лето не да-

ет им обрасти «жирком», сохраняя внутри дерева максимум целлюлозного сырья. Не случайно древесина северных хвойных пород ценится на мировом рынке за свою прочность»[18].

Лес был источником ценной древесины, дичи и пушного зверя. Один и тот же труженик работал на земле и в лесу. На земле работал в единоличном хозяйстве, где регулирующую роль играла община; а в лесу работали в артелях, на подряде, где регулирующую роль играл государственный лесничий (барин, как их здесь величает народ). Посредниками выступали подрядчики, которые действовали с разрешения лесничего.

Размеры сельскохозяйственной деятельности ограничивались потребностями и возможностями. Первые определялись в основном размерами семьи, рынка сельхозпродуктов не существовало; вторые – природными условиями северного края.

Земля разрабатывалась медленно, это было трудоемким занятием. Естественные угодья были только по берегам рек. Сенокосы и пахота очень ценились. Удобрялись поля только навозом.

«Древний поселенец приходил в мир девственной, чуждой ему природы, которую необходимо было победить, освоить, упорядочить. И он, привычно поплевав на ладони, брался за топор. Кто видел пашню в лесу, так называемые «росчистки» или «навины», тот поймет силу и упорство северного крестьянина. Ранней весной он выбирал в тайге место под навины и рубил все подчистую. Но лес сопротивлялся человеку, упорствовал. Только он вырубит одну полоску тайги и примется за другую, а тут первая уже начинает зарастать»[19].

В Кобелево только околок Усть-Покшеньга был достаточно наделен сенокосами, а остальным деревням приходилось осваивать сенокосные земли вверх по реке. Недостаток кормов ограничивал количество скота. Летом скот пасли в так называемой поскотине, то есть в мелколесье, а луга берегли для сенокосов. Скот гнали на летний выпас далеко вверх по реке.

Окружающий деревню лес был богат дикорастущими ягодами: брусникой, голубикой, черникой, клюквой, морошкой, малиной. Ягоды собирали и заготавливали на зиму бочками, они прекрасно сохраняются без сахара и других консервантов. Грибы собирали также в огромных количествах, привозили из лесу телегами, сушили и солили бочками (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Использование леса было строго регламентировано. Существовали государственные правила пользования лесом, которые крестьянами соблюдались, а лесничим с объездчиками контролировались. Лес вырубался только зрелый, выборочно. Показателен случай, рассказанный Александрой Егоровной Богдановой, что когда паренек просто так стукнул по дереву топором, то его осудили за это, а сейчас лес, по ее мнению, варварски пихают бульдозером.

Охотничьи угодья устанавливали для каждого охотника, и, как правило, они не мешали друг другу, а каждый охотился на «своих» местах. Дичи и пушнины было достаточно.

Рыба ловилась также в умеренных количествах, а водилась в изобилии. Это такая рыба, как семга – царь-рыба северных водоемов. Славятся сиг, хариус. Рыба была на крестьянском столе, но в меру. Страдная пора, круговорот хозяйственных забот естественным образом ограничивали время рыбной ловли. Рыба бралась по потребности, сверх этого не было нужды (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Реки использовались как пути сообщения. Плавали на них в лодках с веслами, шесты использовали для передвижения против течения. Порожистые реки требовали знания и умения при передвижении по ним. Лодки были разные: долбленки – долбленые из целого дерева, шитухи – борта шитые из досок, карбасы – большие грузовые.

Лес сплавляли только плотами в большую воду. Расчет артельщики или подрядившиеся получали за сплавленный лес в Архангельске или Усть-Пинеге.

В реках же полоскали белье. Перед этим его стирали с помощью щелока – древесной золы, заваренной кипятком или варили в печи в специальных чугунах.

Для мочения льна и конопли использовали озеро на Дюковом наволоке под урочищем Еськина и Середнего ручьев. Оно называлось мочильной ямой. Тут же недалеко была яма (другое озеро) для мочения кожи.

Пожар – особое стихийное бедствие в этом лесном краю. За пожаробезопасностью следили сообща. Летом до сих пор любая хозяйка топит печь рано утром, в 4–5 утра трубы уже дымятся. В более позднее время не топят – может случиться в сухую жаркую погоду пожар. Следили за дымоходами, за чистотой на чердаке, особенно возле дымоходных труб. Охотники, лесорубы, заготовители старались гасить и заливать костры в лесу. Всем был памятен пожар в начале прошлого века в Жабее, когда выгорела почти вся деревня, огонь бушевал такой, что мог перекинуться за реку на Лохново. А начался пожар от костровой искры в лесу. Искра ушла в корни деревьев, хотя разводивший костер крестьянин залил его водой. Сгорел и хлеб на полях.

Качественно другой период во взаимоотношениях человека с природой начался с конца 30-х годов, когда возникли колхозы и леспромхозы. Сельскохозяйственная и лесозаготовительная функция разделились организационно и изменили свой характер. Изменились и объемы лесозаготовок они планировались государством и увеличились. Сплав леса проводился не плотами, а молем, что вело к постепенному засорению рек топляком. А постепенное расхождение между вырубкой и приростом леса

стало началом «облысения» тайги в этих местах. Анастасия Ефремовна Амосова, девушкой работавшая в годы войны на лесозаготовках, в своем ярком рассказе сравнивает рубку леса тогда и теперь (Прил. 2).

В это время сельское хозяйство ведется новыми организационными методами, но на старой тягловой силе – лошади, поэтому здесь нет еще признаков резкого изменения характера взаимоотношений человека и природы. Колхозы также используют поскотину, поля все огорожены, сенокосы тоже. Культура агротехники повышается. Сено заготовляется на дальних сенокосах. Хотя все происходит в рамках колхоза, но взаимоотношения с природой идут в русле старых традиций. Основное удобрение для полей – навоз, так как скот содержится в достаточном количестве, а завоз удобрений затруднен.

В это время организуется рыбзавод на Пинеге между устьями Немнюги и Покшеньги, где разводят семгу. Рыбзавод просуществовал до начала 1950-х годов (возможно, до 1958 г.), а потом там остался только сенопункт. Не удалось точно установить, когда был введен рыбнадзор, который вел контроль за ловом рыбы, особенно семги.

В деревне существовала своя добровольная пожарная дружина, которая на общественно-добровольных началах вела всю противопожарную работу. Члены дружины следили за печами, дымоходами, чердаками. В конюшне всегда наготове стояли лошади специально на случай пожара и соответствующее снаряжение: бочка с водой, насосы, помпы. Это оборудование до сих пор валяется в Кобелево на заброшенном хозяйственном дворе.

С середины 50-х годов начинаются более заметные изменения и в сельскохозяйственной деятельности человека. Появляются новые для этого края энергоносители – электроэнергия, бензин, новая техника – трактора, машины, моторные лодки. Но до 1970 г. край был труднодоступным. Только пароход в большую воду и самолет в летную погоду. Пароходы начали ходить после войны, а самолеты летали еще до войны.

В эти же годы происходит организационное укрупнение колхозов. Управление большим колхозом становится менее оперативным, более бесконтрольным. Это точка, от которой начинается запустение полей, постепенное и медленное. Конкретных материалов по этому процессу в исследовании не обнаружилось. Но мы увидели результат, который сложился в 1992 г.

Севооборота никакого, одно и то же сеют на полях по нескольку лет. Изгороди почти отсутствуют. Коров пасут прямо на сенокосных лугах. Пастухи носятся за ними на мотоциклах и лошадях. Коровы стельные, на сносях пасутся вместе с остальными. Если у коровы случится выкидыш, то мертворожденный теленок валяется на лугу, в лучшем случае его спихнут в озеро.

Опушка леса за деревней превратилась в стихийную свалку. Мусор вывозить на общественную свалку нечем, а общественного транспорта нет.

Лесные угодья значительно оскудели. Если по поводу морошки существует поговорка: «пойдешь за морошкой, протянешь ножки», то сейчас она применима к любой ягоде, потому что количество их невелико. Не всякая хозяйка и семья успеет их насобирать.

То же и в отношении грибов. К такому оскудению привел и тот факт, что построенная железная дорога Архангельск – Карпогоры вызывает летом и осенью буквально паломничество охотников за ягодой и грибами из Архангельска и Северодвинска. У сборщиков есть даже особый вид рюкзака, его называют кан. Это промышленно изготовленная легкая, удобная дюралевая емкость, которую можно носить на лямках за спиной, в ней грибы и ягоды не мнутся. Да и на кан можно сесть, как на стул. Единственная надежда – дороговизна билетов может немного уменьшить этот поток.

Кроме увеличения количества людей, питающихся дарами тайги, конечно, произошли какие-то и экологические нарушения. Сколько десятилетий существует ранее засекреченный космодром в тайге на станции Обозерская? А запуски ракет и отделение их ступеней хорошо были видны жителям Пинежья.

В 1991 г. по рекам текла желтая пленка. Кончики хвойных пожелтели. В 1992 г. в районной газете было объяснение, что это ржавичная болезнь хвойных. И все. Так ли это? Никакие исследования на памяти людей не проводились. Существует санэпидемнадзор, но, наверное, только для выдачи разрешений на бумаге.

Двадцать лет функционирует железная дорога, но только три года назад построили технологическую дорогу для вывозки леса к ней от покшеньгских лесопунктов, поэтому последние три года на Покшеньге прекратился сплав леса молем, его вывозят к железной дороге на машинах.

Мы специально не занимались вопросами вырубок и посадок леса. Но рассказы деревенских жителей, в частности, Юрия Петровича Шехина, лесничего-«барина» советского времени свидетельствуют о том, что лес вырубается варварски (Прил. 2). Проложенная дорога за деревней к телятнику по обочинам завалена остатками пней, невывезенного леса. Жители деревни так и говорят: «Когда лес возле дороги вывезут? Сколько дров гибнет!»

В 1992 г. вся черемуха была поражена какой-то болезнью, вместо ягод – черные наросты. Черничник весь побелел. Жители отмечают, что разнотравье на сенокосных угодьях оскудело. Нет тех трав, которые раньше составляли богатство зеленых кормов (например, не встретишь теперь душистого мятлика, медуницы). (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Реки используются как транспортные пути, но основным средством передвижения стали моторные лодки. Белье по-прежнему по-

лощут на реке. Питьевая вода берется из колодцев и скважины. Колодцы в Кобелево в основном неглубокие, содержатся в порядке теми, кто ими пользуется.

Никаких программ и планов экологического характера в процессе исследования не обнаружилось.

Население

История поселения описана в паспорте села, в его исторической хронологии. Люди, живущие в Покшенье, Пинежье – потомки новгородцев, заселивших эти места в XII в. исконными жителями были чудь белоглазая или чудь заволоцкая. По этим местам проходил путь из московских, владимирских земель на Печору, на Мезень. С чудью воевали, но постепенно народы ассимилировались. В Кобелево, Красном нет прямых указаний, что кто-то относится к чуди. Между деревнями Лохново и Немнюга на дороге есть место, называемое Красное Веретье. По преданию, здесь был бой с чудью, погибло много людей. До сих пор на этом месте стоит обетный крест.

Если ставить вопрос о древности трех деревень Лохново, Кобелево и Красное, то из жителей в беседах никто не указал, что какая-то деревня древнее, кроме Ступина из Лохново и Анатолия Артамоновича Попова из Красного. Основной аргумент Ступина, что в конце Лохново стоят старинные дома, срубленные по старинным плотницким правилам. Но дома горели, перестраивались, увозились, поэтому это слабый аргумент. А.А. Попов считает, что Лохново древнее Кобелево, а Кобелево древнее Красного и Жабея. Об этом свидетельствуют остатки старых строений, пепелищ, вырытых ям.

Если исходить из предания, рассказанного С.Н. Щербаковой о происхождении названия деревни Кобелево, то Лохново и Кобелево возникли приблизительно одновременно и Кобелево издавна было центром покшеньгских деревень. Здесь были церковь, кладбище, погост. В Большом Кротово и по сей день стоит летняя церковь на берегу Покшеньги, но в ней поп не служил постоянно, а приезжал из Кобелево только по большим праздникам и службам.

Своя церковь была в деревне Земцово, но поскольку Земцово заселено позднее всех покшеньгских деревень (около 300 лет назад), да к тому же поляками, которых крестили в православную веру на порогах реки Покшеньги, названном поэтому Русковерским, то своя церковь и приход в Земцове были оправданы и необходимы. К Покшеньгскому приходу относилась и деревня Марьина Гора за Пинегой, там не было своей церкви, была только часовенка. Рядом (5 км) находится деревня Шотова Гора, где были свои зимняя (сгорела) и летняя каменная церковь – местные жители ее называют «Кыркаловская». Но жители Марьиной причислены были к Пок-

шеньгскому приходу. По всей вероятности Марьину Гору основали выходцы из покшеньгских деревень.

За то время, которое помнят жители деревень, были названы только два периода расцвета деревни: это период нэпа и хрущевско-брежневский период.

Во времена нэпа (1920–1929) наряду с некоторыми изменениями в единоличном хозяйстве (надел земли и на женские души, по едокам, более частый, пятилетний передел земли) активно развивались кооперация и артельничество. Развитие кооперации способствовало притоку денег в деревню, выходу на рынок. Это позволило в земледелии перейти к плугам и отказываться от деревянных сох.

Этот период сохранился в памяти жителей через их отцов, потому что одному из самых старых респондентов, Илье Егоровичу Богданову (1909–1992), в этот период было 11–20 лет, а Александру Исаковичу Щербакову (1907–1994) – 13–22, они жили в семьях родителей. Период нэпа расцветом (вернее, «просветом») называет и Николай Федосеевич Щербаков, родившийся в 1927 г., но его оценке можно полностью доверять, так как он имеет к жизни, истории пристальное внимание, многое помнит из рассказов отца и других старожилов деревни.

По воспоминаниям жителей в это время была артельная заготовка и сплав леса, причем к сплаву леса привлекались молодые девушки. Об этом вспоминают многие жители деревни (Прил. 2, беседа с Щербаковыми А.И. и С.Н.). Относительный достаток приносили охота на пушного зверя, заготовка серы в лесу, выделывание шкур и изготовление обуви и одежды из них (семья Ушаковых).

Анатолий Артамонович Попов (1910–1995) вспоминает (Прил. 2), что он с 12 лет прекратил учебу в школе, так как надо было помогать отцу вывозить лес из тайги для строительства дома. Древесину они заготовляли 4 года по 20–30 бревен в год. Он подтвердил, что 10 бревен положено было отцу для строительства бесплатно, а остальные занимали у соседей. Дом, построенный тогда отцом, к настоящему времени разделен на три дома: один двухэтажный и два одноэтажных. А семья Поповых не была богатой, она была просто здоровой, крепкой и работящей.

В эти годы было построено достаточно большое количество домов. Дом Башкиных из Жабея, стоящий в Красном, просто поражает своими размерами. Маслозавод, окончательно разоренный в 1992 г., также находился в доме Башкиных. В Кобелево все конторы находятся в домах раскулаченных Беляева и Щербакова. Многие дома были увезены и неоднократно перестроены. При въезде в село Карпогоры (районный центр) стоит двухэтажный дом Башкиных, вывезенный из Жабея. Анатолий Артамонович вспомнил, что в это время у них в Красном жили два мужика, у которых изба была курная, т.е. топилась по-черному.

Этот период вспоминается как расцвет жизни в деревне на фоне последовавшего вслед перелома в жизни и цепи испытаний, нужды и лишений (Прил. 2 – Щербаковы А.И. и С.Н.).

Период же хрущевско-брежневский вспоминается расцветом опять же на фоне предыдущих налоговых, трудовых повинностей, военных тягот и лишений и последовавшей перестройки, которая внесла неопределенность в жизнь деревни.

В этот второй период расцвета пришли техника, электричество, моторы на бензине, бензопилы, появились радио, а позже телевидение. Исчезли обременительные налоги, карточная система распределения продуктов. Введены были гарантированная оплата труда, пенсия. Выданы паспорта, а с 1970 г. все колхозники стали работниками совхоза: рабочий совхоза, служащий совхоза и т.д.

В бытовом, обыденном сознании этот период хорош и тем, что в магазинах можно было купить разные продукты, даже молочные. И настолько это было стабильно и доступно, что поголовье коров на личном подворье в Кобелево сократилось до 1 головы в 1990 г., а сейчас уже начали покупать коров (9 гол. – 1992 г.; 18 гол. – 1994 г., 36 гол. – 2002). А ведь раньше легче было подсчитать хозяев, которые не держали коров.

Для характеристики изменений в численности и структуре населения возможным стало сравнение данных на 1 января 1992, 1983 и 2002 г., информация за более поздние годы в сельсовете не хранится. Эти данные (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что за последние десять лет идет омоложение населения как в абсолютном, так и в относительном выражении. На 180 человек населения в 1992 г. приходилось 57 семей, в 1987 г. на 177 человек – 64 семьи, а в 2002 г. на 133 человека – 51 семья. Сравнение этих показателей указывает на понижение коэффициента семейственности.

По национальному составу жители Кобелево – русские, так записано в паспортах, указано в похозяйственной книге. Но если учитывать историю формирования этноса в данном регионе, то необходимо отметить, что современное население сформировалось в результате ассимиляции нескольких народов, по крайней мере, двух крупных этносов: чуди заволоцкой и новгородцев – русских (Прил. 2 – рассказ Москвиной М.Я. в беседах с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Особенностью северных деревень являются тесные родственные связи и переплетения. При исследовании истории кровного родства приходилось прибегать к помощи ближних и дальних родственников. Так, при изучении кровного родства Александры Егоровны Богдановой, которая родом с Нюхчи, чтобы узнать о родственниках погибшего в войну мужа, пришлось обратиться к его дяде, Илье Егоровичу Богданову (1909–1994). Мужская ветвь семьи восстановлена по его рассказам. О тесном переплетении местных родов свидетельствует его рассказ (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

В чем своеобразие этого района на Русском Севере и Архангельской области? Пинежье – край труднодоступный. Он даже в годы советской власти долгие десятилетия был как бы закрыт и законсервирован. Почему этот край так любят этнографы и филологи? Потому что здесь сохранилось много старины как в обычаях, быте, так и в языке.

На Пинежье своеобразный говор, который в последнее время значительно стирается вследствие влияния образования, обучения общим канонам литературного языка, а также громадного влияния радио и телевидения.

На Севере очень распространен мат. Если у мужчин употребление мата привычно, то у женщин оно своеобразно. Несколько наблюдений за его употреблением женщинами позволило сделать одно заключение о значении мата в жизни людей.

Женщины чаще всего употребляют мат при уходе за скотом и в случае встречи с человеком, обладающим черной магией, который может навести порчу, т.е. колдуном. В последнем случае объяснили, что мат защищает от злых дел колдуна. И это позволило понять, что женщина, ухаживая за скотом, употребляет мат, чтобы отогнать порчу, сглаз от скота. Следовательно, мат имеет защитительную, охранительную функцию. И мат – это, скорее всего, древнейшие магические слова, которыми народ по древней традиции пользуется в своей жизни как охранной грамотой до сих пор.

Повсеместно и старое, и среднее, и молодое поколение любят повторять: старики (авторитет!) говорят, что Бог мат прощает, лучше матюкаться, чем лешакаться (поминать нечистую силу).

Еще более действенные меры против колдовства икотников – это бытующие в жизни жителей деревни заученные наизусть или записанные различные заговоры-обереги от ураза, исполоха, жабы, килы, урока, прикоса, трясовицы. Исследователи обогатились и этими знаниями. Причем нам объяснили, какие действия с водой, лучинами, огнем и прочим необходимо при этом совершать.

В жизни жителей деревни религиозные, христианские верования тесно переплетены с языческими. Из бесед со старыми жителями деревни стало известно, что до 7 июля нельзя ходить в поле, иначе длинноволосые полуденницы выйдут из ржи и защекочут до смерти (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.). Они рассказали, что от полуденниц раньше делали на окнах ставни и указали на дом Анны Карповны Щербаковой, где эти ставни сохранились на «шестерках» (шестерка – это окно, разделенное перекладинами на шесть равных частей).

Распространению языческих обрядов способствовали и суровые климатические условия. Хлеб часто не вызревал, недород бывал по три года подряд, и старики, по словам одного из очевидцев, вспоминали, что были случаи, когда и по семь лет хлеб не вызревал. Другое свидетельство тому – в книге об этом крае О. Ларина: «На уро-

жаях сказывалась также близость болот, способствовавших раннему холоду. Хлеба часто не хватало и его прикупали на стороне у южных соседей. В неурожайные годы всем пинежанам был знаком вкус мха – в сухом растертом виде его примешивали к муке»[20].

По рассказам местных жителей удивительные существа на святки выезжают из проруби на кошевнях. Зовут их чиликуны, на головах у них большие медные шапки, а в кошевнях они возили раскаленное золото (символ Солнца) (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е., рассказ Москвиной М.Я.). В январские дни нельзя ходить на реку полоскать белье, нельзя вечером задерживаться на улице, иначе чиликуны увезут человека с собой в прорубь. Взрослые люди вспоминают, как в детстве мать их пугала чиликунами и они, испугавшись, тихо лежали под одеялом, не шалили.

Вспоминали, что раньше по вечерам летали светлые змеи. Но дом, в который они залетали через поветные или наземные ворота, был нехорошим, в нем дружили с колдовскими силами.

Север без бани не Север. Здесь баня в каждом доме. А в бане живут свои духи. В «баенку» надо попроситься помыться, а помывшись, надо ее поблагодарить. И в бане есть такие привередливые существа, как обдерихи – они и обжечь и оцарапать тебя могут, если ты им не покажешься (не понравишься). Опасными считаются третий пар и последующие, но большие семьи мылись в несколько заходов и там дело доходило до трех и более паров! (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е., рассказ Москвиной М.Я.)

Баня за эти десятилетия тоже сильно изменилась. Если Анатолий Артамонович Попов (Прил. 2) вспоминал, что были на его памяти курные избы, то бани в основном все топились по-черному. В бане была сложена каменка без трубы, в нее вмазан чан для нагрева воды. Каменка топилась, камни и вода нагревались. А парились поддавая (набрасывая ковшом воду) на камни.

Современная баня топится по-белому. Над топкой стоит металлическая бочка, в ней проделана дверка, а внутри бочки лежат камни, на которые набрасывают воду для получения пара. В современной бане проведено электричество, поэтому мыться можно и потемни. И можно представить, как раньше в темной бане, в лучшем случае при лучине, обдерихи властвовали безраздельно.

Сейчас баня топится и для стирки. Стирают в электрических машинах, но воду после стирки в бане не выливают, а выносят подальше в помойную сливную яму. А полощут белье по старинному обычаю на реке: летом со специально оборудованных мостков, а зимой в проруби.

Только в одном старом доме сохранились ставни на окнах, а раньше они были во всех домах, особенно на первом этаже. Ставни охраняли от вторжения полуденниц и чиликунов, а Николай Федосеевич Щербаков считает, что и от чуди заволоцкой они были хоро-

шей охраной, тем более что раньше стекол не было, а на окна натягивали прозрачные пленки из внутренностей животных.

По его мнению, палка вставленная в дверное кольцо, служила единственным запором от чуди, которая не могла открыть такой замок. Такой символ закрытой двери используется до сих пор, но в последнее время, если уходят далеко и надолго, то закрывают все двери на замки. Кольцо во входной двери кованое, железное, оно переносится со старого дома на новый, т.е. чаще оно гораздо древнее самого дома. Кольца служат для поворота защелки, на которую дверь закрыта с внутренней стороны, для стука в дверь и для продевания палки, которая означает отсутствие хозяев дома. Свои, деревенские, как правило, входят без стука.

Кольцо имеет древнюю символику оберега. К двери оно прибивается с помощью скобы-змейки, а на самом кольце есть символ колоса, помимо того, само кольцо имеет форму круга, несущего высокую символику и солнца, и круговорота, и космического движения, полноты и завершенности.

Кроме упомянутых древних верований в полуденниц, обдерих, чиликунов и домовых, соседство языческих верований с христианскими проявляется в праздниках.

В Кобелево были две церкви (как и принято на Севере, летняя и зимняя): Николы и Георгия. Никола – особо почитаемый святой на Севере. Декабрьский день Николы и июльский (19) день Богородицы – престольные праздники деревень Кобелево, Лохново и Красное. В эти праздники варили пиво, готовили угощенья и ждали гостей из окрестных деревень. Летом в Богородицу устраивали большое мечище на берегу Покшеньги на лугу со стороны деревни Лохново. На мечище шло гулянье. Девки и парни, жонки и мужики, все нарядные, выходили на луг и прохаживались. Мечища были утренние, дневные и вечерние. На мечище устраивали хороводы, своеобразные танцы «ходецами» и «имками» с пением песен. В это время высматривались невесты и женихи, молодежь веселилась и знакомилась друг с другом. Мечища бытовали долгое время, правда, с постоянно угасающей силой, которая сейчас свела эти праздники в лучшем случае к танцам в клубе, а в худшем – к пьянке.

Такие праздники, как кануны, которые освящались церковью, имеют языческое происхождение. Это задабривание сил природы, моление у высших сил, у Бога хорошего урожая.

Необходимо отметить, что старые респонденты часто вспоминали в разговоре, как набожны были их отцы, какой силой обладал поп над ними, что они отдавали на хранение ему свои деньги, которые имели не «бумажками», а золотом. Но не все были верующими и одновременно посещающими церковь. Были и староверы.

Таковы были и дед Николая Федосеевича Щербакова, дед Антонины Николаевны Богдановой. Чем же отличались покшеньгские староверы от тех, кто ходил в церковь? По воспоминаниям старшей

сестры Тони Богдановой, их дед говорил, что попы гладкомордые и толстеют за счет народа, а Богу надо молиться наедине, в пустой комнате (клети), помолиться в душе своей и сердце своем, и это будет лучше, чем идти к попу и признавать его посредником между человеком и Богом (Прил. 1).

Север известен своими монастырями. Ближайший мужской монастырь (около 60 км) был расположен в Верколе, где родился и похоронен известный советский писатель Федор Абрамов. Веркола – деревня на правом берегу Пинеги, напротив на левом берегу стоял монастырь, посвященный святому Артемию, в отрочестве принявшему смерть от молнии. Когда в годы культурной революции его разорили, монастырю было около трехсот лет и на его территории было несколько церквей, мощная, трехметровой толщины, кирпичная стена, целое монастырское хозяйство с подворьем, с угодьями пахотными, сенокосными, рыбными (озеро Красный Окунь).

Женский монастырь был в Суре. Его открыл Иоанн Кронштадтский, который родом из Суры. В эти монастыри ходили жители покшеньгских деревень жить по обету (по «овету») в случае, когда кто-то сильно болел. Отводили жить в монастырь или самого больного или кого-то за него из членов семьи. Жили срок, данный в обете, который мог доходить до нескольких лет. Об этом рассказывали и Илья Егорович Богданов, и Анастасия Ефремовна Амосова и другие.

Во время исследования обнаружилось, что в каждом доме есть икона и в очень многих – старинные (лет 300) литые распятия, очень тонкой работы с разной степенью деталировки символов этого известного сюжета. Иконы в домах висят в красном углу или в закутке (северная кухня) у женщин. Иконы часто попадаются старинные, сурового и лаконичного письма.

Сколько прошло всяких экспедиций по домам деревни, и всякая уносила какую-нибудь добычу: иконы, древние книги, расписные прялки, старинные сарафаны, повязки, рубашки, старинную медную, латунную, деревянную и берестяную посуду и утварь!

Каково отношение к религии у современного населения? Молодежь хочет крестить детей при рождении, и теперь это стало возможно. В Веркольский монастырь (его остатки) лет пять назад приехал служитель и стал отправлять церковные службы и таинства. Служитель принял сан монаха Иосафа. Ему помогают восстанавливать монастырь. Покреститься можно, приехав к нему или пригласив домой, в деревню.

Открытие церкви в Верколе очень важно для старых людей, особенно женщин. Ведь надо приготовиться к последнему событию человеческой жизни – похоронам. Надо где-то купить ладан и свечи. Раньше таким ближайшим местом был город Архангельск. Теперь это можно сделать поближе, в Верколе. Но все равно к иссле-

дователям были просьбы привезти столичных свечек, ладана, лент с молитвами, иконок, крестиков.

С 1970 г., когда пустили в эксплуатацию железную дорогу Архангельск – Карпогоры, этот край стал более доступным. Железная дорога – надежная, каждодневная транспортная связь. Но новых людей в Кобелево не прибавилось. Бывают редкие случаи, что кто-нибудь осядет здесь, но за время исследования таких не было.

В Кобелево живет семья Горст, второе поколение Горстов. Горст-отец был немец, приезжий. Женился на местной. Он был мастеровой человек, хорошо знал кузнечное дело. Построил себе небольшой домик. Его сын работает трактористом в совхозе, жена сына – почтальоном, в семье четверо сыновей. Молодое поколение Горстов построило себе новый, более просторный дом рядом с домом отца.

Этот случай, так же, как и воспоминания людей старшего возраста, указывает на то, что этот край был местом ссылок. Поэтому здесь и встречаются люди других национальностей. Часть ссыльных оседала в этих краях, часть уезжала после окончания срока ссылки. Ссыльные были политические, высылались и по вере. Эти люди оказывали на местное население определенное влияние, часто работали учителями.

Данные о занятости населения приведены в соответствующем разделе. Основное место приложение труда – это работа в отделении совхоза. Из табл. 1 видно, что в 1992 г. в Кобелево из 68 человек работающих в совхозе трудятся 33 человека (48,5%), а в Красном из 67 работающих – 54 человека (80,6 %). Из 33 жителей Кобелево, работающих в совхозе, непосредственно заняты в сельскохозяйственном производстве 22 человека (66,7 %), а в Красном из 54 работающих в совхозе – 48 человек (88,9 %).

В 1992 г. на работу в Кобелево приходят жители Лохново: Галашев Н.Е., который работает директором ПРТ, Минина – товаровед ПРТ, Сумкина – няня детсада, Арсентьева – землеустроитель в администрации, Лохновская – оператор почты и Лохновская – почтальон. Есть миграция жителей Красного и Кобелево по месту работы. Так, все механизаторы, шоферы, трактористы, телятницы, животноводы, живущие в Кобелево, работают в Красном, а начальник почты (РУС), живущая в Красном, работает в Кобелево.

Один человек из Кобелево работает в мехколонне, расположенной в Шилеге, и один работает сезонным рабочим от Лешуконской химартели.

К определению социально-классовой структуры населения прежде всего подойдем с позиций классовой теории. Если точкой отсчета взять предреволюционную деревню, то в ней жили :

– крестьяне-единоличники,

– служители церкви: поп, церковная десятка во главе с десятским, звонарь;

– служители порядка: стражник, староста сельской общины, писарь;
– учителя сельской школы.

Все служители, кроме попа и учителей, вели свое единоличное хозяйство, были крестьянами. Тот, кто занимался охотой, каким-либо ремеслом, все равно жил в семье, где основной работой, главным занятием был сельский труд – источник проживания. Остальные виды деятельности и занятия служили дополнительным источником материальных и денежных доходов.

В период интервенции, гражданской войны произошел раскол на белое и красное движение, причем эта черта разделения прошла не только по деревне, а внутри семей, где брат шел на брата, отец на сына.

После окончания гражданской войны структура сельского общества в основе осталась прежней: крестьянской, единоличной. Появились новые социальные статусы, например красный партизан – так называли участников гражданской войны на стороне красного движения. Промыслы, отходничество приобрели больший масштаб и вылились в формы артелей и коопераций. Появилась новая форма власти – советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

В 1929 г. на деревне появились коммунары – члены образованной на Усть-Покшеньге коммуны. В коммуну вошли не все жители околка, а только часть. Просуществовала коммуна, где хозяйство вели на общих началах, недолго, не более двух лет. Затем началась массовая коллективизация, при которой важно было различить такие социальные слои в крестьянстве, как кулак, середняк, бедняк. При этом статус красного партизана являлся политической охранной грамотой. Статус кулака, середняка и бедняка устанавливался в местных условиях по размерам богатства: наличию строений, скота, начищенных навин (земли), использованию наемной силы.

В период коллективизации образуются колхозы и крестьяне-единоличники становятся колхозниками – членами коллективно ведущегося хозяйства; рабочими артелей по заготовке древесины и ее продуктов. Кулаков выселяют в город (Архангельск), крестьяне относительно состоятельные становятся «твердозаданцами» и подвергаются верхушенью.

В это же время из среды крестьянства начинают выделяться рабочие лесозаготовительной деятельности – «кадры», как их называют в отличие от колхозников, работающих в лесу по разнарядке. «Кадры» отделяются и территориально: в это время появляются новые поселки лесорубов на Покшенье – Сылога, Кавра. На деревне появляются комсомольцы и коммунисты. Поп изгоняется, церкви закрываются. Стражник заменяется милиционером.

Во время войны помимо солдат деревня выделила из своей среды молодежь для фабрично-заводской работы в городах страны.

Колхозники по-прежнему составляют основную социальную массу населения деревни. В Кобелево живет сельская интеллигенция, состоящая из учителей, клубных работников, работников сельского совета, конторских работников, работников потребительской кооперации, работников лесничества.

В период 1953–1956 гг. само положение колхозников качественно меняется: отменяется большинство натуральных и денежных налогов, начинается переход к гарантированной оплате труда в виде окладов и заработных плат. Колхозникам устанавливается пенсионный возраст и пенсия, выдаются на руки паспорта. В 1969 г. колхозники становятся рабочими совхоза, таким образом осуществляется стирание различий между колхозниками и рабочими как путь формирования новой социальной общности – советского народа.

В постперестроечный период, как раз в момент обследования, происходит очередное преобразование рабочих совхоза в членов акционерного общества закрытого типа. Это преобразование наделило каждого работника совхоза земельно-денежным паем на бумаге и правом образования собственного хозяйства.

Самой устойчивой и постоянной собственностью жителей деревни за эти годы было личное подворье с участками земли, выделяемыми в личное пользование. В последнее время без этого подсобного хозяйства не обходится никто из жителей деревни. В продуктах труда личного хозяйства нуждаются все, независимо от сферы приложения труда в общественном производстве: и рабочие совхоза, и производственные рабочие, и сельская интеллигенция, и специалисты, и служащие, и обслуживающий персонал.

В начале прошлого века, в годы революции, коллективизации крестьянин мог получить в основном образование в 4 класса. Правда, все отмечают, что это образование позволяло работать бухгалтером. Многие, особенно женщины, оставались неграмотными. Церковно-приходская школа была образована в конце XIX в., до этого учили ссыльные, наемные учителя.

За исследуемый период существования деревни не было ситуации, позволяющей предположить, что она обречена. Можно говорить о разной степени наполненности жизни, о ее внутренней пульсации. Но из бесед с жителями и того, что исследователи увидели своими глазами, нельзя сделать вывод, что жизнь в деревне находится на грани угасания. Причина сохранения деревни кроется в понятии «малая родина», которая настолько своеобразна, неповторима, так питает душу человека, выросшего в ней, что как магнит удерживает на себе часть его жизни; она же щедро питает окружающую жизнь, жизнь большой страны, которая в ответ часто нарушает народную мудрость: «не плюй в колодец, пригодится воды напиться».

Об этом свидетельствует приезжий человек: «Правильно говорят о Пинеге: к ней привязываешься сразу, расстаешься с грустью и запоминаешь навсегда.

Мне вспоминаются слова одного бывалого северянина. Лет двадцать, задолго до того, как приехать в эти места, я расспрашивал его о здешнем житье-бытье. Почему-то многие люди, никогда не бывавшие на Севере, представляют его бесконечно огромной, стылой и безжизненной пустыней. Что-то подобное представлялось тогда и мне... Северянин выслушал меня с глубоко запрятанной улыбкой. «Не губите себя! – воскликнул он, выбрасывая передо мной руку.– Не ездите вы на Пинегу! Иначе всю оставшуюся жизнь не будете знать покоя. Ни во сне, ни наяву!..»[21]

Несмотря ни на что жизнь в деревнях по реке Покшеньге – Земцове, Большом и Малом Кротово, Лохново, Красном и Кобелево продолжается. За годы советской власти по реке выстроили три поселка лесозаготовителей: Кавра, Сылога и Русковера. Участок Кавра лет 20 как уже закрыт, там никто не живет.

Наибольшую вероятность превратиться в нежилую имела деревня Малое Кротово. Но в последнее время там остается жить молодежь, появляется новое юное поколение. Совхоз построил там большую ферму на 200 голов ремонтного молодняка.

В Кобелеве из шести его составляющих околков самые малолюдные Усть-Покшеньга и Околок. В Усть-Покшеньге живут одни пенсионеры. Только с Богдановыми живет сын-холостяк, который работает шофером в Шилеге. В доме бывшего председателя колхоза Николая Александровича Богданова живет его жена с детьми и внуками. Дом очень хороший, ухоженный, обустроенный, возможно, кто-то из потомков останется жить здесь. У Александры Егоровны Богдановой три внука и три внучки живут в Кобелево. В доме прописан старший внук Гена, который построил себе новый дом в Кобелеве. Но есть еще Костя, Коля, Люда и Света, которые не хотят уезжать из деревни.

В Околке живут три пенсионерки: Мария Яковлевна Москвина и сестры Анна и Наталья Никитичны Богдановы. У Москвиной пятеро детей, живущих в городах, все приезжают ее навещать. Дом ухожен, обустроен. Сестры замужем не были и бездетны, но на лето из города в отпуск приезжают племянницы.

Остальные околки Кобелево населены жителями разных возрастов, от детей до пенсионеров. На Холму строит новый дом новый глава администрации Воронин, он живет сейчас в доме отца с женой и двумя детьми. Щеголихины живут с двумя дочками школьного возраста. Сын Николая Федосеевича Щербакова Михаил живет в доме отца с женой и двумя детьми, посещающими детский садик.

В околке Шехино появился новый ряд домов, которые строят себе молодые неженатые парни. Отстраивается и ближайшая деревня Красное, хотя в околке Жабей людей стало значительно меньше. На вопрос: «Больше ли была их деревня раньше?» – многие жители деревень ответили, что домов не убавилось, а вот людей стало

меньше, потому что семьи раньше имели по 6–8 детей, а теперь это редкость.

На численность населения в какой-то мере влияет и то, что построили железную дорогу и недалеко от покшеньгских деревень возникли новые поселки лесозаготовителей и работников при железной дороге. Это поселки Ясный, Шилега, Карпогоры-товарная, основная часть жителей которых сформировалась за счет населения окрестных деревень, и не только покшеньгских.

С другой стороны, железная дорога стала более надежной связью с областным центром, чем пароход и самолет, связывавшие с миром этот край раньше. Отсутствие постоянной транспортной дороги сдерживало миграционные процессы в деревне.

Передвижение в пространстве как аспект жизнедеятельности

Маятниковая миграция жителей деревни Кобелево связана с их производственной деятельностью, прежде всего с ходьбой и ездой на работу. Регулярность этих передвижений для трудоспособного населения стала повседневной с укреплением колхозно-совхозного строя, когда все стали иметь какую-то должность, работу и необходимость отрабатывать часы. В доколхозной жизни эти перемещения в основном имели периодический характер, связанный с циклом сельскохозяйственных и хозяйственных работ.

Другим видом повседневных перемещений является посещение школы детьми, а дошкольниками детских садов и яслей.

Для всех жителей повседневным передвижением является посещение магазина, так как свежий хлеб пекут каждый день (кроме воскресенья) и в ограниченном количестве. В доколхозной жизни посещение лавки было делом эпизодическим, только для приобретения самых необходимых товаров: мыла, соли, сахара, керосина, пороха и т.п. Хлеб пекла дома каждая хозяйка, и эта традиция сохранялась при колхозной жизни, пока работали «за палочки», так как купить белый «базарский» (магазинный) хлеб было не на что.

Эпизодическим перемещением является посещение фельдшерско-акушерского пункта (ФАП) в Кобелево и поездки к врачам в районное село Карпогоры. С началом зимы ФАП посещают многие пенсионеры из Кобелево и Красного, так как в это время удобнее всего проходить курсы лечения: общеукрепляющие, витаминные уколы.

В деревне нет никакой службы быта, поэтому по всем вопросам ремонта бытовой техники приходится обращаться в село Карпогоры. До Карпогор добираются пешком и автобусом: утром уходят, а часам к 17–18 возвращаются.

Периодически посещают сельский Дом культуры, где раза 2–3 в неделю устраиваются дискотеки для молодежи и показывают фильмы для всего населения.

В доперестроечные годы в Кобелево собирались на митинги и праздники в день 7 ноября и 1 Мая. Еще раньше, в довоенные и послевоенные годы, сохранялась традиция отмечать старинные, испокон века существующие престольные праздники. Тогда на два дня в Кобелево съезжались гости из окружающих деревень, игрались большие мечища. Приезжали из Кротово, Земцово, Киглохты, Еркино, Кевролы, Немнюги, Карпогор, Шотовой и Марьиной и более отдаленных деревень. Ехали близкие и дальние родственники, кто лодкой, кто на лошади, кто шел пешком. Также ездили на Спасов день в Кротово, на Ильин день в Немнюгу – в каждую деревню на свой престольный праздник.

Периодическим перемещением является посещение кладбища, или могильников, как их здесь зовут. Это делается в родительскую субботу, поминальные и именинные дни. Так как кобелевское кладбище было исстари единственным погостом покшен и марьегор, то к могилам дедов и отцов приходят жители этих деревень и по сей день.

Периодические перемещения связаны со сбором ягод и грибов, которые были более распространены в дотехнические годы, в ближайшем лесу, где у каждого есть излюбленные места сбора. Обычно это тайга за могильниками, ориентиром служат линия электропередачи и ручьи: Середний, Еськин, Трохин, Чаблоков и др.

Издавна собирают ягоду, особенно морошку, на Большом болоте, километрах в пяти от Кобелево. Болото перерезано грядами твердой породы, на них и собирают ягоды. Зашел на одну гряду и идешь по ее длине, можешь встретиться с медведем, тоже большим любителем ягод, но это редкость. Как отметила Анастасия Ефремовна, раньше в лес ходили в непогоду, дождь, когда нельзя было заниматься сельскохозяйственным трудом, а сейчас наоборот: если дождь, непогода, то и в лес не пойдут.

До 30-х годов местом периодических посещений была церковь в Кобелеве, где крестили, отпевали, венчали и просто велись службы для прихожан. Сходки происходили на улице в определенном месте на границе между околками Шехино и Кобелево.

С установлением советской власти и образованием Покшеньгского сельсовета в Кобелево его регулярно посещают жители деревень, принадлежащих к этому сельсовету, по своим нуждам: взять необходимую справку, оформить наследство, зарегистрировать брак и т.п. В изучаемый период в Кобелево каждый рабочий день приходят 6 человек из-за реки, из деревни Лохново, из Красного приходит на работу начальник узла связи (почты). Такие перемещения по работе были распространены и раньше. Так, с образованием химартели те, кто в ней работал, ходили на работу на Кировский завод, расположенный на берегу Пинеги за ручьем Калия.

Те, кто занимаются охотой, рыбной ловлей, отправляются в тайгу, на озера, на реку за несколько километров. Здесь у каждого свои любимые места. Охота и рыбалка носят или однодневный ха-

рактер или связаны с отлучкой из дома на несколько суток и на более длительный период.

Периодическими являются поездки части взрослого, мужского в основном (а в годы войны преимущественно женского), населения в лес зимой и ранней весной на заготовку дров. Деляны выделяет лесничий недалеко, в радиусе 10 км. Туда идут пешком по насту, на лыжах; раньше ездили на лошади, в санях. Когда дрова заготовят, то вывозят их потом на машине или тракторе, когда смогут договориться о найме транспорта. Так же заготавливали и строительный материал в годы колхозно-совхозной жизни. А до этого времени такие заготовки носили характер сезонной миграции.

Периодически посещается всеми жителями Кобелево, Красного, Лохново, Кротово почта и сберкасса (сбербанк), что связано с получением пенсий.

Периодические передвижения (еженедельно) связаны с полосканием белья на реке. Это около километра пешком с ношей или на тележке, в лучшем случае на мотороллере.

Так как Красное, Кобелево и Малое Кротово являются Покшеньгским отделением совхоза «Тепловский», центральная усадьба которого расположена в деревне Кеврола, то несколько раз в неделю туда ездит машина с управляющим, бухгалтером, кладовщиком. Такие поездки стали регулярными с 1969 г., когда образовался совхоз. В конце 1992 г. он прекратил свое существование и отпала надобность в регулярных поездках. Скорее всего, управляющий и специалисты будут теперь ездить в село Карпогоры или в ведущее предприятие, если перейдут к кому-нибудь в подсобное хозяйство.

Основными местами посещения в деревне являются: школа, садик; почта со сберкассой; сельский Дом культуры; магазин, контора, сельсовет.

В настоящее время местом, где можно увидеть несколько человек в обеденное время, стала совхозная столовая, на которой обычно висит и афиша с объявлением о показе фильма, собрании в клубе. В эту же столовую бегают на обед школьники.

Местом встречи молодежи по вечерам служат Дом культуры и «шехинский» клуб (см. Прил. 1 – история семьи Поповой А.Н.). Местный самодеятельный хор обычно собирается на спевки в деревне Красное в доме у Марии Герасимовны Поповой. В Кобелево хор иногда собирается дома у Евстолии Семеновны Щеголихиной.

В Кобелево периодически приезжают орсовские машины из лесных поселков Сылога, Русковера, Сия с разными товарами и продуктами. Попутно они скупают у населения излишки картофеля.

Лет 10 назад местом концентрации людей была производственная зона с машинным парком, гаражом, складами, кузницей; еще раньше – конюшни и скотные дворы. У больших колодцев, колодцев общего пользования до сих пор можно встретить группы людей, но не более 2–3 человек.

В период сенокоса все выходят на сенокосные угодья. Совхозные обрабатываются техникой, а частные вручную. Косят в лучшем случае мотоблоками, а в основном косой-стойкой. Поколение 20–30-х годов косит чаще всего косой-горбушей – в наклонном положении. Расспросив людей, пользующихся этой косой, выяснили, что раньше только так здесь и косили. Коса-стойка появилась здесь недавно, в послевоенные годы. Употребление косы-горбуши можно объяснить, с одной стороны, архаичностью края, а с другой – тем, что косить приходится в неудобных местах, в сложном рельефе.

В то время когда пользовались лошадьми и другой тягловой силы не было, на сенокосы выходила вся деревня. Трудились, пока все не будет выкошено, высушено и убрано. В жатву тоже все на полях. Жали раньше серпом, потом уж появились жнейки. В настоящее время для уборки всех полей используется один комбайн.

С началом копки картофеля наступает двухнедельный период, когда все жители деревни находятся на своих участках.

Периодической, сезонной миграцией с возвратом является учеба детей. После начального обучения до неполного среднего (семь, восемь, девять классов) дети из окрестных деревень приходили или их привозили на неделю учиться в Кобелево. Кто жил в интернате, кто у родных. Сейчас в Кобелево приходят дети из Красного, где нет школы, и из Лохново, где школа только начальная. А раньше это были дети и с Марьиной Горы, и из Немнюги, и из Кротово.

Но дети из Кобелево для получения среднего образования точно так же мигрируют в село Карпогоры, где есть интернат. Некоторые каждый день уходят рано утром и возвращаются вечером. Учатся в поселке Ясном или другом месте, где есть жилье у родственников.

Сезонная миграция особенно была развита в доколхозное время, когда значительная часть населения после окончания сельскохозяйственных работ уходила из дома на заработки. Основным способом заработать были лесозаготовки. Индивидуально или артельно крестьяне подряжались рубить, вывозить, плотить и сплавлять лес. Эта работа занимала зимний период и весенний, когда начинался разлив рек и сплав леса плотами. В начальный период советского времени на эту работу привлекались женщины, девушки и девочки (12–14 лет). Лес заготавливали по рекам Покшеньге и Пинеге там, где отводил участки лесничий или подрядчик. Сплавляли лес до Пинеги или до Архангельска, до которого по дороге 360 км, а по изгибам рек и того больше. Обычно сплавщики получали расчет в местах доставки леса и в этих городах закупали товар: мануфактуру, одежду, посуду, вкусную и редкую в деревне еду.

Сезонно мигрировали в тайгу, на озера охотники и рыбаки. О расстоянии миграции трудно судить, так как у каждого были свои любимые места в ближайшем радиусе тайги (приблизительно до 20 км). Но могли уходить и на сотни километров от дома.

В сельскохозяйственной деятельности с сезонной миграцией связаны сенокос и пастьба скота на дальних поскотинах. Сенокосные угодья деревни были расположены на Вида Курье, Охтоме и выше по течению реки. Сенокос длился в течение июня–августа. В доколхозное время туда выезжали единолично, а в колхозно-совхозное – снаряжались бригадами, куда входили старшеклассники. В местах дальних сенокосов стояли избы и бани. Берегом гнали туда коней и коров, иногда одну – для снабжения молоком работавших на покосе. По реке на лодке доставляли провиант. На покос на Вида Курью ездят до сих пор.

Скотину, особенно телят, также гоняли вверх по Покшеньге за 200 км на летние пастбища, там скотину держали до первого снега. Дальняя пастьба существовала до совхозного времени.

Особым видом миграции являлась миграция отдельных членов семьи по обету в монастыри. Такая миграция длилась от нескольких месяцев до нескольких лет – кто на сколько «оветился». Женщины отправлялись в Сурский монастырь, а мужчины в Веркольский. Тех, кто по «овету» (обету) уходил в монастырь, глава семьи отвозил на лошади, особенно женщин. Могли уйти и пешком.

Постоянная миграция с возвратом продолжалась все время существования деревни. Прежде всего это солдатчина. Служба в царской армии была разной длительности – от 5 до 25 лет, а в советский период – от 2 до 5 лет. Крестьян, служивших 25 лет в царской армии, звали канторами.

Службой в армии были вызваны отъезды из дома во время Первой мировой и гражданской войн, во время интервенции, в Великую Отечественную войну (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.). Не все возвращались: кто погибал, кто после войны оседал в других местах, но большинство стремилось вернуться в родную деревню.

Миграция произошла и во время гражданской войны, которая задела каждую семью: хотя и была объявлена всеобщая амнистия, те, кто оказался на стороне белых, старался сменить место жительства, опасаясь преследования власти или мести односельчан.

В период перед коллективизацией и во время ее происходила большая миграция населения. В 1929 г. правительство осуществляло массовое переселение в Сибирь. Так, из семьи мужа сестры Антонины Богдановой дядя с женой уехал из деревни Еркино в Красноярский край, на Алтай. Там он поселился в деревне Шаман, где жил единственный абориген, а остальную часть населения составили переселенцы, и все были из Архангельской области.

Уезжали из деревни во время раскулачивания. Точно неизвестно, куда уехали Беляевы и Щербаковы из Кобелево, но Башкины из Жабея обосновались в Архангельске. В этот же период из Украины, Белоруссии ссылали раскулаченных в эти места, но они с местным населением не смешивались, а жили отдельными поселениями, занимались лесоразработкой.

Отъезд отдельных жителей был связан и с отбытием срока наказания, которые особенно практиковались после образования колхозов. За малейшую провинность человека отсылали в тюрьму, часто по доносу. Крестьян укрощали страхом. В войну за опоздание на работу на 3 минуты давали полгода тюрьмы, а за большее опоздание – несколько лет.

С началом колхозной жизни, когда семьи едва сводили концы с концами, из деревни начали уходить в город – учиться, работать, устраивать семейную жизнь (Прил. 2 – беседа с Амосовой А.Е.).

В настоящее время возвратная миграция идет под видом покупки домов, возвращения детей к родителям, достигшим пенсионного возраста. Это все, по существу, дачники, но местные жители их так не воспринимают, потому что они знают их родню, их отцов и матерей, дедов и бабок – просто люди вернулись в родные края. Они как бы свои, собственники домов. Так на Холму купили дом под дачу Дьячковы, но Зина, хозяйка, она местная, ее все знают. Живут они в своем доме все лето. На зиму уезжают в город. Завернина купила дом Шехина А.Ф., отец которого был сапожником, в доме долгие годы никто не жил. После выхода на пенсию Завернина собирается жить постоянно, а сейчас она приезжает на выходные в любое время, так как живет в Карпогорах. Но Любу Завернину (дочь Козьмина Николая Егоровича) все знают, она родом из Жабея. А ее сестра А.Н. Богданова, наша респондентка, живет в доме рядом с бывшим домом Шехина.

Редкий случай миграции – это приезд В.В. Воронина в родную деревню, где он пытался организовать малое предприятие, а стал на момент исследования главой администрации. Хотя он живет с женой и двумя детьми в пустом доме отца, он уже строит собственный дом. Воронин окончил Лесную академию в Ленинграде, работал в Ленинградской области, лет 17 не ездил в родные края. Теперь он занимает высокий пост, олицетворяет власть на селе. Он вроде не чужой, но уже и не свой. Это человек городской, образованный, который пытается начать жизнь в деревне по новому образцу. Еще трудно судить, насколько он приживется в деревне. Но жители к нему терпимы, пока присматриваются.

В последние десятилетия многие старшеклассники уезжают учиться в город в училища и техникумы по направлению совхоза. Возвращаются назад, но работу совхоз дает не всегда в родном селе. Например, дочь Владимира Щеголихина Анастасию после окончания техникума направили работать сначала в Лохново, потом в Кушкопалу. Она зоотехник, а работает дояркой.

О приживаемости и адаптации ярко говорит пример Горста-отца, человека мастерового, кузнеца, Его уважали за знания и умения, но дом – избу в три окна – строил себе сам, без помощи, так как денег лишних не имел, а строить за «так» не принято в этих краях. Обошелся своими силами.

За последние два десятилетия появился новый тип миграции: одинокие родители едут зимой в город к детям, а на лето возвращаются в свой дом. Так, в Кобелево в 1992 г. восемь человек уехали жить в город к детям и их дома всю зиму простояли пустыми.

Формальные и неформальные институции (учреждения)

По этой теме автор опубликовал статью[22], где описан понятийный аппарат по институциям и приведены результаты анализа изменения сельских институций по материалам проекта (это 21 деревня, село по всей России) на основе функционального подхода. По этому принципу проведена беседа с Николаем Федосеевичем Щербаковым (Прил. 2)

Единоличное хозяйство

Центральными институциями деревни являются те, в рамках которых осуществляется сельскохозяйственный труд. До 1929 г. такой институцией было единоличное хозяйство. В единоличных хозяйствах производилась вся продукция: рожь, ячмень, репа, капуста, редька, лен, конопля, молоко, мясо, шерсть. Из скота держали коров, овец и лошадей. Лошадь была основной тягловой силой.

Основой единоличного хозяйства являлась большая патриархальная семья. Семья жила в доме со всеми хозяйственными пристройками под одной крышей. Для изучаемой деревни, края определено классическое традиционное устройство северного дома.

Входная дверь ориентирована всегда на юг. Дом с дверью на другую сторону света – нездешняя манера, традиция. Дверь с улицы вела в сени, которые называются передызье (перед избой). Дома на Севере рубят из дерева в «чашу» или «обло» с выступающими концами бревен.

Клеть – основа сруба. Изба – это часть дома, жилое помещение с печью. Из передызья (сеней) двери вели в проходную комнату – избу с задосками, мог быть заулок. Вторая комната – чистая изба для приема гостей. На каждую избу приходится по 6 окон. Между двумя избами мог быть чулан, заулок для хранения продуктов, посуды. Здесь было обычно широкое, «тальянское» окно. Чулан соединял два сруба, которые могли быть и впритык без чулана и с одной общей стеной.

Из сеней двери вели к двум другим избам-боковушкам, которые могли быть и без печей. В одной горнице хранились наряды в сундуках, в другой избе – кладовая. За жилой частью шла поветь – громадное помещение площадью не менее 80 кв.м. На повети хранились по краям, по стенам сани, инвентарь. Под потолком сушились на жердях веники. На повети хранилось сено. На повети могла быть огорожена мастерская, где хозяин делал грабли, правил косы, плел корзины и т.д.

В задней части были поветные ворота, в которые въезжала по взвозу лошадь, запряженная в сани или телегу. Внизу, под поветью был назем с хлевом, куда вели наземные ворота для прохода скота. Через назем скотина попадала в хлев – каждый вид в свой хлев, лошади в конюшню. Поветь и назем сообщались между собой лестницей. В двойном настиле между поветью, хлевами и конюшней были проделаны специальные отверстия над кормушками скота. Через отверстия сено с повети подавалось скоту.

Передние жилые избы составляли около одной пятой всех построек, и, как правило, стояли на высоком подклете или же дом делался двухэтажным. На первом этаже жили зимой, а на втором летом. Над жильем обычно на чердаке была комната-светелка, называется в этих краях вышка.

Все постройки находились под одной крышей, это удобно в краю, где дожди обильны, а зима очень сурова. Сбоку к основному дому пристраивались одна или две низкие избы, которые сообщались с основным домом. В низких избах жили зимой, они лучше сохраняли тепло. В них же «обряжали» коров: давали им пойло, доили.

В традициях северной крестьянской усадьбы, кроме дома, на задворках помещалась баня. Отдельно от дома ставился амбар. Иногда амбары стояли своим рядом или кучкой. Амбар – это клеть на столбиках-грибах, чтобы не залезли грызуны. Амбар свидетельствовал о богатстве: «Есть в амбаре, будет в кармане», «Не замесишь густо, как в амбаре пусто».

В единоличном хозяйстве обязательно были гумно и овин. Овин отапливался и в нем сушили хлеб, а на гумне хлеб обмолачивался. Гумно имело два больших окна друг против друга, которые открывались при провеивании зерна и были расположены в направлении юг–север, как дуют господствующие здесь ветры. Молотили кичигами – специально обработанными суковатыми палками: за сук держали, лопаткой-стволом молотили.

В период исследования мы не застали уже гумен и овинов, да и прясла для сушки снопов исчезли с полей и околиц деревни. Гумна и овины пошли на общественное колхозное строительство.

Дом описанной постройки – это классический вариант, а в жизни крестьянин стремился построить прежде всего поветь с хлевами и наземом и для себя жилую избу-боковушку, а уж «перед» строился в последнюю очередь.

Были избы победнее, из одной комнаты, сеней и хлева позади дома. Но ставили их редко, и они почти не сохранились, а те, что остались, сейчас нежилые: в Кобелево только у Горста-отца, да в Красном не больше трех домов.

Гумно и овин имело практически каждое хозяйство. Но были случаи, когда один род имел одно гумно и овин на несколько семей. В Кобелево не припомнили такого случая, а в Красном так было в роду Поповых-Алексеевичей.

Как свидетельствует старшее поколение, землей здесь очень дорожили. Ее было мало, доставалась она каторжным трудом за счет очистки от тайги. Сеяли здесь рожь и ячмень, овес только для лошадей, больше заготовляли сена. Из овощных преобладали редька, репа и капуста, не боящиеся морозов, а также лук. Картофель появился недавно, в начале прошлого века. Из технических культур преобладали лен и конопля. Лен – текстильная культура, а конопля – для изготовления веревок, гужевых принадлежностей. Из семян этих культур получали масло.

Для северного единоличного хозяйства при недостатке земли и угодий характерны дальние сенокосы и выпасы скота. Эти перемещения достигали несколько сот километров вверх по Покшеньге, где были отведены сенокосы и поскотины покшенам. Все поля, сенокосы, поскотины огораживали. Овец пасли без пастуха, в огороженных местах: они никуда не уходили и на поля не заходили. Для коров нанимался пастух, который пас скотину в поскотине.

Вновь разработанные земли – чащинины, навины – несколько десятков лет были в пользовании того, кто их разрабатывал, а затем они переходили в общину и делились по душам, как и все остальные угодья, принадлежавшие сельской общине.

Единоличное крестьянское северное хозяйство имело натуральную форму: продукция на рынок не поступала, вся шла для внутреннего потребления (Прил. 2 – беседа с Щербаковыми А.И. и С.Н.).

За исследуемый период единоличное хозяйство в рамках сельской общины функционировало как производственная единица, постепенно меняясь и совершенствуясь под воздействием проникавших в деревню новых орудий труда, новых сельскохозяйственных культур, приемов работы. Отношения между людьми тоже изменились, но имели в основе сложившуюся традицию отношений, которая гарантировала устойчивость жизни сельской общины.

В послереволюционный период до коллективизации единоличное хозяйство сохранялось. Но в это время изменилась форма и размеры налогов. Никто их точно не помнит, так как все в то время были молоды. Но это же время совпадает с расцветом артельничества и кооперации. Артельные разработки леса, особенно химартели, приносили немалые доходы. В деревне появляются деньги. Закупаются плуги, металлические бороны. Развитие потребительской кооперации способствовало лучшему снабжению деревни, развитию торгово-обменных отношений.

Личное подсобное хозяйство

В течение описываемого времени, образовавшись из единоличного хозяйства, не перестает существовать личное подсобное хозяйство. Надо отметить, что единоличные хозяйства сохранялись в

деревне вплоть до войны: наиболее упорные крестьяне не хотели принять колхозного строя. Часто старики-родители оставались единоличниками, и им даже выделяли землю, правда, в основном неудобья, а дети их становились членами колхоза.

За годы своего существования личное подсобное хозяйство претерпевало различные изменения. До 1954 г. на хозяйство существовал натуральный и денежный налог. Существовали ограничения и по размерам земельного участка, а сенокосы не выделялись, так как их было мало. Сено давали из колхозного по заработанным трудодням, а также существовал торговый фонд, из которого сено можно было купить.

По данным на 2002 г. возросла роль личного подсобного хозяйства как источника продуктов питания для семьи и ее родственников в лесопунктах, селе и городе, а также как места самозанятости населения. В растениеводстве домашнего хозяйства преобладают посадка картофеля в товарных объемах, овощей в объемах потребности семьи, количество скота определяет объемы заготавливаемого сена. Жители держат в основном коров, овец, пенсионеры держат коз (для молока). Свиней почти не осталось в крестьянских подворьях из-за дороговизны комбикормов, выращивать их стало не выгодно. Подорожание и, самое главное, дефицит топлива, привели к увеличению лошадей в личных хозяйствах. Это и тягловая сила, и вид передвижения с более доступным «топливом».

Коров на подворье в Кобелево, по данным отчетов сельсовета, в 1984–1986 гг. было всего пять голов, в 1992 г. – девять, в 2002 г. – 17. В последнее время заготовка сена зависит только от расторопности хозяев. А были годы, когда сена накосить было негде. После 1992 г. количество скота на подворье увеличилось, появились и бычки на откорме, из которых оставляется бык-производитель. Содержание крупного рогатого скота – самое доходное занятие.

Сельская община

До коллективизации в хозяйственной жизни единоличника распределительную роль играла община, на сходах которой делили пахотные и сенокосные угодья. До революции пахоту делили раз в 10 лет по мужским душам, на родившихся мальчиков добавляли надел. После революции раздел происходил раз в 5 лет по едокам, женщины также получали надел.

Сенокосные угодья делили по душам в определенном порядке каждое лето, как только трава созреет для косьбы. Так соблюдались справедливость и равенство для всех (Прил. 2 – беседы с Щербаковыми А.И. и С.Н., Поповым В.Т. и Богдановым И.Е.).

Подробнее о роли общины см. ниже (раздел «Власть на селе»).

Отходничество и ремесла

Суровость климата и частые недороды не каждый год позволяла получить вызревший хлеб. Отсутствие дохода от сельскохозяй-

ственного производства, высокая степень риска закономерно требовали дополнительного приложения труда крестьян в других видах деятельности.

Этими дополняющими сельский труд промыслами были лесоразработка и лесозаготовка, охота, плотницкое и столярное дело, кожевенное и кузнечные ремесла, портняжное, сапожное и т.д. Из перечисленных видов деятельности только лесозаготовки и охота имели выход на внешний рынок и приносили самый существенный денежный доход. Остальные позволяли удовлетворять внутренние потребности деревенских жителей и давали не столько денежный, сколько натуральный доход, возможность обмена или отработки.

Лесозаготовительная деятельность велась артелью, семьей или индивидуально. Ею, как правило, занималось мужское население. Илья Егорович Богданов (1909–1992) вспоминает о расчистке леса под сенокос, которые принесли Мите Королю богатство (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.). Лесозаготовительная деятельность велась артельно и до революции. В советское время артели несколько специализировались. Одни заготовляли деловую древесину и сплавляли ее в Архангельск или Пинегу, а другие в химартелях заготавливали лес и серу. Из древесины делали смолу на смолокурнях, а серу затаривали в бочки собственного изготовления и отправляли в Архангельск на канифольный завод. Смолокуренный завод находился за ручьем Калия и назывался Кировским, так как был основан в год убийства Кирова.

В послереволюционное время другими производственными формами труда были промартели, которые объединяли кустарей-одиночек; в них умельцы сапожничали, столярничали и занимались другими видами ремесел. Известна промартель «Красный пролетарий», объединявшая кустарей-одиночек не только Кобелево, а всего района. Контора химартели была в Кобелево.

После войны, в начале 60-х годов, леспромхозы полностью оформились и организовались и обходились без помощи колхозников. Химартели же прекратили свое существование, а их контора перешла в ведение Земцовского лесничества. О конторе лесничества рассказал Шехин Ю.П., так как он несколько десятилетий был лесничим. В конторе химартели оборудовал мастерскую, в которой лесники в зимнее время до сих пор занимаются изготовлением лодок-шитух, бочек, ушат, метелок и пр. продукции ширпотреба. А контора лесничества переехала в Земцово, где живет сегодняшний лесничий. Заготовка серы перешла в веденье лесничества, а смолокурение прекратилось вовсе.

Охота была занятием индивидуальным. Сдача пушнины приносила немалый доход. Из наших собеседников самым старым охотником был Илья Егорович Богданов. Его рассказ о том, как он подстрелил сразу несколько медведей зимой – одно из ярких воспоминаний о любимом занятии (Прил. 2).

Другие виды деятельности велись индивидуально или семьей. Так, например, А.И. Щербаков, обучившийся столярному делу еще в школьных мастерских, стал столяром. В Кобелеве нет дома, где бы не было мебели или оконных переплетов, к которым не приложил бы руки Александр Исакович.

Раскулаченная семья Ушаковых занималась выделкой шкур и шитьем полушубков. Шехин Александр Степанович был сапожником. Боковая изба в его огромном доме была приспособлена под мастерскую, и у него был весь сапожный инструмент.

В крестьянской семье Севера мужчины владели плотницким делом, умели плести из бересты, изготовлять и чинить орудия труда, в основном деревянные. В начале прошлого века еще пользовались деревянной сохой, бороной. И.Е и Е.Е. Богдановы вспоминают о ремеслах, которыми занимались в деревне в годы их молодости (дегтеварение, выделке кожи, валенок, строительство печек, о столярах, кузнецах, портных) (Прил. 2). В Шардомени были хорошие плотники, а в Церковой Горе – горшечники.

Существовала специализация и в кузнечном деле: для ковки ободов для колес обращались к шотогорским мастерам. (Не путать деревни Шотогорка и Шотовая Гора. Шотогорка расположена ниже по течению Пинеги, Шотовая – напротив впадения Покшеньги в Пинегу). До коллективизации в деревне были кузнецы, имевшие собственные кузни, где обслуживались местные крестьяне. Была постоянная нужда подковать лошадь, сделать мелкий ремонт инвентаря. После революции кузницы стали общественными, перешли в колхоз. С приходом техники и сокращением поголовья лошадей кузницы в старом качестве исчезли, превратившись в подразделения слесарных мастерских при машинном парке, гараже.

Женщины из льна пряли пряжу и ткали ткани для разных хозяйственных нужд: постельного белья, полотенец, скатертей, одежды. Льняные нити красили природными красителями. Из окрашенных ниток ткали разноцветные ткани в клеточку, которые называют «пестерединники». Из «пестерединников» шили мужские рубашки и женские сарафаны. Это была рабочая одежда. Мужские рубахи шились с закрытым воротом, что предохраняло от полчищ комаров, мошкары и другого гнуса, так как эту ткань прокусить кровососы не могли. В обработке льна также были заняты в основном женщины, мужчины только возили мочить лен, для чего существовала общая мочильная яма между Красным и Кобелево.

Прялки, веретена, ткацкие станки – все делалось из дерева и переходило из поколения в поколение. У многих жителей деревни ткацкие станки лежат в разобранном виде. А по замечанию Софьи Николаевны Щербаковой, сделать их топором из дерева – немудреное дело. В этих местах пользуются прялкой-кокорицей, для ее изготовления ищут специальную часть ели с корнем, чтобы прялка была из цельного куска дерева, не составная. Прялки расписные,

мезехенские. На лопасти прялки охрянно-красные солярные узоры с рядами скачущих красных коней на янтарно-желтом, проолифенном фоне. Все эти узоры символизируют космический порядок и гармонию. В центре часто изображалась фигурка человека в каком-нибудь бытовом сюжете (например, чаепитие), на охоте, среди природы. Прялками женщины пользуются до сих пор: прядут пряжу из овечьей шерсти.

Ткани ткали самые разные: портное, полотно, пестрядь, шерстяное, сукно и т.п. Одежда шилась традиционных фасонов различного назначения. Девушка готовила себе приданое из ткани. Можно много говорить о своеобразии одежды, традиционных узорах, качестве окраски льняных тканей. Узоры были тканые и плетеные: на поясах плетеные, а тканые на полотенцах. На сарафаны пришивались тесьма и кружева. Все это изготовлялось в единоличном хозяйстве (Прил. 2 – беседа с Щербаковыми А.И. и С.Н.). А.Е. Амосова описывает одежду, которую носили ее родители и она сама в молодости, рассказы дополняют И.Е. и Е.Е. Богдановы (Прил.2).

В настоящее время шкуры в деревне не выделывают (по крайней мере, об этом неизвестно) – разве что на шапки, старым способом с помощью кислого теста.

Деревенские помощи

Помощи, распространенные в деревне – это дожинки. Память о них сохранилась у современных жителей. У кого большая жатва, тот приглашал девок, жонок в поле, жали все приглашенные. Хозяева угощали едой и вином, плата не полагалась. Богатые могли и одарить жниц тканью.

Уже около пятнадцати лет изгороди вокруг угодий не поддерживаются, приходится пасти овец сообща. В Кобелево, на Холму пасут индивидуально, а Околок с Усть-Покшеньгой пасут овец по очереди: за каждую голову скотины надо отпасти день с 8 утра до 4 дня. В Красном нанимают подростков пасти овец по 30 руб. с головы в месяц.

Деревенское строительство

Когда строили дома, то помогали родственники или соседи. За строительство полагалась оплата деньгами или отработка.

Большие патриархальные семьи делились. Девушек выдавали замуж, а парней женатых отделяли. Строили им дома. Помогали завести хозяйство. Дележ между братьями мог быть разрешен на сходе, а чаще это решал глава семьи. По традиции, дом родителей отдавался последнему сыну, с которым родители доживали (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е., Москвиной М.Я). О строительстве дома в современное время рассказал Владислав Владимирович Попов (Прил. 1 – беседа от 26 июня 2002 г.).

О частном строительстве уже упоминалось. Общественное строительство осуществлялось подрядным способом. Несколько плотников во главе с мастером подряжались построить что-либо для общественных нужд. Так строили зимнюю церковь, здание почты и пр. Расходы покрывались из общественной или церковной казны. Расписывать церковь община подряжала московского художника.

С установлением колхозов плотницкие бригады строителей перешли в состав колхоза, а затем и совхоза. Но в последнее время на деревне появились и сторонние строители, различные организации: передвижные механизированные колонны (ПМК) и строительно-монтажные поезда (СМП). Это касается строительства из незнакомого материала – бетона и железобетона, кирпичных кладок. Так строили котельную в Кобелево, теплый гараж с мастерской и котельной в Красном, телятник в Кобелево (недостроен).

Кирпич для дымоходов и печей в деревне делали свой, из местной глины. Глину месили на лошадиной тяге, выкладывали в ящички, она сохла, из нее могли сложить печь и не обжигая: все равно обжиг в печи произойдет. Такой кирпич делали и при колхозе, тогда кирпичные вошли в состав колхозов. А до колхозов кирпичная была на Усть-Покшеньге: кирпич для местных нужд делали там. Последние годы кирпич завозят пароходом в навигацию.

Когда существовала община, то по единоличным хозяйствам распределялись такие виды работ, как починка и строительство изгороди, ремонт дорог, заключавшийся в рытье кюветов, засыпке рытвин, строительстве и починке мостов. В колхозное время эти виды работ распределялись между бригадами. Во время Отечественной войны существовала 6-дневная повинность по ремонту дорог, если человек не отрабатывал, то отчисляли 6 трудодней из заработанных.

С образованием совхоза ремонт и строительство дорог приобрели ведомственный характер. В 1991 г. сельсовет получил 235 га земли, и теперь дороги, проходящие по территории сельсоветской земле, должны содержаться из его бюджета.

Во времена существования общины и колхоза жители Кобелево содержали в рабочем порядке участок почтового тракта, проходивший по той стороне Пинеги у деревни Марьина. Этот тракт-дорога до сих пор находится в эксплуатации.

Мельницы

Необходимым атрибутом крестьянской жизни был помол зерна на муку. До сих пор у некоторых жителей сохранились и лежат возле домов (например, у Тыркасовых в Околке) каменные жернова, которыми мололи зерно в домашних условиях. Жерновами пользовались и во время Великой Отечественной войны.

Но были распространены и водяные мельницы, которые ставили на нешироких речушках-ручьях Еськин и Калия, притоках Пок-

шеньги. На Калии была мельница, сделанная местным жителем полностью из дерева, даже шестеренки были деревянные. Об этом рассказали Н.Ф. и П.В. Щербаковы (Прил. 2).

Несколько меленок стояли в Большом Кротово на притоке Покшеньги реке Шельмуше. Те, кто содержал мельницы, жил в относительном достатке, по крайней мере всегда с хлебом.

Коммуны

Людская память сохранила такое потрясение в жизни крестьян, как гражданская война 1918–1920 гг., но это событие не изменило кардинально сложившегося уклада хозяйственной жизни деревни. Гораздо большим изменениям подверглась жизнь деревни в период коллективизации 1930–1934 гг. Перед коллективизацией на Усть-Покшеньге была образована коммуна «Красный партизан». Об образовании и жизни коммуны рассказали сестры Богдановы. Была коммуна и в деревне Нюхча, откуда родом А.Е. Богданова, история жизни которой описана отдельно. Из рассказа жителей известно, что коммуна образовывалась и в Веркольском монастыре.

Образование коммуны началось по инициативе сверху. Из района приезжал уполномоченный и агитировал идти в коммуну. Мужики советовались, и часть деревни вступала в коммуну. В Нюхче тем, кто не шел в коммуну, не отпускались ходовые товары в магазине.

Коммуна просуществовала недолго. Крестьяне обобщили инвентарь, скот, питание. В Усть-Покшеньге обобществили дома коммунаров. Обобществленный скот стоял в хлевах бывших единоличников. Коммунары завели маслобойку.

Особенно подрывало коммуну то, что было принято решение коммунаров переселить в один конец деревни, а единоличников – в другой. Коммуна как бы распалась, но в это же время началась коллективизация.

О создании коммуны на Усть-Покшеньге рассказали сестры Богдановы (Прил. 2), в деревне Нюхча – Богданова А.Е. (Прил. 1).

Колхозы

Вновь сверху посыпались уполномоченные из района, и началась кампания по образованию колхозов. Первый год это были небольшие хозяйства из нескольких хозяйств добровольцев-единоличников, как правило, незажиточных крестьян. Им отводились лучшие угодья в одном месте. Затем началась сплошная коллективизация. Идеологической базой коллективизации была борьба с частнособственническими пережитками в сознании крестьян. С социологической точки зрения крестьянство было поделено на три группы: бедняки, середняки, кулаки. В политике применялся метод кнута и пряника: налог для всех, но для колхозников поменьше, с льготами. Остальные подвергались налоговому прессу, повышенным трудовым повинностям. Кулаков выселяли, их имущество рек-

визировали. Сестры А.Д. и Н.Д. Богдановы рассказали о раскулачивании и коллективизации, разговор о коммуне с И.Е. Богдановым перетек в повествование о колхозе (Прил. 2).

Колхозы были в каждой деревне, к 1931 г. в Кобелево образовался колхоз «Красный Север», в Красном – им. Молотова. Хозяйства были многоотраслевые, все, что возделывалось и разводилось в единоличном хозяйстве, перешло в хозяйства колхозов. Обобществляли скот, инвентарь, строения. Трудовой основой колхозов стали середняки. В колхозы шла прежде всего молодежь и те, кто уже испытал на себе во время интервенции разделение на белых и красных, те, кто уже отдал себя борьбе за новую, народную власть, сделал выбор.

С момента образования колхозов крестьянский труд разделился на два вида: общественный и лично для себя. На Севере общественные работы колхозника производились в колхозе на обобществленных угодьях бывшей сельской общины или в виде различных трудповинностей. Одной из основных была работа на лесоразработках (Прил. 2 – беседа с Богдановой Е.Е.).

В 30-х годах начали формироваться лесопункты и леспромхозы, основную рабочую силу в которых составляли местные крестьяне, колхозники и спецпереселенцы из Западной Украины и Белоруссии, где много было поляков. Только после Отечественной войны, в 50-х годах, в леспромхозах сформировались свои кадры из тех же жителей деревень и колхозников перестали привлекать к лесоразработке.

Личный труд колхозников заключался в обработке приусадебного участка, содержании домашнего скота для удовлетворения личных потребностей.

В Кобелевском колхозе было три бригады, которые имели свои конюшни, скотные дворы, весь необходимый инвентарь и орудия труда. В таком виде колхоз просуществовал до 1951 г., когда его укрупнили, создав один колхоз им. Молотова из трех деревень Кобелево (колхоз «Красный пахарь»), Красное (колхоз им. Молотова) и Лохново (колхоз «Победа революции»).

Екатерина Ефимовна Богданова рассказала, что семенное зерно лучше сушилось, что у каждой бригады были свои гумна и рига. При колхозе было более 60 овинов, хватало на посевную. «Высушим, самолучшее зерно это на семена. Ладом высушим, ладом все». До войны и в войну государству отсыпали столько надо, затем засыпали семена и, наконец, остатки – на еду. У каждой бригады были свой и казенный амбары, семена же все свои: лен, конопля. Из конопли веревки вили, в лес поедут: вожжи, веревки все свои.

В 1958 г. к укрупненному колхозу присоединили еще две деревни Кротово (колхоз им. Чапаева) и Земцово (колхоз им. II пятилетки). Новый колхоз «Родина» просуществовал до 1969 г., когда по инициативе сверху все колхозы были преобразованы в совхозы. Колхоз

«Родина» стал покшеньгским отделением совхоза «Тепловский». Все годы существования колхоза в Кобелеве был административный центр: контора и правление колхоза.

Наибольший расцвет колхоз «Родина» пережил в 1956–1959 гг., когда он стал колхозом-миллионером. МТС в этих краях не было, тракторы, машинная техника стали появляться только в 50-х годах.

Время существования колхоза в Кобелево можно разделить на три периода: становления (1930–1950 гг.); расцвета (1951–1959); медленного развала (1960–1969 гг.).

Как отделение совхоза Кобелево просуществовало с 1969 по 1992 г. За этот период отделение уменьшилось. Лет десять назад деревня Земцово отошла к леспромхозу как подсобное хозяйство, а деревни Лохново и Большое Кротово составили самостоятельное отделение совхоза, а Кобелево, Красное и Малое Кротово – Покшеньгское отделение совхоза «Тепловский».

Развал хозяйственной деятельности усилился в перестроечное и постперестроечное время. Контора отделения находится в Кобелево, но все производственные помещения переместились в Красное и Малое Кротово. На момент исследования в Кобелево нет никаких ферм, мастерских, гаражей, остались луга и поля да недостроенный телятник. Новая техника не поступала последние пять лет. Отделение находилось на положении пасынка среди других отделений совхоза.

Даже маслозавод, образовавшийся в 1930 г. в доме раскулаченного Башкина в Жабее, прекратил свое существование, так как оказался в собственности районного производственного молочного объединения, которое в последние годы преобразовалось в акционерное общество «Молоко». Это объединение не видит никакого резона держать рабочее оборудование на молокозаводе в Жабее. Здесь оно использовалось только в случае крайнего бездорожья, когда молоко не могли отвезти в Лохново. А в колхозное время здесь вырабатывали большой ассортимент молочных продуктов.

Водоснабжение

Водоснабжение в деревне осуществляется с помощью колодцев, которые разделяются на индивидуальные (один хозяин) и общественные. Общественные содержат артельно, т.е. те, кто ими пользуются, в складчину приобретают все необходимое для их содержания: канаты, ведра, дерево для починки, сообща чистят. После коллективизации колхоз сам содержал те колодцы, которыми пользовался, или выступал как член артельного колодца: выделял материал и деньги на его содержание. Колодцы есть мелкие и большие, до нескольких десятков метров глубиной, их называют «труба».

В 1970 г. построена водокачка за счет совхоза для нужд населения. Решение о строительстве водокачки принял сельсовет. Сельсо-

вет принимает участие и в поддержании колодцев через самообложение. Совхоз выделил трактор, который в бочке развозит воду по деревне два или три раза в неделю.

В настоящее время пользуются как колодезной водой, так и водой, которую качают из скважины. О том, как ее чинили в 2001 г. – в беседах с Ю.В. Немытовым (Прил. 3) и А.Н.Богдановой (Прил. 1).

Школа, воспитание, обучение

В 1996 г. исполнилось 100 лет, как в Кобелево существует школа. До ее возникновения грамоте обучали на дому случайные заезжие учителя, местные грамотеи или учителя, нанимаемые за плату.

В церковно-приходской школе можно было получить 4-классное образование. Все, кто учился в ЦПШ, отмечают, что учиться было необязательно и не все 4 года. Преподавали поп и поповские дочки. Окончившие 4 класса получали неплохое образование. Старые люди считают, что оно равнялось нынешнему семилетнему. В мастерских при школе обучали столярному и сапожному делу, плетению (Прил. 2 – беседы с Щербаковыми А.И. и С.Н., Богдановым И.Е.).

Воспитание детей до колхозного строя проходило в рамках семьи и сельской общины. Некоторую роль играла церковь и ЦПШ. Для маленьких детей нанимали няньку. Это была девочка постарше, 10–12 лет, которая нянчилась за харчи, ей могли что-то подарить. Няньками могли работать и взрослые женщины, девушки.

Для детей глава семейства изготовлял небольшие орудия труда: грабли, прялки, топор, – чтобы ребенок принимал посильное участие в труде взрослых. Во время сенокоса подростки занимали места на конных граблях, чтобы лошади было легче. По этой же причине сено возили по скошенному лугу на легких санях, а лошадью правили подростки, сидя на ней верхом. Для девочек отец строил во дворе маленький домик из досок, он назывался «бугра». В теплое время года девочки любили играть в буграх, где они создавали дом для кукол (бугры сохранились и в наши дни).

К детям обращались очень ласково, часто называли по имени-отчеству. Так же и дети величали родителей, особенно в письмах, приветствиях. К воспитанию детей имели отношение все: взрослый мужчина, особенно старик, всегда мог остановить паренька и сделать ему замечание или дать совет, если видел, что тот делает что-то не то. Мальчики с детства ездили с отцами в лес на охоту, рыбную ловлю, сеностав, рубку леса.

Девочек учили прясть, а потом и ткать и плести. Для девочек делали кукол. Есть особый вид пинежской куклы. Она делается из рогожки. Отличительной чертой такой куклы является то, что лицо у нее оставляется или рогожкой или обшивается белой тканью. Ни глаз, ни носа, ни рта на лице не обозначали. Куклы были и мужского и женского пола в различных нарядах, которые шились из лоскутов – остатков ткани для взрослой одежды. Такие куклы раньше

умели делать все женщины, но были и мастерицы. В наши дни Анна Карповна Щербакова (умерла весной 1992 г.) сшила 50 разных кукол и отослала в Москву для коллекции по просьбе собирателей, приезжавших к ней в гости.

После революции с установлением советской власти в Кобелеве возникает вначале школа крестьянской молодежи (ШКМ) с начальными классами. Потом покшеньгская школа стала семилетней, а обучение обязательным. До 1963 г. в этой школе учились дети деревень Кротово, Земцово, Марьиной Горы, Немнюги, позже лесопункта Русковера и, конечно, Лохново, Красного. Но красногорские и жабоконские дети четыре года учились в жабоконской начальной школе, которая просуществовала до 1970 г., а потом ее закрыли из-за недобора детей.

В Кобелеве был интернат для детей из других деревень, где они жили и питались, и школьная столовая. Школа помещалась сначала в доме священника, затем в зимней церкви, а в 1961 г. для нее построили типовое двухэтажное здание. Интернат размещался в двухэтажном «погосском» доме, сейчас там живут учителя с семьями.

В 1980 г. школа стала восьмилетней, а в 1990-м – неполной средней. Те, кто после окончания школы желают получить среднее общее образование, ходили и ходят учиться в Карпогоры, где есть интернат для детей из других деревень. Некоторые дети утром уходили, вечером возвращались. В настоящее время можно учиться в средней школе поселка Ясный, но интерната там нет, приходится жить у родственников.

Еще в колхозное время для детей в Кобелево организовали ясли и детский сад, которые просуществовали до 1992 г. Работники сада-яслей входили в состав совхозных работников.

Таким образом, не только семья, но и деревенское общество играют воспитательную роль. Ясли-сад, школа также вносят свою лепту. В школе образованы кружки: по борьбе дзюдо, игры на народных инструментах, на современных (гитара и ударная установка). Людмила Васильевна Богданова ведет кружок мягкой игрушки, устраивает выставки-распродажи. Учится сама плетению из бересты и хочет попытаться восстановить ткацкое дело. Начала с того, что выписала семена льна, но они не взошли. В Карпогорах есть дом народного творчества, где учатся народному прикладному творчеству. В этих краях есть свои традиции в узорах для рукавиц, гамаш. В годы советской власти был запрещен узор со свастикой, которым традиционно украшались вязаные варежки. Сейчас его осваивают вновь.

Галина Евгеньевна Русанова работает со школьным самодеятельным коллективом «Пинежаночка». Сама она родом из Лохново, географ по образованию. Два раза ездили с «Пинежаночкой» в Архангельск и занимали призовые места. Дети, участвующие в ансамбле, выступают с песнями, сказками, поговорками, частушками, хорово-

дами, играют на балалайке, ложках. Во время конкурса состязаются в знании местного языка, который здесь очень своеобразен, самобытен. Филологи МГУ издают многотомный словарь языка Архангельской области. А жители Покшеньги – живые его носители.

Современные мальчишки любят кататься на велосипедах, спешат освоить мотороллеры и мотоциклы, а научиться водить машину – голубая мечта многих.

Здравоохранение

До установления советской власти лечиться деревенские жители могли в Карпогорах или Архангельске. В Карпогорах был фельдшер, который вел прием больных, а врач был приезжим.

Постоянный врач – заслуженный врач РСФСР Попов – появился в Карпогорах в годы советской власти. Фельдшерско-акушерский пункт появился в Кобелево до войны и существует по настоящее время. В ФАП ведется первичный прием больных, выдаются больничные листы и направления на лечение в Карпогоры, Архангельск или в сийскую больницу. Здесь проводят процедуры (уколы, перевязки, измерение температуры, давления), выдают лекарства.

Необходимо отметить, что в старые времена в лечении большую роль играла вера во врачующую силу слова, в действие магических, колдовских сил. Здесь очень развита была народная медицина, которой пользуются до сих пор. Это знание заговоров, действия трав, настоев, воды и пр. Большую оздоровительную роль имеет русская баня, русская печь.

Особое значение в лечении придавалось христианской религии: лечились оветом (обетом-обещанием), об этом рассказывают И.Е. и Е.Е. Богдановы (Прил. 2).

В процессе общения с жителями обнаружили четыре вида обетов (названия даны нами. – *Г.Я.*): 1) монастырский; 2) крестовый; 3) иконный; 4) благотворительный.

Монастырский обет связан с тем, что выздоровление больного связывали с обетом больного или кого-то из членов семьи прожить определенный срок в монастыре или пойти на моление. Ближайшим женским монастырем был Сурский (100 км), а мужским – Веркольский (60 км).

Крестовый обет существует до сих пор. Обетные кресты стоят испокон века в одних и тех же местах: возле Мостовика (овражек-урочище) между Кобелево и Красным, на Солониках за Жабеем и в других местах, посещаемых местными жителями. К кресту ходят и дают обет за будущее или наступившее выздоровление, при этом кладут на крест отрез ткани, новую одежду, деньги, еду (хлеб, конфеты, выпечку). На крест приносят все новое, а дальнейшая судьба вещей, принесенных в обет, не интересует обетившихся. В акте обета, таким образом, главную роль играет психологический момент данного обещания или просьбы и вера в помощь высшей силы. При-

несенные в обет вещь, еда, деньги играют лишь роль материализации вербального, психологического акта веры в то, что просимое будет исполнено (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

На кресты в обет приносят иконы почитаемых святых: Николы-угодника и Артемия Веркольского. Таким образом, существование обетных крестов есть религиозный акт, имеет глубокие традиционные корни. Анонимность при этом свято соблюдается, в чем проявляется евангельская заповедь.

Когда мы столкнулись с иконными обетами, то Зинаида Васильевна Щеголихина вспомнила, как ей бабушка рассказывала, что раньше на обетные кресты носили и вешали образы тех органов, которые болели: руку, ногу, глаза, туловище и т.д. А Анна Никитична Шехина, рассказала, что когда сильно болела и лежала в больнице, то дала обет, что если выздоровеет, то даст нуждающейся женщине 30 руб., и сделала это по выздоровлении (это были после хрущевской реформы 1961 г.).

Иконные обеты были открыты случайно при посещении Софьи Николаевны Щербаковой в 1994 г. Так как обычно сидели в красном углу (сила иконы притягивала!), то в одно из посещений напротив увидели необычную икону, даже непонятно было, что это за икона. Спросили у хозяйки разрешения посмотреть, на что она ответила, что мол смотрите, но тут же стала приговаривать: «Свекровь мне говорила: “Не тобой повешано, не тобой и снято [будет]!”» Когда мы увидели икону вблизи, то поняли, о чем идет речь. Над образом Богоматери с младенцем в окладе на специальном гвоздике на ленточках, каждый на своей, висели выдавленные из металла (скорее всего, жести) нога в сапоге, рука, два глаза, туловище с головой. Софья Николаевна объяснила, что икона считается целительной, чудотворной, что ей раньше давали обеты и вешали изображения больных органов (Прил. 2).

Поколение женщин конца XIX – начала XX в. не знало роддомов. Детей рожали дома, в поле, на пожне, сенокосе, в лесу. Сроки беременности старались скрыть, чтобы не могли навести порчу. Роды принимала какая-нибудь опытная старая родственница. Новорожденного мыли в бане и клали на печь. Жительница деревни Красное Анастасия Ефремовна Амосова (род. 1924 г.) рассказывала, что когда мама рожала ее, то в доме свекра был гость, Козьмин Николай Егорович, односельчанин из Жабея. Мать ушла рожать на назем, родила и ждала, пока гость уйдет. Свекор намекнул, в чем дело, Николай Егорович (ему было 29 лет) сразу же ушел, только тогда новорожденную Анастасию занесли в дом, обмыли, положили на печь.

В деревнях были и свои костоправы, которых приглашали править кости. Костоправы лечили массажем в русских банях. О народном лечение рассказал в 2002 г. В.В. Попов (Прил. 1)

В советское время стали практиковаться медосмотры детей в школе приезжающими врачами. Самым труднодоступным видом

лечения является лечение у стоматолога, так как к нему надо ехать в село и у него всегда очереди.

В советское же время в деревне открыли ветеринарный пункт, который существует до сих пор. Ветеринар лечит только домашних животных, включая и кошек, и собак, и не только в Кобелево, а ездит по деревням, входящим в покшеньгский сельсовет. Он же делает профилактические прививки скоту.

Верования и религия

В Кобелеве была церковь. Судя по легенде, рассказанной С.Н. Щербаковой, церковь возникла с момента основания деревни (Прил. 2).

Расположение церкви в той или иной деревне давало ей статус определенного центра, так называемого погоста – прихода жителей окружающих церковь деревень. В Покшеньгский погост входили все деревни по реке Покшеньге, кроме Земцово, где был свой приход. Помимо покшеньгских деревень Лохново, Кобелево, Красное, Большое и Малое Кротово, к покшеньгскому приходу принадлежала деревня Марьина Гора на берегу Пинеги.

Жительница Кобелево (Околок) Москвина Мария Яковлевна родилась в деревне Шотовая Гора, которая видна на противоположном берегу Пинеги. Над домами возвышается пятиглавая церковь, построенная, в отличие от большинства местных деревянных церквей, из красного кирпича. Церковь эту все зовут Кыркаловской, и о ней поведала нам Мария Яковлевна (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Эту церковь, вернее, хорошо сохранившийся кирпичный пятиглавый остов, хорошо видно издалека. Место выбрано очень удачно. Напротив деревни Шотовой в Пинегу впадают очень близко друг от друга две речки: Немнюга и Покшеньга. Междуречье создает почти степной обзор: все хорошо проглядывается. Тайга расступается, и ты видишь сказочные просторы: изумрудные луга, холмы, темные воды рек, красные обрывистые берега и светлые отмели, на горизонте тонкая кайма темной зелени тайги. Небо очень высокое, пронзительно голубое. В этом воздушном океане часто величественно проплывают бело-розово-голубые облака. Когда плывешь по Пинеге на лодке, то Кыркаловская церковь как бы проплывает перед тобой, показываясь во всей красе с разных сторон.

В церкви совершали не только богослужение, но фиксировали и освящали все основные события человеческой жизни: рождение, крещение, свадьбу, отпевание; на церковном кладбище хоронили всех прихожан погоста.

Церковь была центром культуры, образования: поп и дьячок, как самые грамотные на деревне люди, преподавали Закон Божий в школе, проводили беседы с населением. В образовании крестьян принимали участие и члены семьи священника.

Поп не только был хозяином, владея полем, на котором ему отрабатывали местные крестьяне, но и принимал участие в хозяйственной жизни крестьян: в кануны обходил поля, совершал молебны за хороший урожай, за улучшение погоды. Здесь своеобразно сочетались религиозные обряды с языческими, так как после молебна устраивались пения и пляски.

В деревне жил десятский – церковный староста, возглавлявший десятку людей, которые выбирались из верующих крестьян. Десятский собирал подати на содержание церкви, организовывал пение хора на клиросе. В хор входили местные крестьяне с хорошими голосами и слухом.

Священник жил не бедно, до сих пор используется его двухэтажный дом у борка в Пальцовке. Ему же принадлежал дом, в котором расположена почта. На Холму был дом у сосны последнего «красного попа» Павла Шангина, который в 1936 г. уехал из деревни, когда церковь прекратила свое существование как религиозный центр.

До него был поп Бенедикт, который в период интервенции исчез, сбежал с мужицким золотом и серебром, которые он собирал с верующих на поддержание храма или принимал на хранение (об этом рассказал Щербаков Александр Исакович – см. беседу с ним в Прил. 2).

Крестьяне принимали участие в жизни церкви и работали в ней звонарями, церковными сторожами. В Кобелево, как и во всех северных деревнях, было две церкви – зимняя и летняя. Зимнюю построили еще в конце XIX в. Это здание без купола сохранилось до наших дней, в нем была школа, а сейчас сельский Дом культуры. Анна Дмитриевна Богданова помнит, как разоряли здание зимней церкви (Прил. 2).

Летняя церковь была приплавлена из Верколы и сгорела в 1968 г. от попавшей в нее во время грозы молнии. Церковь была закрыта, но в ней сохранилось все нетронутым и не разворованным. Все было описано и опечатано, только одну икону из иконостаса увезли, объяснив, что она имеет мировое значение (Прил. 2 – беседа с Щербаковым Н.Ф.).

По названиям церковных престолов считались и престольные праздники. На Покшенье престольными были: 19 июля – Богородицы и 19 декабря – Николин день. В летний день Богородицы собиралось с окрестных деревень большое мечище (Прил. 2 – беседа с Щербаковыми А.И. и С.Н.). Так древние языческие праздники сочетались с христианскими.

Другими культовыми институциями в этих местах являлись часовни и кресты. Часовня была у Марьиной Горы на дороге, ее сейчас восстановили (Прил. 2 – беседа с Богдановой Е.Е.). Кресты играли и роль помощников в хозяйственной жизни крестьян (Прил. 2 – беседа с Богдановым И.Е.). Вообще тема часовен, обетных крестов постоянно присутствует в беседах с жителями деревни.

Культурно-просветительские учреждения советского времени

Культурно-просветительскую роль в жизни деревни играли такие учреждения, как изба-читальня, клуб, библиотека и сельский Дом культуры. Изба-читальня появилась после установления советской власти (1920 г.). Ею заведовал избач, а потом появился и библиотекарь. Здесь можно было узнать последние новости, сюда поступали свежие газеты, журналы, проводились читки и политинформации, собирали книги. Библиотека существует до сих пор, теперь в ней работают профессиональные библиотекари; она находится в ведении сельсовета, а размещена в помещении Дома культуры (в момент исследования временно находилась в здании сельсовета, так как Дом культуры ремонтировали).

Библиотека обслуживает всех жителей территории сельсовета, организуются и передвижные пункты обслуживания. Например, в Жабее бывшая учительницы Т.Ф. Дрокина на дому выдает книги жителям Жабея, Горушки, Красного. Такие же пункты есть в Лохново и Кротово.

Литература в библиотеку поступает постоянно из районного коллектора. В 1991 г. появилось новшество – платное обслуживание читателей. Библиотекарю выдан список книг, которые отпускаются читателям для чтения за деньги. Тариф установлен за день. Сколько дней читал, столько плати. Плата невелика, доход мизерный, но это новое влияние рыночных отношений.

Клуб, а затем СДК является центром общественной жизни. Здесь сельсовет и колхоз (совхоз) проводят собрания жителей, организуют прокат фильмов, танцы и дискотеки для молодежи, праздничные вечера, выступления самодеятельных коллективов.

Праздники и отдых

Группа институций, связанных с праздниками, имеет древнюю традицию. Когда-то для обслуживания праздников в деревнях по околкам существовали общественные пивоварни. Пиво варили к большим праздникам всей деревней или околком. Все несли солод в пивоварню, где опытные старики его принимали. Солод – пророщенный, а затем высушенный на русской печи ячмень – должен быть хорошего качества, иначе «ложка дегтя бочку меда испортит». Старики из него варили сусло, которое затем «наживлялось». В приготовлении пива применяли хмель, который многие хозяева выращивали у себя перед домом. Хмель придавал пиву особый вкус и аромат (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.). Варили в основном темное пиво разной крепости – главный хмельной напиток для праздников – и раздавали пропорционально количеству сданного солода. Если гулянье было общим, то пиво не делили.

В Кобелево в дореволюционное время отмечали престольные праздники – Николин и Богородицын день, а также Заговенье, Святки, Рождество, Масленицу, Пасху, ездили на престольные пра-

здники в другие деревни: на Ильин день (3 августа) в Немнюгу, на Спасов день (21 августа) в Большое Кротово; свои праздники были в Земцово, Шотовой, Карпогорах, Кевроле, Еркино и т.д.

Большими трудовыми праздниками были кануны и бороды перед началом или после окончания больших сельхозработ: сева, сенокоса, жатвы. Обычно праздники длились три дня и имели традиционные древние формы: мечища, игрища, субботки, весилинки, гуляния летние, в частности связанные с канунами (Прил. 2 – беседы с Москвиной М.Я., Богдановой Е.Е.).

Каждый праздник был событием: на праздник особо одевались, на праздниках пели, водили хороводы имками и ходецами, позже стали танцевать кадриль, чижика, капусту, гусли, розочку. Когда старые женщины рассказывают о праздниках, они преображаются: глаза блестят, тело начинает двигаться в ритм песен, которые они тут же поют. Они с удовольствием показывают остатки тех нарядов, которые их мамы и бабушки надевали на праздники. Основным музыкальным инструментом были самодельные балалайки. Например, столяр Александр Исакович Щербаков сам делал балалайки и сам же на них играл.

На Масленицу устраивались катушки-горки, с которых катались на санках. При катании часть жителей стояла у горки и пела песни. Для молодых устраивались догонялки: к их санкам привязывали веревки и удерживали, чтобы они не могли соединиться парой и съехать с горы; наконец, веревки отпускали, и счастливые парочки обменивались поцелуем. На Пасху делались качули (качели) на досках или вокруг столба, на святки ходили ряженые, на Рождество гадали. Когда рассказывают о дореволюционной жизни, то жизнь крестьянина предстает перед мысленным взором как череда труда и праздника. Этот круговорот был традицией, имел внутренний ритм и гармонию. Дел у крестьянской семьи было много, но и праздников хватало, не считая семейных празднеств.

Высокий художественный уровень праздников – песенность, музыкальность, красота одежды, пластика движений – сочетался с малым потреблением алкоголя: пили в основном только пиво.

С установлением советской власти старинный праздничный уклад сохранялся еще долго, хотя и трансформировался постепенно, соединяясь с новыми советскими праздниками. 7 ноября, 1 Мая, День Конституции сопровождались митингами и демонстрациями в центре Кобелево у школы рядом с братским кладбищем.

Когда установились колхозы, традиционные трудовые праздники (кануны, бороды) стали проводить побригадно. Варилось пиво, готовился общий обед. Пивоварни существовали до войны, потом их котлы перешли на построенные скотные дворы, и пивоварен не стало, хотя многие жители деревни продолжали варить пиво у себя дома. О дальнейшем оскудении праздничной деревенской традиции рассказывает Анастасия Ефремовна Амосова (Прил. 2).

Мечища после войны стали вырождаться в вечера молодежи с современными танцами: вальсами, танго, фокстротом. Перестали праздновать бороды; впрочем, до сих пор конец сенокоса, жатвы считается бородой, и механизаторы, шоферы, комбайнеры просто напиваются. По мнению Н.Ф. Щербакова (Прил. 2), праздники выхолащивались в 70-х годах, а в 50-е еще как-то пытались возродить старые традиции. Он и его добровольные помощницы Параскева Ивановна Минина, Александра Ивановна Чивиксина, Надежда Поликарповна Сумкина, худрук Надежда Ивановна Сумкина попробовали увлечь молодежь песнями, хороводами, но безрезультатно. А превращать народное творчество в сценическое искусство – в этом, по мнению Н.Ф. Щербакова, было что-то дикое, дурное, какая-то интеллигентская дурь.

В 1957–1959 гг. сложился мощный творческий коллектив. Заведующей клубом была Анна Константиновна Попова, родом с Верколы. Она окончила культпросветучилище. Были организованы фестивали искусств, проводы русской зимы. На проводах устраивали катание на лошадях, перетягивание каната, влезание на скользкий столб за призом. Потом все разъехались и все распалось.

С 70-х годов основные праздники – советские, например, день работников сельского хозяйства. Престольные праздники все помнят, но никто никуда не ездит, праздника нет. Для молодежи организуются дискотеки. Три года как не проводят митингов и демонстраций. Уровень праздников нивелировался до общих стандартов, исчезли местный колорит и своеобразие. Если раньше праздники были органичны, то постепенно они стали организованны, перестали быть актом общего творчества. Уровень алкогольного опьянения определяет уровень праздника: мужская часть населения только тогда может сказать, что был праздник, когда хорошо напьется.

Охрана и поддержание порядка

Для поддержания порядка в деревне до революции были сторожа и стражник, который подчинялся волостному приставу и уряднику. В годы советской власти возникла такая самодеятельная институция, как добровольная народная дружина (ДНД). При сельсовете сход выбирал членов дружины: столько-то человек от колхоза, от рабочих и служащих, от лесопунктов. Выбирали и утверждали членов ДНД, обычно 10–12 человек. Руководил ими участковый милиционер. Во время войны ДНД назывались бригадмилы. Дружины хорошо работали, следили за порядком.

Другой самодеятельной организацией была пожарная народная дружина (ПНД), образованная в 30-х годах и просуществовавшая до 1970-х годов. Члены дружины следили за дымоходами, чердаками, подволоками; обнаружив неполадки, писали замечания, и пока хозяева не наводили порядок, им не выдавали дров. У ПНД были специальные пожарные лошади, инвентарь, помпы, повозки. Ни у ко-

го в округе не было такого хорошего оснащения. Даже Кеврола брала в случае пожара покшеньгское снаряжение.

Судебные функции до советской власти в деревне выполнял сход. Во время гражданской войны царил самосуд. После гражданской войны существовали карательные отряды, которые по доносу могли устроить публичную порку.

Позже стал функционировать товарищеский суд и в колхозе, и при сельсовете. Он носил предупредительный характер, на нем решался вопрос о передаче дела в более высокие инстанции (районный народный суд, например).

Самодеятельность

В 1987 г. жительницы деревень Красное и Кобелево организовали самодеятельный хор, которым руководит бывшая учительница Валентина Павловна Попова (род. в 1935 г.). В хор ходят женщины-пенсионерки. Собираются на спевки в Красном, в доме Марии Герасимовны Поповой.

Валентина Павловна рассказала: «Петь начали сами по себе – песня объединяет. Первый раз выступили 7 ноября. С 1988 г. выступаем в костюмах. Выступаем в клубе (СДК) на праздниках. На день сельхозработников готовим концерты с посвящением односельчанам. Сделали три выездных концерта в Лохново, Кротово и Рускоберу. Принимали нас хорошо».

По приглашению хора мы ходили на спевки. Специально для нас они выступали в неотопленном клубе в помещении Дома культуры, тогда мы убедились, какая великолепная акустика в бывшем помещении церкви. Надели костюмы. Рассказывали, что часть одежды осталась с прежних времен, часть сами сшили. Это поколение женщин, которое помнит, как пели их матери и бабушки.

В репертуаре хора много старинных песен («Корчма», «Погодушка», «По зорюшке», «Гусли» и т.д.), много песен нашей исторической эпохи: советской, колхозной и военной, и очень много частушек. Частушки здесь могут петь, соревнуясь, часами.

Когда пели на спевках, то сами отмечали, что эту песню спели хорошо, а вот эта не заладилась, не так пели раньше. Частушки на злободневные темы они собирают сами, что где услышат, и сами подсочинят, чтобы про их жизнь было.

Институции коммуникации (связи)

На Усть-Покшеньге издавна существует пристань, куда в навигацию приходил пароход, а потом теплоход. Приход парохода был праздником, все бежали его встречать. На пароходе был буфет. Совершенно точно это описано у Ф. Абрамова в романе «Две зимы и три лета». Теплоходы ходили еще в 70-х годах, привозили грузы. Здесь же на берегу стоят орсовские и сельповские склады. Жители

вспоминают молодые годы, когда на пристань приходили пароходы (Прил. 2 – беседа с Щербаковыми С.И. и А.И.).

Переправа существовала и до революции. Староста общины подряжал плот, который делали из толстых бревен, переправляли на другой берег с помощью лебедки по натянутому через реку тросу. С образованием колхозов между Кобелево и Лохново через Покшеньгу организована переправа не только для людей, но и для транспорта. Переправу содержит сельсовет за счет самообложения, а перевозчика нанимает совхоз.

Потом у военных взяли списанные понтоны (10 резервуаров). Сейчас перевозят на барже, которую приобрел совхоз. Пользуются лебедкой, а также у перевозчика есть лодка с мотором и чаще он пришвартовывается носом к барже, и переправа совершается с помощью лебедки и моторной лодки. Если на перевозе одни люди, то их перевозят на лодке. С местных платы не берут, приезжие платят перевозчику. Для перевозчика стоит будка-избушка, в которой он коротает время в непогоду. Так как весной бывают разливы, то баржу, домик-будку сволакивают в безопасное место и крепят, чтобы водой не смыло.

По сообщениям жителей, в 1994 г. переправа не работала: некому было ее содержать. За реку переправлялись на собственных лодках. Соответственно был отменен рейс совхозного автобуса Лохново – Немнюга – берег Пинеги (переправа на Карпогоры). До войны лодочная переправа была между Марьиной Горой и Усть-Покшеньгой. А.И. Щербаков вспоминает, как он добирался из Архангельска в Кобелево в послевоенное время (Прил. 2).

Когда реки сковывает лед, в местах переезда намывается дополнительный слой льда и по ледяным дорогам ездят вплоть до апреля, смотря какая будет погода. За толщиной льда следит совхозный механик, ходит каждый день и меряет. В апреле мы сами переезжали на машине по такой переправе. Две колеи, заполненные водой с мелкими кусочками льда. Колеса машины почти полностью погружаются в это месиво – что там под ним? Слой льда, вода? Случаи с уходом техники под лед очень часты. В 1993 г. утонул трактор.

Телефон в деревне появился в 30-х годах и был коммутаторный, в 1966 г. в Кобелеве поставили АТС на 40, а в 1976 г. – на 100 абонентов. Электричество появилось в 1967, телевидение в 1977 г.

Почта в Кобелево существует давно, а вот сберкасса (отделение сбербанка) появилась в советское время, точную дату установить не смогли. Почта и сберкасса расположены в одном помещении. Почту доставляли по-разному. Было время, когда ее привозили из Карпогор, куда она прибывала самолетом, в Марьину на берег реки, а из Усть-Покшеньги плавали на лодке за почтой через Пинегу. В ледостав привозили из Карпогор по ледяным переправам.

Со строительством железной дороги до Карпогор (1970 г.) до-

ставка почты стала менее регулярной. Из Карпогор зимой ее развозят на санях-вездеходах, в открытую воду на катере привозят на пристань Усть-Покшеньги, а на пристань за почтой ездит специальный почтовый работник на мотоцикле или тракторе.

Иногда эти способы доставки не функционируют, тогда посылают машину к станции «Карпогоры-товарная». Начальник почты ходит и выпрашивает машину то у главы администрации, то у управляющего отделением.

Радио первым появилось в Кобелеве в 1953 г., когда колхоз закупил установку КРУ-2 и радио провели всем ближайшим деревням по реке Покшеньге и в Немнюге. В районе радио появилось позже.

Торговля и другие формы снабжения

Как уже упоминалось, для снабжения жителей деревни товарами существуют склады на берегу Пинеги. В самой деревне до революции была лавка Парамона Щербакова.

Для снабжения жителей глиняной посудой существовала междеревенская специализация и обмен. Жителей деревни Церковая Гора (расположено за селом Карпогоры) даже прозвали черепаны, так как они славились на всю округу своей глиняной посудой. Медную и фарфоровую (фаянсовую) посуду приобретали в разных местах. Об этом рассказали (Прил. 2 – беседа с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

После революции появились сельповские магазины. Последние года три работает один магазин, где продают и промышленные и продовольственные товары. Раньше продовольственный был отдельно, его закрыли из экономии. Для контроля за правильностью торговли, справедливого отпуска товаров существует лавочная комиссия из жителей деревни, которая избирается на собрании-сходе по инициативе сельсовета.

О снабжении крестьянской семьи в довоенное время рассказали Александр Исакович и Софья Николаевна Щербаковы (Прил. 2).

С установлением коммуны, а затем колхозов в деревне появились народные дома, где совмещались продовольственный магазин и столовая. Потом магазин и столовая разделились, так и существуют по сей день. Своя столовая была в школе, туда ходили и взрослые – повар был хорош; вскоре его перевели во «взрослую» столовую, и дети теперь ходят туда.

До коллективизации хлеб пекла каждая хозяйка свой; в 1930 г. появилась общественная пекарня, которая обеспечивает население Кобелево, Красного и Малого Кротово хлебом по сегодняшний день. Пекарня относится к системе районной потребительской кооперации.

Воровство можно рассматривать как своеобразный способ снабжения без эквивалентного материального обмена. Такие примеры в деревне есть (см. Прил. 2 – рассказ Москвиной М.Я. в беседе с Богдановыми И.Е. и Е.Е.).

Призрение старых

Для пенсионеров не только Кобелево, но и других деревень существует совет ветеранов труда. От отдела социального обеспечения совет распределяет дефицитные продукты, товары, денежные дополнительные выплаты; организует вечера-встречи с чаепитием, песнями. Со своей стороны пенсионеры добровольно следят за чистотой кладбища, ухаживают за «беспризорными» могилами. Пенсионеры Кобелево и Красного входят в один совет ветеранов труда, избирают своего председателя. Председатель, Василий Игнатович Немытов, сейчас живет в околке Горушка.

Софья Николаевна Щербакова рассказала о своих детях, как сложилась их судьба и как они заботятся о родителях (Прил. 2).

Во время беседы с семьей Богдановых из околка Усть-Покшеньга к ним пришла Мария Яковлевна Москвина, живущая в Околке. Мария Яковлевна принесла Богдановым продукты, которые она купила в магазине в Кобелево. Это посещение носит взаимный и систематический характер. Тут же был проведен взаиморасчет, а затем последовало чаепитие. Екатерина Ефимовна Богданова рассказала, как они осуществляют водоснабжение своей семьи. Илья Егорович пожаловался, что много пишут про заботу о стариках, но на самом деле они ее не видят (Прил. 2).

Самоопределение и определение

Если начинаешь расспрашивать любого жителя деревни, кто он, откуда, то прежде всего он укажет, какого он рода, из какой деревни, может уточнить, какого околка, затем назовет себя покшенцем, пинежанином, и только потом уж архангельцем.

Исстари деревни отличались одним основным богатством – земельными угодьями. Тайга была всюду, а земли и сенокосов мало. Местоположение деревни играло огромную роль в оценке ее достоинств. Так, Марьина Гора была расположена на высоком берегу Пинеги, месте солнечном и теплом, здесь родился хороший хлеб, зато заливные луга – наволоки – были маленькие. Сенокосами местных жителей наделили на противоположном берегу Пинеги, на Острове.

Расположенная рядом деревня Шотова Гора имела такие же поля, но и сенокосы были рядом. О девушке, выходящей замуж в Шотову Гору, была поговорка: «Хоть за подпору, да в Шотову Гору», то есть выйти замуж в Шотову Гору было счастьем.

Местоположение Кобелево среди прочих покшеньских деревень считалось выгодным, особенно ее околка Усть-Покшеньга, где и хлеб родится, и сенокосы рядом.

Богданова Екатерина Ефимовна рассказывает:

«Ак вот раньше и разбиралися: ты бы была у отца, он бы тебя в Лохново не отдал. Скажет: “Мерзло гнездо, замерзнешь там!” В Кротове там хороша у нас земля.

Жабей деревню не хвалили раньше: сена худы. В Жабее, Земцове за сеном все надо на телеге трястись, а у нас как все здесь рядом и ох как хорошо! Все на Острову. Сено хороше. У нас 70 га на Острове.

Мы с жабоконами (жители околка Жабей)* жили вместе: ета робили. К нам приедут на наволоки: сено охапка за охапкой. А там ведь голы наволоки, плохо с сенами. Но тоже жили, то и больше в лесу-то было. А здесь хороши и вовсе сена-ти» (Прил. 2).

Покшеньгские деревни расположены на Покшеньге, в которой много бьет ключей и вода потому очень холодная. Река не очень глубока, но течение быстрое, поэтому даже в жаркое лето сильно не прогревается.

Между деревнями Красное и Жабей есть Кашкин ручей, он и является источником холодов-заморозков. Они исходят из ручья летом и губят урожай: зерновые не вызревают, картофель чернеет. Причем эти морозы затрагивают не только красногорские поля, но и лохновские, за рекой.

Из покшеньгских деревень только две славились своими достоинствами: это Кобелево и Кротово. В старое время, когда роднились деревня с деревней, выбирали не только по достатку, но и по роду. Роды были известны в ближайшей округе, и они-то и роднились. Изучая родословные, мы столкнулись с фактом многократного пересечения многих родов в разных поколениях. Да и сами респонденты это подтверждают.

Вот перечень деревень, тесно связанных родственными узами с Кобелево: Земцово, Большое и Малое Кротово, Лохново, Красное, Марьина Гора, Карпогоры, Немнюга, Киглохта, Еркино, Кеврола, Ваймуши. Все они относятся к среднему Пинежью, это лишь часть среднепинежских деревень. Когда выдавали девку на низ Пинеги или верх, то считалось, что в этом браке не все в порядке.

Если девушек выдавали замуж в другие деревни, то парни оставались в родном месте, где жил патриархальный род. В Усть-Покшеньге жили Богдановы, в Околке – Тыркасовы, на Холму – Ушаковы и Щеголихины, в Пальцовке – Щербаковы, в Шехино – Шехины, а в Кобелево – Амосовы, Щербаковы, Щеголихины (Прил. 2 – беседа с Щербаковым А.И.).

Изучая родственные связи, мы уже знали, что Поповы, Амосовы, Телицины из Красного; Немытовы, Козьмины, Смоленские из Горушки и Жабея; Бутюковы из Малого Кротово, Земцовские из Земцово; Кобылины, Шумиловы, Галашевы из Большого Кротово; Сумкины, Тыркасовы, Смоленские из Лохново. Из бесед узнали, что родовое место Заверниных и Верещагиных – Карпо́горы. В Немнюге есть околок, где живут одни Томиловы, а в другом все Поповы.

---

* В интервью здесь и далее в круглых скобках скобках даны комментарии автора, в квадратных – явные смысловые пропуски, отмеченные редактором. Орфография и стиль в цитируемых текстах и интервью сохранены. – *Ред.*

Рис. 1. Старинный дом в Кобелево
Хозяйственные постройки позади дома (назем, хлева, поветь, взвоз) утрачены
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 2. Деревенские дети на лугу (наволоке)
На горизонте, за р. Покшеньгой, виднеется д. Лохново
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 3. Сбор морошки на болоте
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 4. Старожилы на «мечище»
Женщины в старинных пестрядинниках и повойниках
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 5. Утренний выгон мелкого рогатого скота
Улица Кобелево, слева – флаг на здании администрации сельсовета
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 6. Мария Герасимовна Попова на сенокосе
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 7. Покос травы на сено для домашнего хозяйства В.А. и Т.Г. Ильиных на берегу Пинеги (Котомень). Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 8. Уборка сена в ЗАО. Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 9. Гена Богданов на восстановленном тракторе
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 10. Переправа через р. Покшеньгу
За рекой вид на д. Лохново. Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 11. Амбары д. Кобелево
Рисунок В.В. Попова

Рис. 12. Северная белая ночь на улице Кобелево
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 13. Александра Михайловна Немытова у жабоконского обетного креста
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 14. Обетный крест (со скамеечкой) у Мостовика
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 15. Бугра – домик для игр девочек
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

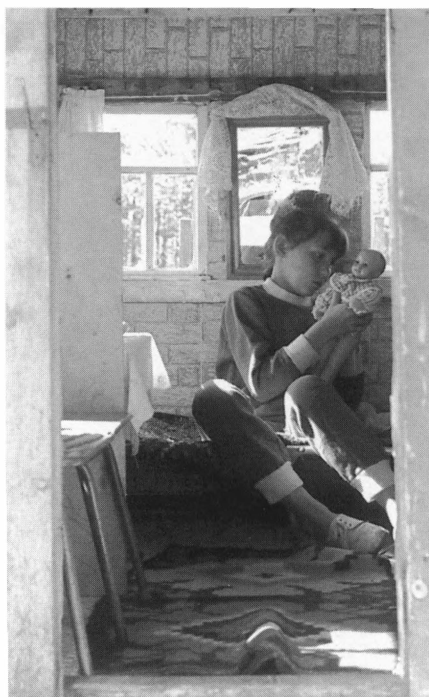

Рис. 16. Аня Щеголихина играет с куклой в бугре
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

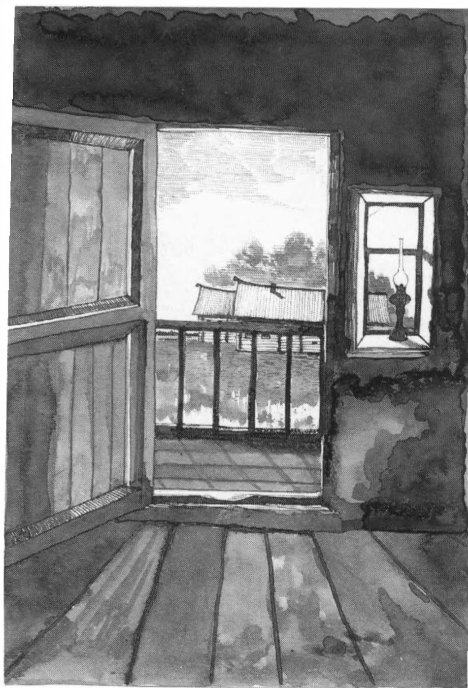

Рис. 17. Вид из деревенских сеней
Рисунок В.В. Попова

Рис. 18. Летняя церковь Николы, сгоревшая в 1968 г.
Рисунок В.В. Попова
(с фотографии)

Рис. 19. Деревенские дети на заборе
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 20. Дети, сидящие на досках
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 21. Малыши на деревенской улице
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 22. Детский ансамль «Пинежаночка»
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 23. Жительницы деревни воспроизводят старинное гулянье – летнее мечище
В центре, с повязкой на голове – Вера Петровна Немытова в старинном девичьем нарядном одеянии. Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 24. Участницы самодеятельного хора женщин Кобелево и Красное
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

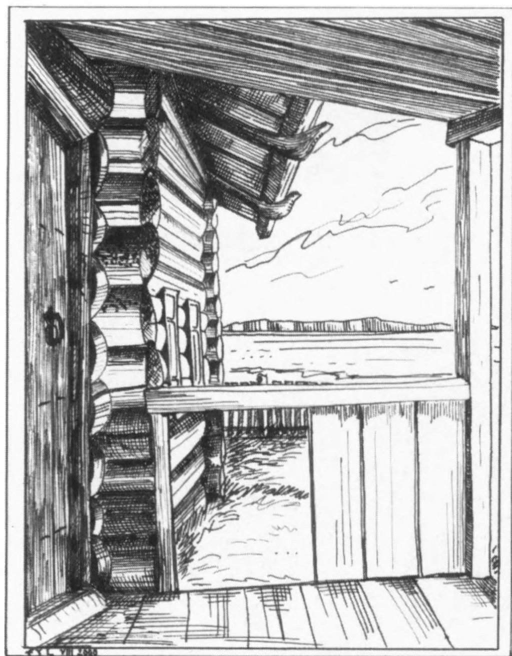

Рис. 25. Вид с деревенского крыльца
Рисунок В.В. Попова

Рис. 26. Семья Богдановых на крыльце своего дома
Из детей отсутствует Константин – служит в армии
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 27. Александра Егоровна Богданова на крыльце своего дома в околке Усть-Покшеньга
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 28. Александра Егоровна Богданова замеряет уровень и температуру воды на Пинеге
Рядом автор – рассматривает показания
Любительское фото

Рис. 29. Владислав Владимирович и Ирина Анатольевна Поповы с дочкой
Ирина Анатольевна в старинном пестрядиннике
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 30. Николай Федосеевич Щербаков у своего дома в околке Холм
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 31. Главный специалист сельсовета Зинаида Васильевна Щеголихина с детьми
Девочки одеты в старинные синяки и пестрядинники
Фото У. Лахауэр. 1994 г.

Рис. 32 . Автор в северном головном уборе замужней женщины (жонки)
Любительское фото. 1992 г.

Правда, одна фамилия не означает один род. Фамилия одна, а роды разные. Более скрытый определитель одного рода – прозвище. Прозвища тоже хорошо известны в округе, особенно родов, которые роднились. Правда, не всякий их вам скажет, да и прозвище прозвищу рознь. Есть временные, недавние прозвища, данные за какую-нибудь особенность, привычку, случай. Их стесняются произносить, но это часто переносится и на старые родовые прозвища.

Так, роды Поповых в Красном разные, во всяком случае Анатолий Артамонович Попов сразу сказал, что он рода Алексеевичей и рассказал свою родословную. А Василий Тихонович Попов рассказал, что он из рода Челноков и объяснил, почему да как. Знаем, что в Красном есть Поповы-Султаны.

На Усть-Покшеньге живут Богдановы-Темень и Богдановы-Непогода. Есть там и другой род Богдановых. В Околке – Тыркасовы-Костыли, на Холму – Щеголихины-Козы.

Кроме прозвища роды отличаются и достатком и трудолюбием. Когда роднились, то знали, с каким родом породниться честь, а с каким и зазорно. Понятие «свой» имеет прежде всего родовой смысл. Если тебе говорят: «ты нам своя», и если ты не понимаешь почему, то тебе тут же объясняют, в какой степени родства ты находишься, и покажут всю родословную связь.

В этих краях всегда были пришлые: ходили нищенки, жили ссыльные. К пришлым относились терпимо, но присматривались: что за человек? Одно дело, когда ты пинежский, про тебя можно узнать и от односельчан, другое дело, если ты совсем из дальних краев. Таким был Горст-отец, но его сын уже прижился здесь.

Другое дело, когда человек пришлый, но жил долго, работал, а на старости уехал. Так поповскую дочь, учительницу Августу Михайловну до сих пор помнят, знают, где живет в Архангельске, чем занимается ее дочь, сколько внуков.

Конечно, за годы советской власти миграция возросла, в Кобелево много приезжих, разнообразие фамилий, но все же основное население местное, по крайней мере, архангельское.

В деревне работает продавщица, которая приехала сюда работать по распределению. Родом она из Таганрога. В течение многих лет ездит она в отпуск в Таганрог и каждый раз возвращается. Ей здесь нравится все: и природа, и люди. Когда мы приезжали в 1993 г., она готовилась выйти замуж за Немытова, местного парня из Жабея. В 1994 г. она вместе с мужем уехала жить в Таганрог.

Если в старое время женщина и в Архангельске-то часто не бывала, то мужчины служили в армии, были на государственной службе, т.е. имели о мире более широкое представление, чем женщины. За годы советской власти, с началом коллективизации женщин по повестке отрывали от дома, брак приобрел более широкие границы, а история страны разметала население по всей России.

Наиболее часто местное население мигрировало в Архангельск, Северодвинск (бывш. г. Молотовск), Мурманск, С.-Петербург.

Частушки – песенное творчество народа – сохранились и в советское время. В частушках все подмечают, заостряют, высмеивают. Вот частушки, которые пропел нам в ноябре 1992 г. местный самодеятельный хор:

Дорогие зрители,
Как вы поживаете?
Пропоем мы вам частушки,
Если пожелаете.

Из колодца вода льется,
Потихоньку сочится.
Хоть хреновенько живется,
А смеятся хочется.

Коль совсем не безразлично
Положение страны
Мы, по моде заграничной,
Клятве Родине верны.

Для того ль мы век трудились,
Чтоб богатства Родины
По квартирам растащило
Хищное отродье?

Перестройка, перестройка,
Что ж ты наворочала?
Все, чем люди жили стойко,
Нагло опорочила.

Был период непростой –
Называется застой.
А теперь такой застой:
Целый день за хлебом стой.

Раньше не было ума –
На плечах была сума.
Нынче умные умы
Довели нас до сумы.

Магазин купила Мила,
Приобрел завод Антон.
Мне же нынче не хватило
Трех червонцев на батон.

Всей душою я за рынок,
Но берет меня тоска,
Что останусь без ботинок,
Не куплю себе носка.

Запрещений больше нету,
Говори и не молчи:
Дед Иван себе газету
Выпускает на печи.

Разогнать хотят колхозы,
Постепенно, не спеша.
Чтобы больше спекулянты
Получили барыша.

Перестройка – мать родная,
Ваучер – отец родной.
А зачем родня такая?
Лучше буду сиротой.

Председатель на машине,
Бригадир на тракторе,
А колхозничек пешком,
Матюгается с мешком.

Мы не сеем и не пашем,
А валяем дурака.
С колокольни флагом машем
Разгоняем облака.

Николаевна играла
А мы пели-путали.
Вам спасибо за вниманье,
Хорошо нас слушали.

Мы пропели вам частушки
Про теперешни дела.
Балалайку забираем –
Нам домой идти пора.

Во время бесед с жителями деревни проскакивали самохарактеристики различного уровня. Например, Илья Егорович Богданов считает, что русского человека, по его простоте, широте душевной могут обворовывать все, кому не лень; раньше был царь, который честь русскую держал, а сейчас каждый сам по себе.

И.Е. – Царь-то со всеми не дружил. С Америкой и со всеми. Все раньше умно было. Нам этого ничего не сделать. Я вот на Кольском полуострове был во время войны. На батареях береговая артиллерия, моряком был. У них там Кольский полуостров еще при

царе весь в пикетиках перемерян, все учтено. Там же руды много. У нас здесь ископаемых тоже хватит, только разворуют все! У нас и нефть есть, и железо есть, и все есть!

Авт. – Откуда вы знаете?

И.Е. – Ох, откуда?! Я вот на охоту хожу зимой: компас не показывает и все! Что-то есть. В двух местах так. Это ведь с 20-х годов. Колькин-то отец возил этих: собирали каменья, по щельям все копали. Ведь ежегодно это собирали. Геологи? Да! Каменья навезут и на всю зиму работы. Ежегодно ездили, копали здесь. Все исследовали, только нам неизвестно. Мы, русский человек, не роемся, не понимаем, чем владеем (Прил. 2).

В этой самохарактеристике звучит подтекст: русский человек не дорожит тем, что имеет – в смысле материальном. Возможны и другие интерпретации этих слов: русского Ваньку-дурака легко облапошить; у русского человека, осознающего свою «ущербность перед миром воров и хапуг, есть богатства другого рода, те, что в матушке-природе имеются, он о них знает и с умом использовать может (тем более, что сам говорящий – пример рачительности и бережливости).

Обряд похорон

Когда кто-либо умирает в семье, то покойника моют, одевают в одежду, приготовленную к такому случаю. Женщинам голову покрывают платком. Мыло, которым обмывали покойника, считается целебным. Им хорошо мыть в бане заболевших маленьких детей. Воду с омовения покойника выливают на внешний угол дома, там, где висит икона.

Среди местного населения считается, что приготовление к смерти заранее не приближает смерть, а наоборот, есть знак, что человек к ней готов, а потому она к нему не торопится прийти. Приготовленные одежда, обувь, ткань, домовина (гроб) на чердаке – это все только облегчит хлопоты близких при кончине человека.

Все приготовления к похоронам делают соседи по деревне, близкие друзья. В день похорон гроб с телом покойника ставят в избе в красном углу, причем если умерла женщина, то гроб с ее телом устанавливают поперек половиц, а если мужчина, то вдоль. Все приходят проститься с умершим. На груди покойного обязательно лежит икона или литое распятие, в ногах – отрез ткани, платок, под которые пришедшие кладут деньги – это помощь близким покойного.

Хоронят покойника до обеда. В день похорон с утра возле гроба собираются все близкие родственницы, рядом с покойником садится плакальщица.

Плакальщицей может быть любая женщина из близких родственников, обладающая даром причитать. Оплакивание происходит в виде плача и причитаний в высокохудожественной поэтической форме. Это кульминационный момент обряда похорон.

Смерть сравнивается с событием космического уровня: это «солнышко закатилось», «ясный месяц померк», вся природа поникла и опечалена. В такой же образной форме в плаче и причитаниях описывается вся многотрудная жизнь умершего, скорбь по поводу его ухода из жизни, тяжесть жизни без умершего, перечисляется, сколько радости, заботы, ласки и доброты дарил он близким, друзьям, соседям.

Плачут все, у присутствующих в руках платки, которые близкие покойного выдают заранее, если кто-то вдруг забыл взять свой. Время плача длится недолго, но оно дает возможность пережить факт смерти человека на высокой ноте, осознать всю исключительность момента, прожить душевное потрясение. После плача все проходят вокруг гроба против хода солнца, огибая изголовье покойника. Те, кто не пойдут на кладбище, прощаются, кто как хочет: поцелуем, прикосновением. Отходя от гроба, трогают покойного за ноги. Этот жест имеет двойной смысл: во-первых, чтобы не привести смерть и покойника в свой дом, отвести смерть от себя и своих близких; во-вторых, если ноги у покойника мягкие, это верная примета, что в этой семье будет новый покойник.

Перед выносом тело поднимают, и близкие родственники проходят под гробом против хода солнца. Затем мужчины выносят из дома гроб с телом покойного вперед ногами, и все присутствующие выходят, ни в коем случае не оборачиваясь. В доме остаются стряпухи и столоначальник. Они будут накрывать поминальные столы, пока покойника предают земле. Кто-то из них перед выносом тела собирает и достает из гроба все деньги, которые клали пришедшие в ногах у покойника. В их обязанность непременно входит также закрыть двери дома после выноса умершего, а значит – путь покойнику назад, домой, чтоб не беспокоил близких, не увел никого из них за собой.

Затем гроб ставят на лавки около дома и все стоят вокруг. Эта пауза важна: покойник прощается с родным домом, «видит» его в последний раз. В это же время обязательно фотографируются; такие фотографии есть в каждом доме.

Затем выстраивается похоронный поезд. Первым идет человек с иконой на полотенце: расшитое по концам полотенце перекидывается через шею, а икона висит на груди в обрамлении свешивающихся концов. Икону несет не случайный человек. По традиции, это должен быть крестник (крестный сын) – у покойника-мужчины или крестница – у женщины. Следом родственники умершего, обычно молодые, несут награды покойного и венки. За ними следует гроб с покойным на телеге или на машине, санях, в зависимости от времени года. Самые близкие родственники едут рядом с гробом, а остальные сопровождают поезд пешими. При выносе из дома и по дороге к могиле под ноги несущим гроб бросают ветки ели.

Путь лежит от дома к деревенскому кладбищу по улице через

деревню. Все, кто дома, выходят к траурному шествию, чтобы попрощаться с умершим, выразить таким образом соболезнование близким покойного. Многие присоединяются к процессии и на кладбище, как правило, приходит наибольшее число участников похорон.

Вместе с гробом везут деревянный православный восьмиконечный крест. У кладбища процессия останавливается, гроб с покойным берут шесть мужчин и несут на плечах к могиле. Затем его устанавливают над вырытой могилой на два положенных поперек ямы бревна. Объявляется гражданская панихида. Любой из присутствующих может произнести прощальное слово.

Близким и родным предлагается проститься в последний раз с умершим, снова раздается плач. Это душераздирающий момент похорон. Затем родных, как правило, просто силой отводят от гроба и держат под руки. Иконы, распятие из гроба вынимают, отрез ткани (платок) дарят крестнице, или молодой девочке, или бедной женщине. Гроб заколачивают и на веревках опускают в могилу.

Над гробом кладут крепкую доску – чтобы комья земли не стучали по домовине, не беспокоили покойного – и начинают закапывать. В это время все присутствующие бросают в могилу горсти земли и платки, которыми вытирали слезы, когда прощались с умершим. Кто-нибудь из женщин берет горсть земли и посыпает за ворот близким и родственникам умершего. По примете, так покойник отделяется от близких и родных, теперь он не пойдет за ними и не приведет никого потом на кладбище.

Плакать больше не положено, иначе ты не искренне прощался с умершим, и для покоя его души важно не беспокоить ее больше слезными плачами. И здесь, видимо, срабатывает веками сложившаяся мудрая традиция: горе уже достигло своего пика, и отныне душа должна успокоиться.

После, когда крест вкопан, могила обложена венками и цветами, здесь же на могиле происходит поминание. Расстилают скатерть, достают еду, конфеты, вино (водку) и присутствующие по очереди поминают умершего. Вино не пьется, а пригубливается и остаток выливается на могилу.

Все присутствующие приглашаются на поминальный обед в дом умершего. И все удаляются с кладбища: идти надо не оглядываясь и порознь, ни в коем случае парами или под руку.

Когда приходят с кладбища после похорон, обязательно касаются печи ладонями рук. Этот жест тоже имеет древнюю традицию, значение которой не вполне осознается. По-видимому, она связана с пониманием печи как вместилища домашнего очага, огня, обожествлением солнца в символе источника тепла, пищи, света для семьи, рода.

Поминальный обед устраивается в день похорон, на девятый и сороковой дни, полгода и год спустя после смерти человека. В день

похорон обед готовят полностью соседи, знакомые, близкие родственники только распоряжаются. За поминальный стол садятся особым порядком: в красный угол сажают самых близких родных умершего, к ним причисляются крестники; сторона стола, стоящая поперек половиц, считается женской и заполняется ими с убыванием степени родства; сторона стола вдоль половиц считается мужской и заполняется в том же порядке.

Количество поминающих очень важно. Считается, что их должно быть не меньше 40 человек. Чем больше, тем лучше для души умершего. Число присутствующих на поминках записывают на кресте или памятнике родственники, которые обязательно ходят на кладбище в дни поминок и вообще по желанию, особенно часто, когда память об умершем еще свежа.

Обычно столы накрываются в нескольких комнатах, чтобы всем пришедшим хватило места. Все рассаживаются и до конца обеда не встают. Стол обслуживают столоначальник (обычно мужчина) и две его помощницы. Они разносят все блюда, разливают вино, морс, расол – специальный поминальный напиток, который делается из отвара пареной репы, затем подслащается и чуть-чуть наживляется (т.е. ему дают слегка перебродить, чтобы появился легкий градус).

Каждое блюдо называется переменой. На обеде должно быть не менее тринадцати перемен. Сюда входят обязательно два супа: мясной и рыбный, мясные и рыбные блюда, каша и последнее блюдо – кисель. Подача киселя означает, что обед окончен, пора уходить.

На поминки все приходят со своим, домашней выпечки хлебом, «деженником». В качестве обязательного блюда пекутся в русской печи в круглых сковородках дрожжевые лепешки наподобие блинов. Их обязательно раскладывают всем присутствующим. На столе, ближнем к красному углу, стоит прибор с рюмкой водки, стаканом расола, блином и хлебом для умершего. На обеде плакать и причитать не принято, это неприлично. Наоборот, допустимо вспоминать умершего самым радостным образом, даже смех по поводу забавных случаев из его жизни очень уместен.

Описанный здесь обряд похорон, конечно, обобщен. Но он именно таким сохранился до наших дней. Мы были дважды свидетелями таких похорон. Это традиция, в которой участвует большая часть деревни.

Обряд похорон в то время, когда функционировала церковь, дополнялся отпеванием в церкви. Но и сейчас, когда закрывают гроб, его окуривают ладаном и читают молитву, хотя бы «Отче наш», то же делают с могильной ямой. Молитву читают и перед началом поминального обеда. Чаще всего это тоже «Отче наш». Женщин, знающих все молитвы, которыми положено отпевать покойника, трудно найти в этих местах. О сохранении обряда похорон у горюхинских крестьян с древних времен упоминает и А.С. Пушкин[23].

* * *

20 ноября 1992 г., на третий день после смерти, похоронили на сельском кладбище в Кобелево Илью Егоровича Богданова. Умер по старости. Последний год он уже мало что делал сам. Выходил, сидел у дома. Опирался на палочку. В теплую погоду доходил до Пинеги, сидел на бережку.

Хоронить его пришли все жители Усть-Покшеньги и многие из Кобелево, Красного, Жабея. Во дворе дома на привязи сидит его охотничий пес, тоскливо лает на всех проходящих.

На прощальном митинге на кладбище Николай Федосеевич Щербаков произнес речь, в которой осветил весь жизненный путь Ильи Егоровича. Николай Федосеевич, хоть и моложе, но дружил с покойным, вместе с ним охотился на Шилеге, а в последние дни жизни был с ним рядом, ухаживал, помогал его жене.

В гробу (домовине) Илья Егорович лежал в темном костюме, а на тело была надета морская шерстяная тельняшка. Видно, он завещал похоронить в ней. Вспомнили, что он служил во флоте во время войны, в береговой артиллерии на Кольском полуострове. В речи Николай Федосеевич подчеркнул, что Илья Егорович 36 раз прошел по Пинеги от верховьев Покшеньги, сплавляя лес.

Описание свадебного обряда

К сожалению, побывать на свадьбе нам не довелось. Договорились с пожилыми женщинами, чтобы записать рассказ о прежнем обряде сватовства, как они выходили замуж. Но у Екатерины Ефимовны Богдановой, которая выходила замуж по-старинному, занемог и умер муж, Илья Егорович. Ее спрашивать было неудобно.

Последний венец был у Софьи Николаевны Щербаковой, но она подробно обряд так и не описала. Ее очень расстраивало то, что во время свадьбы, когда ее привезли к жениху, у них не было взвоза – разобрали, и ее на поветь не завозили. Старинный свадебный обряд имеет 16 действий, каждое из которых сопровождается особыми песнями, участием определенных лиц.

В деревенской библиотеке мы взяли книгу «Обрядовая песня Пинежья» (Издательство МГУ, 1980). В книге собран материал фольклорной экспедиции МГУ в Пинежском районе в 1970–1972 гг. В книге есть описание свадебного обряда, который записывали как раз у жительниц Усть-Покшеньги и Большого Кротово. Описание занимает несколько десятков страниц.

Амосова Анастасия Ефремовна (род. в 1925 г.), рассказывая об одежде, которую носили ее родители, объясняет, как менялся головной убор женщины после выхода замуж, а во время свадьбы на невесту надевали повязку (специальный головной убор из парчи, расшитой жемчугом солярно-космическим узором):

А.Е. – Повойники носили, дак еще повойник ведь. А повойник, как замуж выходишь, в церкви венчаешься. Снимают повязку, если она в повязке, ведь не у всех повязка.

Авт. – А повязка – дорогая вещь?

А.Е. – Дорогая! И ведь это было как у богатых которая. У бедных не было повязки.

Авт. – А у вас не было повязки?

А.Е. – Не-е-е!

Авт. – А у кого осталась? Вот у Марии Михайловны Щербаковой есть.

А.Е. – А у ей быват от тех идет... или от Федосеевых осталась в наследство. А у нас ведь, у мамы болели глаза, так дедушко оветился, что не буду ни шапочки, ни повязки покупать. А раньше-то как дочка-то скажут: «Кукушкой!» – как така-то (в повязке). Дедушко: «Шаль куплю шелкову, шаль суконну большу куплю, а повязки и шапочки не буду покупать, лишь бы глаза оправились».

Ак вот, как маму за стол привели, а тато-то ее шалью суконной закрыл. А летом, она говорит: «О-о-й! Я вся спарилась под этой-то шалью!» До церкви-то закрыту везли! А в церкви-то шаль снимают, когда повойник будут накладывать. Да там, что надето на головы, тоже снимают: платок там шелковый или шалюшка кака. Повойник одевают, и уж больше везут в повойнике.

У повойника так фасон одинаковый, только у кого косы-то, волосы больши, эти оглобельки как назывались, те надь побольше, повыше. У нас у мамы-ти косы большие были. Были красны повойники и такие из парчи шитые. Белая бывает парча, желтая. Кружок он все кружок, разве от размера головы зависит. А оглобельки разные, от волос зависит. (Принесла повойники и мы их рассматриваем.)

Становится понятно, что на запись свадебного обряда, а его еще помнят, надо затратить много времени. Тем более, что это и удовольствие большое. Ведь во время него поется очень много песен.

Приведем перечень тех действий, которыми сопровождается старый свадебный обряд:

1. Сватовство
2. Посиделки
3. Расплетание косы
4. Баня
5. Заученье (белила)
6. Бужение жениха
7. Девишник
8. Приезд жениха со свадебным поездом
9. Смотрины
10. Отъезд к венцу
11. Приезд молодых от венца
12. Свадебный стол
13. Проводы молодых на подклет
14. Бужение молодых
15. Хлебины
16. Спровожаты

Старинный свадебный обряд сильно изменился, упростился и полностью не соблюдается, особенно если сравнивать с обрядом похорон. Из истории брачных отношений респондентов, браки которых совершались в 30-х годах, следует, что большинство из них жили с мужьями в гражданском браке. Из старого перечня свадебного ритуала до наших дней сохранились в упрощенной форме лишь некоторые действия.

Сватовство сводится в основном к сообщению женихом и невестой своим родителям, что они решили заключить брачный союз. Парень и девушка сами договариваются о браке и подают заявление в сельсовет. Когда приходит день расписываться, в доме невесты происходит заручение, во время которого подруги невесты, сидя за столом, предлагают жениху выкупить невесту. Он должен положить деньги по углам и на середину стола. Когда выкуп совершился, подруги обносят всех присутствующих вином.

После этого едут в сельсовет в Кобелево расписываться. Секретарь сельсовета нарядно одета, в кабинете постелен ковер, все торжественно убрано. В такой обстановке секретарь сельсовета произносит приветственные слова и скрепляет союз молодых на бумаге, выдается свидетельство о браке. Во время акта регистрации брака молодые обмениваются друг с другом обручальными кольцами, звучит вальс Мендельсона, в конце церемонии в бокалах предлагается шампанское, которое жених и невеста привозят с собой. Часто в сельсовет приезжают на автобусе. Легковых машин здесь мало, да и дороги для них труднопреодолимы.

После регистрации все гости гуляют за свадебным столом, как правило, в доме жениха. Здесь уж кто во что горазд. Но гуляют весело. Много поют песен, придумывают всякие веселые, шутливые испытания для молодых. Обычно на свадьбе кто-то поопытнее руководит развлечениями. Над окнами в избе обычно вешают различные плакатики с пожеланиями совета да любви.

У невесты на этот день подготовлены подарки для родственников жениха, прежде она одаривает мать и отца (свекровь и свекра), а потом сестер и братьев жениха и других близких родственников. Приглашенные на свадьбу делают подарки молодым, которые могут быть совместные и индивидуальные.

На другой день утром будят молодых: гости приходят в дом и начинают сорить на полу соломой, а молодой дают веник, да похуже, и она должна подмести пол. Она метет, а гости снова сорят. Это длится, пока молодой муж не выручит жену и не поднесет гостям вина.

После этого едут к невесте и угощаются в доме ее родителей. Эту ночь могут переночевать в ее доме. На следующий день молодые с подарками, с приданым невесты едут туда, где будут теперь жить. Гостей не приглашают. Всей свадьбе конец.

Наблюдая во время исследования за отношениями между молодежью, мы обратили внимание, что молодые нередко заключают

брак, уже зачав ребенка – часто это последний аргумент, который делает брак неизбежным. А кумушки в деревне всегда знают, кто с кем гуляет.

Власть на селе

Деревня Кобелево всегда была и остается административным центром Покшенья (деревень, расположенных по реке Покшеньге). Здесь была сосредоточена власть, хотя и в разных организационных формах. До революции властные функции осуществлялись сельской общиной. На сельских сходах решались вопросы раздела сельхозугодий, найма пастуха, раздела единоличных хозяйств, организации общей хозяйственной деятельности по ремонту дорог, изгородей, строительству и ремонту мостов, найму перевоза за реку, сбору государственных податей. Между сходами выбирался староста, который следил за ходом общесельских дел.

В истории села Горюхина, во второй ее части («Баснословные времена») А.С. Пушкин описывает власть в селе Горюхино и ее изменение[24]. Интересна следующая фраза: «Чем мужик богаче, тем он избалованнее, чем беднее, тем смирнее». В годы коллективизации и современной перестройки мужика не балуют, а «усмиряют».

В Кобелево были церковь и приход. Приход объединял крестьян в более широком масштабе, чем сельская община. Так, в Кобелевский приход входили жители деревень Кобелево, Красное, Большое и Малое Кротово, Лохново и Марьина.

Церковь, помимо отправления церковных служб, участвовала и в хозяйственной (об этом речь уже шла), и в гражданской жизни села, в частности, занималась оформлением актов гражданского состояния жителей, причисленных к данному приходу. Со стороны крестьян для регулирования отношений с церковью выбиралась (или назначалась попом) церковная десятка во главе с церковным старостой, которого называли еще «десяцким». «Десяцкий» организовывал крестьян для пения на клиросе, нанимал церковного сторожа и звонаря, плотников и столяров для строительства и ремонта храмов и жилых помещений для попа и прихода, художников для росписи храма и, самое главное, собирал пожертвования на храм и церковь. Поп сам жил за счет крестьян и часть доходов передавал на содержание епархии.

У попа было погостское поле рядом с околком Пальцовка, которое граничило с шехинскими полями, его так и называют «погосское» поле. Семья попа могла заниматься сельским трудом, но и крестьяне трудились на его поле, потому что всем надо было крестить, венчать и отпевать.

В уездном центре был пристав, собиравший налоги по деревням со старост. В Кобелево был также стражник из крестьян, он имел от государства форму и саблю. По словам Н.Ф. Щербакова, страж-

ник выполнял функции советского милиционера, т.е. полицейского. В Карповой (районный центр – село Карпогоры) над ним было начальство: урядник и пристав (Прил. 2 – беседы с Богдановыми И.Е. и Е.Е., Щербаковыми А.И. и С.Н., Щербаковым Н.Ф.).

Так как основное богатство Севера – лес, то важное место на селе всегда занимал лесничий, который распоряжался государственным лесом. Не зря лесничего крестьяне звали «барин». Лесничий командовал лесными угодьями в очень обширной области тайги по Пинеге и ее притокам, одним из которых является Покшеньга. Лесничий мог быть жителем какой-либо деревни.

Василий Тихонович Попов, рассказывая о своем прадеде Григории, лесничем, наглядно показал ту роль, которую тот играл в жизни деревни (Прил. 2). Он выделял деляны под вырубки, наделял угодьями под сенокосы и выпасы, он же и принимал в марте лес для сплава, проверял качество вырубки. Ему должны были все крестьяне отработать в тайге летом между окончанием сева и началом сенокоса.

У Покшеньгского крестьянства была своя лесная дача, в которой выделялись участки под расчистку земли от леса, за счет чего крестьяне расширяли свои сельскохозяйственные угодья. Эта дача также находилась в ведении лесничего. Взаимоотношения крестьян и лесничего хорошо видны из документов. Это копии бумаг, найденных в доме одного из жителей околка Шехино в Кобелево. Из документов 1886, 1892 и 1914 гг. видно, что лесничий был из Карпогор, а затем из Шотовой, что подтверждается воспоминаниями Пелагеи Алексеевны Чемакиной и Марии Яковлевны Москвиной (Прил. 2). Когда мы проезжали по Шотовой, то напротив школы нам показали дом бывшего лесничего.

Из документов ясно, что участок отмеряли объездчики в присутствии свидетелей, но документ подписывал лесничий. Такой документ оформлял писарь, не зря Илья Егорович Богданов (Прил. 2) сказал, что раньше все дела правил один волостной писарь. Выстраивается вся цепочка отношений и связей для крестьянства.

По свидетельствам того же Ильи Егоровича и Анатолия Артамоновича Попова (Прил. 2), до коллективизации сохранялось право каждого хозяина на 10 деловых бревен в год для строительства. Это право было даровано царем. Кроме того, крестьянин имел возможность взять у лесничего свидетельство на разработку леса под пашню и сенокос и 40 лет пользоваться единолично, если сам за 10 лет разработает эти земли

Итак, для дореволюционного крестьянина Кобелево власть в деревне была представлена общиной и сельским старостой; попом и десятским, стражником. Вне деревни это были пристав, урядник, писарь и лесничий.

В период гражданской войны старые порядки в целом сохранялись, но в это время страшной силой стал самосуд, как со сторо-

ны белых, так и со стороны красных (Прил. 2 – беседы с Чемакиной П.А., Щербаковыми А.И. и С.Н., Телициной Е.Е., Богдановыми И.Е. и Е.Е.)

После окончания гражданской войны и установления советской власти церковь отделяется от государства. В Кобелево церковь функционирует где-то до 1934–1936 гг., но службы ведет красный поп Павел Шангин. Школа отделяется от церкви и переходит в систему народного образования. В деревне появляется новый вид власти – Покшеньгский сельский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Карпогорской волости Пинежского уезда Архангельской губернии. Гражданские функции власти переходят в ведение сельсовета.

Очевидно, что сельсовет, как и церковный приход, объединял не только жителей деревни Кобелево, но и окрестных деревень. Так, до 1961 г. в подчинении сельсовета находились деревни Лохново, Щелья, Смоленец, Щербаково, Агафоново, Заполек, Чивикса, Хидгора (это околки современной д. Лохново); Жабей, Горушка, Красное (околки современной д. Красное); Кобелево, Пальцовка, Холм, Околок, Усть-Покшеньга (околки современной д. Кобелево).

В 1961 г. к сельсовету присоединяются деревни Малое и Большое Кротово, Земцово; участок Пыльменга, лесопункты Сылога, Кавра, Русковера. К моменту исследования из присоединенных в 1961 г. остались Малое и Большое Кротово, остальные лет 10–15 назад отошли к сельсовету лесопунктовского поселка Ясный при железной дороге Архангельск – Карпогоры.

Само название сельсовета претерпело ряд изменений. С 1929 г. он назывался Покшеньгским сельсоветом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Карпогорского района Северного края, с 1937 г. – Покшеньгским сельсоветом депутатов трудящихся Карпогорского (с 1959 г. – Пинежского) района Архангельской области.

Сельсовет в деревне Кобелево в отличие от других властных институций объединяет всех жителей своего территориального подчинения. Образующиеся производственные формы (коммуна, колхоз, совхоз, акционерное общество) олицетворяют власть исключительно в отношении работников этих производственных объединений. Сельсовет существует для всех жителей, как работающих, так и не занятых в производстве. Эти два основных канала власти – территориальный и производственный – функционируют по всей стране.

Образовавшийся после гражданской войны сельсовет перенял часть функций, которые до этого выполняли церковь и община. Через сельсовет идет сбор налогов с единоличных хозяйств и тружеников-кустарей, он занимается оформлением актов гражданского состояния, но в более широком масштабе, чем церковь, имущественных дел наследования, дарения, раздела, при нем образуется комитет общественной взаимопомощи (КОВ). Известно, что кирпичная на Усть-Покшеньге была в ведении сельсовета.

До коллективизации сельскохозяйственная деятельность крестьян проходила в рамках старых единоличных хозяйств, где регулирующую роль по распределению сельхозугодий выполняла община, земля же находилась в бесплатном (вечном) пользовании тех, кто ее обрабатывал. Затем по деревням прошли карательные отряды, которые изымали излишки хлеба. К сожалению, из бесед с жителями не удалось установить, как определялись эти излишки, существовали ли какие-либо нормы или это был произвол. Скорее всего, и то и другое. В этот период крестьян еще пороли, часто по доносу. Поскольку в деревне не осталось респондентов прошлого века рождения, то и установить, были ли порки в дореволюционное время, сложно.

В сельской общине культивировались трудолюбие и честность, особенно нетерпимы были к воровству. Беседуя с Ильей Егоровичем Богдановым, мы дважды услышали от него реплику: какие раньше были хозяева – на хозяйском лугу и травки не помни! Он же рассказывал: на Котомени (луг-наволок под Усть-Покшеньгой на берегах Пинеги и Покшеньги) парень, купаясь, положил рубаху на траву, это увидели хозяева сенокосного участка и бросились на него с палками; парень еле ноги унес. Илья Егорович приводил этот пример и тут же сокрушался: какая вокруг бесхозяйственность, сколько добра валяется без дела, гниет, а отношение к земле ни в какое сравнение не идет с прежним. Да и воровства раньше не было. Если поймают, могут палец отрубить. Другие респонденты тоже часто упоминают, что воровства раньше не было. Двери не запирались, кроме амбарных, правда. У кого, что лежит на дворе, никто пальцем не тронет.

В послереволюционный период образуются производственные артели не только по лесозаготовкам, но и по другим видам ремесел, например промартель им. II пятилетки, куда входили сапожники, и «Красный пролетарий», объединявший кузнецов. Из рассказа Василия Тихоновича Попова (Прил. 2) ясно, что в артелях, трудовых союзах было выборное правление во главе с председателем, но основные вопросы решались на собрании; артельщики отчисляли от полученного трудового дохода государству и на содержание вышестоящих организаций, что регулировалось инструкциями сверху, а оставшаяся часть дохода использовалась по усмотрению членов артели – на выплату вознаграждений, на общественные дела, например, на строительство школы для детей деревни.

Артели объединяли жителей нескольких деревень. Правление располагалось или в Карпогорах, или по месту основной работы (контора химартели в Кобелево, например).

С 1920 по 1929 г. в деревне власть была представлена сельсоветом, общиной, а также участковым милиционером. В Кобелево долгие годы был участковый милиционер, в 1992 г. его перевели в Кевролу, по-видимому, с образованием совхоза должность участко-

вого в Кобелеве сократили. В 1993 г. вновь в Кобелево существует пока вакантная должность милиционера.

В 1929 г. образовалась коммуна на Усть-Покшеньге. Из рассказов жителей известно, что в коммуну вошла только часть жителей деревни, остальные жили единолично. Председателем коммуны был житель деревни Красное. О нем никто ничего не рассказал. только Н.Ф. Щербаков (Прил. 2) заметил, что скотный двор, распиленный на дрова в 1992 г., раньше был домом председателя коммуны. Когда коммуна распалась, его перевели работать куда-то выше.

В коммуне состоял житель Усть-Покшеньги Александр Васильевич Богданов (по прозвищу Погода, его называют Погодин). У него был большой двухэтажный дом, много начищено земли, и он жил в достатке, семья была небольшая. В его доме на втором этаже жили холостые коммунары, а на первом – сестры Анны Дмитриевны и Натальи Дмитриевны Богдановых, их мать готовила на всех еду (Прил. 2 – беседа с Богдановым И.Е.).

Богданов-старший вошел в коммуну сознательно, чтобы избежать обложения твердым налогом или, в худшем случае, раскулачивания. Его сын Николай в 1959 г. был председателем колхоза «Родина», затем управляющим совхозного отделения, позже работал в Кевроле (центральная усадьба совхоза); это – образец партийного руководителя брежневского периода.

Коммуна просуществовала недолго, почти одновременно (1930 г.) началось образование колхозов. В Кобелево так же, как и в Красном, образовались небольшие колхозы, которые вначале назывались по названию деревень: Жабоконский, Красногорский, Кобелевский. Затем колхозы получили свои названия: Кобелевский – «Красный Север», а Красногорский и Жабоконским – им. Молотова. Эти колхозы просуществовали до 1951 г.

Первым председателем колхоза «Красный Север» был Василий Дормидонтович Щербаков, затем вспомнили Егора Тимофеевича Амосова, его сменил ненадолго Марк Еремеевич Щеголихин. В колхозе им. Молотова первым председателем был Евгений Михайлович Козьмин, его сменили Ефим Егорович Телицин, перед войной Анатолий Артамонович Попов, во время войны Минин и Вальков, после войны и до 1951 г. колхоз возглавлял Анатолий Артамонович Попов.

Все председатели местные, жители этих деревень, кроме Валькова, но он тоже из Пинежского района. Председателей в довоенное время было больше, но их не всех помнят и не всех перечислили, назвали наиболее запомнившихся.

Так, в Красном в 1937 г. председателем колхоза избрали Николая Егоровича Козьмина, красного партизана, который до этого был председателем химартели. Он попал под суд за то, что разрешил выдать голодающим колхозникам 700 кг овса, предназначенного для лошадей.

Все предвоенные председатели не были коммунистами. В 1941 г. председателем в колхозе им. Молотова стал Анатолий Артамонович Попов. После армии и окончания сельскохозяйственного училища он вернулся партийным и профессионально грамотным. Во время войны председателем колхоза «Красный Север» стал Егор Тимофеевич Амосов, уже старик, хороший хозяйственник; он проработал председателем колхоза до самой смерти.

В 1951 г. произошло очередное укрупнение колхозов. Вместо трех колхозов – кобелевского «Красный Север», красногорского им. Молотова, лохновского «Победа Революции» – образовался один колхоз «Родина», его председателем колхоза стал Василий Тихонович Попов, уроженец деревни Красное. До этого он работал в районном сельхозотделе, заведующим отдела в Карпогорах, до войны был председателем сельсовета в Кобелево. О своей жизни и работе Василий Тихонович рассказал сам (Прил. 2).

После него с 1956 по 1959 г. председателем совхоза был Иван Игнатьевич Тыркасов, уроженец деревни Кобелево, из Околка. При нем колхоз стал миллионером. (Кстати, и Попов, и Тыркасов были партийными председателями). Иван Игнатьевич был последним, так сказать, «народным председателем» – после него на руководящие посты пришли председатели административно-бюрократического типа.

Такой вывод следует из анализа бесед прежде всего с самими председателями, обоими Поповыми, и с жителями деревень; каждая беседа с людьми дает новый штрих к общей картине власти на селе, раскрывает судьбу не только рядовых колхозников, бригадиров, но и трагические жизни руководителей.

Все председатели этого времени назначались и выбирались одновременно. Сам Василий Тихонович, будучи заведующим райсо в Карпогорах, назвал это так: «Ездили в колхозы устанавливать нового председателя». Новый председатель как бы и сверху курировался-одобрялся, и снизу выбирался-одобрялся – голосовали-то за своих сельчан, которых знали.

Положение председателя было непростым: с одной стороны, надо выполнить директиву сверху, а с другой – организовать людей, проявив и ум, и хозяйственность, и хитрость, и требовательность... Кстати сказать, председатели того времени получали такие же трудодни, как и все члены колхоза, и их заинтересованность в результатах работы вполне объяснима: от них зависел и заработок, и авторитет – как в глазах руководства, так и односельчан.

Кто был посредником между председателем и колхозниками? Прежде всего, бригадиры. Когда хозяйство было многоотраслевым, то в бригаде было все свое: лошади (основная тягловая сила), скот, упряжь, сельскохозяйственный инвентарь и орудия труда, поля, луга, пастбища, конюшни, скотные дворы, риги и овины. Брига-

дир был фактическим организатором всего объема работ в своем мини-хозяйстве.

Бригадир обходил с вечера всех членов бригады и давал задание на завтрашний день. Он следил за сроками работ, обмерял их объемы, записывал каждому трудодни, лично показывал пример всем членам бригады. В материалах обследования есть свидетельства респондентов, которые по нескольку десятилетий работали бригадирами (Прил. 2 – беседы с Богдановым Е.Е., Немытовым А.У., Амосовым А.К.). Это были люди-практики, хорошо знавшие весь цикл сельскохозяйственных работ. Бригадир мог не послушаться председателя колхоза, например, отказаться дать лошадей, людей для помощи другим бригадам, если у него самого была работа под угрозой срыва или не закончена. Когда колхоз в 50-х годах стал специализироваться на молочно-мясном направлении, то организация труда была по-прежнему бригадной, а сами бригады разделились на полеводческие и животноводческие.

С начала образования колхозов местных коммунистов почти не было, они появились в войну и после нее. Они являлись помощниками руководителя в организации всех работ. Хозяйственные вопросы решались на партхозактивах, в которых принимали участие правление колхоза во главе с председателем колхоза и партийный актив во главе с парторгом. Важные решения партхозактива выносились на обсуждение общего собрания колхозников, и они не всегда находили поддержку и не всегда принимались.

Рядовые коммунисты были примером в труде. Их посылали на дальние покосы и выпасы, где они, имея те же заработки, что и все, помогали организовать работу, следили за соблюдением дисциплины, выполнением заданий, сохранностью техники, скота и людей. («Безотцовщина» Ф. Абрамова – рассказ как раз на эту тему).

Начиная с 30-х годов в различных формах утверждается самоуправление колхозников: это и добровольная народная дружина, и пожарная народная дружина, и народный контроль, и комсомольский прожектор.

Судьбы «народных председателей» трагичны. Василий Тихонович Попов заболев после попыток районного начальства наказать его за невыполнение приказа сверху, попытку обмана (вместо плановых 5 га он посеял кукурузу для видимости по краю поля), попал в психиатрическую клинику в Архангельске. Вернувшись в деревню, он, инвалид войны, бывший заведующий районным сельским отделом, председатель колхоза, вынужден был зарабатывать себе на кусок хлеба, как рядовой работник.

Николай Егорович Козьмин за то, что хотел спасти людей от голода, но при этом нарушил указания сверху, был по доносу арестован, осужден и два года отсидел в тюрьме. После освобождения работал в колхозе, затем воевал, вернувшись, работал кузнецом, сказав домашним, что никаким начальником он работать больше не

будет. Ивана Игнатьевича Тыркасова просто сняли с должности (во всяком случае, узнать причину нам не удалось), он становится рядовым колхозником и умирает во время сенокоса от разрыва сердца. Это был руководитель, который вывел колхоз в миллионеры, которого все вспоминают до сих пор добрым словом и хотят, чтобы очередной председатель был похож на него.

После Тыркасова председателем стал Николай Александрович Богданов, житель Усть-Покшеньги, заведовавший до этого МТФ. Когда в 1969 г. из колхозов «Родина» и им. Быстрова организовали совхоз «Тепловский», он стал управляющим Покшеньгского отделения совхоза, затем перешел работать на центральную усадьбу в Кевроле, а выйдя на пенсию, возвратился жить в Кобелево.

После Богданова управляющих было много, они менялись по двое в год. Запомнили Черемного, который потом был директором совхоза, и Н.Е. Галашева, последнего председателя сельсовета (затем с августа 1991 г. появилась уже должность главы администрации сельского исполнительного совета). Последние несколько лет управляющим отделения был местный житель С.Ф. Попов (Прил. 3).

С 60-х годов председатель колхоза и управленцы работали не за трудодни, а за оклады. В годы хрущевского правления в сельский труд широко внедряются хозрасчет, научная организация труда, социалистическое соревнование. Они временно поддерживают трудовой энтузиазм колхозников, но постепенно крестьянский труд формализуется в рамках рабочего дня: чтобы ты ни делал – отработал 8 часов, и домой.

Новое поколение управленцев уже воспитано иначе: служить надо с оглядкой «наверх», выполнять указания. Должность есть должность. К тому же в окладе потолок – 300 руб.

Параллельно с правлением колхоза, конторой совхозного отделения в Кобелеве существует сельсовет. Материалы обследования дают возможность в общих чертах обрисовать ту роль, которую играли сельсоветы как властная институция.

Выше уже было отмечено, какие функции общины и церкви перешли в ведение сельсовета. Кроме того, сельсовет стал проводником идеологии, угодной государству, и в какой-то степени это был орган, который ведал все про всех – заменяя органы НКВД, затем КГБ, которые были в районном центре. Сельсовет организовывал работу в избах-читальнях, работу сельских клубов. Сельсовет вел всю отчетность о населении, его составе, миграции, его доходах, собираемых налогах, прохождении воинской службы.

До 1954 г. на крестьян и колхозников действовал мощный налоговый пресс, не только денежный, но и натуральный. Сбор налогов проходил через сельсовет. Для этого существовали финансовый агент и уполминзага (уполномоченный министерства заготовок).

Через сельсовет осуществлялось привлечение крестьян к отработке трудовых повинностей, основной из которых была заготовка

и сплав леса. Членам колхоза приносили повестку домой, гнали в лес всех без разбора. Женщинам избежать лесных работ позволяло наличие стариков и детей дома, особенно, если мужская часть семьи уже была на лесозаготовках. А для мужского населения лесозаготовки и сплав были возможностью заработать деньги и уйти работать в кадры. В 30-е годы и в годы войны жизнь в колхозе была голодной. Ели мох, от голода умирали. А «в лесах» все же был паек.

Во время войны из района сельсовету выделялись хлебные карточки, но крайне скудно – разделить на всех было трудно. Об этом рассказала П.А. Чемакина (Прил. 2), которая в годы войны была председателем сельсовета. Она вместе с председателем колхоза решала, кому сколько дать, учитывая, кто сколько получит от колхоза, чтобы не дать кому-то умереть с голода. Не выдержав моральной ответственности – соблюсти справедливость в этой ситуации было очень сложно – Чемакина ушла с работы, вышла замуж.

Все годы советской власти через сельсовет организовывались выборы депутатов. Эта кампания выборов была очень хорошо организована. Комсомольские активисты, партийцы принимали широкое участие в подготовке и проведении выборов.

Сельсовет в настоящее время занимается устройством стариков-одиночек в дома престарелых. Оформляет документы и организует проезд. Но надо отметить, что это происходит в крайних случаях, даже одинокие старики доживают свой век в деревне.

Колхозники получали денежные авансы, а по окончании года – денежные и натуральные выплаты за труд. Когда образовался совхоз, то рабочие совхоза были переведены на оклады и заработные платы. За время обследования мы встретились с главой администрации и управляющим отделением совхоза. Беседы с ними приведены отдельно (Прил. 3).

Исследование проходило в тот исторический момент, когда умер «колхоз», как упорно все называют совхоз в деревне. Директор совхоза Демидов приезжал 3 марта 1992 г. в Кобелево и на собрании поставил работников совхоза в известность, что совхоз преобразуется в акционерное общество и все получат денежно-земельные паи. Из пенсионеров присутствовал один Н.Ф. Щербаков, который спросил: «А что получат пенсионеры?» На что получил ответ: «Спроси у Ельцина!» Таков был ответ директора совхоза, в котором все добыто потом местных жителей, все обработано и заработано их трудом и за который каждый из них в ответе в той же степени, в какой его предки и потомки (Прил. 2).

Осенью 1992 г. на центральной усадьбе проводилось собрание, туда назначались делегаты, но многие опоздали на автобус, и что там решили, неизвестно. К слову сказать, жители деревни достаточно равнодушно относятся к собраниям. Видимо, для них очевидны их заорганизованность и формальность. Никто не хочет там вы-

ступать, врагов наживать, и никто не верит, что там что-то решается путное или их голос будет иметь какое-либо значение.

Никто из респондентов не сказал о последних руководителях хорошего слова. В основном молчат, иногда прорываются старые обиды на Богданова, а Попова ни во что не ставят, многие называют его лентяем (Прил. 2 – беседа с Поповым А.А.) Из беседы с управляющим сложилось впечатление, что в настоящее время между ним и рабочими нет не только взаимопонимания, но и какого-либо посредника, который служил бы пластичным средством регулирования отношений между управляющим и рабочими. Что касается районных руководителей, то они, даже проезжая мимо, общаться с людьми никакого желания не испытывают.

Никто из жителей деревни, с кем мы беседовали, не стремится получить свой пай и образовать свое фермерское хозяйство. Все понимают, что в местных условиях это невозможно: нет мини-техники, нет кредитов, нет снабжения и сбыта. Старое поколение понимает под фермерством единоличное хозяйство, но это не одно и то же. Многие ратуют за колхоз.

Например, Александр Петрович Немытов, только что вышедший на пенсию, и его жена Вера Петровна (участница самодеятельного хора) сказали так: «Развал полный. К нулю пришли. Возвращаться к колхозам небольшим надо, но только не к совхозам. Никакого контроля, ответственности: деньги получают, а работы нет. Руководство – лентяй на лентяе, все занимаются только сами собой, своей выгодой». Высказывания других жителей аналогичны и приведены в записях бесед с ними (Прил. 1, 2).

То, что все занимаются только собственной выгодой, подтверждает и разговор с главой сельской администрации Василием Владимировичем Ворониным. Он человек здесь новый, свежий, об истории его появления в деревне много сказано выше. Хотя по рождению Воронин местный, но по поведению – уже городской. Антонина Николаевна Богданова со смехом рассказывала, как одна старенькая бабушка встретила Воронина возле сельсовета и обратилась к нему с просьбой. Но глава отрезал, что у него есть кабинет и приемные часы. Бедная бабушка была в изумлении, ничего не поняла и испугалась новой власти, столь непривычного для деревенских жителей стиля общения.

О том, как он оказался на должности главы администрации, Воронин рассказал сам: «Совершенно случайно. Назначили меня». Назначил глава администрации района, и для него это было неожиданностью – еле-еле созвали сессию, чтобы формально утвердить его кандидатуру. Из беседы с ним виден тот круг проблем, которыми приходится заниматься главе администрации. Он посетовал, что его права и обязанности не очерчены указаниями, инструкциями. Похоже, ему приходится крутиться, чтобы что-то сделать для жителей деревни, хотя бы обеспечить их дровами (Прил. 3) .

Видимо, стало правилом, что людей назначают на должность сверху приказом или каким-то коллегиальным решением, которое по сути чисто формально. Так, Сергей Федорович Попов, учась в институте, уже знал, что будет управляющим отделения.

В настоящее время у администрации (сельсовета) много забот и хлопот по землеустройству. Сельсовету выделено 253 га земли, которые необходимо оформить и закрепить в собственность за их владельцами. Эта кампания особенно задевает жителей деревни, они не понимают, почему должны опять платить деньги. Причем оформление свидетельства на владение своим участком задерживается из-за отсутствия землеустроителей, а налог на оформление свидетельства растет. Те, кто занимает должности повыше, уже оформили свои участки по дешевке, а другим это же мероприятие обойдется гораздо дороже. Сам глава администрации не понимает этих налогов на владение – ведь земля и так фактически была во владении жителей. Купля и продажа жилья раньше происходила через сельсовет, сейчас – через администрацию. Земельные участки оформляются и регистрируются также через администрацию.

Администрации сельского совета после августовских событий 1991 г. выделили грузовую машину, на работу наняли шофера. Машиной летом возили дрова для школы и для пенсионеров с русковерского дровяного склада – это тоже обязанность администрации сельсовета. В настоящее время транспорт можно попросить или в администрации, или у управляющего отделением.

При сельсовете раньше существовал товарищеский суд, такой же суд существовал в колхозе. На товарищеских судах разбирались конфликтные ситуации, выносились предупреждения и решались вопросы о передаче дела в исполком или народный суд района.

Выделение скота до 1993 г. осуществлялось через совхоз. Желающий купить скот работник писал заявление зоотехнику совхоза, получал разрешение и покупал скот на ферме отделения. Наиболее длинная очередь и ожидание связаны с покупкой поросят на откорм. Тут каждый старается, как может.

Кормами в последнее время обеспечиваются все сами. Выращивают картофель и кормовые корнеплоды, заготавливают сено. Зерно на корм тоже выращивают сами – в совхозе его в последнее время почти не выдают. Правда, есть фонд для выдачи комбикормов для населения через сельсовет, но нормы на голову скота настолько мизерные (несколько килограммов), что об этом не стоит говорить. Сдать скот на убойный пункт в Карпогоры сейчас практически невозможно. Во-первых, перевоз очень дорог, во-вторых, там очередь и цены низкие, ниже рыночных.

В отделении совхоза для работников периодически продаются дефицитные товары. Они распределяются по очереди, чтобы всем досталось. В распределении дефицитных товаров раньше принимал активное участие сельсовет. Через него шли списки очередности, звонки, справки и разрешения на приобретение товара.

Пенсионеры топливом обеспечиваются через сельсовет, так же, как и учителя. Остальное население – кому как удобнее. Кто покупает через родственников в лесопунктах – это дешевле, кто заготавливает сам, получив разрешение лесничества. Если вывозят совхозным транспортом, то оплачивают чрез бухгалтерию совхоза и дополнительно жидкой валютой (водкой).

Случаями участившихся краж, смертей от несчастных случаев занимается участковый милиционер, который в последнее время находится в Кевроле, а раньше был в Кобелево.

Для дополнения картины структуры и фактического состояния власти на деревне в материалах исследования приведена беседа с бывшим лесничим, жителем Кобелево Юрием Петровичем Шехиным. В беседе раскрываются взаимоотношения лесничего с вышестоящими органами и рабочими лесничества, роль неформальных лидеров и авторитетов в жизни деревни. Этот аспект отношений дополняется беседой с бывшим начальником лесопункта Георгием Николаевичем Козьминым (Прил. 2)

В период исследования главой сельской администрации был Василий Владимирович Воронин, который родился в 1955 г. в Кобелево (околок Холм). Он окончил лесную академию в Ленинграде, не был в родных краях 17 лет. Приехал с семьей (двое детей) в 1991 г. в дом отца (отец умер, мать умерла летом 1992 г., но дом Воронину не отписан, поэтому здесь же на Холму он занят строительством нового собственного дома). Организовал на базе мастерской лесничества малое предприятие по изготовлению лодок-шитух. Но это дело у него не пошло, предприятие не просуществовало и года. Он в беседе объяснил, что помехой тому высокие налоги. Антонина Николаевна Богданова отметила: «К нему никто не пошел, человек новый».

Более глубоко раскрыл причины неудачи Юрий Петрович Шехин. Во-первых, к нему пошло работать трое человек, которые, заработав левые деньги, купили спиртное и пьяные поехали по реке на лодке. В результате один из них остался пьяным на берегу в перевернутой лодке и умер от удушья. Во-вторых, все в деревне знают, чьим трудом, стараниями и заботами создавалась эта мастерская. Ю.П. Шехин прямо говорит, что он сам с Ворониным не говорил, к его делу не подходил. А в деревне хорошо понимают, что один все сделал, а другой на этом наживается. Это дело не получило поддержки жителей деревни (Прил. 2).

До Воронина председателем сельсовета был Николай Егорович Галашев, житель Лохново. Он с поста председателя сельсовета ушел управляющим Лохновского отделения совхоза «Тепловский». Когда мы совершали в апреле 1993 г. прощальный визит в деревню, то Галашев уже работал директором Покшеньгского сельпо, расположенного в Кобелево.

Неформальным авторитетом пользуется у жителей деревни Н.Ф. Щербаков, с которым нам многие советовали поговорить, что

мы и сделали. Николай Федосеевич оказал нам неоценимую помощь в написании истории деревни. Его уважают за принципиальность, честность, совестливость и неподкупность.

Необходимо отметить, что все руководители, бывшие при власти до августа 1991 г., в большинстве своем были коммунисты, после августовских событий для них ничего не изменилось. Партийные документы выданы всем на руки. Партийность уже ничего не значит. Наоборот, отказ от нее сбросил последние оковы с бюрократической по сути власти, которая, по определению Н.Ф. Щербакова, является «охлократической и мизантропской» и способствует невиданному в мире обману и грабежу народа (Прил. 2).

В настоящее время жители деревни находятся в большом недоумении: что же происходит со страной и с их деревней? Поля запущены, участки перемеривают, надо налог платить, землю выкупать. Подробно об отношении к событиям жизни в деревне – в статье «С болью о деревне» А.Е. Богдановой (Прил. 1).

Современные правители, что московские, что деревенские, с точки зрения жителей деревни, на хозяев не похожи. Народ распустили, с народом не советуются. Как отметил Анатолий Артамонович Попов: «Все дела делает народ, а правители только повозжают. А с народом никто не советуется, но никто и порядка не наводит, и контроля не держит» (Прил. 2).

Приезд в деревню в 2002 г. свидетельствует о ее дальнейшем запустении. АО «Покшеньгское» и существует, и не существует. Трудоспособные жители, бывшие работники АО, становятся на учет по безработице (Прил. 1 – беседы Поповой А.В. и Поповой И.А.).

Единственной институцией власти, официально существующей и реально действующей в деревне, остается администрация сельсовета, о круге ее забот и проблем рассказал глава администрации Юрий Васильевич Немытов (Прил. 3). Когда в 2001 г. возникла проблема с водоснабжением в деревне, то это дело решили не в администрации, а на общем сходе, быстро собрали деньги и отремонтировали водокачку (Прил. 1 – беседа с Богдановой А.Н.).

Неясность ситуации в деревне заставила меня поехать в районный центр и встретиться с начальником сельского отдела муниципального образования «Пинежское» Павлом Дмитриевичем Коневым, с начальником земельного комитета Дмитрием Викторовичем Родионовым. Особой ясности мне эти беседы не дали, а напротив, расширили круг проблем. Каждому из собеседников я задавала вопрос о Кобелево, Покшеньгском АО. Конечно, никто им отдельно не занимался, да это и не надо, просто хотелось понять, как власть видит проблему. Не получилось. Автору же выход из этого порочного круга видится, с одной стороны, в изменении государственной политики по отношению к деревне, селу, а с другой – в пробуждении активности местного населения. Это два взаимосвязанных процесса, и инспирировать их должно государство.

По материалам будущего развития деревни Русского Севера написана статья «Северная деревня Кобелево и перспективы ее развития», которая вышла в 2003 г., в сборнике статей, посвященных Никоновским чтениям. В написании этой статьи мною использованы труды Кольского научного центра РАН[25] и анализ статистических данных района[26]. В заключении статьи мы соглашаемся с мнением кольских коллег об очевидной необходимости тщательного учета свойств сельскохозяйственных систем и специфики происходящих в них процессов, ценностных предпочтений и менталитета крестьян. О том же говорит и эта книга словами жителей деревни Кобелево. Они, как и Пушкин, понимают, почему мужик становится беднее – и, видимо, это будет так, пока власть предержащим нужен мужик посмирнее, а не позажиточнее.

Примечания

[1] См.: *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М., 1999; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследования сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

[2] Там же.

[3] *Ястребинская Г.А.* Северная деревня Кобелево и перспективы ее развития. // Никоновские чтения. Сб. ст. М., 2003.

[4] *Пушкин А.С.* История села Горюхина // Сочинения в 3-х т. М., 1986. Т. 3. С. 107.

[5] Материалы по истории крестьянского хозяйства и повинностей XVI–XVII вв. / Сост. Н.П. Воскобойников, А.И. Копашев, Г.А. Победимова. М.; Л., 1977. С. 89.

[6] *Никулин А.* Это было на Пинеге. Архангельск, 1968.

[7] *Ястребинская Г.А.* Институциональный подход как метод изучения сельского сообщества // Никоновские чтения. Сб. ст. М., 1996.

[8] *Калуцков В.Н. и др.* Культурный ландшафт Русского Севера. М., 1998. С. 26.

[9] Материалы по истории крестьянского хозяйства...

[10] *Орфимский В.* Пинежские раздумья // Север. 1987. № 10. С. 102.

[11] *Калуцков В.Н. и др.* Указ. соч. С. 68.

[12] Там же. С. 97.

[13] Материалы по истории крестьянского хозяйства... С. 32.

[14] *Ларин О.* «Пинежье». Путешествие по реке Пинеге. М., 1988.

[15] Там же. С. 9.

[16] Там же. С. 27.

[17] Материалы по истории крестьянского хозяйства... С. 160.

[18] *Ларин О.* «Пинежье»... С. 33.

[19] Там же. С. 28.

[20] *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы... С. 28.

[21] Там же. С. 8.

[22] *Озаровская Э.* Пятиречье. Архангельск, 1989.

[23] *Пушкин А.С.* История села Горюхина... С. 110.

[24] Там же. С. 111–115.

[25] *Советов П.М.* Проблемы адаптивной агроэкономики европейского севера России. Апатиты, 2000.

[26] Пинежский район в цифрах. Краткий статистический сборник. 70 лет. Архангельск, 1999.

Приложение 1

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ

Архангельская область
Пинежский район
Деревня Кобелево

История семьи Богдановой Антонины Николаевны

Респонденты: Богданова Антонина Николаевна, род. в 1942 г.
Завернина Любовь Николаевна, род. в 1946 г.
Черных Анна Николаевна, род. в 1950 г.
Козьмина Зинаида Николаевна, род. в 1935 г.
Томилова Таисия Николаевна, 1925–1992.
Богданова Людмила Васильевна, род. в 1970 г.

1992 г.

Выбор семьи объясняется тем, что столь многочисленная семья – редкость в деревне, таких семей 3–4% в деревнях Кобелево и Красное (правда, редкость – в наши дни, раньше почти все жили большими семьями). В семье шестеро детей. На момент обследования все дети живут с родителями. Средний сын Костя учится в училище в Архангельске на электрика.

Антонина Николаевна Богданова родом из деревни Жабей (в настоящее время – околок деревни Красное). Родители – уроженцы Покшенья, муж Василий Константинович Богданов родом из околка Усть-Покшеньга (его родовые корни описаны в истории семьи его матери Александры Егоровны Богдановой). История семьи создана необычным образом. По воле случая удалось побеседовать со многими родственниками Антонины, их рассказы приведены или отдельно, или в тексте истории. Сама Антонина Николаевна наотрез отказалась записываться на пленку, поэтому приведены отдельно куски застенографированных ее рассказов.

Словесный портрет респондента. Антонина Николаевна – среднего роста подвижная худенькая женщина и вместе с тем сильная и выносливая. Замечательные серо-зеленые глаза, слегка вьющиеся, стриженые волосы шатенки. Один недостаток очень старит и портит ее – это почти полное отсутствие зубов. Отмечаем это, по-

скольку обращение к стоматологу – огромная проблема не только Тони, но и всех жителей деревни.

История кровного родства

Антонина Николаевна (Тоня) родилась 11 августа 1942 г. в крестьянской, колхозной семье в деревне Жабей, девичья фамилия Козьмина. Ее муж Василий Константинович Богданов родился 16 января 1942 г. в деревне Нюхча. Тоня и Вася – одногодки и одноклассники. В 1965 г. 17 июля они поженились и образовали новую семью, в которой родились восемь детей.

Первый сын Геннадий родился 7 сентября 1964 г., когда обоим родителям было по 22 года, второй ребенок – дочь Людмила родилась 14 июня 1970 г., дочь Екатерина – 5 ноября 1971 г., сын Константин – 19 октября 1975 г., дочь Светлана – 30 июня 1977 г. Последний сын Николай родился 1 ноября 1981 г., когда родителям исполнилось по 39 лет. Николай родился в Кобелево, куда семья переехала в 1979 г., купив новый дом. Все предыдущие дети родились на Усть-Покшеньге, в доме бабушки Сани (Александры Егоровны Богдановой).

Тонин отец, Николай Егорович Козьмин, уроженец деревни Жабей, появился на свет 19 декабря 1896 г. В 1924 г. он женился на Павле Алексеевне Шумиловой, родом из деревни Большое Кротово (Покшенье). Павла родилась 13 июня 1905 г. В их семье родилось 12 детей. Первая дочь Таисия родилась 12 сентября 1925 г., когда отцу было 29 лет, а матери – 20 лет. Затем родилась дочь Настя, умерла младенцем по недосмотру няньки. Сын Георгий родился 4 декабря 1928 г., сын Петр родился 2 февраля 1931 г., сын Александр родился 21 января 1933 г., дочь Зинаида – 26 сентября 1935 г., дочь Лидия – 17 февраля 1938 г., сын Геннадий – 14 июня 1940 г., дочь Антонина (наша респондентка) – 11 августа 1942 г., дочь Любовь – 17 июля 1946 г. Следующая дочь Наталья умерла во младенчестве. Последняя дочь Анна родилась 8 августа 1950 г., когда отцу было 54 года, а матери – 45 лет.

Дедушка респондентки по отцовской линии, Егор Андреевич Козьмин, родился в 1853 г. в деревне Жабей. В 1884–1885 гг., точнее неизвестно, женился на Дарье Антоновне Амосовой (род. в 1862 г. в деревне Красное).

Первая дочь Авдотья родилась в 1886 г., когда отцу было 33 года, а матери – 24 года. В семье было семь детей. После Авдотьи родились сыновья Иван, Николай, дочь Антонина, сыновья Анатолий, Степан и дочь Мария. Мария родилась в 1902 г., когда отцу было 49 лет, а матери – 40 лет.

Прадед по материнской линии, Антон Миронович Амосов, родом из деревни Красное, был женат на Анне Козьмовне Шехиной из деревни Кобелево, которая умерла в 1932 (1933?) г. в возрасте 99–101 года. В их семье было 8 детей: 6 дочерей и 2 сына. Дочери:

Иринья, Дарья (бабушка респондентки), Прасковья, Елизавета, Федора, Марья; сыновья Увар (Уар) и Константин.

Дед по материнской линии, Алексей Петрович Шумилов, родился в 1869 г. в деревне Большое Кротово, был женат на Марии Захаровне Кобылиной (род. в 1879 г.) родом из той же деревни. В их семье было пятеро детей, из них четыре сына: Иван, Петр, Алексей и Дмитрий и одна дочь, Павла – мать нашей респондентки. Когда родился первый сын Иван, отцу был 31, а матери – 21 год.

Из десяти взрослых детей, братьев и сестер Тони, только Тоня живет в Кобелево, остальные дети разъехались. Старшая сестра Таисия после школы работала на маслозаводе в Жабее. В 1946 г. вышла замуж за офицера Советской Армии Александра Максимовича Томилова и уехала из родных мест навсегда, хотя и муж ее родом из деревни Немнюга. Брат Георгий после службы в армии ушел работать в леспромхоз, живет сейчас на пенсии в поселке Русковера. Братья Александр, Петр и Геннадий также ушли работать на лесопункты. Сестра Зина окончила после школы АЛТИ (Архангельский лесотехнический институт) и живет в городе Волгограде. Сестра Лидия вышла замуж и живет в поселке Пачиха. Сестра Люба после окончания кооперативного техникума живет и работает в районном центре – селе Карпогоры. Последняя сестра, Аня, окончила Ленинградский фармацевтический институт, живет и работает в областном центре – Архангельске.

Старшая сестра отца Тони, Авдотья, прожила жизнь в Жабее, муж, Василий Логинович Немытов, родом из Жабея, в их семье было восемь детей. Старший сын Егор пропал без вести в финскую войну, дочь Таисия вышла замуж за местного парня, Василия Николаевича Попова, родом из деревни Красное, прожила всю жизнь с ним в Архангельске, где он работал бухгалтером. Дочь Мария в настоящее время живет в Красном. Брат Василий погиб во время войны. Анфиса уехала в молодости в Ленинград по набору в ФЗО и живет там. Дочь Валентина вышла замуж и живет в поселке Сылога. Сын Евгений живет с женой и сыном в родительском доме в Жабее – околке деревни Красное.

Брат отца Тони, Иван, убит на гражданской войне, на Поче, был женат, жена Параскева Гордеевна. В их семье трое детей: старший сын Иван убит на Великой Отечественной войне, дочь Лиза умерла в 22 года, дочь Патька тоже умерла. От старшего сына Ивана остался сын Борис. Другой брат отца, Степан, холостой, попал в крупный воровской мир, потом работал в милиции. Последние вести от него были из Читы в 1934 г.

Сестра отца Тони, Анна, вышла замуж за Николая Земцовского из деревни Марьина Гора. Из пяти детей в деревне проживает сын Евгений. В Архангельске живет дочь Нина. Остальные дети умерли.

У матери Тони, Павлы Алексеевны, было четыре брата. Старший брат матери Тони, Иван, убит на Великой Отечественной вой-

не. Был женат. Старшая дочь Анна жила в Архангельске, а двое других детей живут в Сылоге и сын Василий – в Русковере. Брат матери, Петр, погиб в 1941 г. в штрафной роте на фронте. Жена была из Киглохты, единственный сын – Евгений. Брат матери Алексей, женат был, детей не было, прожил жизнь в родной деревне Большое Кротово.

Мать Антонины выходила замуж 16 июня 1924 г. по старинному обычаю. Николай Егорович сватался к ней три раза, ему отказывал отец Павлы Алексеевны, но потом отдал. Отказывал, так как Жабей – незавидная деревня, и Николай Егорович был из более бедной семьи. Увидел Николай Егорович Павлу Алексеевну на мечище. А он ей приснился во сне: высокий, черный и усатый.

Сама Тоня выходила замуж без сватовства, но у родителей благословение просила. На вопрос, какое приданое было у Тони, она ответила, что: «Какое там приданое, ничего в семье не было! Посуды родители дали, и на том спасибо».

Ее сестра Анна (род. в 1950 г.) выходила замуж последней из детей, в 1979 г. 21 декабря. Она с будущим мужем ездила к родителям в деревню, просила благословения. Регистрировались в Архангельске, а свадьбу играли в деревне. На свадьбе старушки пели старинные свадебные песни, осыпали молодоженов зерном. Затраты были следующие: со стороны жениха – 900 руб., со стороны невесты – 300 руб. Ее родственники затратили тысячи три на свадьбу. Молодоженам подарили одеяло и денег, на которые они купили холодильник и телевизор.

Отец Тони умер 1 июня 1981 г., мать – 8 марта 1990 г., брат Петр – в 1975 г., все похоронены в Кобелево. Сестра Таисия умерла в 1992 г., похоронена в г. Урюпинске Волгоградской области. Брат Александр умер 3 ноября 1992 г., похоронен в поселке Сылога. Могилы родных посещают в поминальные дни, в родительскую субботу. Могилы ухожены, мусор всегда убран.

У самой Тони после Кати родился мальчик Миша. Родился нормальным, оформили на выписку. Утром сказали, что умер от воспаления легких, а Тоня думает, что его уронили, и был родимец, потому что на спине были жилки все синие. После Кости был мальчик Юра, умер сразу от асфиксии.

У ее сестры Любы в 1975 г. родилась девочка, умерла в роддоме. Роды были преждевременные, в 8 месяцев. Люба на работе упала с крутой лестницы, поэтому роды случились раньше. Девочка умерла от пневмонии, было холодно... В свидетельстве о смерти указали причину смерти – асфиксия плода. В этот момент в больнице не было ни детского врача, ни гинеколога, а только практикантка гинеколог-фельдшер.

Среди родных Тони инвалидом войны был ее отец, Николай Егорович. Он был пенсионером местного значения. С 1976 г. совхоз «Тепловский» взял над ним шефство. Брат Петр умер так рано, по-

тому что в детстве упал с очень высокого сугроба, когда катался. Отбил почки, они у него болели, в армию не взяли. Работал счетоводом, шофером, столярничал, освоил сварку. Когда был шофером, повредил тазобедренный сустав. Кость постоянно гнила, он перенес несколько сложных операций в Архангельске.

Сестры и братья поддерживали его. У него двое детей: дочь и сын. И хотя он незадолго до смерти разошелся с женой, но все в семье Тони, ее братьев и сестер принимают детей Петра, участвуют по необходимости в их жизни.

Социально-экономическая и политическая история семьи

О жизни дедушек и бабушек лучше всего помнит старшая сестра Тони – Таисия. Вот что она рассказала: «Кротовские дедушка и бабушка были: дед – Алексей Петрович Шумилов, а бабушка – Марья Захаровна Шумилова (в девичестве Кобылина). Бабушка была без отца. Их было, кажется, три дочери-сироты. Но ее взяли (замуж), потому что она такая трудолюбивая была. И какой-то их дядя подарил «катерину», это по той поре 100 руб. На эту «катерину» они купили корову и все приданое. Дом был свой. Дедушка взял ее в дом. У дедушки отец был солдат, который служил 25 лет. И он пришел на пятом десятке и еще семью развел. У него, сколько всего (детей) было, не знаю, но Алексей Петрович – это мамин отец; Степан Петрович на Кротове жил, дом большой был; по-моему, дочь была на низ отдана (низ Пинеги).

У Алексея Петровича девка старшая была, померла, а вот четыре брата: старший Иван, Петр, Алексей и Дмитрий и мама живы были. Дедушка был грамотный, читал, а бабушка не умела. Дедушка верил в бога, но попов не признавал. На попов он всегда говорил: «Обжоры гладкомордые! Хочешь помолиться – пойди один в пустую клеть и помолись Ему». У них рядом была церковь, но он не ходил туда никогда.

Дед был хлебопашец, и меленка маленькая имелась без наемной силы. Молол зимой людям, приработок был. А жили они не бедно, у них было много скотины: коровы, лошадь не одна, жеребец, овцы были. Коровы две или три. Они большой очень семьей жили.

Эта бабушка, которая за солдатом-то была, она обезножела и лежа командовала всем домом. Он умер, она всем домом командовала. Бабушка моя стряпала у печи, дозволено было. Татьяна-то вот, Степанова, скотину обряжала.

Еще был Александр, брат, он в Сибирь уехал, миллионером был. Разбогател тем, что мельницу построил, наемный труд был. Он был такой грамотный, горячий. Но он почувствовал, когда это нэп начался, и он все понимал. В Ленинграде у него дом был и флигель. Дом он сдал, а во флигель поселился. Две дочери были и жена, там с Усть-Покшеньги, от Богдановых. До блокады все связь

была. У него дочери имели по институту до революции. Дядя Алексей ездил. Одна уже была, бедно доживала. Прошло все родительское состояние.

Мамины братья – дядя Иван, дядя Петро на войне погибли. У них семьи были. У Петра Женька. У деденки Марины (жены Ивана): Анка, Санко, Ирка (померла), Зойка, Вовка на Русковере – четверо было.

Все жили крестьянским трудом, а после революции секретарями всякими были. Поработают – то сбросят их, то еще чего. Куда-то все вылазили, потом слазили. Дядя Алексей все секретарем в сельсовете (Кротово) проработал.

Отцовская линия. Бабушка (по отцу) из Красного, Дарья Антоновна. Она умерла рано, оставила ему шестерых. Девичья фамилия Амосова. Санька там Уварова (живет), она двоюродная сестра отца моего, Николая Егоровича. Отец из Жабея родом. Дедушка, Егор Андреевич Козьмин, был старовер. Рука была немножко не правая. Что-то, видно, с рождения, или самострел был. Пахорукий он был. У него мочеточник болел, все пил от творога жиру (сыворотку).

Он столярничал, писать, читать умел. Крестьянствовал. Они так бедно жили, но жили. Конь был Карька, я его помню. Корова была. Не ходили по найму, не больно покорные. Отца моего и не заставить. Ходили на лесоразработки. Сами нарубят в суземе (сузем – глухая тайга) да сплавят.

Дети деда: Евдокия – тетка слепа (слепая была), за Василием Логиновичем Немытовым была, он умер в войну от голода в Жабее. Иван; мой отец Николай; Анна – на Марьину отдана за Земцовского Николая. Степан – бродяжничал, замки взламывал, был в крупном воровском мире – банки брал, в Читу уехал, ничего о нем не знаем. Анатолий, Мария, умерла».

О жизни отца Тони Николая Егоровича Козьмина было написано в районной газете «Пинежская правда» (№ 63 от 24 мая 1969 г.) в статье «Трудное счастье». Эта газета хранится в семье, вот отрывок из нее:

«Николай Егорович учился два класса в ЦПШ, потом умерла от родов мать, и осталось на отце 6 детей. Он отправил сына возить бревна из лесу на своей лошади в 12 лет. Его взяли в артель: зимой – в лесу, летом – на сплаве. Он был веселый, трудолюбивый, его прозвали Николка-артельный.

В 1915 г. по мобилизации он пошел служить в армию. В августе 1915 г. 18-летний солдат на Западной Двине (под г. Двинском) в Латвии получил первое боевое крещение. Осенью 1917 г. солдаты 719-го полка принимали участие в выборах. Было 6 бюллетеней. Николай голосовал за пятый – большевиков. 719-й Лысогорский стрелковый полк был революционным. Сам командир полка призывал голосовать за большевиков. Керенский дал приказ вывести разложившийся полк в тыл и разоружить. Полк двинулся в Питер.

Но исторический выстрел раздался, когда лысогорцы были в пути, в 100 км от Питера. Им вручили красное знамя, и они стали защищать советскую власть. Разведчик Козьмин идет на Псков и ведет войну с немцами до 3 марта 1918 г., когда был заключен Брестский мир.

Дважды раненный в июле этого года Козьмин вернулся в родное Красное. 2 августа 1918 г. интервенты высадились в Архангельске. Белогвардейцы, поддерживаемые ими, захватили власть в уездном городе Пинеге. В Покшеньге бывший офицер царской армии В.Е. Шехин создает партизанский отряд. В этот отряд одним из первых записался Козьмин Н.Е. Он защищает родную землю, деревню.

После освобождения Севера от интервентов и белогвардейцев разведчик Козьмин попадает сначала в Карелию, а затем – на Польский фронт. Под Сахановом 481-й полк был разбит. Плен в г. Кракове. Побег из плена. Служба в Киеве. Снова Козьмин в родной деревне – лесной фронт. Лесозаготовки. В 1924 г. женился на Шумиловой Павле Алексеевне из Большого Кротово.

С 1931 по 1936 г. руководил лесхимартелью. Потом был избран председателем колхоза. Попал под суд за то, что разрешил выдать голодающим семьям 700 кг овса, предназначенного для лошадей.

В начале 1942 г. он был мобилизован в армию. Сначала – стройбат в Северодвинске, потом – в запасной стрелковый полк, в маршевую роту. Он защищал Ленинград, брал Кенигсберг. Был дважды тяжело ранен. Контужен. Осколком снаряда разбита лопатка, ограничена подвижность плечевого сустава. 20 августа 1945 г. вернулся с боевыми медалями и орденами Славы. К 50-летию Советской власти награжден орденом Красного Знамени.

Он ушел на войну, у Павлы Алексеевны – 8 детей на руках и 40 кг зерна. Восемь лет: 4 года войны и 4 года после войны она работала бригадиром в колхозе. Подсчитали, сколько зерна за год смололи на муку: 1,5 тонны. Мололи на ручных жерновах».

Статья, конечно, написана со слов отца Тони, у которого была великолепная память, но приглажена в духе того времени. Подчеркнуто, что Николка был артельный, пролетарский паренек, что были там богатеи Башкины, которые использовали наемный труд. Но о Башкиных хоть и говорят, что их кулачили, но уважают за их труд. Богатство их трудовое. А сам Николка имел хороший голос и музыкальный слух и память, пареньком пел в церкви на клиросе.

У сестры Тони, Любы, хранятся все оставшиеся после отца документы. Она дала нам их посмотреть. Одной их первых нам попалась справка, выданная 8 ноября 1927 г. НКВД Архангельской губернии из исправительно-трудового дома. Справка удостоверяла, что «Козьмин Николай Егорович отбывал срок социальной защиты в Архгубисправтруддоме по приговору А.Л.С. по статье 142, части 2 УК с 6 сентября 1927 г. по 8 ноября 1927 г. и освобожден сего числа по амнистии в честь X годовщины Октябрьской Революции». Отмечено, что в правах он не поражен. Тоня разъяснила, что отец

был осужден по доносу. Он возвращался вечером домой. Поднимался по угорку от реки к деревне, там двое парней дрались. Он сам не робкого десятка, он взял и подзадорил парней словами, типа: «А ну, поддай!» И ушел. А в результате драки одного парня убили. Отца обвинили в пособничестве убийству и осудили. Но ему повезло: месяц отбыл, и вышла амнистия.

Когда он в 1924 г. женился, то построил дом в Жабее позади отцовского. В апреле 1931 г. Николай Егорович Козьмин и его жена Павла Алексеевна вступили в колхоз. Эти сведения взяты из записей в похозяйственных книгах за 1936 г. Социальное положение до вступления в колхоз – середняк, в отметке о прошлом главы хозяйства – красный партизан. В записи отмечено, что в хозяйстве одна корова, один теленок, три овцы.

Хозяйство сдавало налог: 220 литров молока, 27 кг мяса, 270 г шерсти и 0,24 ц картофеля. Денежные поборы: сельхозналог – 30 руб. 80 коп., культсбор – 21 руб. 70 коп., обязательное окладное страхование – 33 руб. 55 коп., самообложение – 15 руб. Дом, 1923 г. строительства, оценен в 1936 г. в 1782 руб., двор – в 1347 руб., амбар – 101 руб., баня – 194 руб., всего 3424 руб.. Все подсобное хозяйство – это приусадебный участок в 6 соток, где 4 сотки – под картофелем, под рожью – 1,2 сотки и немного под луком.

Тоня помнит из рассказов родителей, что перед колхозом у них была лошадь. Мама, Павла Алексеевна, не хотела идти в колхоз, а отец уже решил. Тогда Павла Алексеевна запрягла легкую таратайку и поехала к родителям на Кротово советоваться, но получила простой ответ: «Куда иголка, туда и нитка». С чем и вернулась.

В газетной статье написано, что Николай Егорович был избран председателем колхоза и осужден за то, что отдал голодным 700 кг фуражного овса. Но, как отметила Тоня, ничего не было сказано, что и это было по доносу. Отец отсутствовал год и восемь месяцев (его сослали в дальний сузем охотиться и рыбалить, а добытое сдавать государству), но тайком приходил домой и подкармливал большую семью.

Когда в 1942 г. его мобилизовали, он попал в стройбат в Северодвинске. В статье написано, что он не мог отсиживаться в тылу, и пошел воевать на фронт. Тоня заметила, что отец говорил, что на фронт он пошел, чтобы не умереть в стройбате от голода, паек был мизерный, а на фронте больше. Когда уходил на войну, маме наказал, чтобы корову берегла, иначе с голоду умрут.

У сестры Любы хранится красноармейская книжка отца, где означено, что он состоит в сержантском составе, помкомвзвода, колхозник, по специальности кузнец, беспартийный. На Волховском фронте получил два тяжелых ранения. Призван на службу 12 марта 1943 г. Отец был контужен под Кенигсбергом и часто вспоминал, что его засыпало. Его откопали, а его сумка полевая там где-то до сих пор лежит со всеми его документами.

Отец ушел воевать, а Тоня родилась без него – 1 августа 1942 г., была восьмым ребенком. Мать работала бригадиром в колхозе. В 1943 г. старшая сестра Таисия пошла работать лаборантом на маслозавод в Жабее, а старший брат Георгий подрабатывал весовщиком в колхозе.

Отец вернулся домой в 1945 г. с орденом Славы III степени. В 1946 г. ему дали медаль «За Победу над Германией в войне 1941–1945 гг.», в 1950 г. – медаль за взятие Кенигсберга, 1967 г. вручили орден Красного Знамени как красному партизану в годы гражданской войны. После войны отец до 1956 г. работал в колхозе кузнецом, а потом вышел на пенсию. У сестры Любы хранится справка, видно, отцу нужно было, что он работал в покшеньгской лесхимартели им. Кирова с 1931 по 1937 г., средняя зарплата 200 руб. Эту справку он брал в в сентябре 1945 г.

Добровольная пожарная дружина была организована по его инициативе, сам в ней и работал: ходил по домам и проверял весной и осенью содержание дымоходов, делал замечания, лазил на подволоку (чердак) и проверял, чтобы не было легковоспламеняющегося хлама возле дымоходных труб. Когда отец вышел на пенсию, то у него была пенсия 250 руб., в 1957 г. ее повысили до 500 руб., в 1970-м – до 60 руб. (в 1961 г. деньги поменялись). Из-за контузии у него стало резко ухудшаться зрение, в 1963 г. перенес операцию по удалению правого глаза. В 1967 г. он стал членом общества слепых, а 1969 г. по решению ВТЭК получил I группу инвалидности. Дома занимался хозяйством, воспитанием внуков и, пока мог хоть чуть-чуть видеть, ходил в тайгу на охоту, ставил силки на дичь, рыбачил на озерах. Лет за десять до смерти потерял зрение совсем. Лежал, слушал транзисторный приемник, ходил по дому на ощупь, выходил прогуляться у крыльца. Он вникал во все проблемы жизни, как деревенской, так и государственной, не раз говорил, что не за такую жизнь он воевал. До Отечественной войны по его решению икона из передней избы была убрана, и висели портреты Молотова, Ленина. После возвращения с фронта он портреты убрал и против иконы не возражал.

Ниже приводим короткий рассказ Тони о своей жизни.

«В 1949 году пошла в школу. Пока в школе училась, ходили на прополку картошки, капусты, ячменя. Садили картошку, возили сено. Постарше возили силос на лошадях. На дорожных работах возили песок, гравий на дорогу. В зимние каникулы 7–8-е классы работали на молотилке. 7, 8, 9-й классы три лета ездили на дальние сенокосы, 50–60 км (сторонние сенокосы). Заготовляли сена для колхоза. По 100 и более трудодней зарабатывали.

В 1958 году после 9-го класса стала работать дояркой: 12–15 коров, и все делали вручную. Даже пилили и кололи дрова. Дежурили в ночь. Сами косили силос. Сами сначала на лошадях возили траву, а в последний год – машиной. А заработки были небольшие. С че-

тырех утра были на ферме. Новотелок доили, начинали с четырех раз в день, потом три раза, а потом уж два.

В 1962 году стала членом правления колхоза, избирала бригада на колхозном собрании. В 1964 году была избрана депутатом Покшеньгского сельсовета.

До 1965 года работала дояркой. Часто были контрольные дойки, определение жирности молока и загрязненности. Не бывало никогда, чтобы коровы остались недоенные. В 1963 году сделали автопоилки. Коров пасли только в лесу. Весной уйдет вода (весенний паводок), так на луга выпускали на две недели, а после в лесу выпасали. В 9 часов вечера по 12 фляг молока возили на молокозавод на лошадях. Возила старая женщина. На маслозаводе делали сыр, казеин, масло, творог. Казеин в мешках возили на телегах на пароход сдавать по 5–6 телег. Масло возили сдавать.

С конца августа до белых мух (снегопада) уезжали за 8 км в избушку и пасли коров, там и доили. В те годы работали весело и хорошо. Трудные годы. Мало оплачивали. Работала с 4 утра до 10 вечера, как белка в колесе. Надои были 2,5 тыс., а позднее – 3 тыс. Коровам мало сена было, так весной все сено вокруг зарода подметали, у лошадей подметали, а потом это сено заваришь – и коровам. Лучшее сено отдавали лошадям, малым телятам, овцам.

17 июля 1965 года вышла замуж за Богданова Василия Константиновича. Ушла жить в Усть-Покшеньгу к мужу. Жили с матерью мужа. Его отец погиб на войне, он и не видел его.

Работала на разных работах. В 1966-м работала зав. клубом один год. Когда молодые, до замужества, концерты были к каждому празднику. Пела, участвовала в сценках. Культуротдел РОНО награждал почетными грамотами. Участвовали в районном смотре художественной самодеятельности в Карпогорах на проводах зимы.

7 сентября 1967 года родился сын Геннадий, а в марте 1968 года я вышла на работу кладовщиком, работала против склада Покшеньгского сельпо. Работала до 1978 года. Прошла сокращение. С июля 1978 года стала работать контролером сберкассы, где работаю до сих пор.

В 1966 году был последний колхозный обед. Сообща делали стол с водкой и песнями: сенная борода, то есть сегодня кончают сено убирать на лугу.

В Пасху качались на качелях. В Масленицу катались с гор. Наряженными ходили с 7 января до 19 января. В это же время гадают. Снег брали на полу (пальто) и сеяли его: откуда собака лает, туда и замуж пойдешь. После 19 января чиликуны уехали, их уже не боялись.

Помню, что в 5–6-х классах делали торфоперегнойные горшочки, в которых садили кукурузу. Естественно, что высаженная в грунт она попадала под весенний мороз, и все труды оказывались напрасными.

Раньше были дежурные сторожа платные, колхоз платил. Следили за порядком. С 1965 года добровольные сторожа ходили, за порядком следили. Книжку дежурного принесут, и ты сегодня дежурный сторож, и так все по очереди.

Добровольная пожарная дружина (ДПД) была: две лошади наготове стояли для пожарной машины. Сейчас только на бумаге числятся. Сход сельсовет собирает по необходимости, чтобы «V» (галочку – отметку о выполнении) поставить. Если бы у нас был Иван Игнатьевич Тыркасов, мы бы как сыр в масле катались. Он считать все умел до копейки. Почему ушел? Это от нас скрыто. Богданову надо было быть, зав. МТФ он был. Его надо было сделать председателем колхоза. Его родная тетка говорила: «Опять жорить (пить водку) надо! Пришел по то ли (потому ли)? Приедет начальство, барашек – на машину, и уехал».

Овцы были романовской породы. Частники из Кобелево, с Лохново, с Жабея сдавали овец на лето пастись вместе с колхозным стадом за определенную плату. Овцы обходились, стадо улучшалось, и у частников тоже. Сейчас ничего нет: ни заводов, ни овец. Списывали: нет перспективы и рентабельности, а ответ один – бесхозяйственность. Овец ликвидировали в 1966–1967 гг.

Был кирпичный завод в колхозе. В колхозе «Родина» свой кирпич делали в Лохново. А до этого в каждой деревне делали кирпич: в Кобелеве, в Красном, в Лохново. В Сылоге два–три года назад (1989) разорили кирпичный завод.

Коровы были, телятники на Усть-Покшеньге, Кобелево, Красном, Кротово. Быки свои, 16 голов. Лошадей и не назвать сколько: 55–60. Фондовская конюшня была за конторой. Конюшня в Красном, в Жабее две конюшни, в Малом Кротово конюшня. В Красном, Кобелево были свои овчарня, свинарник.

В колхозе были свои пилорама, мельница. В Лохново был локомобиль. Со всей округи приезжали пилить и молоть зерно на муку. Пилорама и мельница были у Лохново напротив Крестова места у Красного (где стоят кресты у Мостовика). Уже нет ничего. Сейчас молоть ездим в Большое Кротово, там мельница на электромоторе. А ведь был колхоз-миллионер при Иване Игнатьевиче (Тыркасове) – председатель; Марк Еремеевич (Щеголихин) – председатель сельсовета; Анатолий Артамонович (Попов) – заместитель председателя колхоза; Богданов Николай Александрович – зав. МТФ.

Теперь никого нет, никого не собирают. А раньше тут и на месяцу не раз соберутся после работы. Приедут мужчины представительные, 4 бригадира, я, член правления. Тогда проверяли и принимали всю работу. Была 2-метровая мера – ходят, меряют. Зерно триером на четыре сорта делили. Когда в школу ходили, у нас не было ни каникул, ни выходных. А сейчас какое зерно придет, такое и посеют.

Честность была: товар под слово привозят, без накладной. Товар лежит под навесом без замка. Товар на пристани лежит; кирпич,

шифер – никто не берут. Народ очень честный. Сломался мотоцикл, хоть пятилетку стоит – никто ничего не возьмет. Это сейчас стали баловаться. Замок – палка. Мотор, лодка, бензин – все стоит, никто не возьмет. Уже все с улицы надо убирать».

Тоня выполняла обязанности народного контролера, а сейчас член лавочной комиссии около 10 лет. Члены лавочной комиссии (трое выборных человек) участвуют в инвентаризации, проверяют цены, работу продавцов; правильность взвешивания, стоимости за товар. Разбирают жалобы населения.

Спросили Тоню, почему не пошла на собрание совхоза в начале марта 1992 года. Она ответила: «Не хочу врагов наживать. Язык мой – враг мой». Когда разговор заходит о жизни в деревне, совхозе, Тоня заводится, волнуется, видно, что она за все переживает, но и мудро замечает: «Русский терпит, но до определенного предела».

История вещей

До замужества Тоня жила в доме родителей, который ее отец построил в 1923 г. Дом стоит до сих пор в Жабее на том месте, где его построил отец. Дом на высоком подклете, сбоку пристроена низкая изба, которая досталась отцу от дома его отца, Егора Андреевича.

Дом с поветью, наземом, хлевами. На поветь можно было въезжать по взвозу, который сейчас разобрали из-за ветхости. Дом родители, будучи на пенсии, покрыли шифером. Во дворе есть дровенник, русская баня, перед домом для девочек сделана бугра. За забором перед домом стоит амбар и колодец-труба глубиной 32 метра (*Жабей до воды жаден*).

В колхозное время этим колодцем пользовались и для нужд скотного двора и конюшни, которые были расположены за домом Николая Егоровича Козьмина. Этот колодец отец копал сам, содержали артельно – все, кто им пользовался, и колхоз тоже, выделяли деньги, канат, материал для ремонта. Последний раз колодец ремонтировали в 1976 г. Пользуются им до сих пор. После смерти мамы в 1990 г. дом по наследству перешел брату Тони – Александру, который умер в 1992 г. Дом купила сестра Тони, Лидия Подрезова.

После замужества Тоня переехала жить к мужу на Усть-Покшеньгу в дом его матери (об истории этого дома см. семейную историю Богдановой А.Е.). В 1978 г. купили дом в Красном. Дом был построен мастером из Сибири и на сибирский манер. Бревна были пущены через кольцо, то есть комель и вершина одинаковой толщины. Дом Тоня с мужем купили и каждый вечер после работы разбирали его: убирали печи, маркировали бревна. Покупка состоялась в апреле, в июле дом поставили, а 25 ноября 1979 г. переехали.

Место для дома в Кобелево Тоня получала в сельсовете – выделили в Шехино, в центре Кобелево. Место это берегли для строительства продуктового магазина. Тоня хотела место с краю деревни, где госконюшня была, где Пальцовский ручей течет все

лето. Поэтому место, где стоит дом, с одной стороны, ей нравится, так как это центр Кобелево: рядом магазин, школа, клуб, до сельсовета рукой подать, да и до места работы ей идти всего минуту, но с другой стороны, дом весь на виду, просматривается вся жизнь ее семьи. Это место ей нравится наполовину.

От разборки дома до перевозки его в Кобелево прошел ровно месяц. Так как бревна были пропущены через кольцо, то, когда дом ставили, для замены бревен из 40 хлыстов не могли выбрать ни одного, занимали у соседей. Мастером нанимали Кобылина Василия. Он командовал сборкой дома на новом месте. Строили сами, и родственники помогали. Четыре ряда выкинули. Очень высокий был дом, Тоня с мужем не захотели такой высокой подъизбицы. У этого дома раньше были две боковые избы, но когда Богдановы его купили, их уже не было. Затраты на строительство дома Антонина Николаевна не помнит. В свое время она вела тетрадь затрат, но не могла ее найти. Дом они купили за 3 тыс. руб. (1978 г.).

За домом построены в 1979 г. баня с предбанником (в нем стоит машина «ЛуАЗ») за 1100 руб., амбар, который приобрели вместе с домом, стоит недалеко, – 500 руб. В 1980 г. построили погреб с подклетом, где хранится хозяйственный инвентарь, обошлось это в 300 руб. В 1987 г. построен хлев, затраты – 500 руб.

С момента строительства хлева семья стала держать скот. Сначала брали поросят для откорма на мясо. В 1990 г. сестра Тони, Люба, купила себе дом рядом с Тониным за 6 тыс. руб., в который она приезжает на выходные, в отпуск из Карпогор. Теперь Богдановы в хлеву Любиного дома держат свиней, а в своем хлеву – корову и бычка на откорме. Это не вся живность: возле дома на крыльце сидит северная лайка Бим, в доме живут комнатная собачка Грошка, кот Мураш и черепаха Тортила, которую детям Тони привезла из Архангельска и подарила ее сестра Аня. Приусадебный участок при доме 3 сотки, под картофелем в поле за домом 7 соток, участок под ячмень – 15 соток. Земли под сенокос – 70 соток, из них 20 – на подгорье рядом с деревней, а 50 – на маленьком острове на Покшеньге под Павловой горкой. Этот островок Богдановы с Ушаковыми (живут на Холму) косят уже 5 лет по договору с совхозом. Им его дали для окультуривания, а за это они заготавливают на нем себе сено. Василий Константинович на мотоблоке косит траву, а Ушаков Василий выкашивает все неудобья косой. Потом обе семьи с родственниками выходят на островок и вначале ворошат сено, а через 2–3 дня его сгребают и машиной вывозят. Одну машину – Богдановым, одну машину – Ушаковым. Обычно приходится по 2 машины на хозяйство. Островок площадью около гектара.

Разделение труда в доме Богдановых традиционно. Хозяйка дома у печи готовит еду семье и скоту, с ним же она и обряжается: кормит, доит, выгребает навоз из хлева, дальше с навозом работают мужчины. Свиней кормят муж и сыновья, Гена и Костя, когда

приезжают домой. Они же убирают навоз у свиней. Воду возят мальчики, а в дом заносят и мальчики, и девочки. Стирают белье девочки, а отвозят полоскать их с бельем к речке мальчики. Убираются дома девочки. Пилят, колют и заносят в дом дрова мальчики и отец. С техникой занимаются мужчины.

Основную пищу для семьи готовит Тоня в русской печке. В основном это мясные, рыбные или грибные супы, картофель печеный и отварной, различные каши, печеная рыба. Каждый день в достатке свежего молока и домашнего творога. Масло сливочное покупают в магазине. Иногда Тоня печет шаньги. В доме ее матери и свекрови пища была такая же, но ее мама пекла каждый день, так было принято раньше в этих местах. Основной хлеб – житник – выстаивался и формировался в деревянном крупенике, и лопатой (деревянной) садили в печь, пекли на поду или на капустном листе, тогда называли капустник, а если на сковороде – то лопушник. Сочень – тесто как на пельмени, и в него клали сало. А если нальют сметаны, то пресные шаньги. Калитка – если на сочень клали картофельное пюре. Солоники – это пирожки из сочня с грибами, ягодами, творогом или картофелем. Пекли калачи и колобы из ячменной муки со сметаной. Шаньги пекут и из кислого теста.

Одеваются Богдановы в основном в покупную одежду. Девочки очень хорошо вяжут свитера, кофты, варежки, носки, шапки, безрукавки. Люда с большим вкусом одевается сама и дает советы сестрам и братьям. Тоня выросла в семье, где много детей и где в довоенное время, в войну и первые годы после войны с одеждой было плохо, нечем было заплатки ставить. Девочки зимой ходили в длинных юбках, и не всегда были штанишки. Их мать умела и прясть, и ткать, и шить, и вязать, но на это не было времени, возможностей.

В доме Богдановых шесть комнат, но двумя они не пользуются, а в четырех живут постоянно. На подволоке есть вышка – комната на чердаке. Это комната папы Васи, который летом в ней спит, смотрит телевизор, читает книги, газеты – летняя мужская комната в доме. Мебель в доме Богдановых покупная. Только табуретки, скамейки да наблюдник у Тони в задосках сделаны на заказ. Два кресла-кровати, пять кроватей, четыре дивана-кровати, два шкафа для одежды, два комода, два книжных шкафа, буфет, два серванта, шкаф для посуды, тумбочки, трюмо, – вот перечень покупной мебели, которой обставлен их жилой дом. В доме два телевизора: цветной и черно-белый. В большой комнате-зале висит ковер на стене и закрывает дверь в коридор, которой сейчас не пользуются. На полу зимой стелют ковер и дорожки для тепла, летом их убирают.

В доме любят читать и держат книги. На полках книги о технике и автомобилях, справочники по сельскому строительству, технике, много художественной литературы и собраний сочинений классиков, отдельно стоят книги об Архангельске, области, районе,

произведения Ф. Абрамова. В домашней библиотеке есть Библия и отдельно Новый Завет. У Люды свои полки с педагогической литературой.

Большое своеобразие дому придают увлечения детей. Старший сын Гена увлекался строительством кораблей, в основном парусных. На полках стоят до сих пор 11 макетов парусных судов, сделанных Геной в детстве по журналам. Люда увлекается шитьем мягкой игрушки, Катя – плетением макраме. Люда ведет занятия по биологии в школе, очень любит растения – все окна, специальные подставки уставлены ими. Люда провела для нас экскурсию по своему маленькому ботаническому «саду», он помогает ей кормить весной черепаху, которая к теплу выходит из зимней спячки.

В семье черно-белый телевизор появился в 1975 г., у самых первых, и вся Усть-Покшеньга ходила к ним смотреть передачи, как в клуб. В наибольшем достатке семья Богдановых живет сейчас. У них свой очень хороший дом.

На задах дома взят участок и построен новый дом сыну Геннадию. Дом начали строить в 1990 г. Строят отец и сын. Материал для строения покупали постепенно, поэтому Тоня не может назвать точную цифру затрат. Размер дома 7 на 14 метров, и еще будут пристраивать хлев. Печи в доме не кладены.

В хозяйстве Богдановых есть легковая машина «ЛуАЗ» 1987 г. покупки. В деревне ни у кого нет легкового автомобиля. Машину было трудно купить. Богдановы написали ходатайство в сельсовет и совхоз, чтобы им выделили автомашину для покупки. Чтобы ее все-таки разрешили купить, Тоня дошла до облисполкома. Когда разрешение было получено и известили, что машины прибыли на базу в Архангельск, они с мужем вдвоем поехали за ней. Привезли по железной дороге, оплачивали место на платформе. Еще есть два мотоцикла, один куплен в 1978, а другой – в 1992 г. для Гены. Кроме того, в хозяйстве есть мотороллер «Муравей», лодка-казанка с мотором. Гена с отцом собрали из металлолома, за который заплатили в совхозную контору, трактор Т-25 (500 руб.) и трактор Т-40 (1000 руб.).

Их семья находится в состоянии зрелости. Еще все живут вместе, под одной крышей, все трудятся в один бюджет. Все здоровы и полны сил и планов. И хотя в техническом плане они оснащены лучше всех в Кобелево, но создавать свое фермерское хозяйство не намерены – слишком много проблем, и желания нет.

История знаний, умений и навыков

Начальную школу Антонина окончила в Жабее, рядом с домом. Классы были спаренные: 1-й и 3-й, 2-й и 4-й. Затем она училась в покшеньгской школе, расположенной в Кобелево. Туда, как и все дети, ходила пешком. Старшие классы, 8-й и 9-й, окончила в Карпогорах. Из учителей запомнила директора школы Алексея Петро-

вича Прилухина, он преподавал математику, был очень строгий. Георгий Николаевич Козьмовский вел уроки физкультуры: лыжи, канат, шест. Утром проводил со школьниками зарядку каждый день: в теплое время – на улице, в холодное – в коридоре школы. Анастасия Максимовна Прилухина вела историю конституции, была завучем, а потом – директором школы. Татьяна Степановна Коровина вела естествознание и зоологию, Александра Ульяновна Рудакова – немецкий язык, на переменах играла на гармошке и баяне, Мария Яковлевна Москвина – алгебру, геометрию, математику. Русский и литературу в 5-м классе преподавала Зинаида Ивановна Резвая, потом ушла в декрет, в 6-м классе ее сменила Зинаида Михайловна Карельских. Географию в 6–7-м классах вела Мария Михайловна Черненко. Учителя были сильные, давали хорошие знания.

Работа дояркой, кладовщиком не требовала от Тони специального образования. Корову доить она научилась еще у матери. Когда она стала работать контролером в сберкассе, то сначала прошла стажировку. Потом кончила заочные курсы: давали задания, она их выполняла и сдавала.

Распределение труда в семье Богдановых традиционно для этих мест и такое же, как и у родителей Тони. Пожалуй, Тоня единственная из девочек не овладела никаким видом женского рукоделия. Ее сестры объясняют это тем, что Тоня рано пошла работать на скотный двор, и у нее не было времени осваивать женские рукоделия, которыми очень хорошо владела их мать, Павла Алексеевна. Все ее дочери – Таисия, Зинаида, Лидия, Любовь, Анна – умеют шить, вязать. Скорее, у Тони нет природной склонности к этим занятиям, но зато она хорошо умеет трудиться и в поле, и на сенокосе, хорошо знает крестьянский труд. Работает она задорно и без устали.

Муж Тони, Василий Константинович, окончил 10 классов. Семилетнюю школу закончил в Кобелево, а среднюю школу – в Карпогорах. Его мать очень хотела дать ему дальнейшее образование и всегда сожалела, что этого не удалось. Она объясняет это тем, что из колхоза не отпустили, что у Васи не было отца, который бы постоял за него перед председателем.

Василий Константинович отслужил в армии, потом приехал в деревню. Вместе с Володей Щеголихиным они окончили курсы шоферов в Архангельске. До 1985 г. Василий Константинович работал шофером, а потом механиком-наладчиком. Сейчас совмещает эту работу с должностью заведующего гаражом.

Василий Константинович мастер-самоучка. Его дочери говорят, что гараж, вся техника на папе держатся, иначе уже все давно бы растащили и пропили. Когда мы были в деревне, видели, как Василий Константинович приходил с работы расстроенный. В последнее время раза два у него со склада пропали детали к машинам; говорит, надо менять замок.

Мальчики в семье все хорошо знают технику. Свидетельство их умения – два трактора, восстановленных из металлического праха (а этого праха полно и возле деревень, и просто в тайге: лесозаготовители свою технику часто бросают там, где она сломалась, оставляя потомкам запасы металла вместо запасов леса). Гена пошел по стопам отца, стал шофером и все сам ремонтирует, умеет забивать скот, научился у Саши Шехина.

У Антонины Николаевны пять сестер, и все стремились учиться, получить образование. Поскольку сестры приезжали отдыхать, а также были на похоронах брата Александра в ноябре 1992 г., с ними удалось побеседовать. Мы сочли важным привести в материалах исследования их рассказы о своем образовании. Вот что нам рассказала Зинаида Николаевна Козьмина (род. в 1935 г.):

«Училась в начальной жабоконской школе, затем – в семилетней покшеньгской школе, среднюю школу окончила в Карпогорах в 1954 году. Учеба в Карпогорах складывалась так: в понедельник в четыре утра вставала и с другими детьми шла в Карпогоры (15 км) и до конца субботы жила там. Учащимся предоставлялась койка в общежитии, постель и постельное белье. Питались сами, кто что из дому принесет. За учебу в старших классах (8–10) с нее никакой платы не брали, так как ее отец был красный партизан, инвалид войны.

В колхозе наше поколение начинало работать с семилетнего возраста. Вначале эта работа заключалась в сборе колосков, потом – вся работа по сбору, посадке, обработке картофеля. Школьники же делали прополки всех культур, которые в ней нуждались. По дому выполнялись все работы: приборка, присмотр за детьми, дойка, уход за скотиной. Каждое лето из 15–20 человек формировали бригаду, в которой бригадиром был дед, поваром – бабка, один мужик – метать стога, а все остальные – школьники. Детей брали с 11–12-летнего возраста. Сено ставили на Охтоме (ниже Сылоги), Нелде, Койме (выше Сылоги). В детстве я научилась сама запрягать лошадей. Очень слушалась родителей, которые были строги и требовали быть работящей, попусту время не вести, быть скромной, не шалить, вольностей не позволять.

После окончания средней школы я поступила в Архангельский лесотехнический институт (АЛТИ). Из шести девочек, живших со мной в одной комнате в общежитии, при поступлении в институт я одна выдержала экзамены и прошла по конкурсу. В успехе сыграли два фактора. Первый фактор – это желание учиться, усиленное личным настойчивым характером и тем, что учиться в 8–10-й классы и институт я отпрашивалась у родителей и говорила, что на учебу ничего у них просить не буду. Когда я приехала поступать в Архангельск учиться в институт, то у меня не было денег на обратный билет. Одета была в ситцевое платье, пиджак и обута в кирзовые сапоги. Первое шерстяное платье мне сшили к выпускному вечеру в институте. Второй фактор – это хорошие знания, полученные в

карпогорской школе, где был сильный контингент учителей в то время. Я до сих пор помню Нину Федоровну Таратину, классную руководительницу, родом из Елецка. Нина Федоровна преподавала математику и физику, которую я до нее не любила и не понимала. Молодая учительница преподавала нетрадиционным методом. В классе стоял стол с песком, на котором оживали законы, теоремы и доказательства их. Когда я сдавала экзамены в институте, приемная комиссия поинтересовалась, не с математическим ли уклоном школу закончила абитуриентка, и была удивлена, узнав, что я училась в обыкновенной сельской школе. Биологию преподавала Августа Михайловна Шехина, дочь попа, очень грамотная, тонкая и неординарная женщина. Историю преподавал директор школы Мамрин Григорий Алексеевич. Нина Яковлевна Ярунова преподавала русский язык и литературу.

Учиться было все-таки трудно. Вначале не хватало словарного багажа, смущал деревенский говор. В материальном положении денег было в обрез. Стипендия была 270 руб. в месяц, из нее вычитали подоходный налог, плату за обучение и за общежитие (около 120 руб. в год только по этой статье). До третьего курса со студентов еще брали деньги под обязательный заем на восстановление народного хозяйства. Полученную стипендию я расписывала по дням и не допускала никакого перерасхода. Единственным развлечением был поход в кино на первые ряды, где билет был самый дешевый – 20 коп. За год экономила на оплату дороги домой и подарочки всем членам семьи.

Работа в колхозе каждое лето не давала никаких заработков, одни трудодни в виде палочек. Работа в бригаде оценивалась бригадиром, который за трудовой день имел единицу, а труд остальных оценивался коэффициентом от 0,2 до 1 по усмотрению бригадира. Здесь, конечно, учитывались и возраст, и сила, и умение, и время работы. Институт я окончила в 1959 году и получила диплом инженера-технолога лесотехнической промышленности. По распределению шла седьмой и получила направление на Ефимовский домостроительный комбинат в поселке Заборье Ленинградской области. Проработала 5 лет, из них 3 года вначале сменным мастером, в смене 60 человек – мужчин, а два года работала инженером в производственном отделе. Жила там в предоставленной от работы квартире. Потом по объявлению о найме поехала работать технологом в Волголесдревпром г. Волгограда. Три с половиной года жила в общежитии, а потом получила однокомнатную квартиру. Объединение расформировали, и с 1968 года до пенсии в 1990 году я проработала на мебельном заводе имени Ермана. На пенсию вышла в должности заместителя начальника технологического отдела».

Сестра Тони, Лидия, после окончания 7 классов получила направление от колхоза и отправилась учиться в Архангельск, в сельхозтехникум на агронома. Она поехала и поступила с одной трой-

кой. А когда ее провожали, мать на пристани сказала, что если поступишь с тройками и стипендию платить не будут, то приезжай домой. Она получила одну тройку и вернулась домой. Без стипендии учиться было не на что. Лида ушла «в кадры», ее послали учиться на повара в Ленинград, потом работала поваром в Пачихинском леспромхозе, там встретила Подрезова Ивана Ивановича и вышла за него замуж, у нее пять детей.

Сестра Тони, Люба (род. в 1946 г.), после окончания восьмилетней школы в Кобелево поступила в кооперативный техникум в Архангельске и закончила его в 1964 г. По распределению работала два года в Нюхче бухгалтером сельпо. Потом ее перевели в Карпогоры в райпотребсоюз старшим бухгалтером, а сейчас она работает главным бухгалтером. Вот что она рассказала о своей учебе:

«Училась с 1961 по 1964 годы. Один год жила в общежитии, где плата была 70 копеек в месяц. Потом два года жила на квартире, платила 7 рублей в месяц, из них 5 рублей платил техникум, а 2–3 рубля доплачивала я сама. Регулярно помогала Зина: 10–15 рублей в месяц. Присылала одежду, туфли. Стипендии на руки я получала 11 рублей 30 копеек. Брат Гена раза 2–3 присылал деньги. У родителей денег не было. Экономишь и везешь еще родителям чемодан сушек. Это было время очередей за хлебом, особенно 1962 год. Были неурожаи, да и Хрущев что-то куда-то продал».

Самая младшая сестра Тони, Анна, последний ребенок в семье. Аня училась четыре года в начальной жабоконской школе и четыре года в восьмилетней.

«Потом, – продолжает она сама, – я поступила в фармучилище в Архангельске. Эту специальность я выбрала с благословения старшей сестры Таисии. Она приезжала домой в отпуск и рассказывала, как хорошо работать женщине в аптеке: чисто, светло, опрятно. Таисия тогда работала бухгалтером в городской аптеке. Поехали поступать вчетвером, поступили двое. Тогда, в 1965 г., все бежали из деревни. Я с детства работала с мамой. Когда мама пахала, я лошадь понюгала и правила. Потом – боронить, силос возить, сено возить. Осенью рожь да жито возили. Трудодни наперегонки зарабатывали. На той стороне (реки Покшеньги) у нас была на Острову лыва (луг в кочках, сырое место), вот в 6-м классе оттуда сено возили. После механической косьбы мы подкашивали горбушами. Дояркой помогали Тоне с 1-го класса по одной корове, а постарше – по 2–3 коровы, Тоня – на танцы. Самостоятельно дояркой работала после I курса фармучилища. Группа по 12 коров. Подменяли доярок, когда в отпуск уходили. И телят поили, все делали. Только отелы не принимали. Доярки сами, за них платили отдельно.

Училище окончила в 1968 г. с отличием. Стипендия была 20 рублей. Общежития не было. Квартиру снимала за 10 рублей. 10 рублей давали родители. Учиться мне материально помогали Люба, Тоня, Зина и Таисия.

После училища по распределению поехала работать заведующей аптекой в село Стрелица Ветлужского района Горьковской области. Зарплата 65 рублей. Тогда купила сама первое платье из тафты, в отпуск поехала когда. Дедки, бабки в селе все меня любили, все ко мне ходили, и все хотели меня сосватать.

И я «сбежала» в институт. Без подготовки. У меня красный диплом. Химию сдала на «отлично» и поступила в Ленинградский фармацевтический институт. Первые два года стипендия 40–45 рублей. Последние три года Ленинская стипендия – 100 рублей. Учиться было легко, в техникуме получила хорошие знания. Диплом с отличием, одна четверка по истории КПСС. Я не понимала съезды, выучить их не могла, а зубрить я не умею. В институте сестры тоже помогали. Летом приеду, они меня оденут всю. В Ленинграде жила в общежитии. Со студенческих лет не переношу даже запах маргарина до сих пор. Все каникулы ездила к родителям. Все время боялась, что они умрут, что все надо отдать им. У мамы гипертония, у таты – аденома предстательной железы. Когда в институте училась, то подрабатывала в пионерлагере вожатой и воспитателем. После института распределили в Архангельское аптечное управление работать инспектором-провизором. Дали комнату в коммунальной квартире на улице Павлина Виноградова. В 1982 году получила от аптекоуправления 2-комнатную квартиру. Это в честь 400-летия Архангельска. Сейчас работаю ведущим специалистом торгового отдела областного фармацевтического объединения. В 1979 вышла замуж за Черных Василия, он штурман Северного морского пароходства, родом из Тульской области, город Богородск. Двое детей: Таня – 1981 года и Наташа – 1988 года».

Надо отметить, что когда в 1981 г. умер отец, то мать жила летом в Жабье, а на зиму Аня забирала ее к себе в Архангельск. И так было до смерти матери. Умерла она в Архангельске. Сыновья и внуки привезли и похоронили ее в Кобелево рядом с мужем и сыном Петей. Павла Алексеевна проработала в колхозе на разных сельских работах и 8 лет была бригадиром. Попов Анатолий Артамонович вспоминал, что она была у него (он был председателем колхоза) очень хорошим бригадиром: «У самой детишек полный дом, а она их оставит и побежит всех на работу собирать».

А детей у нее было, как она говорила, сколько Бог на душу положил. Она получила в награду от родины три медали Материнской славы I, II III степени и Золотую звезду матери-героини. Сама выросла в труде, вырастила 10 детей, 28 внуков, все гостили и периодически жили у нее в Жабье. Когда в 1990 г. она умерла, у нее уже было 28 правнуков.

Старший сын Тони, Геннадий, окончил среднюю школу. Девятый класс жил в интернате в Карпогорах, а десятый класс каждый день ходил домой, из Усть-Покшеньги в Карпогоры и обратно. В последнем классе окончил курсы трактористов. После школы

год работал трактористом в совхозе. До армии окончил курсы шоферов от ДОСААФ. После армии работал шофером в совхозе. Год проработал, и от совхоза направили на курсы шоферов в Архангельск. Сдал экзамены на шофера II класса, может водить автобусы и возить людей. Гена часто возил нас от станции и до станции, и мы убедились в его умении ездить и возить людей по северным дорогам, где промоины, ручьи, вода и грязь.

Старшая дочь Людмила в 1985 г. окончила покшеньгскую восьмилетнюю школу. Учиться в Карпогорах не хотела и пошла в Архангельский электротехнический техникум. Училась четыре года. Стипендия 30 руб., жила в общежитии, родители помогали. Получила специальность техника связи. По распределению поехала в город Тюмень работать на МТС (междугородной телефонной станции). Две недели прожила в гостинице, жилья не дали, и приехала домой. Здесь ее сразу взяли в школу преподавать биологию и труд. Каждый год поступала в институт в Петрозаводске и в Архангельске. В 1991 г. поступила в Архангельский университет на индустриально-педагогический факультет с заочной формой обучения. В году две сессии: зимняя и летняя по месяцу. Один раз в год оплачивают дорогу туда и обратно. Сейчас Людмила Васильевна ведет уроки биологии и труда в кобелевской неполной средней школе, где училась сама и ее братья и сестры. Она не жалеет, что осталась в деревне. Нагрузка у Люды 24 часа в неделю, работает с 5-м (12 человек в классе), 6-м (8 человек), 7-м (9 человек) и 9-м (4 человека) классами.

Вторая дочь Тони, Екатерина, в 1987 г. окончила восьмилетнюю школу в Кобелево и среднюю – в Карпогорах в 1989 г. Жила в интернате. Жилье, питание были бесплатными. После школы поступила в Архангельское культпросветучилище на библиотечное отделение. Училась два года, жила в общежитии. Стипендия 30 руб., потом – 50 руб. Помогали родители. За июнь выплатили 120 руб. (последний месяц учебы). При распределении предложили на выбор: деревни Нюхча и Кобелево на 1 год. Выбрала Кобелево. Работает здесь в библиотеке временно, пока библиотекарь в декретном отпуске. В библиотеке около 9 тыс. книг, по количеству много, но по качеству, по составу книг, считает Катя, библиотека не очень хорошая. Ведется нестационарное обслуживание по деревням Кротово, Лохново и Красное (охвачены все деревни сельсовета). С 1 июля 1992 г. введено платное обслуживание на дефицитные книги по списку. В ноябре Катя прошла аттестацию, у нее был оклад около 3 тыс. руб., сейчас будет около 4800 руб. После года работы ей предлагают перейти работать в Карпогоры и предоставляют комнату на двоих в общежитие.

Константин в момент обследования перешел с 1-го курса на 2-й в училище, где он учится на электрика. Живет у тети Ани в Архангельске.

Светлана закончила 9-й класс, а в 10-й ездит учиться в поселок Ясный. В понедельник ее отвозит отец, а в пятницу забирает. Живет у двоюродной сестры Нины (дочь брата Тони Георгия Николаевича Козьмина).

История соседства

Антонина Николаевна очень приветливый человек. Она работает в сберкассе и «через нее проходят» все жители не только Кобелево, но и всех деревень, обслуживаемых сберкассой. Она всегда внимательна и приветлива, особенно со старыми людьми, которым она все растолкует о вкладах, процентах, пенсии, компенсациях и доплатах. Семья Богдановых дружит с Анной Никитичной Шехиной и ее семьей, с Володей и Галей Щеголихиными (ведь они однолетки с Володей).

В Жабее, где жили родители, Тоня дружит со своим двоюродным братом, Евгением Васильевичем Немытовым, и его женой Александрой Михайловной. Тоня поддерживает родственные связи с двоюродной сестрой отца, Александрой Уваровной Немытовой, с сестрой бабушки мужа из Лохново, с братом отца мужа из Усть-Покшеньги, с дядей мужа Ильей Егоровичем Богдановым (умер осенью 1992 г.). Когда в доме праздники, юбилеи, дни рождения, то основные гости – это родные братья и сестры, которые живут недалеко и легко могут собираться.

Тоня знает всех людей в деревне, и ее знают все – так же, как и членов ее семьи.

История связей с внешним миром

О поездках мы спросили Тоню. Она ответила: «А что, ездили и ездили. Была в Волгограде у сестры Зины, в Урюпинске (Волгоградская область) у сестры Таси, и Ленинграде у Ани, когда та училась. В Ленинграде были три дня, ездили посмотреть Ленинград. К Тасе два раза ездили: в 1979 г. и еще раньше.

Авт. – Тоня, а ты по путевкам куда-нибудь отдыхать ездила?

Тоня. – Я – нет, это Богданов (муж) в 1971-м в Болгарию по путевке совхозной бесплатно в октябре на 24 дня. Приехал – 3 копейки в кошельке. Пропил. (Это Тоня шутит).

Из семьи Тони пока никто не уехал навсегда из деревни, но братья и сестры уехали все. Старшая сестра Таисия в 1946 г. вышла замуж и переезжает с мужем по местам его службы. Брат Георгий после армии ушел работать в лесопункт, живет сейчас в Русковере, брат Александр тоже после армии уехал жить в лесопункт в Сылогу, сестра Зина после окончания института не вернулась домой, сестра Лидия уехала работать поваром в Пачихинский лесопункт, там вышла замуж и живет до сих пор. Брат Петр работал в Сылоге и Русковере, брат Геннадий после армии – в Русковере, сестра Люба

после техникума – в Карпогорах, сестра Анна после института – в Архангельске.

Основная часть родственников Тони живет и работает в Архангельской области: в Архангельске, Северодвинске и Пинежском районе. У Тони с мужем была мечта уехать куда-нибудь по молодости, просто хотелось увидеть мир, других людей и жизнь. Но они остались здесь и не жалеют. Тут родные места, родные и знакомые с детства люди.

В 9-м классе дочь Тони, Катя, ездила в Прибалтику на экскурсию в 1988 г. на весенние каникулы от школы на неделю. Частично оплатил профсоюз. От Карпогор ездило 30 человек из района. Ехали через Москву, посетили Кремль. В Прибалтике были в Таллине, Тарту, Цесне, Вильянди. В 1990 г. побывала летом на каникулах в гостях у родных теток в Волгограде и Урюпинске. Костя в 1991 г. ездил с поисковым отрядом от школы в Смоленск и под Смоленск, тоже через Москву.

Беседа с Антониной Николаевной Богдановой, 2002 г.

Авт. – Когда вы вышли на пенсию?

А.Н. – В 1992 году, но я осталась работать, до 98 года работала на том же месте.

Вася в 97 году оформился на пенсию. И он до 2000 года работал на том же месте. В 2001-м развалился совхоз, Вася и сейчас еще числится, в 2002-м.

Ничего нам не досталось. Ну, землю дали. Тоже ничего не дали. Здесь вот верхнее (поля) разделили. У нас: Гене – пай, бабушке – пай, бате – пай, а у меня пая нет, мне не дали, хотя я работала. Мне земли не дали. Им землю дали прошлый год. Приусадебные участки как были, так и остались.

Авт. – Они в вашей собственности?

А.Н. – Да-а-а... В собственность они не оформлены, документов у нас таких нет, что она оформлена в собственность. Налоги только мы платим, она числится за нами. А как собственность она не оформлена. Юридически она не оформлена, ничего... Да. Мы вот работали в другой организации, наше начальство проворонило это место. А В Лохнове дали свидетельства всем, кто работал, все получили. Я вот, например, больше десяти годов в колхозе работала, не фига не дали, прошляпили. Нас обделили. Васе ничего не дали, он больше 40 годов (проработал), Володе Щеголихину ничего не дали. Им обоим с Галей. И Колька (сын Щеголихиных) тоже. На землю есть бумаги, а так ничего не дали, даже не предложили: «Вы сможете или не сможете купить трактор?» Коле Евгеньевичу – ничего, всю жизнь проработал, – ничего. Всем, кто ушел пораньше, ничего не предлагали.

Авт. – Когда женился Гена, в 94-м?

А.Н. – Гена женился в 94-м. Сруб был поставлен. Когда умерла бабушка Павла в 90-м году, мы начали ставить сруб весной. В 92 году у нас были вставлены все окна, не были набраны полы. А когда он женился, одна комнатка была сделана полностью, кухонька – заходи и живи. Все за счет своих средств. Семья была нераздельна. Весь стройматериал, все кирпичи, шифер, рамы, стекло, двери заказаны.

Авт. – Тоня, что-либо крупное, ценное вы купили за эти годы, что меня не было? Телевизор я вижу новый?

А.Н. – Это отцу ребята подарили на юбилей, на 60 лет. Ребята – это Гена, Люда, Катя, Костя, Света, Коля. Все. А больше мы ничего не купили.

Авт. – Все внуки к тебе приезжают и приходят. У тебя оседают все детские вещи и еще остались в амбаре вещи от твоих детей. Это обувь, одежда, и ты их одеваешь по необходимости, и пока не сносилось, все к тебе опять возвращается. Ты осуществляешь круговорот этих детских вещей по своим внукам?

А.Н. – Да.

Авт. – Это тоже семейная экономика.

А.Н. – Да. Ходили мамы, ходили до таты, ходят дети.

Авт. – Вот, а какие у вас пенсии, или это секрет большой?

А.Н. – У меня 2036, у Васи 2009, у бабушки 3 тысячи с небольшим. Она как жена военного?

Авт. – Когда закрыли сберкассу?

А.Н. – В 98-м. 15 августа, наверное.

Авт. – Трансспорта нет. А если к поезду кому-то надо, то как?

А.Н. – А кто где найдет. Вот так.

Авт. – А перевоз с какого времени не существует? Вспомните, когда паром через Покшеньгу убрали?

А.Н. – Три года назад. Год. По найму переезжали, баржа стояла. Технику перевозили. Здешнее отделение держало баржу, чтобы технику перевозили.

Авт. – Тоня, а вы же были в АО, какие-то акции вы получили?

А.Н. – Когда совхоз, там стали делать бумагу. Вот я тебе про акции говорила, они сделали акции. Например, вот у Васи 7 акций, у Генки... не помню и у бабы. В общем у них у троих 11 или 12 акций. Ничего не дали, только список дали. Вот нынче, когда совсем закрываться стало, принесли этих акций список. В магазине вывесили. А там стали исправлять: например, у меня пять было, сделали две... Я говорю: «Вы не имеете право этого делать!» Потом позвонила.

Авт. – Куда?

А.Н. – «Имеют право так делать?»

Авт. – В район?

А.Н. – «Нет, не имеют. Как совхозом было сделано, так и должно быть». Но только у нас с акций ничего не будет, потому что оно убыльно. Но только когда закрываться стал, то тот, кто был у тех-

ники, тот... А Вася только что рассчитался! Только что! Вот 3 гектара они пишутся в завещании, вот дом завещается кому-то. Они пишутся, а до этого они не писалися. В наследство перейдет тому, кто в завещании написан.

Я последнее время ходила, на Колю брала компенсацию: там мяса, колбасы возьмем. Я говорю: «Все на кону пишите, а не на Васю». Пришла получать. У Васи, к примеру, там 5 тысяч было. Теленка взяли, пришла через два месяца или три, у Васи на счету 300 рублей, а одного теленка только взяли. Я и добиться ничего не могла! У них 15 бухгалтеров сменилося. Я говорю: «Ак, дайте мне бумажку. Покажите мне детскую компенсацию». У них ничего нету.

Авт. – Тоня, а я вот была у Юрия Васильевича (глава администрации), он мне сказал, что раз в год собирает вас...

А.Н. – Да. Водокачки вот у нас не было, так водокачки добилися, так только мне да Витке Марковичу вода-то нужна была. Я обегала в тот же вечер полдеревни. Мы мигом собрали. На трубу мы тоже собирали, мы все сделали. По 80 рублей с каждого члена семьи.

Авт. – У тебя четыре человека?

А.Н. – С чего? Пять, тогда еще Коля был. Да плюс Гена с Таней да Костя с Галей. У них получек не было, так с чего брать-то? Деньги-то все плати мне.

Авт. – Тоня, еще хочу спросить, какое у тебя хозяйство сейчас? Тогда была Пеструнья, а сейчас?

А.Н. – Та же – раз, Жданка – два. Пеструнья, Жданка, Малюха, Лакомка.

Авт. – А вот Малюха и Лакомка – какие-то свои, а какие-то ты купила?

А.Н. – Одна своя, одну купила у частного, это самая маленькая, которой три месяца.

Авт. – А сено, что заготовили – это все под окнами?

А.Н. – Да.

Авт. – Хватит?

А.Н. – Даже с избытком.

Авт. – И сколько тут?

А.Н. – Тонн десять будет.

Авт. – Картошки сколько?

А.Н. – Не знаю, сколько, но нам – за глаза хватит.

Изменения в семейной истории
Антонины Николаевны Богдановой, 2002 г.

Спустя 10 лет после исследования в 1992 г. в семье Антонины Николаевны и Василия Константиновича произошли следующие изменения. Тоня и Вася вышли на пенсию по возрасту: Тоня в 1992 г. (но работала до 1998 г.), а Вася – в 1998 г.

Дети разлетелись из родительского гнезда: Катя и Света вышли замуж, Гена и Костя женились. Коля в 2002 г. пошел служить в ар-

мию. Люда живет в семье родителей, но к этому времени она завершила свое высшее образование и по-прежнему работает в Покшеньгской основной общеобразовательной школе учителем труда и биологии.

Катя в 1997 г. вышла замуж и в этом же году родила дочку Лену. Катя живет в Карпогорах и работает там в библиотеке. Как я поняла, с мужем она не живет, но общается. Эта тема не обсуждается. Катя с Леной живут в отдельной комнатке в общежитии. Тоня платит деньги молочнице из Лохново, которая ездит через день в Карпогоры продавать молоко и снабжает молоком Катю.

Света вышла замуж за Алексея Дмитриевича Воробьева в 1996 г. До этого в 1994 г. она окончила среднюю школу в поселке Ясном. Поступила в архангельский лесотехнический техникум в 1995 г., на отделение экономика лесозаготовительной деятельности. Техникум закончила в 1999 г. после рождения сына Кирилла в 1996 г.

Муж Светы родился в 1975 г. Его мать родом из Кротово, а отец из Коряжино Вологодской области. Мать с отцом не живет, у нее другой муж, а у Алеши три сводные сестры. Света и Алексей живут в поселке Русковера, там живет и семья матери Алеши. У Воробьевых своя отдельная квартира в четырехквартирном доме. Квартиру они получили от леспромхоза, где оба работают, Кирилл ходит в садик. Если есть какие-то проблемы, то Кирилл живет у бабушки Тони и дедушки Васи. Летом они с Леной живут все время у бабушки и дедушки в Кобелево как на каникулах, в отпуске.

Гена женился в 1994 г. на Татьяне Анатольевне, в девичестве Хариной (род. в 1970 г.). Родом она из деревни Чушево Пинежского района. Мать ее родом из деревни Красная. У Гены и Тани трое детей: Александра, Виктория и Алеша. Живут они в доме, который Геннадий с отцом построили позади родительского.

Константин женился в 1998 г. на Галине Николаевне Ермолиной, одногодки и одноклассницы Кости, родом из Лохново. У них родилась дочка Света. Тоня с Васей купили им дом (20 тыс. руб.) в 5 минутах ходьбы от своего.

С 1997–1998 гг. Александра Егоровна Богданова переехала с Усть-Покшеньги к сыну и живет с семьей сына. Свой водомерный пост она передала внуку Косте.

Отношение к Александре Егоровне уважительное, полное внимания и заботы.

Дочь Люда закончила в 2000 г. Поморский государственный университет, факультет «технология и предпринимательство», работает в покшеньгской основной школе (8 классов) учителем технологии, классный руководитель 6-го класса. Она педагог дополнительного образования. Ведет кружковую работу по северным народным промыслам (женские: северное орнаментальное вязание, лоскутное шитье, роспись по дереву), кружки мягкой игрушки, вязания крючком, дорогами народных ремесел, подготовку к научно-

практической конференции старшеклассников. Совместно со старшеклассницами ею написаны рефераты: «Пинежский свадебный костюм», «Тряпичная кукла-закрутка», «Пинежские женские головные уборы», «Северный дом».

Ликвидация общественного хозяйства семью Богдановых затронула, как и всех жителей деревни. По имущественным паям им ничего не досталось, на землю выданы свидетельства на Васю, Гену и бабушку. На пенсионном содержании помимо бабушки находятся Вася и Тоня. Гена работает в Земцовском лесничестве, Таня нигде не работает, ведет домашнее хозяйство. Костя работает на водомерном посту, Галя – временно в школе в обслуживающем персонале: заменяет уходящих в декрет.

У Тони в хозяйстве одна дойная корова и три телки. Коровы, крупный рогатый скот – самый выгодный из всех видов скота на Севере. Сена заготавливается в достаточном количестве, а это основной корм коровы, залог качественного молока. Корова дает молоко, а следовательно, и сметану, и творог, и масло, телята забиваются на мясо. От содержания скота получается навоз – единственное доступное для сельских жителей удобрение для полей, на которых прежде всего сажают картофель, который называют вторым хлебом. Когда утром Тоня начинает готовить еду скотине и семье, то картофель она перед тем тщательно моет, грязную воду выливает, а потом чистит вымытую картошку: очистки идут на корм скотине, поэтому картошка должна быть чистой. Технология безотходная. Соседки, у которых нет скотины, часто приходят к Тоне с очистками, кусочками хлеба – ничего не выбрасывается, что может послужить для хозяйства. Из всего, что производится в хозяйстве, на продажу идут картофель и молоко с творогом, последние летом берут приезжающие на лето отдохнуть дети местных жителей. Галя Щеголихина с осени стала брать у Тони молоко через день, так как они с Володей избавились от коровы – отдали ее дочери.

Картофель приезжают закупать коммерсанты. В 2002 г. Тоня продала 6 тонн картофеля по 4,5 руб. Это хорошая цена, потому что до этого цена не превышала 2 руб. Товаром служит навоз, здесь возможны соседские бартерные сделки. Тоня не любит, когда я включаю диктофон, просит его выключить или сразу замолкает. В чем причина? Я могу только догадываться, потому что Николай Федосеевич Щербаков написал мне несколько писем и в одном из них он объяснил мне, что не хотел записываться на диктофон из-за того, что не известно, куда это попадет и как будет использовано. Причем он также объяснил, что он опасается не столько за себя, но и за меня. Эта крестьянская осмотрительность, опаска оправдана опытом, мудростью жизни не только своей, но и предков. Вот такая преемственность крестьянской памяти!

Тоня мне высказала сильную мысль о самодостаточности крестьянина, правда, это было сказано полушутя-полусерьезно: «Вот,

мол, там, в городе еще может припереть с любой стороны, а у нас здесь все необходимое для жизни имеется и от города не зависит, а город-то зависит, что есть-то будете? Тем более сейчас мы живем, брошенные городом, без его прежней опеки». В 2002 г. я в очередной раз поразилась силе, работоспособности, выносливости Тони. Она, без сомнения, стержень жизни, источник женской энергии. Хочется сказать и о Василии Константиновиче: он умен, начитан, но молчалив, хорошо знает свои обязанности по дому, хозяйству, здесь нет никаких проблем. Они с Тоней, как два слаженных крыла, дружно и легко (как кажется со стороны) несут по жизни своих близких, детей, внуков и себя.

История семьи Поповой Анна Владимировны

Респонденты: Попова Анна Владимировна, род. в 1956 г.
Попов Анатолий Артамонович, род. в 1910 г.
Попова Александра Васильевна, род. в 1934 г.

1992 г.

Выбор респондента. Анна Владимиров-работает дояркой, а муж – пастухом – кормачом, оба они работники животноводства. Их семья представляет 30% семей, живущих на уровне изучаемой семьи. Оба местные, в семье четверо детей: три дочери и сын. Живут в собственном доме, сообща с матерью мужа содержат подсобное хозяйство.

Словесный портрет: Анна Владимировна – женщина в расцвете сил. Среднего роста, светловолосая, голубоглазая, цвет кожи – кровь с молоком. Среднего телосложения, очень подвижная женщина, энергичная, сильная. В общении очень приятная и открытая личность. Наши разговоры происходили в присутствии дочек и всегда ее маленького сына. Никогда не говорила, что ей некогда, не раздражалась. В общении она очень открыта и рада всему, в отличие от ее немногословного мужа, который старался уйти из дома, когда мы приходили, или уйти в другую комнату. Аня объяснила его поведение тем, что он нас стеснялся.

Беседы с Анной Владимировной

Авт. – Аня, расскажите о своих родных и близких.

А.В. – Моя мама, Земцовская, в девичестве Немытова, Александра Ивановна родилась в 1924 году, в деревне Жабей. Она окончила 4 класса и ФЗО, выучилась на печника. Муж у нее был из Земцова. Я не от брака. Она мало жила с мужем-то, он умер. У них был сын Федя, он умер. Муж ее болел, наверное, сахарным диабетом. Она мало с ним жила. Мать в леса ездила, а потом все печником – все куда-нибудь звали.

Авт. – А кто были дедушка и бабушка?

А.В. – Дед, Немытов Иван Александрович, родился в 1886 году, умер в 1944-м. Он был малограмотный. Бабушка, Ольга Семеновна, из рода Таракановых, с деревни Церкова. Церкова за Ваймушей расположена. Она была неграмотной. У них детей живых трое: моя мама, сестра, умерла уже, и брат. Брат в Ярославле на учителя выучился. Сестра, Анна Ивановна, умерла в 1953 году от внематочной (беременности). Она работала на маслозаводе. Мы с мамой жили у бабушки в доме. Дом был двухэтажный, мама его переделывала.

Авт. – Аня, а сколько ты училась в школе?

А.В. – Восемь классов, а вечерней – 3 класса. После 8-го класса я поездила. На маслозавод пошла работать – не понравилось. Разве по мне это тут? Лошадей люблю: надо с лошадьми. Поступила на конный завод в Вельске, за Вельском. Пожила. Месяц живу, другой живу, по маме соскучилась! Заплакала, приехала домой. Потом – в Москву, в Раменское на ипподром московский – тоже ничего не получилось: скука какая-то, тоска. Приехала домой, устроилась в совхоз: сначала на конюшню, а потом на ферму дояркой. На конюшне конюхом работала в Красном два года, 20 лошадей было. На цепях вязала на лугу пастись летом. Сейчас конюшни нет. Все разрушили, коней уничтожили. А ферма тут рядом, 5 минут ходьбы.

Авт. – Аня, а когда замуж вышла?

А.В. – Замуж – в 1980 году. У него отец умер 4 марта. Пришел в клуб, а я его не видела раньше, отца видела, а мать и его – нет. В июне подали заявление, в августе – свадьба. До него сваталось много. А с Димой (муж) познакомились, съездили к матери его. Он в Русковере после армии несколько лет на лесовозе шофером работал, жил у дяди. Познакомила его с мамой моей. За 2 месяца подали заявление в сельсовет. Расписались. Гуляли в его доме. Человек 120 было. Мы с ним на двоих рублей 1000 потратили. Нам подарили деньги, часы, одеяло, посуду, сервизы чайный и столовый. А у моей мамы был чемодан с подарками приготовлен. Подарки были невесте, и невеста тоже подарки делает.

Авт. – Аня, а какие еще обряды вы соблюдали на свадьбе?

А.В. – А выкуп невесты был. На свадьбе читали наставления, шутки, прибаутки, потом мусор мести заставляли.

Авт. – А ты говоришь, гуляли в его доме, а это какой дом?

А.В. – Это его отец построил в 1964 году. Дом лет 16 стоял, там не жили. Они жили в Кавре, 20 км за Сылогой. Сейчас в доме живет свекровка и брат (Димы) младший. Сестра Маша, она старше (Димы). Она на инвалидности сейчас. Она так на пекарне в Карпогорах работала. Семьи у нее нет. У нее плеврит, легкие болят. Операция была. 2 года не работает, пенсия была 90 рублей, так не знаю какая. Она у матери тоже живет. Мать, свекровь, Попова Александра Васильевна, родом из Большого Кротово. В девичестве Галышева. Образование начальное, работает на телятнике. Отец Димы – лесничий-объездчик в Кавре, и жили там.

Авт. – А этот дом, в котором вы живете сейчас?

А.В. – Это дом Марии Артамоновны. Дом матери я продала по страховке за 3800 рублей. Амбар один перевезла, амбар Анастасии Герасимовны, это была у свекровки матерь. Герасимова раскулачили, а амбар передали нам. Нам перешел. Димка – правнук, правнук им будет. Крепкий-прекрепкий, амбар-то старый. Баню да пристройки срубили сами. Хлев надо срубить. Один ведь (Дима), никто не подскажет. Дедка-то (дядя Анатолий Артамонович) старый, советует, но физически некому помочь.

Авт. – Аня, а вы с Анатолием Артамоновичем дружите?

А.В. – Дружим! А что делать? У него тоже все в городах дети. Вот два года назад с ним в складчину насос водяной купили, воду теперь качаем.

Авт. – Где вы жили, когда поженились?

А.В. – Год мы жили у мамы, а потом переехали в квартиру совхозную, у мамы тесно было. Жили в доме, где ясли на втором этаже. Две комнаты было. Две семьи там жило. Немытовы вон жили рядом.

Авт. – А мама кого-нибудь держала?

А.В. – Мама-то козу держала. Коза дойная и овец три штуки. Овец много свекровь держит. В этот дом переехали в 1989 году. Этот дом был Марии и Лидии Артамоновны Поповых, сестер. Да Настасья жила последнее время. Здесь Настасья умерла-то, а так она жила там в Жабье. А заболела, так все три сестры здесь и жили: Мария, Лидия и Анастасья. Настасья и Лида умерли, а Мария ушла туда к сестре Анне в дом. Так мы перешли сюда, она: «Вы мне комнату сделайте, постройте». Так и не удалось вместе пожить-то.

Авт. – Аня, ты, когда молодая была, то ездила учиться под Вельск?

А.В. – В Вельск ездила, нигде не ужилась. В Москву ездила. Это в 75 году. В Вельск сразу после школы, в 72 году. А здесь работала в колхозе. На конюшне я, наверное, только год работала. На телятнике-то столько-то работала, да на ферме. В Вельске была всего два месяца, заскучала по маме, заскучала вот и приехала.

Авт. – А на кого ты хотела учиться?

А.В. – Ак, за лошадьми потом. За лошадьми ухаживала. Да ездила там, катались. Была как рабочая.

Авт. – Аня, а куда ты еще ездила, я знаю, что ты за границей была?

А.В. – По путевке. В 18 лет (74-й год) в Болгарию ездила. В Польшу ездила в 1976 году по путевке. Мы много городов объездили, уж забыла. Мы все там ездили.

Авт. – А сколько времени вы там были?

А.В. – А, две недели. Нас там четверо с Архангельской области оказалось. Мы за одним столом сидели и по-своему, по-архангельски, говорили. А гид была полька, русский хорошо знала, подходит

к нам и спрашивает: «На каком языке вы говорите?» Непонятен ей был наш говор. *(Смеется.)* А в Болгарии тоже по комсомольской путевке. Да, бесплатно, дак, обе бесплатно! В Болгарию-то в 74-м ездили. 18 лет, бестолковые!

Авт. – А в Болгарии что-нибудь помнишь?

А.В. – Бургас, София, Пловдив, Тырново. В апреле ездили, в Польшу – в июне. Мы ездили, все лошадей искали, так катались на лошадях. Спросим у переводчика, так все катались на лошадях. Нас все на подвиги толкало.

Авт. – Давали вам покататься лошадей?

А.В. – Давали, клячу дадут. *(Смеется.)*

Авт. – Ну, тебе понравилось?

А.В. – Конечно! Полдня группой ходили, а полдня так гуляли свободно.

Авт. – А ты активисткой была, комсомольской работой занималась?

А.В. – Не-е-а! Рядовой комсомолец была, ничем не занималась. *(Смеется.)*

Авт. – А потом вышла по возрасту (из комсомола)?

А.В. – Да, по возрасту!

Авт. – А куда еще ездила?

А.В. – А никуда так-то. У дяди была в Рыбинске.

Авт. – У них своя квартира?

А.В. – Только вот получили свою двухкомнатную.

Авт. – А сколько у них детей?

А.В. – Две девочки. Одна замуж вышла, а другая нет. Уже 40 лет, не выйдет теперь, наверное.

Авт. – Расскажите про маму свою. Вот она в 1975 году уже не работала?

А.В. – В 75 она ушла на пенсию. Только 10 лет не работала. Тут сначала за мной ухаживала, а потом дети пошли в восьмидесятом-то. Когда я вышла замуж, то убивалась тут с детьми, помогала. Ну что, я маму помню? Помню, на маслозаводе работала и в школе тут интернате по вечерам. Я пошла в 3-й класс, она тогда перешла с маслозавода в школу тут. В школе жабоконской уборщицей проработала, уборщицей с какого? Ну, считай с 68-го. Годов, наверное, с полдесятка проработала! Начальные-то классы мы зимами жили в школе, а летом тут в Жабье у бабушки жили. И топить в школе надо да греть чай школьникам.

Авт. – Она готовила, нигде не учившись на повара?

А.В. – Нет, нигде. Она так (готовила), а потом перевели в ту школу, эту закрыли в 71-м или в 72-м. Вот так вот. В тех годах. Мама до пенсии в интернате дорабатывала, там, в восьмилетней школе. Она уже там поваром, варила. Уже ходила в 5 часов утра. Рано придет. Она ведь работала в 5 утра, да придет в час, в два. Да назавтра опять. Помню, как она плакала, не хотела ходить, тяжело бы-

ло. Ну, помогали школьники иногда мыть посуду, убирать со стола. Накормит да уберут. С этой работы на пенсию ушла.

Авт. – А мама ездила куда-нибудь?

А.В. – Мама, раз, наверное, в Москву вот, тоже с молодой девушкой, есть фотография вон. Еще вот я помню: в 7-й класс ходила, к дяде ездили с ней. Поехали. Так на вокзале мы с ней сумку потеряли. Поставили тоже, сумку-то, пошли с ней расписание читать. Сумку-то оставили. Пришли, а сумки-то нет. (*Смеется*.) А этот сидит в будке-то, милиционер, и смотрит на нас. Мама там зашла: «Мы таки-сяки с деревни. вы нашу сумку тут не видели?» А сумка у него была. Нотацию нам прочитал, чтоб не зевали по сторонам.

Авт. – А ты часто в Архангельск ездишь?

А.В. – Часто. А в гости, да за продуктами, да вот с девчонкой в больницу ездила сколько-то. У Даши была аритмия сердца. Нынче вот только прослушали. После ОРЗ Галя (фельдшер) обнаружила здесь, свезли в Карпогоры. Все равно. Потом в город. Год ездили. Через полгода на проверку. Так ездили.

Обобщение семейной истории Поповой Анны Владимировны

История кровного родства

Анна Владимировна Попова, в девичестве Земцовская, родилась 6 июня 1956 г. в деревне Жабей. Ее мать, Александра Ивановна Земцовская, в девичестве Немытова, родилась там же 24 апреля 1924 г.. В 1952 г. она вышла замуж за Евгения Николаевича Земцовского, который родился 2 октября 1931 г. в деревне Земцово. Брак продлился недолго. 21 апреля 1954 г. Евгений умер от туберкулеза, похоронен в Кобелево.

За время брака в 1953 г. родился единственный ребенок Федор, но он 20 июня 1957 г. умер в возрасте четырех лет от гриппа и желтухи. Похоронен в Кобелево. Аня – внебрачный ребенок, отчество у нее отца, а фамилия матери. Мать Ани родила первого ребенка, когда ей было 29 лет, а отцу – 22 года. Дедушка Ани, отец матери, Иван Андрианович Немытов родился 19 июня 1886 г. в деревне Жабей, малограмотный, крестьянин-единоличник, в 1940 г. стал колхозником. Умер 20 июня 1944 г., похоронен в Кобелево. В 1920 г. он женился на Ольге Семеновне Немытовой, в девичестве Таракановой, которая родилась 2 октября 1889 г. в деревне Церкова Гора, грамотной крестьянке, инвалиде II группы. Умерла 22 декабря 1968 г., похоронена в Кобелево. В семье деда было трое детей. Анна (род. в 1921 г.), в замужестве Уледева, умерла в 1953 г. от внематочной беременности, Александра, мать респондентки, и сын, Виктор Иванович, родился 3 февраля 1926 г., образование высшее, учитель, работает в городе Рыбинске. Когда родился первый ребенок в семье деда, то деду было 35 лет, а бабушке – 32 года.

Сама Аня вышла замуж в 1980 г. за Дмитрия Ивановича Попова, который родился 16 января 1959 г. в Кавре. В их семье четверо детей: Настя – 29 ноября 1981 г., Ольга – 7 января 1982 г., Дарья – 15 марта 1985 г., Иван – 7 сентября 1991 г. Когда родилась первая дочь, Ане было 26 лет, а Диме – 23 года.

О родне деда Аня знает, что в Лохново жил его брат, Матвей Андрианович, родился 1 августа 1889 г., умер 24 июля 1968 г., его жена Ксения умерла 18 февраля 1965 г. Брат деда, Степан Андрианович, погиб на войне. Сестра Фелицата жила в Жабее, умерла 10 августа 1981 г., похоронена в Кобелево.

О родне бабушки знает, что отца ее звали Семеном Ивановичем Таракановым, а бабушку Анной Александровной Таракановой. Жили они в деревне Церкова, которая сейчас расположена на территории Кушкопальского сельсовета. Свекор и свекровь ее матери жили в деревне Земцово, звали их Николай и Надежда. Оба умерли в 1976 г.: он – 2 февраля, она – 2 августа.

Отец Димы, Иван Артамонович Попов, родился 13 сентября 1927 г. в деревне Красное. Он родной брат Анатолия Артамоновича и Пелагеи Артамоновны Поповых. Иван был грамотным, учился на лесничего в Обозерской и работал лесничим. В 1956 г. женился на Галышевой Александре Васильевне (род. 3 мая 1934 г.), родом из деревни Большое Кротово, образование 6 классов, работала телятницей. Мария, первый ребенок в семье, родилась, когда матери было 22 года, а отцу – 29 лет.

Мать Димы, свекровь Анны, родилась в семье Василия Николаевича Галышева (род. в 1904 г.) и Анастасии Герасимовны Кобылиной (род. 6 апреля 1908 г.). Оба родом из деревни Большое Кротово. В их семье было трое детей.

Иван Васильевич родился в 1928 г. в Кротово, окончил 7 классов, служил в армии, работал бригадиром в колхозе, сейчас пенсионер, живет в Кротово, у него свой дом, хозяйство: козы, овцы. В семье 5 дочек, все замужем. Когда он родился, его родителям было: отцу – 24 года, а матери – 20 лет. Второй сын, Василий Васильевич, родился после матери Димы, 29 ноября 1937 г. Имеет неполное среднее образование: 8 или 9 классов. Парнем повредил себе глаз: прессовал сено на рыбозаводе. Глаз не видит, стеклянный, в армии не служил. В Вельске выучился на мастера леса, мастер нижнего склада. Живет в Русковере на квартире, а в Большом Кротово имеет свой дом. Женат. Рождались три ребенка, но все неудачно. Один сейчас жив, но страдает уродством.

Отец Александры Васильевны был директором маслозавода в Жабее и Ваймуше, завхозом больницы в Карповой. Был долго на брони, потом призвали на фронт. Пропал без вести в конце войны. Отца матери, Герасима Кобылина, раскулачили, где похоронен, неизвестно, его жена умерла в 1977 г. в возрасте 69 лет.

В семье Ивана Артамоновича и Александры Васильевны Поповых было четверо детей. Мария родилась 25 декабря 1956 г., окончила 8 классов в Сылоге. Работала в Карповой уборщицей в пекарне, магазине. Простыла, инвалид II группы, живет с матерью. Дмитрий – муж нашей респондентки, родился в 1959 г. Его брат Володя родился 17 января 1964 г. в Сылоге, в Верколе учился во вспомогательной школе, окончил 8 классов, у него плохо с речью. Живет с матерью, дежурит на телятнике. Его сестра Валентина (род. 12 ноября 1970 г.) училась в покшеньгской неполной средней школе, потом 3 года – в медучилище в Архангельске. Три года работает медсестрой в детской больнице. Не замужем, живет в общежитии.

Анна познакомилась с мужем в сельском клубе на вечере, посвященном 8 марта, и уже летом они поженились. Подали заявление в сельсовет в Кобелево. Аня предварительно познакомила свою маму с Димой, а Дима познакомил Аню со своей матерью. Затраты на свадьбу составили 1000 руб., гостей было около 120 человек. Им сделали подарки: деньги, ковер, посуду, сервизы, часы.

Аня по материнской линии происходила из средней семьи. Ее муж по линии отца происходит из рода Алексеевичей, о котором рассказывает Анатолий Артамонович Попов (см. его рассказ). Это крепкий хозяйственный род. По материнской линии Дима из зажиточного кротовского рода. Его деда по бабушкиной линии, Кобылина Герасима, кулачили в годы коллективизации.

Большинство родственников Анны и Димы похоронены на кладбище в Кобелево. Могилы родственников посещаются в поминальные и именинные дни. В семье респондента смерти детей до 10 лет не было. В семье ее матери сын умер в возрасте 4 лет. О смерти детей в более ранних поколениях сведений нет.

По линии мужа, Дмитрия Ивановича, в семье его отца и матери смертных случаев не называли. В роду его отца (род Алексеевичей) из 10 детей трое умерли маленькими. В роду матери Александры Васильевны наблюдается смертность детей среди ее близких родственников: брата, Василия Васильевича – из троих детей двое умерло, а третий живет с уродством, требует постоянного ухода. У другого брата, Ивана, пять дочек, все выданы замуж.

У самой Александры Васильевны, свекрови респондентки, из четырех детей двое живут с ней. Дочь Мария (род. в 1956 г.) на инвалидности II группы, объясняется тем, что она простыла, и у нее болят легкие. А у сына Володи (род. в 1964 г.) наблюдается отсталость в речи, учился в специальной школе. Дочь Мария живет с матерью и братом. Она занимается посильным домашним трудом, в доме чистота, порядок и относительный достаток.

Инвалидом II группы была бабушка Ани, Ольга Семеновна (род. в 1888 г.). Она жила и с дочерью, и одна. Бабушка страдала от гипертонической болезни 3 степени. Умерла от инсульта.

Социально-экономическая и политическая история семьи

Семья Поповых Анны и Дмитрия относится к молодым семьям, их семье всего 13 лет. Развернутой памяти о прошлом нет. О роде Димы можно судить по рассказу его дяди, Анатолия Артамоновича Попова (Прил. 2). У Ани не осталось никого из близких и родных, кроме брата матери, который живет в Рыбинске. В деревне нет никого из близких родственников.

Обращение к записям похозяйственных книг показало, что ее дед, Иван Андрианович Немытов, в 1936 г. был единоличником. В хозяйстве у него была корова и две овцы. Строения оценивались в 2071 руб. Налог был следующий: 280 л молока, 40 кг мяса, шерсти – 650 г, картофеля – 33 кг. Сельхозналог был равен 108 руб. 90 коп., культсбор – 30 руб., обязательное страхование – 65 руб. 34 коп., самообложение – 34 руб. 70 коп.

В колхоз вступил в 1940 г. В этом же году вышла замуж его старшая дочь Анна и выбыла в Ваймуши. Отец работает заготовителем в Покшеньгском сельпо. Мать, Александра Ивановна, с 1942 г. по 1944 г. – в ФЗО в Архангельске. О военном периоде жизни матери немного рассказывала Анастасия Ефремовна Амосова, потому что они вместе с Александрой с начала войны работали на лесозаготовках от колхоза, а потом их по разнарядке послали в Архангельск. (Прил. 2)

Дед Ани с 25 января 1944 г. стал инвалидом II группы, а 20 июля 1944 г. умер. С 1 января 1944 г. его сын Виктор призван в армию и больше в родную деревню не возвратился.

С 1952 по 1960 г. Александра Ивановна значится в членах семьи, отсутствующих по браку. До этого она работала в химартели. После смерти Ольги Семеновны 22 декабря 1968 г. в ее доме жили Александра Ивановна Земцовская и ее дочь Анна Владимировна. Александра Ивановна работает в жабоконской начальной школе уборщицей, а Аня учится в 4-м классе.

Из похозяйственных книг 1936 г. дед Димы, Артамон Алексеевич Попов (род. в 1877 г.), вступил в колхоз 31 октября 1930 г., социальное положение – середняк. Строения оцениваются в 5146 руб. Налоги следующие: молоко – 220 л, мясо – 27 кг, шерсть – 810 г (5 овец), картофеля – 24 кг. Сельхозналог – 44 руб., культсбор – 21 руб. 70 коп. Обязательное страхование – 48 руб. 19 коп., самообложение – 15 руб. В хозяйстве одна корова, два теленка и пять овец. В 1936 г. в семействе проживало 6 человек, а в семье Немытова – 5.

Из этих данных очевидно, насколько большими были налоги с единоличника по сравнению с членом колхоза, это было оружием властвующих против крестьян, за вступление в колхоз. Молока Попов сдавал на 80 л в год меньше, чем Немытов, мяса – на 13 кг меньше, с двух овец Немытов должен сдать 650 г шерсти, а Попов с пя-

ти овец – 810 г, и картофеля меньше на 9 кг. Разница в денежных налогах также разительна. Практически сельхозналог с Немытова в 2,5 раза больше, чем с Попова, культсбор больше приблизительно на 30%. Обязательное страхование с Попова меньше, несмотря на то, что его строения оцениваются в 2,5 раза дороже, чем у Немытова, то же и с самообложением.

Аня с детства любит лошадей. После школы она пытается устроиться работать на конном заводе под Вельском и на ипподроме в Раменском под Москвой. Но тоска по матери и родной деревне перевешивает ее любовь к лошадям. Она возвращается в родную деревню. Работает сначала на конюшне, потом становится дояркой и работает на ферме в деревне Красное по настоящее время.

Время работы и создания семьи приходится у нее на брежневский период с его относительной стабильностью и наличием всех необходимых продуктов и товаров в магазине, перестройки и постперестройки с инфляцией и ростом цен. Эта неустойчивость экономической и социальной жизни вызывает в Ане, с одной стороны, сожаление, что у нее четверо детей, и что она родила в 1991 г. сына, и неизвестно, что ее ждет, а с другой стороны – Аня завела в 1992 г. в своем хозяйстве корову. Приходится надеяться на себя в большей мере, чем раньше.

Когда мы с ней беседовали о производстве, то Аня сказала, что надои молока летом не превышают 10 л в день с одной коровы. В группе у нее 50 коров. С переходом на стойловый период содержания коров удои резко сократились. В день с 50 коров она надаивала 200 л молока. Аня объясняет это отсутствием достаточного количества кормов, особенно сена, выдача которого резко ограничена. Совхозное сено заготовили из рук вон плохо в это лето. Когда мы стали вспоминать, как было раньше на колхозной ферме, какой был контроль, Аня отметила, что руководства она годами не видит. Никто к ней на ферму не приходит, нет никакого контроля над качеством молока. Единственный контролер – это собственная совесть и глаза ее напарниц, да начисление заработков зависит от удоев и принятых отелов, которые Аня ходила принимать даже будучи в отпуске.

История вещей

Дом, в котором живет Аня с мужем и детьми, достался по наследству. Когда-то это был двухэтажный дом Диминого деда, Артамона Алексеевича Попова, который рассказывал, что потом этот дом разделили и развезли. До раздела, в 1936 г. дом стоил 3604 руб. Верх достался Анатолию Артамоновичу, он его пристроил к купленному дому Анны Никитичны Поповой (Прил. 1), другая часть – брату, а в остальных (две передние избы, сени и горница за сенями) жила сестра Мария, и перед смертью жила сестра Анастасия, которая в замужестве жила в Жабее. Потом умерла Лидия, а Мария уш-

ла жить в Красное к сестре Анне (род. в 1907 г.). Мария оставила дом по дарственной своему племяннику Диме. Семья Ани живет в доме с 1988 г. До этого после женитьбы они один год прожили в доме Аниной матери в Жабее. У мамы дом был небольшой, им стало тесно, и до переезда в свой дом, доставшийся от Диминой тетки, Аня с семьей жила в совхозной квартире. Квартира была на втором этаже 2-этажного совхозного здания, где на первом этаже расположены совхозные ясли. В наследство от раскулаченного прадеда, Герасима Кобылина из Большого Кротова, Диме достался старый амбар, по характеристике Ани, «крепкий-прекрепкий». Как переехали в дом, Дима срубил баню и сарай для дров. В 1992 г. прирубил сзади дома хлев для скота. Погреб достался в наследство с домом.

Дом матери Аня продала по страховой оценке за 3800 руб. Вздорожавшие за последние время дома наводят Аню на мысль, что дом она продала зря. Это дом ее деда Немытова, который в 1936 г. по похозяйственным книгам был оценен в 2071 руб. со всеми надворными постройками.

Обстановка в доме вся современная, купленная в магазине. В доме нет ничего самодельного: ни лавки, ни стула – все покупное. Шкафы для одежды, белья – современные, высокие, с антресолями. Кровать деревянная, диван-кровать, сервант, шкаф для посуды, столы – все приобретено за годы совместной жизни, что отражено в бюджетном исследовании семьи. В доме два телевизора – черно-белый и цветной, радиоприемник транзисторный, двухкассетная магнитола «Fischer», приобретенная за чеки урожая 1991 г. У Ани есть швейная машинка «Zinger», доставшаяся ей по наследству от матери. В своем хозяйстве Аня пользуется стиральной машиной, пылесосом, у мужа есть бензопила и электрорубанок.

Воду из колодца рядом с домом они достают электронасосом. Туалет – на улице типа «люфт-клозет», канализации, как и у всех в деревне, нет. Из транспортных средств в хозяйстве мотоцикл «Восход» и лодка-шитуха с мотором «Ветерок». При доме имеется небольшой приусадебный участок в 1 сотку, на нем выращивают лук, помидоры – больше Аня ничего не сажает. В поле напротив дома участок под картофель 10 соток, который сажают вместе со свекровью. В пойме Покшеньги у них есть сенокос в 10 соток. Из скота держат 5 овец вместе с 4 овцами свекрови, в год съедают 5–6 штук. В 1992 г. осенью Аня в совхозе приобрела нетельную корову весом в 296 кг, по 23 руб. за килограмм. Деньги высчитывает бухгалтерия из зарплаты.

Надо отметить, что корова Ане, как работнику совхоза, досталась недорого, всего за 6808 руб., в то время как люди, не работающие в совхозе, не могут приобрести корову дешевле чем за 10 тыс. руб. Из овечьей шерсти Аня прядет нитки и вяжет носки, рукавицы по паре в год на каждого члена семьи. Остальную одеж-

ду всю покупают в магазине. Одеты современно, старинной одежды не сохранилось.

Картофель, баранину едят из собственного хозяйства, остальные продукты Аня закупает в магазине. Стараются питаться разнообразно, ни в чем себе не отказывать. Ваню (сына) Аня хотела отдать в ясли, но у него недостаточно хорошие анализы крови, пониженный гемоглобин, хотя на вид это пухлый подвижный мальчик, светловолосый и голубоглазый. Кожа, как и у мамы, белоснежная, действительно, он бледноват.

Разделение труда в семье традиционно для этих мест. Дима все делает по двору: строит, пилит и рубит дрова, помогает матери в уходе за овцами – вывозит навоз от овец на картофельное поле, огород. В марте–апреле по лесобилету он пилит в лесу древесину на дрова, а потом вывозит на наемном транспорте. Дима увлекается рыбалкой зимой и летом. В свободное от работы время он выезжает на рыбалку в тайгу на 2–3 дня на озера или реки.

Аня ведет все домашнее хозяйство: готовит, топит печи, стирает и полощет белье, сама может дров нарубить, что умеют все женщины на Севере. Приносить воду доводится и ей, и мужу, так же как и выносить отходы и грязную воду, это как придется по времени. Баню топит и моет в основном Аня, девочки помогают ей нянчиться с Ваней, мыть посуду, ходить в магазин за продуктами. Даша не пропускает ни одной маминой дойки, ходит за ней, как хвостик, знает всех коров по кличке. Картофель сажают и копают все вместе: семья Ани и свекровь со своими детьми – Машей и Володей. Они сообща проводят сенокос. Анина семья живет благополучно и в достатке. Аня – хозяйственная женщина, и как доярка она имеет высокие заработки по сравнению с механизаторами, так же как и ее муж Дима, который работает в животноводстве: летом пасет коров и телят, а зимой привозит и раздает корм и питье скотине на ферме.

История знаний, умений и навыков

Аня училась в трех школах. Начальную школу она закончила в Жабее. В 1970 г. она была закрыта ввиду малого количества детей, и малолеток стали учить в кобелевской неполной средней школе, в которой Аня закончила свое восьмилетнее образование. Ее девочки учатся в этой школе: Настя – в пятом классе, Оля – в третьем и Даша – во втором. После 8-го класса, в 1972 г., Аня «поездила», как она выразилась, поискала места у лошадей, ибо с детства любила животных, особенно коней. Она с детства пропадала на конюшне, ходила помогать конюху, поить коней водой, вязать на лугу для пастьбы, ездила верхом. Когда шли сенокосные работы, возила сено в санях по скошенному лугу, сидя верхом на лошади. Возила зеленую свежескошенную массу к силосным ямам.

Но ее поездки в Вельск и Подмосковье успехом не увенчались, тоска по деревне, маме каждый раз возвращала в родные места. Вернувшись, Аня закончила свое среднее образование в вечерней школе в Карпогорах. На конюшне свободного места не нашлось, и Аня стала работать на ферме сначала телятницей, а потом дояркой. С животными она умеет обходиться.

Все ее знания получены практическим путем от опытных женщин. Такими учителями для Аня стали Валентина Васильевна Коптяева и Анастасия Георгиевна Немытова. Аня считается знающей свое дело дояркой. Это связано и с тем, что ее учителя по уходу за скотиной известны в деревне как знатоки своего дела. Эти тонкие знания не всякому передают, тут важно взаимное расположение и доверие, чтобы опытные жонки передали свое знание и умение молодой.

Анина мать имела начальное образование и в молодости работала на лесозаготовках от колхоза, в годы войны в Архангельске в ФЗО выучилась на печника и работала печником по приглашению в деревне. Как Аня себя помнит, мама сначала работала в жабоконской школе техничкой, а когда ее закрыли, работала до пенсии в интернате при кобелевской восьмилетней школе. Аня с мамой полностью вели хозяйство, сами заготавливали дрова. Этому делу Аня обучилась в детстве от мамы. У Аниной мамы был дар, она умела вести свадьбы и похороны, знала старинные правила и обряды, которых местные жители стараются придерживаться до сих пор (особенно это касается похорон).

История соседства

Как уже говорилось, Аня очень гостеприимный и общительный человек, человек большой души. Поэтому трудно представить ее ругающейся с кем-либо из односельчан по мелочам. У Ани много знакомых, друзей. Есть семьи, с которыми она вместе справляет семейные и общественные праздники, например, семья Гали Поповой, с которой Аня работает на ферме. Аня дружит с семьей своей двоюродной сестры, живущей в г. Рыбинске Ярославской области, очень близка с Александрой Васильевной, матерью мужа. Она нянчится с Ваней, когда Аня на работе, а девочки в школе, у нее содержатся овцы, свои и Анны.

Конечно, Дима с Аней ей помогают, но основной пригляд за скотиной – на плечах свекрови. Александра Васильевна вместе с сыном и невесткой выращивает картофель, заготавливает сено и корм для овец. С Анатолием Артамоновичем Аня с Димой установили насос на колодце и пользуются им сообща. Анатолий Артамонович уже стар, физически не может помочь Диме в строительстве, но он помогает ему советами.

Аня знает всех в деревне, и все знают ее и ее семью.

История связей с внешним миром

За свою 36-летнюю жизнь Аня побывала не только за пределами области, но и за пределами страны. По комсомольской путевке в 1974 г. ездила в Болгарию, побывала в Бургасе, Софии, Пловдиве, Тырново. В 1989 г. ездила по туристической путевке в Польшу, была в Варшаве, Вроцлаве и небольших городах, названия которых не помнит. Обе путевки были бесплатные. После 1972 г. ездила в Вельск на конный завод, а потом – в Подмосковье, в Раменское на ипподром. Ездила в Рыбинск, где живет ее дядя, брат мамы, Виктор Иванович. Часто бывала в Архангельске, куда ездила за покупками и к врачам.

Изменения в семейной истории
Поповой Анны Владимировны, 2002 г.

Анна с Дмитрием воспитывают сына Ивана. А старшие девочки Настя и Оля живут в Архангельске. Настя работает после торгового училища продавцом в магазине и учится в техникуме заочно на бухгалтера и на товароведа. Обучение платное, Настя оплачивает сама. Оля окончила строительное училище, специальность – мастер отделочных работ. Закончила, и мастер ее сразу устроила делать евроремонт. Девочки живут в комнате, которая принадлежит Диминой сестре. Сестра вышла замуж и ушла жить к мужу. Девочки оплачивают все коммунальные услуги. Аня сказала им, да они и так видят, что у родителей денег лишних нет, и Аня просила их жить самостоятельно и держаться друг друга.

Даша после девятого класса поступила в Архангельске в училище, будет специалистом по компьютерной верстке. Жить будет с сестрами, учится ей два года. Ваня учится в шестом классе покшеньгской школы. Аня рассказала, что в прошлом году ЗАО окончательно распалось, и в этом году она встала на учет по безработице: только что встала, еще ни разу не получала денег, а каждый месяц ходит в сельсовет отмечается, что не работает. Дима работает водителем в сельской администрации.

В хозяйстве у них корова и бычок. Молоко и молочные продукты Анна возит на продажу в поселок Ясный. Там у нее свои покупатели, в том числе и коммерсант, у которой она берет необходимые товары, а потом рассчитывается молоком. На участке сажают овощи: картошка, морковка, свекла, репа, лук, капуста. Полное самообеспечение всем, что можно вырастить и получить в своем хозяйстве. Самое горькое, что сорвалось из ее уст, это то, что на вопрос, как она себя сейчас определит, она ответила, что она – тунеядка! Перспективы она никакой не видит, поэтому она сказала, что муж закодировался, а она прикладываться стала к вину.

История семьи Богдановой Александры Егоровны

Респонденты: Богданова Александра Егоровна, род. в 1918 г.
Богданов Илья Егорович, род. в 1909 г.
Богданова Екатерина Ефимовна, род. в 1912 г.

1992 г.

Словесный портрет. Александра Егоровна Богданова – сутулая, крепкая старушка. Голова свешивается вниз, подбородок упирается в грудь, поэтому при разговоре она подпирает его рукой. Правое плечо выше левого. Волосы седые, глаза голубые. Лицо круглое в мягких морщинках. На голове всегда платок, что характерно для сельских женщин, особенно на Севере. Говорит неторопливо и охотно. Она очень приветлива, всегда угостит чаем, пирогами, ягодами. Пятьдесят лет ее жизни прошли здесь, в околке Кобелево, Усть-Покшеньге.

Выбор респондента: во-первых, она одинокая пенсионерка, это около 13% населения Кобелево и Красного; во-вторых, через ее семейную историю отражается отцовская линия в истории семьи Антонины Николаевны Богдановой; в-третьих, она вдова погибшего в 26 лет на фронте жителя Кобелево Константина Ивановича Богданова, это жизнь матери-одиночки; в-четвертых, живет 50 лет здесь, но родилась в 160 км от этих мест, что дает возможность узнать о молодости, обобщить и отметить различия в жизни людей верхнего и среднего Пинежья; в-пятых, у нее хорошая память, она контактна, разговорчива, гостеприимна.

Беседа первая

Авт. – Вы родились в 1918 году, в Нюхче, расположенной в 160 км вверх по Пинеге от этих мест, что вы помните о годах коллективизации и что было до них в Нюхче?

А.Е. – Нюхча, дороги никакой не было, никакого транспорту не было, пешком. Едет один уполномоченный, до черта их ездило-то. Один приедет – надо коммуну организовать, другой – в лес надо гонить всех, лесозаготовки. Коммуну-то собрали, дык год, полный год с небольшим была коммуна, да, была год. Наволоки и поля, которые лучше, все взяли в коммуну.

Объявили бойкот какой-то: если кто не пойдет в коммуну, то не дают, в магазин не ходи, ничего не дают: ни спичек, ни мыла, ни керосину – ничего не дают!.. И вся деревня пошла в коммуну: куды деваешься? В коммуну-то зашли *(усмехается)*, а потом какой-то второй уполномоченный приехал: «Добровольно! Кто хочет, в коммуну ходи, а кто не хочет, не ходи».

А уж коммуну создали, так все объединяли. У нас сена 12 пудов, лошадь. Лошадь, наверное, была отдана, потому что мы остались без лошади, колхоз-от стал. Коров оставили, еще у себя были. По-

том коммуна-то развалилась. Когда добровольно было, коммуна еще была добровольна, и единоличники были. Коммуна, это, что-то не пошло. Коммуну стали собирать, хотели всех переселять: эта полдеревни будет коммуна, а та полдеревни, которые не в коммуне. Если мы не в коммуне, то нам дают какой-нибудь там дом, а наш в коммуну возьмут: полдеревни будет коммуна, чтоб коммуна в одном конце была. Вот тут все и забегали. Ведь у кого хороший дом, дак и жалко, а у кого худой, дак и ладно. *(Смеется.)*

Авт. – А у вас был хороший дом?

А.Е. – У нас была низкая изба внизу да перед: одна половина обделана, другу-то нынче только обделали – дома-то никого не было... Да и скоро отступились все. Решили, что в колхоз можно перейти, так все в колхоз перешли. А отец-от у нас на сплав угонен был, ведь единоличник. Он, когда сказали, добровольно можно, так не он один, много ушло: «А ну их, Машка (жена), у нас сена и так много». Семья-то большая была, душ-то много было. Ушли, корова осталась, а без лошади были. Лошадь осталась в коммуне, мы без лошади были. Потом старшие-то ребята в Печоре были, Николай да Андрей...

Авт. – А что в Печоре делали?

А.Е. – Так единолично жили, так это много было... А не знаю, вербовались куда-то. Не знаю, что там делали в Мезени, в Печоры. Так вот Николай или Андрей, какой-то (из них) купили лошадь и привели оттуда. Рыжка экой-то был.

Авт. – Как вашу маму звали?

А.Е. – Мама – Мария Павловна. В девичестве не знаю, как фамилия, бабушка Жигалова или Варфаломеева-ба была, не знаю как. Она с Ёркино была, а дедушка-то был дьячком, ли попом, а мама родилась в Верколе, он был попом в Верколе. Дед был из Елецка, мамин-от отец, бабушка – из Ёркино. Жигаловых там-от род и теперь есть. Деда фамилия Варфаломеев, кабить, а мама-то Жигалова была. Бабушка Жигалова была, а мама, кабить, почто-то Жигалова была? Быват, они не венчаны что ли, не знаю я как, но они прожили всю жизнь вместе. А в Нюхчу приехал он дьячком, ли попом был он там, не знаю как. А потом перевели его в Кулой, тоже попов-то переводили с прихода-то на приход. Ак он в Кулое умер там. А бабушка к нам приехала, там с нами в Нюхче жила и там и померла. Я бабушку помню. Мама-то отца поминала, что он молодой умер, 55 годов, а бабушка ушла (умерла), у нас Сергей родился. Бабушка уже стара была.

Авт. – А как звали отца?

А.Е. – Егор Семенович Коньшин, год рождения не помню. Мама родилась в 1877-м, а умерла в 1962-м. Здесь умерла, в Кобелево хоронили, она у меня более десяти годов жила. У родителей было детей: сын Иван, родился в 1904 году, был контужен во время Великой Отечественной войны, около 20 лет назад контужен. Он жил

дома, из дому взят в армию, домой вернулся. Он был женат на Коньшиной Александре Яковлевне 1900 года рождения, неграмотной, телятнице, умерла в 1990 году. У нее был первый муж, он умер на первой империалистической войне. Иван к ней в дом ушел, он был мастер-плотник, строил мост за речку Нюхча. У них было четыре сына и одна дочь. Сын Андрей (род. в 1907 г.), взят в армию не из дому, из Кандалакши, он там на заработках был. Пропал без вести во время Великой Отечественной войны. От него было всего одно письмо. Сын Николай 1909 года рождения. Женат на Меньшиной Марии Андреевне, 1914 года рождения, у них двое детей: дочь Валя и сын Ваня. Дочь Марья родилась в 1913 году, умерла в 1984 году. Сын Дмитрий родился в 1921 году, был взят на действительную службу. Последнее письмо пришло от него из Риги, из госпиталя, операцию сделали – аппендицит. Он писал, что «теперь я здоров, но писем не пишите, сами знаете, что будет». Больше писем не было. Извещение пришло на Октябрьскую. Мама за него получала пенсию. Сын Василий 1926 года рождения. Окончил 5 классов. Последний год взят был на войну, учился на офицеров, и как война стала замиряться, так Япония ведь тут зашевелилась, ак он туда. Пока их везли, так и кончилась Япония. Служил он там, на Сахалине, 7 годов. Нашел себе там женщину: Марию с двумя детьми, и так прожил. Мария – хо-о-орошая женщина. Они сюда много раз в гости приезжали. У них был свой сын, но в 1990 году его убили в Хабаровске. Поехал в командировку 17 августа. Сам Василий умер в 1988 году. У родителей были еще дети: Вася и Оля умерли в возрасте трех лет, и сын Сергей умер до года.

Все дети имели образование 2 или 3 класса. Мать грамотная, в ЦПШ училась 16-ти годов. Хорошо училась. А 17 годов замуж отдали, да в большую семью-то отдали. Егор Семенович тоже грамотный, на скольких войнах был и на флоте служил. Он женился после службы. Более 10 годов разница в возрасте. У мамы три брата. Один в Печоре работал врачом. Дядя-то Александр в Архангельске был, на левом берегу была железная дорога, он все начальником был. Дядя Митрий на острове Мудьюге замучен во время гражданской войны. О нем в музее в Архангельске написано.

Мама рассказывала, что интервентов много здесь – англичан-то, американцев-то, здесь воевали в Нюхче. Один ходил, у него такая дочка была, как я. Ходил, водился, галеты носил. Население не трогали. На одной стороне – белые, на другой – красные. Стреляли друг в друга. Мама нас за печку садила: хоть в печку попадет. А в амбаре много пуль было, мы выкапывали (выковыривали) – все ходили.

Авт. – Когда вы начали работать?

А.Е. – Когда отец утонул, мама меня сама отправила в лес работать, чтобы кормиться. Тут норма была, талоны, 500 грамм хлеба, а кто в лесу, кто сколько заробит: кто и один килограмм, а кто и 200 грамм.

Авт. – Что вы там делали, вы ведь маленькой были?

А.Е. – А я чай грела, баню топила. Сначала хотели заставить лес возить, а мне ведь не запрягчи лошадь-то. Я два дня поездила – конюха мне запрягать ведь надо! А тогды ведь лошади были привезены с Украины: кони-то большущие были! *(Попутно вспоминает.)* Были высланные в поселки, к нам ходили какие-то хлеб печь. Пекут для себя, и нам какие-то крохи доставались. (Это в Нюхче, у мамы.) В лес уехала в октябре, всю зиму работала в лесу, а зимой колхоз образовался. Мама-то и в колхоз взошла, уже без отца. Они еще жили сразу не в колхозе. И мама наказала мне: «Если хотят дома жить, в колхозе будет боронить...» Как же не хочу? Ведь беда, как хочу! Собрала все свои монатки, срядилась (собралась в дорогу). Ефимий Евдокимович: «Да помани (подожди) два дня, мужики поплывут, тебя домой сплавят». Какие тут два дня! Котомка до пят, и покатила домой одна 22 км о Пинегу. Коль рада была!

Дома весной боронила, страдой – к сену. Вторую зиму – опять в лес, тут уж колхоз отправил. Здесь уж лес возила, лес рубила. На другое лето пришла домой, то летом дежурила на почте. От лесопункта: тут сплав; то все на телефоне была. А потом в колхозе тут робила. Послали на курсы в Ваймуши, на бригадира училась 6 месяцев. Приехала, два или три года бригадиром в колхозе. Первую жатку привезли, самосброску. Бригада небольшая: человек 10. Бабы боялись (жатки): «Мы вручную!» Серпы возьмут, экое поле большое возьмут и жнут – только поле убыват и убыват. (*Смеется.*) На жатке заставили потом: рожь вязали. После тут «лес» или «орс» попросил, чтобы поторговать в «химии». В лесу подсочка – серу гонят. Еще год продавцом работала. Лес сплавляли плотами, и я поболее была, до Усть-Пинеги плотами плавила.

Это сейчас до 18 лет не давают работать-то, а тогды в 14 годов не пойди в лес, так тебя через милицию будут гонять-то! А теперь до 18 лет никакой работы не давают, вот и развели лентяев-то.

А после меня на сплав выписал колхоз. В Усть-Пинегу угонили ларек торговать. А со сплава приехала, заставляют торговать – нет, не буду боле! Стала лес возить. Рубила с осени, потом возить стала. Потом сюда по повестке послали. В Шотовую горку на курсы учиться на тракториста. Трактористкой работала два года, еще девкой. На газухе! *(Смеется.)* На дровах. Своего супруга здесь и нашла. Он только из армии пришел и тоже на курсах учился. Богданов Константин Иванович родом с Усть-Покшеньги, 1916 года рождения.

Мы поженились, переехали в Сылогу, первые трактора-то мы вели в Сылогу. В Сылоге был лесопункт. Мы приехали, там только четыре барака. Мы не переписывались. На войну его спросили, так 25 июня переночевала с Богдановым-то. *(Смеется.)* А так жили мы там в лесу. Осталася беременна. Вася родился в 1942 году. Костю спроводила на войну, а назавтра отца-дедушка (свекор) на принуди-

ловку увезли. Я пришла, у них дров ни полена нету. Бабушка (свекровь) сходила к Карпу Ивановичу (сосед): «Возьми-ка молодку у нас – он дрова на скотный возил – быват сколько порубит дров?» Карп пришел: «С полдела с этакой-то молодкой дрова рубить». Так нарубили дрова. Он старый лесоруб.

Авт. – Почему отца на принудиловку взяли? Что это такое?

А.Е. – Судили здесь. Тута с сестрой что-то со своей судилися. А потом он пришел, его опять взяли, как мобилизовали как на войну – не на войну, а в Карповой они тут военкомат перестраивали что-то. Семье ничего не посылал, какие тут заработки. А я пришла, сразу меня бабушка взяла как в няньки. Мене год-та давали норму. Тогды ведь тоже талоны были. Вот третий раз я на талонах уже. А тогда: на Васю – 400 грамм хлеба, на бабушку – 400 грамм и мне давали год 400 грамм. Девять годов у них жила (до 1951 г.), приехала в марте (1941 г.), а отошла в октябре (1950). Сразу отошла, вот тут у соседей жила. Потом этот-то колхозный дом был, не..., он был Николая Меркурьевича, бабушка это-то Марья Филипповна жила, она Николаю оставила дом-от. А после председатель колхоза купил нам с Анной Ивановной, на двоих. Ведь денег не было покупать-то. Этот дом, так жила, не куплен. Колхоз купил. Этот у меня уже переделан. Изба на избе была. Перед был, перед увезен в Кобелево, теперь он на третьем месте. Дом-от большой был. Я купила-то один только зад, а Анна от переда-то отказалась, так перед тот увезли.

Авт. – В каком году купили дом?

А.Е. – В 50-м отошла, год быват али два жила в квартире. Я в 1954-м, наверное, купила за 2000 рублей. 1600 – брат Василий прислал.

Авт. – А что вы здесь в колхозе делали?

А.Е. – В колхозе работала: и на разных была, и на скотном была. *(Вздыхает.)* На скотном себе инвалидность нажила. Уколы делала больница, и теперь болит. В нерв попали, говорят, эта рука (левая) у меня не чует ни студеного, ни горячего. Таисия Никитична делала, так неудачно. Какую-то профилактику делали на скотном-то. Не знаю что. Потом со скотного меня в лес отправили. Тогды на месяц отправляли и всяко отправляли, а я была в колхозе член ревизионной комиссии выбрана. Владимир Павлович (Щеголихин) председатель, а я член. Дак меня в лес отправили, Владимир в лесу был. Так Владимира выменяли на меня. А потом из лесу никак и не отпустят! Лес возила, рубила. Тогда уж что, взрослая. Пилили с корня по парам. На пару больше сделаешь. Сколько кубометров вырубишь, столько и платили.

Авт. – Какие налоги брали до войны, во время войны и после нее?

А.Е. – Пока Васе 8 годов не было, то военный налог не брали. 210 рублей в год. Во время войны было мяса 40 кг с хозяйства, картошки не помню сколько. Молоко – 400 л с коровы.

Авт. – Какая семья была у мужа, с кем оставляли Васю, когда работали?

А.Е. – Васю оставляла с бабушкой. У них было двое детей: мой муж Костя и сын Коля. Я пришла, а бабушка – инвалид. Все руки, ноги выворочены, ревматизм. Я как сразу пришла и корову доить стала. Свекровь звали Наталья Андреевна Щеголихина, родом из Кобелево. Свекровь ободрала меня как липку. А я боялась ведь, что никого родных не было, мужика не было. Сына натравливала на меня. Все замуж хотела выпехнуть, сватала без конца.

Авт. – А как звали свекра?

А.Е. – Иван Егорович Богданов, родился в деревне Усть-Покшеньга. Года рождения не знаю.

Авт. – А детей?

А.Е. – Константин – 1916 года, а Николай – 1930 года. Был еще один, не знаю, в какое время, умер маленьким. У моей мамы было 7 детей и еще трое умерли маленькими. Мама и нас назвала (Олька и Василий) так, чтобы мы померли скорей. *(Смеется.)* Все поминала: «Вас морила, а пришлось с вами доживать». У меня доживала, а Вася деньги посылал.

Авт. – Отчего дети умирали?

А.Е. – Умирали от болезней. Много было. Умирали от болезней, не от голода. Голода не было там, корова была у мамы, до колхозов-то две коровы, я помню, было. А колхозы пошли, тут бы хоть уж одну корову кормить. Без коровы-то не жили.

Авт. – А где учился ваш сын?

А.Е. – Вася кончил 7 лет здесь в кобелевской школе, а потом в Карпогоры он ходил, десять классов кончил. А потом – путевка в колхоз. Его не отпустили, он хотел ехать учиться-то.

Авт. – А кто не отпустил?

А.Е. – А колхоз... Председатель был Богданов, своих-то всех выучил. Был председатель Амосов Егор Тимофеевич – дисциплина была, а это Богданов-то был, все распустил. Он хоть считат себя-то хорошим, у него стали распускаться. Только ведь что? Партийный... Амосов не был партийный, старик старый. Дело свое знал! А теперь распущены все более. Вот рабочие ездят, строят телятник-от. Так они в понедельник, вчера, сюда в 11 часов приедут, да пообедают, сколь они поробят? А три человека только сегодня еще приедут. Так много ли они работают? А им ведь плотят! Есть и здешние, и нездешние. Живут в Междуреченском (поселок). Организация какая-то есть: контора СМП (строительно-монтажный поезд). Ну что они тут настроят? А денежки-то сгребут! Кирпич силикатный, привозной. Материал свой, строят для совхоза. Дороги они же строят. В пятницу уедут с полдня. Два-то дня на прогул, два уже выходных, сколько поробят? Мы жили на Усть-Пинеге, на сплаве я жила: 15 или 20 минут опоздай на работу – расчет и все! Мы задумали рассчитываться, нас поселили в плавучку (на плоту барак).

Двое суток не выходили, нас не рассчитывали, так и не рассчитали. Нужны были. Бригада у нас была 12 девушек. Все хотели уйти.

Авт. – Александра Егоровна, а где вы работали после того, как вам руку уколом повредили?

А.Е. – После укола я на скотном, да в лес ездила. Потом соединились етта колхозы, меня к сену стали выписывать, а у меня эта рука – косить не могу, у меня выскакивает коса-то. На косилку конную просилась. Говорили: «Тут у ей парень большой, мать есть, а как косить, рука больная!» Я пошла в Карпогоры, в больницу, отправили в Архангельск. Пришла: инвалидность на год дали, вторую группу. В колхозе не плотят ничего, а жить надо. В колхозе робила все: бригадиром животноводства четыре года да бригадиром полеводства года два. А потом с овцами тут обряжалась какое-то время: овчарня в Кобелево была. После овчарника бригадиром животноводства. А потом Николай Александрович Богданов тут пришел в колхоз, стал заведующим МТФ, а мне доставалась премия: 90 л молока и еще чего-то. А он меня после Нового года снял, и всю премию себе. Нас три бригадира-то было: в Жабье и в Лохнове. Ох, как девки-то заревели (заорали): «Она год проработала, а ты премию будешь получать?!» Премию мне отдали. На заседании правления. Он был управляющим.

Авт. – У вас здесь МТС были?

А.Е. – Нет, не было. Сами ремонтировали, своими силами. Вот когда нынче уж совхозы образовались, начали возить в Карпогоры на ремонт. МТС здесь вообще в районе не было.

Авт. – А когда вы были на двух должностях, бригадир и кладовщик, когда это было?

А.Е. – Егор Тимофеевич (Амосов) скоропостижно помер, заболел, так поставили Марка Еремеевича Щеголихина. Он бригадир и председатель был, две вакансии заполнял. А меня заставили бригадиром полеводства и кладовщиком (он заболел). А я говорю: «Как, сам бригадир и сдават, и принимат?» А раньше за все придирались. Освободили меня от бригадира, кладовщиком я стала. Кладовщик в Кобелеве: принимала хлеб, мясо. Забитое мясо продадим, и все тут не хранили. Зерно отвозили, на семена оставляли.

Беседа вторая

Авт. – Александра Егоровна, когда вы выходили замуж, было ли какое сватовство со стороны жениха?

А.Е. – *(Отмахиваясь.)* Какое там сватался! *(Смеется.)* Еж! Каку беду! Никака свадьба не была. Повалились (легли) спать, и вся тут. Расписывались здесь, в Покшеньгском сельсовете. Расписались, а на другой день на войну пошел. *(Задумавшись, вспоминает.)* Из Кымлы поехали с ним в Сылогу. Кылма это ниже по Пинеге.

Меня не спускали из Кылмы. Но мне дали расчет, я не самовольно ушла. На курсы трактористов я пошла в 1939 году, там и познакомилась с Костей. Вместе учились, вместе ездили.

Авт. – Это вы были первой трактористкой?

А.Е. – Да нет, были трактористки. В Кылме был лесопункт. Туда я попала после курсов. Учились мы в Шотогорке. В Ваймуше-то я училась на бригадиров. На бригадира я училась девкой. Ба, еще 16-ти годов. На эти курсы посылал колхоз (из Нюхчи). А потом в Нюхче я работала бригадиром. В 1934 году уехали осенью, зимой приехали, а весной-то бригадиром стала в 35-м году. 35-й, 36-й, 37-й, а 38-й – куды меня отпустили? *(Вспоминает.)* Продавцом колхоз отпустил на лето. Потом я и зиму прожила. *(Смеется.)* Продавцом работала на лесопунктах. А потом из продавцей колхоз отправил на запань, а из запани приехала в лес, а после лесу – на курсы трактористов в Шотогорку, а потом в Кылмы работала. Там на курсах с Константином и познакомилась, он только из армии пришел. Из Кылмы мы поехали работать в Кавру через Сылогу. Трактора перевозили. Сылога уже была, только небольшая. Механизмы мы везли. Нас вели в Кавру, а до Сылоги доехали. А в Кавры что-то не готово было, так в Сылоге и остались. А потом война началась, а с Васей (сын) я сюда, на Усть-Покшеньгу, приехала. В 41-м поехали в Сылогу, в апреле туда приехали, а в июне-то война.

Авт. – В Кылме вы на тракторах работали, а какие трактора были?

А.Е. – Газухи, дровами топили их. Заводили во как (*показывает резким движением рук*), ломиком заводили. На этих тракторах мы лес возили. Зимой возили на санях, летом – на пынах: железный лист, чокером захватят и тянут.

Авт. – А где у вас Вася родился?

А.Е. – В Нюхче, я в отпуск приехала зимой, уже уезжать собралась, да роды начались. В Нюхче и родила. А потом вот в Усть-Покшеньгу поехала жить! Черт меня унес сюда тогда. *(В сердцах.)* Лучше бы в лесопункте было остаться.

Авт. – А тут вы опять в колхоз вошли?

А.Е. – Не взошла, а меня через сельсовет вызвали. Я пришла, у них бабушка-то (свекровь) болела. Все у нее было выворочено. *(Показывает на суставы на руках.)* А Николаю-то 12-й год шел. А дедушка на принудиловку ушел. Я приехала, у них ни дров, ни воды, ни сена, ни хлеба.

Авт. – А как дедушка на принудиловку попал?

А.Е. – Судили. Он был в колхозе кассиром, да получил деньги за племянницу и не отдал. Лесопункт-от подал на него в суд. А тогдыто время было тако... Теперь бы отдали (деньги), и все тут. А его – на принудиловку. Хорошо бабка приболела, да Колька маленький был, так мало присудили. А то бы ему присудили! По тем временам, знаешь, как судили! Ему присудили год принудиловки. Он вна-

чале – в Корежихе (выше пос. Пачиха по реке Юле), а потом – в Кавре. Я в этот год и приехала к ним в колхоз, зимой-от.

Авт. – А как они вас встретили?

А.Е. – Ак, что и встретили, когды надь была, и встретили. А как Колька вырос, так я на что с ребенком-то, два? У меня худо всех на свете! Отошла я от них. У меня ничего решительно не было. Чашка. С Васькой по полчайной чашки.

Авт. – А жили у них, заработок им отдавали?

А.Е. – Пенсия и заработок – все у них.

Авт. – Пенсию вы за сына Васю получали?

А.Е. – Да! До 16 лет, пока учился. Первая пенсия была 72 рубля, а потом – 68, после в 9-м классе – 144 рубля. Прибавили. Да мне брат посылал. Все время помогал. Мама у меня жила. Он мне и посылал, и деньги кажный месяц, 200 рублей. А маме тоже пенсия шла, только маленькая – 50 рублей. Маму я взяла к себе, когда в этот дом перешла жить.

Авт. – А когда вы вышли на пенсию, сколько вам лет было?

А.Е. – А мне уж 54 было. Я сначала, совхоз-от стал, мне еще 55 лет не было. Да еще я инвалид II группы. И в совхоз почто-то не берут. Я подала заявление-то, да Генька родился (внук в 1967 г.). Надо было с Генькой водиться (нянчиться). А потом у меня етта работа-то была (водомерный пост, с 1962 г. – водомер на нем). Хошь не много, а все же шло. Потом как-то услышала, что, кто робил в колхозе и отпустили, надо в совхозе четыре месяца отработать. Я ходила в колхоз, мне дали справку. И я днем водилась с Геней, а вечером и ночью на скотном дежурила – здесь на Усть-Покшеньге.

Авт. – А когда этот скотный двор перестал существовать?

А.Е. – Он недавно. Он и в совхозе еще был. Бывa и есть годов-то с десяток, как его нет. Подсобное хозяйство, наверно, готовил это директор. Два раза хотели сдать в подсобное хозяйство. Ак ничего нету на территории бывшего колхоза, ничего решительно нету! Все увезено. Было 62 коровы, 2 быка-производителя. Я тогда кассиром в колхозе работала, я сдавала колхоз-от.

Авт. – А что здесь еще было?

А.Е. – Было два телятника, два скотных двора. Всего 62 коровы. На конюшне было много лошадей. На лошадях все делали. Молодняк был, взрослые лошади. На Усть-Покшеньге – конюшня, на Холму – конюшня, в Кобелеве – конюшня. Всего три конюшни, три бригады. Околок входил в бригаду Усть-Покшеньги, а Пальцовка – в Холм.

Авт. – А народу было больше у вас тогда?

А.Е. – Тогда старики да малы ребята и робили. Тогда на работу рано шли. А у них (свекор со свекровью) жила: на работу уйду – спят, с работы приду – спят. (Это период войны и послевоенный).

Авт. – Александра Егоровна, а как давно вы здесь, на Усть-Покшеньге, пасете овец сообща?

А.Е. – Пасем по дню за голову. Только по два дня пасем сейчас, а то так долго пасти, а по два все же легче. Я два дня отпасу, потом все отпасут по два дня, и я еще два дня пасу. А то, как раз, так пять дней, а у кого много овец, так много дней надо пасти-то. Все стадо около 40 овец. Пасем так, как огороды (ограду) развалили. А их развалили годов уже около 10, больше даже. Какое больше, 15. А до этого сами паслись. Даже годов 20, как пасем. Последняя корова у меня, нет, наверное, у Николая еще была. Тоня (невестка) пришла (1966 год), а ей не надь корова.

Авт. – Вы говорили мне, что вот уже третий раз живете и по талонам на продукты, а когда еще были талоны?

А.Е. – Талоны были первый (раз), когда колхозы образовались, 31–33 годы. В 33-м коммерческий хлеб стал появляться по 3 рубля килограмм, черный, наверное, по 1,5 рубля. В войну – талоны на хлеб, только хлеб давали. В колхоз пришла, мне давали хлеб 400 грамм талон, Васе давали, и бабушка была взята в няньки, свекровка. Это от лесопункта давали: 1200 грамм, каждый день в Карпову ходили. А год прошел, мне не стали давать. В колхозе сама должна зарабатывать. В декрет ушла от лесопункта.

Беседа третья

Авт. – Александра Егоровна, расскажите, куда вы за свою жизнь ездили?

А.Е. – Жданов, Мурманск и Архангельск, больше я никуда не ездила. В Жданов, Мариуполь в настоящее время, брат с Сахалина приезжал в гости. Как раз у Тони (невестка) между Костей и Катей–то было тут два паренька, не знаю, который. Ну, она в декрете была. Летом ездила. А в Мурманск ездила зимой. Ездила к тетке. Ездила при Тоне, а без Тони куды, у меня корова была. А от нее (коровы) куды: ни шагу не шагнешь! В Мурманск ездила два или три раза, зимой. Один раз в марте, один раз в декабре. Летала самолетом туда. Тогда хорошо! Нам понравился. Всего сколько хошь! Рыбы всякой. Я эта всем посылок напосылала: Любе, свату, домой, ба, три или четыре послала. Палтус. В Архангельск в больницу шесть раз ездила. В Архангельске – племянница, крестная, к Анне (сестра Тони). Вообще-то все к Вале (племянница) ездила. Там у меня много знакомых.

Авт. – А в Жданове у кого вы жили?

А.Е. – У Марии, у невестки, у Васиной жены. Брат там был. Брат умер, а осталась невестка, а у нее сын в армию ушел, а она на пенсию ушла и уехала на Украину яблоки убирать. Брат (ее) с женой одни и жили. Мы одни там жили. Три недели мы там жили.

Авт. – Понравилось вам там?

А.Е. – Ак что, ничего! Фруктов много. Домой приехала 11 сентября, в августе там была. В Жданов летала самолетом. Я взяла би-

лет на Донецк, идет проходной самолет из Архангельска. А в Донецке встретил меня Василий, брат, а там еще 120 км до Жданова на автобусе. В Москве посадку сделали, нас выгоняли из самолета, ушли на аэропорт. Только пришли: посадка, говорят! Ак что, мы еще не бывали, а со мной рядом девка молода, тоже нигде не бывала. Я говорю: «Ты держись меня, двоима будем». *(Смеется.)* Пришли, а там посадок в Москве сколько! А мы нашли свою. *(Смеется.)* Пришли, сели в самолет, и три человека нету. Час задержался самолет-от. Потом нашли. Двое молодых людей убежали смотреть все, а один в буфет уселся. Жарко в самолете! Их нету долго! Намучились. Летит, так есть скважинки, и воздух проходит, а так воздух не ходит. Жарища, душища, потом пахнет! Народу много, большой самолет. Там прилетели на Донецк, меня Василий встретил.

Авт. – А в море купались там?

А.Е. – Ходили. Мария купалась. Жарища. Я вся вспотела. *(Смеется.)* Пришли на берег-от, а я столько не видала народу-то, да все голы ходят. *(Смеется.)* Беда-то, вот какой срам! Первый день – они загорают, я – нет! А второй день тоже. Я хожу, они загорают, жарища. Я говорю: «Боле не могу, жарко мне, уйду я, тут жарко!» Потом Васе говорю: «Я не пойду боле!» Мария сряжается. А Вася: «А ты что не сряжаешься? Сряжайся, сряжайся! Я тоже пойду». А Мария: «Почто ты не купаешься?» А я: «Как я пойду купаться, я голая!» *(Говорит возмущенно и тут же переходит на смех.)* Я лифчика не нашивала, штаны-то на мне есть. Мария мне лифчик дала, трусы дала. *(Смеется.)* И покатила я загорать. Всю спину тут сожгла. *(Смеется.)* Ой, я не могу на спины-то лежать-то, у меня болит, я на брюхе. Один только день и купалась, ходила с Марией. «Больше, не-е-е, – говорю, – не пойду загорать. А похожу тут по бережку». Один раз говорю: «Одевайтесь, дождь будет». Только они поднялись, оделись, еле до троллейбусу успели добежать. Народу там было. *(Тянет слова, показывая, как много.)* Дождь запал как из ведра! Господи, помилуй! Там ведь едут машины, колесов не видно. Там еще асфальт. А троллейбус у горы (встал), вылезли, и обратно трамваем ехали, а туда – автобусом. Попали в трамвай, а трамвай-от не пошел. Вода потопом. Троллейбусы еще идут, а трамвай стоит. А потом он быстро и кончился. С гор все сбежало и все!

Ак нанесут тут всего, а я не хочу, не привыкла. Все было, всего нанесут. У Кати-то мать, так она принимала как своих. Спасов день был. Яблок, яиц накрасили. Бабушка сходила в церковь. У них на Спас яйца красят. Наварила икры кабачковой. Напекла, наготовила всего: голубцы наделала, нажарила! Хорошо в гостях!

Авт. – А обратно как ехали?

А.Е. – Самолетом, но до Москвы, а в Москве вылезли и ездили к Марии, двоюродной сестре. Ехали на поезде. Малоярославец проехали, слезли с поезда. А потом на автобусе поехали. Как же горо-

док называется? Небольшой городок такой! Забыла, как называется городок-от. Там тож неделю жили. Там сад с фруктами. Яблок много. «Баба Саня, поди, како хошь, себе возьми!» Господи, яблокот! 11 яблонь стоит, земля вся усыпана, а некого кормить. Никого не кормят. Картошки екаго поле! А картошка мелка-мелка, а трава – до потолка етта. (Имеется в виду потолок ее избы)

Авт. – Это было ваше самое большое путешествие, а так по путевкам вы никуда не ездили?

А.Е. – Никаких путевок не было! Выше Нюхчи по Пинеге бывала до Выи. Я бывала аж до Верхней Тоймы. Из Архангельска мы ехали до Верхней Тоймы пароходом. С Верхней Тоймы, Пинежска называется: Пинега там узенька-узенька, песчано, мелко там, мелко. Мы там 70 км шли пешком, потом купили лодку, и в лодке. Самолеты не летали, пароходы не ходили. И мы так добирались из Архангельска домой. Это в каком году? Я не помню, но подростком еще. В Нюхче жила тогда. Домой приехала из лесу. Отец утонул 29 или 30 года. Коммуны были. В 31 году я поехала в лес только осенью. В октябре на Октябрьску все пошли домой, и я домой. На Октябрьску шли, ак уже тепень. Подсочка была. Ак в подсочке насобирали коробочек берестяны-то в мешок. Коробочку на кол повесят, жгут и идут как с фонарем. Весь мешок пережгли коробочек.

Беседа четвертая

Авт. – Александра Егоровна, какие праздники и как отмечали раньше и теперь? В вашу молодость и в настоящее время?

А.Е. – После войны сколько етта праздновали и в войну – худо, есть нечего, и все праздновали. Основной праздник вот 19 июля – Богородица – большой праздник. Со всех деревень ходили: с Карповой, Марьиной, Шотовой, Кевролы, Немнюги. Отовсюду, где свои были. Все, кто знался по родству: кушают, пьют вино да песни поют. Там мечище за рекой, в Лохново, было. Там ходили, играли. Нощно сначала, потом денно мечище. Играют, ходецами ходили, парами. Пойдут, разойдутся, да потом снова пойдут. Кто хочет, гулят. Молодежь гулят. А ты, хошь и старый, пойди, посмотри, кто с кем гуляет. У кого дети есть, матери ходят, смотрят, кто с кем гуляет, кому кака невеста.

А у нас там в верховьях (в Нюхче) не было мечища. Мы там в Нюхче так, кучей по деревне ходили: в одном конце поиграм да в другое пойдем. Не было такого определенного места, не было. Попляшем тут да пойдем в другое место. В Нюхче был праздник в Иванов день (7 июля), Петров день был (12 июля) в Кучкосе. Еще у нас было Крестово Воскресение – после Петрова дня первое воскресенье. Молодежь-то, каждый вечер все гулянка: проходишь до утра, потом на работу надь – какое там, лихо! Все равно бежишь.

Я бригадиром была. Мы ведь в колхозы только еще недавно сошлись. Не было жаток этих-то, все руками, и жали, и сеяли, а пахали конями. У меня жонки такие хорошие были! Я пойду утром, уже все ушли на работу. А я все скажу: «Вы пойдите», – тогда все вместе жали, теперь все врозь. Мы все вместе жали, скажу: «Возьмите мне тоже серп. Так я тоже к вам приду».

Авт. – А что в ваши обязанности входило?

А.Е. – Трудодни начислять, ведомости составлять каждый день.

Авт. – А как вы трудодни определяли?

А.Е. – Были нормы за каждую работу. Бригадир должен определить работы и организовать их. Сеять надо, дак знаешь, где пахать надо, посеять.

Авт. – У вас была растениеводческая бригада?

А.Е. – *(Возмущенно.)* С чего? И коровы были, и сено, и все входило. Народу в бригаде много было! Видишь, и здесь ведь не земледельческий колхоз, совхоз. Да и не животноводческий. Черт знает каки! Вот теперь, говорят, нас на единолично хозяйство перейти. А как вот теперь на единоличном жить-то? Ведь раньше, ведь все равно налоги платить надь. А деньги где будешь брать-то? От животных-то немного: пусть коровы две или три, а куды ты с молоком-то! Кормить-то! Наймутся зимой ли возить: и налоги заплатят, и чего-нибудь купят. А теперь лесу нету, весь убран. Сейчас где эк будешь деньги-то зарабатывать? Доход от чего? Кормились все от своего: хлеб наростят – и все. А деньги-то, если у кого лошадь есть и рабочие есть, наймутся. Приезжают эти: наймутся, заробят, потом сплавят лес по Усть-Пинегу. А теперь, лес где он? Начни единолично хозяйство, когда нигде ничего нету. Деньги-то надь где-то брать? А налоги-то смотри теперь какие? За землю-то никогда не плачивали, а сейчас за землю платить надь. Раньше при царе какую тут подать, три рубля мама (говорила), когда что платили. Один раз в год придут и все, а теперь и подоходный налог, и еще какой-то тут, лешего их зна, да страховка и все. А тогда ведь ничего не было. Хошь говорят, что худо жили, да с чего-ж худо жили?! Последние, до 85 года, куда хошь жили, только начали жить. Налоги сняли, все в магазинах есть, пензии стали платить, пусть хоть небольшую.

Тысячу дали пензию (разговор 20 июля 1992 г.), а что толку-то ей, 1200 пензию дали мне, а масло триста двадцать с чем-то рублей. Одуреть ведь! Сахар – 70 рублей. Где тут пензии!? Я не знаю, что у них, како эко, лучше бы цены не поднимали порато-бы (очень) овсе, а то сейчас забастовка. Забастовка – требуют все одну зарплату повышать! Забастовка, требовали бы цены, цены снизили, да налоги. А то деньги, тысячи, пятьсот рублей. На что это? Так пропадут они, как эти керенки. Все равно пропадут. Наводнили. Зарплату начислят, а не дают – денег нет. Так и пензия наша...

Авт. – Александра Егоровна, давайте возвратимся к праздникам. Когда мечища перестали собираться?

А.Е. – 20 годов-то есть. Совхозы-то начались, и перестало. Пасху, Рождество праздновали. Кто празднует, кто не празднует. А немолодые-то люди все праздновали. Первое Мая, Октябрьску тоже праздновали, когда молодая была. Меня мама один раз не спустила: Май был на Пасху. Меня мама не спустила в клуб. Да сейчас ничего не празднуем. Вчера праздник был (19 июля – Богородица, престольный праздник), никого не было. Хоть бы кто пришел! А раньше праздник-то – людей-то, песен! Уж на третий день много привалит, марьегора (жители Марьиной Горы) пойдут домой, все эта у нас. Три дня гуляли. У меня лодка тогда была. Народу много было у меня. Придут, прося: «Перевези за реку!» Лодка почтова. Я почту возила. Почту-то я носила по деревне. На лодке перевозила почту из-за Пинеги. Теперь на амфибиях везут, а тогда-то сам на лодке перевози. Распута сейчас – так и не поехали. А мы в лед доставали почту. Зимой как-то поехали, только переехали, а реку-то разодвинуло. Там (на той стороне Пинеги) почту на берег привезли. Мы поехали, взяли, с почтой приходим к берегу, а река-то пошла (ледоход). А теперь распута, так и нельзя. Раньше было труднее, но попробуй хоть день не застань-ка почты. А теперь неделю, и никто не думает, что почты нет. А почтой все: посылки, бандероли, письма, газеты, журналы.

Авт. – Александра Егоровна, а что готовили к праздничному столу?

А.Е. – Пекли пироги на сочнях, шаньги да на стол рыбу. Перед праздником бегам, ищем, рыбу у кого купить. Кто рыболовы. Не все ловили. Кто на озера ездит, ак у того идем, покупам. Трески тогда в магазинах полно было, бочками зарывали в землю, как испортится. А теперь хорошу и крупну-то рыбу съедят. А мелкую треску (пикша) многие любили. Она нежная, мелкая. Уха-то все равно. Константин Иванович, покойник, все любил ее.

Беседа пятая (24 октября 1992 г.)

Авт. – Расскажите о родственниках, семье отца вашего, Коньшина Егора Семеновича.

А.Е. – Я вот запомнила дядю Поликарпа, это брат, Поликарп Семенович был. Он был старше отца. Отец был, наверное, самый последний. Да дядя Алексей еще был, тоже старше. Тятя-то был уж последний. Ак, вот Алексей-то до сих пор живе, а други-то давно померли. Ак, они-то у дяди Поликарпа жили-то. У них было дом-от еще все разрыто. Я еще помню старый дом-от: две избы. Так вот половина-то одна дяди Алексея, а друга – Поликарпа. А у дяди Алексея в избе-то я запомнила станок стоял, точили вот эти трубки к колесам, да чашки, да все, из дерева. Вот я запомнила етот станок большой, деревянной в избе стоит. А девки-то жили тут у их: Марья да Ульяна. Ульяна-то умерла, а Марья-то жива еще теперь.

Авт. – А дом тот родительский, дедушкин уже не жив?

А.Е. – Да, ак он рассыпался, ак новый построен на том месте. Ак нет уж его, нету. А мама все поминала, бабушка хороша была к ей, свекровка хорошо относилась, с 18 годов пришла, а 13-та в семью пришла. Три невестки, да у всех робята, а тогды все вместе жили! Одна со скотом обряжалась, а друга все тако-то делала, а свекровка стряпала, а мама тут уж подсобной была у свекровки. А потом и стали делиться-то. Ак, дяде Поликарпу – половина и дяде Алексею – половина, а отцу-то и нету. Так тут где-то купили низку избу да двор экой старый какой-то, он и счас стоит, этот двор-от. А избу-ту, я вот еще в этой; изба была тепла-тепла, низко изба – все на полу спали! Ак каки тогда кровати!

Авт. – А полати были?

А.Е. – Были! Полати-то были, стол, скамьи. Никакой кровати не было! *(Смеется.)* Стол да корытце стояло – все вечером это лучину светили. *(Смеется.)* Тут печь, столик какой-то в досках (доски, задоски – кухня) был, в досках был у мамы готовить, да шкапы, кринки стояли, да все!

Авт. – А кто в доме сейчас живет?

А.Е. – Марья, невестка Николаева. По наследству достался Николаю, а больше никого не было. Иван в дом ушел, Андрей пропал без вести, Дмитрий погиб, Василий – на Сахалине.

Авт. – А вот про сестру вы мне ничего не рассказали.

А.Е. – Она вышла в Шиднема. Это в Сульце тут, от Сульца 7 км в стороны. А Сульца – 32 км от Нюхчи, книзу по реке.

Авт. – А она родилась в 1913 году?

А.Е. – Да! 73 года она прожила. Умерла 73 годов. Она в Сульце похоронена, она жила в Мамонихе.

Авт. – Она кем работала?

А.Е. – Она – лесоруб.

Авт. – Грамотная? Школу кончила?

А.Е. – Ак кака школа! Сколько-то училась, ак, грамотная, дак мало. Не училась, наверное, 2–3 класса. Тогды ведь ей, молоду, в лес-от, еще единолично жили, а отец, ведь раньше подряжалися. Ак отец где-то подрядился, ак возила лес: «Ладно, Машка, потом побольше вырастешь, тогда дома-то насидишься, а теперь помоги отцу-ту!» Возила лес. А потом пошли пятилетки. Она так всю жизнь в этих пятилетках прожила. Она всю жизнь, мила-то, бродила. Ребят оставит. В колхозе-то была, ребят оставит, а сама до Архангельска в подводы. А робят оставит в яслях, а во время-то хлеба нету, ак Алешка-то побольше, а Зинка-то поменьше... Ак, днем покормят в яслях, а вечером Алешка ходит, у председателя хлеб просит, когда бабушка даст, у ей у самой хлеба не было. Две зимы они так жили. Муж Иван Зорин из Шиднемы.

Авт. – Вот вы учились на курсах: в Ваймушах – на бригадира, а потом в Шотовой – на тракториста. Что эти курсы из себя представляли? Что вам давали по окончании, чему учили?

А.Е. – У меня тракториста-то есть удостоверение. Я училась четыре месяца, изучали трактор, обучались вождению. Я сдавала на тракториста II разряда, класса. Есть еще первый, но после вождения давали. Изучали устройство, ремонт трактора-то. Тогда ведь трактора топили дровцами.

Авт. – А дрова сами пилили?

А.Е. – Нет, были специальны будки. Едем, на дороге будки стояли. У будки заправимся полный бункер, да еще возим за собой какой-нибудь кошель. Чтобы доехать! *(Смеется.)* Стопиться, так насыпешь дрова-то, и снова!

Авт. – А на бригадира сколько вы учились?

А.Е. – Полгода. Всему нас учили: сельскому хозяйству, земли, как землю обрабатывать, как учет вести, какие нормы есть. Больше о земли, как агрономия. Агрономии больше всего учили. Еще политика была.

Авт. – Вы комсомолкой были?

А.Е. – Не-е, я не была, не-е. *(Отнекивается.)* Я в пионерах была сколько-то времени, школы-то. В школе-то, что в школе?! Мы учились в частных домах. Школы-то не было (имеется в виду: отдельного помещения) Ну, в поповском доме тут была школа-то, я в первый класс пошла. В поповском доме училась, первый-от класс, а потом тут в байкаловский, второй-то класс пошла, да полгода отучилась. Меня перевели в третий, тут за реку надь ходить, тогда-то моста не было, а сейчас-то мост есть. Перевоз. А теперя-то там мост. Амосов был председателем всю войну. А его парализовало, Марк Еремеевич стал, Щеголихин. Он недолго был, до объединения. Егора-то парализовало, так поневоле ему-то надь! Так вот Марк тут был, и я кладовщиком была. Он, бригадир, стал председателем, а я, кладовщик, бригадиром.

Авт. – А кто вам с Анной Ивановной этот дом купил-то?

А.Е. – Егор Тимофеевич Амосов! Ак это после войны было, ак Марк уж с войны пришел-то.

Авт. – Как одевались, обувались, когда молодой были?

А.Е. – Валенки на ногах зимой, когда чего! Ботинки были, к ботинкам были пришиты голяшки. Летом кто во что, босиком. Ботинки у меня были на высоком каблуку с калошами.

Авт. – Так это уж, наверное, порато (оченъ) хорошо было?

А.Е. – *(Смеется.)* Молодость, плясали. Я плясала русского и всякого! Наряды были: сарафан, кофты. Ак, сарафан у меня есть. *(Достает из сундучка, показывает сарафан в бело-коричневую клеточку.)* Во время войны менухи ходили. Хлеба тоже не было, меняли. А я тот год, второй год у них, наверное, жила. Я картошку возила, весной садила, окучивала, а осенью возила. Ак мне досталось две фуры, тонна картошки, это моя была. А менухи ходили, я у бабушки попросила: «Дай мешок!» Они сами себе выменивали, мне только и было за все девять годов. «Ак дай мне картошки, я выме-

няю». Три четверика картошки (3 пуда = 48 кг) выменяла на ткань. Жонка плачет, мне жалко. Я ей еще корзину вытянула картошки. Говорю: «На, бери, да не сказывай». Ак она такая довольна была, ак беда! Шила сарафан, свекровка мне: «Дай сарафан, я поеду на праздник в Кевролу». Ак что, ведь как не дашь. Она-то ведь не отдала, а как померла, тогда только отдали. Шила сама себе, Васе – брюки, рубахи, я и девкой шила. Денег не было, самой пришлось шить. Сама научилась.

Сейчас на машинах, а раньше на руках. Лампа, сидим шьем. Катанцы сама платила (подшивала валенки). Я все еще сама делала. Кабы тогды-то я, знаешь, как бы понаряжалась! А теперь он мне бестолку!

Авт. – Александра Егоровна, я все хотела вас спросить, где жили побогаче: в Нюхче или Усть-Покшеньге?

А.Е. – В Покшеньги. Там боле глухое место было, более и ходу не было, и холоднее. Наши не были богаты и даже не середняки. Ели хлеб, молоко. А мясо? Я вот помню, когды единолично жили, то корова и двух теленков держат, а через год одного теленка осенью режут, а другого – к Рождестви. Да еще овец было много, так еще овец режут. Мясо было на столе. А раньше картошки-то мало садили. А много сеяли репы. А зерновые: рожь, ячмень, овес. Сена заготавливали много. Семья-то большая была. Мужиков много, а нам революции наделы-то и на женщин стали давать. А у нас хошь и на робят давали, у нас робят было много: Иван, Андрей, Николай и тата (папа), сенокосов много было.

Авт. – Александра Егоровна, ваша мама не вспоминала, сватали ли ее?

А.Е. – Ее поп просватал. А поп какой-то был, с отцом-то напились, и он ее просватал. Пьяный-то и просватал маму-ту за Коньшина. У нее-то другой был, а тогды что, отец-то просватал. Это не изменить! Хошь – пойдешь и не хошь – пойдешь. Говорят, все поминала, пока Ваньки-то (сына) не было. У отца-то раньше еще охота была. Так он все на охоту ходил. Раньше у каждого свои угодья были: «Он уйдет, ак я все хожу. Хоть бы медведь задрал». Молода была! *(Смеется.)* «Хошь бы медведь, – говорит, – его задрал, ак я бы к отцу пошла жить!» 13-й была в семью-то. Приданого-то у ей много было! Сарафанов, платья. А она, как у дьячка-то, у таких-то портяно, а у ей ситцево все: тонкое, покупное. Да только, говорит, все вспоминат: «Не та счастлива, котора с приданым приде, а та, которой тут купя». Что приданого-то много, а семья больша. А Ваньки-то родился, так говорит: «Баню истопить, тогды надь кого-нибудь позвать, в баню-то – надо сарафан отдать – я все и сдавала». Так потом и говорит, что много было, только без толку наряды-то! (Баню и бабку для Ивана, чтобы лечить: он очень болел, когда родился). Потом, говорит, что-то делили, так деденка с Поликарповой дала совет, не знаю что, у ней дак все поминат, у них кажный год коро-

ва падала. Потом раскулаченных людей привезли, а она все приглашала. Одна женщина идет и говорит: «Хозяйка, у тебя скотей нету?» – « Да как нет, кажный год!» – «Ну, – говорит, – иди сюда. Под порогом-то, где скот-от ходит, кость зарыта. Ну, коровья или какая-то, я не знаю, кость зарыта, возьми ей да отнеси, брось кость на отмашку». Мама снесла, бросила ее, и с той поры коровы не стали падать. А то весной, помню, уж выгонять надо, две коровы было, одна пестрая, большая, и другая белая, первотелок. И где-то рог улепила, и утром пришли – мертвехонька. Так же и лошади. Лошадь тоже мерли. А покупать – денег надо, так на одежду все и прожила. Нам ничего и не досталось с Марьей-то от мамки. Марье, ба, еще что досталось, а мне ничего не досталось. А все, что сама нажила.

Авт. – А зимой что теплое надевали, Александра Егоровна?

А.Е. – Пиджаки. У меня из пионерского сукна (сукно с ворсом) было пальто, мохнато эко. А польта пошли, ба, когда я была продавцом, еще не были таки, дома сшиты. У нас все Наталья Никифоровна шила (это в Нюхче). Каки тогда сукна? Ну, у багатых были суконны шубы, с оборками, сборками по талии. На голове платки носили, у кого каки приведутся. У нас на мечище повязки не носили, а тут-то быват были. Тут-то люди какие богачи, а у нас там таких не было. Там больших-то богатых не было. У нас не торговал никто. Магазин был при советской власти, а до того-то каки-то плоты ездили, весной да привозили. У нас с Мезени, с Печоры была дорога да через Нюхчу, да и на Выю (приток Пинеги), там в Верхню Тойму, да и в Устюг. Где-то там, в Устюге ярманка была. Ак на эту ярманку везут много-много товару. Так вот здесь покупали, у кого деньги есть. Ак денег-то немного тоже было. Это уж поп был, я запомнила, а то до этого все ездили. Ак, везут рыбы эдаки бочки красной, всякой, сиги. Рыбы привезли! Ак, что много! Там рыбы купят, одну-две рыбинки и купят-то! Не на что было покупать-то!

Тятя (отец) у нас охотник был, а робятища-то ходили, рыбу удили, летом как не ходили-то! Удочкой Митя-то все тут бродил на реке. Малый такой, не большой екой, подъязка екого тащит, большого, малый. Бежит: «Мама, рыбинку-ту, мама, я каку поймал!» Мало пришлось и радоваться парню-то. *(С глубокой грустью в голосе.)* Только взяли и все! (На войну взяли и погиб!)

Авт. – А как у вас проходили похороны, какой обычай был?

А.Е. – Ак обычай, обычай. Здесь свои могилу не роют и не спускают, и ничего, а у нас там только чтобы свои. (Нюхча). Я у нас запомнила, бабушку-ту хоронили, так отец да мама могилу-ту сами копали. Да еще она о Рождестве тут где-то померла, так хо-о́-олодно, зима-то холодная была. Они пошли копать-то яму, что? Все замерзло! Ак отец-от сходил, нарубил дров-то да расклал костер. Потом-то пришли, земля-та тала. Вырыли. Я-то запомнила, как бабушку хоронили.

Авт. – А вот вашу маму здесь как хоронили?

А.Е. – Здесь-то что, расходы все на мне, но готовила не я. У меня тут Вера Николаевна все, Тони двоюродная сестра. Вера мне все помогала.

Авт. – Какие блюда готовят на поминки?

А.Е. – Перво редька тертая с квасом, потом чего приведется. Расол, солоны (пирожки) с картошкой, рыбы, мяса, кутью не варят. Блины пекут на сковородках, а раньше деженники пекли. Теперя все бела (мука), а тогды белово-то не было. Ак к чаю шаньгу испекут как не пост, а пост – так и шаньгу не пекут. Раньше, ба, так не готовили, нынче-то по-сумашедшему готовят-то.

Авт. – А водку не пили на поминках?

А.Е. – Пили, а раньше не пили. Какое вино на похоронах? Когда бабушку хоронили, тоже пили. Квас, расол и пиво. Раньше все пиво варили.

Авт. – А поминают на какие дни?

А.Е. – На 9, 20, 40-й день. Близкие, соседи. Раньше-то и на похороны не спущали с лесу-то. Похоронят соседи. Заведено было на похороны идти со своим хлебом. Почему? Кто его зна! Так было заведено, на похороны идут, калитку (коврига хлеба) свою несут. И в Нюхче так было.

Авт. – А Вася (сын) сватался, когда решил на Тоне жениться?

А.Е. – Привел, не предупредил. После праздника и вина не было у меня. Забежал в избу: «Мама, я не один!» – «Ак с кем?» – «Я жонку привел». Ак що привел, так обратно не погонишь! *(Смеется.)* «Пойдите! Полькина мать и сватья пришли, хошь бы сказал, Вера и Федор только ушли. Хошь бы сказал, мы бы с Верой хошь чего-нибудь приготовили. Ладно. Ну ладно!

* * *

Перед беседой 24 октября 1992 г. мы шли с Александрой Егоровной Богдановой из магазина в Кобелеве к ней домой на Усть-Покшеньгу, это расстояние 2,5 километра. (Об этом она как-то сказала: «Бегай-ка за полбуханкой каждый день, а на 8-м десятке как я набегаюсь?»)

Когда мы шли, она показала, где в Кобелеве были конюшня, два дома сельпо в Пальцовке, остатки телятника на Холму, одно время был свинарник. Между Холмом и Околком заброшенная летняя дойка, там рядом еще три года назад раньше был скотный двор, где она работала. Теперь ничего нет: полусгнившие остатки старых стен двора, колодца. При въезде в Усть-Покшеньгу с двух сторон дороги были поля, которые с образованием совхоза забросили.

Рассказала: «В этом году жито взошло зеленое, дружное, так его с тяжелых машин известью сверху посыпали. Долго стояло желтое, еле-еле отошло. Ак, кака это агротехника? Куда управляющий и

агроном смотрят? В Кевролу далеко и лень возить, дак тут у нас в Кобелево все и высыпали, девать-то куда-то надь?!»

На следующий день рано утром пришел к ней внук Гена (род. в 1967 г., работает в совхозе водителем). Он пришел помочь бабушке разбить лед на Пинеге для замера воды. Гена малоразговорчивый, но пока пил чай, возмущался: «Безвластие, никому ни до чего дела нет. Управляющий играет в домино с подчиненными. Все вконец развалилось!» Больше часу ходили они на Пинегу. Потом Гена ушел, и мы опять разговорились с Александрой Егоровной. Она рассказала, как перебирала свой дом, это было, когда Вася ходил в 10-й класс (1959 г.).

Беседа шестая

А.Е. – Дом был двухэтажный. Из низкой сделали избу, а перед из заду срубили. Лес на постройку с Ильей Егоровичем на Калие (ручей) зимой нарубили. Вывезла одна, сама со всем справилась. Работала в то время почтальоном. Мастером был брат Иван, он тогда после операции-то тихо работал: все сидит, курит. А мне быстрей надь. Я все маме говорила: «Что он все курит, делать дело надь!» А мама: «Ак погоди, сделает». Нанимала еще четырех человек: Егора Гавриловича с Кобелево, да Илья Егорович, да еще двое. А должен был Николай Александрович Богданов дать людей-то. Но конюшню тогда в Пальцовке строили, и мне пришлось бегать, уговаривать. За сутки платила 25 рублей человеку да еще 30 рублей, тайком от других, вместо 25 рублей, давала Егору Гавриловичу. То ж шибко помогал. Не так сложили, как хотелось-то. Да уж что поделаешь! Конек возвели 2 мая. Егор Гаврилович почто-то не пришел в тот день, ак снесла ему бутылку-то сама. А строить должен был мастером другой, Уледев Филипп Ионович, с Красного. Он по-другому дом хотел сложить, да он в то время у соседа перестраивал, ак не мог мне помочь. Три месяца жили у Ильи Егоровича. Печь били, трубу клали Василий Лаврентьевич с Марьиной, дядя Илья да Федор. Оксенья так помогала дом переделывать, платы не брала. А мужикам по 25 рублей за день. Брат (Василий с Сахалина) 600 послал, а потом – 900. Это я ему как написала, что дом переделывать буду. Обделка тоже дорого стоила. Окна-то Филипп Ионович Уледев с Красного делал, Вани Уледева отец. Все новы тут у меня. (Показывает на окна в своем доме). У нас от дома-то бревна были. Распилили с Васей на дрова. Два костра больших было, ак денег не хватило, пришлось дрова продать.

Ак у меня корова была, я молока продам, две медички брали: Таисия да Ирина Карповна. По 3 рубля, 9 рублей за ведерко (3-литровый бидончик), 18 рублей всего. Денег на еду-то хватало, на хлеб, сахар, чай, да на тако-то. Да творогу, да сметаны учителя брали.

Продам. А Марии Яковлевне да Федору Исаковичу (своим) так дам. Ведь нам хватат!

Авт. – Я вот все хотела спросить: мамин дядя Дмитрий был белый офицер, а почему его замучили на Мудьюге?

А.Е. – Дядя мамы, Дмитрий, был белый офицер. Но когда началась интервенция, они сказали, что воюют не за американскую, а за свою Родину. Их на Мудьюге расстреляли, мучили перед этим.

Авт. – Александра Егоровна, а где работала ваша мама в колхозе?

А.Е. – Мама в колхозе работала в основном на огороде: капусту выращивала, а зимой – на молотьбе. Я ее сюда в 50 году привезла, еще дом был не выкуплен. Здесь она в колхозе не работала, я ей не давала. Дома все делала: печь топила, еду готовила. Я дрова, воду наношу, а дома-то все она. Маму разбил паралич на дороге тут у дома. Она всего-то 10 дней лежала разбитая, тут у меня лежала. Я за ней ухаживала. Она тяжелая, выше меня ростом да толще. Я еле ее переворачивала. Мама была очень добрая. Украинцы-переселенцы ходили из поселка хлеб печь к маме. Маму звали «Машка дьячкова». Она ни с кем не ругалась, говорила: «Моя нога не топнула!» Отец тоже был добрый. Мать от отца и матюка не слыхала.

Раньше репы много сажали. У нас на Нюхче еще больше, чем здесь на Усть-Покшеньги. У нас там морозы, а репа морозов не боится. Большое поле было посажено. Осенью здесь же на поле яму выкопают, в нее репу сложат, сверху досками закроют, землей закидают, да устье оставят, чтобы туда лазить, брать ее. Репу парили, сушили, толкли, квас варили! Я еще маленькая была, так летом ездили вверх по Нюхче, километров 20, сено ставить. Брали с собой коров. Сено поставим, огродим зарод-от да пасем коров на отаве, доим, творог да масло делаем. Избушка с печкой, людно живем. Еще единолично были: отец, сестра, я – все вместе живем. Коров потом угоним, дак лошадей пасем. Сеном-то кормим, чтоб скормить, не возить его. Если своего не хватает, то соседское займем. Возвращаемся по снегу. На реке шуша (особый вид льдин) идет. То одним берегом идем, то другим. Реку переходим, то лед ломаем, чтобы лошадь прошла. Я это еще маленькая была, в школу, бывать, в 1-й класс если и ходила.

Отца нашли на Пюле, это около Сульца, ниже Нюхчи. Утонул весной на сплаве, почто-то никто не заметил. Думали, что он уехал к сыновьям: Андрею да Николаю. Нашли труп летом, уж весь разлагался. Тут на берегу и похоронили. Сказывают, что на его могиле барак для лесозаготовителей потом построили. Маме-то не сказывали, потом уж услышала. Милиционер приезжал.

Авт. – Александра Егоровна, а что делал, где работал ваш брат Иван после войны?

А.Е. – Иван – инвалид. Он был контужен на войне. Рука на привязи была. Пришел во время войны и был председателем колхоза.

На общем собрании решили сколько-то сенокосов лесопункту дать. Судили: шесть годов присудили за разбазаривание общественного добра во время войны. Мама шесть житников испекла. До Архангельска дошел – да назад его. Обратно пошел. Здесь (Усть-Покшеньга) накормили, дошел до дому. Больше председателем не стал. Мастер плотников. Сначала одной рукой, а потом помогать стал.

Авт. – Александра Егоровна, а с какого года у вас трудовой стаж считается?

А.Е. – Стаж с 1938 года считается, а восьми годов тут нету. Трудовая книжка с 1938 года. Во время войны на скотнем дворе сразу после укола не учуяла ни горячего, и не холодно. Руку горячим обожгла, на справке сидела. Больничный в колхозе совсем не давали никогда. Я три раза от смерти отходила. В 46-м бык колол на скотнем дворе. В 54 году водянка была – отошла. И вот 5 годов назад грудь вырезала. Раньше все тут дома делала: и венец, и все что-то делаю. А теперь вовсе руки распустились; лень им, не могут. *(Сетует сама на себя.)*

(Разговор у нас зашел о статье, которую Александра Егоровна послала в «Пинежскую правду», районную газету. Статья была опубликована. Текст приложен к истории семьи. Но Александра Егоровна осталась недовольна, потому что она адресовала вопросы конкретным лицам: Черемному, Демидову и Галашеву Н.Е. – почему довели колхоз до такого состояния? А их фамилии не опубликовали в газете. Ее до боли беспокоит судьба деревни и судьба земли, без которой и деревня – не деревня.)

А.Е. – Черемный наш луг отобрал (имеется в виду 100 га Острова), да и лес от нас в Лохново возят, а свой берегут. С болота возят. На болоте канав нарыли. Управляющими всяких пьяниц привозили с Ёркино, с Кевролы... Им ничего не надь. Тут напротив дома навинка была. Вспахали, да не засеяли. Что! Председатель был Василий Тихонович (Попов), а бригадир был сын Василия Немытова. Ак что жабоконский, ему не видать ничего! Во время войны требовали целину разрабатывать. Межи на песку делали, надо сводку дать. Лен, овес посеяли, картофель посажен. Ак, что на нем вырастет?! Ну, да песок легче всего разработать. А мы огороду городили, пахали, размежевали, навоз возили. Сейчас там лес нарос, грибы есть. Трава хорошая – сено ставь! Ак колхозу ничего не надь. Теперь там Шилега (рабочий поселок) ставят, да скот пасет. А это место еще единолично собирались разработать. Столбы там ставили для огороды. А колхоз во время войны разрабатывали. Я уж второй год была здесь. Там и чащинки были, это у Калии (ручей). Кака земля хороша была! Дак там целину разрабатывали. Все запустили: никому не надь!

Авт. – Александра Егоровна, вы в лес ходите, как в этом году: были ягоды, грибы?

А.Е. – Ходила за морошкой, приглядела чернику. Пошла за ней: все бело и листья даже. Ак пало что-то. В августе месяце глядела, а в сентябре ходила за ней. У брусники листья почернели, завернулись. Уж что-то случилось! И ягод не было, сей год не было ведь морозов, а их не было. С листьями уж что-то случилось. А ведь у нас етта много живе ягод. Тот год тоже немного ягод было. У сосны сей год, а у ели тот год хвои желтая. Тряхнешь, опадет. Грибов совсем нет, а позапрошлый год ведь страсть сколько было! На соление берем коньки, груздь, сыроегу. Сушим желтый, бурко (белый), красноголовик (подосиновик, подберезовик).

Авт. – Александра Егоровна, я вот вижу на берегу Пинеги тут у вас очень много больших построек. Это что, склады?

А.Е. – Склады орса (отдел рабочего снабжения), сельпо. Орса-то до тех пор, пока железная дорога не стала, и то еще на склады возили груз-от. Теперь пусты стоят. А склады сельпо до сих пор. Там мука, сахар, мебель, кирпич, шифер. Все-таки тяжелы грузы в навигацию привозят весной. В Кобелеве были и пекарня, и магазины орса, тоже до железной дороги. Пекарня сельпо и сейчас, и тогда была. Пекарня 35 лет в доме, из хлевов сделали. Сельпо хотело перевезти ларек из Лохново на пекарню, но директор (совхоза) говорит: «Не надо, я из кирпича новую построю.» Да вот и ничего нет. Как пасынки!

Авт. – Александра Егоровна, а вы не помните, были ли денежные займы до войны, в войну и после?

А.Е. – Займы в войну – по 10–15 тысяч займы. Секретарь райкома Диричева такая была. В 43-м контора – в доме Ушаковых на Холму. Собрали собрание. Егору Тимофеевичу (председатель) – 15 тысяч, дяденьке Илье – 10 тысяч, мне – 3 тысячи, один год работаю, Настасье – 5 тысяч. Ак она: «С чего же я платить их буду?» Эта Диричева, она из освобожденных районов, встанет, как стукнет кулаком: «Марш! Вон отсюда!» Настасья встала, поклонилась. «Спасибо», – сказала и обряжаться (ухаживать за скотом) побежала. Мне три тысячи, а я: «Только на тысячу подпишусь!» – «Нет, на трим вы сговорились?!» Кулаком стучит, сапогами топчет: «Марш отсюда!!» Я тоже вышла. Вот займы были. Подписались бы, кабы деньги были, а откуда они у нас?

Авт. – А когда были трудодни, сколько надо было их заработать?

А.Е. – А хто сколько може. У кого сотня не заработана, выселяли того. Собрание собирали, если у тебя не выработаны трудодни сколько норма. У нас Екатерина Яковлевна да Паладья Парамоновна под конвоем переселяли. Вели как заключенных. В Карпогорах сидели 10 дней. Пароходы не пришли еще. Так у нас на Усть-Покшеньге ночевали тут Наталья Лаврентьева из Красного, Гаврил, Алексея Немытова отец, да Лидия. Они ночевали две ночи, пароход увез.

Авт. – Александра Егоровна, а кто у вас был председателем после Марка Еремеевича?

А.Е. – Марк был недолго, временно, а потом Иван Игнатьевич (Тыркасов), он что? Как Егор Тимофеевич (Амосов): тоже ночи не спал, колхоз стал миллионером. Когда общий колхоз стал, то здесь кто же? Николай Александрович? Он был бригадир, женился да в Карпову уехал. Жена у него (Анна Яковлевна Богданова) 10-летку кончила, комсомолка, партийная, как инспектор ездила. В Карповой работала. Когда ребят много стало, сюда приехали. А когда в Карпову уехали, я у него бригадирство приняла, два года была потом кладовщиком, потом бригадиров в Пальцовке один год не было, а укрупнять стали – бригадир животноводства опять. Иван Игнатьевич потом зав. конефермой, а потом так работал. Остожье огораживал, тут и умер. Беспартийный был.

* * *

Мы попросили Александру Егоровну показать ее награды. Она достала коробочку из шкафа, там лежали медали и документы к ним:

1. Медаль за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ее дали после войны, такую же медаль получила и ее мать Мария Павловна Коньшина. На одной из сторон медали профиль Сталина и надпись: «Наше дело правое. Мы победим».

2. Юбилейная медаль 1945–1975 гг. , на обороте надпись: «Участнику трудового фронта. XXX лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

3. Юбилейная медаль 1945–1985 гг.: на обороте: «Участнику трудового фронта. 40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

4. Медаль ветерану труда: на обороте: «За долголетний добросовестный труд».

Так как она водомер Гидрометцентра, то у нее бесплатный служебный телефон. Пост этот существует с 1914 г., с 1962 г. Александра Егоровна каждый день меряет уровень и температуру воды в Пинеге. В реке забиты специальные свайки, от которых меряют уровень воды специальной меркой, металлической палкой, которую она берет с собой утром и вечером на замеры. Раньше на это уходило минут 30, а сейчас около часа. Александра Егоровна и старее стала, и спешить некуда. Внуков всех, кроме последнего, Коли, вырастила она, помогала нянчиться, пока сын жил с ней (об этом см. историю Антонины Николаевны Богдановой). В хозяйстве у нее три овцы и одна коза. Козу держит для молока, но она дает в день только по стакану. В октябре, когда мы у нее были, коза принесла козочку. Александра Егоровна держала ее в избе, потому что с 23 октября начались морозы до –38°С, реки все встали, всюду ле-

жит снег. В хлеву козочка может замерзнуть. Козочку она решила оставить, а старую зарезать. Случают козу с козлом у Федосеевича. (Щербакова, на Холму). За случку раньше брал 3 рубля, сколько в этом году, не знает.

С болью о деревне

Статья Александры Егоровны в районной газете «Пинежская правда» (1992. 23 июля. № 80 (7052) (Под рубрикой «Что тревожит читателя»)

Чрезмерная непродуманная концентрация производства в прошлом привела к разорению многих деревень. В период объединения в один колхоз деревень Лохново, Жабей и Кобелево я работала в кобелевском колхозе кладовщиком и кассиром. Тогда было создано три бригады. Каждая имела по одной конной косилке, граблям, кузнице, молотилке, риге для сушки зерна, плуги, бороны. В колхозе было три конюшни, два скотных двора, в которых стояло 62 коровы и два быка-производителя, два телятника, сенокосы, поля. У колхозников в личном пользовании насчитывалось 30 коров.

Весь навоз от скотных и конюшен вывозили на поля да покупали его еще у колхозников. Урожай получали хороший. На общем собрании приняли решение оставлять зерно от старого года для сдачи государству. На случай неурожая создавали запас семян на следующий год, так что своими семенами снабжали также и соседей-лохновцев.

Председателем объединенного колхоза выбрали Василия Тихоновича Попова. Кобелево стало центральной усадьбой. Здесь расположились сельский Совет, восьмилетняя школа, сельмаг, колхозная контора, почта. Но вот началась новая реорганизация в сельском хозяйстве на Пинеге. На месте колхозов появились совхозы. Мы вошли в совхоз «Тепловский», директором которого был назначен Г.А. Черемный. Управляющим в нашем отделении стал Н.Е. Галашев.

Нельзя запускать то, что создано руками сельского жителя, обесценивать деревню, свертывать производство в населенных пунктах. Такой подход может обернуться большой бедой. А наши руководители перевели с территории бывшего кобелевского колхоза в Лохново весь скот, не оставив ни одного копыта, разрушили все животноводческие постройки, забрали все кобелевские сенокосы, больше ста гектаров.

Мыслимо ли в наши дни в такой деревне, как Кобелево, не иметь ферму дойного стада? Разве разумно оставлять землю без скота? Раньше крестьянин специально разводил его для того, чтобы иметь больше навоза.

Еще во время войны усть-покшеньгская бригада вычистила от кустарников больше десяти гектаров луга. На расчистку ходили

стар и мал. А администрация совхоза решила эти земли и обсушенную лыву отдать Лохново. И потом, когда было сделано два отделения, Лохновское и Покшеньгское, Н.Е. Галашев перешел управляющим в Лохново.

И что мы видим сегодня? В нашем совхозе запущены все естественные пастбища, общественный скот на них почти не пасется. Вековечные места, где откармливались животные, нынче запущены. Нет на этих просторах настоящего хозяина. Официально-то таковой имеется. Это совхоз. Но только по документу. Сами угодья не осваивают и не приводят в порядок.

В сельском хозяйстве нам нужен вал – больше молока и мяса. А этого не сделать, если на ферме будет уменьшаться количество животных. Да, увеличить удои надо, и это первостепенная задача, но не менее важная – наращивать стадо. А как расширить ферму, если пожня сокращается?

В Покшеньгском отделении побывало много управляющих. Сегодня в Кобелево полно молодежи. Они построили новые дома, обзавелись хозяйством. А теперь совхоз снова разделяют на части. Хорошо, но ведь у нас после прежних реорганизаций уже ничего не осталось: ни скота, ни пашни, ни сенокосных угодий. Как будем жить? Уже сейчас в Кобелево нет работы, и наши мужчины и женщины вынуждены ездить в Жабей и Кротово. За все годы существования совхоз не построил у нас ни одной животноводческой фермы. Все это делали в Кевроле, Кушкопале, Ёркино, Немнюге, Лохново.

Настало время нашим руководящим товарищам задуматься, способны ли они вывести хозяйство из застоя. Я бы сказала так: кто в себе не уверен, лучше уступи место тем, кто сегодня готов взять на себя эту трудную ношу.

д. Усть-Покшеньга А. БОГДАНОВА

Обобщение семейной истории Богдановой Александры Егоровны

История кровного родства

Родилась Александра Егоровна в крестьянской семье 21 апреля 1918 г. в деревне Нюхча, находящейся в верхнем течении Пинеги в устье реки Нюхчи, притоке Пинеги. Ее отец, Егор Семенович Коньшин, родился в этой же деревне в 1877 г., крестьянин. Умер по несчастному случаю: утонул на лесосплаве весной 1930 г. Труп нашли летом, похоронен на берегу реки Пюлы.

Мать Александры Егоровны, Мария Павловна Коньшина (в девичестве Жигалова), родилась в 1887 г. в деревне Веркола в 100 км ниже по течению Пинеги от Нюхчи и в 50 км выше по течению от районного центра Карпогоры. Веркола знаменита как родина писа-

теля Федора Абрамова, известна своим мужским монастырем и жизнью святого Артемия, по Божьей воле погибшего от молнии. Мария Павловна родилась в семье священнослужителя.

В семье Коньшиных родилось 10 детей, из них Вася и Оля умерли в возрасте до трех лет и один сын, Сергей, – в возрасте до одного года. Семеро детей выросли взрослыми: две сестры и пять братьев. Старший брат Иван родился в 1904 г., когда матери было 17 лет, а отцу – 27 лет. Учился в ЦПШ, воевал на фронте во время Великой Отечественной, был контужен, вернулся домой в Нюхчу: рука была на перевязи. Женат на Александре Яковлевне Коньшиной, ее первый муж погиб в Первую мировую войну, она жила со стариками (свекор и свекровь), и он жил с ними. Потом построил себе новый дом. Когда вернулся с фронта во время войны, то его выбрали-назначили председателем колхоза. Но осудили, из Архангельска его возвратили. От председательской должности отказался навсегда и работал в колхозе строителем, мастером плотников. Жена его работала телятницей в колхозе. В семье родилось пятеро детей: четыре сына и одна дочь. Умер в 1970 г., похоронен в деревне Нюхча.

Брат Андрей родился в 1907 г., в д. Нюхча. Тоже закончил два или три класса ЦПШ. В детстве упал и повредил глаз, и им не видел. Ездил на заработки в лес, лесоруб. Последнее письмо от него было с Кандалакши. Во время Великой Отечественной войны пропал без вести.

Брат Николай родился в 1909 г. в Нюхче. Образование два или три класса. Был женат на соседке, Марии Андреевне Меньшиной (род. в 1914 г.). Работал лесорубом на лесоразработках. Тоже пропал без вести во время войны. Жена получала пенсию. У них двое детей: сын Иван и дочь Валентина. Сестра Мария (род. в 1913 г. в Нюхче) прожила 73 года и умерла в 1986 г. Грамотная, но, сколько училась, два или три класса, Александра Егоровна сомневается, потому что отец рано привлек ее к работе. Она возила лес и потом всю жизнь работала в лесу, сначала от колхоза, а затем «ушла в кадры», стала кадровым лесозаготовителем. Замуж вышла в деревне Шиднема за Ивана Зорина. У них двое детей: Алексей и Зинаида. Муж погиб во время Великой Отечественной войны, как и два его брата, Овсей и Василий. Дети их сейчас живут в Мамонихе, Мария Егоровна доживала жизнь с сыном. Похоронена в Сульце рядом с двоюродной сестрой Ульяной, дочерью дяди Алексея – так она пожелала.

Брат Дмитрий родился в 1921 г. в деревне Нюхча. Учился в школе года два или три. Работал в лесу лесорубом. Перед Великой Отечественной войной был взят на службу в армию. От него пришло письмо из Риги, где он находился после операции по удалению аппендицита. В письме сообщал, что здоров, но просил больше не писать, так как уже знали, будет война. На октябрьскую пришло извещение о его смерти. Мать получала за него пенсию.

Брат Василий родился в 1926 г. в деревне Нюхча, окончил пять классов. На последнем году войны был призван на службу, учился на офицера, но война с Германией окончилась, его направили на Дальний Восток. Но пока везли, и с Японией война закончилась. Он 7 лет служил на Сахалине. Там женился на Марии с двумя детьми и прожил с ней всю свою жизнь. Работал механиком, шофером. Василий умер в 1988 г., похоронен на Сахалине. У него был в браке сын, которого 17 августа 1990 г. убили в Хабаровске, где он был в командировке. С семьей брата Александра Егоровна очень дружила.

Мать Александры Егоровны, Мария Павловна, как дочь дьячка, училась в церковно-приходской школе, хорошо училась до самого замужества. В 17 лет отдана была замуж за Коньшина, который был на 10 лет ее старше. Егор Семенович на войнах был и на флоте служил. Мария Павловна была отдана в большую крестьянскую семью, где свекровь и три женатых сына жили под одной крышей. Мария Павловна была тринадцатой в семье. Отец Марии Павловны просватал дочь по пьянке. Напился с попом, а поп взял и просватал Марию за Егора. Воля отца была закон для дочери: хочешь, не хочешь, а замуж иди! А Марии нравился другой. Приданое у нее было побогаче, чем у крестьянской девушки и быстро разошлось, так как первенец, сын Иван, родился болезненный. Чтобы вылечить, приходилось каждую баню приглашать бабку-лекариху и отдавать за его лечение что-то из приданого. Муж Марии Павловне достался мягкий по характеру, добрый, она никогда не слышала от него слова грубого. Помимо крестьянского труда он занимался охотой и подряжался сплавлять лес.

После женитьбы младшего брата Егора братья стали делиться: старшим братьям, Поликарпу и Алексею, досталось по половине отцовского дома, а младшему, Егору, дом купили. Семья не бедствовала, но особого достатка не знала.

Когда Александра Егоровна была маленькой, то она помнит, что с ними жила ее бабушка по материнской линии, Матрена Николаевна Жигалова, крестьянка, родом из деревни Ёркино (расположена выше по Пинеге, в 15 км от Кобелево). Она родилась приблизительно в 1850–1855 гг. Род Жигаловых до сих пор живет в Ёркино. Судя по ее замужеству, Матрена Николаевна была женщина своеобразная, так как трое первых детей: Николай, Александр и Мария были зарегистрированы на ее фамилию – Жигаловы, и только последний, Дмитрий, был Варфаломеев. Мать Александры Егоровны рассказывала, что Матрена Николаевна прожила всю жизнь с Павлом Дмитриевичем, но не венчалась с ним. Она говорила: «Повенчаюсь, воля будет не своя!» Это говорит о ее независимом, волевом характере, который, судя по всему, достался и ее внучке, нашей респондентке, Александре Егоровне.

Муж бабушки, Павел Дмитриевич Варфаломеев, был родом из Емецка, ныне Холмогорского района Архангельской области.

Александра Егоровна не застала его в живых, но по рассказам матери знает, что дед умер в Кулое в возрасте 55 лет, и это произошло до революции (до 1917 г.). Дед был священнослужителем, во всяком случае, дьячком – точно, так как его дочь звали «Маша дьячкова». В 1887 г. он служил в Верколе, потому что там родилась дочь Маша, в 1904 г. он был в Нюхче, так там просватал дочь за Коньшина Егора. В молодости служил в Ёркино или поблизости, так как там нашел себе жену Жигалову. Мать Александры Егоровны говорила, что и попом он был, возможно, под конец жизни, которую он закончил на Кулое. Селение Кулой расположено на реке Кулой, севернее среднего течения Пинеги. Из этих биографических перемещений видно, что семья священнослужителя много ездила, попа переводили из прихода в приход. Можно предположить, что перемещений было гораздо больше. В то же время очевидно, что по своему социальному положению дьячок мог дать образование детям. Старший сын, Николай, работал врачом в Печоре, сейчас это город на территории автономной республики Коми. Второй сын, Александр, работал начальником железнодорожной станции в Архангельске, вокзал был на левом берегу Северной Двины. Его дочь Мария, мать нашей респондентки, училась до 17 лет в приходской школе. Младший, Дмитрий, имел военное образование, был офицером царской армии. Но в то же время нельзя сказать, что семья благоденствовала, поскольку Матрена Николаевна нанималась в прислуги, хотя это можно приписать ее независимому характеру. Да и дьячок попивал, поскольку сосватал дочь по пьянке и рано умер, в 55 лет.

О годах жизни братьев бабушки Александра Егоровна ничего не помнит. Но знает, что дядю Дмитрия в годы интервенции замучили на острове Мудьюг, так как он отказался помогать интервентам, хотя и был белогвардейским офицером. Александра Егоровна вспоминала, что о дяде Дмитрии даже написано краеведческом в музее в Архангельске, и она видела там его фотографию. Матрена Николаевна жила после смерти мужа с дочерью в Нюхче, где умерла в 1927 г. и там похоронена, ее отпевали в церкви. В Нюхче существуют свои обычаи захоронения, отличные от тех, которые бытуют в среднем течении Пинеги. В Нюхче могилу роют свои родные, и они же хоронят покойника. Так, родители Александры Егоровны сами копали могилу своей матери. Это было в рождественские морозы, землю приходилось оттаивать костром. Сами и похоронили.

Сама Александра Егоровна после смерти отца была отправлена матерью работать на лесосплаве, чтобы хоть на хлеб себе заработать. Когда стала постарше, работала продавцом в ларьке на сплаве, закончила в Ваймушах (рядом с Карпогорами) курсы бригадиров и работала в колхозе бригадиром. В 1939 г. колхоз послал ее на курсы трактористов в Шотогорку, по окончании их стала работать трактористом в лесозаготовительной промышленности. На курсах трактористов она познакомилась со своим будущим мужем –

Константином Ивановичем Богдановым (род. в 1916 г. в Усть-Покшеньге в околке деревни Кобелево), который учился там после службы в армии. Они вместе повели «газухи» (газогенераторные трактора) в верховья Покшеньги, в Нырзу, но там что-то было не готово, и они остались зимовать в новом пункте лесозаготовителей Сылоге. Здесь они просто стали жить как муж и жена. Летом 1941 г. Константина мобилизовали в армию. Накануне отъезда они зарегистрировали брак в Покшеньгском сельсовете. Александра Егоровна осталась беременной. В отпуск она отправилась погостить к маме в Нюхчу. Там начались роды, и в январе 1942 г. родился ее единственный сын Василий. Александре Егоровне в этот момент было 24 года, а ее мужу – 26 лет. В 1943 г. пришло извещение о том, что муж погиб на фронте возле деревни Каменка Мыщинского района Харьковской области. С сыном Александра Егоровна от матери приехала жить в Усть-Покшеньгу к родителям мужа. С тех пор жизнь ее прошла здесь. В 1950 г. к ней приехала жить из Нюхчи ее мать, Мария Павловна Коньшина, которая умерла в 1962 г. в возрасте 75 лет, похоронена в Кобелево. Расходы на похороны матери легли на Александру Егоровну и ее брата Василия Егоровича Коньшина. Помогали сельчане. Похороны проходили по обычаям этих мест.

Сын Василий закончил в Кобелеве семилетнюю школу и три года учился в средней школе в Карпогорах. Он был парнем смекалистым, очень любил технику, но учиться в институте не смог, не отпускали из колхоза. В 1967 г. сын привел домой девушку, Антонину Николаевну Козьмину (род. в 1942 г.), свою одноклассницу, и сказал, что это его жена. Потом уж расписались и отгуляли свадьбу у сватов (тещи с тестем), которые жили в Жабее.

Отношения Александры Егоровны с родителями мужа не сложились. Она до сих пор не любит о них говорить. Ей пришлось судиться с ними, отделиться и жить своим домом. Свекровь пыталась выдать замуж невестку, но она замуж больше не выходила, не хотела. До 1978 г. Александра Егоровна жила с семьей сына (о его семье см. в истории семьи Антонины Николаевны Богдановой). В 1978 г. сын с женой и пятью детьми переехал жить в Кобелево, в собственный дом. С 1978 г. по настоящее время Александра Егоровна живет в своем доме на Усть-Покшеньге одна.

Инвалиды в роду Александры Егоровны были только в результате полученного увечья. Так, ее брат Андрей покалечил в детстве глаз. Брат Иван получил увечье на войне. Сама Александра Егоровна получила увечье в результате превентивного укола под лопатку, из-за чего левая рука не чувствует ни холодного, ни горячего. Эта болезнь называется сирингомиелия – довольно редкое заболевание.

На противоположной стороне улицы живет брат ее мужа Николай Иванович Богданов (род. в 1930 г.) с женой и детьми. Но Алек-

сандра Егоровна с ними не дружит. Через дом от Александры Егоровны живет, теперь уже жил, Илья Егорович, младший брат отца ее мужа. С ним и его женой, Екатериной Ефимовной, она дружила.

Социально-экономическая и политическая история семьи

Родители Александры Егоровны жили до коллективизации единоличным хозяйством. Когда в 1904 г.мать Александры Егоровны вышла замуж, она попала в семью, где жили вместе женатые братья, свекровь и дети. Затем большая семья разделилась, два брата с семьями остались в родительском доме, а младшему, Егору, купили дом, в котором передняя изба была отделана наполовину. В хозяйстве молодой семьи были две коровы и лошадь.

Поскольку доходы от сельскохозяйственной деятельности были достаточны только для пропитания, то отец семейства охотился, подряжался лес и рубить, и сплавлять. Этим же занимались и подрастающие сыновья. Они ездили заработать на реки Мезень и Печору. Даже дочь Мария мало училась и была привлечена к вывозу леса с детских лет.

В Нюхче крестьяне гоняли скот на выпас за несколько десятков километров. Пасли коров и косили траву на сено. Потом коров отводили домой и пасли лошадей до снега, скармливая заготовленное сено, чтобы зимой его меньше вывозить.

Основными культурами земледелия были ячмень, рожь, репа, лен, конопля. Из скота держали коров, овец и лошадей. Семья родителей была не из бедных, но и не благоденствовала. Все доставалось трудом.

В 1918–1920 гг. в деревне были белогвардейцы и интервенты, а за рекой находились красные. Об этом периоде жизни семьи в Нюхче Александра Егоровна помнит со слов матери. В семье никто не пострадал. В книге А. Никулина описан период интервенции, касающийся д. Нюхча, это было осенью 1918 г.*. После окончания гражданской войны жизнь семьи продолжалась в рамках того же единоличного хозяйства.

В 1929 г. в Нюхче была образована коммуна. Из рассказа Александры Егоровны ясно, что коммуна насаждалась уполномоченными из района, принуждающим фактором был отказ в продаже товаров первой необходимости в магазине. Но все равно в коммуну все не вошли.

Родители Александры Егоровны вошли в коммуну, отдали 12 пудов сена, лошадь. Коммунарам дали лучшие земли. Но коммуна быстро развалилась. Во-первых, приехал очередной уполномоченный из района и объявил, что в коммуну следует входить добровольно. Во-вторых, было принято решение: коммунарам жить в одном кон-

---

* См.,: *Никулин А.* Это было на Пинеге. Архангельск, 1968.

це деревни, а остальным – в другом. Это должно было привести к массовому переселению, а дома и хозяйства у всех были не равнозначны. Такое решение окончательно разрушило коммуну.

Отец Александры Егоровны вышел сразу же, как объявили новые правила, не пожалел ни сена, ни лошади (лошадь старший брат Николай привел с заработков на Печоре), а в 1930 г. утонул на весеннем сплаве леса. Двенадцатилетнюю Александру мать сама отправила работать в лес, чтобы кормиться. В это время хлеб в деревне выдавали по талонам: 500 граммов в день.

Зимой 1930/31 г., когда Александра Егоровна уехала в лес греть лесорубам чай, в Нюхче образовался колхоз, и мать забрала дочь, чтобы она работала в колхозе: весной боронить, летом – к сену. Сама мать работала на выращивании овощей на колхозном огороде, зимой – на молотьбе. Следующей зимой Александру Егоровну в лес послал уже колхоз, она рубила и возила лес. А летом дежурила у телефона на почте от лесопункта. Был сплав, и она должна была быть все время на телефоне.

В 16 лет (1934 г.) ее послали учиться на бригадира. Курсы были в деревне Ваймуши рядом с Карпогорами. После курсов два или три года работала бригадиром в колхозе. В 1938 г. ОРС от лесопункта попросил поторговать ее в лесу на подсочке. Год она работала продавцом, спустилась с ларьком на сплаве до Усть-Пинеги, а после этого торговать отказалась.

Ее послали опять работать в лес: рубить и возить. Здесь ее по повестке послали в Шотогорку на курсы трактористов (1939 г.). Она освоила газогенераторный трактор и после курсов работала в Кылме в лесопункте (1939–1941 гг.). Из Кылмы ее с группой на тракторах (1941) послали в Кавру, в верховья Покшеньги. Там открывался новый лесопункт. Трактора довели до нового лесопункта Сылоги, остались здесь зимовать, так как Кавра еще не была готова.

В Сылоге ее застала война. Перед войной Александра Егоровна вышла замуж. Муж ушел на фронт и в 1943 г. погиб в Харьковской области. Александра Егоровна в январе 1942 г. родила единственного сына Василия и приехала с ним жить к свекру и свекрови в Усть-Покшеньгу.

К этому времени свекор оказался на принудительных работах. Его судили за то, что он присвоил себе зарплату племянницы. Свекровь была больной, брату мужа было 12 лет. Александра Егоровна занялась ведением домашнего хозяйства. Год она получала от лесопункта паек: 400 г хлеба на себя, сына и свекровь (как няньку), за которым приходилось ходить в Карпогоры. В 1943 г. Александра Егоровна пошла работать в колхоз на скотный двор дояркой. В военные годы она, как жена погибшего на фронте, не платила военного налога. но на займы ее заставляли подписываться. После войны Александра Егоровна работала кладовщиком, потом бригадиром, кассиром колхоза, почтальоном, а перед пенсией – сторожем

на скотном дворе. С 1962 г. она получила должность водомера, в которой работает по сей день.

Александра Егоровна была членом ревизионной комиссии. Эту комиссию выбирали на собрании колхоза: председателя и трех членов. Ревизионная комиссия контролировала доходы и расходы колхоза, инвентаризацию. По утверждению Александры Егоровны, тогда воровства не было: все было на виду.

Как жена погибшего на фронте, она получала пенсию на сына и себя. Хотя пенсию и заработок она отдавала свекрови, та стремилась от нее избавиться, выдать замуж, настраивала сына против матери. В 1950 г. Александра Егоровна «отошла» от них «в перед», в колхозную квартиру (часть дома), а в 1954 г. выкупила дом и живет в нем по сей день. В 1950 г. Александра Егоровна забрала к себе мать, которая жила у нее до самой смерти.

Жизнь во время и после войны Александра Егоровна вспоминает как безголодную: хоть и выдавали пайки, но в хозяйстве была корова, и Усть-Покшеньга никогда не жила без хлеба и достаточного количества сена. И замуж она вышла в род, который жил крепко, по-середняцки.

Общественный труд в колхозе запомнился ей по председателям. С особым теплом вспоминала Егора Тимофеевича Амосова и Игнатия Ивановича Тыркасова, при котором колхоз стал миллионером. Оба были рачительными хозяевами, ночей не спали, до всего им было дело.

Во время войны появилась новая установка: разработать целину. Александра Егоровна участвовала в этой кампании. Взяли земли, которые еще единоличники наметили к освоению. Это была прибрежная песчаная земля, ее и распахали (так и сделать было легче, и перед районным начальством отчитаться), но с годами забросили. По воспоминаниям респондента, на Усть-Покшеньге были скотные дворы, конюшни – сейчас здесь нет «ни одного копыта». Об этом она пишет в своей статье в районной газете «Пинежская правда».

Основная боль усть-покшен и Александры Егоровны – это Остров, отошедший к лохновцам. Это 100 га прекрасных сенокосов, которые, сколько помнят, принадлежали кобелевской общине крестьян, а в советское время – усть-покшеньгским бригадам. Постепенное запустение полей, пастбищ и сенокосов, по рассказам Александры Егоровны, началось с укрупнения колхоза, в 1951 г., когда председателем колхоза стал Василий Тихонович Попов, а бригадиром – жабоконский житель (как говорит Александра Егоровна – им же не видно до мелочей, что где делается). Дальнейшее запустение связано с еще более крупномасштабным объединением колхозов и реорганизацией их в совхозы в 1969 г. Усть-Покшеньга с Кобелево и Красным становятся одним из четырех отделений совхоза «Тепловский» с центральной усадьбой в Кевроле, отметившей свое 855-летие летом 1992 г.

Александра Егоровна всегда держала овец и коз. Овцы и козы паслись в деревне без пастуха. Система изгородей позволяла оставлять их без присмотра: поля не потравят и никуда не убредут. Вот уже лет 20 овец и коз на Усть-Покшеньге пасут сообща все хозяева, у кого они есть, – по дню за голову. Необходимость совместной пастьбы связана с постепенным разрушением изгородей и отсутствием хозяина, который бы за ними следил.

Брежневское время она характеризует как сравнительно спокойное, когда и пенсия была, пусть небольшая, и в магазинах все можно было купить по доступным ценам, например хлеб или молоко. Сейчас хлеб бывает не каждый день, и надо знать, в какое время его привезут из пекарни, которая находится в 10 метрах от магазина. Пекарня старая. Хлеб не выпекают или из-за отсутствия муки, или из-за поломок. Молока совсем нет в магазине. Перестройка и последнее время ее возмущают и вызывают негодование. Рост цен она сравнивает с предреволюционными керенками, они так же пропадут, эти большие деньги, как и керенки в свое время.

Статья Александры Егоровны «С болью о деревне» отражает ее позицию. Она написала ее сама, без чьей-либо просьбы, просто оттого, что ей больно за судьбу хозяйства, которому она отдала годы жизни, здоровья, труда. Единственное, что ее не устраивает, – в статье нет прямых вопросов к людям, к которым она прежде всего обращается как к ответственным за развал: это директор совхоза Демидов, глава администрации Черемный и управляющий Галашев. Это так подкорректировала ее письмо в газету редакция. В партии и комсомоле Александра Егоровна не состояла. В детские годы была пионеркой, поскольку в пионеры принимали всех. Атмосфера была такая, что прием в пионеры был праздником.

История вещей

Дом родителей в Нюхче был куплен, когда большая семья из 13 человек начала делиться. Это произошло после женитьбы отца. Старшим братьям достался дом отца, а Егору Семеновичу с его семьей дом был куплен. Семья жила в низкой избе, а перед был наполовину не отделан. Ранняя смерть мужа, отходничество, солдатчина сыновей и мужа отодвинула доделку дома на послевоенное время. Дом достался по наследству сыну Николаю, но он погиб на войне, и в доме жила его жена с детьми.

Александра Егоровна с 12 лет начала работать, жить вдали от дома: в лесу в избушках, на сплавах. После окончания курсов трактористов в 1939 г. она жила на лесопунктах: вначале Кылма, а потом Сылога, где она вышла замуж за Константина Ивановича Богданова. В Сылоге молодожены жили в отгороженном углу барака. Вот и все жилье. В самой Сылоге весь жилищный фонд исчислялся четырьмя бараками. В 1942 г. она приехала жить в дом к свекрови со свекром в Усть-Покшеньгу. Из бесед с Ильей Егоровичем Богдано-

вым мы знаем, что это дом дяди Трофима, т.е. брата отца Ивана Егоровича, или дедушки Константина Ивановича, мужа Александры Егоровны. Дом в 1912 г. был построен из переда прадедовского дома, в котором до последнего времени жили Илья Егорович и Екатерина Ефимовна Богдановы. После смерти дяди и отсутствия более близких наследников дом перешел племяннику – Ивану Егоровичу Богданову. Дом средних размеров: перед с двором, без низких изб.

К 1950 г. совместная жизнь с родителями погибшего на войне мужа и его братом для Александры Егоровны стала невозможной, и она «отошла» от них с одной чайной чашкой с сыном на двоих. Поселилась в колхозном доме, который купил Егор Тимофеевич Амосов (председатель колхоза) для колхозной квартиры. Когда председателем колхоза стал Василий Тихонович Попов, то решили дом перевезти, если Александра Егоровна его не купит. В 1952 г. она его купила за 2 тыс. руб. (300 руб. были у нее свои, взаимопомощь в кассе брала, да остальные брат Василий прислал с Сахалина). Дом она купила бы и раньше, но не было денег. Перед от дома был увезен в Кобелево и составляет часть большого 2-этажного дома, стоящего на противоположной стороне улицы недалеко от конторы. В 1959 г. Александра Егоровна в течение трех месяцев перестраивала дом. Лес на постройку она нарубила с Ильей Егоровичем Богдановым (брат свекра) на Калие (ручей), а вывезла его сама, одна. Руководил перестройкой брат Иван из Нюхчи, нанимала еще четырех человек поденно, по 25 руб. в день. 1500 руб. на перестройку дома послал брат Василий с Сахалина. Из оставшегося двухэтажного дома сделали одноэтажный: из бывшей низкой сделали избу, из огромной повети срубили перед, состоящий из двух комнат. Сзади пристроен хлев с небольшой поветью. Дом сложили не так, как хотела хозяйка, и мастер оказался занятой, с кем она хотела перестраивать. Но что поделать, так и живет в этом доме.

Позже Александра Егоровна сама немного переделала дом. Коридор между избой и передом перегородила и небольшой комнаткой соединила части дома, перебрала полы, сбила печь, в 1952 г. выкопала яму под погреб, нарубила лес. Федор (сосед) срубил сруб и помог опустить его. Лес с корня, и погреб до сих пор стоит, не гниет. В 1951 г. она купила маленький колхозный амбар, не помнит, за сколько. Большой амбар сын Вася привез его из Жабея, он же построил в 1971 г. баню: сам лес навозил, сам и срубил. Сарай для дров тоже сделан Васей, еще до армии. Подклет на погребе сделали сами из стайки для лошадей. Оценить все эти постройки Александра Егоровна затрудняется, это был ведь свой труд. Когда она перестраивала дом, то берегла каждую копейку. Деньги на питание выручала от продажи молока, сметаны, творога – свою корову держала всегда. Сейчас дом Александры Егоровны нуждается в ремонте. Стены крепкие, оконные и дверные переплеты тоже в порядке, но дом осел, пол повело, и образовались щели. Зимой дом трудно

натопить, потому что через щели в полу все тепло выносит из дома как ветром. Отопление печное: три печки. Воду носит из колодца.

Участок в личном подсобном хозяйстве был, когда жила у свекрови, 40 соток, из них 16 были при доме, а остальные давали за деревней, в поле, минут 15 ходьбы. На участке сажали картофель, капусту, корнеплоды, сеяли ячмень. У Александры Егоровны при доме соток 14, на них растут малина, клубника, посажены лук, чеснок, морковь, свекла. В поле рядом с деревней еще есть участок в 5 соток под картофель и репу, такой же выделен под сенокос на Котомени, под горой.

Разделение труда на мужской и женский в доме родителей было традиционным, оно нарушилось лишь с началом коллективизации. Мать пошла работать в колхоз, отца не стало. Девочки начали рано работать в лесу. Старшая сестра, Мария, с 8 лет стала помогать вывозить отцу лес, а Александра с 12 лет стала работать на лесоразработках: сначала грела чай, топила баню, а потом и лес стала возить. Поэтому обе они не занимались ткачеством, но прясть, вязать и шить научились. В доме свекра и свекрови, когда она пришла к ним жить, на Александру Егоровну навалились все заботы о доме: и дрова, и вода, и уход за животными, и огород, и заготовка сена. Когда она стала работать в колхозе, то присмотр за ее сыном был на свекрови. После, когда она отделилась от них, с ней жила мать, которая и за сыном присматривала, и у печки все стряпала, а на Александре Егоровне были все остальные хозяйственные заботы. Часть мужских забот потом перешла к сыну, а став взрослым, он выполнял их полностью. Александра Егоровна стала стряпухой, нянькой и обряжухой (уход за скотом).

С 1978 г. она живет одна, сын построил дом в Кобелево. Но сын и внуки постоянно ей помогают в заготовке дров, уборке урожая, сенокосе. Овец стричь приходит старшая внучка Люда. Она же летом приходит делать косметический ремонт: переклеить обои, побелить печки, покрасить полы, двери, рамы. Но склад натуры, характера и сама жизнь Александры Егоровны сделали ее очень самостоятельной и сильной женщиной, она привыкла делать все сама. Она и дрова может сама себе наколоть, и картофель копать, и сено в зарод сметать. А в молодости лес рубила, сама погреб копала, делала небольшие перестройки дома, сама печь била.

Питание в родительском доме было традиционным для севера: молоко, молочные домашние продукты, каши, мясо овец, телят, коров, приготовленное в виде супов или отдельными блюдами в русской печке, выпечка из жита, ржи – ежедневные житники (хлеб северный), деженники, калитки, шаньги, сочни, солоники, колобы. На зиму солили бочками грибы, квасили капусту. Бочками хранили ягоды: клюкву, бруснику, морошку, чернику сушили. Из ягод делали кисели, взвары. Грибы сушеные шли на грибной суп – губницу. Суп делали и из сушенной мелкой рыбы. Из репы также делали су-

шенки, парево, расол. Репа имела более широкое применение – в отличие от картофеля она не боялась морозов. Готовили также рыбные блюда как из свежей, так и соленой рыбы, обычно на лотках в русской печи. Рыба получалась печеная, ели с лотка, подливая кипяток и макая хлеб. Из рыбы варили супы, а также запекали целиком в тесте – этот пирог называется рыбник. Отдельное любимое занятие на севере – чаепитие: чай пьют из самовара, гретого на углях, к столу подают что-нибудь печеное и сладкое. Конфеты были редкостью, а сахар был колотый, чай с ним пили экономно, чаще с блюдца и вприкуску. На праздники варилось пиво из ячменного солода. Делалось сусло, его наживляли, добавляли хмель. Пиво получалось темное, вкусное и достаточно крепкое. Это был основной хмельной напиток.

Во время войны традиционным блюдом стала мусенка, это похлебка из муки. Ели ее и так, а по возможности заправляли маслом, луком или сметаной. Любили есть черную редьку: ее терли, заправляли сметаной или ели с луком, маслом и подкисленной водой или квасом.

Из клюквы делали морс, кисели, пекли с ней пироги. Начинками служили и черника с брусникой. Морошку ели моченую, могли добавлять сахару. Соленые грибы ели, заправив луком и маслом, или готовили в печи с картошкой, сметаной и маслом. Грибы были и начинкой для пирогов. Надо отметить, что вся основная еда готовится в русской печи, что придает ей особый вкус: она обычно разварившаяся, нежная, настоявшаяся и ароматная. С появлением электричества появились электрические самовары и чайники, электроплитка.

У Александры Егоровны в ходу сейчас электрочайник, и на электроплитке она может иногда что-то приготовить, но традиционно все готовит в печи, которую топит и летом, но очень рано утром. Днем же бывает жарко, да и если сухо, хозяйки боятся пожара, кругом одно дерево. Посуда для русской печи – это чугуны, лотки, крынки. Сейчас готовят в печи в кастрюлях, которые раньше не имели распространения.

На полевые работы брали квас, хлеб, на дальние покосы, лесозаготовки – необходимые продукты, из которых готовили еду, как дома. Это обычно что-нибудь не портящееся: мука, сахар, соль, чай, рыба сухая и соленая, грибы соленые, репа пареная. Летом в лесу собирали грибы, ягоды, в реке ловили рыбу. Это шло и на стол, а избыток привозился домой.

Отец и братья Александры Егоровны охотились, и это давало дополнение к столу: приносили рябчиков, тетеревов; сын на охоту не ходит, но рыбной ловлей иногда занимается.

Сейчас Александра Егоровна держит козу, чтобы пить каждый день козье молоко. В магазине молока нет круглый год. Картофель она выращивает на своем огороде себе и скоту на весь год, еще отдает излишек семье сына.

Одевались в доме родителей в основном во все домотканое, дома связанное и сшитое. Для девочек, женок, девушек основной одеждой были сарафаны да подрубашье, кофты. На ноги надевали валенки зимой, летом ходили чаще всего босиком. У Александры Егоровны были ботинки, ботинки на высоком каблуке, галоши. Зимой женщины носили пиджаки из сукна. У Александры Егоровны был пиджак из пионерского сукна. Пальто у нее появилось с 1938 г. На голове – платки, летом легкие, зимой теплые шалюшки.

Мебель в родительском доме была простая, самодельная – стол, скамейки. Кроватей не было. Спали на полатях да на полу, пол был теплый. Были шкафы для посуды, продуктов. Потом, когда Александра Егоровна жила по лесопунктам, то из всей мебели остались кровать да стол. В доме она сама завела все необходимое. Двенадцать стульев и четыре табуретки она купила у Александра Исаковича Щербакова в 60-х годах по 3 руб. Шкаф для одежды купила в 1970 г. в магазине уцененный, не помнит, сколько стоил. Секретер купила в 1971 г. в магазине, две кровати до 1961 г. за 190 и 230 руб., комод в Пинеге в сельпо за 450 руб. Оттоманка куплена до 1975 г. за 90 руб., их первый раз привезли в сельпо. Два стола сделал Исакович (А.И. Щербаков) за 20 руб. Стол круглый и шкаф для посуды достались вместе с домом. Холодильник «Вега» и стиральная машина ЗВИ куплены в 1980 г. за 70 и 75 руб. В 1954 г. куплена за 500 руб. швейная машинка «Зингер», на которой Александра Егоровна шила себе и сыну одежду сама. Телевизор они купили первый на селе, к ним все ходили и смотрели, как в клуб. Вася уже был женатый. Сейчас у Александры Егоровны стоит черно-белый телевизор, купленный за 180 руб.

Оценивая, как богато жили ее родители, Александра Егоровна говорит, что жили средне, но в то же время на середняков, ей кажется, не тянули, хотя корова, порой две, два теленка, до 10 штук овец, лошадь у родителей были в хозяйстве, и сенокосов было достаточно. Вся мужская часть ходила на заработки, иначе деньгами не разживешься. Ее дед и бабушка по материнской линии тоже жили по-среднему, по ее оценке, хоть у дьячка и были деньги, но она объясняет, что у них ничего своего не было: ни дома, ни хозяйства.

Свою жизнь, считает она, прожила по-среднему, не хуже других, но и особого богатства не нажила. Надо отметить, что для одинокой женщины она жила достаточно устойчиво: и дом завела, и хозяйство; правда, помогал брат Василий, что она всегда подчеркивала. Раньше, до коллективизации, при единоличном хозяйстве богатство семьи определялось наличием земли, рабочих рук и душ, на которые давали землю, сенокосы. Разработать новые земли можно было только имея свободные руки и огромное трудолюбие. Наличие мужчин определяло доходы от охоты и лесозаготовительной деятельности. Количество скота ограничивалось кормами. Среднего достатка семья держала лошадь, две коровы и до десятка овец.

В годы коллективизации, войны основным богатством были хлеб, продукты. В настоящее время ей трудно определить, что является богатством: деньги большие и бестолковые, а что другое осталось? Фермерство в ее сознании то же, что единоличное хозяйство. Но оно, по ее мнению, доходов не принесет, а на лесе не наживешься, у него и хозяин другой, и леса уже нет, весь вырубили.

История знаний, умений и навыков

Александра Егоровна до 12 лет училась в школе в деревне Нюхча и Занюхча, куда школу перевели. Она закончила 4 класса, о дальнейшем образовании говорить не приходилось – надо было идти зарабатывать на кусок хлеба. Но она была смышленая девочка, и четыре класса – это большое образование для деревни того времени. К тому же Александра Егоровна обладала хорошими способностями к учению: ее перевели в третий класс из второго через полгода учебы. Девушкой 16 лет ее от колхоза послали на курсы учиться на бригадира. Курсы были в деревне Ваймуши рядом с районным центром Карпогоры. На курсах шесть месяцев она обучалась тому, как вести сельское хозяйство, как землю обрабатывать, агрономии, учету и нормированию, а также была «политика», как выразилась Александра Егоровна. После этого работала в колхозе бригадиром. Бригадир организовывал работу людей в бригаде, вел учет этой работы, начислял трудодни. Организовывать надо было все виды работ: и в полеводстве, и в животноводстве, и кормопроизводстве. У бригады были свои пахотные земли, сенокосы, лошади и коровы. При этом сам бригадир работал вместе со всеми, организовывал народ личным примером, хотя мог и не работать, ему и так шли трудодни. После трех лет работы бригадиром Александру Егоровну колхоз отпустил работать продавцом на лесопунктах. Отсюда в 1939 г. ее послали учиться на курсы трактористов в Шотогорку, где она училась четыре месяца. На курсах изучали устройство трактора, как его ремонтировать, обучались вождению. Александра Егоровна сдала на тракториста II разряда, I разряд давали после вождения, нужен был стаж. Тракторы были газогенераторные, топили их дровами, которые хранились в будках на дорогах, специально заготавливали. У будок заправляли полный бункер да еще везли с собой какой-нибудь запас. Так Александра Егоровна перешла из колхоза работать в лесопункт. Трактором возили грузы, вывозили лес.

Замужество, а вернее, начавшаяся война, изменили ее судьбу: муж погиб на фронте. А сама она с ребенком поехала жить в Усть-Покшеньгу к родителям мужа. Здесь она работала бригадиром полеводства, животноводства, кладовщиком на колхозном складе, кассиром колхоза. Трактористом ей работать больше не довелось. Тракторы «газуха» давали лесной промышленности, а в колхозы тракторы пришли на несколько десятков лет позже и уже не газогенераторные.

Сама Александра Егоровна умеет делать все домашние работы, как мужские, так и женские. Она умеет шить, вязать. Как она говорит: научилась сама.

Сын ее семь лет учился в кобелевской семилетней школе, еще три года в карпогорской средней школе. Она очень хотела дать образование сыну, выучить его дальше на инженера. Но, как она говорит, из колхоза ему справку не дали, не отпустили. Вася – механик-самоучка, шофер, окончил курсы шоферов. Он и тракторист, у него, как говорится, «золотые руки». Он ремонтирует всю технику в отделении.

Бабушка и мать Александры Егоровны умели ткать из льна, конопли, овечьей шерсти. Самой Александре Егоровне этим заниматься не пришлось, ее молодость прошла в общественном труде, для обучения ткачеству не осталось времени. Но прясть Александра Егоровна умеет. Из овечьей шерсти прядет нитки, вяжет носки, варежки, безрукавки и кофты. Последнее время это у нее уже не получается, руки не слушаются. Утром в 8.00 и вечером в 20.00 вот уже 30 лет день изо дня она ходит на Пинегу и меряет уровень и температуру воды. Утром эти сведения она отправляет по служебному телефону в местную контору Гидрометцентра, расположенную в городе Пинеге. За свой труд она награждена медалями и грамотами.

История соседства

Александра Егоровна – приветливая и гостеприимная женщина, такими же были ее мать и бабушка. Бабушку Матрену Николаевну все уважали, хоть она и дьячкова жена, но ходила работницей: и избы мыть, и на сенокос, и хлеб жать, и сама пряла, ткала, шила. Мягкой и работящей была и мать Александры Егоровны, Мария Павловна, которая последние 12 лет жила с дочерью.

С ближайшими соседями Александра Егоровна была в основном в дружеских отношениях. Полное несогласие у нее только со свекром и свекровью. Она пыталась отделиться от них, разделив дом, но это закончилось тем, что она «отошла» от них без всякого имущества и начала самостоятельную жизнь в непосредственном соседстве. Нельзя сказать, что Александра Егоровна очень дружит и с братом мужа, скорее, дальше «здравствуйте» отношений никаких не существует. Здесь сыграло свою роль то, что пост водомера в 1962 г. достался Александре Егоровне как матери-одиночке, а не Пелагее – жене брата мужа. Через дом от нее жил Илья Егорович Богданов, дядя ее мужа. С ним у нее были дружеские отношения. Он ей помогал по мужской части работ, например, погрузить лес и вывезти его, перестроить дом. Екатерина Ефимовна (жена Ильи Егоровича) обычно вместе с Александрой Егоровной стрижет овец. Через четыре дома от нее живет Анна Яковлевна Богданова, жена бывшего управляющего отделением, заведующего МТФ Ни-

колая Александровича, он умер летом 1992 г. На него сохранилась обида и за то, что он пытался лишить ее законной премии, и за то, что он выучил всех своих детей, а ее сына было некому защитить, настоять на том, чтобы его отпустили из колхоза на учебу. Начало развала колхозного хозяйства в памяти Александры Егоровны тоже связано с его именем. Но при этом сохранились дружеские соседские отношения. Александра Егоровна ходила и на похороны, и на поминки Николая Александровича. Александра Егоровна дружит с племянницей свекрови, живущей в Лохново, у нее есть подруга Вера, что живет за рекой, на Мариной Горе. Она дружила со своими сватами из Жабея, пока они были живы.

Большая дружба связывает ее с семьей брата Василия, который жил на Сахалине. Племянники сестер и братьев не забывают ее, присылают посылки, делают подарки. Так же сложились у нее отношения с сестрами невестки Тони, они делают ей покупки, шлют подарки.

Во время исследования на Усть-Покшеньге дважды были похороны: умер сначала Николай Александрович Богданов, а потом – Илья Егорович. Александра Егоровна была на обоих похоронах, а также на поминах на 9-й и 40-й дни. Когда умерла ее мать, к ней приходили односельчане и помогали организовать похороны.

В хозяйстве ей помогают сын, внуки и внучки. Невестка наведывается к ней реже, но она ведет все «дела» Александры Егоровны: получает ее пенсию, зарплату водомера, оплачивает все ее счета, оформляет подписку. Свою зарплату водомера Александра Егоровна полностью отдает семье сына, правда, они из нее оплачивают все расходы бабушки, покупают продукты. Хотя Александра Егоровна вот уже полвека живет в Усть-Покшеньге, она все равно не местная, она родом с Нюхчи, с верховьев Пинеги. В деревне все ее знают, и она знает всех в округе. Уважением она пользуется, и по ее мнению, и по нашим наблюдениям, и по отзывам односельчан.

История связей с внешним миром

О поездках Александра Егоровна рассказала нам в третьей беседе с нами. Из ее рассказов о родителях ясно, что отец много ездил: в армии служил до женитьбы, ходил на отхожие промыслы, так же как и ее братья. Они ездили на заработки в Мезень, Печору, Кандалакшу. Трое ее братьев погибли на Великой Отечественной войне, так же, как и муж Константин. Брат Василий после войны оказался на Сахалине, остался там жить, там и похоронен. Отец ее также умер и похоронен не дома, а во время сплава утонул и похоронен на реке Пюле. Сестра с детства ушла работать на лесосплав и домой потом так и не вернулась. Сама Александра Егоровна «напутешествовалась» из-за лесосплавов. Лес сплавляли порой до Архангельска, оттуда плыли пароходом до Верхней Тоймы, а потом шли до верховьев Пинеги, покупали лодку и на ней спускались до своей де-

ревни. До 1978 г. с ней жил сын со своей семьей, а у него в семье шесть детей, только последний, Николай, родился в новом доме, а все остальные родились и выросли здесь у бабушки Саши. Конечно, это ее гордость, забота и боль. Дом свой она отписала старшему внуку Гене. Об ее внуках рассказано в истории семьи Антонины Николаевны Богдановой.

Изменения в семейной истории
Александры Егоровны Богдановой, 2002 г.

Года четыре назад переехала к сыну и живет в семье Антонины Николаевны и Василия Константиновича Богдановых, здесь к ней относятся с вниманием и уважением. Она занимает отдельную комнату, у печки стоит ее кровать, дверь из комнаты ведет на улицу, куда Александра Егоровна всегда может выйти, минуя другие жилые помещения. К каждой семейной трапезе ее обязательно приглашают, за столом у нее свое удобное место, свои столовые принадлежности, а при чаепитии чай подается в ее персональной чайной паре. Все знают, что это бабушкино.

В баню она ходит с Людой, потому что одна мыться уже боится, может упасть. Иногда в хорошую погоду выходит прогуляться и заходит в гости к кому-нибудь из знакомых. Мне она рассказала, что однажды пошла прогуляться в лес вблизи деревни и, хотя хорошо ориентируется в лесу, заплутала, еле вышла, ее кружило по одному месту. Она логически все продумывала, отмечала, где идет, и все равно ее кружило, лес не отпускал. К вечеру она, слава Богу, вышла, была ведь рядом! Вася с Костей уже ее повсюду искали. С того случая она не отваживается самостоятельно ходить в лес.

Александра Егоровна протрудилась всю свою жизнь, поэтому ей трудно лежать весь день без дела, и она нашла себе занятие – сидит за «прялицей-кокорицей» и на веретено прядет шерсть. Скоро всю шерсть, что в хозяйстве накопилась, перепрядет!

Каждый день она смотрит телевизор, у нее есть любимые передачи. За несколько дней мы прочитали всю историю ее жизни, она внимательно меня выслушала, внесла несколько поправок, которые я учла. Потом ее память вернулась к делам давно минувших дней. Она вспомнила, что в Нюхче и здесь, в Кобелево, когда «были единолично», был магазин, куда сдавали семенное зерно, а в неурожайные времена его выдавали на сев. На каких основаниях, она не помнит. Про Нюхчу она вспомнила, что во времена ее юности жители деревни ездили к зырянам (коми?), вели хозяйственные отношения. В свои 84 года Александра Егоровна отличается ясным умом и хорошей памятью. Из трех внучек: Люды, Кати, Светы – на Александру Егоровну больше всех похожа Катя, а ее дочь Лена, по-моему, копия Александры Егоровны. Я ей неоднократно говорила об этом, на что Александра Егоровна отвечала, что в молодости она была хороша, красивая. Маленькая Лена – очаровательный бе-

локурый ребенок с досужим умом, вечно что-то придумывает. Когда я в первый раз приехала летом 2002 г., то первым делом мы посетили кладбище. На могилы предков с нами ходила Александра Егоровна. У меня там похоронены прадедушка, прабабушка, дедушка, бабушка, дядя Петя, а у Александры Егоровны – мать. Когда мы пришли на могильники, Александра Егоровна села на могилу матери и сказала: «Когда ты меня к себе заберешь? Зажилась я!» Я ей сказала: «Сроки отпускает Бог, это не в нашей воле».

Александра Егоровна – главная героиня фильма, который сняла про деревню немецкая киножурналистка Улла Лахауэр. Меня поразило, как быстро она выбрала достойную героиню для фильма. Я ее познакомила со всеми, с кем встречалась во время исследований и кто был жив в 1994 г.

Александру Егоровну очень уважала и любила моя мама, Таисия Николаевна Томилова. Она всегда спрашивала, как там поживает Александра Егоровна, передавала ей приветы и говорила, что Тоне повезло со свекровью.

История семьи Шехиной Анны Никитичны

Респонденты: Анна Никитична Шехина, род. в 1918 г.

1992 г.

Словесный портрет Анны Шехиной: среднего роста, средней комплекции, очень подвижная. Лицо в крупных мягких морщинах, чуть сморщенное, губы большие, «вывернутые», глаза голубые, волосы светлые, с сединой. Ходит в платье, кофте или безрукавке, на голове всегда платок. Руки натруженные. Очень эмоциональная, голос подвижный, высота голоса резко меняется: может говорить тихо и доверительно и тут же издать зычный звук, чтобы ее услышали или в другой комнате, или на улице. Очень добрая, приветливая и гостеприимная, открытая для общения женщина. Особенность работы с Анной Никитичной заключается в том, что, когда спрашиваешь ее прямо что, где, когда, то она говорит, что все забыла, ничего не помнит. Но постепенно может разговориться и то, что вчера не помнила, сегодня расскажет подробно.

Выбор респондента объясняется тем, что семья Шехиной представляет 15% такого типа семей. Чем характерны такие семьи? Как правило, в них есть сын, который не женился в свое время, то есть закоренелый или вынужденный холостяк; такие холостяки живут с родителями, чаще с матерью, реже с обоими родителями, а иногда и отец с сыном. Анна Никитична и ее сын Саша коренные жители этих мест, она пенсионерка, он – работник лесничества, что позволяет отразить то разнообразие работ, которое характерно для этих мест.

Беседы с Анной Никитичной Шехиной

Беседа первая

Авт. – Когда дом перестраивали, вы все сами с мужем делали или кого приглашали?

А.Н. – Нет, нам помогали. Мы никого не звали строить дом. Все сами пришли. У нас Флавиана обожали мужики. Мы на двадцатый день домой перешли. К Флавиану все пришли, и все – в отработку. Второй сын ходил отрабатывал, помогал тоже. Мы денег так не платили. А муки я так вот набрала, тоже мукой получше и достала муки. Привезла из Карповой. Так все пекла сама. А потом я ушла на конюшню работать. Пришла, а Екатерина Григорьевна говорит: «Девка, у вас полная мужиков изба собралась, печь пришли бить, беги!» Я пришла: «Господи, помилуй!» Ну, ладить стала, водить, еду готовить. Так до 12 часов били, земля-то промерзла. Так только одну печь сбили! Помогли жонки мне!

Авт. – А вот ваш муж был инвалидом войны, ему льготы какие-то были?

А.Н. – Ак что, льготы какие-то ему были. Ему какой орден? За орден платили, дороги бесплатные были. Он ведь часто ездил в город с ногой. У него протез был, он так ходил, и тростка была. Он инвалид II группы, ак, платили. Не помню, какая пенсия, но он работал. А потом III группа была после II. Тоже не знаю, какая пенсия была, я забыла. Так мы дородно! У нас ребята уже заробили, запомогали. Он в кузнице стал, а Мишка еще пастухом был, не пастухом, подпаском, малый был. Да Василий Миронович Воронин, умер, на Холме жил. Он взял Мишу. Он два года с ним ходил. За год итог хороший получили в колхозе, вот денег много и дали. Председателем был Егор Тимофеевич Амосов!

Авт. – Какой он был председатель?

А.Н. – Строгий был, его боялись, а нынче что? Никак не боятся! Нынче и народ, тогда бывал получше был. Ныне и кака молодежь?! Все таки. Сами наростили!

Авт. – А какая мебель была в доме?

А.Н. – А у нас никакой не было. Все тут было. Шкап черный был, тамотки, в той избы стоит. А етта был какой-то другой шкап, он сгорел от пожару. Пожар был, загорело свет от плитки. Я ушла в байну-то. Все сгорело было: одежда-то. Дом отняли, а одежда вся стлела. Это было 20 годов, да поболе, муж умер. Все переделывали: все околочено, все стены. Мебель была самодельна. До меня деланы, свекровина. Не знаю, кто делал. У родителей, не помню, что и было. Но не покупное. Я не помню: нынче лежу и вспоминаю. Все ведь забыла!

Авт. – А налог вы платили после войны?

А.Н. – По 500 рублей платили налог, заем был. Я в комсомоле была: беда, что платила! Там в первую очередь больше всего требуют.

Авт. – А натуральный налог платили?

А.Н. – Платили, все платили. Собирал налоговый агент. Отца (мужа) не было, на работе. Я вот Мишку родила (1945 г.), и к нам три человека идут с описью. Господи! Отец за порог зашагнул, я на кровати лежу. Господи! Говорит: «Платила налог? С описью идут!» Я: «Как не платила! Прежде чем с описью идти, надо было памятку написать или спросить, недалеко живем! Что, платила, али нет?!» Ак, хорошо, квитанция, девка, у меня была. Эта тоже плутовала, не с одной меня. В сельсовете не секретарь, та отдельно по налогам работала. Ак, хорошо, квитанция у меня была положена на полке! Ак, все обходила меня, как неловко ей было! Платили, в Карповой молоко все носили. А у нас все молоко выполнено было. Ак я уж все забыла!

Авт. – А кто вас здесь в школе учил?

А.Н. – Августа Михайловна, попа дочка учила нас. Она (Августа Михайловна) к нам приезжала. Живет с дочерью в Москве (дочь Оля) с зятем. Я веники в сарае делала, прибежал Сережа: «Мама, поди, к тебе гости!» Веселая! Ей быва уж 90 лет скоро. Она – учительница, а дочь – музыкальный работник в садике. Августа Михайловна жила сначала в Архангельске. Муж больной, после Великой Отечественной умер. Я когда училась в Архангельске, у ей жила: два или три месяца училась, тоже не помню. В столовой поработала, так легко училась.

Авт. – А сколько у вас земли было?

А.Н. – У нас 25 соток с улицей было. Недавно, я вот из-за пензии отказалася. Пензия будет меньше, если весь будешь иметь участок. 13 соток взяла я земли-то пахотной-то, 13, с улицей, ба, больше будет.

Беседа вторая

Авт. – Анна Никитична, а где работал ваш муж, когда возвратился с войны?

А.Н. – С войны муж вернулся без ноги ниже колена. Работал в колхозе, в конторе счетоводом. Потом что-то не захотел там работать, пошел в кузницу кузнецом работать. До смерти. Он умер скоропостижно. Сначала кузница была на Усть-Покшеньге, потом сгорела, и тут работал у Кобелева, по дороге на кладбище.

Авт. – Как звали вашего отца, и откуда он родом?

А.Н. – Никита Кузьмич Попов, из Красного. Мама – Мария Егоровна Уледева, с Большое Кротово. Свекровь – Анна Никифоровна Попова, свекор – Николай Архипович, убит на гражданской войне. Свекровь жила в Нюхче, водилась. У дочери на Марьиной жила. Помер Флавиан, у меня пятеро осталось: трое в школу ходили. А Тоня и Сашка в тот год или другой, не помню, пошли (в школу). Свекровь умерла в 1968 году, три года после сына.

Авт. – Вы как замуж выходили?

А.Н. – Я работала, мы сошлись. Работала в сельпо, в столовой. Кончила 7 классов. Мама в сельпо меня послала в Карпогоры на повара учиться. Я варила в гражданском доме Игнатия Родионовича. А он на три года пустил в дом. А потом около школы был новый маленький дом, так там варили мало. Потом в этом (своем) доме готовила, до войны. А потом женилась. Еще до этого ездила на курсах на продавца. Потом сошлись. Я здесь жила, я ни с кем не ходила, да я согласилась. Я не дала слова, а после согласилась. Тринадцать годов прожили и не расписывались, не пошла в сельсовет. А когда Дину родила, тогда записались. Мы хорошо с ним жили. Сошлись с ним, бабушка у нас на телятнике работала. Война началась, я в 40-м году в положении была, уехали в Нырзу. Я зиму жила, а он и год не работал. Начальником почты сколько-то поработал. Мама заболела, я и выехала. Вода вскрылась, я на лодке и выехала. В колхоз в 40-м году вошла. Ребят-то не берут, у меня нянька была, и трудно няньку держать. Я в колхоз и пошла в 40-м году. Я в ясли пошла заведующей, где столовая сейчас. Так поработала. Потом 10 лет отконюшила и два года так отработала на разных работах. Заболела и ушла на пенсию по возрасту, 50 лет. Первая пенсия была 28 рублей, у бабушки – 24, вторая – 48, а у нее – 85, потом у меня – 50, у ней – 88. В 1991-м была 206 рублей у меня.

Авт. – Вы рассказывали, что сильно болели в 1969 году, что с вами было?

А.Н. – Операция была тяжелая. Флавиан жив был, он расстроился из-за этого, наверное. Он уже помер, я еще все не работала. Только доила корову, а обряжал корову он. Рана не заживала, дефикат-инфильтрат какой-то был. Аппендицит. Меня сначала резали в Карпогорах, говорят: «Пятая такая операция неудачная!» Я и матюкалась, и сказала: «Только угробьте меня, угробьте-ко, заявлю!» Дала обет, кто овсе худо живет, денег дам, 20 или 30 рублей, если не умру. Так отдала. Год не робила. Я пришла к врачу, а он не знает, что и делать. Он хотел мне операцию делать, а хозяин-то умер, а они не знают, что со мной делать. Говорят: «Он у тебя инвалид войны?» Я: «Инвалид». Вот на егову пенсию хотели. Я говорю: «Быват я справлюсь, на шо еще мне пензия». Ушла. В райсобес пришла на ребят оформлять пенсию. Райсобес написали: «Если можете». Врач уехал, сам виноват. «Сделайте ей пенсию». За ребят получала, но сколько, забыла. Долго лечилась после операции. Теперь уж 28 лет прошло. Конюшня у водокачки, 20 лошадей. Десять лет ходила за ними. Дети помогали: корм, воду, в выходные убирать помогали.

Авт. – Сколько у вас было детей?

А.Н. – Детей всего было 12. Двое померло маленькими: трех месяцев да двух. Отчего? Не знаю. У девушки родимец, наверное, был. Вся посинела. Ка-а-ак мы жалели! Первая, Роза, родилась 17 сентя-

бря 1937 года. Семь классов кончила. Все у меня в школу ходили, училися, хоть и Флавиан помер. Роза после школы в Северодвинске маляром выучилась и там хорошо работала. У ней до черта грамот. Сюда не возвратилась. Второй Коля, 1939 года. Учился в школе 7 классов. Учился на тракториста, где, забыла. Работал в колхозе до армии. Из армии приехал, поступил в химию работать. В Пильменге эту серу-то гонят. Женился здесь, жена из-за реки. Живут в Русковере. Учиться на тракториста из Пильменги ездил. Третий Гена, 40 года, помер. Четвертая Нина, 1943 года, муж с войны вернулся. Пятый Миша, 1945 года. После школы, 7 классов, Нину Роза увезла в Северодвинск. Прописаться трудно, и она устроила ее в няньки на один год, при заводе у инженеров. Ей было, не знаю, после 7 классов, но она год со мной работала в конюшне. Приехали, как хорошо живут! Деньги есть. Нина нянчит, мальчику три года. Поглянулось там. Вина ни который не пьют. Я и согласилась. Они через год ее на работу на завод устроили, в Северодвинске. И там живет, через два года на пензию пойдет. Миша учился 7 классов. Он сколько-то в колхозе робил до армии. Он учиться в Пинег на тракториста ездил, а потом работал в Русковере. Быва год, два ли робил, а потом в армию забрали. Из армии опять тут в Русковере робил трактористом. Женился на немнюжской, две девочки. Жена все болеет, у нее камни удаляли, а потом что-то с прямой кишкой, не назвать мне болезни. Операцию делали в Архангельске. Сложная операция. В 1948 году Дина родилась. Потом те двое, что померли, нет в начале: Виктор, в 1950-м, Антонина, в 1952-м, а потом уж те, двое. Последними родились Александр, 1957 года и Сергей, 1960 года.

Авт. – Вот вы живете в доме мужа, а вы не знаете, когда и кто его строил?

А.Н. – Дом свекра. Кто строил, не знаю, уж сам-то строил! У них старый етта дом был. Мы с мужем перестраивали этот дом после войны. Весь заново, он у нас большой был. Дом был высокий, на подклете. После войны строились. 35–40 лет как дом перестроили. Колька уж вырос, помогал строить-то.

Авт. – А приданое у вас было?

А.Н. – Было, как не было-то. Платьишка-то были, а такого старинного ничего не было. Постельное свое, подушки, одеяла, посуды много было. И дом в Красном хороший был. Мама изо льна ткала, а сейчас никто не ткет. Я не ткала. Сейчас у нас в Красном Машка Лаврентьева ткет. Половики ткет.

Авт. – Анна Никитична, а кто жил богаче здесь, в Красном, Жабее?

А.Н. – Кто богаче, когда молода? В Жабье там богаты были, очень бедных-то не было. Раньше-то просили, я этого-то не запомнила. А после войны в Жабье слабо жили, там голод был. У нас-то етта не было. София-то Исаковича мох-от пекла, из городи приехала, а так-то не было. Усть-Покшеньга нас выручала. Там Пинега,

так не убивало морозом-то (хлеб). Житники меняли чужие, приезжие. Я ничего не меняла, мне и не взять. У меня и свекровь тогда работала. Только мама полотенце взяла за житник, накормила. Я ее ругала, боле могла дать-то. В Жабье умирало во время войны и после войны. До войны голод был, из города сухари везли. Вот Анатолий Артамонович из армии приехал, он еще холостой был. Он приехал. Все ревут: «Нечем сына покормить!» Александр Иванович Попов принес, дядька, два житника. Анатолий Артамонович говорил: «Знал бы, что голод, я бы не приехал!» Из армии в гости приезжал.

Авт. – А здесь кого-то кулачили, их высылали из деревни?

А.Н. – В деревне были уже старые, уехали в город. Деомида раскулачили. Парамон в том доме, что сельсовет, лавка была у него. Уехали куды-то. Одна Настасья, хозяйка жила, ак, все описано было. В сельпо привезли все, что описано, было в ящиках. Я поэтому и запомнила. Так ящики пусты, а описано было 94 предмета. Сами вытащили, наверное, хозяева, наверное-то. Ящики в колхоз сданы, их использовали. Кулаки те, какие зажиточно жили. Чем торговали, не помню. Раньше народ был лучше, а теперь из-за нехватки, что ли, все ругаемся между собой!

Авт. – Анна Никитична, какие праздники вы помните, и как их праздновали?

А.Н. – Праздники – очень хорошо и весело! Первый праздник: Богородица и Никола. Май да октябрьску тоже праздновали. Гостей много, мечище. На Марьиной нарушилось, и не ходят.

Авт. – А почему вы с мамой жили в сельпо, в конторе, а не в своем доме?

А.Н. – Мама в доме жила, а отец сторож был. Потом мама застарела, отец старый был. Он умер, да стала мама, да корова была. Дом продали. На том месте Анатолий Артамонович. Мама ему продала задние избы. Перед кто-то купил. А Анатолий Артамонович перед пристроил, это до войны было. Мать продала, мы в Нырзе жили, да мануфактуры накупили. А сама у меня жила. Она померла, и мы стали перестраиваться, ей уже быва 40 лет есть, как умерла.

Беседа третья

Авт. – Анна Никитична, расскажите, от кого идет ваш род Поповых?

А.Н. – Наш род от Кузьмы пошел. Отец – Никита Кузьмич. Брата Тараса не помню. Жену забыла, деденку помню. У Анатолия спроси. У Тараса сын Александр, мне двоюродный брат.

Авт. – А как звали жену у отца вашего свекра?

А.Н. – Шехина Ульяна – она Карпу Ивановичу сестра, Богданову, с Усть-Покшеньги. Ульяна Федоровна – жена Архипа.

Авт. – А откуда родом ваша свекровь?

А.Н. – Свекровь – Анна Никифоровна из рода Поповых, Никифоровичей: Василий, Дмитрий – братья. Все роды не раз пересеклись.

Авт. – А сколько детей было у свекра и свекрови, Шехиных?

А.Н. – У дедушки (свекора) у нас дети: Наталья, Флавиан, Катя. Эти живы были.

Сейчас жива одна Наталья, она живет в Северодвинске. За Николаем Зубовым замужем, с Марьиной. Детей у них: Толя, Сашка, Нина, Тоня – все, наверное. Были у нее, помирали тоже. Все живут в городах.

Авт. – А почему вашего Флавиана все любили?

А.Н. – Не знаю. Добрый был. Он у нас не бивал: палец чтоб меня когда стукнул! Никогда! Хоть я и напьюсь с жонками, он никогда не тронет! Один раз он только, свадьба была, Марк Еремеевич, Галинька, женился. У меня малый ребенок был. Я улетела тоже. Он потом встал, я когда пришла, он обутку всю упрятал. Я катанцы с калошами одела. *(Смеется.)* Он спокойный у нас был. Он в школе учился, но не знаю сколько учился. Начальником почты был, ба, где и учился. Не знаю, до меня это было... Нет, он где-то в Архангельске учился. Я там училась. Он с Катей (сестра его) меня приходил, по общежитиям искал, а я у Августы Михайловны жила. Так не могли найти меня: там по общежитиям ходили. Знали, где я училась. А я у Августы Михайловны жила, учительницы. Она учила меня. Это поповна – попова дочка.

Авт. – А кто строил дом?

А.Н. – Николай Архипович себе этот дом сам строил. Ба вместе с братьями-то. Не знаю, когда точно. Но бабушка (свекровь) была в этот дом уж взята.

Авт. – Анна Никитична, а как вы себя топливом обеспечиваете?

А.Н. – Сейчас что-то пилит (сын Саша). Он у нас и не порато (очень) расскажет. У него два выходных. На работу в 8 уходит, печки затопляет (в конторе лесничества). А дрова все Сашка берет, там дешевле. Колька (сын) тут с Русковеры привозит, да. Бани сами собой строили. Погреб с подклетом маленьким. Годов уж, ба, семь. Он сам делал.

Авт. – А сколько платил за лес?

А.Н. – Деньги? Много ли платил? *(Смеется.)* Я не знаю. Денег никаких не платили. Николай Лазаревич Щеголихин, председатель сельсовета, звонил в райисполком, что должны бесплатно дровами и лесом, как мать-героиня и вдова участника войны. Сарай для дров есть, амбар – старый, вековечный. Можно в Москву везти для выставки. Будешь жить на Красной площади, а за просмотр будут тебе деньги платить. *(Смеется.)*

Авт. – А сарай для дров сам Саша делал?

А.Н. – А всема! Выгрузка была. Они мне быстро сделали. Вода была большая, ребята приезжали с лесопунктов на выгрузку (паро-

ходов). Живо у меня сделали. У нас многие ночевали тут, ак, они быстро поставили этот сарай! А околачивала я сама! А сараю-то, ба, 20 уже есть. Отца (мужа) не было уж. Баню ставили, Сашка из армии уж вышел, ак быва уж 10, нет 8 годов как баня стоит. Баня уж вся боле истопилась.

Авт. – А где работал ваш муж после Нырзы?

А.Н. – Из Нырзы переехали, он здесь робил. После отпуска его сюда назначили. Он-то вперед уехал, а я-то была еще в комиссии. Секретарем комиссии по выборам, так меня не отпустили. Выборы окончились, все сдали, отправили, и ночью я уехала. А я не помню. Потом в кузницу ушел работать.

Авт. – С каким председателем он работал?

А.Н. – Егор Тимофеевич был у нас председателем. В той конторе работал, на Холму. С ним работал. А потом я была в ревизии долго с Марией Яковлевной Москвиной (учительница). Выбраны были. Я училась в Карпогорах. Бухгалтером ревизии ходила. Это было к основной работе. Это как ревизия в колхозе, то перевеска на Новый год, да вот хлеб с молотилки получали. Чтобы учесть. Перевеска хлеба, продуктов. Хлеб здесь в амбарах хранился, давали на трудодни. Теперь амбаров нету. Ба, и все проданы? Проданы колхозникам. У Тони тоже куплен, там на Усть-Покшеньге второй есть. У Красильниковых вот амбар куплен. У нас, у Архипа был амбар, так тоже колхозу отдан. Ак, я и не знала, я тоже бы купила. У нас ведь худой амбаришко. Двери надо переделывать.

Авт. – Хлеб вот колхозникам выдавали на трудодни, а государству хлеб сдавали?

А.Н. – Хлеб сдавали и сено сдавали. Сено мно-о-ого сдавали государству. На рыбзавод мы его возили. На рыбзаводе у них контора кака-то была. Приемщик там был, принимал. Приемщик был с Карпогор. На телегах возили. Воз накладешь да едешь. Хлеб сдавали и на трудодни получали. На трудодни-то мы много получали. Флавиан помер. Я в военкомате спросила, на какую пензию оформляться? Сказали – оформляйся на военную. Какая тебе помощь надь, мы окажем. Я ни разу нигде не стояла, не просила. Нигде нет, чтобы я плакала, просила. Да и правда, жизнь, слава Богу, все прожила, не прашивала.

Авт. – А ваш Саша где-нибудь учился?

А.Н. – Саша в лесной школе учился. Экзаменов не сдал за третий курс. Психанул, что-то сказали, ак, психанул. Его вызывали, не поехал. Тоже там братья были тогда, и все он уехал! Психанул. Николай возил его. В армию Сашу взяли в 82 году. Он у нас корью сильно болел. Он оглох, плохо слышал. У него ртом и носом кровь шла. Я не была, это в городе (Архангельске) было. Корью болел взрослым. Очень тяжело. Нас и не допускали (к нему). Запросил ягод и печенья. Я пошла, нашла. Он сейчас слышит, не овсе хорошо, но слышит. В армию Сашу призвали, он уже в лесничестве ро-

бил. Его, ба, 27 годов в армию взяли. Он служил на Дальнем Востоке. Говорят: не приехать, заблудиться! *(Смеется.)* А на похороны-то, когда Сережа-то погиб, говорят: «Далеко уж, не приехать!» Сообщили через военкомат, военкомат сообщил. На второй день, я в печь сажу что-то, говорят: «Сашка идет!» У меня лопата из рук выпала. Он самолетом прилетел. Там ребята сложились и денег-то дали. Он и летит с Ниной (сестрой). Он весь расстроился, думал, что я померла-то. Нина-то сказала, что Сережка. Он еще больше расстроился, говорит: «Мама-то теперь запьется!» Я от Гени-то пила! Тяжело было. «Мама-то, – говорит, – запьется!» Господи, ты! Но приехал-то, хорошо. Ему еще 10 суток дают. Но он говорит: «Нет, я поеду. Десять-то еще проживу, я и не поеду!» Он дослуживал. Характеристика у него хороша была написана. Так порвал ведь ее. Работает в лесничестве: Гена – мастер, Саша – лесник. Там у них начальник-от, в Земцове! Там еще лесники есть. А тут они двое. У них там машины есть: и стружит, и все делает. Обрабатывают. Да хоть лодки для своей организации делают. Они сами у себя там в конторе топят и убирают. Геня топит, Сашка помогает ему. Так там получают сколько-то денег, наверное, за это. Чомор их знает!

Авт. – После войны где вы работали? Когда вы из Нырзы выплыли?

А.Н. – Из Нырзы? До Нырзы-то я в сельпо работала. В декрет я ушла и ушла из сельпо. Меня ругали, что ушла. Мы хорошо работали, все хвалили за работу-то на собрании в Красном. В сельпо я торговала. В столовой работали и поваром работала, и продавали, и все. А потом опять деенка была, я варила. Потом я торговала, куды деваться? Бабушку ведь не оставишь, и пенсию не дают.

Авт. – А на конюшню когда вы пошли?

А.Н. – Вот на конюшню я с 40-го и пошла. Я поработала с бригадой, а потом на конюшню ушла. Во сколько годов конюшила!

Авт. – Сколько?

А.Н. – Я и не помню, тогда ведь трудовых книжек не было.

Авт. – А когда вы заболели, аппендицит был, вы ушли с конюшни?

А.Н. – Я уж ушла с конюшни. Я не могла. Я ведь год ничего не могла, ничего не делала. Потом я не работала, токо корову доила.

Авт. – А вы не помните, в каком году Дину муж застрелил?

А.Н. – Я уж все забыла, я сказать не могу.

Авт. – Так лет десять назад Дину застрелили?

А.Н. – Лет десять, одиннадцать. На похороны все ездили: и Роза, и Тоня, и Колька, и Нюра, и Саша, и Римка ездила, все ездили. Нина в больнице лежала.

Авт. – Ее там похоронили?

А.Н. – Мы хотели домой увезти, но вот ребят-то оставили, и ее там похоронили.

Авт. – Они у тех дедушки и бабушки жили?

А.Н. – Дедушки-то нет, матерь-то тоже: только один сын и есть. Она ими занималась. Она и не жила с мужиком-то. Разошлась. Мало и жила-то.

Авт. – Вы с ней переписывались?

А.Н. – А как же? Все писала. Нынче вот я плохо пишу, хуже видеть стала.

Авт. – Анна Никитична, ваш дедушка Шехинский, его здесь во время войны закололи штыками?

А.Н. – Да, закололи, я ведь не знаю!

Авт. – Но вы ведь слышали?

А.Н. – Я ведь не знаю этого деда-то, я еще не была, дак. Я не знаю, я не была. Вот Екатерина Яковлевна, я ее слыхала, ак, она говорит: «Ни за что его убили!»

Было, было. Его ведь, Флавиана, и в армию не брали, говорят. Жонки болтали тогды, я в школу ходила. А потом-то он был в армии, на почты был.

Обобщение семейной истории Шехивой Анны Никитичны

История кровного родства

Анна Никитична родилась 23 января 1918 г. в деревне Красное в крестьянской семье. Ее отец, Никита Кузьмич Попов, родился там же в 1854 г., умер в 1935 г. в возрасте 82 лет, похоронен в Кобелево. Мать Анны Никитичны, Мария Егоровна Попова (в девичестве Уледева), родом из деревни Большое Кротово, родилась в 1884 г., а умерла в 1955 г. в возрасте 71 года, похоронена в Кобелево. Отца матери (деда) звали Егор Уледев, жену его – Матрена Саввична, родом с Марьиной, там живет ее брат Иван Саввич. Никита Кузьмич вышел из рода Поповых, о котором нам рассказал Анатолий Артамонович (род. в 1910 г. в деревне Красное (Павловская). У Кузьмы было три сына: Тарас (род. в 1851 г.), Никита (род. в 1854 г.) (отец респондентки), Захар (род. в 1863 г.). О Кузьмичах Анатолий Артамонович сказал: «У них род не размножался». Все три брата, Тарас, Никита, Захар, были неграмотными. Занимались все землепашеством. Никита при колхозе работал сторожем сельсовета, хоть и был уже старый. Никита женился поздно, разница с женой была в 30 лет. Анна Никитична не знает, сколько детей у них было, потому что после нее была Мария – их последний ребенок. Когда она родилась, отцу было 67 лет, а матери – 37. Дети у них рождались и умирали. Сестра Мария родилась в 1921 г. и умерла в 1937 г., в возрасте 16 лет от воспаления легких.

Анна Никитична – единственный их ребенок, достигший фертильного возраста. Она окончила семь классов в Кобелево, курсы поваров и продавцов, работала и по специальности, и заведующей

яслями, и конюхом. Почти всю жизнь прожила в Кобелево, в околке Шехино. Это родовое место ее мужа Флавиана Николаевича Шехина (род. 18 февраля 1911 г.).

Отец мужа, Николай Архипович Шехин, родился 6 апреля 1883 г. в Шехино, погиб во время гражданской войны в 1919 г., похоронен в Кобелево. В 1904 г. он женился на Поповой Анне Никифоровне (род. в 1888 г. в деревне Красное), неграмотной. Анна Никифоровна умерла в 1969 г., похоронена в Кобелево. В колхозе работала телятницей. В семье Шехиных было четыре ребенка, три дочери и один сын Флавиан, муж респондентки. Старшая дочь Наталья родилась в 1906 г., когда отцу было 23 года, а матери – 18 лет. Последняя дочь, Екатерина, родилась в 1915 г., а умерла в 1984 г.

Отец Николая Архиповича, Архип Кузьмич, родился в 1848 г. здесь же, в Шехино. Жена у него была Ульяна Федоровна (род. в 1852 г.). Когда умерла, неизвестно. У Архипа был брат Андрей (род. в 1850 г.). Дочь Николая Архиповича Наталья уже немолода, доживает жизнь у детей в Архангельске. Муж ее Николай Зубов родом из д. Марьиной, где они и жили вместе, 30 лет назад повесился. Пятеро детей (один сын умер) живут в городах. Дочь Катерина Архиповна умерла, жила в Архангельске, была взята туда во время войны. Муж был убит на войне. Жила хорошо, у нее сын, женат.

В семье Анны Никитичны и Флавиана Николаевича было 12 детей, из них только двое умерли в младенчестве. Анне Никитичне присвоено звание мать-героиня.

Первая дочь, Роза, родилась 18 сентября 1937 г., когда матери было 19 лет, а отцу – 26 лет. Роза закончила 7 классов в Кобелево, и летом ее увезла двоюродная сестра в Северодвинск на каникулы со свидетельством о рождении. Роза осталась в Северодвинске (с 1951 г.), три года училась в училище на маляра. Работала маляром в строительстве, сейчас на пенсии. Муж ее, Александр Сергеевич Кукушкин, родом из Липецкой области, работает на заводе, 54 года. В семье Розы два сына. Квартира 2-комнатная, с ней живет сын Владимир, женат на девушке из Белоруссии, которая работает поваром в яслях. Сам он окончил политехнический институт, теперь инженер на заводе. Сын Игорь в армии не служил (сохнут руки) работает на заводе. Дважды женат, живет у второй жены. У Розы есть огород и погреб.

Сын Николай родился в 1939 г., закончил 7 классов в Кобелево, курсы трактористов в Пинеге. Три года служил в армии, потом работал на подсочке в лесхимартели в Пыльменге. Когда артель соединили с леспромхозом, выучился на тракториста и после этого живет и работает в Русковере. Женат на Анне Петровне Земцовской (род. в 1940 г. в деревне Лохново). Жена работала продавцом, пекарем, сейчас на пенсии. В семье было 9 детей, сейчас 8. Один мальчик, Сашенька, умер два года назад, когда учился в 5 классе. Причина болезни – внезапный испуг, он упал в большую воду во

время дождя, после этого у него началась слабость. По два месяца лежал в больнице, его отпускали, и снова клали. Так он болел два года, пока не умер. Внук Коля (род. в 1964 г.) после армии остался в Северодвинске, в милиции – в службе внутренней охраны. Женат, есть дочка. Внучка Нина в Пиремени работает в связи, училась в Северодвинске, замужем, двое детей. Внук Юрий (похож на деда Архипа), живет и работает в Северодвинске. Внучка Галя, 20 лет, работает в милиции в Архангельске. Внучка Ира, 18 лет, работает в связи. Внук Василий служит в армии, внук Алеша в 10-м классе, Вова – в 3-м классе, живут с родителями.

Сын Геннадий родился в 1940 г., единственный из детей Анны Никитичны, родившийся в Нырзе, все остальные дети родились в Кобелево. После 7 классов работал в колхозе, потом служил в армии. Женился, жил и работал в Шилеге. В 1965 г. умер на берегу Покшеньги от сердечного приступа, возвращался в Шилегу от матери. У него двое детей.

Дочь Нина родилась 2 октября 1943 г. После 7 классов год работала в колхозе. Потом уехала к Розе в Северодвинск, год проработала нянькой в семье инженеров, которые затем устроили ее на завод лаборантом. Живет там по сегодняшний день. Муж Виктор Николаевич Синичкин родом из Рязани. У Нины двухкомнатная кооперативная квартира, дачи нет, но держит огород вместе с братом Виктором. Один сын, Сергей, два года как пришел из армии, работает в кооперативе, хорошо зарабатывает.

Сын Михаил родился 29 декабря 1945 г. Окончил 7 классов в кобелевской школе, окончил курсы трактористов в Пинеге и работает в леспромхозе в Русковере трактористом. Жена, Мария Евдокимовна Рубцова, родом из Немнюги, работает пекарем. В семье две дочери: старшая Татьяна учится на 3-м курсе Архангельского мединститута, а младшая – в 5-м классе. Живут богато, в Русковере квартира трехкомнатная, у жены в Немнюге – дом, баня, хозяйство: огород, поросенок, 6 овец.

Дочь Дина родилась 5 апреля 1948 г. Окончила среднюю школу в Карпогорах. Дина после школы работала в военкомате, выучилась на бухгалтера в Архангельске. Вышла замуж за Анатолия Яхнова, лесничего, родом из Горьковской области. Он работал вначале здесь, а потом увез жену в свои края. Там работал лесничим, а она – бухгалтером. Двое детей: сын и дочь. Когда сын ходил во 2-й класс, а дочери было три годика, Дину на глазах у детей застрелил муж. Он отсидел 6 лет. Дети воспитывались у «горьковской» бабушки, у которой сын – единственный ребенок, а с мужем она развелась еще в молодости. Анна Никитична с ними переписывается. После Дины была девочка Валя, умершая в младенчестве от родимца.

В 1950 г. 16 сентября родился сын Виктор. Виктор закончил 8 классов в Кобелево. Три года учился на тракториста в Пинеге, работал в Русковере. Служил в армии с 1968 по 1971 г. После армии

работал на тракторе в Шилеге. Женился на Римме Мансуровой, одногодке, однокласснице, родом из деревни Жабей. Она после 8-го класса работала на ферме, на маслозаводе в Жабее, а потом уехала в Северодвинск учеником на завод. После женитьбы Виктор переехал в Северодвинск, где работает слесарем. У них два мальчика: Максим учится в 1-м, а Игорь – в 3-м классе. Своя трехкомнатная квартира, огород – сажают картофель. Есть дача в Кобелево, бывший родительский дом Риммы, перевезенный из Жабея.

2 января 1952 г. родилась дочь Антонина. После школы Тоня уехала в Северодвинск, вышла замуж за Ивана Окулова из Мезени, он работает плотником на заводе. В семье два сына, один, третьеклассник Сергей, очень болен, вряд ли будет жить. Алеша – в 6-м классе. У Тони двухкомнатная квартира, дача, огород.

Сын Александр родился 29 августа 1957 г., окончил 8 классов, работал в колхозе, потом учился на лесника в Архангельске. С 1982 по 1984 г. служил в армии. Сейчас живет с матерью, работает лесником в Земцовском лесничестве.

Последний сын Сергей родился 17 июня 1960 г., когда матери было 42 года, а отцу – 49 лет. После армии Сергей поехал работать токарем в Северодвинск, в 1983 г. переехал жить к матери и начал работать в совхозе. В 1984 г. погиб от аллергического приступа после отравления минеральными удобрениями. Похоронен в Кобелево. После Тони в 1955 г. в семье родился мальчик Борис, прожил 5,5 месяца и умер. В свидетельстве о смерти указана причина смерти: бронхит, диспепсия.

Анна Никитична жила в браке сначала под девичьей фамилией. С мужем они сошлись в 1936 г. Ее сватали бухгалтер сельсовета Василий и подруга Евдокия. Сватовство состоялось в присутствии матерей. Анна сначала отказала, так как была молода, а потом уж согласилась. Брак они зарегистрировали 9 апреля 1948 г., когда Анна Никитична родила дочь Дину. Когда они поженились, у Анны Никитичны в приданое было все постельное, одежда и много посуды. Муж Анны Никитичны инвалид, вернулся с фронта в 1942 г. без ноги, у него был протез, и он ходил с тростью. Хотя он инвалид II группы, инвалид войны и получал пенсию, продолжал работать. Сначала счетоводом в конторе колхоза, а потом – кузнецом. Умер в 1965 г. скоропостижно на строительстве дома директора школы. Похоронен в Кобелево. Поскольку Флавиана очень любили в деревне, то в похоронах принимали участие все односельчане. Хоронили по местным обычаям.

Дочь Дина у Анны Никитичны похоронена в Горьковской области, в Нижнем Красном Яру. Хоронили ее по обычаям тех мест, отпевали в церкви. На похороны ездили сестры Роза, Тоня, братья Николай и Александр.

Анна Никитична сначала работала продавцом в гражданском доме Игнатия Родионовича Щеголихина, потом готовила в доме буду-

щей свекрови. Столовая сельпо в доме Шехиных была три года. Дом у Шехиных большой, в нем держали колхозных коров, и когда Анна Никитична вышла замуж за Флавиана, то свекровь была телятницей в колхозе, и коровы были на дворе ее дома. Отец Анны Никитичны умер в 1935 г., а семья Поповых вступила в колхоз в мае 1931 г. Семья, как бедняцкая, не выплачивала натурального налога и не держала скота. Вспоминая то время, Анна Никитична говорила, что до войны голодно было в Красном, Жабее. Кобелево голод обошел стороной, так как оно было в одном колхозе с Усть-Покшеньгой, которая всегда выручала их хлебом. До войны, в 1940 г., мужа Анны Никитичны как начальника почты перевели в Нырзу. Там Анна Никитична родила сына Гену. Муж там проработала менее года, и они возвратились в Кобелево. Началась война. Флавиана призвали на фронт в 1941 г. Он попал в блокадный Ленинград. Был ранен, потерял ногу. Лежал в госпитале на Урале. Анна Никитична без мужа вступила в колхоз, и чтобы как-то пристроить своих детей, пошла работать в колхозные детские ясли заведующей, потом Анна Никитична десять лет отработала на конюшне конюхом и два года – на разных работах до выхода на пенсию в 1968 г.

В семье стали вырастать дети. В 1953 г. уехала в г. Молотовск (ныне Северодвинск) и устроилась там жить Роза. Дети вырастали и постепенно покидали дом вслед за старшей сестрой. Девочки – хитростью, под предлогом поехать в гости, а мальчики или шли работать в леспромхозы, или после армии оставались работать в Северодвинске. Только последние два сына решили остаться жить в родной деревне. В 1964 г. Анне Никитичне сделали операцию удаления аппендицита, неудачно, она очень долго болела. В 1965 г. умерли ее муж и сын Геннадий.

Когда умер муж, у нее на руках осталось пятеро детей, из них трое школьников. В свое время они не регистрировали свой брак 13 лет и сделали это только после рождения дочери Дины. Оставаться юридически матерью-одиночкой был какой-то резон. Так поступала не она одна в деревне. Например, так же сделала Мария Яковлевна Москвина, учительница математики в кобелевской школе, жена председателя колхоза Ивана Игнатьевича Тыркасова. С Москвиной Анна Никитична была выбрана в ревизионную комиссию. Они проверяли хлеб, продукты, которые хранились в колхозных амбарах, перевешивали их – это была дополнительная работа. Анна Никитична вела активную общественную деятельность, несмотря на свое многочисленное семейство: кроме участия в ревизионной комиссии, состояла в выборной комиссии, была комсомолкой, участвовала в политучебе, и, как она сама отмечает, комсомольцы ее времени всегда шли на самую страдную работу. С комсомольцев и налоги брали строго, и работали без всяких отпусков.

После смерти мужа она получала пенсию на детей, а когда вышла сама на пенсию, то оформила пенсию через военкомат.

В военкомат она может обращаться за помощью, но она не любит этого делать и не делала. Муж Анны Никитичны награжден орденом Отечественной войны, медалями: «За доблестный труд в Великую Отечественную войну» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С орденом он вернулся с фронта, а медалями награжден в 1946 г. Анна Никитична награждена орденом Материнской славы I степени (17 октября 1958 г.), а 28 февраля 1962 г. ей как матери, воспитавшей десять детей, присвоено звание «Мать-героиня» с вручением золотой звезды.

История вещей

Дом, в котором живет Анна Никитична с сыном Александром, построил ее свекор Николай Архипович Шехин. Анна Никитична не знает историю его строительства, но ее свекровь была взята замуж в этот дом. Дом был большой, высокий, на подклете. Двор для скота был огромным, с большим хлевом и конюшней. Родительский дом в Красном после смерти отца Никиты Кузьмича мать Анны Никитичны продала: перед, она не помнит, кому, а задние избы с двором – Анатолию Артамоновичу Попову. В 1956 г. дом полностью перестроили, но и сейчас он просторный и большой, только жилая площадь дома составляет 80 кв.м. Хотя на вопрос: «За сколько бы вы продали свой дом сейчас?» – Анна Никитична ответила: «Худой дом, никто не купит». Когда дом перестраивали, то помогали мужики, соседи, односельчане – потому что очень любили ее мужа Флавиана. Сын Николай, 18 лет, тоже помогал отцу, а потом сам ходил в отработку к помогавшим перестроить дом.

Дом сейчас состоит из просторных сеней, двух передних изб, боковой горницы и двора с поветью и хлевом – все это под одной крышей. В 1976 г. дом горел. Пожар начался в двух передних избах из-за неисправности в проводке, когда Анна Никитична мылась в бане. Дом отстояли от огня, но внутри двух изб сгорела вся мебель, истлела вся одежда. Эту часть дома ремонтировали, обивали внутри, завели новую мебель. Анна Никитична все думает, что дом ее сгорел по какой-то тайной примете. Здесь существует вера, что от пожара спасает редкая икона Николая Угодника с лесенкой в руках. Во дворе дома находятся: амбар 1918 г., баня 1965 г. и новая баня 1986 г., погреб с подклетом 1978 г., сарай для дров. Старую баню сын Саша использует как мастерскую. Местная молодежь мужского пола называют ее «Шехинским клубом». Это место, где вечером можно собраться, поиграть в карты, поговорить, иногда и выпить.

Мебель в старом доме была в основном вся самодельная. Нынешняя куплена вся лет 30 назад. Это два шифоньера, буфет, книжный шкаф, тумба под телевизор.

При доме участок в 13 соток, раньше было 25. Корову Анна Никитична держала, пока не выросла дочь Антонина, а потом завели

овец. Сейчас у нее откармливается поросенок, которого в 10-дневном возрасте привез сын Виктор из Северодвинска. Летом кормили овцу, осенью зарезали для личного питания. Скотины Анна Никитична держать больше не хочет, уже старая, болеет часто.

Одежду всю носят покупную. Даже в приданое Анне Никитичне мать ничего такого старинного не давала, у нее все было покупное. Старинное – это домотканая, самодельная одежда: сарафан, рубашки, подрубашья, кофты, полушубки. Анна Никитична – трудолюбивый и хозяйственный человек и считает, что жизнь свою прожила в сравнительном достатке. Для нее более значительными событиями были ранение и инвалидность мужа, его смерть, смерть троих взрослых и двоих маленьких детей.

История знаний, умений и навыков

Анна Никитична окончила 7 классов, училась в кобелевской школе. До сих пор помнит свою первую учительницу Августу Михайловну, дочь попа. Долгое время она поддерживает с ней связь. Сейчас Августе Михайловне под 90 лет и живет она в Москве. Когда Анна Никитична училась перед замужеством в Архангельске на продавца, она несколько месяцев жила у Августы Михайловны. Несколько лет назад Августа Михайловна приезжала в гости в Кобелево. После школы Анна Никитична по решению матери училась в сельпо в Карпогорах на повара. Работала до войны поваром, а потом – поваром и продавцом в сельпо, в столовой Кобелево. Ухаживать за скотиной Анна Никитична научилась от матери, как и всему крестьянскому труду.

Муж Анны Никитичны учился в Архангельске, где, она не помнит, и после этого стал работать начальником почты. Когда он возвратился с войны, поработал счетоводом в колхозной конторе, но потом ушел с этой работы и стал кузнецом. С чем был связан его уход, Анна Никитична не помнит, не знает. По нашему мнению, это связано со сменой начальства и разногласиями. Флавиан плотничал, строил дома. Все эти навыки приобретаются непосредственным обучением с малых лет, на Севере их имеет каждый мужчина. Мужик на севере без топора – невероятная картина! Его сыновья тоже приучены к этому роду занятий. Летом приезжал сын Виктор из Северодвинска в отпуск. Все время отпуска он занимался срубом для дачи племянника, сам племянник и Саша помогали. Саша сам срубил баню, сарай для дров. Он умеет бить скот, его часто приглашают для этого соседи. Он научил этому делу своего друга и соседа Гену Богданова. Сам Саша после школы работал в колхозе пастухом, потом поехал учиться в лесную школу в Архангельске, на последнем (третьем) курсе у него вышел какой-то конфликт, и он приехал с учебы без диплома. Работает лесником в Земцовском лесничестве, контора которого расположена в Кобелево.

История соседства

Как уже ясно из вышесказанного, семья Шехиных чрезвычайно общительна. Их дом расположен в самом центре Кобелево, на бойком месте. Жители Кобелево, Красного, Жабея, – все идут мимо них в магазин, а жители Усть-Покшеньги, Околка, Холма, Пальцовки проходят мимо по дороге в контору, в сельсовет, утром – на работу в Красное. Анна Никитична очень дружна с семьей Богдановых – Ильей Егоровичем и Екатериной Ефимовной. Они ей помогали в похоронах мужа, напекли целый короб хлеба. Когда умер Илья Егорович, Анна Никитична принимала активное участие в организации его похорон.

Анна Никитична очень дружит с семьей Антонины Николаевны Богдановой, которая живет почти напротив ее дома. Она заходит к ним каждый божий день – позвонить, просто поговорить. У Тони она берет по литру молока каждый день. Если ей звонят дети, то кто-нибудь из Богдановых бежит позвать к телефону Анну Никитичну. Приглашают друг к другу на семейные торжества.

Очень дружна Анна Никитична с Евстолией Семеновной Щеголихиной, которая моложе ее на несколько лет. Она родом из Лешукони. Они считают друг друга «сеструхами», потому что у обеих никого нет здесь из близких родственников, кроме сыновей, которые работают вместе в лесничестве: Гена – мастером, а Саша – лесником. Сближает еще одна тема – оба парня холостяки.

Из рассказов Анны Никитичны явствует, что она любила попеть, повеселиться, выпить в компании. Но она всегда помнит, что «хоть пьян, да будь всегда умен», и умеет держать язык за зубами. Ее мужа Флавиана, как она часто упоминала, мужики просто обожали. За что? Она считает, за доброту и отзывчивость, он и ее никогда не ругал и пальцем не коснулся.

Это передалось и детям, сыновьям. Они все ее любят, ездят летом в отпуск. Приезжал Виктор с Риммой, и хотя у них свой дом стоит в Пальцовке, но они весь отпуск прожили в доме матери.

Саша тоже вырос общительным, его «клуб» – единственное место от Усть-Покшеньги до Красного, куда можно прийти молодежи и холостякам каждый вечер. Причем это сугубо мужской клуб, особы другого пола там не бывают.

Дружба выражается в том, что с теми, с кем дружишь, можно доверительно говорить обо всем: обсудить свои семейные дела и чужие проблемы, твердо зная, что это не станет предметом сплетен; последние события не только в селе, но и в стране. Дружба – это и всякого рода взаимопомощь, когда можно одолжить деньги, продукты, какие-нибудь хозяйственные орудия, домашние приспособления. Дружба – это и радость совместных праздников, семейных дат, разделенные горе и печаль потери близких людей. Анна Никитична уважаема в деревне, так же, как и ее сын, они труженики, лю-

ди с чистой совестью, не хапуги и не воры. Их обоих знают в Кобелево и Красном, так же, как и они знают всех. В деревнях знают не только людей, но часто и собак, и у кого, чьи живут кошки, кто кому дал котенка. Дружат семьи, дружат и животные.

История связей с внешним миром

В молодости, до 1936 г., Анна Никитична ездила в Архангельск учиться на продавца, в 1952 г. – в Москву на ВДНХ от колхоза.

Когда Саша был уже взрослым, он болел корью, очень тяжело. Лежал в больнице в Архангельске, Анна Никитична ездила навещать его. Это было около 1975 г. В 1980 г. Анна Никитична с Сашей, Розой, Антониной, Николаем, Ниной, Риммой ездили на похороны Дины в Горьковскую область. Туда за всю жизнь она ездила раза три, зато Северодвинск к дочерям и сыновьям – бессчетное число раз. Знает этот город и вдоль, и поперек, в молодости так же знала Архангельск.

Из десяти детей Шехиных к моменту обследования трое умерли, три дочери и один сын живут семьями в Северодвинске. Дочери уехали после окончания школы. Сын Виктор после армии женился, жена жила в Северодвинске, он уехал к ней. Двое сыновей живут в Русковере. Из трех умерших один сын жил с семьей в Шилеге. Дочь уехала на родину мужа в Горьковскую область. Последний. сын Сергей, после армии остался в Северодвинске, но потом решил возвратиться в деревню, к матери и брату, но не прожил и двух лет. Сын Саша после болезни учился в Архангельске три года в лесной школе на лесника. В 1982 г. был призван на службу в армию. Прослужил в городе Хабаровске. После армии вернулся домой. Уезжать из родной деревни желания не имеет.

Изменения в семейной истории
Шехиной Анны Никитичны, 2002 г.

В это время никого в живых из семье Шехиных не осталось: Саша утонул в реке 28 августа 1993 г., а 25 мая 1994 г. не стало и Анны Никитичны.

Учитель Владислав Владимирович Попов рассказал мне: «Анна Никитична Шехина, да. Мы тогда строили дом, уже поднимали конек и ходили по мосткам. А наш дом на холме и поэтому видно все далеко. И вот с раннего утра, ведь рано вышли на стройку, чтобы успеть все сделать и работать часов до десяти. И вот с раннего утра мы с топорами на крыше. И я гляжу: вот эта, Анна Никитична, там, на лугу в залое. Залой как впадина такая, вода заливает весенняя. Она ходит, ходит, ходит она против часовой стрелки. Вот так вот. А я сначала не думал, что это она? Все смотрю и смотрю, кто же это ходит такими кругами? А у нее сын утонул, и река-то не отдавала его, и хотелось найти его и похоронить. Мне сказали потом, что был такой обряд магический: нужно было ходить против часо-

вой стрелки, против солнца, с утра раннего и до вечерней зари, творить заклинания не переставая, и, в конечном счете, река должна отдать сына-то. Вот она ходила, мне Александр Егорович сказал: “Это она ходит, чтобы река сына вернула”».

Сына река не вернула.

Дом стоит пустой. Летом на отдых приезжает сын Виктор с семьей из Северодвинска. Ключ от дома хранится у Антонины Николаевны Богдановой.

История семьи Ильина Владимира Артемьевича

Респонденты: Ильин Владимир Артемьевич, род. в 1954 г.
Ильина Татьяна Григорьевна, род. в 1955 г.
Воронина Евгения Игнатьевна, род. в 1924 г.

1992 г.

Выбор респондента объясняется намерением отразить жизнь учителей, сельской интеллигенции через жизнь, историю семьи директора покшеньгской неполной средней школы Владимира Артемьевича Ильина. Уровень, уклад жизни этой семьи представляет 30% семей деревни Кобелево.

Словесный портрет. Владимир Артемьевич – мужчина невысокого роста, спортивный, подтянутый, черноволосый и голубоглазый. Очень подвижный, энергичный человек. По характеру добрый и мягкий. Односельчане выдвигали его на должность главы администрации, но он отказался, сказав: «Я слишком мягкий человек». Как и подобает учителю школы, а тем более директору, он обычно одет в костюм, за исключением времени, занятого домашним хозяйством.

Беседа с Владимиром Артемьевичем Ильиным

Авт. – Владимир Артемьевич, расскажите о своей родне, откуда вы родом?

В.А. – Мой отец, Артемий Максимович Ильин, родился в 1921 году в деревне Нюхча. Получил начальное образование. До войны работал на заготовке леса там, в Нюхче на участке, на вывозке леса. В 1940 году его забрали в армию. Был контужен и попал в плен. Четыре года был в плену. Американцы освободили. Он еще переводчиком там был, выучил за четыре года, и память хорошая была. После войны возвратился в Нюхчу, а с 1950 г. в Кулосеге. Там жил и работал. Он пришел из плена покалеченный, какое-то время дома отлеживался. У него брат Егор был в НКВД, ему пришлось уйти, потому что и старший брат Петр тоже был в плену. Когда домой приехал, притеснения были вначале, работы не давали. В 1950

году женился на Денисовой Лидии Андреевне, 1930 года рождения, родом с деревни Кучкоса. Образование у нее начальное. Двое детей: я и брат младший, Николай, в Чаколе сейчас работает. Мама работала в магазине, в последнее время – поваром в лесопункте. Семья матери во время войны уезжала в Явзору, в Кушкопалу, здесь под Карпогорами жили. Когда в Явзоре жили, дедушку в армию взяли. Семья была из пяти человек. Бабушка их одна содержала, она портнихой была. Потом дедушка вернулся, и обратно вернулись в Нюхчу, на родину. Там мать вышла замуж за отца, и в Кулосегу переехали жить. Отец умер в 1973 году, похоронен в деревне Сульца. Мама в Кулосеге живет одна. В год я несколько раз к ней езжу.

Авт. – А как звали ваших дедушку и бабушку по материнской линии?

В.А. – Деда звали Денисов Андрей Степанович, родился в 1902 году, умер в 1985 г., родина – деревня Кучкоса, расположена за Нюхчей. Он был образован, работал всю жизнь бухгалтером. Бабушку звали Денисова, в девичестве Кувалдина, Евдокия Андреевна, родилась в 1910 году, умерла в 1980 году. Родом тоже из Кучкоса. Она была домохозяйкой. Работала портнихой на дому. В семье, не помню, сколько было детей. Мама говорила, что еще у нее было два брата и сестра. Ничего о них не знаю.

Авт. – А по линии отца, что вы знаете о предках?

В.А. – Деда звали Ильин Максим Виневрович, родом с деревни Нюхча, крестьянин. Умер в 1942 году во время войны от голода в возрасте 65 лет. Жена его, моя бабушка, Ильина Пелагея Лаврентьевна. Бабушка умерла в конце 60-х годов в возрасте 80 с лишним лет. Она тоже родом с Нюхчи, крестьянка. В 30-е годы, когда раскулачивали, то дед был кулаком, потому что имел в хозяйстве две коровы и лошадь. Деду приходилось скрываться от преследований. Знаю, что дед воевал в Первую империалистическую войну, был в плену в Австрии. В семье было 7 детей. Старший брат отца, дядя Егор, родился в 1914 году в Нюхче. Образование начальное. Служил с 1934 г. в НКВД, в Архангельске и на Дальнем Востоке. Когда во время войны два его брата, мой отец Артемий и дядя Петя, попали в плен, ему пришлось уйти из НКВД. Он приехал сюда, жил и работал в Мамонихе. Работал рабочим в леспромхозе до пенсии. Умер в 1968 году, похоронен в Нюхче. После войны женился, жена Евдокия живет в Мамонихе, в квартире. Сын Владимир, 1947 года рождения, живет в Крыму, работает строителем в городе Крымск. Остался там после службы в армии. Второй брат отца, Петр, родился в 1918 году, образование начальное. До войны служил в армии в Белоруссии. Война началась, он получил ранение и попал в плен. После войны работал в Нюхче, а с 1950 г. – в Кулосеге, в лесопункте. Он строил, плотничал, был мастером нижнего склада. Его жена, Вера Ивановна, в девичестве тоже Ильина, работала на разных ра-

ботах в лесопункте, садике, магазине, столовой. У них шестеро детей: Вася живет в Брянске, жена родом оттуда. Нина и Галя замужем, живут в Кулосеге. Витя и Иван – с родителями в Кулосеге. Лида живет в Карпогорах.

Третий брат – мой отец Артемий. Отец умер в 1973 году, похоронен в Сульце. Сестра отца, Елена, родилась в 1924 году, образование начальное. Замуж не выходила. Работала и живет в Мамонихе, в квартире. Была сучкорубом на нижнем складе. Другая сестра отца, Наталья, родилась в 1926 году, умерла где-то после 1970 г. Замужем была, детей не было. Работала на лесопункте. Болела от тяжелой работы. Муж тоже работал в лесопункте, их уже обоих нет. Младший брат отца, Василий, родился в 1928 году, образование начальное. Работал в лесопункте в Мамонихе. Сейчас живет в Нюхче. Первая жена умерла в 1973 году. Единственная дочь Лидия окончила Петрозаводский университет. Работает учительницей начальных классов. Живет в Петрозаводске, в семье двое детей. Дядя Василий женат второй раз на тете Роне. Она была замужем за двоюродным братом моей матери, Денисовой Лидии Андреевны. Его убило в лесу, и она вышла замуж за дядю Васю. Младшая сестра отца, тетя Лариса, родилась в 1930 году. Образование начальное. Работала в Мамонихе в лесопункте приемщиком нижнего склада. Сейчас на пенсии. Замужем за Иваном Павловичем, родом с Нюхчи. Живут в своем доме. У них четверо детей: Василий окончил техникум, работает мастером в Мамонихе. Две дочери, Галина и Наташа – учителя. Галина окончила Петрозаводский университет, работает в поселке Ясном, а Наташа окончила Архангельский педагогический институт, работает в Сосновке, рядом с Мамонихой. Сын Сергей окончил среднюю школу, работает рабочим в лесопункте.

Авт. – А как складывалась ваша жизнь?

В.А. – В Кулосеге я закончил 8-летнюю школу в 1970 году. В 70-м поступил в сурскую среднюю школу, закончил ее в 1972-м. Сразу после окончания три месяца работал в Кулосеге в лесопункте, осенью в армию взяли. В армии я служил на Новой Земле два года. Пришел из армии, в военкомат на учет стал вставать, спросили, куда хочу идти работать, я ответил: «Не знаю». Предложили идти в школу работать, потому что я до армии хотел идти учиться в Ленинградский педагогический институт им. Герцена. Но так и не поступил. Из армии пришел – там льготы для жителей Крайнего Севера и районов, приравненных к нему, по-моему, были уже отменены. Поэтому у меня так ничего и не получилось. И направили меня сюда работать в покшеньгскую школу учителем физкультуры. Потом в 1975 году поступил в институт педагогический архангельский на историко-филологический факультет на отделение «История и обществоведение». В 1980 году окончил, и в 1981 году был назначен директором школы.

Женился в 1979 году, жена из Лохново, работала здесь, окончила сельскохозяйственный техникум, зоотехником была, но сейчас по специальности не работает. У нее отец, Воронин Григорий Трофимович, из деревни Лохново, участник войны – боевые награды есть. Он с 1922 года, а умер в 1972 году, похоронен в Кобелево. Работал бригадиром в колхозе. Мать ее, Попова Евгения Игнатьевна, 1924 года рождения. Попова – это ее фамилия в девичестве, родом из деревни Красное. Она окончила неполную среднюю школу и курсы бухгалтеров в Архангельске. Работала бухгалтером в сельпо. В семье у них семь детей: два сына и пять дочерей. Моя жена пятая по счету с 1955 года, а самый старший у них с 1950 года.

Авт. – Владимир Артемьевич, расскажите теперь о своей работе, школе, проблемах сельской школы.

В.А. – Наша школа считается малокомплектной. Классов-комплектов у нас всего лишь семь, поэтому трудность с кадрами. Раньше один учитель начальных классов вел по три класса. Это же очень трудно вести три класса – и знания ребятам даются не те, и подготовка не та. Один человек на три класса, надо многое успеть. Дальше, материально-техническая база не сказать чтобы очень хорошая. Ну, в последнее время улучшилась. Допустим, у нас раньше не было должности завуча, только недавно появилась. Когда здесь был интернат, школа была большая. Здесь было много детей, учились из других деревень.

Авт. – Когда это было?

В.А. – Я приехал работать в 1974 году. Здесь в школе обучалось 280 человек, и в одном интернате было 76 человек. А сейчас у нас в школе нет столько человек, сколько в интернате проживало.

Авт. – И вот в те годы начался массовый отъезд молодежи? Куда?

В.А. – Да, уезжали в Архангельск, Северодвинск. Вот эти деревни: Кротово Большое и Малое, там же своя школа была. Сейчас там школы нет, сейчас стало вроде возрождаться. Дети пошли, можно уже школу, садик открывать. Раньше из Кротово были в интернате, из Немнюги. Из Кротово было около человек 30, да из Немнюги еще побольше. Ну, а потом пришлось закрыть школу в Кротово, а у нас – интернат. У нас осталось мало учеников, доходило до 49 учеников по всей школе. Сейчас у нас контингент увеличивается, и года через четыре, через пять будет за 80, 90 численность. У нас в 1-й класс в этом году поступает 10 человек, а так три человека в 1-й класс ходили. Так у нас сейчас есть такой класс, вот в 0-1-й классы пойдет три человека. У нас нет «0»-шестилеток, мы учимся по системе «один–три» (из 3-го в 5-й класс). У нас условий нет, школа вроде типовая, большая, но теперь кабинетная система, не хватает помещения, хотя в одном классе три ученика.

Авт. – А эту школу строил колхоз?

В.А. – Да, в 1960 году она построена была, колхоз построил на свои средства. Такая единственная школа у нас в районе, чтоб в

сельской местности и типовая. Ни одной школы такой не было. В Лохново строится начальная школа сейчас. В Кевроле уж в кирпичном исполнении строят и с паровым отоплением, но без канализации. Но мы вот тоже переходим на паровое отопление в этом году. Котельная построена. Печи разбирать пока не будем. На случай аварии в паровом отоплении. Вообще не будем убирать печи.

Авт. – Владимир Артемьевич, вы построили свой дом?

В.А. – Свой дом построил в 1988 году, а переселились мы только нынче. Дом строил собственными силами, за свои средства.

Авт. – Какие льготы для учителей, какие проблемы с кадрами?

В.А. – Проблема с кадрами: нет жилья. Нет ни одного помещения, которое бы построил совхоз. Базовое предприятие в этом отношении к нам плохо относится. Вот молодые специалисты приезжают, они хотели бы здесь жить, даже из Архангельска, но нет жилья. Ну, в самом деле, что ютиться в таких комнатушках, да еще поповского дома! Там раньше был интернат, а теперь мы там все жили, учителя, буквально почти все. Недавно вот еще одна семья перешла, повезло. Это был дом сельсоветский, садик был. Его переделали, сделали новый, а старый отдали учителям. Сейчас бы по перспективному плану развития деревень (составлялся такой план в связи с Программой развития Нечерноземья, план очень хороший был составлен) здесь хотели строить дома с водяным отоплением, два запланировано для учителей было. Пока вот, в связи с обстановкой, новыми ценами не знаю, чем это кончится?!

Авт. – Сколько семей живет в поповском доме?

В.А. – Четыре семьи и молодой специалист у нас сейчас приехал после училища. Печное отопление, туалет в коридоре типа «люфтклозет». Воду подвозят. Вода в колодце до зимы, зимой вымерзает. Баня вот от интерната осталась, так что ж, она уже давнишняя. В ней моется одна семья. У меня своя баня, а когда ее не было, мылись у знакомых.

Авт. – В педагогическом коллективе много местных?

В.А. – А у нас почти все местные. Двое только с Холмогорского района, а остальные все пинежские.

Авт. – По всем предметам есть педагоги?

В.А. (Вздыхает.) – Ай, у нас вот сейчас нет, если считать специалистов дипломированных, нет физкультурника. Есть учитель, она ведет, у нее среднее специальное сельскохозяйственное образование. Потом у нас нет учителя русского языка второго. И в этом году у нас не будет вестись занятий по иностранному языку, так как учитель ушла в декрет. Это проблема. С русским мы все сделаем, вестись занятия будут, но нагрузка большая, и второго специалиста нет.

Авт. – Кто вам помогает, финансирует, это РОНО выделяет?

В.А. – Все идет через сельский совет. Мы находимся на бюджете сельсовета, сельсовет получает из районного бюджета.

Авт. – А материально-техническое снабжение?

В.А. – Краску года два централизованно выделяют через РОНО. Но обеспечение очень плохое, приходит очень мало. Стекла вообще нету. Даже предлагают окна закрывать пленкой. Нигде нет стекла, нам в этом году даже в торговлю не привезли.

Авт. – А к директору совхоза вы обращаетесь?

В.А. – У нас с совхозом, можно сказать, на бумаге есть договор базового предприятия со школой. Но большей частью он, конечно, не выполняется. Потому что материально они тоже очень зажаты: денег, средств нету. И обеспечить не могут. Но надо сказать, что в наших отделениях с Лохново помощь просили, так выделяют: и пиломатериалы, и транспорт. В отношении транспорта, детей куда отвезти, они нам никогда не отказывают. Не жалуемся на них. Но вот так, чтобы оказать материальную помощь, денег, например, на приобретение оборудования, что может делать только центральная контора, Кеврола, они нам ни рубля за последние 5 лет не выделили. Хоть они и обещали. Мы им нужны только тогда, когда надо оказать помощь в уборке урожая, только тогда они обращаются к нам, вспоминают школу. У нас организовывался лагерь труда и отдыха по заготовке сена. Но сейчас проблема в том, что у нас ребят мало, так нам не организовать: сейчас два мальчика в старших классах, это что за лагерь? Когда человек 12 было, мы организовывали лагерь! Учителя с ними ездили. Но совхоз нам питание бесплатное делал.

Авт. – А как организовано питание в школе?

В.А. – У нас в школе была столовая, но сейчас мы перешли в общую, сельповскую. Потому что у нас работала столовая, та не работала. Потому что специалист работал в нашей столовой, и к нам ходили все питаться. Весной грязь, СЭС запрещает в школьной столовой питаться всем, и перешли в ту питаться. Нам легче будет, а то отвечай за сангигиеническое состояние. В 1990 году в марте месяце перешли обедать в общую столовую, но теперь проблема со стоимостью обедов. Никакой дотации на питание нет и не было. Мы перешли в ту столовую, мы заключили трехсторонний договор: мы в одном лице, совхоз и РПТ (Карпогорское райпо). Но пищевики перешли на хозрасчет, и у них своя контора. Заключили договор, что мы обеспечиваем (школа и сельсовет) дровами, за свет мы платим, совхоз организует ремонт. Но совхоз договор свой не выполняет. Я недавно видел начальника Карпогорского РПТ, если так дело будет продолжаться, то он повысит цены. У нас же здесь цены ниже, чем в карпогорской столовой. Это значит, что если сейчас у нас котлеты стоят около 62 копеек, то будут стоить около двух рублей. И никакой дотации не обещают, но другие предприятия выделяют средства: леспромхозы, допустим, часть денег на питание выделяют, нам совхоз ничего не выделил. Поэтому не знаю, как у нас будет с питанием. Раз так плохо будет с питанием, нам придется закрывать группу продленного дня. Питание будет очень дорогое, ро-

дители скажут: «Где взять денег?» Если два человека ходят на группу продленного дня и учится в семье четыре человека, это куда же столько денег?

Авт. – Как обеспечиваются услугами сами учителя?

В.А. – Сами учителя пользуются коммунальными услугами бесплатно: дрова (сельсовет) – нет транспорта в сельсовете, обращаемся в совхоз, там тоже нет транспорта. Когда есть дрова – нет транспорта, есть транспорт – нет дров – такая вот чехарда! В последние два года с дровами стало сложно. Оплата у нас повысилась. Здесь платят 70 % северных учителям, да еще сейчас добавили 25% работающим в сельской местности. Заработная плата сейчас повысилась. Средняя зарплата даже для не имеющих специального педагогического образования (высшего) примерно 400 руб., а если специалист после вуза, то 600–700, зависит от стажа. Это введено с 1 апреля 1991 года. Дом на эту зарплату и раньше, тем более сейчас, построить учителю себе невозможно. Ссуды до прошлого года нам не давали, а сейчас в связи с большим строительством, пожалуйста, в сбербанке получаешь ссуду, это для всех. Работникам совхоза транспорт бесплатно при строительстве предоставляется. Жена в совхозе – льгота возможна. Владислав Владимирович (Попов) строится, жена в сельсовете работает – не знаю, как у него. Нам должны давать мясо, молоко как совхозным работникам. Есть распоряжение облисполкома, но оно плохо выполняется. Даже работники совхоза получают очень мало. Только когда забивают скот в своем отделении. Учителя вынуждены вести такое же хозяйство, как и все. Все получают по спискам, никаких льгот. Днем все продают в магазине, а учителя – на уроках. Но сельсовет вынес решение, чтобы продукты продавать в основном после 15 часов.

Авт. – Есть ли в школе какие-то кружки?

В.А. – Есть. У нас сейчас работает четвертый год Валерий Евгеньевич Щербаков, здешний, из Ленинграда вернулся. Он у нас организовал два музыкальных ансамбля: инструментальный и народных инструментов. Благодаря этому нам отдел культуры района технику выделил. У нас есть ударная установка, гитар несколько, несколько гармошек, усилители, в радиоаппаратуре они нам не отказывают. Ребята с концертами ездят: и в районе выступали, и здесь в деревне выступают. Был смотр гармонистов в районе, наши ребята выступили там неплохо. Наш ансамбль, можно сказать, «знают в районе», потому что неоднократно писали в газете. В сельской школе района нет второго такого ансамбля. В Карпогорах тоже нет ансамбля народных инструментов. В Карпогорах есть музыкальная школа. Сейчас мы увеличили количество часов на музыкальные занятия, включая и начальные классы. Вот сейчас изучаем народные инструменты: часть нам дали, часть сами купили. Я дочерям сам гармонь купил, дорогая. Так появились в Архангельске: тульская – 300 с лишним рублей, но их не было, я белорусскую

купил, она 200 стоит (1991 год). Обе дочери занимаются. Валерий Евгеньевич вел кружок дзюдо. Ездили на областные соревнования, неплохо выступили. Людмила Васильевна кружок мягкой игрушки ведет, распродажу устраивали, все раскупили. Есть туристско-краеведческий клуб. Галина Евгеньевна ведет. Заняли первое место в области, на районном соревновании. Занимаются изучением родного края. Поисковый отряд занимается изучением родного края. Спецпереселенцами 30-х годов сейчас занимаются. Они ездили в Смоленск на вахту памяти, где погибла наша дивизия, раскопки вели. В 1991 году хотели на раскопки при Веркольском монастыре. Там археологические раскопки. Найдены вещи XII века. Новгородцы заселяли эти места 8–9 веков назад. Древнейшие поселения датируются тысячелетием. Кевроле 850 лет отметили. Древнейшие поселения в районе Нюхчи, Явроньги, там стоянки охотников, рыболовов. Славяне здесь с X–XI века.

Авт. – Владимир Артемьевич, а во сколько вам этот дом обошелся?

В.А. – Дом обошелся тысяч в пять, не меньше. Один стройматериал около двух тысяч. Сам трудился. Нанимал мастера, а так же помогали родственники строить.

Авт. – А до интерната где жили?

В.А. – До интерната снимал квартиру. У Григория Клеониковича, он не жил здесь. Сейчас приехал, пенсионер, киномехаником работал. Мы за жилье не платили. Платил сельсовет: 10 рублей в месяц.

Авт. – А что вы еще сейчас пристраиваете?

В.А. – Хлев. Был хлевок, держали поросенка, но очень трудно его достать. Заказывали в Кулосеге, там совхозный свинарник, очередь на 2 года вперед. Через родственников достаем, через мать часто. С рук – 50 рублей (1991 год), в Кушкопале 2-, 3-недельных по 25 рублей было. Дома (из Кулосеги) месячных по 50 рублей, но они лучше, крепче. Для себя откармливаем месяцев 6, а для сдачи – 8 месяцев.

Авт. – А кто вам забивает?

В.А. – Приглашаю, кто умеет. Стреляют в ухо из ружья. Кто забьет, он же и разделывает. Мясо в банки литровые закрываем. Сало солим, коптим. Мать коптит.

Авт. – А чем откармливаете свиней?

В.А. – Корм – картошка и отходы. Комбикормов нет, мало. Картофель сами сажаем. До 1991 года 3 сотки, а с 1991 – 7,5 соток взяли. Вспашка трактором. Посадка, окучивание вручную. Копать копалкой в сентябре. Сено косим, отдаем Таниной сестре Вале. За это через день ходим за реку к ней за молоком. Сейчас берем молоко у Тони Богдановой.

Авт. – Владимир Артемьевич, скажите, как, на ваш взгляд, экология в этих краях, на вашей памяти, ухудшилась или улучшилась?

В.А. – Экология изменилась в худшую сторону. Реки стали мельче. На Пинеге песчаных островов не было, а сейчас пешком переходить можно будет. Это за время, как я сюда приехал! Порогов почти нет, все песком перемыло. Это на Покшеньге. А лесов сколько вырублено! Рыбы не стало. Пойдешь, нечего ловить.

Авт. – А вы любите рыбачить?

В.А. – Да. У меня лодка есть. В лесничестве здесь купил. Увлекаюсь и охотой.

Авт. – Скажите, дети кобелевские и красногорские одинаковые или различаются?

В.А. – Кобелевские более подготовленные дети, развитые, так как по специфике работы родители более образованные люди.

Обобщение семейной истории Ильина Владимира Артемьевича

История кровного родства

Владимир Артемьевич Ильин родился 26 сентября 1954 г. в поселке Кулосега; в 1979 г. он женился наВорониной Татьяне Григорьевне (род. 11 сентября 1955 г. в Лохново). В их семье родились три дочки: Ирина – 7 июля 1980 г., Надежда – 16 октября 1983 г. и Ольга – 23 июня 1989 г. Когда родилась Ирина, отцу было 25 лет, а матери – 24 года.

Отец Ильина, Ильин Артемий Максимович, родился в 1921 г. в деревне Нюхча. До армии работал в Нюхче на заготовке леса. Когда служил в армии, началась война,он был контужен и попал в плен, провел там четыре года. После возвращения женился в 1950 г. на Лидии Андреевне Денисовой (род. в 1930 г.), родом из деревни Кучкос. Молодые уехали жить в Кулосегу и работать в лесопункте, у них родилось двое детей – два сына: наш респондент и его брат Николай (род. в 1959 г.). Когда родился Владимир, отцу было 33 года, а матери – 32 года. В 1973 г. отец умер, похоронен на кладбище в деревне Сульца. Брат Владимира учился в Вельске в сельхозтехникуме, сейчас живет и работает в деревне Чакола.

Дед Владимира, Ильин Максим Виневрович, родился в деревне Нюхча в 1877 г., там же умер в 1942 г. и похоронен там. Во время раскулачивания уходил из дома. Максим Виневрович был женат на Пелагее Лаврентьевне (девичью фамилию респондент не знает), родом из Занюхчи, умершей в конце 60-х годов в возрасте более 80 лет. Основное занятие в семье – крестьянское хозяйство. В семье Ильина-деда было семеро детей. Когда в 1914 г. родился первый сын Егор, отцу было 37 лет, а матери – около 24 лет. Владимир Артемьевич помнит, что у деда был брат, Иван Виневрович. Дед Ильина по материнской линии, Андрей Степанович Денисов, родился в 1902 г. в деревне Кучкоса, умер в 1985 г. в Сульце. Был об-

разован, работал бухгалтером, в армию призван во время войны. Он был женат на Кувалдовой Евдокии Андреевне (род. в 1910 г.), тоже из деревни Кучкоса. Она умерла в 1980 г. Была домохозяйкой, работала портнихой на дому. В семье было пятеро детей: сын и 4 дочери. Когда родилась мать респондента, отцу было 28 лет, а матери – 20 лет.

Жена респондента, Татьяна Григорьевна, родом из деревни Лохново. Ее отец, Воронин Григорий Трофимович, родился 3 декабря 1921 г. в деревне Лохново. Во время войны служил в армии, был ранен и награжден. Работал в колхозе в Лохново бригадиром в полеводстве. В 1948 г. он женился на Евгении Игнатьевне Поповой (род. в 1924 г. в деревне Красное). После 7 классов она окончила курсы бухгалтеров в Архангельске и работала бухгалтером в сельпо. В семье Ворониных родилось 7 детей. Старший сын Миша родился в 1950 г., когда отцу было 29 лет, а матери – 26 лет. Михаил в октябре 1991 г. умер, приехав погостить к матери, похоронен в Лохново. Жил и работал шофером в Яхроме. Дочь Августа родилась в 1951 г., после 10 классов окончила Волгоградское училище связи. Вышла замуж в Белоруссию, живет в Гродно. Дочь Валя родилась в 1953 г. После 8-го класса работала дояркой. Муж – Михаил Павлович Минин, шофер, у них трое детей, свой дом, хозяйство. Дочь Екатерина родилась в 1954 г. Окончила 8 классов, училась в Усть-Вайенге на швею, а работает наборщиком в типографии Карпогор. Ее муж, Виктор Михайлович Дрико, белорус по национальности, работает сварщиком. Его отец белорус, а мать родом из Карпогор. В семье Кати трое детей, живут в трехкомнатной квартире. Сын Геннадий родился в 1957 г., образование среднее. Работает шофером в ветлаборатории в Карпогорах, жена, инспектор райсобеса, Любовь Николаевна Кузнецова, родом из Шардомени. Живут в 3-комнатной квартире, трое детей. Дочь Тамара родилась в 1959 г., когда отцу было 38 лет, а матери – 35. Окончила среднюю школу. Живет в городе Новодвинске, недалеко от Архангельска, работает электромехаником на бумажно-целлюлозном комбинате. Муж, Олег Павлович Королев, городской, из Новодвинска, шофер. В семье дочь. Живут в общежитии, покупают кооперативную квартиру. Дед Татьяны по отцовской линии, Трофим Дмитриевич Воронин, родился 22 июля 1885 г. в Лохново, околок Иземье, малограмотный крестьянин, в колхозе работал конюхом. В 1911 г. женился на Марии Терентьевне Подшиваловой, родом из Лохново. Она родилась 26 января 1886 г., неграмотная, крестьянка, в годы колхозов – на разных работах. В семье деда было четверо детей: одна дочь и три сына. Дочь Евдокия родилась 4 августа 1912 г., когда отцу было 27 лет, а матери – 26. В 1921 г. родился дед Тани, Григорий, в 1924-м родился Сергей, а в 1928 г. – Александр.

Дед Татьяны, Трофим Дмитриевич, был незаконнорожденным ребенком в семье отца, родился от мачехи Катерины. У Трофима

Дмитриевича был родной брат Стратон, родившийся 11 января 1878 г. У этих двух братьев был родной брат по отцу Федор Дмитриевич (род. в 1855 г.). У Федора было 4 сына и 4 дочери. Дед Татьяны, Трофим Дмитриевич, был мобилизован в 1914 г. и участвовал в Первой мировой войне.

Дед Татьяны по материнской линии, Игнатий Иванович Попов, родился 27 сентября 1894 г. в деревне Красное, умер в 1966 г., похоронен в Кобелево. Был женат на Пелагее Максимовне Амосовой, родом из Красного (род. в 1890 г., ум. в 1956 г., похоронена в Кобелево). Бабушка была неграмотной колхозницей. Дед умел писать, работал в промартели «Красная кузница». Дед Игнатий Иванович происходил из рода Алексеевичей Поповых, о которых рассказывал Анатолий Артамонович Попов. Прадед Татьяны, Иван Алексеевич Попов, родился 22 мая 1838 г., в 1914 г. умер. У Ивана Алексеевича был сын от первого брака Александр (род. в 1881 г.), другие дети первого брака неизвестны. Во второй брак он вступил с Лампеей (Евлампией) Игнатьевной Мининой (род. в 1868 г. в Лохново). От нее родились сыновья: Михаил – 26 сентября 1890 г., Федор, дед жены респондента, – 7 февраля 1892 г. и сын Иван в 1898 г., а в 1902 г. – дочь Мария. У бабушки Тани по материнской линии дед – Максим Моисеевич Амосов, а бабушка – Наталья Антилофьевна, родом из Карпогор. У бабушки были братья и сестры: Михаил Максимович, Иосиф Максимович, который жил в Архангельске (умер во время Великой Отечественной войны), Дарья Максимовна и Евдокия Максимовна.

Из всей многочисленной родни об истории брачных отношений удалось узнать только о браке самого респондента. Они с Таней были знакомы несколько лет до брака, и вопрос о браке был решен заранее. Свадьбу гуляли в Лохново, в доме невесты. Народу было много, человек 80 или больше. Дарили молодым деньги, ковер и посуду. В остальном ритуал был традиционным. Расписывались в сельсовете. Был выкуп невесты. Расходы на свадьбу поделили между семьей жениха и невесты. О детях, умерших до 10 лет в прошлых и предпрошлых поколениях, полной информации нет. В семье жены респондента первый ребенок Коля умер в возрасте 9 месяцев.

Социально-экономическая и политическая история семьи

Семья относится к молодому поколению семей – ей всего 13 лет. Подробной памяти о годах интервенции, коллективизации, Великой Отечественной войны нет, но из того, что вспомнили респонденты, можно отметить следующее.

Дед респондента, Ильин Максим Виневрович, родился в последней четверти позапрошлого века. Он был крестьянин, и на нем крестьянский образ жизни в роду прекращается. Все его дети уходят в

лесозаготовительную деятельность. Сам Максим Виневрович подлежал раскулачиванию, так как имел двух коров и одну лошадь, и, видимо, у него было крепкое хозяйство. При раскулачивании он смог избежать развала, разорения семьи – несколько месяцев скрывался, а потом вернулся и жил дома. Он был уже в преклонном возрасте, за 50 лет. Но всех невзгод не перехитрить: во время войны он умер от голода. Его старший сын Егор с 20-летнего возраста служил в НКВД в Архангельске и на Дальнем Востоке. Но во время войны два его младших брата, в том числе и отец респондента, попали в плен. Пленение было тяжким грехом перед отечеством, за это надо было нести наказание. Старший брат Егор вынужден оставить службу в НКВД, а плененные и возвратившиеся после плена братья испытали трудности с трудоустройством. Отец респондента был взят в плен контуженным. Он хорошо выучил в плену чужой язык и даже был переводчиком.

Со стороны материнской линии респондента его дедушка и бабушка не были крестьянами: дед работал бухгалтером, а бабушка – портнихой на дому. Это давало семье достаток. Во время войны дед был на фронте, а бабушка содержала семью из пяти человек, при этом они меняли три раза место жительства, а после войны возвратились в родную Нюхчу. Родители респондента после женитьбы уехали жить и работать в лесопункт, отец работал рабочим, а мать – в магазине и поваром в лесопункте. Два их сына сделали карьеру. Старший, наш респондент, получил высшее педагогическое образование и стал директором покшеньгской неполной средней школы. Его брат Николай закончил в Вельске (Архангельская область, районный центр) сельскохозяйственный техникум, получил специальность агронома. Работает бригадиром растениеводства в деревне Чакола. Из 12 двоюродных сестер и братьев Владимира Артемьевича еще трое стали педагогами.

Сам респондент еще до армии хотел учиться в педагогическом институте в Ленинграде (Санкт-Петербург), но получил образование после армии в Архангельском педагогическом институте. Сразу же после службы в армии в 1972–1974 гг. его направили из района (РОНО) работать учителем физкультуры в покшеньгскую школу. Через год работы он поступил в Архангельский пединститут (1975 г.), в 1980 г. получил специальность педагога по истории и обществоведению и был назначен директором школы. Его жена, Татьяна Григорьевна, местная. Ее отец, Григорий Трофимович, был из крестьянского рода Ворониных, живших в деревне Лохново, за рекой напротив Кобелево. Отец Тани воевал на фронте во время Великой Отечественной войны, был ранен и награжден. После войны работал бригадиром полеводства в колхозе – был руководителем нижнего звена. Мать Татьяны, Евгения Игнатьевна, тоже местная, из крестьянского рода Поповых (Алексеевичей), живущих в деревне Красное рядом с Кобелево.

Род Поповых не был богатым, но все были работящими – так охарактеризовала свою родню Евгения Игнатьевна. Оценка совпадает с оценкой Анатолия Артамоновича Попова, который является представителем этого рода (Прил. 2). Евгения Игнатьевна назвала размер налога, который брали с их хозяйства после войны: 400 г шерсти с овцы, 10 шт. яиц с хозяйства, 40 кг мяса с хозяйства, 200 л молока, жирностью 3,6%, с коровы. Кур никто почти не держал, поэтому сдача яиц заменялась дополнительной сдачей мяса и молока или масла. Мать Татьяны Григорьевны окончила курсы бухгалтеров и работала бухгалтером сельпо, т.е. относится к служащим. Из 7 братьев и сестер Татьяны только ее сестра Валентина (род. в 1953 г.) осталась работать в совхозе дояркой, остальные дети разъехались. В сельском хозяйстве никто не работает. Сама Татьяна после 8 классов покшеньгской школы окончила в Холмогорах сельхозтехникум и получила специальность зоотехника. После техникума до 1977 г. работала лаборантом на ферме, принимала молоко. Потом три года до рождения дочери работала в сберкассе контролером. Год была в декретном отпуске и до 1984 г. нигде не работала, потом устроилась на склад и кассиром по совместительству. В обязанности кассира входит выдача заработной платы рабочим и служащим отделения. Как рабочая совхозного склада, который расположен рядом с магазином, она выдает спецовки рабочим, отруби, зерно, семена. Жизнь семьи в сельской местности, несмотря на то, что глава семьи является директором школы, связана с работой в личном подсобном хозяйстве. В беседе с Владимиром Артемьевичем освещены те проблемы жизни сельской школы, которые актуальны в наши дни: материально-техническое обеспечение школы, нехватка педагогических кадров и удобного, благоустроенного жилья для педагогов.

История вещей

В настоящее время (1992 г.) семья директора школы живет в собственном доме, который Ильин сам построил в 1991 г. Для строительства дома нанимали мастера и приглашали родственников в помощники. Дом обошелся Ильину в 5 тыс. руб., из них строительный материал – 2 тыс. руб. Строительство началось в 1988 г. Дом общей площадью 96 кв. м. В доме четыре комнаты вместе с кухней. В кухне стоит печь с водяным котлом, и в доме проведено паровое отопление. Это хозяину обошлось в 1 тыс. руб. К дому пристроена двухэтажная кладовая. Перед входом в дом построена веранда по длине дома. Во дворе еще раньше, в 1982 г., построены погреб и русская баня, а в 1985 г. помещение для скота, в 1992 г. появился сарай для хозяйственных нужд. До 1982 г. семья жила в квартире в Кобелево. За квартиру платил сельсовет, так как учителям положено бесплатное жилье в сельской местности. С 1982 г. семья жила в бывшем интернате (школе), расположенном в бывшем поповском

доме. В настоящее время в нем живут четыре семьи педагогов и молодой педагог. Дом без удобств, туалет типа «люфт-клозет». Вода – в колодце на улице, впрочем, водопровода в деревне нет ни у кого. Зимой вода вымерзает, и ее привозят из водокачки. Баня большая, старая и холодная, поэтому Ильин срубил для своей семьи новую баню в 1982 г. и погреб, а в 1985 г. срубил хлев, потому что без скотины семье трудно прожить, а тем более накопить денег для строительства своего дома. Новый дом Ильина находится между школой и поповским домом. Все постройки стоят компактным двором. Место постройки было определено заранее, так как баня, погреб и хлев, построенные раньше, пришлись ко двору нового дома. Сельсовет пошел навстречу желаниям директора школы.

Приусадебный участок около дома 10 соток, на нем выращивают огурцы, помидоры, капусту, морковь, чеснок, свеклу столовую и кормовую, турнепс, редьку, репу, перец, лук, петрушку, укроп. Участок вне усадьбы составляет 7,5 сотки (до 1991 г. было 3 сотки), там сажают картофель и сеют ячмень. В 1992 г. Владимир Артемьевич заготовил 1200 кг сена. Сено заготавливал вместе с Александром Ивановичем Щеголихиным, мужем секретаря сельсовета – по-старому, по-новому – специалиста первой категории сельской администрации. Щеголихин работает в РУСе, обслуживает местную связь. Они вдвоем ездили на мотоцикле и обкашивали все неудобья, все заброшенные сенокосы. Из скотины Ильин держит свинью на откорме и 18 кроликов, из которых 6 умерло, а двоих отдали Владимиру Игнатьевичу Щеголихину, который Тане Ильиной приходится родственником. Сестра матери Володи была замужем за братом отца Татьяны. Кролики у Ильиных появились от двух кроликов, которых подарили знакомые. Взять на откорм поросенка трудно: через совхоз очень долго ждать – очередь около двух лет, берут у частников.

Разделение труда традиционно и несколько условно. Татьяна – очень хозяйственная женщина. Домом занимается с любовью и желанием. Она готовит пищу, моет посуду, дом, в этом ей активно помогают дочери. Гордостью Тани является огород. Она со знанием разводит овощные культуры, следит за ними. Владимир Артемьевич занимается уходом за скотиной, рубкой дров, приносит воду, сам плотничает.

Одеваются в семье во все покупное. Татьяна не шьет сама, но вяжет сама шарфы, варежки, носки. Дома есть швейная машинка, ею пользуются и хозяйка, и девочки, которые учатся шить на машинке в школе на уроках труда. Есть и стиральная машина 1979 г. – можно сказать, свадебный подарок. В 1990 г. куплен пылесос, в 1979 г. – холодильник «Саратов». Из обстановки в доме – два платяных шкафа: 1983 (200 руб.) и 1982 г. (100 руб.); шкаф для белья 1984 г. (60 руб.); книжный шкаф 1980 г. (90 руб.); одна кровать (40 руб.) и две диван-кровати (240 руб.) 1979 г.; два стола 1987 (40 руб.) и 1988 г. (50 руб.);

мебельный гарнитур 1988 г. (600 руб.). По наследству достались стулья и буфет. В 1991 г. куплен ковер за 90 руб. для нового дома, а в 1980 г. – палас за 150 руб. В Танином хозяйстве электроплита, электродуховка, электрочайник, электросамовар; из культурно-бытовых предметов в доме радиоприемник 1988 г. (60 руб.), телевизор черно-белый 1979 г. (180 руб.) и цветной 1992 г. (60 400 руб.). Для его покупки бралась ссуда в 50 тыс. руб. сроком на год под 15% при взятии ссуды и 15% при ее возврате.

В хозяйстве Ильиных есть мотоцикл «Иж-Планета» 1989 г. (1450 руб.), деревянная лодка-шитуха 1981 г. (114 руб.), куплена в местном лесничестве. В 1991 г. куплена бензопила за 670 руб. Семья Ильиных постоянно повышает свое благосостояние, приобретая предметы длительного пользования, транспортные средства, а главное, постоянно улучшая жилищные условия за счет строительства. Этому способствует хозяйственность, рачительность семейной пары Ильиных, их трудолюбие и наличие личного подсобного хозяйства, которое также постоянно расширяется и обогащается. Конечно, многое зависит и от личности самого Ильина, мягкого и доброго, пользующегося уважением, и его положения в сельском обществе как директора школы. Причем его активность в личном хозяйстве только способствует росту авторитета в глазах сельчан.

Если проанализировать сведения о благосостоянии предков, то родители Владимира Артемьевича жили по-среднему, не занимали особых должностей, но работали в лесной промышленности, и в семье было всего двое детей. Дед и бабушка Ильина по отцовской линии жили хорошо, (деда в годы коллективизации даже хотели раскулачить). Особенно тяжело семье деда пришлось в годы войны, когда семью постиг голод, унесший деда в могилу. Зажиточными были и дед с бабушкой по материнской линии, ремесло бабушки позволило даже войну перенести без потерь, но семья три раза меняла место жительства. Родители Татьяны жили средне, хотя мать была бухгалтером сельпо, а отец – бригадиром полеводства, но в семье было 7 детей, что являлось постоянной расходной статьей, тем более что все дети были выучены. Мать Татьяны живет в своем доме, у нее участок 8,4 сотки, раньше в хозяйстве были корова, овцы и свинья. Дом ее мужу, Григорию Трофимовичу Воронину, достался от отца, Трофима Дмитриевича, который был незаконнорожденным, но жил с отцом. Он был женат на Марии Терентьевне, у которой на двоих с братом Лукой был огромный двухэтажный дом. Как сказала мать Тани: «Мария Терентьевна была не бедной: самовар, стаканы медные, дом двухэтажный». Род Таниной матери по материнской линии был из Красного, из рода Алексеевичей, который был не богатым, но и не бедным. Мать Тани в детстве жила в Красном в доме отца, который он купил. В доме были четыре комнаты с кухней, поветь, хлев. При доме – баня, амбар, погреб с подклетом и дровенник. «Отец (дед Тани по материнской линии)

был работящий, – вспоминает Танина мама, – но пить очень любил, все никак». Понятие о богатстве у Ильиных связано с достатком от собственного труда как в своем хозяйстве, так и на общественной работе.

История знаний, умений и навыков

Владимир Артемьевич окончил среднюю школу в поселке Кулосега, где жил с родителями. По окончании школы в 1972 г. он хотел поступить в Ленинградский педагогический институт им. Герцена, но был призван в армию. Отслужив два года в армии, возвратился в свой район, в Карпогоры. Его от РОНО направили работать учителем физкультуры в покшеньгскую неполную среднюю школу. Поступать в Ленинграде он не решился, так как не было льгот, а для деревенского паренька трудно выдержать конкурс при поступлении без льгот. Через год он поступил в Архангельский педагогический институт на историко-филологический факультет и в 1980 г. окончил обучение в институте, получив специальность педагога по истории и обществоведению. Педагогическое образование послужило основанием для работы директором школы в Кобелево.

В этой школе учатся в настоящее время его дочери: Ирина – в 6-м классе и Надежда – во 2-м классе, младшая Оля посещает детский сад-ясли, которые расположены перед домом Ильиных. Девочкам Ильин купил гармонь. Старшая, Ирина, занимается в школе в спортивном кружке борьбы дзюдо и уже выступала на районных соревнованиях. Она участвует в школьном фольклорном ансамбле «Пинежаночка», в котором поет, пляшет, водит хороводы, исполняет частушки, рассказывает сказки, поговорки.

Родители Владимира Артемьевича имели начальное образование. Дед по отцовской линии был грамотным, а бабушка – неграмотной. Дед по материнской линии был образован, так как проработал всю жизнь бухгалтером, а бабушка по материнской линии была грамотной и знала портняжное дело.

Жена респондента окончила 8 классов в кобелевской средней школе, а потом училась в Холмогорах на зоотехника.

Родители Татьяны имели: отец – начальное образование, а мать кончила 7 классов в Кобелево и курсы бухгалтеров в Архангельске. Дед по отцовской линии был малограмотным, а бабушка – неграмотной.

Владимир Артемьевич, как мужчина северного края, с детства владеет плотницкими навыками, чему научился от отца. Он также имеет страсть к охоте и рыболовству. Как жители сельской местности, оба умеют ухаживать за скотиной, умеют косить, заготавливать сено, выращивать растения на огороде. Татьяна не умеет шить, но она вяжет. Этому она обучает своих дочек. Их приучает к ведению хозяйства. Женский труд на кухне связан с умением топить русскую печку, готовить в ней пищу, печь пироги. Надо уметь печь чи-

стить, следить за исправностью дымоходов. Все мытье связано с нагревом воды, принесением воды в дом, выносом грязной воды. Стирка на севере связана с полосканием белья на речке. Надо знать, куда идти, и умело полоскать зимой, когда это связано с опасностью нахождения у ледяной скользкой проруби. Еженедельное мытье в русской бане тоже имеет свои навыки. Надо уметь хорошо вытопить баню, вовремя закрыть ее, дать выстояться, чтобы не было угара, а жар был хорош. Баню перед пользованием надо всю помыть, что делается и после окончания мытья в бане. Такие навыки, необходимые для жизни на Севере, приобретаются с детских лет и настолько привычны, что они заметны только человеку пришлому, которому это не знакомо и требует времени и опыта для овладения ими. Даже заготовка веников для того, чтобы париться в бане, требует определенных знаний и навыков. Итак, чего ни коснись в деревенском быте, все требует своей сноровки, умений и знания. Очевидно, что само плотницкое дело связано и со знанием, и с умением, опытом и навыками. То же касается охоты, где помимо знаний повадок, поведения дичи, зверя необходимы умение обращаться с оружием, жить в тайге, в ней ориентироваться. То же относится и к рыбной ловле.

История соседства

Соседями Ильиных являются учителя. Ни сами Ильины, ни односельчане не могли сказать, что с кем-нибудь они ссорились или конфликтовали. Об отсутствии какой-либо вражды и недовольства со стороны Ильиных или по отношению к ним говорит тот факт, что сельчане хотели выбрать Ильина главой администрации сельсовета. Статус директора школы, педагога требует соответствующего поведения, умения ладить с людьми и не терять их уважения, что Ильину удается создать и сохранить.

Ильины доброжелательны и приветливы в общении. Когда они жили в интернате и у них была своя баня, то мыться в нее ходили и другие семьи учителей. Особенно семья дружит с семьей Щеголихиных и с семьей Русановых. Главы семей вместе занимаются сенокосом, вместе охотятся и рыбачат. Вместе справляют семейные торжества, юбилеи, дни рождения. Это проводится весело, с выдумкой, с оформлением газет, памятных альбомов с фотографиями, где пишутся стихи, пожелания, шутки. С родственниками поддерживаются самые тесные контакты. Таня часто посещает свою мать в Лохново. В 1991 г. Ильины через день ходили к сестре Вале за молоком. В 1992 г. берут молоко каждый день у Богдановой Антонины Николаевны. Владимир Артемьевич постоянно ездит в Кулосегу, навещает мать, помогает ей в ведении хозяйства. Если обозначить номерами круги общения Ильина, то круг номер один – это педагоги, школьный коллектив, сельсовет, РОНО, т.е. общение по работе. Следующий круг – это общение семьями, связанное с проведе-

нием досуга, праздников. Это семьи Щеголихиных и Русановых. Затем общение с родственниками, так как близкие родственники в Кобелево не живут – это не такое тесное и активное общение, и носит, скорее, характер материальной, финансовой и хозяйственной помощи, а также совместная организация таких крупных семейных событий, как свадьбы и похороны. Следующий круг общения – это общение с жителями деревни Кобелево и близлежащих деревень по делам, по поводу воспитания и обучения детей. Владимира Артемьевича Ильина знают не только в Кобелево и близких деревнях, но и в районном центре – в основном это люди, имеющие отношение к народному образованию.

В Кобелево его и его жену все знают и уважают. Татьяну знают все, так как ее корни родовые местные: лохновские и красногорские.

История связей с внешним миром

Частым местом поездок за пределы района является город Архангельск. В 1992 г. Татьяна пять раз ездила в областной центр для протезирования зубов.
В Архангельске есть областная стоматологическая поликлиника, где принимают жителей Архангельской области. Лечение и протезирование зубов – большая проблема для жителей Пинежского района. Кобелево территориально расположено недалеко от Карпогор, районного центра, где есть стоматолог. Попасть к нему трудно, очень много желающих. Есть стоматологический кабинет при железнодорожном поселке Шилега, но и там невозможно обеспечить всех своевременной медицинской помощью. Поэтому самый реальный путь лечения зубов – это поездка в Архангельск. Попутно делаются необходимые покупки.

В Архангельск с 1975 по 1980 г. ездил Владимир Артемьевич учиться в педагогическом институте. Татьяна с 1960 по 1974 г. училась в соседнем районе, в Холмогорах на зоотехника. Отпуск Ильины любят проводить в своей деревне Кобелево, к тому же появление детей, трех дочек, не располагало к дальним поездкам, да и средства надо было экономить на строительство дома. Владимир Артемьевич постоянно навещает свою мать, проживающую в поселке Кулосега. Уезжать из Кобелево они не хотят, им здесь нравится. Они основательно устраивают свой быт в Кобелево. Семью устраивает и работа мужа, и место жительства, и близость родственников.

Изменения в семейной истории
Владимира Артемьевича Ильина, 2002 г.

В этом году старшие девочки, Ира и Надя, уехали в Архангельск. Ира окончила Поморский университет по специальности эколог-биолог, преподает в университете. Надя учится на 3-м кур-

се, на социального работника. Ира живет у родной тети, а Надя в общежитии. Оля учится в 7-м классе покшеньгской школы. Дочки Ильина учатся хорошо, об этом говорит и то, что две девочки поступили в университет, а Надя получает повышенную стипендию (500 руб.). Основная забота родителей – это выучить дочерей, помочь им материально, поэтому ведение домашнего хозяйства подчинено этой цели. Это делается в разумных пределах, так как, директорство в школе требует много времени и сил. Владимир Артемьевич должен также часто отлучаться из дома по служебным поездкам. Поэтому корову они не держат, а откармливают телка на мясо. Молоко покупают в деревне. Поросят тоже не откармливают, так как это очень дорого. Дорого даже с гарантированной и постоянной директорской зарплатой, тем более что девочкам в город приходится давать ежемесячно 1,5–2,0 тыс. руб.

Татьяна Григорьевна ведет домашнее огородное хозяйство, что она очень любит. Урожаи у нее очень хорошие, она много консервирует и заготавливает впрок. Татьяна Григорьевна числится в ЗАО, но ничего не получает, так как никакой деятельности не ведется. Процесс банкротства не оформлен. Скотом и техникой погашена вся задолженность по заработной плате. Недвижимое имущество передано в собственность пенсионному фонду. Татьяна Григорьевна оформила или оформляет пособие по безработице. Свидетельства на земельные паи им выданы на бумаге, в реальности никаких выделений не было проведено. Кроме участков под картошку и огород, у них есть 1,5 гектара под сенокос.

История семьи Щеголихина Владимира Игнатьевича

Респонденты: Щеголихин Владимир Игнатьевич, род. в 1942 г.
Щеголихина Галина Леонидовна, род. в 1950 г.
Смоленская Екатерина Андреевна, род. в 1919 г.

1992 г.

Выбор респондента объясняется тем, что эта семья представляет 10% такого типа семей в изучаемой деревне. Он – слесарь-кузнец, жена – телятница. Он местный, жена – из соседней деревни. Особенности семьи заключаются в том, что она как бы «живет одним днем». Причем это не бесхозяйственность, а какое-то неумение тратить деньги со стратегическим планом: деньги есть, и купили, что хочется, что есть. Нет стратегии в их трате, вернее, нет тяги копить и откладывать на какой-то там черный день. Володя с семьей живет в той части Кобелево, которая, собственно, и называется, как околок, Кобелево. Дом его стоит без переда, начинается с крыльца на фронтонной части дома, а дальше идут середина и зад дома, где расположены поветь и хлев.

Словесный портрет. Владимир Щеголихин – среднего роста, темноволосый, с голубыми глазами, на одном глазу – бельмо, розовощекий, носит усы и бороду, добродушным обликом напоминает Санта Клауса. Разговорчивый, его речь сильно смешана с русским матом, точнее «оснащена, удобрена» им – такая у него особенность. Нам рассказывали случай, когда он приезжал в райпо в Карпогоры и обратился в конторе к служащей, она была шокирована. Но главбух родом из этих мест, она сразу определила, что это Володя Щеголихин.

Беседы с Володей Щеголихиным

Авт. – Этот дом, в котором живете, он чей?

В.Щ. – Вот этот дом Вавиловский. Мама поминала. У деда Филиппа была еще сестра, бабка Фекла Филипповна, тоже жила у нас тут в избушке, где у меня дровенник-от, сарай.

Авт. – Какого года рождения?

В.Щ. – Не знаю. Егор Филиппович еще был. Вот отец-то Федор Родионович, да у меня – Игнатий Родионович. А Егор Филиппович помер, я вот забыл. Я в армии был, он помер. О Неофите я ничего не слыхал. (Дядя) Иван живет на Кубани, в Новороссийске. Еще Петр Родионович был, так он в 1918 г. похоронен, во время гражданской, на братском здесь похоронен. Я помню, здесь еще хоронили на братском-то, потом запретили.

Авт. – Когда женился ваш отец?

В.Щ. – В 1926-м. Жили в этом. Ну, эта изба здесь была не отделана. В той одной жили избе мама, отец. Перед в 1960 г., наверное, срыли на дрова в сельсовет. В 1961-м крыльцо-то делал, перед армией как раз. Три года в армии отбарабанил. В переду жил Федор Родионович тут с матерью, бабка Аринья Анисимовна была.

Авт. – А Тамара, ваша старшая сестра, как у нее судьба сложилась?

В.Щ. – А я не знаю, как она уехала, я тогда маленький был. Она во время войны уехала, она зоотехник. Работает в 25 км от Верхней Тоймы – в Сектре, в лесопункте по Двины. Она уже на пенсии. Дочка у нее одна, вот тут в Шилиге живет. Она с 49 года. У Тамары в замужестве фамилия Любимова. А дочь работает учителем начальных классов. Училась в Каргополье, в педучилище. На пионерку (пионервожатую) была сначала, а потом учителем тут стала.

Авт. – А что было с Лидой?

В.Щ. – Лида? Лида на пенсии на (улице) Энгельса живет, у «Океана» (магазин в центре Архангельска). Она здесь училась мало, наверное, я не знаю. Потом в лесу жила, работала от колхоза, тогды пойди на лесозаготовки. От Сылоги-то недалеко: Хайма называется. До Сылоги не доезжая, Хайма как раз. Я не знаю, сколько годов работала. Потом училась в Шенкурске, ездила от колхоза, на семенника.

Авт. – Техника-осеменатора?

В.Щ. – Да, с быками-то. Потом в 1953-м приехала, на скотнем робила тут. В 54-м вышла замуж. За солдата, тут служил, все одни у нас жили в переду. Пятеро: один вот в Карповой живет, дружок мне, да в Сылоги есть один. Она вышла, шофер был тут. Она после уехала. С Новгородской области был. Там уехала, пожила и заболела: болото, сырой климат. Едва, чуть не померла. Приехала в город жить.

Авт. – А он не поехал?

В.Щ. – Нет.

Авт. – Так они разошлись?

В.Щ. – Да. У нее парень, Борька, утонул. А после была девка-то. Утонул женатым, 30 лет, двое (детей) уж было. Пьяный тоже вых...йнул там в Северодвинске где-то, в озере купались каком-то. Ездят, рыбу ловят.

Авт. – Лида кем работала в Архангельске?

В.Щ. – Я не знаю, кем, как уборщица вроде, тут в общежитии. У нее своя квартира на Новгородской. А там вышла замуж за другого, тому дали (квартиру) тут, на Энгельса-то. Она живет под фамилией Окатова. Третий муж.

Авт. – А дети?

В.Щ. – От первого – Борька, от второго – девочка, и больше не было. С тем живет мужиком-то, семья осталась тоже у его.

Авт. – А брат Владислав?

В.Щ. – Тот не бывал у нас, в Сылоге живет. Я не знаю даже, девятеро или десятеро детей у него. Он, наверное, 4 класса окончил, да на сапожника. В Карповой, в сапожной мастерской. После школы учился, а потом – в армию. В армии четыре года, флот, наверное, робил еще. Потом уж приехал в Сылогу-то. Женился он в 56-м вроде. А детей у него 9 или 10? Да я не знаю. Вроде одна-то померла, так вот, ляд знает, 9 или 10. *(Смеется.)* У него много робятишек-то и внуков-то малых есть. Девки да робята. Всех не знаю. Я никого не знаю.

Авт. – А о брате Геннадии? Где он живет?

В.Щ. – В Северодвинске! Седьмой не дали доучиться. Я в седьмой пошел, а он – в шестой, в седьмой не дали. Переросток он в ней как будет. Работать заставляли, как лихо учиться-то! Он в колхозе работал. Все подряд, за мужика ломили. Я в седьмой класс ходил, за мужика муку таскал. Счас и корчуся – ноги болят! В обозе он был, потом в армию ушел. Я за него в обозе-то стал.

Авт. – А обоз – возили что-то?

В.Щ. – Ну, на конях: две лошади на человека. Нас до 40 человек собиралось. Из Усть-Покшеньги груз в Сылогу, в Кавру, а оттуда – в лес уже. Это неделю на морозе. Это от колхоза возили. В Пинегу ездил за мукой-то!

Авт. – Сколько вы были в обозе?

В.Щ. – Я три года был до армии-то. А Геннадий поработал, потом в армию пошел в 58-м, наверное, меня – в 61-м. Он в армии три [года отслужил], а потом не отпускали. Он в Германии был, стояли там. Время худо. Их задержали полгода, 3,5 дак. Потом бумагу подписал, да два года прослужил. Пять годов. После армии – в Северодвинск, как раз в 63-м на «звездочку»-то. Он там живет, квартира, жена Лиза с Пинеги. Она работает в аптеке, в лесэпидем какой-то. Не знаю кем. Я раз бывал (у них).

Авт. – Дети есть?

В.Щ. – Одна есть. Она с Анастасией ровесница. Зовут Лена.

Авт. – А вы после школы работали извозом, а после?

В.Щ. – После армии с ребятами хотел в Северодвинск устроиться. Устроился уже было. Домой приехал: мать болеет, одна дома-ти. Так и остался. Мать умерла в 1970-м, ее парализовало от кровоизлияния.

Авт. – А отец во время войны погиб?

В.Щ. – Месяц только был [на фронте]: 21 ноября увезли, в Михайлов день, а 25 уж ухандошили, е... твою мать! Это в 1941 году. Похоронен на Беломоробалтийский канал, Нижнее Вилозере, на Карельском фронте.

Авт. – Вам извещение пришло?

В.Щ. – Да оно пришло уже в феврале. А я как раз, мать беременна была, она как раз тут и родила [меня], как получила извещение-то. А то быват, 29-то февраля родился, раз в четыре года бы день рождения. А я родился 26-го.

Авт. – А что вы знаете об отце?

В.Щ. – А что вот только от матери-то, понаслышке. Он был, тут был талмудик такой, весь уже залысел, трудовая книжка. Ак, он портной был тут сколько-то времени, шил. Матерь говорит, хорошо он шил одежды. А какую, я не знаю. А быват, в милиции он (отец) сколько-то тут был. Из колхоза он вроде выделен как был. Тогды набирали. Матерь говорит, что в Кушкопале жили они тогды. Они уезжали, тогда он был милиционером. Она один раз убирала кровать, под подушкой-то граната у него была. Она ей взяла, и он как раз заходит и говорит: «Стой! Не шевелись!» Он у ей схватил гранату да за окошко выбросил. Не знаю, взорвалась там! Хорошо, никого не было там. Она что? Не знает! А лимонка, нажала на чеку. «Стой!», – говорит, да схватил вместе с рукой, да в окошко выбросил. Там треснуло!

Авт. – А долго они там жили?

В.Щ. – Не знаю. Тогда ведь мало добрых домов в Кушкопалы было. Вербованных-то тогды много было. Тогда ведь у них (милиционеров) давали наган и винтовку давали, мелкашку-то, винтовка мелкокалиберная. Прямо окно откроет и из окошка сидит, там-от и пернатые, глухари: из окошка щелканет – готов! Сходил, взял: «На, вари!» Готово варенье, не надь брать. Бил прямо так, из окошка.

Авт. – А потом они сюда приехали?

В.Щ. – Да! Его отсюда в армию призвали.

Авт. – Куда вы ездили? Где вы служили в армии?

В.Щ. – Я – в Обозерской. Зубы вставлял, там потерял. У нас «СС» (совершенно секретно) было. Ак, это подписку брали. Сейчас уже не имеет значения, сколько уж годов прошло. Сейчас все говорят. В школе был сержантской в Москве и под Москвой. В Венгрию ездили на три дня в командировку. Да вот 10 суток в Москве отсидел. *(Хохочет.)*

Авт. – А в отпуске, по путевке вы когда-нибудь отдыхали?

В.Щ. – Только вот я первый раз за тридцать годов работы в колхозе был в санатории. Дали мне от радикулита в Вологды путевку.

Авт. – В каком году?

В.Щ. – В 89-м, в феврале. Недалеко от Вологды ехал, станция Дикая. «Новый источник» санаторий называется. 24 дня там прожил.

Авт. – Вылечились?

В.Щ. – После сколько раз «радикюль» был! *(Смеется.)*

Авт. – Володя, а что у вас с этим глазом, левым? Вы где его покалечили?

В.Щ. – Ак, в кузнице работал. От наждака это прилетело. 2 июля 1981-го. 2 месяца язву не могли остановить. Все эта гноилось. Я затачивал: 20 годов наждака было – ни х..ра не было! А это дернул, руки грязные были, сам мокрый. Задел это рукой. Надо было прополоскать. Да он наждак только роговицу высветлил. Там внутри-то глаз видит. Ему видно сбоку.

Авт. – А после армии приехали, кем здесь работали?

В.Щ. – Шофером. После армии пришел, потом на курсы шоферов, вот с Васькой (Богдановым) вместе учился в Архангельске. Учились четыре месяца. Шофером груз возили, разно вино пили. *(Хохочет.)*

Авт. – А после, в кузнице когда?

В.Щ. – Права отдал, вот в кузницу поставили. Кузница была в Кобелево.

Авт. – Долго работали?

В.Щ. – Вот до 81-го, пока глаз не повредил, 5 годов. Потом 5 годов перерыв, конюшил сколько-то времени.

Авт. – Сколько лошадей было?

В.Щ. – Да 19 было. Потом опять созвали, никто не идет.

Авт. – У вас официально написано – «слесарь»?

В.Щ. – Да, так нельзя ведь, поэтому. Там ведь написано в бумаге-то, что нельзя кузнецом работать. Теперь там, в мастерских, в Красном, в кузнице работаю. Там подновляю.

Авт. – Вы к Гале как сватались? Как поженились?

В.Щ. – Я уж забыл. На машине ездил и увидел: воду черпает. Така тонка, гонка, прозрачная! А сейчас, ...б твою мать! Какие тут на

х... сваты?! Я что? Сам не сосватаю, что ли? Так пи...ология же у меня уже развита была.

Авт. – Вы в сельсовете расписывались здесь?

В.Щ. – Да, месяц надо было. Говорят: задаром берешь, тот же грабеж! *(Смеется.)* Тогды 1,5 рубля, а сейчас беда, сколько!

Авт. – Чтобы расписаться?

В.Щ. – Да! Что? Сейчас деньги бестолковые!

Авт. – Мы спрашивали у Гали, какая площадь вашего дома. Она велела узнать это у вас.

В.Щ. – Замеряли, я не помню! 8 на 4 изба-то: 8 длиной, 4 шириной. А дом 8 шириной, а длиной 17 метров. Дом 17 на 8 = 102 кв. м. А баню новую когда построили? В 1972-м попало.

Авт. – А подклет и погреб новый в 1989-м?

В.Щ. – Не знаю.

Авт. – За сколько вы бы продали свой дом?

В.Щ. – Только вот за страховку.

Авт. – В страховке его за 60 000 оценили!?

В.Щ. – 60 000 уже? Вот б...ь! Был он сколько? 1800 когда-то! Но никто его за эту сумму не возьмет. Это разве миллионер какой, б...дь! Так кому на х...й нужен?

Авт. – А инструменты у вас есть?

В.Щ. – Инструменты все есть: пассатижи, плоскогубцы, отвертки, молотки и прочее. Сколько стоят, я не знаю. С этим радикулитом в Карпову пойду, все что-нибудь куплю: все нужно. Косы, грабли, серпы, кирки, лопаты, – все уж это у меня без отца нажито. Что до этого было, все издержалось уже. Оценить трудно.

Авт. – А где вы кузнечному делу обучились?

В.Щ. – Так никаких тут у нас сложностей! Не у каждого в руках держится это! Молотобойцем был в кузнице тут, в гараже, шофером-то был. На ремонте, когда что делают, то смотришь, колотишь.

Авт. – Ваша мама во время войны осталась без мужа, не рассказывала она вам, как жила в это время?

В.Щ. – Так в колхозе одни женщины. Они и баба, и мужик! Она на телятнике работала. Я маленький ходил с ней! Вот это к водокачке-то, там был телятник. Сено-то она возила из леса-то. На вывозке зимой. А малы ждем, когда приедет домой-от! Пожрать-то, хлеба-то. Привезет из Сылоги-то круглые ковриги. С мороза, еще холодные нарежет, наминаем только! А дома-ти худо было с хлебом-то. А пекарня тут была тогда, но купить-то не на что. Не было ведь денег тогды! А до войны она работала, я не знаю. Тут ведь колхоз, трудовой-то книжки не было ведь. Все в колхозе работала. Работала до 58 года, весной она заболела. Она уже оступилась. Гипертония у нее была. Кровь тоже. На Холму ехала с бидонами, и кровь у нее пошла. Канава, вся в красном была вода. Болела.

Авт. – Мебель, какая была?

В.Щ. – Да кака тут мебель! Полати были, и все тут! Деревяна кровать да полати, какой фиг больше! Лавки, стол. Полки для посуды. Я в 64-м из армии пришел. На выгрузке был. Кровать да шифоньер потом купил. 100 рублей шифоньер был. Да диван сколько был?!

Авт. – А дрова как вы заготавливаете?

В.Щ. – Билет выписываю в лесничестве. Дровяны-то дешевле. В две печки уйдет 20 кубометров, больше. Билет взял у Генки (лесник) на дрова. И лежит он у тебя на руках. А потом возьмешь, наймешь кого-нибудь, и поехал. Деляна, он скажет какая, так знают уж все! За 4–5 км деляна-то! Или от колхоза билет берешь, то здесь в лесу за просекой дорожка. В колхозе билет дороже, чем в лесничестве. Пилу – в зубы, и сам пилишь. Спилишь, свалишь. Вывозить весной так. Пилишь все подряд. Свалишь, окарзаешь, пилишь, рубишь или чурками везешь. Транспорт не был прошлый год, так у меня пролежали почти 2 года, 1,5 года. Нынче вот только чурками вывез. Хожу валить туда пешим, а потом уж вывожу. Вывезти – машину или трактор надо.

Авт. – А сколько времени у вас это занимает?

В.Щ. – До-о-олго! Сучьями-то эта обрубать, сваливать-то долго. Месяц это-то надо хорошо трудиться. Да еще работа! Отпуск иногда беру, а так вечером надь ходить. Это к весне, не так темно будет.

Авт. – А где сейчас ваша старшая дочь живет?

В.Щ. – Тая – там, в Кушкопале.

Авт. – А Саша, почему у вас учебу бросил?

В.Щ. – Разгильдяй, надь ему шататься! Худо вот! Все ему хаханьки одны! В армию пойдет, потом, может, одумается, что надь учиться.

Авт. – А Коля у вас до армии работал?

В.Щ. – Да, в колхозе. Тоже я свозил его в Матигоры учиться. Две ночи ночевал и заболел: менингит какой-то. Так вот у сена были. А там же родники. Вот застудил всю голову. Все купались. Родники в верховьях Покшеньги. Лечили в Архангельске, лежал там месяц. Потом запретили учиться, так он уж и сам жил. А в армию взяли. Комиссию прошел. Прошло вроде все. В стройбате в Лешуконске. А в Белоруссии сразу был, там учебка, на тракториста учили. Их на вертолете в Лешуконье увезли .

Авт. – Что пишет?

В.Щ. – А ничего пишет. Тоже кашеварит, смекает летом, где бы накушаться.

Авт. – У вас у Коли менингит, а у Кати, тут ее оперировали, она мне рассказывала, 3 октября?

В.Щ. – Да, она уж, сколько годов уж мучается. Все вот! И я сколько раз водил. Посмотрят, ничего нет. Это в Карповой. А тут опять увез, все болит. А потом уж рентген, у нее там выпучивает, и

сразу как закупорка в кишках. И операцию сделали. И теперь ничего. Когда операция, чувствовала, что шарят там, только что не больно.

Авт. – А Тася?

В.Щ. – Она в Карповой школу кончила, а потом три года отучилася, а пришла на работу, а работы нету. Вот затычкой везде: туда, сюда. В техникуме сказали, что на затычки не соглашайся, чтоб постоянная работа была!

Обобщение семейной истории Щеголихина Владимира Игнатьевича

История кровного родства

Щеголихин Владимир Игнатьевич родился 26 февраля 1942 г. в деревне Кобелево. В 1969 г. он женился на Хрипуновой Галине Леонидовне (род. 5 января 1950 г. в деревне Немнюга). В семье Щеголихиных в Кобелево родилось четверо детей: дочь Анастасия – 8 марта 1971 г.; сын Николай – 27 августа 1972 г.; сын Александр – 18 июня 1974 г. и дочь Екатерина – 10 мая 1980 г. Владимиру было 29 лет, а его жене – 21 год, когда у них родилась дочь Анастасия. Старшая дочь окончила техникум и работает зоотехником в Кушкопальском отделении совхоза «Тепловский». Сын Николай служит в армии в Лешуконье Архангельской области. С родителями на момент обследования проживают сын Александр, работающий телятником, и дочь Екатерина, которая учится в кобелевской школе в 6-м классе.

Отец Владимира, Игнатий Родионович, родился в Кобелево 15 декабря 1901 г., погиб 25 декабря 1941 г. на Карельском фронте во время Великой Отечественной войны. В 1926 г. женился на Анастасии Андреевне Смоленской (род. 22 ноября 1907 г. деревне Жабей). В их семье родились семь детей: дочь Тамара – 8 июля 1927 г.; дочь Лидия – 20 марта 1930 г.; сын Владислав – 4 октября 1931 г.; дочь Антонида – 24 октября 1936 г.; сын Геннадий – 1 сентября 1938 г. и сын Владимир – наш респондент; он был последним ребенком в семье и родился, когда отца уже не было в живых. В 1934г. в семье родилась дочь Римма, которая умерла в возрасте 10 месяцев.

Таким образом, родителям Владимира было: отцу – 26 лет, а матери – 20 лет, когда у них появился первый ребенок – дочь Тамара. Дед Владимира, Родион Филиппович, родился в Кобелево в 1873 г., был женат на Ирине Анисимовне (девичью фамилию респондент не помнит), которая родилась в 1878 г. в деревне Киглохта, расположенной в пойме Пинеги и Немнюги, рядом с деревней Немнюга.

В семье деда было восемь детей: Петр (род. в 1899 г.), Игнатий (род. в 1901 г.), Наталия (род. в 1905 г.), Иван (род. в 1907 г.), Федор (род. в 1908 г.), Пелагея (род. в 1910 г.), умершая в возрасте двух ме-

сяцев; Анна (род. в 1911 г.), Мария (род. в 1915 г.). Деду было 26 лет, а бабушке – 21 год, когда у них родился первый ребенок, сын Петр. Прадед Владимира, Филипп Артемьевич, родился в Кобелево в 1839 г., а умер в 1895 г. О прабабушке ничего не известно. У Филиппа Артемьевича было пять сыновей: Родион (дед нашего респондента); Артемий (род. в 1874 г.); Неофит (род. в 1878 г.), Егор (род. в 1880 г.), Северин (род. в 1887 г.) и брат Вавила Артемьевич, на год его моложе, умер в 1894 г. Старший брат отца (дядя респондента) умер в 1918 г. во время гражданской войны, похоронен на братском кладбище в Кобелево. О тетке Наталье Владимир ничего не знает. Дядя Иван живет на Кубани, в Новороссийске, уехал из дому в 1936 г. Тетка Анна жила в Лохново, в своей избушке. У нее была дочь Тамара, у которой она жила в старости, умерла и похоронена в Архангельске. Тетка Мария была отдана замуж на Шотову, у нее было около 10 детей. Из шести братьев и сестер один Владимир остался жить в Кобелево, и то случайно. Пришел из армии в 1964 г. и хотел устроиться работать на завод в Северодвинске, но поехал домой, а там больная мать, он и остался с ней. Старшая сестра Тамара уехала из колхоза во время войны, кончила техникум, зоотехник, работала и живет в лесопункте Спектре рядом с Верхней Тоймой. Замужем, фамилия в замужестве Любимова. Единственная дочь с 1949 г. живет и работает в поселке Шилега. Сестра Лидия в 1954 г. вышла замуж за парня из Новгородской области, служившего здесь в армии, поехала к нему, не подошел климат, вернулась в Архангельск и живет там по настоящий день, на пенсии. Трижды выходила замуж, от первого брака был сын Борис, женатый, в возрасте 30 лет утонул по пьянке в озере под Северодвинском. Работал сварщиком, оставил сиротами двух детей. От второго брака была девочка. Лидия работала техничкой. Брат Владислав закончил 4 класса, потом учился на сапожника в мастерской в Карпогорах, служил в армии, в 1956 г. женился на Павле Константиновне (девичью фамилию респондент не помнит), 1936 года рождения, родом из Кевролы. Живет с женой в Сылоге, у него девять или десять детей, и уже есть внуки. Больше о них Владимир ничего не знает и с ним отношений не поддерживает. Сестра Антонида закончила в Кобелево 7 классов, училась в лесотехническом техникуме, вышла замуж в 54 км от Архангельска, в Вайново, за местного парня, фамилия в замужестве Григорьева. Работала на лесопункте. В семье двое сыновей, уже взрослые. Брат Геннадий закончил 6 классов, учиться было лень, до армии работал в обозе возчиком и грузчиком. С 1958 г. 3,5 года отслужил срочной и 2 года сверхсрочной службы. Приехал в Северодвинск после армии в 1963 г. и устроился работать на завод. Жена у него родом из поселка Пинега, работает в аптеке. В семье единственная дочь Елена (род. в 1971 г.).

Род Щеголихиных относится к середнякам, т.е. они не выделялись особым богатством, но и не нищенствовали. Дед Родион был

сапожником, а отец Игнатий был портным. Все были заняты в личном и единоличном хозяйствах. Отец с матерью женились по старому обряду, венчались в церкви. Мать Владимира, Анастасия Андреевна, выходила из зажиточного рода Смоленских из Жабея. Ее отец, Андрей Николаевич, родился в 1885 г. в деревне Жабей, умер в 1963-м. Он был грамотный, было свое крепкое хозяйство. Знал кузнечное дело. Был женат на Анне Ивановне Черной (род. в 1883 г., ум. в 1973 г.), неграмотной, родом из деревни Шотовой (околок Волость). Анна Ивановна с Агафьей Алексеевной Черной из одного дома. Черные в Шотовой во время коллективизации были раскулачены. Агафья Алексеевна – мать Софьи Николаевны Щербаковой, жены Александра Исаковича – живет в доме рядом со Щеголихиными. В семье Смоленских было девять детей. Анастасия была старшим ребенком. Второй была Александра (род. в 1916 г.), замужем за Сергеем Трофимовичем Ворониным (дядя Татьяны Ильиной), родом из Лохново. Живут в Сылоге, в семье четверо детей. Третья была Екатерина (род. в 1919 г.), которая до сих пор живет в Жабее в родительском доме со снохой и ее тремя дочками. Сын умер 7 лет назад. Володя с Галей женились по-современному, без сватов, расписались в загсе, отметили дома. Инвалидов в семье, по памяти Володи, не было, не считая травмы его глаза на производстве. Он получает пенсию по инвалидности, имеет ограничения по работе, которые не соблюдает. Галина Леонидовна родом из Немнюги. Ее мать Фекла Кирилловна Хрипунова родилась в 1929 г. в Немнюге. Отец ее, Леонид Артемьевич Нетесов, родился в 1922 г. в деревне Шардомень. Галина старший ребенок в семье, когда она родилась, ее отцу было 28 лет, а матери – 21 год. В семье ее родителей было десять детей: 3 девочки и 7 мальчиков. Галя назвала их только по именам: Аня, Коля, Сережа, Витя, Володя, Саша, Миша, Андрей, Татьяна. Трое братьев: Сережа, Витя, Володя живут в Немнюге, работают шоферами в совхозе. У них семьи, построены свои дома. Старший брат Николай живет и работает шофером в Северодвинске. Сестра Анна (род. в 1951 г.), живет в Сосновке, работает на почте, муж – Галашев, шофер автобуса. У них три дочери, свое хозяйство, дом, живут хорошо. Сестра Татьяна живет в Карпогорах, работает уборщицей на маслопроме. В семье один ребенок, сын. Фамилия в замужестве Тюлева. Братья Андрей и Александр живут в Карповой. В семье родителей в 1970 г. произошла трагедия: в декабре на 41-м году жизни мать Галины возвращалась от дочери, шла через Пинегу и провалилась под лед. Утонула не сразу, ее пытались спасти, кидали веревку, она ее поймала, но веревка оборвалась. В намокшей одежде она стала тяжелой, утонула. Потом тело нашли, похоронили на погосте в Немнюге. Бабушку Степаниду Галя помнит слабо. Она умерла, когда Галя пошла учиться в школу. Отец женился на Августе Назаровне Серебряной (род. в 1932 г. в деревне Чакола – месте захоронения народной скази-

тельницы Марии Дмитриевны Кривополеновой). У нее есть один взрослый сын. Живут они в доме матери Галины, Феклы Кирилловны. Отец Гали – инвалид Великой Отечественной войны, работал в колхозе столяром. Мать работала дояркой и телятницей, мачеха тоже работала дояркой. Сейчас они пенсионеры.

Социально-экономическая и политическая история семьи

О своем деде Володя знает, что он был сапожником. Отец Володи был портным. Из похозяйственных книг за 1936 г. следует, что 21 января 1931 г. Игнатий Родионович Щеголихин (отец респондента) вступил в колхоз. Социальный статус по богатству: середняки. В том году его братья, Федор и Иван, числятся выбывшими. С Игнатием живет его мать, Ирина Анисимовна, жена Анастасия Андреевна, дочери: Тамара, Лидия, Антонида, сын Владислав и сестра Мария Родионовна. В хозяйстве числятся одна корова, одна овца. Из построек: дом (2308 руб.), двор (542 руб.), амбар (142 руб.), баня (58 руб.). Отца своего, призванного 21 ноября 1941 г. на фронт и убитого 25 декабря 1941 г. на Карельском фронте, Владимир никогда не видел и все о нем знает со слов матери. Поскольку отец был портным, то, скорее всего, он числился в промартели. До войны отец был призван работать милиционером, и семья какое-то время жила в Кушкопале. Из детей там никто не родился, но в какое это было время, установить не удалось. В это время с ними там жила сестра Анастасии Андреевны Смоленской – Екатерина (род. в 1919 г.). Она сейчас живет в Жабее, мы с ней беседовали, но из-за головных болей, нездоровья она не смоглала вспомнить никаких подробностей. Мать получила извещение о смерти мужа 26 февраля 1942 г., и в этот день у нее начались преждевременные роды. На свет появился наш респондент Володя. Мать Ирина Анисимовна, как явствует из похозяйственных книг, работала сторожем в колхозе, а жена Анастасия Андреевна: летом – разнорабочей в колхозе, на телятнике, зимой – возила сено из леса. Детство Володе запомнилось ожиданием матери, которая привозила голодным детям хлеб – купть его тогда было не на что. Но в хозяйстве у матери во время войны была корова, одна или две овцы. Участок был 28 соток, его засевали льном, коноплей, сажали овощи, кормовые корнеплоды, картофель. В 1949 г. Володя пошел учиться в покшеньгскую семилетнюю школу. Еще во время войны после окончания школы старшая сестра Тамара уехала и жила в Верхне-Тоемском районе. Брат Владислав, отучившись 4 класса, ушел учиться на сапожника в мастерскую в Карпогорах. Остальные дети жили при матери. Володя в 1954 г. закончил 7 классов и пошел работать грузчиком и возчиком в обозе, возившем грузы от пристани Усть-Покшеньги. Володя сменил в обозе старшего брата Гену, который отучился 6 классов в школе и стал работать в обозе, пока его не призвали в армию.

В 1954 г. сестра Лидия вышла замуж и уехала из деревни навсегда. До замужества она работала от колхоза в лесу. Антонина тоже уехала из деревни после 7-го класса, просто удрала на лодке в Архангельск, училась в лесотехническом училище. В 1958 г. мать заболела и ушла на пенсию.

В 1961 г. Володя был призван в армию. «Учебку» Володя проходил под Москвой, а служил в Обозерской. В 1964 г. после армии он хотел устроиться работать в Северодвинске на заводе, как сделал его брат Геннадий. Но, приехав, домой, он застал одинокую, больную мать и решил остаться в деревне. От колхоза он поехал в Архангельск и, окончив курсы шоферов, стал работать по этой специальности в колхозе.

В 1969 г. он женился на Галине Хрипуновой. В 1970 г. умерла мать. Володя выпивал и был лишен водительских прав в 1976 г., пошел работать в мастерские кузнецом и проработал до 1981 г., пока не повредил себе левый глаз. После этого кузнецом работать не мог, и был конюхом на конюшне лет пять. С 1986 г. по настоящее время числится слесарем, а на самом деле работает кузнецом, ремонтирует технику в отделении совхоза. Его жена Галина, как приехала сюда, 10 лет работала на скотном дворе у Холма дояркой. Когда его закрыли, то перешла работать телятницей на телятнике в Красном.

В хозяйстве Володя с Галей почти все время держали корову. В начале 70-х годов корову держали совместно с соседями Софьей Николаевной и Александром Исаковичем Щербаковыми. В 1992 г. взяли теленка на откорм (последние три года скота в хозяйстве не было – считали лишними хлопотами, а сейчас это уже видится им насущно необходимым). На участке сажают картофель, репу, свеклу, морковь, лук. В поле сеяли ячмень. Его скашивают зеленым на корм. В хозяйстве три овцы. За годы совместной жизни овец держали обычно не больше двух.

История вещей

Дом, в котором живет Володя, старинный. По его воспоминаниям, мать говорила о доме, что он Вавилы – родного брата прадеда Володи (1839–1894). Неизвестно, сколько раз дом перестраивался, но Володя живет в остатке от бывшего дома. Переда дома нет, его в 1960 г. срыли и продали на дрова в сельсовет, это сделал Федор Родионович. От дома остались две смежные избы и зад: поветь с хлевом. В переду жил Федор Родионович, брат отца. В доме жили отдельно два брата. В доме отца мебели покупной не было: полати, кровати, скамьи, стол, полки, шкафы – все было самодельное.

В 1961 г. Володя прирубил к дому крыльцо. А первую мебель он купил, когда после армии работал грузчиком: кровать, диван, шифоньер. В доме есть телевизор, магнитофон, стиральная машина «Урал». Баня построена Володей в 1972 г. Погреб и подклет он при-

строил в 1989 г. к дому сбоку, прорубил дверь со двора так, что в подклет можно войти как из дома, так и со двора. Хлев Володя заменил на новый, срубил его в 1990 г. Еда их ничем не отличается от традиционной еды на Севере. Все готовится в русской печи. Электроплитка используется для разогрева пищи или готовки на скорую руку: пожарить картофель, яичницу.

Дети одеты так же, как и все в деревне. У сына есть костюм с галстуком. Галя одевается по-современному. Володю чаще всего увидишь в телогрейке, вязаной шапочке, брюки заправлены в сапоги.

Отношение к богатству выражено следующим образом: Галя, когда имеет деньги, покупает в магазине и продукты впрок, и что-то из вещей. Психологически это объясняется тем, что она боится оставлять деньги, боится, что муж их пропьет. Сам Володя очень хозяйственный. Мы все время ходили мимо его дома и никогда не видели его без дела. Картофель копал он с Катей. Сено косил Володя, Саша в это время был «у сена», т.е. заготовлял сено для общественного скота на Охтоме. Дрова рубит Володя, лошадь для жены запрягает Володя.

Галина последнее время болеет, у нее болят ноги, больно ступать. Она постоянно лечится, ездит на процедуры в Карпогоры. Как говорит Володя, вся зарплата уходит на поездки в Карпову. Лошадь для нее запрягает дважды: рано утром и к вечеру. Галя – телятница, вся животноводческая работа находится в Красном. Доярок на дойку возит Гена Богданов, живущий в Кобелево, но это не совпадает по времени с работой Гали, поэтому она ездит на работу на совхозной лошади: летом – на телеге, зимой – на санях.

История знаний, умений и навыков

Володя учился в покшеньгской семилетней школе. Закончил в ней семь классов. После армии от колхоза закончил четырехмесячные курсы шоферов в Архангельске. Когда его лишили водительских прав, Володя стал работать кузнецом. Кузнечному делу он научился как бы между делом. Когда ремонтировали технику, он становился молотобойцем у кузнеца в мастерской при гараже. Кузнецом был в то время Горст, а потом – Николай Федосеевич Щербаков. У них Володя и перенял кузнечное мастерство.

Галина дойке коров научилась дома, у матери. Вначале она доила вручную, потом, работая в Кобелево, освоила механическую дойку. Кормление животных, уход за ними известны ей из практического опыта. В домашнем хозяйстве существует следующее разделение труда: Володя занимается огородом, сенокосом, здесь ему помогает вся семья. Володя заготовляет дрова, пилит и колет с сыновьями. Володя же носит воду в дом. Помогают сыновья. Володя занимается строительством и ремонтом построенного. В старой бане у него оборудована мастерская. Галя занимается приготовлением пищи для семьи и скотины. Она убирает в доме, стирает. Полоскать

ездят на реку, как и все в деревне, тут ей обычно помогают Володя, сыновья и дочери. Когда ей не позволяет здоровье, этим занимается муж. Баню топят и готовят совместно. Галя показывала нам свое хозяйство, хлев. Это не всякая хозяйка дозволит, так как это может повредить и скоту, и дому. Здесь помнят о дурном глазе. Можно отметить, что здесь у нее порядок, в хлеву очень чисто. Навоз из хлева выгребает она, а дальше Володя им занимается.

Детям они стремятся дать образование. Сама Галя начальную школу закончила в Немнюге, а неполную среднюю (8 классов) – в Карпогорах. Старшая дочь и сыновья закончили обучение в неполной средней школе в Кобелево. Анастасия после школы от совхоза поехала учиться в Архангельск на зоотехника и окончила техникум в 1992 г. Ей пока не удается получить постоянное место работы. Она работала несколько месяцев в Лохново, теперь работает зоотехником в Кушкопале. Старший сын Николай после окончания школы поехал от совхоза в Матигоры учиться на механизатора. Но ему помешала болезнь. Он простудился и заболел менингитом. Сейчас он дослуживает свой срок в армии, в Лешуконье, потом собирался приехать домой. Николая отец тоже отвез учиться в Матигоры, но он заленился, и отец его привез домой. С января 1992 г. он работает в совхозе телятником в Красном. Во время сеностава ездил заготовлять сено на Охтому. Галя занимается дома починкой одежды, немного шьет на машинке. Другим рукоделием она не занимается.

История соседства

Щеголихины живут в центре Кобелево, на виду у всех. Очень дружат со стариками Софьей Николаевной и Александром Исаковичем Щербаковыми. Их также сближает родство по материнской линии Володи (Черная с Шотовой, см.: Кровное родство). В 1971–1972 гг. они держали одну корову на двоих. Сейчас Галя посещает их практически каждый день. Покупает им хлеб и продукты в магазине. Катя тоже часто навещает их. Галя часто навещает отца и сестру в Карпогорах. К ним заходит сестра Володиной матери, Екатерина Андреевна Смоленская. В гости они ходят к Василию и Антонин Богдановым на семейные торжества (это бывшие одноклассники и одногодки Володи.) Семью знают все в деревне, так же, как и они знают всех в деревне. Вообще, в деревне все друг к другу относятся уважительно, особенно к старшим людям. Володя пользуется известностью матюкальщика. Это у него наследственное (дед тоже был «матюкливый», отмечает он с гордостью), как и пристрастие к выпивке (хотя пьяным мы его ни разу не видели, это происходит незаметно). Он вспоминает, как лихо умела пить его тетка Анна. Володя – это деревенская изюминка, балагур и матюкальщик. Но за всем этим криком и шумом скрывается добродушный, наблюдательный человек с хитринкой. Галю Щеголихину знают хорошо и в

Кобелево, и в округе, и в родной Немнюге. Многим памятна трагическая смерть ее матери.

История связей с внешним миром

Володины выезды за пределы района начались с работой в обозе до армии. Первая большая поездка за пределы области связана со службой в армии. Он обучался в начале службы под Москвой, побывал сам в Москве, в Венгрии. Когда он после обучения был направлен для прохождения службы в Обозерской, по дороге из Москвы в Обозерскую он с сослуживцами заезжал в гости к одному из них под Вологду, в деревню рядом с поселком Молочное.

После службы в армии он приехал в Северодвинск (1964) и хотел там остаться работать на заводе, но поездка домой к матери изменила его планы, и он остался жить в своей родной деревне Кобелево. В 1989 г. Володя единственный раз за свою трудовую жизнь ездил лечиться в санаторий «Новый источник» в Вологодской области, где лечил свой радикулит. Это очень хороший санаторий.

В Архангельск ездили все в семье неоднократно. Особенно часто к Анастасии (Тасе), когда она там училась. Володя сам отвозил сыновей учиться в Матигоры и ездил забирать оттуда старшего. Его старший сын служит в армии в Лешуконье, это на реке Мезени. На вопрос о дедовщине Володя ответил, что побили его там, но сейчас сын уже сам старожил. Как он объяснил, в армии схватят и отлупят неизвестно за что. Он воспринимает это как какую-то неотъемлемую часть солдатской службы.

Из его семьи, как уже отмечалось, выехали все его братья и сестры. Все живут в Архангельской области.

Изменения в семейной истории
Владимира Игнатьевича Щеголихина, 2002 г.

Галина Леонидовна и Владимир Игнатьевич оба живут на пенсионном обеспечении, в сумме получают ежемесячно около 5000 руб. Этого бы им хватало на жизнь и хорошее питание, хотя Галина заболела диабетом, а у Володи очень болят ноги. Но им приходится помогать детям – с ними живет сын Николай, который не работает, потому что негде. Даже, чтобы оформиться безработным, ему надо хоть месяц где-то поработать. Он подрабатывает случайными приработками, когда кто-то в деревне позовет помочь.

Катя вышла замуж, родила ребенка, живет в Кодеме с мужем и его больной матерью, ни она, ни муж не работают. Тася работает в Кевроле зоотехником, муж без работы, у них трое детей.

Сын Александр живет в Архангельске, о нем ничего не известно, иногда приезжает домой. Галя хочет отказаться от содержания коровы, потому что ей молоко пить нельзя, Коля и Володя молоко не пьют. Осенью корову отдали дочке, за молоком Галя ходит к Тоне Богдановой через день.

История семьи Попова Владислава Владимировича

Респонденты: Попов Владислав Владимирович, род. в 1961 г.
Попова Ирина Анатольевна, род. в 1960 г.

2002 г.

Выбор респондента. Попов Владислав Владимирович привлек наше внимание еще в исследовании 1992 г., но тогда акцент исследования был направлен на самую «древнюю» память деревни и на ее коренных жителей. Владислав Владимирович был представителем молодого поколения и в деревне человеком приезжим, городским.

В 2002 г. ситуация изменилась: цель исследования сместилась в сторону будущего деревни. Владислав Владимирович – городской житель, приехал в деревню работать преподавателем в школу, построил дом, т.е. пустил корни в деревне. Владислав Владимирович незаурядная личность: он рисует, пишет и публикует стихи.

Словесный портрет. Владислав Владимирович – молодой мужчина среднего роста, спортивного сложения, приятной внешности, с темными глазами, шатен. Речь богата и выразительна, голос ровный, негромкий. Одет современно, по погоде, аккуратно и со вкусом.

Беседа первая (17 июня 2002 г., в школьной учительской вечером)

Авт. – Представьтесь, пожалуйста.

В.В. – Учитель русского языка, литературы и истории. Родился в 1961 году на Поморской (улица в центре Архангельска). Моя мама – учительница русского языка и литературы Попова Любовь Васильевна, она жива до сих пор, слава Богу, преподает в одной из архангельских школ.

Авт. – А родилась она когда?

В.В. – Родилась в 1936 году. Есть маленькая легенда. Когда она родилась, то перепутали метрики. На самом деле она родилась в 1937 году. Поэтому доверять нашей родословной... Бабушка тоже говорила нечто подобное. Она родилась в 1901 году. Потом, когда появились советские документы, они вместе со своей подругой сделали исправление: единичку исправили на 7. Паспортисты не заметили. Она была очень старенькая, прожила очень долгую жизнь. И мама всегда говорила, что она была на самом деле старше на 6 лет. Она умерла в 1993 году. Ее звали Анна Петровна Тепшина. Очень трудная фамилия: очень часто писали с ошибками. Я интересуюсь фамилиями, прозвищами. Мама мне сказала: «Ты прочти "Князя Серебряного". Там есть один человек, который носит фамилию очень созвучную слову: Тепша – Тепшина».

Отец мой Попов Владимир Николаевич, год рождения 1938. Он с нами не живет. Мне было года три (задумался на мгновение), да, года три, когда они с матерью развелись. Ну, там по каким-то лич-

ным причинам. Меня это мало интересовало. В семье я воспитывался один. Жил в такой совершенно женской семье: любимый внук, любимый сын. Отец повел себя как-то странно: не поддерживал с нашей семьей совершенно никаких отношений. Возможно, причина здесь кроется в моей бабушке: она была женщиной немного деспотичной, волевой. Отец в семье был примаком. Бабушка была своенравна, она была горда и сама при ссоре не шла навстречу.

Авт. – А об отце неизвестно, о его воспитании, каков род его занятий?

В.В. – Я немножко знаю об отце. Он родился в большой семье: было много детей, в Архангельске, архангелогородец. Хотя есть версия, что он происходит родом откуда-то из Пинежья. Это очень туманно. От кого-то это слышал. Семья была очень строгих правил. В семье большую роль играли традиции, эти домашние свычаи. Прадед, он похоронен на Вологодском кладбище в Архангельске, никогда не пил водки. Был совершенно трезвый. Семья была очень начитана, много читала. Единственное, что он позволял себе, так это в советский праздник небольшую рюмку пива. Любил мою мать, то есть свою невестку. Жалел ее. Когда мы однажды с мамой были в церкви, свечку ставили, она мне сказала: «Помяни деда, он тут похоронен». Это кладбище рядом с Ленинградским проспектом. Это старое кладбище.

Авт. – А отец чем занимался?

В.В. – Он закончил коммунально-строительный техникум, служил в армии, в Германии, вернулся, работал на стройке. Я даже знаю дома, которые он строил. Могу показать.

Авт. – А бабушка, которая с вами жила, чем занималась?

В.В. – Она вела домашнее хозяйство. Ей в жизни мало пришлось работать, потому что она была необыкновенных кровей. Родом бабушка, если говорить о родословной, Анна Петровна Тепшина, из деревни под Великим Устюгом. Однажды на день рождения я сделал ей подарок, подарил книгу «Великий Устюг». И она узнала там многие церкви и храмы и сказала: «Слава Богу, они сохранились!» Где-то недалеко под Устюгом есть три небольшие деревеньки: Моркино, Осыплево, Шатрово. Она родилась в какой-то из этих деревень. Девичья фамилия у ней Поздеева. Она родилась в семье крестьянской, очень многочисленной. У моей прабабушки Елизаветы Илларионовны Поздеевой было много сестер: Евдокия, Марфа, Александра, был брат, имени его не помню. Но у меня есть их фотографии. Когда бабушка была жива и как-то, может быть, предчувствовала свой уход, она рассказывала мне о тех, кто был на фотографиях. Я слушал и записывал на обороте фотографий кто есть кто.

Моя прабабушка Елизавета Илларионовна вышла замуж за моего прадеда Петра Поздеева. Петр очень долго ухаживал за Елизаветой, не один год. Но он оказался человеком такой вот бродяжной, что ли, натуры: не мог быть на одном месте. Непоседа. Он бросал

все, уходил куда-то к Астрахани, работал в различных плотницких артелях, ездил на стройки и пропадал порой по много-много месяцев, потом возвращался и привозил подарки Анне. Однажды он привез красивый голубой отрез на платье.

Елизавета его не любила за бродяжничество, как не любила за то, что он пил. Прабабушка Елизавета была очень гордой, очень своенравной. И бабушка моя пошла в нее: она была порой деспотичным человеком. Однажды Елизавета уезжает в Великий Устюг и живет там какое-то время, а потом переезжает в Санкт-Петербург. Мужа Петра она бросает. Его судьба трагична: однажды, переправляясь через реку, он тонет.

В Санкт-Петербурге она работала в доме одной дворянской семьи. Она начала обыкновенной служанкой, горничной, а потом она дошла до ключницы, экономки. Вела все хозяйство. Через несколько лет ненадолго возвратилась из Санкт-Петербурга. Дело в том, что в той семье, где она жила, хозяева не имели детей, не могли. А она была очень красива и вот посмотришь на эти старинные фотографии, которые у мамы есть, и восхищаешься: она поражала своей необыкновенной красотой, статью, стройностью. И вот этот барин, хозяин влюбился в нее. И она родила девочку, незаконнорожденную, эта девочка стала моей бабушкой Анной.

И она привезла эту девочку в деревню Шатрово и оставила жить у своей матери, моей прапрабабушки. Та бабушка была очень старенькая, полуслепенькая. Они спали на русской печи. В одну ночь Анна проснулась и подумала: «Почему бабушка такая холодная?» А та умерла ночью во сне. Приехали тетки, сестры мамы. И она стала жить у них...

Боже мой, ну, вот она жила, жила у сестер, приходилось очень трудно. Особенно трудно было с одной сестрой, с одной теткой жить, Александрой Буховой. Потому что в семье было много детей, и они были голодные, уже преддверие гражданской войны, революции. Все мужики были на фронте, и поэтому много приходилось женщинам выполнять работ. Для нее самое страшное – это было пиление дров. Они пилили лес пилой, одноручкой. Тетка Александра постоянно дергала, а у нее слабенькая ручка не успевала, тетка ругалась. Потом приходил ее муж, Михаил Бухов, ее дядя, и пилил вместе с ней. Было пилить легко, медленно, он не давал ей нагрузку на ручку маленькую.

Накануне революции насовсем из Санкт-Петербурга вернулась мать, Елизавета Илларионовна, и, забрав дочь, уехала в Архангельск. Они поселились в домике на Благовещенской улице. Елизавета Илларионовна привезла с собой сына, Коленьку, брата моей бабушки Анны. Совсем маленький крошечный мальчик. Он родился где-то в 1916 или 1917 году, в такое лихое, тяжелое время. Было голодно. Совсем не было денег. Прабабушка Елизавета служила экономкой в дворянской семье. Ее сразу взяли – помогли хорошие

рекомендательные письма. Она часто брала с собой Коленьку. Хозяева, кстати, тоже были бездетны, Коля им понравился. Как-то они предложили Елизавете оставить Колю жить у них, на время. Хорошее питание, лекарство (Коля приболел), уход, был свой домашний врач. И Елизавета согласилась. На ночь она уходила домой, к дочери Анне, с утра торопилась на службу. И как это случилось? Как это стало? Та семья, не предупредив, тайно вдруг снялась с места и, бросив дом, вместе с Колей уехала за границу. Бежали. Отчего? В город, вероятно, входили красные. Тогда была паника. Нужно было, видимо, успеть на пароход, успеть уплыть... Куда они бежали, неизвестно...

Бабушка Анна в 1918–1919 годах вышла замуж за Михаила Беляева. Ему было 30 лет, и он служил чиновником в пароходстве. У бабушки от него было очень много детей, и все они умерли. У Михаила здоровье было очень слабое, он был чахоточник, кажется, на войне в окопах подхватил чахотку. Когда дети рождались, они были слабенькие оттого, что он был болен. Они не доживали до годика, а всех детей было семеро.

Ей было всего 17–18 лет. Муж Михаил придет из Архангельского порта, чтобы чай попить, а она в куклы играет. Конечно, никакого супа, никаких котлет, никакой картошки. Она сидит и играется. Он ее не ругал. Говорил: «Ну, ладно, Аннушка, ты сиди, я сейчас что-нибудь сварю». И готовит, она и поест. Потом и денег попросит, чтобы сходить в кинотеатр, кинофильм посмотреть. Она знала на память все кинотеатры Архангельска: и «Эдисон», и «Летний» и еще она называла какие-то. Потом он умер в году 1931 или 1932-м. Он умер, и она недолго была одна. Она была очень красива, она была молода.

Ее подруга, Шура Семагина, с улицы Новоземельской, пригласила однажды на танцы в Соломбалу. И там бабушкины пути пересеклись с Василием, с Василием Тепшиным. И она стала Тепшиной. Она просто подарила ему свою любовь. Они поженились в 1934 г. Он работал главным бухгалтером в Архангельском порту, это Северный морской путь. Он был из большой семьи. Там были почти одни мужчины, все Тепшины. Я их никогда не знал. Они были выходцами из Онеги. Если род бабушки идет из крестьянской семьи, то новая онежская семья была богата. В Онеге они имели двухэтажный дом, пароход. Это, видимо, купеческая семья была. Во главе стояли Катерина и Петр Тепшины, приехавшие в Онегу из Санкт-Петербурга с Васильевского острова. Я все спрашивал тетю Лизу, сестру дедушки Василия: «Почему они покинули Онегу? По какой причине так стремительно переехали в Архангельск?» Она говорила: «Понимаешь, время было тяжелое». И молчала. Может быть, они боялись репрессий. Это было после революции. Поэтому они так стремительно снялись и поселились в Архангельске. Тетя Лиза часто говорила, что они с этим переездом потеряли абсолютно все.

Мой дедушка Василий в 1938 умер в Андерме от сердечного приступа. В Андерме была полярная станция, геологи, полярники. Они, возможно, обслуживали нужды Северного Ледовитого флота и летчиков, был аэродром. Там он работал, там с ним случился сердечный приступ, и он умер во сне. Есть какие-то письма, мама, правда, ими не занималась: эти письма карандашные.

Ну, дак вот, это Василий Тепшин. У него были братья: Александр, Михаил и сестра Лиза, любимая дочка, любимая сестра. И бабушка очень переживала смерть Василия. Она его очень любила. Когда она вышла замуж, Василий перевез ее на улицу Чумбарова-Лучинского. Моя мама жила вместе с бабушкой, с мамой своей на этой улице Чумбарова-Лучинского. Мы ведь еще про бабушку не дорассказали, Елизавету. Бабушка Елизавета очень любила морошку. Когда приходила на базар, любила морошку покупать, но больше всего любила сама морошку собирать. Ее судьба трагическая: она ушла за деревню Уйму за морошкой и не вернулась. Бабушка Анна как чувствовала: плакала, кричала, не пускала. Та все равно ушла. И когда шла по улице, бабушка распахнула окно и стала звать. Та не обернулась. И пока не скрылась за углом, бабушка ей все вслед смотрела. Как чувствовала!

Однажды ночью, уже прошло много-много месяцев со дня ее смерти, может, на годовщину было. Ей приснилась мама, Елизавета. Она пришла и говорит: «Аннушка, ты знаешь, как я умерла, меня лихие люди убили, им сапоги мои понравились». Перед уходом на базаре ей купили новые сапоги. Она еще радовалась, что новые сапоги не текут, хорошо пошиты. Бабушка очень убивалась. Она очень тяжело переживала, потому что когда есть могила, то есть куда сходить, знаете? А тут ведь неизвестно, пропала без вести.

Но время-то шло, Василий умер в Андерме. Бабушка вспоминала его всегда со смехом. Он был веселый такой, всегда песни пел. Они были очень музыкальные, Тепшины. У них в Онеге было фортепьяно. Они играли по вечерам, пели.

Как-то тетя Шура пригласила анну на танцы в Соломбалу. Бабушка говорила, что они пошли в тонких чулках по этому деревянному мосту, понтонному, через речку Кузнечиху. Было темно. Было холодно. На балу в реввоенсовете познакомились с офицером. Тетя Шура Семагина никогда в жизни замуж не выходила, была противница. Она считала, что женщина должна быть свободна. Она курила постоянно, она такая вот суфражистка была. *(Усмехается.)*

А бабушка познакомилась с этим офицером, а он в нее влюбился, влюбился по-настоящему и стал ухаживать, но бабушка его очень долго к себе не подпускала. И он долго и очень красиво за ней ухаживал. В Торгсине покупал вино, шоколад, цветы, делал дорогие подарки. Она это помнит и говорила мне об этом, вспоминая все эти шоколадные наборы, розы, шампанское, заколки, часы, браслеты, серьги. Он был не русский, хохол, украинец. Его фами-

лия была Терещенко Петр Арсеньевич, происходил он из кулацкой семьи из-под Кременчуга. Но решил вступить в комсомол (у нас хранится его комсомольский билет). Ушел в комсомольцы и, как ни странно, участвовал в раскулачивании своей собственной деревни. А потом, видя в нем такого пламенного борца, комсомольца, его направили в военное училище, и он стал офицером, вот, служил в Архангельске. И там на балу встретил бабушку, и бабушка вышла за него замуж накануне войны, в 1940 г.

Он воевал в финскую и, Слава Богу, вернулся живой, и у нас есть фотография в архиве: он в буденовке, он на лыжах, он со снайперской винтовкой. Бабушка мало ездила по свету, она почти нигде не была, разве что Великий Устюг, город Архангельск. А он свозил ее в Оренбург в военный санаторий, по путевке. Она вспоминала кумыс... на всю жизнь воспоминание. А потом он ушел на фронт, и в 41-м она получила похоронку. Смоленское сражение. Из военной части друзья написали, что он командовал батальоном, ему был приказ: задержать наступление немцев. Они сражались до последнего, и он погиб, пропал без вести. Его друзья-однополчане, кто остался, Слава Богу, в живых, писали потом бабушке письма. Под Смоленском есть памятник погибшим в том сражении и там есть фамилия Терещенко Петр Арсеньевич. Бабушка осталась ему на всю жизнь верна. Улицу Выучейского, где они жили с Петром, и откуда он ушел нам фронт, она ненавидела и любила. Здесь был их дом, где так коротко было ее счастье. А ненавидела почему? Она отвечала так: эта улица разлучила меня с Петей...

Во время войны бабушка переезжает на улицу Поморскую. На ее руках дочь, моя мама, Люба и Владислав, сын Петра Арсеньевича... Они жили на Поморской, бабушка была вынуждена пойти на работу, потому что она нигде не работала, когда Василий был ее мужем. Она нигде не работала, когда Петр был ее мужем. Они были достаточно обеспеченные люди, Василий говорил ей, что она должна быть домохозяйкой. А Петр говорил: «Ты жена офицера. Я не позволю тебе работать!» А теперь она вынуждена была идти работать, она устроилась в госпиталь. Я все время спрашивал: «Мама, почему нас так мало?» Родня умерла. Умерли лучшие друзья, другие погибли во время бомбежек. Архангельск бомбили очень страшно, мама до сих пор помнит это. Бабушка уходила в госпиталь на целые сутки. Однажды к ней подошла ее подруга лучшая и сказала: «Нюра, мне нужно быть на смене. Разреши я выйду, а потом ты отработаешь». Бабушка согласилась, осталась дома.

Подруга вышла на работу, и к ней вдруг прибежал ее муж (у него была бронь, он в порту работал). Налет, бомба попала в госпиталь, и они были убиты. Бабушка говорила, что ее судьба так страшно отвела, если бы она была в госпитале, то...?!

А мама рассказывала очень страшные вещи про эти бомбежки. Бабушка говорила: «Не бойтесь, не бойтесь дома. Это место, заго-

воренное, и в наш дом на Поморской никакая бомба не упадет!» И что поразительно, насколько все жильцы, а это была коммунальная квартира (знаете, 7 примусов стоят на маленькой коммунальной кухне, это как у Зощенко), они все на первом этаже 43-го дома на улице Поморской, все считали, что бомба не попадет. И вот бабушка в госпитале, и мама помнит, что раздался ужасный-ужасный рев, она бросилась к окну. А окна у нас на Поморской выходят на глухую двухэтажную очень высокую невероятной ширины стену соседнего дома. Этот дом закрывает всю Поморскую улицу нашему дому. И она увидела на фоне этой светлой широкой стены тень пикирующего самолета. Это была невероятно огромная тень! Потом раздался страшный грохот, вылетели все стекла, которые были обклеены бумагой, печки потрескались, посыпалась штукатурка. Мы, говорит, с дядей Владиком запрятались под кровать, лежали там, трясясь от страха, пока не прибежала перепуганная бабушка. Бомба упала в метрах 50.

Бабушка рассказывала, как они на крыше госпиталя тушили зажигалки. Бомбили порт, разбомбили все дома напротив теперешнего универмага. Она рассказывала о хлебных карточках, мама ходила получать хлеб по карточкам, маме так хотелось есть, что она брала с собой маленький ножичек. Она отрезала тоненькую-тоненькую пластиночку хлеба, тоненькую, почти незаметную, и ела. Бабушка знала и ничего не говорила. *(Добро усмехается.)* Так что было очень голодно и страшно. Как-то Семагина Шура и сказала: «Архангельск бомбят, а Соломбалу не бомбят. Переезжайте ко мне!»

Это было в 42, 43 годы. Середина войны. Она говорит: «Приезжайте ко мне, у нас потише, ведь в Соломбале только частные домишки и дрова есть. Потише, все вместе мы проживем». Бабушка уехала вместе с детьми в Соломбалу. Как долго добираться было до центрального госпиталя в Архангельске, по Кузничевскому мосту, по разбитым улицам, приходила очень поздно, замерзшая, голодная... А потом закончилась война. Бабушка говорила, что еще очень долго были карточки, а потом появились первые послевоенные деньги, как они стояли долго-долго в очередях, чтобы обменять карточки на эти деньги. Мама рассказывает, как они принесли полную сумку продуктов: хлеб, хлеб и масло, еще банку мармелада и больше ничего. Это было богатство: они стали пить чай. Чай был плохой, потому что чай продавали на базаре за сумасшедшие деньги в спичечных коробочках и часто обманывали, подкладывали чай спитой, то есть высушенную заварку, немного перемешивали с настоящим чаем. Всюду процветала страшная спекуляция. Было очень голодно в это страшное время. Бабушка продала все свои драгоценности, а их было немало, и свои красивые платья, шляпки, туфли, книги, кое-что из мебели – все ради того, чтобы прокормить своих детей...

Она работала по-прежнему санитаркой, но уже в стоматологической поликлинике. Другой профессии у нее не было. Потом ушла на пенсию. Маленькая-маленькая пенсия. К этому времени мама уже окончила педагогический институт. В Архангельске она закончила школу. В школе училась так, с троечки на четверочку, не очень старалась. Она откровенно говорила, что ей не очень нравилось учиться. Ей нравилось рисовать, ей нравилось петь песни, сочинять стихи, нравилось вертеться перед зеркалом, мерить себе разные бантики. Она говорит, что была ужасная шалунья. И рассказывала много интересных случаев из своей жизни. Она любила проверять места, где обычно хранятся конфеты, печенье. Бабушка знала и прятала сладости. Они стоили дорого.

Так они на Поморской всю жизнь до 70-х прожили. Бабушка работала санитаркой, потом она ушла, потому что мама окончила институт, стала получать первые деньги. И бабушка ушла с работы: она очень долго на маму обижалась: пенсия была очень маленькая. Она говорила: «Я могла бы еще поработать, чтобы у меня была пенсия побольше». Тут мама познакомилась с моим будущим отцом. Он был робок и несмел. Они могли целые ночи бродить по набережной Архангельска, еще деревянной, узкой, с мосточками, мостками. Он боялся коснуться ее руки. Он очень боялся, не дай Бог, коснуться руки. И где-то через 1,5 года он сказал: «Люба, я хочу тебя поцеловать». – «Нет, нет, никогда!» И они стали спорить, можно это или нельзя. И они назначили день, когда они поцелуются: через месяц, число. И вот они на набережной поцеловались и не поняли: он как-то неловко чмокнул в щеку. И вдруг заревел, пошел красными пятнами и со стыдом побежал прочь. Она была очень удивлена. Потом отец ушел в армию. Он служил в Германии, писал ей письма. Мама училась в институте, ей было очень трудно учиться, потому что родился я. Однажды я заболел, и, вообще, я очень много в детстве болел, был слабым ребенком: я родился раньше времени. Вот, маме приходилось готовить уроки и одновременно следить за тем, чтобы вовремя кормить. Было очень нелегко. У нее образовалась какая-то задолженность. И когда ей пригрозили отчислением, она взяла и просто ушла из института. Она уехала в Калининград к тете Лизе. Тетя Лиза была для нее как вторая мама.

Мы все уехали в Калининград и стали там жить в небольшом поселке Железнодорожном: бабушка, мама, я и еще тетя Лиза с мужем. К этому времени все отношения с отцом моим у мамы испортились окончательно. И мама сказала: «Я могу жить одна». И вот она приехала в Калининград и поступила работать в детский интернат. И все в нем были рады, что появилась вот такая девушка, молодая женщина, которая была заботливая, ласковая, нежная с детьми. Потом маме прислали письмо. Сам ректор написал письмо с просьбой, чтобы она приехала в Архангельск, что ей все прощается. «Приезжайте, сдавайте экзамены». Директор интерната сказал:

«Да, Боже мой, зачем вам это, у вас есть жилье. У нас тут полно домиков. Можно отремонтировать, починить, будете жить, у вас есть работа, сын, мама. Здесь есть фрукты, мальчик больной, надо его кормить. Ну что еще нужно?» Она сказала: «Нет, я поеду, мне нужно образование». Мы сели на поезд и укатили.

Мама закончила учебный год. Получила диплом и направление в Устьяновский район, в сельскую школу. Уехала туда на 5 долгих лет. Мы с бабушкой остались в Архангельске. Бабушка сказала: «Все, наездилась. К маме в деревню не поеду. Там нету врачей, там нету витаминов. Там нет лекарств, там нет квартиры. Мальчик здесь, в городе. У меня все врачи знакомые, лекарства, прививки». И я остался с бабушкой. Мамин брат, дядя Владик, к этому времени отслужил свое в Германии и жил некоторое время у нас. Все по дому делал, у него были золотые руки. Он работал на «Красной кузнице» крановщиком. Он приводил нас к воротам «Красной кузницы», нас дальше не пускали. Отсюда был виден большой-большой кран-жираф. И он говорил: «Я сейчас побегу, и вы увидите, как я высоко поднимусь по лестнице на кран». И мы во все глаза смотрели, как он подбегает к этому крану и поднимается. Вот он высоко-высоко, далеко-далеко в небе, он открывает форточку кабины и машет кепкой или носовым платком. Вся наша семья как-то связана с «Красной кузницей». На «Красной кузнице» до войны работал сын тети Лизы, двоюродный брат моей мамы. Его звали Геннадий Иванович Катарин. Он погиб в 1944 году в Восточной Пруссии. Вот тетя Лиза и уехала из Архангельска, чтобы быть поближе к его могиле. После переправы через Днепр ему присвоили героя СССР. Тетя Лиза им очень гордилась. Рядом с «Красной кузницей» стоит памятник героям Отечественной войны, среди имен героев – его имя. Он был очень смелым. Прыгал с парашютом, метко стрелял – Ворошиловский стрелок, на спор переплывал реку.

Мама окончила институт и уехала в Устьяновский район по распределению, а мы с бабушкой остались здесь. Мама приезжала к нам на каникулы, летом в отпуск. Я страшно скучал и очень ждал ее. До сих пор помню, как я ждал писем. Как бабушка приходила и письма приносила. Бабушка учила меня письму. Бабушка учила меня счету. Она покупала мне книги, игрушки. Помню, как она приходила и торжественно говорила: «Ну, от мамы письмо! Давай читать вместе». И читала письмо. В каждом письме были какие-то рисунки, сказки. Иногда мы ходили на почту и приносили от мамы большие посылки. Мама посылала нам какие-то чудные зеленые чашки, галоши, валенки, какие-то курточки, рубашки для меня. Иногда были переговоры по телефону. Я слушал ее голос.

А потом бабушка сказала: «Все, хватит! Поедем туда, в деревню!» И мы поехали в марте месяце. Бабушка расписывала: нас встретят на машине, там будут такие поля, леса, реки, заснеженные дома. В действительности я увидел снег, снег, снег, бесконечный

снег и огромные сухие малиновые кусты. И мы с бабушкой стали жить в деревне с марта месяца по июнь месяц. Пока мама занята, у нее экзамены в 10-й классе.

Мы так четыре месяца жили в большом доме, хозяйка была очень добрая. И жили очень весело, радостно, столько было солнца. Бабушка была такая неутомимая путешественница, она говорила: «Не надо меня в лес водить, я сама пойду и найду». И всюду водила меня за собой. Она была такая травница, многие травы знала: «Эта трава так называется, эта – так». Она не могла пройти мимо вывороченной трактором елки. Она ее осторожно приподымала, прикапывала, подвязывала к колышку. И елка выживала и росла. К ней мы ходили все время, года три. Говорили: «Елочка, дай нам грибов и ягод!» И всегда рядом с ней находили грибы и ягоды.

Я деревню не принимал на дух. В городе трамваи, машины, улицы, магазины, огни кино. Как жить в деревне: выйти из дому нельзя – снег, снег, снег, все замело, одна только санная дорога. Проедет раз в неделю волокуша, и все. Но, правда, были санки, лыжи, я учился рисовать и сочинял стихи, хотя еще не мог читать. Очень скучал по городу, по своим городским друзьям с улицы Поморской. Я с нетерпением ждал возвращения.

Устьяновский район – это в Архангельской области где-то недалеко от Котласа. Это местечко зажато между Красноборским и Каргопольским районами. Где-то посерединке. Потому что мы ехали на котласском поезде до Костылево. А от Костылево на автобусе до Шангал. А от Шангал еще на каком-то автобусе вглубь. Я помню, как там проводили свет, радио, такие большие черные тарелки, телефон один на всю деревню.

Люди там не имели, как мне казалось, представления об очень многом. Однажды нам послали из города посылку с пакетиками сухого супа. Бабушка имела неосторожность сказать соседям, что за 5 минут суп приготовит, и что в маленьком пакетике есть все необходимые компоненты, то ей не поверили. К нам пришла целая деревня. Женщины внимательно смотрели, как бабушка достает пакет, как высыпает его в кипящую кастрюльку. Потом все из общей миски хлебали. И пришли к выводу, что вкусно и что очень быстро. Но из русской печки все же вкуснее.

Бабушка пекла замечательные торты, «наполеон» был ее фирменный торт. А в деревне ведь не пекли тортов. Шаньги, калитки, а торты – нет, это было городское. Когда бабушка приносила торт, то его резали тонюсенькими кусочками, чтобы всем за столом хватило. В деревне была культура пивопития. Варили пиво. На празднике много пива было. И я тоже пиво пил с сахаром. Пиво варила тетя Надя Валова, сейчас ее уже нет, наверное.

В деревне праздновали Пасху. В Пасху красили яички и яичками стукались. В горку катали яички. Катали, катали. Но я-то не катал, потому что я не парень был, обычно парни катали. И качели дела-

ли такие высокие обязательно. В каждом дворе были свои качели. Помню, была Масленица, сжигали чучело, был большой костер. Помню еще столб ледяной. На столбе обычно сапоги висели, нужно было доползти. Столб вкапывали в снег, поливали водой.

Под Рождество ходили ряженые, было много ряженых. Однажды я испугался. Мы шли с бабушкой. Мама уехала на совещание в Березняк, это очень далеко, на лошади. Бабушке было скучно, и она сказала: «Ну, сейчас пойдем, все-таки Рождество». И неожиданно из-за угла появились эти ряженые: козлиные морды, козлиные шкуры – все было такое страшное, потому что это нечистая сила, как Баба Яга. Я испугался очень сильно. Ряженые засмеялись и стали давать конфеты. Я от них конфеты не брал, ни за что!

Я помню, как много было гостей в доме, куда мы пришли, много пива было, много было песен. Но почему-то горели свечи и керосиновые лампы. Может, свет отключили тогда. И вот в этой темноте Ефим, старик, мне наливал полную кружку пива и курил козью ножку, там не было папирос.

Мама тоже курила самокрутки. Курит до сих пор, правда, меньше. Самокрутки, козьи ножки она сама умела крутить. Бабушка очень сильно ругалась: «Ты у меня, Любка, смотри!» *(Металл в голосе.)* Любка все равно курила.

Я помню похороны, потому что у них на могилы полотенце вешали на крест, по диагонали. И даже на старых могилах полотенца постоянно меняли. Все время были более или менее новые полотенца, видно было, кого посещают. Яркие, свежие полотенца – это свежие могилы. И вот какая история с этими полотенцами.

Когда мама приехала с поезда, и ее отправили на житье в дом Анны Ивановны Воловой. Следом и мы приехали с бабушкой. Бабушка любила всегда знать, кто живет и как, чтобы в семье все было по закону, чтоб был порядок. «Ты, Люба, у меня слабохарактерная. Я сама приеду, жилье твое справлю, как надо, всех на место поставлю, договорюсь о цене за комнату-то. Посмотрю, где вода. Будет ли тебе картошка на зиму, овощи». Бабушка была практичная, совершенно практичная.

Я хорошо помню тот вечер и дом Анна Ивановны: было много людей, горели свечи, все были в черном. Анна Ивановна быстро шагнула к нам и сказала: «Идите, идите, вы простите меня, мама моя кончается...» Уже потом Анна Ивановна сказала маме: «Если ты не брезгуешь и не боишься, то можешь спать в комнате моей мамы. Она была добрая». И мама стала жить в этой комнате. Но в одну из ночей эта покойная к ней ночью пришла, пришла: и раз, и два, и, как в фольклоре русском, на третий раз тоже пришла. И на третий раз сказала: «Что ж вы так меня похоронили, а полотенце-то не повязали на крест». Мама рассказывает: «Я не знаю этого обряда. Это так мне приснилось, и вот так она мне сказала: завяжи полотенце». Когда я наутро сказала Анне Ивановне: «Анна Ивановна,

Ваша мама приснилась. Просила полотенце повязать». Та как всплеснула руками и говорит: «Господи, ты-то, откуда знаешь?» Говорит: «Мне приснилось». Она тут же бросила все, вместе с мамой сели на какую-то подводу и вот на телеге поехали на кладбище повязывать полотенце.

И моя мама [там] жила целый год. За лето мы решили переехать на год в деревню всей семьей. Мама говорила бабушке про меня: «Как ты будешь его в школу отправлять в городе: автобусы, трамваи. А тут сельская школа, и я в этой школе работаю. Все будет хорошо». А бабушка сказала: «Ну, я одна жить в городе не буду. Я с тобой годок в деревне поживу».

И снова новый дом, мы много домов в Строевском переменили. Весь дом был в нашем распоряжении. Топили печь. Бабушка научилась топить русскую печку, пекла пироги, кренделя, куличи. В этот раз у нас был участок с картошкой. Мама ничего по дому не делала, приходила очень поздно. Делала все бабушка: она стирала и носила воду.

Мама закончила историко-филологический факультет, преподавали историю, русский язык и литературу. В деревне ее очень слушались ученики: ничего, что она молоденькая. Она говорила, что к учителям отношение какое-то было необыкновенное: «Я уже встаю утром рано, гляжу, на пороге лежит баночка сметаны или молока крынка. Поздно вечером стучат в дверь: «Учителка, открывай». Она боится, что пьяницы идут: «Нет, нет, нет». – «Да не бойся! Дверь не открываешь, так и не надо!» Она утром-то открывает, а там 3-4 вязанки сухих березовых дров. Вот как было. И заходили к ней: «Мы поехали в районный центр, надо ли тебе чего?» На «ты» обращались запросто, такое панибратство и одновременно уважение. И потом не было проблем с баней ни с подвозом дров. Всегда что-то было.

И она очень благодарно вспоминала эту деревню, когда вернулась в 70-м году в Архангельск, она вспоминала деревню и говорила, как ей было хорошо! И какая там природа была необыкновенная. В городе было довольно нелегко найти работу, ей предложили Маймаксу. И она начала ездить в Маймаксу. Дали учительскую комнату.

А мы с бабушкой – на Поморской, а я должен идти во второй класс. Но бабушка сказала: «Сначала съездим к Любе». Мы съездили к маме, посмотрели, как она живет. Мы увидели такой длинный-предлинный барак 20–30-х годов. Увидели, что это коммунальная квартира, увидели поселок, весь засыпанный опилком, увидели этот завод, который дымил своими трубами. Она сказала: «Нет, нет, да ты что, с ума сошла? Как ты можешь здесь жить, работать и так далее?! Живи только год. Здесь нет ни ягод, ни грибов. Что я сварю, чтоб ты имела варенье, чтоб Владик (то есть чтоб я) имел витамины».

Мы с бабушкой подались в Строевское. Уехали в августе и жили в деревне весь сентябрь. И бабушка ходила вместе со мной за костяникой, черникой, за морошкой, за клюквой, еще за чем-то, и за грибами. Накопилось много разных припасов. Такие страшные тяжелые сумки, но нас доставили к самому поезду. Бабушка на вокзале нашла носильщика. В Архангельске нас встречал дядя Владик. Сумки оттащил на Поморскую. Потом на теплоход. Таким образом, все эти грибы, ягоды попали в Маймаксу, к маме. Она получила квартиру. Живет там до сих пор и работает в этой школе 57-й. Меня перевезли к маме. Мама сказала: «Я не хочу, чтоб ты учился в городе. Как ты там будешь без меня?!» Сначала скучал по Поморской. К Поморской я сильно прикипел. Но не к такой, какой она стала сейчас – разоренной, страшной... Поморская была большая, чистая, дворики. Какая чистота была! Школу я закончили в Маймаксе. А потом поступил в институт. Бабушка жила с мамой. Бабушка говорила: «Ну, все. Подготовительный период закончился, я ухожу. Клюква у вас есть. Я поехала жить на Поморскую». Нет ее месяц, два. Потом соскучится, на теплоходе приезжает. Поживет. Все дела переделает. Люба наставления получит, как жить дальше. Наварит большую кастрюлю супа. Каких-то котлет приготовит из фарша. Выстоит гигантскую очередь за колбасой. Колбаса была, только в очереди, часа три отстоять.

За колбасой были тогда сумасшедшие очереди в Архангельске. И я такой маленький, крошечный второклассник у дверей вертелся и говорил: «У меня тут мама, у меня тут бабушка. Они сейчас подойдут». Никто ж не знает, какие конкретно мама, бабушка. Дверь открывалась, продавщица едва успевала в сторону шарахнуться, отскочить. *(Смеется.)* И я к прилавку самый первый. Меня жали. А я руками цеплялся и говорил: «Не уйду, не уйду». И получал свои 200 граммов колбасы. Давали все по норме. Это 70-е годы. Да, все воспоминания детства у меня почему-то связаны с очередями.

Это город. В деревне так не было, наверное. А город – это очереди, бесконечные очереди за чем-то. Потому что за всем надо отстоять, потому что дают только в руки, на каждые руки – норму, то есть если два человека, значит две рыбины. Мы стояли с бабушкой в магазине целый день, чтобы получить две трески.

Но до последних дней бабушка была необыкновенная женщина. Она даже в день своей смерти еще успела постирать, пригубить вино, сварить суп назавтра. Почитала книгу, потом села смотреть фильм и умерла. В 93 году... Что-то я чувствовал в этот год, когда к ней приезжал. У меня были курсы повышения квалификации, целый месяц жил в городе, и у меня было какое-то нехорошее предчувствие. Она была очень слабенькая. Я был рад, что я с ней. Я ее никогда не называл «бабушкой», я звал ее «своей мамочкой», потому что я с ней был вдали от мамы, и свою маму, настоящую маму, я звал «мама Люба» или просто «Люба», и она не обижалась.

В школу я пошел с восьми лет. Мама хотела, чтоб у меня детство продолжалось. Я мечтал поступить в мореходное училище, втайне от всех своих товарищей создавал большую иллюстрированную Поморскую энциклопедию. Там я что-то рисовал, там у меня были вырезки из газет, журналов, все связано с Архангельском, Русским Севером, с путешественниками. Мечтал стать моряком. Я знал наизусть названия всех парусов корабля, названия всех мачт, названия такелажа. Я знал все страны, моря, порты, океаны и путешественников на память. Это меня очень интересовало.

Помешало стать моряком немного повышенное давление. У меня все время в детстве скакало давление. И первая, и вторая медицинские комиссии меня забраковали, это было препятствие.

Ну, что было делать. Я поступил в АЛТИ, на вечернее отделение. Я снова сдал все четыре экзамена. Днем я работал сначала на заводе лесопильном, пилил доски...

Это, в каком году было, в 79 году. Потом я устал от лесопилки и пошел на «Красную кузницу». И опять третий человек из нашей семьи оказался на «Красной кузнице». На «Красной кузнице» я работал плотником-бетонщиком целый год. Мы делали опалубки. Мы укрепляли причал для морских кораблей. Я работал с водолазами, мотался на катере по бухте. Потом Кемский поселок, такое местечко есть в Соломбале. Там мы строили общежитие для моряков и для рабочих «Красной кузницы». Вот такая работа у меня была.

Но через полгода я ушел из АЛТИ, потому что стало невероятно скучно. Вначале у меня были круглые «5», даже по начертательной геометрии, но я все забросил и ушел, чтобы в августе поступать в Поморский государственный институт. Мне не хватило одного балла. Где-то я срезался, я срезался на литературе. Мне достался билет, где я должен был охарактеризовать Наполеона и Кутузова. У меня к тому времени было свое видение и понимание. Я не любил Толстого, он писал о Наполеоне как о маленьком, сером человечке, пузатом, кривые ножки. И мне поставили трояк.

Я снова вернулся на завод, а в феврале поступил на дневное подготовительное отделение института. Я пошел и подал в приемную комиссию заявление. К заявлению нужна была характеристика с того предприятия, где ты проработал больше года, такое условие. На «Красной кузнице», мне сказали: «Батенька, куда вы идете? Нам нужны крановщики, токари, а учителя нам зачем?» Я был настырный, я пошел в комсомол. Записался на прием к секретарю, парень был молодой. Он вошел в мою проблему и сказал: «Сейчас будет готово» и сделал звонок. На заводе мне тут же написали характеристику. Я поступил на подготовительное отделение. У меня была стипендия. Я учился там с февраля месяца по июль. Сдал экзамены успешно.

Я был очень весел, потому что в кармане были билеты в Прибалтику, на следующий день я улетал к тете Лизе. И мы улетели с

мамой в Прибалтику и жили там долгие 20 дней. Это было здорово!

Я стал учиться на историко-филологическом факультете. Когда я учился, были преподавателями Струменков Георгий Георгиевич и Ленина. Она мне не очень нравилась, потому что говорила: «В ваши года не должно сметь свои суждения иметь, как написано в учебнике, так и надо говорить, и лекции мои знать слово в слово. Никакой отсебятины». Поэтому полемической беседы с ней никогда не получалось. Когда я осмелился сказать, что Чацкий мне неприятен, что я не понимаю его, мне был сделан выговор, на экзамене я получил тройку. Из-за нее стипендию не получил, обидно было. Скучно было на ее лекциях и ее семинарах. Потом была другая, Галина Вениаминовна Полякова, там была свобода, был полет. Там было столкновение взглядов, точек зрения.

Я был редактором студенческой газеты. Много было интересного, много смешного. Выпускали газету, исполнилось 50 лет нашему факультету. Была такая чудесная девочка в редколлегии: художница, а я был редактор. Она мне делала по моему заказу рисунки к этой газете: графические работы черно-красно-белого цвета. Такие революционные тона, как у Маяковского. И на свою беду, она решила сделать портрет Ленина, в черно-красно-белых тонах. Ленин в профиль. И мы все это отпечатали. Газета должна была выйти в свет завтра утром, должна висеть в Доме культуры моряков. Вдруг спустился декан факультета, увидел Ленина и вскричал: «Кто посмел? Это что такое? Да вы знаете, что Ленина нельзя рисовать? Нужно особое разрешение обкома партии на изображение нашего великого вождя. Сидите и никуда не выходите».

Мы перепугались. Мы перепугались не оттого, что мы Ленина нарисовали, не оттого, что нас выгонят из института. Даже это не перепуг, а какое-то изумление. Сидим, молчим и переглядываемся. Она говорит: «Ленин как Ленин, и похож». Прибежал проректор и сказал: «Да, вроде и похож. Лоб такой? – Да, вроде такой. А ухо такое? – Такое! Нет, надо звонить. Сидите». Позвонили секретарю парткома института. Прибыл этот товарищ, и они втроем изучали нашего Ленина, смотрели, и, наконец, сказали: «Похож!» Согласовывали. В общем, газета вышла в срок, с нашим Лениным, и мы получили грамоту. Эта грамота у меня и сейчас хранится. Мы заняли первое место на конкурсе институтских газет.

На 7 ноября на демонстрацию мы должны были с женой идти в разных колоннах. Она должна была идти от горкомторга, а я от института. И тут анекдот такой. Я говорю комсомольскому вожаку (не буду называть его по имени, Бог с ним!): «У меня жена идет с красным флагом 7 ноября в колонне горкомторга. Я хочу идти вместе с ней». «Нет, нельзя!» – сделали страшный выговор. Тогда я ушел самовольно. Мы стояли в каком-то переулке в Архангельске. Я незаметно отошел в сторонку и, зная все дворы, перебежал напрямик, попал на улицу, которая была оцеплена милицией. За мной

бежал милиционер и свистел. Из подворотни выскочил еще один: «Стой!» Но я как-то нырнул под руку, не удалось меня схватить, ввинтился в толпу. Я оказался у кинотеатра «Мир» и там нашел свою жену. Мне объявили выговор, занесли в учетную карточку. Это был на третьем курсе, 83 год.

Я захватил это время и поэтому, когда я своей дочке рассказывал, когда я ребятам порой рассказываю, своим ученикам, они не верят: «Не может быть!!!» А я: «Нет, может быть, это на самом деле было».

Беседа вторая (23 июня 2002 г.)

Авт. – У вас было распределение в институте?

В.В. – Да, было обязательное распределение. У меня на Поморской была комнатушка, коммунальная квартира. Если куда-то уезжать, то ее терять, и поэтому я решил эту комнату забронировать на время обязательной педагогической практики на три года. Попросил в деканате распределить меня на Крайний Север, потому что Крайний Север давал право брони. Таким образом я оказался здесь. Когда я узнал, что попал в Покшеньгу, в Пинежский район, в самом названии Покшеньга было что-то неведомое, загадочное, необыкновенное. Мне захотелось приехать, посмотреть.

Мы с женой поехали сюда. Поезд приходил очень рано, поэтому приходилось ждать и переправу через речку Немнюгу и Пинегу, и тот автобус, который должен был привезти нас сюда, в Лохново. Я помню лавочку карпогорскую на холму, поле, засеянное житом, желтые, такие спелые колосья. И это небо. Знаете, в городе неба нету, а здесь столько неба!!! И знаете, во мне порой просыпается способность угадывать. И я говорю: «Вот, Ирина, видишь ту деревушку, вон там? Туда мы и поедем!» Так оно и оказалось.

Мы там и оказались к вечеру, пришлось очень долго ждать машину. Ильин (директор) стал водить нас по школе, по классам. Стал показывать школу тут же. Это был август и, кажется, это было после 10 августа. Мы хотели приехать немножко пораньше, прежде чем начнется работа, чтобы узнать, как, что, где. Нам показали сначала маленькую комнатушку в этой школе, там, где пионерская. Но мы сказали: «Нет, мы здесь не хотим жить». И тогда нас отвели в школьный интернат. Это была маленькая комната. И вот, знаете, все эти поля от интерната до магазина и за магазином все были засеяно в то время житом. И поэтому, когда мы увидели эти золотые волны, которые расходятся кругами от ветра по полю, и эту даль и Покшеньгу, и тут лошадка ехала – это было так здорово! Вся деревня была как на ладони. Я сказал: «Мы будем жить именно здесь и нигде больше!» Мы сразу полюбили эту комнатушку. В тот же сентябрь нам переложили печку, и мы стали жить в этой комнатке. Здесь мы жили, наверное, года полтора. А потом мы спустились

вниз (нам тесно показалось там к тому времени) в низкую горенку, на первом этаже. У нас была такая большая, широкая комната. Вот. Мы жили там. Воду надо носить из колодца, печку надо топить. Нам это привычно.

Да, магазин был рядом, школа была рядом. Нас это устраивало. Я в первые же дни стал придерживаться прогулок. Я уходил на Павлову Горку, на Усть-Покшеньгу, по лугам бродил, по полям, уходил в лес... Леса совершенно не знал, и поэтому ходил с компасом, немножко осторожничал. *(Усмехается.)* В лесу столько дорог, столько тропинок! Это для меня была некая «terra incognita», неизвестная земля. Я по каждой тропинке старался дойти до конца и сейчас все тропинки в лесу знаю. Где бы я ни находился, знаю: что и где находится, поэтому, кого я вожу в лес, то со мной не боятся заблудиться, это раз. А во-вторых, легко выйти: кругом дороги, одни дороги.

Ну, а потом жители были радушны, и часто мы с ними ходили в далекие походы за ягодами. Морошка на дальних болотах, за Калией. Калия – это ручей, речка, которую затянуло мхом, лесом затянуло. Местами вода прорывается наружу и течет ручеек. В лесу, недалеко от деревни встречаются остатки прясел и изгороди.

Я отработал три года. Три года отработал, и мы решили уезжать. В городе работал ровно год и мы решили возвратиться в деревню. Здесь чистый расчет. Во-первых, началась жестокая перестройка. Во-вторых, тогда в городе продукты мы покупали по талонам, то есть по карточкам: карточка на колбасу, карточка на масло. Вот только что хлеб по карточкам не отпускали, но и то строго определенное количество в руки. Все магазины были пустые. В-третьих, как-то ужасно ходил транспорт. В-четвертых, у меня было двое детей: большие проблемы были с детским садом. Один ребенок у нас на одном конце города, другой – на другом. Я вставал очень рано, в 5 часов утра. В шесть мы выводили детей из дома. Сначала я вез младшую в один садик, потом отправлял другую. В школе был полдевятого. Из школы приходил очень поздно, наверное, часов в шесть. У меня был 11 класс, 8 класс и 5-е классы. Я приносил буквально каждый день по 150–200 тетрадей. После школы детей забирал из садика.

Ирина работала по своей специальности в магазине. Город очень изменился. Прежде, когда я приезжал на каникулы в Архангельск, и было так тепло, то есть было ощущение дома. В этот раз мы вернулись и увидели город каким-то ожесточенным, озлобленным. Люди очень изменились и везде чувствовались черные, серые краски – мрачно все, невероятно мрачно.

И как-то стала вспоминаться эта деревенская жизнь, такая теплая, радушная обстановка, совсем другая, совместные походы за ягодами, за грибами. И эти вечерние чаи за самоваром. Мы жили в интернате, все учителя были очень молоды, и мы жили очень дружно. Это теплая такая, просто домашняя атмосфера была так притя-

гательна, она так манила. Однажды пришел Новый год и к Новому году письмо, нас приглашали в деревню Новый год встречать. И мы поехали, оставив детей у бабушки, то есть моей мамы. И как-то окунулись снова в то прежнее, в котором жили еще недавно, полгода назад.

И я говорю: «Давай попробуем приехать сюда!» И мы приехали. Мы подумали, что лучше уехать из этого нового города, мрачного, ожесточенного, чтобы прожить в тишине это лихое время, пережить просто. Это очень хорошо, когда в деревне есть свой дом, по крайней мере, есть куда уехать. Если мы уедем, то будет свой большой деревенский дом, как родовое гнездо. Пускай у нас будет небольшой надел земли, и заведем даже коз, чтобы иметь свое молоко, то есть мы поехали даже ради детей, чтобы было, что есть и как-то пережить лихое время, поэтому мы решили построить дом. В 90-м мы приехали с целью, что тут будем жить.

Сначала мы решили строить дом, как и все. Новый дом. У нас был лес, нам отвели делянку лесную со строевым лесом. Был такой, большой кусок леса. Мы платили деньги за билет, потом платили деньги за вывоз леса. Мы взяли ссуду в банке – 5 тысяч, которые должны были отдать полностью где-то в 2005 году.

Разумеется, отдали, потому что цены так поднялись, а потом так резко упали, что легко было отдать. Я помню, мы должны были каждый квартал платить по 250 руб. Это были большие деньги. Еще далеко было до этой галопирующей инфляции. Ну вот, мы стали заготавливать лес. Потом вдруг неожиданно нам, и очень выгодно, предложили купить старый дом в деревне Кротово. Это был большой дом, построенный во времена оны, еще в начале прошлого века. Мы разговаривали с бабушкой, она еще жива, она в этом доме девочкой нянчила детей, детей было полно. Она в люльке качала.

Дом этот был, кажется, Бутюковых. Очень большой, двухэтажный дом, пятистенок, с поветью, с хлевом, с большим наземом, с горенками. На первом этаже, я спрашивал, была небольшая лавочка, хозяин торговал промышленными товарами. А потом, когда пришла Советская власть, я не знаю, когда он решил отдать этот дом советской власти, но, скорее всего, в годы коллективизации, видимо, что-то почувствовал. Да, мне сказали, что он почувствовал, что должно что-то страшное произойти и поэтому решил не быть тем, кто будет раскулачен, или сослан на Соловки, или расстрелян. Поэтому он добровольно дом этот отдал. Отдал полностью все и вступил в колхоз. А этот дом долгое время находился в ведении сельской администрации, принадлежал ей и там находился фельдшерский пункт, библиотека, красный уголок, и там находилась и администрация. И еще контора сельская, одна стена вся была исписана: сколько ячменя сжато, сколько овса скошено... Вот такой дом. Этот дом достался в таком печальном, полуразрушенном состоянии, потому что крыша местами прогнила насквозь, и вода текла с

чердака до самого низа, до земли. Местами полы рухнули так, что образовались такие гигантские проломы, на втором этаже можно было заглядывать вниз. Я поехал с мастером, с Александром Егоровичем, который много домов построил здесь в деревне. Он сказал: «Бери дом, из него можно сделать что-то. Бери, бери, потому что у дома, особенно в переду, сохранились полы, сохранились потолки, сохранились две печи, рамы, лестницы, двери. Это все можно будет использовать. Не надо лес заготавливать специально для полов, для рам, потолков». Мы купили дом за тысячу с небольшим рублей, 1200, а ссуда была 5 тысяч. Я разбирал его почти два года, частями перевозил. Перевозили тракторами, была волокуша.

Нанимал поденкой, 10 рублей. Мужики были довольны. Но сюда же входил обед, обычно они не завтракали. Это был обед и ужин, ну и всевозможные подношения в виде бутылки водки, когда окладные, оконные, матричные, коньковые пошли. Ну, мужики у меня были такие, не очень пьющие-то, слава Богу! Поэтому они не донимали меня.

При перевозке было много человек. А разбирали по-разному: иногда втроем, иногда я один был. Но один я не стены разбирал, а печи разбирал и потолки. В печи все кирпичи были самодельные, крепкие, старинные.

Сначала я перед перевез, комнаты большие, и поставил их на окладное. Окладное мы втроем рубили. Мы срубили окладное и поставили перед. Окладной – это самый первый венец, на котором покоится весь дом. У нас вышло 4 новых венца.

Авт. – А окладные обычно кладут на плавучий фундамент, на валуны, а Вы?

В.В. – У меня земля была довольно плотная. Стоило углубиться на 30 см, тут же начинался плотик – красный, спекшийся песок, очень плотный. Поэтому мы только дерн убирали и камни ставили на этот песок. А камни мы выбирали такие большие, с плоской поверхностью, относительно гладкой, на которую плотно становится оклад.

И вот мы перед поставили, а потом стали перевозить горенки. Большой коридор, который разделяет горенки, мы переделали: разделили пополам – первая часть превратилась в обыкновенные сени, а вторая часть – в кухню. Хлев и поветь были в таком ужасном состоянии, что они просто рассыпались в пух и прах. Поветь тоже была «хороша»: крыша прогнила, и вода заливала поветь. Нам приходилось выбирать, поэтому часть бревен пошли на обыкновенные дрова, а из крепких, надежных я срубил баню.

Вместо повети мы построили большой сарай. Мы решили хлев отдельно поставить, нам это удобно. У нас все равно получился весь двор как бы внутри, то есть особенность северного дома – мы сохранили в таком виде. Все равно выходишь на заднее крыльцо, спускаешься на назем, здесь у нас и сено, здесь у нас и хлев, здесь у нас

и дрова, здесь у нас все под рукой. Внутри дома еще я сделал погреб из больших обломков кирпича. Поэтому зимой очень удобно: крышечку открыл, вниз спустился, баночку оттуда достал с грибками, с капустой. А главный погреб, где картошка, овощи, морковь, свекла – все находится на улице, у поля – это сами садим.

Авт. – У вас две девочки?

В.В. – Да. Первая у меня родилась в 84-м в августе, вторая в 86-м. Они сейчас уже большие.

Авт. – А как зовут первую?

В.В. – Первую зовут Ольга. Она сейчас учится, перешла на второй курс педагогического училища в Архангельске. Вторая, Анна, в честь бабушки, живет у моей мамы, в городе, и перешла в 11-й класс.

Авт. – А теперь такой неординарный вопрос. Все-таки приехать из города в деревню – это редкий случай. В 1992 году, когда я здесь работала, то я узнала про Вас, я отметила это, у меня не было времени с вами поговорить. Сейчас ситуация другая. Вопрос такой – не чувствуете ли вы «идиотизма деревенской жизни», как выразился известный философ? Или есть какой-то вакуум, не скучаете здесь?

В.В. (Вздыхает.) – Как вам сказать, разные бывают моменты. Это очень сложный вопрос и интересный. Но от великого до смешного один шаг. И идиотизм деревенской жизни порой есть. Есть. Порой бывает очень тошно. Порой все надоедает. Вот. Но дело в том, что я считаю себя человеком самодостаточным. Я до сих пор живу как бы на две стороны, на две жизни, скажу так, то есть я и здесь, я и там, в Архангельске. Поэтому когда я приезжаю в Архангельск, я приезжаю домой. Когда я приезжаю сюда, я тоже дома. Поэтому я живу и здесь и там. В городе живу часто. Это гармонически сочетается. Даже трудно сказать, что я могу прожить без одного или без другого. Может, и нет, может, и да. Нет, скорее всего, нет, потому что может случиться так, что город перевесит, и я окажусь там. Но даже тогда деревню я тоже не оставлю надолго, буду навещать... Я здесь живу. И когда мне говорят, что, дескать, ты что-то потерял... Нет, нисколько, город я не потерял. Он совсем рядом!

И еще что же? У меня есть друзья, у меня есть книги, у меня, наконец, есть то, что я люблю очень делать, наконец, есть сам я, в компании, с которым мне совершенно не скучно. Да, я не чувствую свое одиночество. Мне порой с самим собой весело. Хотя, значит, порой бывает и муторно.

Авт. – Вот это стихотворение на 33 странице, про печаль: «Такая странная печаль...» Оно такое глубокое. Можно и в городе это испытывать?

В.В. – Это можно и в городе испытывать.

Авт. – Когда человек копается в себе, ему и город кажется... там тоже этого идиотизма... там рационализм жуткий, холодный. Я просто знаю это.

В.В. – Вы знаете, мне кажется, что, живя в деревне, порой не поймешь, где лучше, здесь или в городе, не надо заниматься рефлексией, самокопанием, потому что надо понимать жизнь такой, какая она есть, нужно радоваться. У меня обычно депрессия недолго длится, дня 3, у меня бывают такие дни, когда мне кажется все мрачным. Это и в городе может быть. Но это все проходит.

Но чего мне здесь не хватает? Мне не хватает друзей. Общения, это самое главное, мне не хватает здесь общения, и порой бывает нелегко. Нелегко бывает оттого, что мне хочется, чтобы со мной рядом был человек, с которым бы я мог говорить.

* * *

В сентябре Владислав Владимирович дал почитать свои воспоминания о детстве, которые он начал записывать, когда одна из дочерей попросила его рассказать о детских годах. Записи занимают почти полностью толстую общую тетрадь в 98 листов. С согласия автора сделали несколько выписок из нее, чтобы расширить воспоминания авторскими текстами. Записи даны без датировки, а только сохранившаяся память выстраивает их в своей хронике. Местность, которая окружала квартиру на Поморской, имела свои названия. Например,

Стешин луг

«Луг нельзя было мять: тетя Стеша держала корову и всю траву скашивала...» «На лугу росла еще мягкая, нежная кашка и сладкий клевер, у старых душных ям – жгучая крапива. Мы спорили друг с другом, кто сорвет жгучий лист и не обожжется. Дом у тети Стеши низкий, окна у самой земли, железная крыша прогнулась. С Поморской луг закрывает высокий забор, в нем есть широкие ворота для телег и машин и дверца для хозяев. Из этих дверей торчит черная железная рука, в блестящих гладких пальцах зажата короткая палочка. Если ее повернешь, засов пронзительно лязгнет и дверь откроется. Скорей-скорей, пока не хлопнула дверь и не услышала тетя Стеша, лети вдоль окон на мосточках и прячься за дрова. Она не увидит! Но тетя Стеша все видела, она приходила к бабушке и ругалась. Я обещал, что больше не буду. Но страшная, железная рука так и манила: хотелось еще и еще раз открыть запретную дверь, и, замирая от страха, – сейчас железная рука, схватит тебя за шиворот, – унестись туда, где солнце, свет... и ничего не страшно».

«Тетю Стешу мало любили. Она давала приют спекулянтам. Однажды широкие двери распахивались, и въезжал большой грузовик. Какие-то пестрые люди, крикливые люди скатывали по доскам бочки. Бочки булькали и плескали порой сквозь крышки рассолом. «Опять огурцы привезли», – говорила бабушка. Бочки так и стояли под небом, едва прикрытые брезентом, толстые, неповоротливые.

Поздно вечером бабушка говорила: «Ну-ка, сбегайте за огурцами-то!» И мы с Мишкой крались к бочкам, искали открытую и, запустив руки под брезент, ловили огурцы. Старые и новые царапины так и саднили от крепкого дурманного рассола. Скорей, а не то тебя поймают. Еще! Еще один раз! И назад, домой, к бабушке. Бабушка принимала огурцы и терпеливо выслушивала, как мы с восторгом рассказывали: как крались, как боялись, как бежали, ног под собой не чуя!.. Тетя Надя, бабушка Мишки, огурцы брала, но ворчала. «У спекулянтов – не стыдно! – отвечала моя бабушка. – Не стыдно!»

Жизнь в Устьяновском районе

«Наутро меня берут за грибами. День серый, теплый, какой-то парной – туманы в логах бродят, шевелятся, тают, тают.

– А ну-ка, сколько грибов принесем! – весело говорит бабушка. – Кидай корзинку!

Корзинки летят, подпрыгивают и на бочок валятся. «По полкорзинки принесем! – говорит бабушка. – Сворачивай-ка сюда!» И мы идем, все выше и выше забираемся в гору, а на ней уж лес, темный, сырой, прелый. Бабушка устала, и мы садимся на валежину отдохнуть.

– Смотри-ка, рыжик! – удивляется бабушка, раздвигая прутиком листья зеленой манжетки и земляники. – И еще один. Ну-ка, пошарь вокруг!

Меня и не надо заставлять: горбатенькие желто-красные рыжики прячутся и здесь и там, тугие, крепкие, молоденькие, ни одной дырочки. Быстро дно у корзиночки скрыто! А ведь не далеко ушли, вон деревня внизу видна!

Так я и стал бродить с бабушкой по лесам и полянкам. Гарь, Божья Гривка, Полениха, Большая Береза – все места были нам знакомы и иные тоже. Помню, как за Гарью – сырой и облетевшей, чаще мы отыскали грузди, огромные, как суповые тарелки, они прятались в зеленых подушках мха. Я осторожно подрезал их ножом, и они, холодные, зернистые, так и морозили мои пальцы. В каждом грузде было озерко студеной прозрачной воды. Я сливал воду и прятал груздь в корзинку. Уж грузди кончились, и бабушка присела отдохнуть, а я все бродил вокруг да около, рвал паутинки – они повсюду! – и в них, как осколочки солнца, дрожали желтые мелкие листья.

Те осени, светлые и грустные, теплые или холодные, с солнцем или дождем, что мы прожили в Строевском, стали для меня спустя годы одной долгой счастливой и светлой осенью».

Владислав – поэт, пишет стихи, вот одно из них, о котором идет речь в вышеприведенной беседе:

Такая странная печаль:
Кто любит, уж ее он знает –

Влечет полей немая даль,
Но от печали не спасает.

От одиночества порой
С дождем, дорогою вечерней
Я говорю как бы с тобой,
Мой бедный ангел дней осенних.

Зачем я о любви молю,
Когда вокруг ничто не мило,
А та, которая б любила,
Увы, не скажет мне «люблю».

Зачем влечет пустая даль?
Лесов безлиственных мерцанье?
И в сердце тихая печаль,
И в сердце тихое желанье...

Кому бы высказать я мог
Свою печаль, свои тревоги? –
Того уж нет. Остался Бог,
В любви такой же одинокий...

Беседа третья (17 сентября 2002 г.)

В.В. – Ко мне обратилась одна женщина с просьбой перевести старинный псалтирь на современный русский язык и принесла очень толстую, большую книгу. Я посмотрел на свет, я увидел филигранъ, но я не смог точно датировать, какого года издание эта книга. Она была рукописная, мне показалось. Когда я описал эту книгу своему другу, он сказал, что, вероятно, это была рукопись, но она имела еще иллюстрации: большие заглавные красные буквы, начинающие строку. Я перевел ее на современный русский язык несколько псалмов и еще что-то, я не помню. Прошло много лет.

Авт. – На каком она была языке?

В.В. – На старославянском. Я филолог, я изучал старославянский язык, я сдавал по нему экзамен. Я сидел и переписывал, переводил. А когда она пришла, она спросила: «Что ты плохо ходишь?» А я как раз строил дом и очень сильно ушиб ногу. Я очень плохо передвигался, мазал йодные сеточки, нога болела, я был на больничном. Я сказал: «Я упал, ушиб ногу, не могу ходить». Она говорит: «Не свита. Я сейчас тебе ногу вылечу!»

А вы знаете, я к этому несерьезно относился. Говорил: «Это какая-то ерунда». Ни во что подобное не верил. Помню, я сел. Она: «Ну, давай ногу, штанину-то закатывай и колено показывай». Колено все распухло. Она колено посмотрела, пощупала, а потом сказала: «Ну, давай воды какой-нибудь. У тебя вода колодезная?» – «Колодезная». «Ну, – говорит, – сойдет». Она взяла воду, она брызнула на колено и стала шептать. Мне даже было неудобно: сидит передо мной на корточках и шепчет, шепчет. Потом берет горстями воду вот так вот, как горстями берут *(показывает)* и брызгает

на колено и шепчет, и снова. Так было раза три, потом она еще раз, последний раз обрызгала водой, потом поплевалась через плечо и сказала: «Все! Закатывай штаны. Завтра утром будешь ходить». Мне неудобно было засмеяться при ней. Я не хотел ее обидеть. Мне было смешно. Я к врачу ездил, мне там йодную сетку, еще что-то прописали, разные мази, лекарства.

Мне было очень нелегко спать, потому что это колено свое берег. Это было что-то самое драгоценное: было больно пошевелиться. А утром я почувствовал, что вроде и ничего, я и выспался хорошо. А потом, значит, днем заходит ко мне Чуркин Александр Егорович, который дом помогал мне строить, и сказал: «Ну, долго ты будешь лежать?! Одевай лыжи да надо дом там смотреть! Будем место смотреть для твоего дома». Я говорю: «Александр Егорович, нога болит, не могу ходить». – «Да тихонечко дойдешь». Ну, я надел лыжи и попробовал. Вы знаете, я к вечеру ходил на лыжах, махал топором. Опухоль прошла. Я забыл, что у меня колено было. Вот и верь и не верь! Приходится верить, что что-то такое есть. А интересная была женщина, любопытная.

Были другие случаи здесь. Когда напротив Богдановых Шехины живут. Я уж не помню, как ту бабушку зовут, вылетело у меня из головы. Много времени прошло.

Авт. – Анна Никитична?

В.В. – Анна Никитична Шехина, да. Мы тогда строили дом, уже поднимали конек и ходили по мосткам. А наш дом на холме и поэтому видно все далеко. И вот с раннего утра мы с топорами на крыше. И я гляжу: вот эта, Анна Никитична, там, на лугу в залое. Залой как впадина такая, вода заливает весенняя. Она ходит, ходит, ходит она против часовой стрелки. А я сначала не думал, что это она? Все смотрю и смотрю, кто же это ходит такими кругами? А у нее сын утонул, и река-то не отдавала его, и хотелось найти его и похоронить. Мне сказали потом, что был такой обряд магический: нужно было ходить против часовой стрелки, против солнца, с утра раннего и до вечерней зари, творить заклинания не переставая, и, в конечном счете, река должна отдать сына-то. Вот она ходила, мне Александр Егорович сказал: «Это она ходит, чтобы река сына вернула».

Потом мне дети что-то рассказывали. Нельзя сказать, что дети, это бывшие выпускники рассказывали, уже мужики, большие, молодые. Они из армии пришли. Они как-то рассказали, что у них на Хидгоре (околок Лохново) есть такой старинный, магический метод лечения. Там один мужчина заболел, с кровати не поднимался. Так знахарка пришла и стала его лечить. Она ходила на кладбище и с кладбища брала землю с девяти могил. И землю брала именно с тех могил, где были похоронены мужчины, его тезки, носящие его имя. Этой землей она его посыпала. И носила воду с реки, с источников: реки и колодцев. И этой водой она его обливала и обрызги-

вала там. И он поправился, хотя врачи говорили, что положение его было не очень. Думали, что он не жилец. А он выкарабкался!

Авт. – Еще она, наверное, что-то говорила при этом?

В.В. – Да, да, разумеется. И вы знаете, в чем дело, когда сейчас печатается везде, вот эти заклинания, заговоры, то это одно. Потому что каждый заговор сопровождается, мне кажется, определенным действом. Определенным ритуалом. Заговор, который сейчас пытаются применить, не зная, какой ритуал при этом совершать, какую траву взять, какие пассы руками сделать, в какое время, в какую Луну, какие звезды на небе, – поэтому все это оказывается бездейственным.

Авт. – Скажите, какие поездки вы совершали? То, что вы ездили к тете Лизе, этого вы касались... А какие потом вы совершали поездки?

В.В. – В 87 году мы поехали в Чехословакию и в Германию. Путевка тогда стоила 330 рублей на одного человека. Это недорого, и в две страны: сначала в Германию, потом в Чехословакию, это был июль. Поэтому, как только закончился учебный год, мы в мае поехали в Архангельск. В Архангельске мы сели в поезд, и он домчал нас до Москвы. А в Москве мы сели в большой-большой самолет, двухэтажный. Впервые в жизни летел на таком, Ил-86. Мы оказались буквально через два часа в Берлине. В Берлине нас поразили совершено пустые улицы: мы ехали на автобусе, не видели ни одного человека. Раннее утро, никого не было. Мы жили в гостинице «Берлин» на Александерплац, мы были на 47-м [этаже]. Когда я подошел к окну: весь город распростерся передо мной.

Мы видели Берлинскую стену с высоты гостиницы и с телебашни, мы туда поднимались на скоростном лифте. И так, проезжали на автобусе: стена железобетонная, колючая проволока, вышки, солдаты. Все это видели. Совершенно серая стена. Мы были у Бранденбургских ворот. Там стояли металлические заграждения, и эти ежи из колючей проволоки. И по брусчатке тянулись белые и красные линии, разделительные. То есть можно было дойти до белой линии, а до красной, метрах в десяти от тебя, уже нельзя было. Это уже была запретка. Поэтому мы издалека смотрели на Бранденбургские ворота, на рейхстаг. Из Берлина мы поехали в Чехословакию. Мы были в Берлине, мы были в Дрездене, мы были в Веймаре, еще какие-то маленькие немецкие города. Были в Дрезденской галерее. Мы видели Сикстинскую мадонну. Мы с Ирой бродили там несколько часов по Дрезденской галерее. Нам очень понравилось.

Авт. – Что сильнее для Вас, Эрмитаж или Дрезденская галерея?

В.В. – Эрмитаж. А потом была Чехословакия: Прага, Кладно, Пльзень. Это были автобусные перемещения. Было чудесно! Мы познакомились с одними интересными людьми. И мы очень любили с ним ходить по маленьким пивным барам. А потом, это было четырнадцать дней, но на четырнадцатый день я почувствовал ка-

кую-то грусть, мне стало тоскливо. Хотелось что-то домой.

В Чехии очень доброжелательные люди, мне очень понравились чехи. У нас была гид пани Стефания: добрая, ласковая, предупредительная, веселая. Русский знала прекрасно. Любила, когда мы пели русские песни, и сама подпевала. Пелись разные песни: «Крепче за баранку держись, шофер» для пана Владислава, который был за рулем. Пели «Калинку», «При лужке, лужке ходит конь на воле», и «Степь» – «ямщик замерзал»... Вот эти песни мы пели.

Прага очень красивый город! Там мосты необыкновенные! Мы были в Вышнеграде, Старом месте. Было очень жарко, когда мы приехали в Прагу. Нас поселили в очень маленькой гостинице, в пригороде. Добираться до центральной Праги было очень не легко. И знаете, город очень красивый, а пригороды мрачные, серые, скучные.

Потом мы поехали в небольшой городишко Рагуцану. А из него нас повезли в деревушку Раково. В Раково мы познакомились с нашими будущими друзьями Мирославом и Верой. Но последние лет пять мы не переписываемся. А так мы переписывались довольно регулярно. Мы их приглашали в гости, они очень хотели к нам приехать. Мы два раза посылали им приглашения, но им что-то там мешало приехать, что-то не вышло.

Мы к ним хотели приехать. Получили приглашение, стали оформлять иностранные паспорта и все необходимые документы, но еще было советское время, уже доживала свои последние дни советская власть. Потом нам сказали: «Вы, конечно, езжайте, куда хотите, у вас есть приглашение и иностранные паспорта, но мы вам не дадим денег. С рублями мы вас туда не выпустим». Не было обменных пунктов. А крон чешских у нас не было. Тогда я сказал: «Может, вы нам дадите доллары?» «Нет, это иностранная валюта, вы не имеете права иметь доллары. Это запрещено законом».

Это были 1990–1991 годы. Мы еще захватили то время, когда нас пригласили в КГБ, наше районное КГБ, в Карпогорах. Мы долго ждали свою очередь, потому что все желающие уехать в Чехию, Германию должны были пройти специальное собеседование у кегебешников. И вот мы зашли. И там был длинный стол, накрытый зеленым сукном, и там сидело много людей: представителей райкома партии, та дама, которая должна была нас курировать, руководитель группы, и, наконец, эти люди в форме. Они стали зачитывать характеристики мою и Ирины, и стали задавать вопросы: «Есть ли у вас родственники за границей?», «Знаем ли мы иностранные языки?» и как комсомольцы, а тогда все были комсомольцы, и какое место мы занимаем в комсомольской организации, занимаемся ли мы общественной работой?

Я сказал, что работал в «Красном прожекторе», что был редактором газеты. А Ирина сказала, что она работала секретарем комсомольской организации. И после отчета нашего небольшого нам

стали задавать вопросы еще о наших семейных отношениях. Меня очень поразило: сидел толстый-претолстый кегебист, он спрашивал: «Вот скажи мне точно, ты водку пьешь?» Я говорю: «Нет, я не пью водки». «А ты жену свою бьешь?» Я оскорбился, но потом подумал: «Да что с него, дурака, возьмешь. Я хочу за границу поехать». И я сказал: «Нет, нет, никогда!» Она: «Да, нет, нет. Он никогда не бьет. У нас хорошие отношения. Почему мы должны драться, ругаться и пить водку?» Он говорит: «Ну, если вы такие хорошие...» – а в стране тогда была шутка такая, как в анекдоте. «Ну, пускай, – говорит, – дети съездят, посмотрят мир. Назад-то они, конечно, вернуться».

И тогда, 1 июня стали проводить второй инструктаж. Выступает человек из обкома партии, и очень просил нас быть предельно осторожными: «Ходите по городу только втроем, даже если это социалистическая страна. Если к вам будут обращаться чехи или немцы с какими-то вопросами, не отвечайте. Говорите, что "мы русские, мы не разговариваем с иностранцами"». Это был такой инструктаж. Нельзя было ни с кем говорить! Никаких отношений. Когда допустим, будучи в Раково, семья Мирослава, интересная фамилия Матушка у них была. Они пригласили нас домой: «Приходите к нам домой. Приезжайте». И когда мы обратились к нашему руководителю группы с просьбой: «Мы хотим съездить к ним домой». Надо спрашивать разрешения, обязательно. «Нет, нет. вы не поедете. Возможно, будет провокация! Понимаете?» Этой провокации постоянно боялись. Мы не съездили. Не разрешено было, как пойдешь, нельзя!

Авт. – Прямо, как Высоцкий поет!

В.В. – Да, да, да! «Нет, ребята, демократы, только чай!» Так вот. Однажды, когда мы были в Дрездене, тоже любопытная картинка из того времени. Застойного. В Дрездене маленький отель. Завтра мы переезжаем границу и оказываемся в Чехии. День рождения кого-то из группы. Мы собрались, купили какого-то легкого вина, купили фруктов, шоколада. И устроили маленький стол. Компания была очень веселая, радостная такая. Мы были разные возрасты, но все равно были дружны. Мы стали петь русские песни. К нам пришел болгарин и говорит: «Я турист. Я здесь живу, в соседнем домике. Можно, я с вами посижу? Я люблю русские песни». Говорит на чистейшем русском языке. Руководитель группы: «Вы не имеете право быть с нами». Он говорит: «Но, постойте, почему? Вот мой паспорт, посмотрите. Я знаю русский язык. Вот мой партбилет. Я коммунист! Вы, наверное, все коммунисты? Я с вами! Я просто хочу послушать, как вы поете!» – «Нет, нет!» Она его не допустила: «Нельзя, нельзя!» Ее упрашивали все: «Пускай он останется!» – «Я не могу. Он иностранец, а мы русские. Мы не должны с ними общаться! Что я напишу в отчете?» Потом, когда мы в Чехии с мужиками, будучи в народной скупе, так назывался маленький бар, мы

сидели за столом, пили пиво, одни мужики собрались из нашей группы. Один говорит: «Ну, ребята, кто же из нас кегебист?» То есть предполагали, что кто-то из нас есть. Есть руководитель и есть еще сексот. И вот я предполагаю, что кто-то был, руководитель боялась этого филера. Она остерегалась. Но так и не вычислили.

Авт. – А еще куда вы ездили?

В.В. – Мы ездили на плотах. Мы путешествовали по рекам, это река Мезень, река Пинега, река Вашка. Это великие архангельские реки. Называю их великими, потому что они очень длинные, расстояние большое. Вот Вашка совершенно дикая река. Чтобы попасть на Вашку, к истокам, нам приходилось залетать на трех самолетах туда.

Мы покупали билет на самолет рейс Архангельск–Сыктывкар, это столица Коми республики. Потом Сыктывкар–Косван самолет, это тоже финское какое-то название. Небольшое городишко, деревня, поселок, скорее всего. Потом Косван–Вашкгод. И вот река Вашка. И что нас поразило?! Мы прибыли в Вашкгод, это совершено забытая Богом деревня. Причем деревни коми очень сильно отличаются от русских деревень неправильной планировкой улиц и дворов, то есть дома стоят хаотично. У нас все дома стоят, вытянувшись в одну линию. И дома окнами обращены обычно к реке. Здесь дома стоят, как Бог даст, кто-то захотел дом поставить так, чтоб его окна смотрели в поветь соседнего дома, так и будет стоять, кто разворачивает дом вообще перпендикулярно соседнему дому. Хаотичность построек, огромные журавли-колодцы. Улицы. У нас улицы русские очень чистые, у нас чистые дворы – у нас во всех дворах есть какая-то опрятность. Мало домов, где беспорядок на улице, это сразу бросается в глаза, но здесь в комятской деревне нас просто удивили отсутствием, каким-то, я не хочу сказать культуры – у нас есть своя культура – и люди нам очень понравились, но почему-то грязно. Эти разъезженные дороги, отсутствие мостков, покосившиеся изгороди. Было как-то неприятно в этих домах, и на этих улицах. Но люди удивительной доброты. Во-первых, они совершенно не понимают русского языка, они не говорят на русском, но бывают деревни – они все говорят на своем языке. Я помню почтовое отделение такое: «почтальон съезльон» – что-то такое.

Авт. – А это в каком году было?

В.В. – Это был, по-моему, год 198... какой-то. Не помню. Так вот люди необыкновенные, очень радушные, очень радостные. Они гостеприимны, всегда готовы прийти на помощь. Вот что нас поразило. У нас, у русских, такого нет. Мы как-то стали более чужими друг другу. А там мы плывем по реке. Перед нами карта. Кстати, карту добывали всеми правдами и неправдами. Потому что карты это вообще редкая вещь в советское время, это секрет. И ожидая того, чтобы найти карту реки Вашки, мы пользовались помощью близкого нашего знакомого Кости Белого. Он через своих знако-

мых доставал нам карты всеми правдами и неправдами. Эти карты где-то на русских ксероксах размножались, поэтому карты были блеклые. Они были серые, нечеткие, что приходилось карандашом обводить, прорисовывать какие-то линии. Но они хороши были тем, что там были указаны все мели на реке и все рукава. Всегда можно было угадать, куда тебе плыть и что тебя ждет впереди за поворотом.

Плот был резиновый. Нас было человек, группа: я, Ирина, мой друг Покер со своей женой – нас четверо было. Один большой плот, резиновый, надувной. Мы плывем. Мы проплыли километра два, но мы видели, мы проплывали возле какого-то становища, там пастух был. Пастух нам кричал на своем языке, но мы не понимали, что он кричит. Был сильный ветер, ветер относил слова. Километра через два он нас догнал на лодке, на моторке. Извинился, что так поздно догнал, потому что мотор не заводился. Он попросил нашу карту. Я помню, как он этим пальцем, замазанным машинным маслом, тыкал в карту и говорил на своем языке – путал русские слова и коми слова или финские слова: «Там нет пути! Там большая мель! Вы зря плывете». Потом взял нас на буксир и на лодке тихонечко против течения нас поднял вверх по течению, отбуксовал и показал нужную протоку. И нас поразило: ну, какой русский согласился бы сжечь свой бензин, догонять каких-то туристов, волочь их обратно на буксире и показывать им дорогу?

Мы приходили в деревню и спрашивали: «Нам нужна картошка, нам нужен свежеиспеченный деревенский хлеб?» Нас спрашивали на ломаном языке: «Вы экспедиция?» Мы стали объяснять, что мы не экспедиция, что мы туристы. Они говорят: «Все равно экспедиция». – «Плот?» – «Плот». Нам несли картошку. Правда, иногда брали деньги они, там три рубля. В то время было другое время: все было очень дешево: и билеты, можно было куда угодно залететь.

И вот мы плыли. Река совершенно дикая: черная, неприступные топкие берега. Можно было плыть шестьдесят километров и не встретить ни одного даже упоминания, что здесь был человек. Нет ничего: ни избушки, ни пастушки, ни следов человеческих. Совершенно дикая река. Огромные черные, вековые ели стоят, сосны. Рыбы было невероятно много. Рыба клевала на голый крючок! Птицы, бурундуки – они прямо выходили к нашей лодке, мы их видели. А более грозные звери не подходили к нам, слава Богу. На ночь мы разбивали палатку на берегу, плот вытаскивали на берег. Разводили костер, жарили рыбу.

Авт. – А где закончился ваш маршрут?

В.В. – А мы доплыли до села большого Лешуконье и там, на самолете в Архангельск. И по Мезени мы тоже спускались до Лешуконска. Вашка – это был у нас третий поход, Пинега был четвертый. До Вашки мы шли по Мезени. А до Мезени...

(В комнату вошла Ира, жена).

Авт. – Ира, в каком году вы по Вашке плавали?
Ира: – В 90-м.
В.В. – А по Пинеге мы спускались когда? Это было тогда, когда мы с тобой вернулись сюда. Потому что, помнишь, мы из Нюхчи летели в Карпогоры на самолете?
Ира: – В 91-м.
В.В. – По Пинеге мы спускались: семья Овсянкиных, наша семья Поповых и еще одна девица из Санкт-Петербурга. Овсянкин Петр Георгиевич – это мой близкий друг, мы более 20 лет дружим. Он архангелогородец.

Мы были в местечке Согра, это Верхне-Тоемский район, там Пинега настолько узкая, хуже нашей Покшеньги. Камень с одного берега на другой легко можно было перекинуть. Река очень мелкая, очень узкая. Даже до этого забытого Богом местечка летал самолет тогда. Представляете самолет – это кукурузник, биплан. И когда мы надували плот, на берег сбежалась огромная толпа людей. И все тыкали пальцем в баллон надувной: не видели плота. И все спрашивали: «Поплывет, не поплывет?! Порвется он, наткнувшись на острый камень либо корягу, или не проткнется?».

И вот мы поплыли. Поплыли мы под невероятный свист толпы. Мальчишки и мужики бросились в воду и стали нас толкать. Жара была несусветная! И на берегах Пинеги, этой маленькой Пинеги собралось, наверное, все население. Это были и мужики, и бабы, и дети, и старики, и мужчины, и женщины, и коты, и собаки и вся живность: и козы, и коровы, и лошади – это был весь берег в животных и людях! Многие из них стояли в воде. И нас толкали по течению, и нам невозможно было пользоваться веслами, потому что мы могли ненароком кого-то задеть, чью-то голову. И так целый километр эта толпа нас сопровождала. Кто-то бежал по берегу и кричал: «Хо-хо, ура! Плывут! Плывут!»

Нам давали картошки, мужики наточили нам топоры, показали, как нам ловить на мушку. Посмотрели карты и сказали, что карты немножко устарели, и показали хорошие протоки. Люди нам ужасно понравились. И потом наступило райское блаженство, течение было довольно сильное, река была настолько тепла, что не хотелось оттуда вылезать. Когда поднимались на плот, то эти баллоны – черные, резиновые – обжигали, настолько накалялись на солнце. Тогда мы плюхались в воду и, держась рукой за леи, плыли. И даже не плыли, а просто волочились за ним в воде. Это бывало целые километры: тридцать, сорок километров мы из воды не вылезали, он нас несет! Мы порой заплывали вперед плота, чтобы его подтолкнуть, чтобы не приставал к берегу на крутой излучине. Это было здорово! Жили в палатках, были страшные грозы. Мы жили в красной палатке с Ириной, как только раздавался удар грома, и сверкала молния почти тут же одновременно. Кстати, была такая страшная угроза, когда и гром и молнии они как-то друг за другом, без пе-

рерыва, и поэтому вся палатка озарялась таким красным светом, будто кто-то внутри зажигал фонарь. Наши лица были красные такие! *(Добродушно смеется.)*

Беседа с Ириной Анатольевной Поповой (30 августа 2002 г.)

Выбор респондента. Ирина Анатольевна – жена Владислава Владимировича Попова, история семьи которого без опроса его жены будет неполной, этим и объясняется выбор респондента. По мере знакомства обнаружилась и другая сторона жизни Ирины Анатольевны, которая представляет для нас самостоятельный интерес: она бухгалтер несуществующего АО, которое, как летучий голландец, как гоголевская мертвая душа, – и есть и нет его.

Словесный портрет. Ирина Анатольевна – небольшого роста, довольно изящная, подвижная, в общении открытая и живая. Светловолосая, стрижка средней длины, на лице выделяются большие голубые, очаровательные и выразительные глаза. Говорит, слегка грассируя, четким северным говором.

Авт. – Расскажите о своих родовых корнях, откуда Вы, кто ваши родители, дедушки и бабушки? Когда родились, умерли, где жили? Насколько вы знаете свои родовые корни?

И.А. – Вот как раз свои родовые корни я знаю очень-очень плохо. Я родилась сама с Холмогорского района родом, с села Емецк. Это был центр нашей... так же как здесь Кобелево, раньше был Емецк, сейчас Холмогоры, вот. На другой стороне Хаврогоры называется – наша деревня. Очень красивое место тоже, на высоком берегу у нас деревня расположена. Река – Северная Двина. Раньше она была судоходна, по ней плавали пароходы. И мы все время из Архангельска добирались на пароходах. Очень любили на пароходах. Мы садились в 5 вечера и в 7 утра мы были уже дома. Большие пароходы, они быстро шли. В своей деревне я жила до 8-го класса. Маму у меня звали Екатерина Никитична, а папу Анатолий Дмитриевич Крапивины. А мама по-девичьи была Иванова фамилия. Оба они деревенские, именно из этой деревни.

Оба уже умерли. Папа с 22-го года рождения, а мама с 31-го года, папа на 9 лет старше мамы. Оба умерли, папа даже вперед умер. Папа у меня потому, что алкоголик. Водки очень много пил и на этой почве рано так умер. Он умер в 93 году. А мама умерла в 1999 году. Три года назад. Они жили в этой же деревне, тоже свой дом у нас был построен.

Мама у меня тоже, я, наверное, такая, не скажу, что по наследству, но мама у меня работала на разных работах. То она, позовут в детский сад, она и идет. Позвали работать на пекарню хлеб печь, она и пошла. На пенсию она уходила с пекарни. Там она, может, лет 10 работала до выхода на пенсию. Позовут работать в библиотеку,

идет в библиотеку там заменить кого-то. По образованию она была фармацевт. Только ведь что, у нас в деревне аптеки нет.

Нас в семье четверо девчонок. Я буду третья по счету, еще младше меня есть. Старшая Надя с 51 года, сестра Шура – она на три года меня старше, с 57 года, у нас с ней день рождения в один день, 26 марта. Сестра Таня, она у нас 62 года рождения. У нее день рождения в один день с отцом, 25 января – в Татьянин день родилась.

По маминой линии дед у меня Никита. Я его не помню, мне было 2 года, когда он умер (1962). Только знаю, что он был очень веселый, любил песни петь разные. Постоянно ездил в Питер и Архангельск на заработки, чтобы семью содержать, плотник, по плотницкому делу он ездил. Родом он с Хаврогор. Хаврогоры, но делится на деревеньки: Макары, Иваново, именно деревеньки, не околки. У нас там почтовый адрес: деревня такая-то, село Хаврогоры, деревня такая-то. Ну, больше село Хаврогоры.

Бабушка Анна, я про нее даже точно не знаю, где она работала. По-моему, в животноводстве работала. Говорю, что я очень плохо знаю свои корни. В свое время я не интересовалась, а потом как уехали из деревни, и все...

У мамы-то моей не было коровы. А когда была бабушка, то корову они держали. Корову, овец держали. Знаю, что она очень любила вот детей. А в семье у них было три девочки. Жива сейчас только одна средняя, тетя Феня. Она живет в Москве, город Железнодорожный. Ей в прошлом году 75 лет было. Вот 76 будет в октябре. Мама моя – самая старшая, она умерла. И самая младшая у них была, она умерла 18 лет от тифа, или что-то от какой болезни. Болела и умерла. Это я от мамы и тети знаю.

А про отцовскую я вообще плохо, что знаю. Ну, про отцовскую я знаю, что у моей бабушки Федоры, бабушка очень рано разошлась, когда отец был очень маленький. Вот мой папа и она его так и воспитывала. Вот у моей бабушки Федоры было очень много [родни]: дядя Тося, дядя Миша, кто еще...? Это братья, папе они получаются дядьки. Бабушка на ферме работала. У нее, наверное, начальные классы образование, она все работала на ферме. Начальные классы, она класса 3 прошла, и все.

Я окончила школу, восемь классов в то время было, и я поехала в поселок Маймаксу учиться и жила у сестры бабушки Федоры по отцовской линии. Я жила у нее в Маймаксе и училась в школе. В этой 59-й школе в Маймаксе. Там все лесозаводы лесопильные: на 26-м заводе мой дед ездил работал. Тетя Феня жила у своего отца и училась в 59-й школе. И мама у меня в Маймаксе училась какую-то часть, когда они жили в городе. А потом, вероятно, в городе стало сложнее, труднее жить, и их отправили в деревню, что в деревне там молоко, все-таки они как-то проживут. Мама моя с 22 года. Вот там я жила у тети и училась: 9, 10-е закончила, потом окончила торговое училище: продавец, контролер-кассир, в Архангельске.

С Владиславом в 83-м году мы с ним познакомились. Я работала в то время в магазине. Меня пригласили свидетелем на свадьбу. И я как бы со стороны невесты, а он был свидетелем у жениха. На свадьбе мы и познакомились. Так и завязалось наше знакомство. Как раз он в институте учился, наверное, на 3-м курсе педагогического.

Мы поженились в 84-м году в феврале месяце. Мы стали жить на Поморской. Тут у них эта комнатушка в коммунальной квартире, 17 метров: тут родилась его мама, тут родился он, тут родилась у нас дочь. Родовое такое гнездо. Мы спустя год, как родилась Оля, по направлению уехали сюда. Когда приехала сюда, то спросила в райпо: есть место в магазине? Сказали, что есть. Я съездила, там уволилась, хотя была беременна уже второй дочкой. Уволилась, приехала, а места и нету, места продавца. И предложили место в буфете школьной столовой. Я вот до декретного работала в школьной столовой.

Потом декрет взяла, сидела год, наверное. А потом освободилось место: ушел кладовщик здесь в райпо на пенсию. Я кладовщиком работала до момента отъезда нас в Архангельск, года два, наверное. В Архангельске я работала, пришлось работать: детей в садик взяли только одну, вторую не брали. Пришлось идти работать на водоканал сторожем, охрана, стрелок ВОХР. Работать сутки через трое. Вот так вот, чтобы с Аней. Дали садик и второй дочке. Ну, это всего год, а потом мы возвратились сюда. Я согласна была, да! Вот в то время, а вот в это время, сейчас – даже не знаю. Что-то не хочется, родня у меня же вся там, все сестры там. Редко могу выезжать к ним. Больше мне хочется туда, с ними быть почаще.

Жить там: у нас эта коммунальная комната на Поморской. Она очень... дом в аварийном состоянии. Там одни, можно сказать, бомжи, народ, что получше, народ выехал. Осталась прописка, думают получить квартиру, и остались их сыновья-пропойцы кругом: что наверху, что внизу, двухэтажный дом. Поэтому если возвращаться, то жить там. Не знаю, тоже не хочется туда. После таких огромных комнат и в 17 метров уехать... Туда тоже не хочется возвращаться.

А когда сюда, в деревню возвратились, меня позвали в сельсовет бухгалтером работать, хотя сама я не бухгалтер. Но своим умом, и все-таки бухгалтерия бюджетная, она полегче для начинания была. Поэтому я ее освоила и работала полтора года, пока в декретном была их бухгалтер. А потом в совхоз позвали просто бухгалтером. Это в 1993 году, когда на акционерные общества стали дробиться. Но тоже год только простым бухгалтером проработала. А когда совсем на маленькие разбились общества, тогда главным бухгалтером.

Фактически закончило АО свое существование в прошлом году. Я ведь уволилась с АО «Покшеньгское» в 1999 году. Почему, тут много причин. Во-первых, когда еще распалось на маленькие, когда стало «Покшеньгское» отдельно, просто-напросто, хотя был руководитель с образованием, но у него не было желания как-то работать. Я вот, в общем-то, такой человек, я могу помочь в твоей ра-

боте, если тебе надо помочь что-то. Он ушел, пришел другой руководитель без образования, он любил выпить. У него было сначала желание-то. Это Попов Сергей Яковлевич. У него было желание работать, но мне кажется, что в то время им не хватало образования. Это все равно надо уметь руководить, уметь быть хозяйственником. Это все, это не умение руководить...

Говорят, что наши люди: наши кобелевские или из Красного, они пословные: их можно и заставить или уговорить по сравнению, например, с лохновскими. Те строптивее, те пугливее и строптивее. Вот я, сколько работала, после Сергея Яковлевича сменился другой. Но народ все время в свое время обвиняли бухгалтерию: «Вы там, бухгалтера, заедаетесь, вы там получаете зарплату».

Мне было так сложно и недоело вот так волочить людей, и обвиняли все бухгалтерию, что вы там виноваты, что все распадается, что се да то. Я решила сначала так подыскать себе замену. В то время муж у меня зарабатывал. Ну, так потихонечку я сначала ушла в просто бухгалтеры, потом в уборщицы. Это начиная с 96 года. А потом, когда контора переехала совсем в Красное, там даже приведешь мужа, мне самой дома очень сложно было и вообще придешь и дров нету, и надо смекать самим: отпилить самим где. Ну, я говорю, уж нет. Это здесь он приходил ко мне близенько, он мне наколет дров. Уволилась. А тут спустя время пришел Геннадий Щеголихин с лесничества, там, у Гены Богданова жена Таня работала уборщицей. Она не захотела и уволилась. Он предложил, я согласилась: чего дома сидеть на печи? Не хочу. Хочу работать. И вот пошла туда к ним работать. И вот с 1999 года я вот уже работаю там в лесничестве. На ладан дышат лесхозы. Но вот не знаю, как сейчас будет: насколько продержимся? Были выданы нам всем бумаги. Сейчас зарплату нам задерживают. Я была в отпуске, вышла, и часть денег мне еще не выдана. Ну, хотя тут после Прилухин был в совхозе. Он меня позвал, и как бы подрабатывала главным бухгалтером там. Я балансы до сих пор еще делаю. Бумаги все равно надо делать, оно не закрыто. Требуют.

(В разговоре о хозяйстве Ира вдруг заявила): – Да, веду я свой семейный бюджет: приход, расход. Да вот год я веду, вот начала с прошлого года с октября месяца. Мне самой интересно. Зато теперь я знаю, сколько у меня уходит денег на питание, сколько на промышленные товары, и поэтому получила денежки, я знаю: это я оставлю, на остальные я буду жить.

(Приносит тетрадь специальную, на которой написано: «Домашний бюджет», показывает ее и рассказывает.)

И.А. – Вот овощи тут. Вот козы у меня были. Поценила в ценах как у нас в магазинах, или как продают из хозяйств. Вот графа «Денежные поступления», причем отдельно делала денежные поступления мужа и свои. Я здесь еще занимаюсь, в детстве еще мечтала стать парикмахером. Почему я им не стала, я не знаю. А сейчас я

стригу. Ну, тут бабушки такие, без претензии. А потом я съездила в город и на курсы домашнего парикмахера. Это мало чего дало, но все-таки дало мне. Ну, тут у нас в деревне особо не заработаешь. Но тем не менее я стригу. Вот я записала, сколько у нас на что ушло, чтобы я знала будущее мне не высчитывать, а посмотрела записи и знаешь, чего покупать и сколько. Уже можно анализ сделать.

* * *

Ирина Анатольевна с октября 2001 г. ведет семейный бюджет. Книжечку-альбом, отпечатанную в Ленинграде, ей подарила подруга из Выборга. Она у нее лежала, а вот в прошлом году решила вести бюджет. Она ознакомила с содержанием табличек: каждый из двенадцати месяцев года разделен на декады, а каждая декада на дни. Каждый месяц разграфлен на следующие графы: «Дата», «Денежные поступления», «Коммунальные услуги», «Продовольственные товары», «Промышленные товары», «отдых, подарки», «Остаток на конец месяца».

Беседа 19 сентября 2002 г. посвящена ведению семейного бюджета.

Обобщение семейной истории Попова Владислава Владимировича

История кровного родства

Родился Владислав в 1961 г. в Архангельске, в семье учительницы. Его мать, Любовь Васильевна Попова, родилась в 1937 г. (по метрике в 1936 г.) в Архангельске. Преподает русский язык и литературу в одной из архангельских школ на момент исследования (2002 г.). С ними жила бабушка Анна Петровна Тепшина, которая родилась в 1901 г. (по метрике в 1907 г.), а умерла в 1993 г.

Отец Владислава, Владимир Николаевич Попов, родился в 1938 г. Он с семьей не жил. Когда Владику было три года, мать с отцом развелись по каким-то личным причинам. Отец был из многодетной архангельской семьи, семьи строгих, традиционных правил. Отец окончил коммунально-строительный техникум, работал на стройке.

Владислав считает, что отчасти одной из причин развода родителей был характер его бабушки, Анны Петровны. Из его воспоминаний о детстве и юношеских годах образ бабушки вырисовывается очень колоритно, даже его любимая мама Люба проигрывает в этих воспоминаниях. Воспитываясь в обществе двух женщин, Владислав приобрел мужской характер благодаря мудрости и житейской смекалке бабушки Анны Петровны Тепшиной.

Анна Петровна происходила из крестьянской семьи из-под Великого Устюга. Ее мать, Елизавета Илларионовна Поздеева, также

была из крестьянской семьи. У нее было несколько сестер и один брат. Муж Елизаветы, Петр Поздеев был бродяжной натуры, очень часто уезжал куда-то к Астрахани, работал в плотницких артелях.

Елизавета его за это бродяжничество недолюбливала, характер у нее был гордый и своенравный. Она уезжает сначала в Великий Устюг, а потом в Санкт-Петербург. Брошенный муж погибает, он тонет в реке. В Санкт-Петербурге она работает в дворянской семье сначала простой служанкой, а затем дослуживается до экономки. Семья была бездетной, от барина она рожает девочку Анну, которую отвозит в Шатрово к своей матери. Когда мать умирает, Анну воспитывает тетка Александра Бухова.

Накануне революции из Санкт-Петербурга приезжает Елизавета Илларионовна и, забрав Анну, уезжает в Архангельск. Там она поселяется на Благовещенской улице, с собой она привезла сына Колю, который родился в 1916–1917 гг. В Архангельске Елизавета служит экономкой в дворянской семье. Хозяева были бездетны, им понравился Коленька, и они попросили оставить его на время. Дворянская семья, не предупредив, тайно выехала за границу и увезла с собой Коленьку. Это было накануне революции.

В 1918–1919 гг. Анна Петровна вышла замуж за Михаила Беляева, которому было 30 лет, он служил в пароходстве. Михаил был болен, поэтому все семь родившихся в этом браке детей умерли в младенчестве, да и сам Михаил умер в 1931 или1932 г.

В 1934 г. Анна Петровна вышла за Василия Тепшина, которого очень любила. Тепшин родом из Онеги, из богатой, купеческой семьи, где было много детей – все сыновья и одна сестра Лиза. Василий работал бухгалтером в Архангельском порту. он умер в 1938 г. от сердечного приступа в Андерме, куда поехал по служебным делам.

Бабушка с Василием жили на улице Чумбарова-Лучинского (центр Архангельска). От этого брака и родилась мать нашего респондента – Любовь Васильевна. Елизавета Илларионовна жила с ними, очень любила и баловала внучку. Елизавета любила морошку, очень любила ее собирать сама в лесу. Эта ее страсть и послужила причиной ее кончины: она ушла в лес за ней и не вернулась. Она не похоронена, так как ее не нашли в лесу.

В 1940 г. Анна Петровна вышла замуж за Петра Арсентьевича Терещенко. В 1941 г. он погиб на фронте под Смоленском. От этого брака Анне Петровне остался сын Петра – Владислав. Владислав после армии, в 1964–1965 гг. женился на Лидии Удиной, которая была родом из Онеги и ее родня жила по соседству с Тепшиными, их семьи дружили. Лида с Владиславом умерли, от их брака осталась дочь Наташа, двоюродная сестра Владислава.

Тетя Лиза, сестра Василия Тепшина, переехала после войны жить в Калининград, где был похоронен ее единственный сын Геннадий Иванович Катарин, погибший в 1944 г.; ему было присвоено звание Героя Советского Союза за переправу через Днепр. Муж тети Лизы,

Иван Катарин, умер в Архангельске в 1945 г. В Калининграде тетя Лиза вышла замуж за Алексея Заборского.

В 1984 г. Владислав Владимирович женился на Ирине Анатольевне Крапивиной (род. в 1960 г. в деревне Хаврогоры Холмогорского района в крестьянской семье). Ее родители: Анатолий Дмитриевич Крапивин (род. в 1922 г.) и Екатерина Никитична Иванова (род. в 1931 г. в этой же деревне). Мать имела образование фармацевта, но в деревне работала на разных работах: в детском саду, библиотекарем, пекарем. Умерла в 1999 г., а отец умер в 1993 г. В семье было четыре дочери: Надя (род. в 1951 г.), Шура (род. в 1957 г.), Ира (род. в 1960 г.) и Таня (род. в 1962 г.).

В семье Владислава и Иры родились две девочки: Оля в 1984 г. и Анна в 1986 г. Бабушка Анна Петровна Тепшина умерла в 1993 г. в Архангельске.

Социально-политическая история семьи

О годах революции Владислав знает из рассказов бабушки, Анны Петровны. У ее мужа вся родня жила в Онеге и род был купеческий, во время революции все было потеряно, и семья срочно выехала в Архангельск. Видимо, это было вынужденно и жизненно необходимо.

Во время войны семья жила в Архангельске, который бомбили. Одна бомба разорвалась в 50 метрах от дома, где жила семья. А бабушка чудом осталась жива, не пошла на дежурство в госпиталь, поменялась сменой с подругой, которая ее очень попросила. В это дежурство госпиталь разбомбили. С детских лет Владислав запомнил бесконечные очереди в магазинах за продуктами и живо их описал. Когда он поступил на подготовительные курсы в педагогический институт и ему была нужна характеристика, то на работе ему отказали, заявив, что заводу педагоги не нужны. Владислав обратился в комитет комсомола завода, и вопрос был улажен.

В деревенскую школу Владислав поехал после окончания института, потому что в таком случае за ним сохранялась броня на квартиру в Архангельске. Поэтому они поехали с Ирой в Пинежский район, Покшенье, так как этот район считается районом Крайнего Севера. А на него распространяется льгота по сохранению жилья.

Второй раз семья приехала в Кобелево, потому что решила так пережить суровые годы начавшейся перестройки: «прожить в тишине это лихое время, пережить просто». Потом было решено завести в деревне свой дом, что и было осуществлено.

История вещей

Самая главная «вещь» семьи – свой дом в деревне, об истории строительства которого рассказал Владислав Владимирович в беседе от 26 июня; о вещах купленных и приобретенных семьей рассказано Ириной Анатольевной (см. беседы с ними).

От себя скажу, что я неоднократно была в этом доме, он мне нравится своей планировкой, продуманностью до мелочей, атмосферой свободы, простора и творчества, которая в нем царит. На первый взгляд дом как бы не традиционен в своей планировке, но на самом деле суровость климата учтена. В доме все компактно и рассчитано на лютый зимний холод и снежные вьюги.

История знаний, умений и навыков

Мать Владислава окончила историко-филологический факультет Архангельского педагогического института и всю жизнь проработала учителем русского языка, литературы и истории. По распределению она отработала в Устьяновском районе Архангельской области в деревне Строевское. Потом она возвратилась в Архангельск, потому что надо было учить сына, устроилась работать в среднюю школу в Маймаксе (район Архангельска), где живет до сих пор. Владислав Владимирович окончил тот же факультет того же института, что и мама. После его окончания поехал преподавать в покшеньгскую школу. На год уезжал назад в Архангельск, а потом опять возвратился Кобелево. Владислав Владимирович преподает и одновременно является завучем.

Ирина Анатольевна окончила торговое училище в Архангельске и работала там продавцом. В деревне, как она выразилась, приходится работать там, где есть работа. Так, она была бухгалтером, кладовщиком, уборщицей. Уборщицей она работает в Земцовском лесничестве в настоящее время. Она училась на курсах парикмахеров в Архангельске, поэтому у нее есть подработка в деревне. Желающих она стрижет.

Старшая дочь учится на 2-м курсе педагогического училища в Архангельске, а младшая сейчас живет у бабушки и учится в школе в 11-м классе.

История соседства

В Кобелево Семья Поповых общается в основном с Ильиными и Щеголихиными. Они знают многих, их знают все. Проблемой общения больше всего озабочен Владислав Владимирович, но с успехом находит объектом общения самого себя; он общается также с Павлом Леонидовичем Ментшуткиным и, кроме того, у него есть старинный друг Петр Георгиевич Овсянкин.

История связей с внешним миром

В детские годы Владислав Владимирович часто ездил в Калининград к тете Лизе, о чем много рассказывал. Воспоминание о Прибалтике у него вылилось в стихах и графических рисунках. С Ирой они ездили в 1987 г. в Чехословакию и Германию. В молодости они путешествовали по рекам Мезень, Пинега, Вашка. Об этих поездках Владислав Владимирович рассказал в последней нашей встрече.

Приложение 2

БЕСЕДЫ С ЖИТЕЛЯМИ ДЕРЕВНИ

Беседа с Козьминым Георгием Николаевичем

Поселок Русковера 1992 г.

Выбор респондента. Георгий Николаевич Козьмин родился в 1928 г. в деревне Красное. После службы в армии ушел работать на лесоразработки. Стал начальником лесопункта, строил русковерский лесопункт. Уважаемый человек. Брат Богдановой Антонины Николаевны. В настоящее время живет в Русковере в собственном доме. С ним живет жена Лидия Михайловна, в девичестве Минина. Трое детей разъехались и живут отдельно своими семьями в этом же районе.

Беседа состоялась, так как хотелось больше узнать, как люди уходили в «лес», и как велись лесоразработки, а также дополнить описание кровного родства Богдановой Антонины Николаевны.

Словесный портрет. Георгий Николаевич – высокий, статный мужчина. У него карие глаза, темные вьющиеся волосы, тронутые сединой. Похож на своего отца Николая Егоровича Козьмина. Беседа велась в присутствии жены Лидии Михайловны, и ей тоже задавались вопросы.

Г.Н. – Я в 47-м, 24 мая ушел в армию. Тася (старшая сестра) вышла замуж, а Петр (брат) начал работать счетоводом в сельпо. В сентябре 52-го демобилизовался. Служил сначала в десантных войсках, а потом в авиации. Пять с лишним лет прослужил. Тогда после войны призывать было некого, заменять некому, мы были последний призывной год, который на фронт не взяли. Я четыре года отслужил, даже в отпуске не был. Через четыре года отпуск только дали, домой поехал. После, в 51-м постановление Совета Министров вышло, нас перевели на положение сверхсрочников, и еще год отслужили.

Я служил, около одного места база была, только в разных подразделениях: во Пскове, под Псковом, и в Калининской области, и в Выползово Вологодской области.

После армии уехал в лес, в Покшеньгский лесопункт в Сылоге, Кавринский лесопункт, оттуда меня направили на учебу на технорука в Архангельск. Начальник технoруков лесопунктов – курсы повышения квалификации. 6 месяцев на курсах.

Я вернулся, меня направили работать технoруком в Пачихинский лесопункт, он тогда открылся в 1955 году. Приехал туда в июле–августе месяце. Сначала работал технoруком, а потом – начальником лесопункта до августа 1959 года. Потом меня обратно перевели в Кавру старшим мастером. Лесопункт в Кавре ликвидировался, перешел в подчинение Покшеньгского лесопункта, меня перевели работать старшим мастером там. С августа 1959 года по май 1961 года работал мастером Покшеньгского лесопункта на участке Кавры.

В 1961 году стали открывать Земцовский лесопункт в Русковере. Не было ничего, ни поселка, ничего. Я 4 мая, меня назначили сюда начальником лесопункта, нового, открывающегося лесопункта. Приехали сюда 4 мая – ничего нет, лес один. Начал строить с 4 мая. Жили сначала на Земцове, на Кротове. Народ отовсюду набирали, с разных деревень, со всего Карпогорского леспромхоза.

Авт. – А с Лидией Михайловной вы когда поженились?

Г.Н. – В 1952 году. Я, в каком году демобилизовался, в таком и поженились. В Пачихе, в Кавре мы с ней жили на квартирах. Дома были, давали. Только здесь свой дом построили. Работал здесь до пенсии, все в этом лесопункте. Все здесь на моих глазах происходило.

Авт. – Вы лес все молем сплавляли?

Г.Н. – Мы только нынче, этот год молем не сплавляли. Первый год, в 1991-м молем не сплавляли, а то все молем: на берег вытащим, и молевой сплав. А в этом году первый год не было молевого сплава. По Пинеге был, а здесь по Покшеньге отменен. Вывозили прямо к железной дороге. Постановление было, борьба за экологию и все. Борьба с улучшением экологии, с улучшением содержания водоема, водоема рек. Реки тут все загадостили, все тут заворили. Сухой грязью, корой.

Авт. – А этот дом когда вы построили?

Г.Н. – В 63 году, мы в августе зашли. Тридцать лет. Сам строил, в основном, да брат Геннадий помогал. Тогда средств не было. Сейчас говорим, денег нет, тогда вообще ставки были маленькие, тарифы маленькие, зарплаты маленькие. В основном строили своим трудом, помогали только свои, знакомые.

Авт. – А вот лес Русковерского лесопункта – это большая территория, где лесозаготовки проводили?

Г.Н. – Когда открывался лесопункт, мы получили генеральный план освоения лесосырьевой базы. Два миллиона двести тысяч кубометров древесины было здесь запланировано заготовить за 20 лет. Когда открылся Усть-Покшеньгский леспромхоз, нас тогда передали с Карпогорского леспромхоза. Сейчас там, в Усть-Пок-

шеньгском числимся. Просто открыли новое предприятие. Он планировался на пятьсот тысяч в году. Построена бетонная лесовозная дорога прямо к железной дороге. Мост сделали два года назад постоянный через Покшеньгу, а так был временный.

Авт. – А сколько в Русковере народу приблизительно живет по численности?

Г.Н. – В Русковере живет человек 800–870, наверное. Частных домов 50 с чем-то, наверное. А леспромхозовских – не считал. Магазин есть орсовский, промтоварный, продуктовый, клуб, столовая, пекарня, медпункт: 2 человека фельдшера. Земцово было раньше в совхозе «Тепловском», а когда открылся лесопункт «Земцовский», его передали нам подсобным хозяйством. И было как подсобное хозяйство Земцовского лесопункта Карпогорского леспромхоза, а сейчас передали, в Усть-Покшеньгский леспромхоз ввели.

В Кобелево контора Земцовского – это лесхоза, это лесохозяйственное объединение. Лесников объединяет, которые следят за отпуском леса, за восстановлением леса, за правилами рубки и ухода за лесом.

Авт. – А для леспромхоза они указ или нет?

Г.Н. – Да, они переходили, они и в подчинении леспромхоза были, и отдельно были. Сейчас они отдельно.

Авт. – А вот леспромхоз вырубки ведет, он обязан вести лесовосстановительные работы?

Г.Н. – Обязан лесовосстановительные работы вести. Должен вычистить лесосеки, валежник убрать, пни не корчуются, очистить от леса. Лесовосстановительные работы: лес сеять, саженцы садить под руководством лесников. Леспромхоз выделяет рабочих и проводит лесовосстановительные работы. Это делалось, но не в полном объеме. В основном делалось. План, который спускался, выполнялся. Но вырубка, наверное, превышала прирост.

Авт. – А вы имеете какие-то награды за работу?

Г.Н. – Да, орден Красного Знамени, медаль ветерана труда. Юбилейные по пятилеткам медали. 1972 года – в честь 50-летия образования СССР, победитель соцсоревнования в 72, 77, 79, 80 годах. Орден за выполнение пятилетнего задания 1975–1980 годов. В 1981 году вручили его.

Авт. – Георгий Николаевич, расскажите о братьях вашей матери.

Г.Н. – В 1915 году родился дядя Алексей, школу кончил, в химии работал мастером, потом до войны – в сельсовете, который в Кротово открылся. Потом взяли в армию, на фронт, воевал. Женат на Анне Ефлатьвне (род. в 1913), детей не было.

Дядя Дмитрий (род. в 1918 г.) тоже работал в химии до войны. Всю войну пробыл [на фронте]. Женат был до войны. Жена первая ушла, сейчас на Шотовой живет. Потом женился на деенке Лидии, Арсентьева Лидия Дмитриевна. Она сейчас живет в Сылоге, они

там жили. Она сама-то с Лохново, с Хидгоры. Она на медика, фельдшера выучилась. Двое детей есть: один сын в Архангельске, другой в Сии живет.

Дядя Петр все в лесу работал, женат, сын был. На войну был забран и больше не вернулся. Пропал без вести. Он старше дяди Алексея. А сын уехал с матерью, она второй раз замуж вышла. Тут были репатриированные. Потом их освободили, выдали документ. Он уехал в Белоруссию, Макаричев такой был. И вот она с Макаричевым уехала, а сын-то остался, у дяди Алексея был. Потом она дяде Алексею написала письмо, он (сын) уехал туда, и больше я ничего о нем не знаю. Звали его Евгений, Евгений Петрович. А дядя Петр, он что же, не вернулся с фронта.

Авт. – А дядя Иван?

Г.Н. – Он работал до войны мельником в колхозе. Мельница здесь была на Кротове, водяная мельница. Взяли на войну, и с войны, убит был, не вернулся. Женатый был. Дети были. Сейчас живые есть: Анна, Александр, Василий, Зоя. Четверо, одна померла, так пятеро детей у него было. Сейчас уже старшая, Анна, померла. Трое живут: Александр и Зоя в Сылоге, а брат двоюродный Василий тут живет, в Русковере. У него жена с Хидгоры, дети: Марина, Иван.

Авт. – Дед Козьмин Егор Андреевич умер в 1926 году. Долго лежал, болел. У него болезнь тяжелая, наследственная, так Уваровна считает?

Г.Н. – Дак, ведь он же еще ранил, подстрелил себя, у него самострел получился. Он болел. Он жил в лесу и там подстрелился на охоте. У него как получилось. Он поплыл, увидел медвежонка на берегу, чурку катает. Чурку накатил медвежонок на себя, на лапы и вытащить не может. Он этого медвежонка захватил, освободил, потащил. Где-то здесь медведица оказалась. Тут он забарахтался с ружьем, и подмышку ему стрелило. Он уплыл от нее-то раненный. После этого заболел-то.

Основная-то болезнь не эта, но у него рука болела, он как однорукий потом был. А это уж сопутствующая болезнь была.

Авт. – А какое образование имели ваши родители?

Г.Н. – Бабушка – три класса. Дед – 3 класса ЦПШ, на клиросе пел. Маленьким работал в артели.

Авт. – Что рассказывал отец о первой империалистической войне?

Г.Н. – Он рассказывал, рассказывал, он в Польше в плен попал. Бежали они оттуда. Воевал там на Украине. В 1914 году началась. После плена опять в армию попал. Он проходил долго на войнах. Вот он ушел и до революции, а тут автоматически на гражданскую войну и в красные партизаны попал. Они здесь как-то связано, он и как бы в армии и был или не был, я не знаю. Тут такая заваруха: в одной семье один – белый, другой – красный. Кака беда-то была! Ну, у них никто в белых не был.

В Кобелево, Красном, Жабье не было боев. Но белые-то свои приезжали тут. Они свои приходили, но их так уж не было. По той-то стороны они были: в Карповой и на Марьиной, а тут-то не было их. Только которые служили тут в белых, к своим родственникам приедут, и все. Вот красные партизаны да части ушли туда вверх, к Верколы, и все. А здесь, кто белые служил, опять стали верховодить.

Авт. – А кто семерых в Кротово убили?

Г.Н. – Да вот Ванька Титов, он кротовский. Вот он втроем приехал, и расстреляли. Тогда все это тройки участвовали. Он в красной армии служил. Вилами кого-то даже заколол, не только стрелял.

Отец после войны работал в химии, председатель химартели: у него подсочка была и смолокуренный завод на Кировской был, здесь на Пыльменге был завод, Немнюге. А у отца контора была в Кобелево. Он был председателем, ездил все по участкам.

Авт. – А долго он там работал?

Г.Н. – Артели-то выделялись из колхоза, а после-то его избрали председателем колхоза. Тогда химартели были связаны с колхозами: дадут разнарядку из колхозу – направить, и выделяли людей в химартель.

Авт. – А до колхоза как химартель работала?

Г.Н. – Тогда он не в химартели, а просто на лесозаготовках робил. Артелью заготовляли. Поступал в артель. Артельщиком был. Зимой лес заготовляли, а на лето тут домой выходили: хлеб посеют тут, спашут. Весной лес сплавят в Архангельск, туда, и все он в артелях был. А Павла (мать) хозяйством занималась. В 1931, а в 1933-м он уже председателем был. Вот в это время он в тюрьму попал, под кассацию он попал.

Авт. – А после кассации вышел, где он стал работать?

Г.Н. – А в колхозе работал. Кузнецом. Тут все переплетается... После председателя он в химии работал. Потому что я запомнил, когда маленьким пацаном таким был уже перед школой, и я с ним ходил на Кировский везде. У Федора Сиверьяновича оставался все там. Другой раз неделю там живу.

А на кузницу он ушел уже в 36-х годах. Взяли на фронт в 42 году с кузницы, и вернулся он в кузницу. Раненный приехал, все равно стал в кузнице работать.

В августе 1945-го вернулся, я как раз работал на косилке, косил на Дюкове, в Красном. Иду, и он едет, увидел его. Он как раз демобилизовался и ехал домой.

Он все время был на военной пенсии. Он – по инвалидности. У него все II группа была. Все еще работал. Пенсия маленькая была, с 1956 года он вышел как по пенсионному возрасту.

Авт. – Расскажите о брате Пете.

Г.Н. – Он с 1931 года, окончил 7 классов, работал в колхозе после школы. А потом работал в сельпо счетоводом. В 1946-м я рабо-

тал в лесу, он приезжал ко мне на месячник. Потом меня взяли в армию, а он из сельпо уехал в лесопункт, работал в лесопункте. На каких работах? На стройке, плотничал.

А потом съездил на курсы шоферов. Работать мало привелося. Он стал при ремонте машины: колесом ударило в таз, и заболел он.

Сначала он не придал значения, а потом все сильнее и сильнее. Потом дело дошло до больницы. Здесь в Карпогорах он лежал долго. В Архангельск он уехал в тяжелом состоянии. Операцию делали. Он год целый пролежал в больнице в Архангельске. Я в 1955 году, когда приехал на учебу в Архангельск, он лежал там, а Зина в АЛТИ училась. Я ходил к нему в больницу не один раз. Ему делали пересадку тазобедренного сустава – чашечку. Ему раздробило чашечку. Ему от таза отпилили кость, чашечку отняли, половину чашечки приростили, и вот он вернулся опять. Его выписали, на группу посадили, он дома пожил и опять поехал в Сылогу.

И начал в Сылоге работать. Поработал на разных работах, а потом вот, стала когда площадка в 50-е годы, самолеты-то стали принимать. Он устроился на площадку, начальником этой площадки.

А потом что-то не стало ладиться, с женой они разошлися. Он оттуда уехал в Коношу. Там сколько-то пожил. Сознался с Ниной-то. Сюды приехал, она счас здесь, в Русковере живет. Он здесь работал сварщиком. И в Коноше работал сварщиком. Он и в Сылоге сварщиком работал.

Авт. – А его первая жена, Фаина, откуда родом?

Г.Н. – Она с Устьянского района. Она приехала сюда после ФЗО. Направляли тогда. Электромехаником и по направлению приехала сюда. Работала электромехаником, а потом библиотекарем.

Авт. – А как вы, Георгий Николаевич, из колхоза в лесопункт уехали работать?

Г.Н. – Мы не сами, нас выделили тогда из колхоза. По наряду выделили, мы, может, и остались кто, я был направлен тогда в лесопункт-то. Как в ФЗО выделяли, так и в лес. Выделяешься, разнарядка, и все! Приехал [из армии]: не обут, не одет, так куда я поехал? В лесопункт, конечно, обратно уехал, откуда в армию был взят.

Авт. – Ваша мать все время держала корову?

Г.Н. – Все время, без коровы и жить было никак. И овец держала. Овец много-то не держали, в основном корову старались держать, потому что с такой семьей без коровы не прожить.

Авт. – А где сено на нее заготавливали?

Г.Н. – Ну, часть на трудодни добывали, да с участка солому, да еще у кого-то с участка солому купит. Да где-то сами кошелем летом таскаем, да лист бруснем, да где что можем. Да моху дерем.

Авт. – И мох давали?

Г.Н. – Обязательно, мох заваривали. Вот так. Это сейчас ни соломой, ничем не кормят, а тогда кормов мало было. Тогда и солому у соседки купит. Соседка корову не держит, ей навоз нужен, а она у

ней солому в обмен берет. А в колхозе тогда не давали навоз-то, надо было на колхозные поля.

Авт. – А вот вы были когда молодым, были праздничные гулянья?

Г.Н. – Да, были. Жили вроде плохо, неважно, а люди не горевали. Общалися больше, чем сейчас. Сейчас люди не общаются. Не только общение, а и свою-то родню, порой, забудут. Жили в недостатке, а праздники проводили все: и Богородица, и Никола, и советские праздники. И советские праздники проводили, и религиозные отмечали.

Все отмечали. Соберутся и обед в колхозе сделают. Каждый свое несет на стол, у кого что есть. Собираются, и весело было. Пиво варили. Общественных пивоварен уже не было, так по домам варили. Колхоз что-нибудь немножко выделит: мяса там дает на праздник. Теленка зарежут.

Авт. – А где собирались?

Г.Н. – А у кого изба побольше, да где семья поменьше, да чтобы хозяйка организовать сумела. И проводили очень весело. Во время войны мы жили в лесу, на лесозаготовках жил. В 45-м я жил, карточки, хлеба нет, мы не горевали, весело жили. Придешь с работы, 500 грамм хлеба давали, никаких приварков, никаких спецовок, ничего не давали, не то что сейчас. Придешь, поешь, что есть покушать, и обязательно идешь в клуб.

Собираются все и поют, и пляшут. Ежедневно ведь так, понимаешь, ежедневно. И в лесу, и в деревне. Если в клуб не пошли, вечерянку такую устроят в бараке где-то. Там опять что-нибудь чудим. Жили дружно, хорошо. Пели и чудили. Жизнь текла интересно.

Сейчас пришли с работы, все как замки замкнули, каждый в своем кутке, и каждый в своем кутке, и все! И каждый старается друг друга сгрызти еще. Вот. Духовно жили намного богаче. Связи были лучше. Сейчас как-то разобщено.

Авт. – Вы были молодыми, когда пошли первые трактора, расскажите об этом?

Г.Н. – Так я все это запомнил. Электричество, оно где-то началось в 60-х годах, а радио раньше. Черные репродукторы были. Первые трактора ЧТЗ, газгены тогда еще были, появились во время войны первые четыре трактора. А первые тракторы появились в районе в 1939 году. А в колхозы уж в 50-х годах появились. Или позже.

Беседа с Немытовым Василием Игнатьевичем

Деревня Красное, околок Горушка — Апрель 1994 г.

Василий Игнатьевич – житель околка Горушка деревни Красное. Здесь он живет с женой в родительском доме. Дом старинный, доб-

ротный. Василий Игнатьевич родился в 1922 г. Когда началась ВОВ, он как раз был призывного возраста. 8 мая 1942 г. был ранен на Волховском фронте, когда освобождали Ленинград. Три месяца провел по госпиталям: сначала в Ровиче, рядом с г. Рыбинском, потом в Ревдах, рядом со Свердловском (Екатеринбург). Был признан годным к нестроевой службе. Вернулся на родину. Во время войны вел военное дело с 1-го по 4-й классы в жабоконской и лохновской начальных школах. На занятиях знакомил с оружием, вел физическую подготовку: лыжи, прыжки, бег, метание. Проводил соревнования в классах.

В 1945 г. должность военрука сократили. Райотдел направил Василия Игнатьевича работать участковым милиционером в Верколу, где он проработал 5 лет. Потом он 23 года работал милиционером на участке от Кавры (70 км от Кобелево и 18 км от Сылоги) и на 40 км вниз по Пинеге до Пиремени. Самая маленькая и дальняя деревня на его участке Кочмогоры, где всего 20 домов. За время работы он был там всего один раз: все пацаны убежали, не видели милиционера.

В настоящее время Василий Игнатьевич – пенсионер, является председателем Совета ветеранов. Его жена Анна Николаевна (род. в 1924 г.) местная, на пенсии. Работала продавцом. Сейчас активная участница самодеятельного хора.

К Немытовым мы пошли в 1994 г., когда приехали в деревню с немецкой киножурналисткой Уллой Лахауэр. Улю интересовала память о лагерях, о ссыльных, о немцах.

В.И. – Когда много было освобожденных, вновь строились леспромхозы: Лавельский, там Сосновский. Узнал, что такое есть «вор в законе». *(Смеется.)* В третьем году, после смерти Сталина, тоже амнистия большая была. Тогда Берия, как враг народа, там выпустил это по пятилетке, чтобы обстановку такую сделать... Чтоб, ну, вся общественность с этим боролась. А сейчас общественность уже вообще не смотрит: один попал в беду, пропадай! Народные дружины стали образовываться после войны.

Авт. – Во время войны были бригадмилы?

В.И. – Это бригады содействия милиции переименовали в народные дружины. То же самое, но только переименовали.

Авт. – Здесь были лагеря?

В.И. – Нет, здесь не было лагерей. Пуксозеро только вот лагеря были. Оттуда или откуда, я не знаю, но здесь оказывались на вербовке. Группами они, друг друга знают. Вот банду соберут и ...

Анна Николаевна. – Ведь, Вася, было тогда этих репатриантов-то сколько?

В.И. – Ну тех-то ладно, те там из Германии репатриированы. Ну, тут они остались и живут еще которы.

А.Н. – В Сылоге их много.

В.И. – Украинцы, белорусы они были, увезены в Германию, а потом освобождены, а их домой не пустили. Их вдруг они там завербованы или что-то. Их сюда привезли и поселили.

А.Н. – Хорошо работали, о них в газетах писали. Очень хорошо работали.

В.И. – Их домой не отпустили, а сюда работать привезли. Как наказание. Их сюда, на Север. Тунеядцы. Это в 61 году был указ. Всех из городов, из Москвы, из Ленинграда высылали сюда, на Север. Вот они пачками приезжали сюда. Милиция учет вела. Ходили на отметку каждый месяц, чтоб тут не убежали. Девушек много было. Некоторые привыкли работать, исправились и остались тут работать. А некоторые уехали. Потом освободили их, амнистия какая-то была... Девушки говорили: «Я кроме вилки, да ложки, да стопки ничего в руках не держала!» *(Смеется.)* Сейчас-то их полно!

В Кушкопале есть. В Карпогорах Фролов Алексей, но он уже вырос сейчас. Отец был выслан-то. Уж работал, и в армии служил, сейчас на пенсии. Джапаридзе в Лавале председателем сельсовета сейчас, тоже отец был выслан.

Авт. – А в Кобелево?

В.И. – Здесь-то нет.

Авт. – А Горст?

В.И. – Горст, я не знаю, как он сюда попал. Он немец, с Поволжья, наверное. Он умер.

Авт. – Здесь живет его сын?

В.И. – Сын, да!

Авт. – А Горст пришел сюда один?

В.И. – Один. Здесь женился. Он такой с уклоном: пьяница, драчун. Вот за это его и посадили. А после освободили, он уж больной был. Астма. Он не выдержал и повесился.

Авт. – Говорят, что он был кузнец?

В.И. – Кузнец, мастер хороший. Рингс еще был в Лохнове, Василий. Он еще с гражданской остался. Тоже кузнецом был. Он женился, семью вырастил. Ребята были. Со мной один в армии был сын, но как война началась, его забрали, ну, не знаю за что. И так, и с концом. Рингс жил, я помню его, в кузнице работал. Хороший кузнец. Коньки ковать ребятам, это все у него. Сын его погиб на войне. Отец его пострадал, а сын Родину защищал. Вот такие дела! *(Вздыхает.)*

Авт. – Упоминают, что были здесь высланные поляки, а что вы знаете об этом?

В.И. – Откуда они были? Из Польши или когда Литву присоединяли, там ведь и поляки были. И здесь тоже были поляки высланы. Тут работали сапожниками и...

Авт. – Жили в Кобелево?

В.И. – Да. Куликов фамилия, я помню. А куда они потом уехали? Я не знаю. Сапожниками работали, да валенки катали. Во время войны.

Авт. – Василий Игнатьевич, вы, как председатель Совета ветеранов, не знаете, сколько людей погибло во время войны из покшеньгских деревень?

В.И. – А у нас там доска есть на памятниках...

Авт. – Там жители каких деревень?

В.И. – Там без Лохново, вот Красное и Кобелево. Там 80 человек погибло. Многие остались: кто в армии служили; Поповы вот, Тыркасовы. Сверхсрочно служили. Они там полковниками были, дослужились. На пенсии сейчас. Я когда учился в школе, 5-й класс, было два класса по сорок человек. Правда, из Немнюги, из Марьиной (дети) ходили. А сейчас во всей школе 56 человек.

Авт. – Вы давно являетесь председателем Совета ветеранов?

В.И. – Ну, лет шесть.

Авт. – А что вы делаете, какую работу выполняете?

В.И. – Общественная работа: ходили совхозу помогали то капусту прополоть, то турнепс вырвать, кладбище почистить. Мостки вот мужики строили. Пиломатериалы возьмешь и строишь.

Авт. – А что вам государство представляет? Какую заботу проявляет?

В.И. – А пенсию плотят, а что больше?

Авт. – А в праздники?

В.И. – Ну, Совет, да День ветеранов, праздники проводим, да день Победы проводим. В день Победы все ветераны, тут и вдовы, и кто трудился в тылу. День ветерана меняют. Был 1 апреля тот там год. А нынче осенью сделали, в октябре месяце. Тогда выбирай, какой день выберешь. К воскресенью приурочивай. В тот там год в столовой отмечали один день. Отпускают средства на сахар, на чай, а для веселья спиртного сами покупаем. На эти цели не отпускают.

Авт. – А пенсии сейчас хорошие платят участникам войны? Как, по-вашему?

В.И. – Да, не всем они хороши.

Авт. – А вам?

В.И. – Нет, мне как работнику милиции хорошую платят. У меня 130 тысяч. Я учился в Холмогорах до войны, в косторезной мастерской. И резал.

Авт. – А сейчас?

В.И. – А после ранения рука-то не работает, как надо. В 41 году кончил, как раз война началась. И ехать работать надо было. Дальше направление было, тоже какое-то ремесло было. А война началась, и все. Три года я там, в школе проучился.

(Вопрос о К.Ф. Щеголихине и его дочери Вале, живущей в Кобелево.)

В.И. – Ее это никак не касалось. Потом его признали почетным гражданином Покшеньги. Он моей жены дядька, Анны Николаевны, в девичестве – Щеголихина.

Авт. – Вы не помните, какой надел земли был у вашего отца, когда он единолично вел хозяйство?

В.И. – А я не помню. Десятинами тогда называли, не гектарами. Я не знаю эту меру даже. Я помню там эти поля: помогали поборонить да коня попасти. На сенокос выезжали там, по речке. Ну, это я в 29 году запомнил, а в 30-м уже коллективизация была. Полосами было. Тут одна полоса тебе, а за межой – другому. Вот так. Все межи были. А потом, когда в колхоз вступили, все эти межи разрабатывали. Распахали. Сейчас опять скоро будут межи ростить.

Авт. – Думаете?

В.И. (Смеется.) – Нет, не дойдет, наверное!

Авт. – А вы сейчас держите какую-нибудь скотину?

В.И. – Овец. У сына корова, так у него молоко берем.

Авт. – А сын у вас где?

В.И. – В школе работает. Ну, сейчас не совхоз, а акционерное общество. Это считай уже частники. А они еще не чувствуют, не понимают.

Авт. – А нового председателя акционерного общества выбрали?

В.И. – Да, выбрали, на собрании. Он ведь недавно выбран.

Авт. – А собрание где проходило? В клубе?

В.И. – Нет, здесь (в Красном), в гараже, в разводной. Клуб-то закрыли. Котельную построили и все. Раньше печи топили, а как котельную устроили, угля-то там мало запасли. Два котла надо жгать, да не хватит. И школа будет холодная, так закрыли клуб. Сейчас не отапливают.

Авт. – А Сергей Яковлевич (новый председатель акционерного общества), каков он?

В.И. – Тракторист. Он после армии на курсах поучился на тракториста и поработал.

Авт. – А бывший Сергей Федорович, куда он?

В.И. – Он хочет трактористом. Кончил институт, учил его совхоз пять лет, немного и платили, но тогда хватало 45 рублей в месяц. А сейчас и бросил, неохота.

Авт. – А сейчас у вас появилась новая должность: староста. Тоже выборная?

В.И. – Выбирали.

Авт. – Все жители?

В.И. – Да. У нас здесь сто с чем-то человек, Красное и Жабей, населения, кроме детей, числится 100 человек. Вот 25% – 25 человек собрались и вот избрали. Сейчас не надо 50% или 75%, 25% хватает.

Авт. – Избрали сына Василия Тихоновича (Попова), Виталия?

В.И. – Да.

Авт. – А что он должен делать?

В.И. – Да я не понимаю, что там делать.

Авт. – А вы были на выборах?

В.И. – Был. Ну, там ни положения, ни обязанностей не объясняли. Надо просто старосту избрать, и все.

Авт. – Это было предложение от мэра (главы администрации сельсовета)?

В.И. – Да, мэр.

Авт. – А предложение идет сверху?

В.И. – Да, сверху указание. Мэр говорил мне тогда: «Ты уж председатель Совета ветеранов, заодно и старостой будь!» А я: «Нет!» А потом думаю: «И в самом деле, так сделает!» Я тогда впереди давай Виталия (предлагать)... *(Смеется.)*

Авт. – А вот Василий Владимирович (мэр) уже почти два года на этой должности. Какие у него возможности, что он делает для вас, для деревни?

В.И. – Я вот немного обращаюсь, когда пенсионерам дрова нужны. Бесплатно через райисполком он оформляет. Райисполком уплатил. А тут машину выделили, ну вот за путевку уплотят.

Авт. – А сколько путевка стоит?

В.И. – А вот в нашей деревне [стоит] 8 тысяч дров привезти из Русковеры.

Авт. – Здесь занимаются землеустройством? Ваши приусадебные участки принадлежат кому?

В.И. – Вот эта полоса возле деревни, как на карту занесены все поля, как поле сельского совета. Вот они наделяют и будут деньги брать.

Авт. – С вас не брали?

В.И. – Нет, свидетельства еще не выдали. Часть уже получили, но у меня нет. Не домерено. Осенью приходили, меня дома не было.

Авт. – А сколько это стоит?

В.И. – Цена увеличивается. Было 7 копеек с квадратного метра, потом 7 рублей, сейчас, может, 70 рублей уже...

Авт. – У вас 30 соток будет?

В.И. – Нет, у меня даже больше. Застроено и там в поле-поле. Обмерят то, что у меня есть. В поле мерили там 20 соток, да там сенокосный участок.

Авт. – За вами закрепят все виды угодий?

В.И. – Да.

Авт. – А за время жизни здесь менялся у вас размер участка?

В.И. – Был 15 соток. Подсобное хозяйство было всегда. А больше тогда и не просили, отказывались.

Авт. – Почему?

В.И. – Все было в магазине. Не надо. Зачем возиться? *(Смеется.)* Многие отказались, некоторые заростили поля. Не рвались. Молоком торговали (в магазине). И скота у многих не стало. Было, что в деревне всего три коровы было.

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – Что говорят ветераны об этом новом времени после перестройки? Как оценивают это время?

В.И. – А все говорят, что лучше было. Хорошего не видно, не дождаться. Жизни нашей не хватит. *(Смеется.)*

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – А чем сейчас хуже?

В.И. – Хуже? Цены-то не доступны пенсионерам. А рабочие заработать не могут. Заработают гроши, и то не получат.

Авт. – Вы, наверное, лучше даже живете, чем работающие?

В.И. – Да! Я помогаю. У меня еще сын есть в Верколы. Шофером работает. Так ему еще вожу деньги.

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – А внимание, уважение населения к ветеранам осталось? Чтят ветеранов?

В.И. – Да, здесь чтят! Сейчас мало осталось ветеранов. Нас пять человек осталось. Это войны.

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – Вы поете вместе старые, солдатские песни?

В.И. – Я слушаю. У меня медведь на ухо наступил.

(Телефонный звонок. Перерыв в записи.)

Разговор идет о часовне рядом с урочищем Мостовик.

В.И. – В 33 году еще была часовня. А потом, когда колокольню сломали, и все...

Авт. – Добровольные народные дружины до какого времени вам помогали?

В.И. – До конца, пока в 1974 году не вышел на пенсию. И после этого были. А вот с 85 года, как перестройка началась, так вся общественная работа развалилась.

Авт. – А вот у вас здесь была пожарная дружина?

В.И. – Да. Во всяком населенном пункте были пожарные дружины. Они и сейчас есть, только на бумажке. Не знают своих обязанностей. Загорит, они не знают где и машина. А раньше не лихо (не лень) было: на чердак лазят, проверяют все.

(Здесь вспомнили, что в начале прошлого века, до 1922 г., был пожар в Жабее.)

Авт. – Удивительно, все сгорело, а Башкины такие дома отстроили, за счет чего они богатели?

В.И. – А за счет торговли. Они торговали. Они муку, сахар, треску привозили. Из Архангельска. Купцами уже были, небольшими.

Авт. – Их раскулачили, но особо никуда не ссылали?

В.И. – Да, их раскулачили и просто выселяли.

Авт. – Из всех раскулаченных только Ушаковых в тюрьму сажали. За что?

А.Н. – Ой, они бедные такие были! Коль они худо жили!

В.И. – Значит, что-то сказали, может.

Авт. – А из Башкиных кто-то и здесь доживал, да?

В.И. – Да, было. А маслозавод – Епимаха Башкина дом был. Онто уехал. А дочка его учительницей в Карпогорах работала. Так ни-

кто и не приезжал, никто. Уже нет маслозавода. Соплякова распилила его на дрова, увезла.

Авт. – Почему он Сопляковой принадлежал? Ведь это был, наверное, колхозный дом?

В.И. – Он был колхозный, ну, это раскулаченных помещение. Потом в колхоз перешло. А Соплякова сделала там пристройку и оформила на себя.

Авт. – Не кажется ли, что она просто воспользовалась вашим, деревенским добром?

В.И. – Да. И все оборудование увезла. Теперь молоко надо возить.

Авт. – Вы голод во время войны помните?

В.И. – Да, здесь был. Старики умирали. Василий Логинович (Немытов), да Алексей Телицин, да Игнатий Григорьевич, да Мосей, да Онисим – от голода. Недоедают, недоедают. Тута пухнут и умирают.

А.Н. – Бабка-то там, на кухне готовит, перехватит. А мужики хуже переносят, умирают. В 30 году был голод, когда коллективизация была. Худо же было. Все отобрали. И ходили, я помню, там с мешочком: ячменя 5 кг дадут, выпишут в колхозе, на своих жерновах. У каждого почти свои были.

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – Остались ли здесь где-нибудь остатки тюрьмы или лагеря?

В.И. – У нас не было здесь лагерей. Только поселки были выселенных. Спецпоселенцы назывались. Там и коменданты были. Потом их преобразовали в колхозы. Сейчас все запущены.

Авт. (вопрос У. Лахауэр) – Но остатки поселков остались?

В.И. – Да вряд ли! Дома увезли, в Карпогоры увезли. От Верколы 40 км к Явроньге. Сенной поселок. Там вот были высланы, Джапаридзе, да многие.

В.И. (вопрос к У. Лахауэр) – Какое сейчас отношение к русским?

У.Л. – Очень сложный вопрос. Мое поколение не пережило войну. Но, конечно, много о ней слышали. Мы почти все ненавидим наших отцов за то, что они начали эту войну и пошли в Россию с войной.

Немного только в последние годы уменьшилось, и мы только в последние годы узнали, что не все наши отцы хотели это сделать. Они были простые солдаты.

Я думаю, что сегодня очень хорошие отношения между русскими и немецкими солдатами. Бывают и встречи ветеранов: в Волгограде, Ленинграде, Калининграде. Их показывают по телевизору.

Авт. – А вы сами как относитесь к немцам?

В.И. – Первый раз я видел немца в ванне. Когда был уже ранен. И моется со мной тоже солдат, раненый немец. Говорят, что в плен попал, раненный в голову и в ванне тут тоже моется. А ведь отношение нормальное было. Никто там не смотрел так, что враг какой-то. Что уж! Нормальное отношение было.

У.Л. – Мой свекор 7 лет провел в лагере для военнопленных в Казахстане. И он всегда говорил с большим уважением о русских. И он даже в это время в лагере коммунистом стал.

Беседа с Щербаковым Николаем Федосеевичем

Деревня Кобелево 1992 г.

Щербаков Николай Федосеевич (род. в 1927 г.) – один из уважаемых людей в деревне. Все нам советовали обязательно обратится к нему, что мы и сделали. Его отец, Федосей Дормидонтович, родился в 1878 г., крестьянин; дед, Дормидонт Спиридонович, родился 12 сентября 1851 г., а его брат, Щербаков Карп Спиридонович, – 6 октября 1848 г., у него женой во втором браке была Домана Даниловна (род. в 1867 г. в деревне Лохново), в девичестве Некрасова.

Карп Спиридонович и Домана Даниловна являются дедушкой и бабушкой респондентки Пелагеи Алексеевны Чемакиной, живущей в деревне Марьина Гора (Марьина), которая вспоминает их в своем рассказе. Таким образом, Чемакина и Николай Федосеевич имеют родственную связь через Спиридона Щербакова.

У отца, Федосея Дормидонтовича, была жена Ефимия Марковна (род. в 1891 г.), брак состоялся в 1908 г. Николай Федосеевич живет в доме отца Федосея, который почему-то ушел из Пальцовки и построил себе дом на Холму (околок). Николай Федосеевич Щербаков живет в доме, построенном отцом и перестроенном позже.

В передней избе живет его сын Михаил с женой и двумя детьми, которые ходят в садик. Михаил работает в электросети. Жена его родом из Пачихи, работает в магазине продавцом.

Через сени от сына находится задняя изба, в которой живет сам Николай Федосеевич с женой Марией Михайловной, родом из деревни Лохново.

Когда мы вошли в его избу, он был занят плетением сети, сидя в кресле, стоящем спинкой к печи, расположенной посреди избы. Он сразу же убрал работу в сторону. Перед хозяином находился стол, у стены – книжный шкаф, заполненный томами полного собрания сочинений В.И. Ленина и выписываемой им периодикой.

Мы представились, познакомились, объяснили цель прихода. Николай Федосеевич усадил нас на стул рядом со своим креслом и стал сам задавать нам вопросы. Вопросы были оценочного характера, по этим вопросам он как бы определял, что мы за люди, чего стоим, что у нас есть за душой. Мы как бы держали перед ним экзамен на свою человеческую и гражданскую зрелость.

Постепенно он сам начал рассказывать много интересного. Мы попросили разрешения записать нашу беседу на пленку. Николай Федосеевич категорически отказался и тут же объяснил это недо-

статочно хорошим русским языком (это хитрость, так как он прекрасно владеет языком).

Поэтому все, что будет изложено ниже, записано по памяти. Это неполное и, к сожалению, недостаточно точное воспроизведение его мыслей, рассуждений. Это надо сразу принять во внимание и помнить об этом. Единственное, что никак не искажено, это то, что он сам описал об истории северной деревни, которую мы проводим в начале истории Кобелево, и делаем поясняющую сноску.

Словесный портрет. Это статный, крупный и крепкий мужчина, стариком его не назовешь. Седая шевелюра, небольшая, короткой лопатой борода. Глаза голубые, глубоко посаженные, мохнатые брови, заостренный нос. Руки всегда чистые, с аккуратно остриженными ногтями, очень красивые, сильные мужские руки, привыкшие к труду, но ухоженные. Одет был обычно в брюки и свитер.

Рассказ о Николае Федосеевиче начат с родословной Щербакова, данные для которой взяли у секретаря сельсовета Зинаиды Васильевны Щеголихиной. Хобби этой женщины: составлять родословную своего рода, и попутно накопились сведения о многих пересекающихся и близких родах.

Ниже приведем то, что о своем отце рассказал сам Николай Федосеевич.

Отец Николая Федосеевича, Федосей Дормидонтович Щербаков, служил на флоте и совершил кругосветное путешествие из Кронштадта к Порт-Артуру. Корабль, на котором был отец, подорвался на минах. Из экипажа 400 человек утонули, а 350 спаслись, среди них был и Федосей Дормидонтович.

Из лохновских тоже двое участвовали в русско-японской войне: Лазарь и отец или дед Федота Николаевича Сумкина. Новиков-Прибой при написании своей книги «Цусима» беседовал с Лазарем, и в его книге есть действующее лицо под именем Лазарь, прототипом послужил лохновский Лазарь.

Когда позже мы с Николаем Федосеевичем обсуждали тему институций на деревне, выяснилось, что его отец был стражником до революции. У него была форма: папаха, сабля. Саблю он сдал, а папаха долго хранилась. Отцу это долго в укор ставили, что царскому порядку служил. Его обязанности были тождественны милиционеру советского времени.

В первую встречу, когда состоялось наше знакомство, мы с Николаем Федосеевичем говорили о том, что в деревне хозяйственная разруха, уничтожены всякий хозрасчет, последний признак самоуправления, такой, как народный контроль; нарушены все традиции, идеология; все коммунистические идеалы, убеждения опорочены; что все это вызовет народному гневу.

Та война, что идет по окраинам страны, – это провокация, которая насаждается сверху и является поводом для ввода войск из-за

рубежа, хоть и ООН: так, как произошло в Югославии. И ничего ни кому не надо отдавать, иначе это будет прецедент для разбазаривания России.

Свое нежелание записать наш разговор на кассету он объяснил недостаточно хорошим русским языком. Но когда мы заговорили об особенностях русского мужика, он тут же прочел наизусть стихи Некрасова, о том, что пьет и любит пить мужик. И Николай Федосеевич уверен в том, что в атмосфере развала, разрухи мужик скорее не хозяйничать будет, а пропьет свои денежно-земельные паи.

Тут же он вспомнил, что в марте, когда в отделении было собрание о преобразовании совхоза, то на его вопрос – а он один пришел из пенсионеров – о доле ранее работавших, Демидов (директор совхоза) ответил: «Спроси у Ельцина!» А отец говорил Николаю Федосеевичу, чтобы он не забывал, сколько здесь отдано труда и пота, чтобы иметь столько земли: «Это твоя земля, твое достояние».

Трое мужчин из их семьи были на Сахалине: отец, он и сын. Отец – во время русско-японской войны. Николай Федосеевич – после ФЗО попал туда работать. Сын его живет там со своей семьей.

Когда он был на Сахалине, то, по его наблюдениям, мы, русские, жили там по-хозяйски, основательно. Японцы были временщиками. Это сказывалось и в основательности русских домов против игрушечности и ветхости японских жилищ. И техника у них тогда была «наидопотопнейшая» (выражение Николая Федосеевича). На этой-то технике ему пропороло живот, и он чуть смерть не принял.

В его жизни по возвращении с Сахалина наступила трудная полоса, он остался без работы, пил. Пил «до чертиков» (его выражение). Его дед был старовер, отец православный. Сам Николай Федосеевич был ярым антикоммунистом, а потом переменил мнение, встретив человека, убежденного коммуниста.

Когда мы его спросили о церкви, он рассказал о том, как от молнии загорелась летняя церковь в 1968 г. Ее можно было спасти, но народ не захотел. В этой церкви был красивый иконостас с иконами, все лежало нетронутым, хоть заходи и службу начинай. Церковь была опечатана и описана. Он, когда был завклубом, то открывал и водил туда приезжавших из района. Он сказал, что одну икону увезли, объяснив, что она имеет мировую ценность. Все остальное сгорело.

А во время гражданской войны поп был, но он сбежал с мужицким золотом, обокрал народ.

Он рассказал об управлении в церкви, что был церковный староста и десятка избранных человек, ими руководил поп. Они вершили все дела в церкви.

Когда мы стали уточнять, как он попал на Сахалин, то Николай Федосеевич рассказал, что во время войны был мобилизован в ФЗО и работал на оборонном заводе в Архангельске, где делали суда для перевозки грузов. На заводе работали 200 человек из ФЗО, а осталь-

ные – поволжские немцы, зэки, строившие Волго-Балтийский канал. Они хорошо жили. Ничего особенного о себе не рассказывали.

После войны завод расформировали, все разъехались. Николай Федосеевич по распределению попал на Сахалин. Работал в порту, «видел япошек» (его выражение). Вот на их-то строгальном станке получил рану в живот. Был перитонит. Рана не заживала. Ему посоветовали вернуться домой. Он домой вернулся, думал, что хоть на родине похоронят, но вот выжил и до сих пор живет.

В один из наших разговоров речь зашла об известных людях Кобелево и их судьбе.

Таким человеком был Щеголихин Константин Федорович. Он был организатором советской власти в этих местах, был председателем уездного ЧК.

Во время интервенции он по счастливой случайности ушел из Веркольского монастыря вместе со Щербаковым Захаром. С ними еще бежал мужик с Летопалы, он пошел в свою сторону и погиб.

Захар с Константином дошли до дома. В это время белые мужиков, которых захватили в монастыре, спустили живьем в прорубь на Пинеге. Один захватился за край льда, ему кисть отрубили.

Захар хоронился дома (см. рассказ Чемакиной П.А.), а Константин – у Марии, служившей у попа. Она вывезла их, как за дровами поехала. Они пошли к Двине через верховья Покшеньги. Их там ждали свои. У Константина была постоянная связь.

После установления советской власти Константин работал директором «Экспортлеса» в Архангельске. В 1936 г. его арестовали. Суд приговорил к 10 годам. Четыре года сидел в ГУЛАГе: Мезень, Печора. Писал письма в Москву. Его пароходом под конвоем приплавили в Архангельск. Судили еще раз. Оправдали. Но сказали, что, пока документы не готовы, сиди еще ночь. И эта ночь превратилась в 7 лет ГУЛАГа в Татарии. Когда отсидел, приезжал домой, потом уехал в Татарию. Работал руководителем на крупном заводе. Уважали и ценили его.

Кто его посадил? Почему он сидел? Николай Федосеевич посоветовал нам обратиться к его дочери Валентине Константиновне Щеголихиной, проживающей в Кобелево. Мы пошли к ней. Небольшой разговор состоялся с дочерью К.Ф. Щеголихина. Она живет в большом старом двухэтажном доме размером 16 на 9 метров. С ней сын, уже взрослый, но почему-то не работает. Что-то у него не все благополучно со здоровьем. Валентина Константиновна была явно напугана нашими расспросами об отце, о себе. Ей больше хотелось жаловаться на сегодняшнюю жизнь и проблемы. Константин Федорович Щеголихин (род. в1895 г.) приезжал сюда и несколько раз выступал в клубе. В 1969 г. в районной газете «Пинежская правда» от 27 мая о нем писали, что он Почетный гражданин Пинежья.

Отдельный большой разговор состоялся с Николаем Федосеевичем, когда мы пришли к нему с вопросами о сельских институциях.

Он нас с ходу понял. Институции стали разбирать в историческом плане, а чтобы ничего не забыть, учли те устойчивые функции, которыми живет деревня постоянно. Естественно, что начали с хозяйственной и производственной функции (деятельности).

С дореволюционного времени сельскохозяйственная деятельность осуществлялась в единоличном хозяйстве, которое было в общине, отметил Николай Федосеевич.

Дворы у крестьян были большие, на повети хранился большой запас сена.

Кровати были только у богатых, а все спали на полатях, а летом – на полу. Спали на лосине (шкура лося), худший вариант – домотканый матрас, набитый соломой. Укрывались полушубком. Вшей много, а мыла мало было. На Пасху избу мыли. Приглашали соседок, и мыли все вместе.

Хлеба привозного не было, весь был свой. Почти у всех были гумна и овины. Об устройстве гумна и молотьбе зерна можно написать целую поэму. Молотили кичигами, задавался ритм, и это было настоящее искусство – обмолот зерна.

Лошади были не у всех. Те, у кого их не было, шли в наем.

Николай Федосеевич увлекся и показал нам, в каком кабате раньше работал мужик. Кабат – длинная, белая, просторная рубаха, плечи и спина непромокаемые. Мужик в кабате (из ткани елочкой, называлась «клечетина»), сверху ремень сыромятный с натопорней (скоба для топора). В такой рубахе в сорокаградусный мороз рубили дрова. Шутили о кабате – теплый с печи. Брюки на часнике (веревочке). На ногах – коты – низкие валенки с пришивными голяшками из кожи. Лапти надевали только в хлев.

О колхозах и общине мы говорили отдельно. Николай Федосеевич отметил, что сельское хозяйство сочеталось с промыслом. Общественное строительство осуществлялось следующим образом: на сходе община решала, что нужен подряд, и брали с каждой души подать на общее дело.

Колодцы в деревне были единоличные и общественные. Никольский колодец в Пальцовке Андрей Маркович последний раз чистил. Сельсовет через самообложение выделяет деньги на содержание общих колодцев. А в старое время хозяева, пользующиеся колодцем, сообща его содержали. Водокачка построена лишь в 1970 г. за счет сельсовета для нужд населения.

Для перевоза через Покшеньгу сельсовет за счет самообложения сделал плот из толстых бревен. Потом понтон списанный, 10 резервуаров у военной части взяли. Это было при председателе сельсовета Щеголихине. Сейчас баржа совхозом приобретена. А раньше староста подряжал плот.

При ремонте «огороды» (заборов) раньше каждый единоличник знал свой участок, в колхозе знала каждая бригада. В совхозное время огорода вся развалилась. Раньше было: тын на хозяйство

раздадут и огороду починят. В 1954–1955 гг. последний раз огороду делали.

Мусор отвозили на свалку, которая расположена за кладбищем. Вывозили на лошадях, а потом на тракторах. Мусор жгли в пожаробезопасное время.

Полоскальни для белья и прорубь для этих целей содержат в деревне сообща сами. Николай Федосеевич полоскать бы запретил из экологических соображений, потому что порошок ядовит. Мыло хозяйственное, щелок, которые применяли раньше, не вредны.

Марьина, Земцово, Кротово как приход ликвидировали, перестали здесь хоронить. Четвертый год как открыли новое кладбище в Лохново (за рекой). Уже могил 50 есть.

Из снабженческих институций мы отметили наличие лавок до революции и магазинов в советское время. Магазины были сельповские и орсовские для тех, кто на лесоразработках работал. Теперь магазины сельповские. На пристани были склады орсовские и сельповские, теперь только сельповские. Более 60 лет в деревне от сельпо существует пекарня.

Из культовых учреждений Николай Федосеевич отметил в дореволюционное время церкви, часовни и кресты. Сейчас остались лишь кресты. Где клуб – это зимняя церковь, она новая, ее недавно строили. Зачем разорили купол церкви, колокольню, ведь их делали на народные деньги. Восьмигранник от колокольни долгие годы был клубом в Жабее, сейчас от него ничего не осталось. Летняя церковь, которая сгорела, была приплавлена из Верколы.

Часовни ставили в нечистых местах, где пугало. А креста боялись, как огня, чудь белоглазая, они были язычники.

Образование в дореволюционное время осуществлялось частными учителями, а в конце XIX в. при церкви организовали ЦПШ – вначале с двумя классами, потом четырьмя. И мастерские были.

Во времена учебы Николая Федосеевича семь лет отучат, и аттестат не давали, пока по две сажени дров не нарубят (это 5 кубометров). Эту работу оплачивали. Поэтому были рады нарубить дров для школы и из-за Калии (ручей) вывезти. Деньги были такой редкостью, что рады любой оплачиваемой работе.

В первые годы советской власти была организована изба-читальня, где избач проводил читки, там были газеты. Потом добавился библиотекарь. Со временем образовались сельский клуб, библиотека. В 1968 г. открыли сельский Дом культуры.

Когда мы коснулись праздничных институций, то Николай Федосеевич согласился, что традиции праздников здесь были очень богатые. Старые праздники: престольные, Пасха, Радуница, Богородицы праздник, Заговенье, Святки, Рождество, Масленица. Формы праздников уникальны: мечища, игрища, субботки, кануны, бороды. Для их обслуживания существовали общие пивоварни в каждой деревне. Уровень праздников был высоким.

В советские годы появились советские праздники в форме демонстраций, митингов, концертов и вечеров в клубе. Старые праздники сохранялись, но все в более упрощенной форме. Было много веселья. В 70-х годах праздники стали выхолащиваться.

В 1953 г. пытались возродить старину. Николай Федосеевич сам принимал в этом активное участие. Ему помогали Параскева Ивановна Минина, Александра Ивановна Чивиксина, Надежда Поликарповна Сумкина, Анфиса Ивановна Сумкина – худрук. Когда вышли на сцену, Николай Федосеевич осознал, что петь и играть старину на сцене – это ложь, интеллигентская дурь. Это все надо делать не на сцене, а среди людей, с их живым участием, так, как было в жизни. Молодежь звали: «Пойдем!» Нет, не пошли. И это отбило желание.

В 1957–1959 гг. Николай Федосеевич был секретарем парторганизации. Заведующей клубом была Анна Константиновна из Верколы, она невестка Анатолия Артамоновича Попова. Она окончила культпросветучилище. Собрался мощный коллектив. Организовывали фестивали, проводы русской зимы. С Николаем Федосеевичем поддерживали связь и советовались, как лучше сделать, что можно, а что нельзя, по силам ли это будет. На проводах устроили катание на лошадях, перетягивание каната, лазание на столб за призом. Потом все разъехались, и празднования прекратились. Здесь Николай Федосеевич уточняет, что он занимался вопросами культуры и был с 1957 г. четыре года платным от райкома секретарем. Ушел с этой должности сам: «Не хочу идти против своей совести».

Здесь наш разговор переходит на темы власти. Николай Федосеевич иронизирует над главой администрации района Искаковым, который рад крикам петуха в Карпогорах. Это было написано в местной газете и подано как символ хозяйственности, разведения птиц в частном секторе. Николай Федосеевич замечает, что при этом Искаков не вспомнил, что лет 10 назад в Ваймушах (деревня недалеко от Карпогор) ликвидирована птицефабрика как нерентабельная.

Отношения сверху донизу строились по принципу выполнения директив. Госплан ставил определенную задачу перед областью, а за это области предоставят товары, продукты. Основной обмен шел на лес. Этот план разверстывался сверху донизу по принципу достигнутого уровня. Этот принцип Николай Федосеевич в беседах критиковал не раз. На его взгляд, более правильным был бы принцип планирования от среднего. Планирование от достигнутого порождало уравниловку, безынициативность, руководители превращались в простых исполнителей, отношение к работе становилось безразличным.

Когда район получал директивы от области, он их точно так же доводил до колхозов. На общем собрании план принимался, и в решении его большую роль играла парторганизация. Она помогала кадрами. На все работы посылали коммунистов, чтобы влияли на

дисциплину, качество труда. Коммунисты были лучшие люди, которые трудились не в счет зарплаты, а за счет личной инициативы.

Когда совхоз образовался, руководство менялось по два раза в год. Дикостью было введение нормированного рабочего дня для крестьянского труда, потолка заработной платы. Если и было стирание граней между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, то стирание различий проходило не тех и не там, где надо.

А женщины как были порабощены домашним трудом, бытом, так и остались. Вообще весь тяжелый ручной труд как был, так и остался на женских плечах.

Когда мы коснулись того, кто и как в деревне выполнял административно-полицейские функции, то Николай Федосеевич вспомнил, что в дореволюционное время в Карповой были урядник и пристав, а в деревне был стражник. Его отец был стражником. В укор ставили это потом отцу. У него были форма, папаха, сабля. Саблю отец сдал, а папаха с формой до сих пор в сундуке лежат.

После гражданской войны карательный отряд порол крестьян по доносам. Дядю Воронина (нынешнего главы сельской администрации), было дело, пороли.

В советское время до войны и после войны в Кобелево был участковый милиционер, а сейчас он в Кевроле. Старший над участковыми находится в Карповой.

В советское время при сельсовете был сход и выбирали членов добровольной народной дружины: столько-то от колхоза, столько-то от рабочих и служащих, от лесопунктов. Выбирали и утверждали человек 10–12. Руководил ДНД председатель дружины. Во время войны был бригадмил. Хорошо работали, предупреждали преступления. Участковый милиционер с ними взаимодействовал.

Податно-налоговую функцию выполняли в дореволюционное время в общине староста, который выбирался на сходе, в церковных делах – десятский. В советское время в районе был уполномоченный от Министерства заготовок (уполминзага). В сельсовете – агент по продовольственным налогам и налоговый агент по финансам. Уполминзага один обслуживал два сельсовета: Кобелевский и Кротовский. А финансовый агент был свой в каждом сельсовете.

Сбор налогов с населения до сих пор выполняет сельсовет, а сейчас это сельская администрация. Здесь же выдают справки, в советское время регистрировали все акты гражданского состояния.

Охранную функцию в деревне выполнял сторож, которого нанимал сход. В советское время существовала ПНД (пожарная народная дружина), которая существовала не только для того, чтобы пожар тушить, но и предупреждать его. Члены дружины ходили по домам, следили за содержанием дымоходных труб, если что-то находили неладное, то писали замечание и, пока хозяева не исправят, дров хозяйству не давали.

У дружины были специальные лошади, пожарный инвентарь и повозка. Все содержалось в рабочем состоянии. Помпа работала только здесь. Если случался пожар в Немнюге или в Кевроле, то они просили помпу в Кобелево. Все это снаряжение до сих пор валяется где-то у водокачки.

Судебные функции в дореволюционное время вершил, в основном, сход, об этом времени мало что помнится. В период гражданской войны был самосуд. В доколхозный период был карательный отряд, а затем появляются товарищеский суд и в колхозе (по месту работы), и в сельсовете (по месту жительства). Здесь в основном налагали административные взыскания и предупреждали. Если не помогало, дело передавали в нарсуд.

Коммуникативную функцию долгие годы выполнял еще царский почтовый тракт, который проходил за рекой. При колхозах ремонт распределяли между колхозами. Участок Кобелевского колхоза был между Марьиной и Шотовой. Там дорогу ремонтировали: выбоины засыпали, копали кюветы, строили мосты, и дорога до сих пор очень хорошая, по ней ездят.

Большим событием в деревне был приход больших пароходов в навигацию. Ходили после войны вначале на жидком топливе. Еще в 70-х годах ходили. Все бежали встречать, это был праздник на пристани в Усть-Покшеньге. На пароходе был буфет. Это очень точно описано у Ф. Абрамова в романе «Две зимы и три лета».

Еще слегка коснулись воспитательной функции, где велика роль семьи и сельской общины. В советское время появились детские сады. Тут Николай Федосеевич в который раз вспомнил, что где-нибудь в архивах хранятся документы о различных комиссиях, правлениях, записи решений и постановлений. Он считает, что это уникальный и очень интересный исторический материал. Ему попадалось, он читал.

Так, при упоминании о детсадах он вспомнил постановление о закрытии детсада на Усть-Покшеньге: «Детсад закрыть ввиду нехватки рабочей силы». «А рабочей силы – всего два человека», – иронизирует Николай Федосеевич. Или ревизия: «Семь кур съедено насекомыми (крысами). Ветеринар и подпись», – смеется Николай Федосеевич (это из раздела «Нарочно не придумаешь»).

Кстати, о здравоохранении в этих местах. Николай Федосеевич сообщил, что первый врач Попов, заслуженный врач РСФСР, появился в годы советской власти, до него в Карпогорах был фельдшер, а врач только наезжал. В деревне лечились средствами народной медицины, прибегали к знахарству и колдовству. Фельдшерско-акушерский пункт в Кобелево появился в советские годы, находится в бывшем поповском доме.

Вот короткие записи разговоров о власти.

В колхозе были небольшие бригады, за которыми закреплялись земля, машины, лошади, орудия труда. Каждый бригадир был орга-

низатором всех работ в своей бригаде. Здешние бригадиры были очень уважаемыми людьми, которые знали свое дело и работали по многу лет (Павла Алексеевна Козьмина, Екатерина Ефимовна Богданова). Бригадир был независим от начальства в вопросах производства. Если какие-то работы были не выполнены в своей бригаде, а руководство колхоза просило перебросить людей или технику в другую бригаду, бригадир не выполнял распоряжения руководства. В бригаде Кобелево была не убрана репа (необходим ручной труд), а просили в Лохново на уборку зерновых, бригадир не дал людей.

В свое время все хозяйственные вопросы решались вначале на партхозактиве, а затем выносились на общие собрания колхозников, на которых некоторые решения партхозактива не проходили. Решающую роль играло общее собрание.

Партия оказывала большую помощь в подборе и расстановке кадров. Каждый год на дальние сенокосы отправляли людей из бригады, и партбюро назначало звеньевым члена партии, чтобы организовать работу и поддержать дисциплину.

Многие высокие политические и государственные деятели выдергивают цитаты из работ В.И. Ленина и соотносят их с настоящим временем, но эти же цитаты относятся ко времени, когда была написана та или иная статья. У Николая Федосеевича полное собрание сочинений Ленина, и он каждый раз сверяет те или иные высказывания с источником. Кроме того, он постоянно читает периодику, смотрит телевизор, слушает радио и читает журнал «Наш современник».

Он считает, что сейчас нет никакой управы ни на кого. Например, два дня не было хлеба, и неизвестно, к кому обратиться. Раньше позвонишь в РК КПСС, и тут же отдадут распоряжение привезти из другой пекарни, если что-то случилось со своей. Таких примеров много.

В последние наши встречи Николай Федосеевич все время как о наболевшем говорил о том, что жизнь в деревне подошла к какой-то крайней черте. Власть он охарактеризовал как власть охлократии по форме, а по существу мизантропская.

Земля в деревне без хозяина. Фермеры и акционеры землю возьмут, тогда народу придется брать вилы. Красный петух уже по району гуляет, загуляет еще сильнее, другого выхода нет.

Когда мы спросили, видел ли он, что бывший скотный, крепкий двор распилили на дрова, то он сказал, что этот дом из лиственницы – дом красного партизана, который потом в город уехал. Зачем его пилить на дрова, когда он еще столько и полстолька простоит, и в нем можно и скот, и склад, и производство, и жилье заводить.

Мы попросили оценить его, какая деревня из покшеньгских была богаче на его памяти. Он с уверенностью сказал, что Кобелево было богаче Лохново и всех других деревень.

* * *

Визит спустя два года (1994 г.) к Николаю Федосеевичу связан со знакомством с немецкой киножурналисткой Уллой Лахауэр, которая в апреле с моей помощью ознакомилась с деревней и ее жителями, а затем сняла летом 1994 г. фильм, который вышел на немецком телевидении под названием «Кобелево – таежная деревня».

Когда мы входили в дом Николая Егоровича, то он, встречая нас, предупредил, чтобы мы ниже наклоняли голову, иначе шишку набьем, и полусерьезно, полушутя добавил: «Двери маленькие, низкие. Старики так делали, чтобы каждый входящий поклонился дому».

Так как в предыдущие наши встречи Николай Федосеевич возражал против записи на пленку, то в этот раз я достала диктофон, и стала записывать. Он видел диктофон, но ничего не говорил по поводу его использования, поэтому я сочла это за молчаливое «непротивление моему насилию». К сожалению, к концу беседы я стала экономить пленку, в результате получились немного несвязанные куски, а я в который раз ругала себя за глупую экономию.

Беседа У. Лахауэр с Николаем Федосеевичем прерывается переводом с русского на немецкий и с немецкого на русский, в котором нам помогает переводчик Лена.

Н.Ф. (вопрос У. Лахауэр)– У вас же только от земли сельское хозяйство живет, ведь так?

У. Лахауэр. – В Германии это тоже проблема. Каждый год умирают десятки крестьянских хозяйств.

Н.Ф. – Разоряются?

У. Лахауэр. – Да! Самое меньшее 5–6 сотен гектар надо иметь, чтобы выжить, чтобы была рентабельность.

Авт. – Николай Федосеевич, вы обращаете внимание Ули, на ту разницу между немецким крестьянским хозяйством и северным крестьянином, что здесь обязательно надо было заниматься какимнибудь промыслом, от одного сельского хозяйства не выживешь. Но когда были колхозы, то тогда многие промыслы отпали, как они выживали экономически?

Н.Ф. – В колхозах, между прочим, подсобные промыслы были очень развиты. Особенно в 30-е годы, до войны. И после войны также. Здесь в колхозе, в Кобелеве, был свой кирпичный завод. Кирпич свой вырабатывали. Ежегодно люди на лесозаготовки выделялись, лошади. Они зарабатывали деньги в леспромхозах. Эти деньги шли на распределение, на трудодни. Выделялись в заготовительную контору охотники, то же самое.

У. Лахауэр. – А в какие годы был кирпичный завод?

Н.Ф. – Кирпичный завод был во время войны, я лично работал на нем. После войны еще был до объединения колхозов. После объединения был в Лохново завод. Вот на лесозаготовки выделяли людей и лошадей. Леспромхоз давал овес на лошадей в колхоз. А за работу лошадей деньги шли в колхоз.

Колхозники на себя получали деньги за труд в леспромхозе, а что лошади там трудятся, это шло колхозу, в общий котел. Все забыто, замято. Это дело опорочили. Колхозники заготовляют лес?! Дак кто же? Веками для купцов кто заготовлял лес? Крестьяне! Вон купцы шотогорские – Кыркаловы, знаменитые. Они на этом нажились. Сначала подрядились к Устьину, это завод имени Ленина в Архангельске. К нему подрядились, его там как-то облапошили, обчистили.

У. Лахауэр. – Вы тоже работали в лесопункте?

Н.Ф. – Нет, я только выделялся на месячник. Выделялся просто: план трещит, значит. Я работал в отделе культуры, зав. клубом.

У. Лахауэр. – А как долго вы были зав. клубом?

Н.Ф. – Я недолго, я по несчастью был зав. клубом. Я четыре года работал, четырех не работал. На инвалидности был. Меня нигде не принимали работать.

Авт. – Это после травмы на Сахалине?

Н.Ф. – Да.

Авт. – Это какие были годы?

Н.Ф. – С 51, значит, по 53, по 54-й.

Авт. – А потом?

Н.Ф. – В Карпогорах я работал зав. клубом, временно был переведен. Некому было. В августе я сюда пришел (1954), а в марте я по комсомольской путевке в колхоз перешел. А в колхозе я был кузнецом, сначала учеником кузнеца. А потом трактора появились, я трактористом работал.

Авт. – Трактора в каком году появились?

Н.Ф. – А в 56 году, в 57, в 56–57, в эти годы. Меня председатель посадил на трактор, я не знаю, как он без лошади ходит?!

У. Лахауэр. – Как, это было большое событие, когда пришли трактора?

Н.Ф. – За большими я сам ездил. Мелкие пришли из райсоюза. Самый большой я на барже привез. А реакция, ну что реакция? Первые трактора, ДТ-14, малюсенькие: «В детский сад игрушки!» – вот, какая реакция была!

У. Лахауэр. – Я не поняла, как встретили?

Н.Ф. – Как встретили? Вон на берегу нам выгрузили. Сами выгружали. У нас один тракторист был только, который подготовку имел. Мы понятия же не имели, что это такое за чепуха. Они пришли, ДТ-14, маленькие. «Это что, в детский сад игрушки?» – больше ничего. А надо веру в трактора, людей-то убедить. Представьте себе, приехал боронить, связку борон взялся, три бороны, значит. Заехал на поле, а мне: «Уходи, уходи, мы забороним, ты сильно землю мнешь!» У них опорная площадь маленькая, у тракторов-то, у колесных. Представьте себе, нет ни плуга, нет ни сеялки, нет ни борон. Из конных борон делали сцепки. Потом конную сеялку переделывали на трактор. В 58-м уже были большие трактора, авто-

машина пришла, «Беларусь» трактор пришел. В 58 году 3–4 трактора было. Значит, нужна ремонтная база. Никакой ремонтной базы не было. В деревне одна кузница, где делали мелкие поковки: плуг заменить, лемех отклепать, топор расклепать. Они жестянщики и медники, и все, что угодно. Лошадь подковать, и все! Это работали специалисты. Это основная специализация: зубило и кувалда!

У. Лахауэр. – Кувалда и зубила! *(Смеется.)*

Н.Ф. – Вот к 60-м годам начали гараж первый строить. Вот сейчас стоит, где пекарня сделана, скотный двор стоит. Это стройка демократии (это где недостроенный телятник, по дороге к могильникам). К 60-м годам мы практически колхоз механизировали. Появился комбайн прицепной, потом пришел первый СК-3 комбайн, пришел потом СК-4. Мне пришлось на нем первым работать. На скотных дворах механическая дойка стала появляться. Создавалось годами нашего поколения, на глазах, и мигом все разломали.

У. Лахауэр. – Это не так давно произошло, 30 лет назад?

Н.Ф. – Да, да, да! К 65 году колхоз был механизирован уже. И кое-какая ремонтная база появилась. Токарные станки в это время появились в мастерской нашей. Электросварка появилась. Свой ток, между прочим. Маленький генератор купили. Свой ток на гараж обеспечивали. А зимой 1965-го, уже тут большой дизель был, Д-54 тысяч был.

У. Лахауэр. – А как долго вы трактористом работали?

Н.Ф. – Я всего трактористом 15 лет отработал...

(Смена пленки.)

... со всей политикой был категорически не согласен. Что у нас повелось. В частности, с гарантированной оплатой был категорически не согласен. Потом был не согласен с потолком, 300 рублей потолок был установлен. Выше не имеешь права зарабатывать. Обратите внимание, это не только в колхозе было, это было по всей стране. Был на общественной работе, членом райкома партии был в то время я, выступил открыто.

Авт. – Вы были коммунистом?

Н.Ф. – Да, я был коммунистом. Уже у меня было 9 лет стажа. Это в 1956 году.

У. Лахауэр. – Это когда первый трактор появился, вы стали коммунистом?

Н.Ф. – Да, да, да.

У. Лахауэр. – Но не из-за трактора?

Н.Ф. – Нет, нет. Извините, я по убеждению. Вот сейчас толкуют, что нам 70 лет в голову вталкивали. Я с этим никак не согласен. Как можно человеку что-то насильно в голову втолкать? Можно, действительно, слепому человеку вталкивать в голову. В жизни слепому, который сам не может ничего решить. За которого кто-то решает, вот такому можно втолкать в голову. Вот такое мое рас-

суждение. Вот бывший председатель колхоза, который эту технику зарождал, у него инфаркт, он от инфаркта умер.

Авт. – Это Иван Игнатьевич Тыркасов?

Н.Ф. – Да, да, да. При нем колхоз получил миллионный доход в то время. Один по району только был миллионер. В 58 или 57 году, так вот.

У. Лахауэр. – Что для вас сегодня означает коммунизм?

Н.Ф. – Коммунизм? А до коммунизма сейчас, знаете, очень далеко, очень.

У. Лахауэр. – А раньше он был ближе?

Н.Ф. – Для меня лично он в два раза был ближе. Что я считаю коммунизмом? Это труд. Созидательный труд по всей стране. Чтобы не только тут, на полях работал, а там, кто с головой, чтобы тоже работали, инженера, но чтобы на народ работали. Давайте я вам насчет коммунизма, вероятно, доходчивей скажу. Эта тема широка, глубока, если все это рассказывать. Возьмем личное хозяйство. Ну вот, крепкий хозяин, у него 5–6 сыновей. Он держит их крепко в руках. Они честно работают. Работают не с кнута, а сами значит, что надо, что только трудом проживешь. В конечном итоге это хозяйство накапливает материальные блага, которые необходимы для прожиточного минимума и так дальше, и все. Ведь коммунизм это что, чтобы сел и сидел, нет! *(Смеется.)* Чтобы научная организация труда была. Чтобы наука была в это дело вмешана. И хозяйственный расчет. Наука и хозяйственный расчет – вот основа, подоплека всего этого. Чтобы не потогонной системой все добывать, к чему мы сейчас переходим. Все-таки все шло к этому, к полной механизации. И это было почти что достигнуто.

У. Лахауэр. – Почему мы назад идем сейчас?

Н.Ф. – Почему назад? А предательство я считаю, самое обыкновенное предательство и в высших эшелонах власти.

У. Лахауэр. – Вы считаете акционерные общества – это шаг назад?

Н.Ф. – Так считать нельзя, между прочим. Ведь какое акционерное общество, на чем оно обосновано. Если акционерное общество обосновано на честном труде, без эксплуатации человека человеком, почему? Почему? Пусть существует на здоровье. Я против эксплуатации человека, против грабежей всех. Колхоз – ведь то же самое было акционерное общество. Там была закреплена земля за колхозом на веки вечные. Скот имел и этот самый неделимый фонд, куда отчислялись...

(Перерыв для перевода на немецкий язык.)

Только что этих акций не было, не каждому расписано. Только сейчас, ну что эта акция? Сейчас ваучер раз, это обманный розыгрыш. Представьте себе, сейчас 40 миллионов ваучеров – это инвестиционные фонды у людей, 40 млн. человек. Из 40 млн давайте вычтем, кто продал эти ваучеры. Я уверен, что больше половины про-

дали ваучеры. Кто продал ваучер, тот на веки, на будущее взять, это будет какой-то хозяин там, на предприятии, это будут самые обыкновенные рабы. Он будет за свой кусок работать.

У. Лахауэр. – А вы свой ваучер продали?

Н.Ф. – Нет. Я ни одному инвестиционному фонду не верю. Мошенники. Как можно держать 700% дивидендов. Как можно сосчитать? Допустим, банк, он кредиты дает в 200%, платит ему. Ну, дайте тогда 200% дивидендов дадим, а то 700% дивидендов. Ну откуда они возьмут? Эти дивиденды, они пойдут снова. Одних будут грабить, другим будут давать.

У. Лахауэр. – У вас там Ленин. *(Кивает в сторону шкафа с книгами.)*

Н.Ф. – Да, полное собрание.

У. Лахауэр. – Читаете, да?

Н.Ф. – Его читать нельзя! Надо изучать его. Как и Маркса тоже. Вот возьмите Маркса, «Капитал», еще и Энгельса труды. К общему итогу, что как подойдешь к тому, главную мысль как выразить. Как когда-то Александр Македонский шел на Константинополь. И там была богатейшая библиотека. И вот эту библиотеку решили спасти, чтобы не разграбили. И вот отправили караван. Все эти мусульманские книги положили и вокруг Каспийского моря, в Бухару, короче говоря, отправили. Это легенда такая есть. Знают, что всему каравану не прийти до места, писцов посадили, и они выписывали, что главное из мусульманской науки. И в конечном итоге из всего каравана один человек к эмиру Бухарскому пришел, за порог переступил, какую-то бумагу в кулаке держит, и тут и умер. Раскрыли, прочитали: «Кроме Бога нету Бога». Все. Все, что осталось самое главное от мусульманской религии. Так и от Маркса, между прочим.

У. Лахауэр. – А что от Маркса остается?

Н.Ф. – От Маркса остается? «При развитии капитализма, естественно будет развиваться и пролетариат» *(Смеется.)* Забыли, что пролетариат все равно будет развиваться.

У. Лахауэр. – То есть поворот к социализму? Сейчас развивается капитализм, он разовьет пролетариат, который опять приведет к социализму?

Н.Ф. – Опять все равно придет.

Авт. – А когда мы придем к коммунизму?

Н.Ф. – Это когда товарное производство будет поднято до вершины, не будет эксплуатации человека человеком по всему земному шару. При коммунизме надо еще больше трудиться, честно трудится, между прочим. Полное стирание граней между умственным и физическим трудом. На основе научной организации труда, наука должна быть. Я вот вам немного скажу в мировом масштабе. Вообще, значит, наука, я считаю, она по ложному пути идет, между прочим. В смысле, значит, энергоносителей. Они из земли вырывают все буквально.

У. Лахауэр. – Что неправильно?

Н.Ф. – Что неправильно? А вот давайте рассудим. Возьмем самую обыкновенную вещь – землетрясение. Для начала. Армянское землетрясение возьмем, Спитак. Сколько там, в Азербайджане, брали нефть? Там, наверное, довольно обширный в земле резервуар опустошен. Ведь эти нефть, уголь, они какой-то вес имеют, ведь верно? А по всему земному шару, сколько их достается? Ведь фактически земной шар становится легче, его сжигают. Это выходит вверх все. Рубим сук, на котором сидим. Наука вышла на атомную энергию, правильно. Это Солнце – атомная энергия, верно. Вот откуда надо энергию брать, а не из земли.

Вот сейчас буду доказывать, как это на климате отражается. Есть определенный наклон Земли, верно? Географический полюс никогда с магнитным не схож. Но вот представьте себе, Земля, идущая по орбите, свой вес она постепенно снижает. И значит, наклон оси земной, он меняется. И между прочим, меняется скорость полета. Что значит даже на одну секунду даже год продлить? За год Земля задержится где-то на одну секунду. Это такая масса, знаете, инерционная сила такая. И мы в это дело вкованы. И вдруг, значит, стоп! На одну секунду застопорилось, и вся эта масса летит дальше, еще больше Земли по отношению к Солнцу.

У. Лахауэр. – А когда Гагарин полетел, как вы к этому отнеслись? Были восхищены?

Н.Ф. – А я это все воспринимаю тогда, когда я это обдумаю. Логический подход надо ко всему делать. Новость, конечно, воспринял, как и все люди восприняли. Я не потрясаюсь, довольно равнодушен ко всему. Пока это дело не поймете, к чему это дело приведет, что это даст человечеству. Логический подход надо делать.

Авт. – А когда вы размыслили, то к чему ведет эта космонавтика?

Н.Ф. – Она, между прочим, на правильном пути идет. Она приведет к тому, что энергию солнца можно расходовать. Космическую энергию. Она, конечно, будет передаваться без всяких там проводов, как вот этот телевизионный ящик передает. И довольно, значит, с мощным напряжением, и сила тока должна быть.

У. Лахауэр. – Хочу, чтобы вы вспомнили эту ситуацию, 12 апреля, телевизора не было, все люди у радио слушали эту новость?

Н.Ф. – Да нет, я вон на пашне был. Нет, нет. Это Титов когда полетел. А тогда, наверное, дома был.

У. Лахауэр. – Ну а как люди в деревне восприняли?

Н.Ф. – Ну что, как самое обыкновенное. Как нечто обыкновенное. Знали, что к полету готовятся. Собаки уже летали.

Даже не только это, а самая обыкновенная электрическая энергия. Представьте себе это, электрогроза ток. Этот гром оглушительный. Какая пропадает энергия! Она ведь тут рядом. Она хлещет. У-у-у, здесь такие грозы! Здесь, между прочим, какое-то ано-

мальное место. Когда ГСМ (склад), церковь сгорели от молнии. Это аномальная полоса. И все в одном месте, по одной параллели.

Авт. – Неслучайно здесь есть святой Артемий Веркольский, умерший от молнии и через это получивший святость.

Н.Ф. – Да произвели святого, потому что монастырь нужно было ставить.

(Разговор перешел в припоминание погибших от грозы, к нему подключилась жена Н.Ф. Мария Михайловна.)

Н.Ф. – В грозу-то далеко от крестьянского ушли! *(Смеется.)*

Авт. – Да, да, да!

У. Лахауэр. – А какая основная мысль у Ленина?

Н.Ф. – Ленина понимать тоже надо, и все. Больше ничего. Понимать надо. Ленин от Маркса далеко никуда не ушел. Он тоже не во всем прав. Его Короленко, значит, писатель Короленко, пришел и обратился: «Зачем она такая революция, столько крови!» Ведь кровь-то практически не большевики пролили первые-то, начали. Революция 17 года, она прошла бескровной. Даже 3–4 октября в десятки раз кровавей, чем 17 год.

У. Лахауэр. – Какие вы имеете в виду 3–4 октября?

Н.Ф. – Вот сейчас, 1993 года. Этот сабантуй России дорого обошелся. *(Пропуск в записи.)* Это на кровавое дело никогда не пойдут. Будут постепенно всю пролетарскую массу опять доводить до сознания, что ее действительно очищают и грабят. Страшны такие, как Ампилов. Вот кто страшны.

Переводчик. – Они не коммунисты?

Н.Ф. – Да, как не коммунисты. Они все из коммунистов. Ампилов был коммунистом. Он возглавлял московское рабочее движение. Тот же Жириновский может быть. Я его не читал нигде, ничего, работ его не знаю.

Переводчик. – Вы его видели по TV?

Н.Ф. – Да, видел я его по телевизору.

Переводчик. – Ну и что вы о нем думаете?

Н.Ф. – Дак что о нем думать? Что о человеке, которого я не читал, не знаю.

Переводчик. – Но по телевизору говорит? Мог бы написать тоже самое.

Н.Ф. – Так мало что говорит. О-о-о! Смотрите Говорухин, Юрий Власов, тоже фразы говорили по телевизору в августе 1991 года.

У. Лахауэр. – А Жириновский плохо говорит?

Н.Ф. – Да говорит-то он хорошо, хорошо говорит! Он может говорить. Между прочим, его речь влияет на массы очень даже крепко. Он умеет владеть аудиторией. Он получает власть над тысячью людей, между прочим.

У. Лахауэр. – Ну а что вы думаете о нем?

Н.Ф. – Я так ведь что, слушайте. Горбачев сколько был, я так и не понял, что он говорит! *(Смеется.)* Также и Жириновский. Они

людям навязывают, понимаете? Навязывать ни в коем случае нельзя, пока человек сам не дойдет. Чтобы потом он в будущем ни говорил, что нам вдалбливали. Я противник этого вдалбливания.

У. Лахауэр. – Из работы Ленина «Две тактики», 9-й том, страница 49. Это предложение звучит так: «У всех вещей есть начало и есть конец».

Н.Ф. – Я вам только что говорил про логику.

У. Лахауэр. – Это актуально, что у каждой вещи есть начало и есть конец, согласны?

Н.Ф. – Я только о логике говорю, что все так надо делать логически. Что от этого получится. Что от этого начала получится, и какой будет конец?! Сейчас идет идеологическая перепалка. Вон телевизор и вот газета «Правда», так! Вот я его слушаю, так и тут слушаю... (снимает газету из пачки газет, висящих на гвозде у книжной полки). Философами кого я считаю, это, между прочим, мыслители сейчас. Это Максимов Владимир, потом Зиновьев Александр и вот Говорухин. Вот он описывает, что творилось 3–4 октября. И вот что тут говорят (имеется в виду TV), это все только вершинки... Что они показывают, то ничего не видно. Говорухин снял кино, у него все даже зафиксировано. При замедленном показе эти пули все трассирующие. Вот эти трассы: откуда стреляли и в кого стреляли. Эти все трассы, как пить дать, есть.

У. Лахауэр. – А Говорухин был на чьей стороне?

Н.Ф. – А Говорухин был в августе 1991 года чистейший демократ. Самый обыкновенный. Выступал против коммунистического правления, против всего. Он поддерживал целиком и полностью Ельцина.

У. Лахауэр. – А сейчас?

Н.Ф. – А сейчас он довольно нелестно относится. Он демократ. Он не менял себя. Они демократы все.

Авт. – Он считает, что сейчас демократию убивают?

Н.Ф. – Убита она. Буквально. Вот 3–4 числа, коммунисты, они были в кассационном суде, а удар был рассчитан на то, что коммунисты и все им сочувствующие выступят против. И все тут. Снова запрет, снова все. А они как раз и не были. Не удалось в полном смысле слова. *(Неразборчиво.)*

Не ладно в самой демократии, внутри. Она совсем, оказывается, гниет, эта демократия. Вот в чем дело. Вот Зиновьев писал. Задали вопрос: Вы бы написали те книги, если бы знали, какой результат будет?» «Нет, – говорит, – я бы не стал писать. Это в книгах отражать». Он сам не знал. Вы вот представляете, ведь у Максимова спросили: «Ты знаешь об этом?», в 1991 году: «Вы согласны возвратиться сейчас на родину?» Он усмехнулся. «Нет» – говорит, – «Сейчас пришли к власти те, кто меня выгнал из Союза».

Авт. – Кто такой Максимов?

Н.Ф. – Писатель, между прочим, самоучка. Он в Париже живет сейчас, даже журнал издается.

Переводчик. – А Зиновьев?

Н.Ф. – А Зиновьев тоже мыслитель, наподобие Бердяева. Современник наш. Писатель-философ. Он тоже, наверное, в диссиденты выгнан, как инакомыслящий.

Переводчик. – А Зиновьев где живет?

Н.Ф. – Тот не знаю, где, Зиновьев. Он, скорее всего, сейчас в России находится. И между прочим, оба недовольны Солженицыным. Несогласны с ним. Если он посмотрит на все это хозяйство в России, что творится, он закричит: «Карету мне, карету!».

Авт. – Раз мы вспомнили Солженицына, то я вспомнила, что сегодня утром Уля меня пытала: «Были ли здесь где-нибудь лагеря?»

Н.Ф. – Лагеря? В Пинеге был Кулой-лагерь. В Пинеге. Около Кобелево не было лагерей. В Пинеге был лагерь.

Авт. – Это где город Пинега?

Н.Ф. – Да, да, да!

Авт. – И это там был Кулой-лагерь?

Н.Ф. – Да, да, да!

Авт. – Ближе не было?

Н.Ф. – Не было, не было. Сейчас они есть. *(Смеется.)*

Авт. – Уле важны сталинские.

(Пропуск в записи.)

Н.Ф. – Я с основ, извините, я по верху никогда не стригу, я с корня начинаю. Откуда эти лагеря появились. Из чего они появились? Представьте себе, идет гражданская война, так. По Пинеге красные отступают, то есть переходят на Двинской фронт. Отступая, они переходили на Двинской фронт по реке Пинеге, так?!

Как раз в Веркольском монастыре рота хозяйственная, между прочим, чин один – здешний, он тоже был. И рота взбунтовалась: «Дальше все, не пойдем; значит, отступать. Мы свое дело сделали». А интервенты с белыми по пятам нажимают. Ну, что, значит, последняя рота ушла из Верколы, они там остались. Между прочим, был взят заложником тоже здешний кобелевский мужик, Константин Федорович Щеголихин. Он в заложниках был. Он вырвался, он ушел.

И вот, представьте себе, приходят белые, и что? Ну, те, фактически, изменили, они перешли на сторону белых. Они, ну там уж не известно, сколько человек, без суда и следствия, под этим Веркольским монастырем пихают в прорубь этих солдат, красноармейцев бывших. Дальше, значит, ловят под Кевролой Пищухина, знаменитого разведчика. Тоже, значит, еще, у кого там скрывается тоже, всех значит, как раз под Белой Церковью, тоже значит, пихают в воду...

Деревни не найдется, чтобы старик не был замучен или старуха белыми. И сейчас вон в Конецгорье одинокая могилка стоит. Это как раз мать Пищухина, которого, значит, потопили разведчики. За то, что он в Красной, ее старуху закололи штыками, все!

Дальше пойдем, те, кто имел какое-то отношение к советской власти, к Советам, неважно какое, всех подчистую поголовно забирали, и по тюрьмам. Переполнены были тюрьмы. В Архангельске, в килосотской тюрьме, между прочим, ее (жены) отец в килосотской тюрьме сидел.

Переводчик. – На Мудьюг — и еще тюрьма?! Да!

Н.Ф. – Вы подождите еще, Мудьюг это особое дело. В эти тюрьмы не помещается, значит. Вот и решили: каторжная тюрьма на Мудьюге. Вы были там, нет? *(Вопрос к переводчику.)*

Переводчик. – Да!

Н.Ф. – Были! Там во сколько рядов ярусы? Сколько на человека отведено места? Нет квадратного метра ведь! Там, впрочем, была молотьба какая-то человеческая! Уничтожение прямо людей! Грузили в баржи и всяко! Ведь это все было бы неизвестно, если бы не был совершен побег с ней.

Мудьюга мало. Остров Иоконьга дальше. То же!

Представьте себе, кончается гражданская война. Вот амнистия была сразу, между прочим, объявлена. Все дезертиры, все, кто воевал в белой, всем этим, короче говоря, простилось. И вот здесь в деревне даже, кто был в белой и красной, дружелюбно и честно всю жизнь проработали.

Кто убил людей, топил, и там, на Мудьюге, кто мучил, эти люди старались как можно, проникнуть во власть. Между прочим, тогда спецы. Где власть, там надо бухгалтера, специалиста, надо нормировщика, надо всех. Вот этих спецов и искали. И тот, кто воевал, видит, что им палач руководит. И таких немало было. Безусловно, их сразу прибирали к рукам как военных преступников. И это по всей стране было.

И вот Соловецкий лагерь, знаменитый СЛОН. *(Обращается к переводчику.)* – Вы там были?

Переводчик. – Да!

Н.Ф. – И книгу читали «Неугасимая лампада»? Я не помню, кто ее написал. Он узник сам этого Соловецкого лагеря. И представьте себе, я себе прикинул умом, еще поступили очень гуманно. Ведь не на Мудьюг их посадили, а все-таки в благоустроенный монастырь.

Переводчик. – То есть, вы считаете, что эти, которые как бы снова пришли к власти, что они были арестованы и сосланы на СЛОН?

Н.Ф. – Все было!

Переводчик. – То есть на них донесли эти люди, получается, кто был на Мудьюге?

Н.Ф. – А может быть, и донесли. И другое было: эти спецы правдой и неправдой старались этих честных людей посадить. Люди тоже сидели. Вон, у нас Константин Федорович Щеголихин тоже сидел... (*Перерыв в записи. Далее Н.Ф. говорит о времени распада Союза и возникновения СНГ.*)

Н.Ф. – Генералитет, они все присягали Советскому Союзу, верно?! Где эта присяга? Была Конституция, как они эту Конституцию защитили? Они присягали Советскому Союзу!

Коллективизация. Сколько говорят про это раскулачивание. Кого раскулачивали? Сосед соседа раскулачивал! Это итоги местного произвола. Сосед с соседом не поладил, все, значит! Кто маломальски жил, трудился, тот на него капнул (донес), и все! Тот завидовал. Самый обыкновенный произвол творился.

Отец, дом был, так. Коммуна стала. Отца в коммуну не берут. Отец занимался торговлей частной. Он никуда не скупал. Он был охотник, сдавал пушнину купцу. Купец отоваривал это товаром. Отец этот товар продавал людям. Вот и все. Вся торговля. Это, как говорится, частный бизнес, самый честный бизнес у него. Брат – комсомолец. Пошел в коммуну, его взяли. В коммуну отошел, от хозяйства пай должен быть в коммуну отдан. В хозяйстве две лошади, две коровы, семья 13 человек.

Авт. – А земли сколько было?

Н.Ф. – А земли, я не помню.

Переводчик. – А детей сколько?

Н.Ф. – Семеро, двое уже умерли к этому времени. И вот представьте себе, пай этот забирает: лошадь забрали одну, корову, одна с братом ушла. Он отошел, отделился от отца. Ну, вот представьте себе, решают на собрании: нужна конюшня. Где на конюшню взять? Вот давай: у Евгения, значит, пай – четверть дома. Решили отрезать. Пришли, разрыли и увезли. Так ведь это сверху никто не указывал. Это самый был местный произвол. И сейчас он творится еще. И все время творился.

У. Лахауэр. – А как вы представляете себе будущее Кобелево?

Н.Ф. – Как это можно представить, что будет дальше?! Если еще так дальше поведет, не только в Кобелево, по всей стране будет решен жилищный вопрос капитально! Продовольственный тем более значит, потому, что половина людей помрет. ***(Общий смех, до всех дошла горькая шутка Н.Ф.)***

Н.Ф. ***(Продолжает.)*** – Довольно плачевна может быть картина. Илью Егоровича знали? ***(Вопрос к автору.)*** За год я двух ветеранов схоронил. Им за 80 годов обоим. И представьте себе, и того и другого чтобы свезти на кладбище, машины не нашлось. Илью Егоровича на ломаной машине свезли. А в сельсовете хорошую машину не дали. Глава администрации не дал.

Александр Исакович – столяр, знаменитый. Всю жизнь простолярил. В редком дому евойных изделий нету, в каждом дому у него: или рамы, да стулья, да табуретки, все сделано. И представьте себе, мы его на ломаном прицепе, на тракторе потянули. Грязь там, ну, задрипанный этот прицеп, не отремонтированный, поломанный прицеп... Судьба незавидна, если прогноз...

Представьте себе, каково мне. Я начал работать от серпа и от сохи. Дошел я до высокопроизводительного пропашного трактора и до комбайна. В конечном итоге я закончил свою деятельность мастером-наладчиком этих вещей. Я нигде не учился, только тут. И каково мне все это переносить, когда все эти мастерские: в Красном, значит, в Лохнове – высокомеханизированные сервисы, вплоть до того, что в Красном нет, а в Лохнове кран-балки есть. Все станки есть!

У. Лахауэр. – Вы летом заготавливаете сено?

Н.Ф. – Да, да, да! Коси, где хочешь сейчас. Здесь вот начиная от дома, и все вокруг косим. Четыре козы да шесть овец.

Авт. – Нету коровы?

Н.Ф. – В 68 году я заболел, был на инвалидности. Пошел из колхоза в сельпо работать и мне все... Сена-то нет! Коров кормить нечем. Вот эти ручья, что овраги, тут которые я сейчас (обкашиваю), попросил. Тогда сказали, нет. Запустили, я снова расчищал. Зачем мне корова? Вон хозяйка-то на скотном работает. Да по 18-то копеек выпишут, и все тут!

Я был председателем народного контроля. Колхоз мясо производит, так; сдает его в сельпо, на бойню. Сельпо получает на бойню. Вот что-то там бойня в течение положенного времени не реализовала. Глядишь, повезли в лес.

Я брожу, собака у меня, я охотник в лесу. Собака вырыла четверть мяса. На! Откуда это, интересно, мясо? Ну, я вот и давай потихоньку докапываться.

Потом лето, пионерский лагерь открылся. И мясо в пионерский лагерь привезли. Я на тракторе поехал за этим мясом на Усть-Покшеньгу. Ну, оно все перепорчено буквально! Я ведь полное право имел. Я пригласил медицинского работника, составили акт. Вот такой-то и так-то. Ну и что? Ага, ты вез, значит, с Усть-Покшеньги, вот ты и испортил!

Авт. – Это летний пионерлагерь в школе прямо был?

Н.Ф. – Да. Надо оправдаться, что не мог испортить мясо за 15 минут! ***(Смеется.)***

У. Лахауэр. – Когда это было?

Н.Ф. – В 72-м, вот так где-то! Представьте сами, ведь мне было не работать дальше не удобно. Я такие, значит, начал (получать) катаклизмы со стороны администрации. Скандал самый настоящий пошел. В редакцию писал, до сих пор ответа нет. Да куда, там их жены работают, некому отвечать.

Откуда все началось? Перестройка началась не в 85 году. Она началась с 65 года. Убрали Хрущева. Хозяйственный расчет и научная организация труда отошли в сторону. Это сразу, между прочим. Сразу гарантированная оплата пошла. Пошло это безудержное пьянство. Говорят: «По приходам и расход, как заработал, так и израсходовал». Даровой доход, деньги-то эти – они не заработанные.

Даровые деньги-то, они гарантированные деньги-то. Получат деньги, они куда? Кто хорошо работал, старался больше заработать, того одергивали. Даже еще унижали.

Скажу вот, я в сельпо работал. Ну, мужики все пьяницы были, ну все буквально. Они сейчас все умерли, их нет сейчас, с кем я работал.

Иной раз грузу нагрузишь прицеп и везешь на место: из склада в склад. С Усть-Покшеньги. На склад привезешь: они в дугу (пьяные), не в состоянии работать. Пока вез, дорогой, они там, в прицепе сидят, нажрались. (Напились. Принятое выражение: нажоряться, нажраться). Ну что, мне одному приходится разгружать весь прицеп. Вот идешь к руководителям: «Ну а что, ты один такой работаешь!» Вот ответ получишь такой и все; будь доволен!

(Разговор о молодежи.)

Н.Ф. – Я называю их дети перестройки. Я по-своему окрестил: «дети перестройки»... Им было 10 лет, 12 лет в перестройку, им сейчас 20, они в армии уже отслужили, эти балбесы... Они, значит, что, у многих есть повышенное, высшее образование, среднего у них нет... И интеллигенции нашей дети это. И им уже созидать это, им уже не по уму... Есть политика распределения, а политики производства нет. Она отсутствует.

Те, кто сейчас правят, они раньше были, питались от партийной кормушки. Им это показалось мало, они не могли на эти средства съездить на Канарские острова, не могли съездить по Средиземному морю, круиз сделать. Не могли в полном смысле слова. И им эта кормушка стала мала, и они решили перейти на общенародную кормушку, что они с успехом и сделали. Все!!!

А фактически страна управлялась вся за счет партийных средств. Народу говорили, что партия – наш рулевой! Чего действительно? Партия всем ведала и руководила. Партийные работники не получали зарплату, они получали из партийной кассы, между прочим. У них была своя коммерческая деятельность: газеты выпускали свои, верно? Свои типографии были, представьте. Свои помещения они сдавали кой-кому. Членские взносы были. Ведь этого сейчас ничего нет!

Сейчас все это управление взвалено на плечи всего народа. Что значит, с успехом они и делают. Ездят на Канарские острова, в круизы, а нас нечем на кладбище отвезти. Вот и все! *(Смеется.)*

(Разговор о преступности.)

Н.Ф. – Преступность сейчас выращивают власти. Раньше такого никогда не было. Это ужас, что молодой парень пьяный изнасиловал старуху. (Это о недавно происшедшем случае в деревне, когда молодой парень 20 лет напился, залез в дом к старухе и изнасиловал ее.)

У. Лахауэр. – Об отношении к религии. Как Николай Федосеевич к ней относится? Я сама люблю очень Библию, но церковь не посещаю. Я не уверена, есть ли Бог, существует ли Он.

Н.Ф. – А я уверен, что нет.

У. Лахауэр. – Но сегодня говорят, что если кто-то и имеет душу, то это только русские. И может быть этого достаточно?

Привожу записи в блокноте того, что не попало на пленку.

В 1961 г. построили первый гараж, где сейчас новая пекарня (в 1994 г. построена новая пекарня, но хлеб пекут пока в старой). Колхоз механизировали: комбайны прицепные СК-3, СК-4. Скотный двор механизировали – дойку, поение. Появились токарные станки, сверлильный. В 1965 г. приобрели большой дизель, чтобы обеспечивать энергией станки, производить сварку.

С 1964 г. Н.Ф. 7 лет проработал трактористом. Был членом районного комитета. В партию вступил в 1956 г. по убеждению.

В 1973 г. он работал кладовщиком и был председателем народного контроля. Когда он возил на тракторе груз на склад, то получал 37 коп. в час, а сопровождающие, которые были пьяные и не могли работать, получали 52 коп. в час.

Когда в конце заговорили о религии, то Николай Федосеевич заметил, что веркольский монах Иосаф лечится святой водой, а патриарх Алексий, когда заболел, то пошел лечиться в привилегированную больницу (это он о шарлатанстве в религии). Потом он возмутился, почему Алексий отсиживался в Свято-Даниловом монастыре, а не пошел и не стал у Белого дома между борющимися?! (это об октябрьских событиях 1993 г.).

Он отметил, что хотя по общецерковному день Богородицы 21 июля, но здесь, на Покшенье, его отмечают 19 июля.

Николай Федосеевич – охотник. Мы спросили его, много ли дичи и пушнины в лесу и кто здесь водится. На последний вопрос он перечислил из зверя: белку, лисицу, куницу, росомаху, рысь, волка, медведя, горностая, зайца. Из боровой дичи: глухаря, тетерева, рябчика, куропатку. Сказал, что пушнины почти ничего не осталось. Большой вред местным охотничьим угодьям нанесла железная дорога, которая пролегла по местам обитания дичи и зверя.

Беседы с Анатолием Артамоновичем Поповым

Деревня Красное 1992 г.

Выбор респондента объясняется тем, что он в свое время был первым лицом – председателем колхоза, заведующим МТФ, а также является старожилом. Его родословная дает материал к истории семьи Поповой Анны Владимировны и Поповой Анны Никитичны.

Словесный портрет. Анатолий Артамонович – седовласый, крупный старик с нависшим бровями, из-под которых смотрят голубые глаза, держится прямо, говорит приветливо и громко.

Беседа первая

Авт. – Расскажите о себе, своей семье.

А.А. – Отец мой, Артамон Алексеевич Попов, 1877 года рождения, грамотный, но не школу кончал, а так где-то выучился. Лесной объездчик. Мать, Пелагея Матвеевна Кормачева, 1887 года рождения, неграмотная, родом с Кевролы. Нас семеро детей в семье было. У меня сестра есть, на два года раньше родилась.

Жена первая у меня была Анна Александровна Богданова, 1914 года рождения, родом с Усть-Покшеньги, сестра Николая Александровича Богданова.

Я учился и окончил церковно-приходскую школу. Школа была в помещении почты. У меня отец вояка: японскую войну воевал, империалистическую первую, гражданскую воевал. Царя спихнули, пошла гражданская война. Империалисты – да какие империалисты? А те, кто покрепче, позажиточнее, англичане, французы, и они начали с нашим рабочим классом, трудовым крестьянством вести борьбу, войну.

(Анатолий Артамонович говорит громко, четко и быстро, как будто перед аудиторией речь произносит.)

Я женатый служил, а жена в Архангельске техничкой в школе работала. Отслужил на флоте 5 лет. После меня обязательно пошлют работать с людьми, а что же я? Молодой, неграмотный парень. Пошел учиться. Побродил по городу. Зашел в райком партии. Велели учиться.

В Архангельске была школа сельскохозяйственная им. Молотова. Я год проучился, эту школу реорганизовали, превратили в техникум. Лесной фронт, сельскохозяйственные, исторические науки были. Я год проучился подготовительный, да два года (курс) кончил. Получил диплом, техник по сельскому хозяйству.

Работал в сельском хозяйстве, здесь был председателем колхоза имени Молотова. 27 января 1941 года приехал, и меня избрали председателем колхоза. В дипломе: использовать как директора МТС, а здесь их не было. Я говорю: «Из района никуда не поеду, у меня мать и отец старыми стали». Из района звонят: «Становь председателем колхоза! Приедем тебя устанавливать!» Избрали. В 41-м, в феврале избрали, а в июне пошел воевать: всю Отечественную отвоевал. Порато (очень) не задело (не ранило).

Вернулся 8 ноября 1945 года. Во время войны председателем был Минин Алексей Прохорович, старичок. А пришел с войны, Вальков был, с Верколы. Он пришел раненный, пораньше пришел. Он командовал. А я вернулся и заступил вновь на свою должность.

В 1950-м колхозы уплотнили. Лохновский, наш – в один колхоз «Родина». Василий Тихонович (Попов) стал председателем. А я у него стал заместителем. Я заведовал всем животноводством.

Был заместителем до меня Гаврила Тыркасов. Районному начальству что-то не понравилось. Тыркасов, бардак! Меня сделали зам. председателя, и я заведовал всем животноводством. Контора была в Кобелево.

Авт. – Анатолий Артамонович, а вы не помните, как здесь колхоз устанавливали?

А.А. – Нас хватила гражданская война, интервенция тут была. На Земцове воевали. Дальше Земцова не пустили, стали фронтом. А там контра опять идет по Пинеге: Прилуки, на Поче, Тороме. Там крепко воевали.

Это было в 1920 году, зимой. Отца не было – на войне, я мал был. Отец в лесной охране, лето все в лесу. Я запахал маленьким. Я один на лошади пахал. Плуга своего не было, у кого-то брали.

За лесом следили раньше лучше. Тогда крепко пороли. Сейчас рубят, бросают, не чистят. Нет хорошего леса. Раньше плотами сплавляли. Мы подростками начали моль пихать. Раньше не спрашивали, большой или маленький. И родителям не надо кормить.

У нас было 2 коровы, когда в колхоз вступали. Лошадь? Лошадь только купили.

У нас ведь род Поповых большой. Их три, наверное, было. Павел был, рассказывают старики. У Павла родился Алексей да Кузьма. От Алексея пошли: Алексей, Никифор, Марк, Иван. От Кузьмы: Тарас и Захар.

Это (имеется в виду часть деревни Красное, где расположен дом Анатолия Артамоновича) наше родовое место, где жили Тарас, Никита да Захар. Никифор еще был в Красном. Марк ушел в Жабей, там были: Мартемей Маркович, Николай Маркович, Илья Маркович, Василий Маркович. А у Тараса родился Александр и семь или шесть сыновей было, а сейчас никого нет. Погибли. Быват, один какой умер.

Авт. – Анатолий Артамонович, а в колхоз, вы не знаете, добровольно шли или принуждали?

А.А. – Большинство в колхоз пошли сознательно. Слушались партию. Партия была идейный вожак и руководитель. Приедут из района, из Архангельска: «Давайте все вступать!» И вступили. Мало кто не вступил. Иван Андрианович, он только не вступил. Я помню, я работал в сельпе, принимал от населения кожи как заготовитель. Он и не вступил.

Авт. – А когда здесь началась потребительская кооперация?

А.А. – В 20-х годах пошла потребительская кооперация.

Авт. – А кто был раньше богаче: вы или Кобелево?

А.А. – Наши были побогаче. В Жабье, там Башкин Федот был. Он разжился, завел лавочку, навез товару и начал торговать: при-

быль, прибыль, прибыль – наторговал и богач стал. Это был богатый Жабей, у нас в Красном так не было. У нас тут был Михаил Иванович Попов, нашего рода. Он маленько торговал, да пролетел. В Кобелево Парамон был, крепкое дело имел в лесничестве, строил.

Авт. – А как тогда лес на строительство брали?

А.А. – Выписывали лес по ведомости. Мы дом строили 4 года, поэтому меня отец и отозвал из школы. В 22 году в марте–апреле поедем: «Парни, надо лес заготовлять!». Поехали до Шотогорки, долго. Десять хлыстов свои, да 10 хлыстов отец купил. 20 хлыстов приплавили. Второй год уж на Охтоме. По 2 года по 20–30 хлыстов. На четвертый год на 2–3 км по Охтоме поднимались, 20 хлыстов.

Сплавили на завод. Завод тут уже етта был при советской власти. Лесопильный, за рекой. Была моховая пила. Меня отец научил: сверху пустой, книзу давлю. Сами заготовили, сами распилили. Лесопильня была тут под Лохново, у Щелья.

Авт. – А как организовывалась работа в колхозе, когда вы были председателем?

А.А. – Бригады были. Тогда не ходили на работу сами-ти, а бригадир бегал, вызывал, задания давал. Колхоз производил молоко, мясо. Зерна мало сдавал. Молоко все перерабатывали здесь, на месте. Скот забивали на убойном пункте в Карпогорах.

Сейчас землю распустили. Никаких севооборотов нет. Картошку – по картошке, ячмень – по ячменю. Это как совхозы образовали (1969 год), так беспорядок пошел.

Сенокос под рекой был, сейчас – под пастбище. Раньше под выпасы использовали мелколесье. Дальние сенокосы используют мало. Были сенокосы по Охтоме (30 км). Там были нашего колхоза сенокосы. Раньше и за Пинегою следили, орган был, не знаю, какой. В пароходстве были очистительные машины.

Авт. – А были ли здесь ссыльные, и поселки Сылога, Русковера когда появились, кто в них заселился?

А.А. – Высыльные? Поляки были по Юле, поселки их там были. Это до войны было. Потом, ба, с нашими слились, ба, куда делись, не знаю. Русковера да Сылога появились недавно. Сылога в 1938 году. Это лесная промышленность стала набирать постоянные кадры, в последствии стали строить частные дома.

Авт. – А что стало с церковью, попами?

А.А. – Церкви у нас две были: Никольская, зимняя, Николе Чудотворцу, сейчас клуб в ней, и летняя Богородица, она сгорела. С 1933 года попов не стало, уехали в город. В тюрьму не сажали. В коллективизацию тоже никого в тюрьму не сажали.

Я вот помню, в 1910 году, в Жабье совершился неимоверный пожар. Загорело в лесу. Там Зиновей Николаевич, тут с нами жил, жег дрова, выжигал, чистил. Ушел домой, загасил водой. Огонь в коренья залез, через несколько дней – дым.

Отец мой как раз был лесничим, объездчик. Он первым полетел расследовать, что творится. Он прибежал, а лето: на полях все выжгло! Жабей с того конца сгорел весь. Остановить не могли: пожарных не было.

Вот после Николай Егорович (Козьмин) начальником пожарной охраны (стал) при советской власти. Хорошо работали, и ему хорошую машину (дали). Она счас где-то здесь. Здесь была машина (1927 г.). В других деревнях были хуже машины, и нашу в Земцово повезут, в Лохново повезут... Везде возили, где пожар. Лес сгорел, и стали делать новины: пни выворачивают, жгут. Копали первый раз вручную, кирками. Потом вспашут лошадью и засеют ячмень.

Авт. – И какая урожайность была?

А.А. – Ячменя урожайность 6–7 ц/га, сено не считали. В колхозе здесь учет пошел, не помню. В Кобелеве луга лучше, у нас етта хуже. Народ бестолковый: приживется, так в аду живет. Не ищет хорошей жизни. Говорят: «Человек ищет, где лучше, а рыба, где глубже». Это пустая поговорка. Человек живет, где родился.

Авт. – А как вы оцениваете обстановку сейчас?

А.А. – Происходит разорение. Вот начинать не с верхов надо. Надо было дисциплинку. С народом поговорить, потолковать. Дела все делает народ. Руководящий руководитель только повозжат, а дела делает народ.

Авт. – Вы коммунист?

А.А. – Скоро 60 лет в партии. Здесь многие вступали в партию. Во время войны я человек 30 рекомендовал в партию.

Беседа вторая

Авт. – Анатолий Артамонович, вы про свой род рассказывали, он у вас Алексеевским называется, почему?

А.А. – Так наш род Алексея. Был когда-то Павел. У Павла – Алексей и Кузьма. От этого Алексея пошло и до нас не выводится из роду с именем Алексей. Отец у меня, у отца брат второй был Алексей. А мой, старший, отец был Артамон. А вообще-то: Ивановичи, Никифоровичи – это все один род Алексеевичей. И все Марковичи братья – один род. Все были здоровы, работящие все. Но богатеев у нас в роду не было. Бабушка у нас, отцу мать, была брана с Усть-Покшеньги, Илья Егорович, где там сейчас, где Егор Иванович, и наша бабушка: Ксения Ивановна Богданова.

Она неграмотная была, но отец у меня был немножко грамотный. Он где-то каким-то путем научился. Ни в школу никуда не ходил, но кто-то его научил. Отец был объездчиком, работал в лесной охране. И так он все время объездчиком работал. Умер, когда я на войне был, в 1942 году. Работал до пенсии, он же работал в государственном учреждении. Мать моя за него пенсию получала, когда его не стало.

У родителей семеро нас выросло и сколько-то умерло, не помню. Я в лес поехал не маленьким, лет 15-ти. И все до армии работал в лесу. Плюс к этому отец меня (взял) от школы из-за своих сложностей. Не управлялись (это из-за заготовки строительного леса: отец валил, Анатолий рубил).

Ну что, в 1933 году я женился в июне месяце, и взяли в армию. В Ленинграде прошел последнюю комиссию, повезли в Кронштадт. В Кронштадте кончил школу торпедистов. О торпеде понятие имеете? Вот я этого страшного оружия был начальник и хозяин на корабле. В 1933 году 5 мая попал на корабль «Карл Либкнехт», германский революционер, погибший в 18 году, и Роза Люксембург с ним была еще тоже.

Жили в Кронштадте. Кампанию проплавали 33-го года. По решению правительства создать Северный флот от Балтийского Флота оторвали 9 боевых единиц и направили на Север в Архангельск, в Белое море. Кругом шли мы. На Севере я служил 4 года, да год в Кронштадте, всего я 5 лет служил. А жена у меня в это время в Архангельске в школе техничкой работала. Я демобилизовался и к ней, комнатка была. Она 5 лет меня ждала. Три года учился.

Авт. – Почему вы решили, что надо вам учиться?

А.А. – Я был деревенский парень, уже кандидат в члены партии. Домой приедем, меня райком партии будет рекомендовать, и мне хотелось быть грамотным, готовым работать. Я болтать мог, язык развился, а знаний не было. Я решил учиться, и учился я в Архангельске. И приезжал в Покшеньгу. Потом председателем колхоза, война, снова председатель.

А братья и сестры? Анна Артамоновна жива, Анастасия, 1912 года, Алексей, 1915 года. Я из флота – в 1937 году, а он – в армию. Он работал в леспромхозе бухгалтером, в Земцове. В 1930 году образовали леспромхоз. Лесопункты на местах, а леспромхозы их объединили. Леспромхоз был «Пинежский», «Сурский», «Ваймушский»...

Лидия с 1925 года, умерла. Иван Артамонович, 1927 года, он отец мужа Анны Земцовской. Умер. Он получил образование лесничего, учился в лесной школе в Архангельске. Он работал в Сылоге. Умер в 1980 году. У него сын Дима (муж Анны Владимировны Поповой (Земцовской).

Я в молодости на подсочке был, записался. Поехали на Усть-Охтому, и все это распалось на части, и нас отправили назад. Я больше второй раз не вступал в это дело.

Авт. – А где находился дом ваших родителей?

А.А. – На том месте, где дом Димы стоит, тут жил дядя Алексей с бабкой, Ксенией Ивановной Богдановой-то (это тетя Ильи Егоровича и Ивана Егоровича Богдановых с Усть-Покшеньги, сестра их отца, Егора Ивановича).

И у него было три сына, и мы росли, в семье было 16 человек. Одна невестка пекла да топила, моя матерь за скотом ухаживала:

две коровы было всего. А Авдотья, та была горбата, все на печке лежала. Помню, долго все 16 человек вместе жили.

Дом был большой: перед от дома увезен – вон за дорогой стоит, на подклете. Зад тоже взят. Осталась середина: горницы две, хлев и назем. Перестроено лет 16 назад. Отвезли (части дома) сразу после гражданской войны, после 22 года. Дом был громадный. Скота было: лошадь и две коровы. Это ограничивалось сенокосами, землей. А земли здесь – ехать далеко надо: в Охтому сено ставить. Народ-то был ядрящий, трудолюбивый. Все етта сенокосы покшенами заняты были. Сено плавили и на конях возили.

Вот на этом месте жили Кузьма Павлович, Алексея брат, нашего-то кореня, рода. Захар и Никита здесь жили, три брата их было. Старший уехал на поле – там живет. Никита здесь не жил, а Захар вот за этим большим домом дом был, его сейчас видно. Иван Алексеевич был нашему деду брат.

Я приехал сюда, на втором этаже жил в доме, который на Анкином месте. Мать видит, что мне наверху неловко: «Парень, я схожу к отцу на могилу и спрошу разрешения верх тебе отдать!» Пришла. «Разрешил» – говорит. *(Смеется.)*

А здесь была избушка Никитина, она, мать, раньше еще думала и избушку-то купила. Ее брату перенесли. Так вот и живу. И стал жить и жить.

Я был председателем, но трудно было. Ничего им (детям) не купить. Без денег жили колхозники, на одних трудоднях. Голодно, ба, и не жили, но в этом отношении было трудно.

Они, все три сына, кончили лесотехнический техникум в Архангельске. И они пошли по механизации, по распределению они попали на заводы в Северодвинске.

Старший сын, Александр, 1938 года, Валерий, 1940 года, он шофер в Шилеге. Николай, 1946 года, вуз окончил, экономист. Володя, 1950 года – лесотехнический техникум. У всех хорошие квартиры.

Девочка Валя, 1948 года, вышла замуж. Муж напился пьяный, и его прихлопнул бандит. Одна живет. Двое детей: один работает, другая учится. Она – медик, акушерка. Медучилище в Архангельске (закончила). Она на Таежном живет. Квартира трехкомнатная, хорошая. Живет хорошо. Осталась (одна, без мужа), Женя (внук) во второй класс пошел.

Моя жена, Анна Александровна, бригадиром работала на сельском хозяйстве на разных работах. Последний год техничкой работала. Умерла 23 года назад (1969), только на пенсию пошла. Болела, не одна болезнь была. Главное, голова у нее болела. Повесилась, не выдержала: замучили боли. Говорила: «Я уж боле не выживу». Народ, милиция меня даже не обвинили, ничто. Она и робятам говорила: «Я, робята, вас уж оставлю. Я не могу больше работать», – и все плачет.

Анна Алексеевна (вторая жена) – у нее первый брак, детей своих нет. Она все в лесу жила. Говорит: «Получила готовых детей». Она родом из Лохново. Тыркасовы – родители ее. Там на Лохново один род Тыркасовых. Тыркасов Гаврила Васильевич на Холму – это другой род.

Авт. – У вас награды есть?

А.А. – Одна (медаль) «За боевые заслуги», другие: «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией». Орден Отечественной войны I степени.

Авт. – Когда вы были председателем колхоза, как власть распределялась? Ваши отношения с сельсоветом, с районными организациями управления?

А.А. – В районе был земельный отдел. Он командовал нами. Был сельсовет. В колхозе была своя партийная организация. 60-й год идет, как я в партии. Сейчас партия распущена. Трений не было. Тогда народ был менее грамотный, с народом было работать лучше, и трудолюбивый был. Работали старики. Я всегда вызывал их на заседание или правление. Они скажут всегда, подскажут. Замечания сделают, это все помогало.

В 44 году был голод. Я был на войне. В нашем колхозе весной, когда вспахали, и долго не сеяли. Посеяли, а сорняки уже все из земли поднялись. Урожай пошел тихо, поздно, и мороз его убил. Поздно посадили: председатель так пропустил, управления колхоза так.

Чтобы руководить, надо грамотным быть. Земледелие ведь – большое дело! Сейчас тут все никак не возьмут, как следует землю. Распускают все да распускают. Земля не будет давать, родить, так и народ нигде не будет жить!

Животноводство – от земли?! Хлеб – от земли?! Овощи, фрукты, – все на земле родится. И главное дело – землю полюбить. У агронома был такой лозунг: «За ногтями – чернозем, значит, это агроном!» *(Смеется.)*

У нас был преподаватель Харламов. Я, на выставку поехали сельскохозяйственную, я был премирован, я учился хорошо! Из 17 дисциплин у меня было только 2 хороших, а остальные пятерки. Когда я пошел на флот, у меня не было никакого документа, что я что-то кончил, поэтому я и стал учиться.

На выставке в Москве посмотрел по сельскому хозяйству, по механизации. На последнем курсе, в 1933 году. Я кончил учиться в конце 40 года.

Когда я работал, у меня была специальность «агротехника сельского хозяйства». Я и механику знал, машины изучал, животноводство, земледелие – главное дело!

Тракторы первые появились после войны, я уже был председателем. До войны как будто не было их. Все пахали на лошадях, на быках да на коровах. Было дело, и на коровах.

Авт. – Богаче и беднее какие деревни были?

А.А. – У нас вот Жабей, тот там конец были богаты мужики. Они разбогатели землей. Один был торгаш вином. А другие накопали земли, брали работников. Вот от земли и разбогатели.

(Смена пленки, кусок разговора не записался.)

Авт. (обрывок вопроса) – В Кобелево раскулачили Беляева, да?

А.А. – Да, Беляева, что ли? Дома в домотканых штанишках бродит, ничего кроме домотканых не имеет.

Авт. – Раскулачили, куда сослали?

А.А. – Нет, он здесь был. Просто отобрали все имущество. Жил как-то. Ухаживала Беляева невестка.

Еще Федот Башкин был, Малофеевич. Их ведь много Башкиных было: Аристарх Малофеевич, Иван Малофеевич, Николай Малофеевич был, да вот! А Федота Малофеевича Башкина парнишка был. Жил мало-помалу. Отделились от них, отошли, жили по-своему.

Маслозавод (расположен) в доме Епимаха Малофеевича. Серафима Епимаховна была. Имена давали раньше по святцам. До этого маслозавода не было, и масла здесь не делали на продажу.

В доме все делали свое. Натуральное хозяйство называли: не покупают и не продают. Патриархальное хозяйство.

Авт. – А вот в Жабее стали торговать, на чем люди стали деньги иметь?

А.А. – Не на лесозаготовках. Митрофан держал быка, деньги имел за случку. Много денег-то не имели. Он во всем своем ходил.

Кобелево было такое же по богатству. Красное было победнее, здесь никого не кулачили.

Авт. – А бедных много было?

А.А. – Бедных? *(Задумчиво.)* Безлошадников считали бедняками. Их было мало. Вдовы какие-нибудь после Первой мировой войны и после гражданской.

В Кобелево бедных тоже мало было. Они не были беднее Жабья. Там был богач Парамон Щербаков, Парамон Федосеевич. Контра-то. Это их дом был рядом с сельсоветом. Он был еще большой. Перестроен. Он был в два этажа.

Бедных в Кобелеве мало: вот Амосовы, Телицины. Вот они похуже-то жили.

А в Усть-Покшеньге – там дородно жили. Богдановы там, в основном. За рекой луг хороший – Остров. Сейчас, последнее время лохновцы топчут там, пастбище сделали. Хороший сенокос был у них.

Попа прогонили в 1933-м, отреклись от церкви. Поп просто уехал.

Я как раз приезжал в отпуск, было собрание у Никифора Никифоровича (двоюродный брат отца Артамона, брат деда), колхозное. На собрании стоял вопрос: «Как быть с попом?» Я был на со-

брании. Ведь церковь от государства у нас в стране сразу была отделена. И школа от церкви тоже отделена была.

Сейчас ведь все переменилось: в школе попы преподают законы божьи. Вовсе капиталистическое общество стало, хотя и говорят – социализм, а какой тут социализм? От попов социализму много не ожидай: Слава Богу, да вот Бог, да Христос!

Я как их ненавижу. Я учился, так меня поп, я частенько одену отцовскую рубашку, быват бил. И вообще все на него работали. Землю ему дали лучшую, самую лучшую землю. И обрабатывать народ ходил. Кто не любил, так того не мог заставить. Людям же крестить, венчать, хоронить надо, причащать, отпевать. Вот и работали на него.

На собрании решили: церковь закрыть, передать церковь советской власти. Школа сделана была, а сейчас клуб. А поп куды-то смылся *(Смеется.)*

Дочь у него была Глаша, со мной одного году. Да была Августа Михайловна. А уж не знаю, быват и не он был в последнее-то время?

Был Михаил Шангин с Едомы, кеврольский. А когда я учился, был поп Сидоров. Жена у них была Татьяна Петровна. Она с матерью жила в городе, уехала туда. Он удрал, после того другой поп был.

Я с армии вернулся, так был у Сидоровой Татьяны Петровны. У попа был сын, у Сидорова-то, Вася. Он кончил школу, выучился, выслужился в армии и стал офицером. Он старше меня был. Только вот что с ним после-то сделали? Не помню.

Авт. – Что вы помните о самоуправлении на селе?

А.А. – О, был староста Гаврила Трофимович Немытов с Горушки. Алеша сейчас, его сын, живет. Староста следил за порядком.

Авт. – Его избирали или назначали?

А.А. – Назначали, наверное. Выше из волости.

Авт. – Ему платили?

А.А. – Наверно. На его тоже выделялось. Пристав был. Но я не помню о них. Десятники были.

Авт. – А сходы были?

А.А. – Сходы были. Не только пользование земли. Когда весна, скот пасти, то собирают сход. Назначают пастуха. Сход договаривается, с какого времени, по какое ходить, сколько платить, как кормить самого пастуха.

Овцы ходили без пастухов. Изгороди тогда хорошо делали. Куда не надо, они не зайдут. Вот пустят на улицу, и они сами пасутся.

Авт. – Какие были орудия труда, и кто их делал?

А.А. – Кузнецы были. В Кобелево был кузнец, у нас тоже, евон была кузница. Кузнец – Иван Алексеевич Попов. Он все чинил и делал. Нет его сейчас. Да, приехал, построился и стал кузнецом. Поработал здесь и, наверное, перед колхозами и помер здесь. Я уже позабыл.

Точило у каждого свое было. Продавали. Возили.

Соха была, плуг после появился. Стала лучше промышленность выпускать. Плуги появились, когда я большой стал. Я плугом пахал, а то все сохи были.

У Ивана Никифоровича, у него сыновья были в городе, так они ему привезли плуг, так он с плугом жил. У него брали заимообразно. Борона была деревянная, а после стали гвозди железны колотить. Сено косили вручную, не стоя, а горбушей.

Авт. – А почему не стоя?

А.А. – А так заведено в нашем народе здесь. В центре (России) мало было горбуш, стоя косили, а у нас здесь принято горбушами. Стойки только нынче пришли, с колхозами стали появляться.

Авт. – А конные косилки, когда появились?

А.А. – Николай Егорович Козьмин первый косил на конных косилках.

Авт. – Когда это было, до войны?

А.А. – Да, до войны. Постой-ко, да, наверное! *(Задумчиво.)* Он поехал, народ выходил посмотреть. Тогда и конные грабли появились.

Авт. – А для коней сбрую, упряжь кто делал?

А.А. – Закупали. Это делало государство. И в старые времена закупали. А для ремонта здесь имели шорников. У каждой лошади все было свое и при колхозах. Шорник подбирал хомут-от.

Авт. – Лен сеяли здесь?

А.А. – Сеяли лен, коноплю. И единоличники тоже ими занимались. Женщины пряли лен, коноплю. Шукша – очесы от волокна, когда обделывают лен и коноплю, такой мелкий остаток. Его называли шукшей и тоже пряли. Из шукшей выткут какое-нибудь старое: половик на пол, погрубее.

Мать ткала и шила сама. Сукно делали из шерсти. Патриархальное хозяйство – все было свое. Я забываться стал. Вот раньше было – ничего не купишь, на всем своем живем.

Авт. – А раньше у каждого свой колодец был?

А.А. – Общие колодцы были. Артельный колодец – сколько человек создало, сами все следят. Вот у нас: Аксенья, мы, отец с матерью и Никита етта жил, тоже был пайщик. Дальше Игнатий Иванович был, не пошел, с матерью моею совета не было.

Авт. – Изгороди кто устанавливал и следил за ними?

А.А. – Как посеяли, так и идут на изгороди. При колхозе было распределено по бригадам количество, метраж. Столько-то той бригаде, столько-то другой, примерно одинаково. Тогда народ сам все делал.

Авт. – А до колхозов?

А.А. – Да все следили, подписаны были. Было для каждого распределено. И пожни делили так же самое.

Авт. – Амбары у каждого свои, а гумна, овины до колхозов тоже у каждого свои были?

А.А. – Да, у каждого свои были. Мало у кого не было.

Овин – это как изба, печка поставлена. И печка тепло нагоняет, и снопы насажены на жерди. Жердей наделано. Они не убирались. Истопят, насадят и сушат.

Гумно вместе с овином под одной крышей. Это большая площадка. Пол набивают глиной. Набьют плотный, хороший, и на нем молотили.

Авт. – А чем молотили?

А.А. – Кичиги назывались. Их делали из березы. Сук березовый и ствол березы распилят, расколят, и получалась плашка, за сук берут и колотят. Обмолачивали осенью, до октябрьских. Зимой сена возили из лесу.

Мужчины все были в лесу на лесозаготовках, потому что не дожить на своем-то. Деньги зарабатывали у лесозаготовителей. Лесозаготовители с Шотовой Горы – Кыркаловы, с Карповой – Кобылин, а у нас етта не было.

Никитинская волость была, в управлении ее были эти лесозаготовители. Леса были государственные, один лесничий был. Лес рубили и сплавляли, а они оплачивали.

У общины и колхозов были отведены свои леса для строительства и дров. У государства надо по лесобилету, а у колхозов лес-то свой. В колхозе следили за вырубкой: был свой лесник. Колхозный лес недалеко был отмежеван. Сейчас, я не знаю, где.

Сейчас ведь нет колхозного, сейчас ведь совхоз. В районе есть какой-то свой лес, помимо государственного.

Авт. – У вас были разные артели. Как появились, куда исчезли?

А.А. – Промартель – это советская власть организовала. Это еще до образования колхозов. Это ведь кооперация такая. Заготовительская организация, колхоз объединили – это тоже кооперация. Артель у нас долго существовала.

Сейчас в Карпогорах, сложное название, забываю, тоже из промартели образовался: одежду шили, сапоги шили, ремонтировали все.

Были сами по себе, никому не подчинялись. Валенки, например, валяли. Частники были, без артели. В артель не поступали. И кузницы были здесь частные: эта вот рядом. Николай Егорович (Козьмин) в колхозе все кузнецом работал.

Авт. – Уклад внутри дома, как распределялись работы между мужчинами и женщинами?

А.А. – Мебель самодельная: лавки, стулья, полати раньше были. А теперь редко. Я еще помню, избы по-черному топили в Красном: Андрей Игнатьевич да Григорий Игнатьевич. Без трубы избы. Кирпич делали сами. В Красном и Жабье свои делали: Леонтий Амосов делал, кирпичник Александр Иванович Попов – нашего рода.

В Жабье был завод – делали кирпич. Как делали кирпич? Лошадьми намнешь: такое в ящиках, глина и песок. Лошадью на-

мнешь, потом в ящички кладешь, просушишь, и все тут. Вперед высохнет в ящиках, а потом обжигали в печах. Кирпич хороший. Сейчас хуже.

Посуды раньше много было деревянной. Вот у меня дяди и отец с детства все этим занимались: ложки, крынки и чашки, и все. Вот Антон Медный (Амосов) медную посуду ремонтировал. Медная посуда была, ее в магазинах покупали. В центре были медные мастерские.

Питание: раньше больше ели мясо, а рыбу не все ели. Раньше ловили меньше: народ был совестнее, да и некогда: страда была. Как начнется, так некогда ловить рыбу.

Распределение труда: женщина – с животными, дрова – мужик. Дрова возят мужчины, сено возят мужчины.

Авт. – Деревни на вашей памяти были большие, а дома какие были?

А.А. – Дома были выше. Поветь надо: скотину все держали. Дома все двухэтажные. Это сейчас стали маленькие ставить. Двухэтажные: внизу низкие – зимой жили, наверху – летом. Горницы были, у девок наряд хранили. Отдельно одежду хорошу хранили.

Домов не уменьшилось. У нас на Заполек приехала молодежь нынче.

Авт. – Анатолий Артамонович, вы в школе учились, не помните, были там мастерские?

А.А. – Мастерские при школе были: шляпы соломенные делали, корзины плели из соломы. Ведь накрасят: красна, зелена, всяка. Туески, солоночки из бересты.

После гражданской были преподаватели специальные. Дмитрий Иванович Ветренников – инвалид. Ведь раньше инвалид, а все равно кусочек надо свой искать, пензии-то не давали.

Власть была высшего класса, господствующего. Инвалидам никакой помощи не было. В монастырь вон только и уходили. По обету жили. Больной идет в монастырь и года три там живет. Это или больной, или здоровые за больного.

Беседа третья

Авт. – Анатолий Артамонович, вот вы говорили о своем роде Алексеевичей. Мы так поняли, что у Павла было два сына: Кузьма и Алексей. От Кузьмы пошли Кузьмичи, сейчас от этого рода есть Анна Никитична Попова. А вот от Алексея? У Алексея было четыре сына: Иван, Алексей, Никифор и Марк, а дальше?

А.А. – У Алексея было 3 сына. У Ивана было 5 сыновей, еще дочь Мария. Она выходила первый раз в Жабей к Телициным. Эти Телицины-то здесь, из Красного. Все неграмотные.

Марк, тот жил в Жабье. Его сын, Артемий Маркович там сейчас. Иван Артемьевич – вот от них. Денис Маркович у них был старший, потом Николай, Артемий – третий, четвертый – Василий.

У Алексея Алексеевича сын Василий. У Василия Алексеевича никого нет, один был сын. Еще девушки, Анка да Танька. Они Васильевны: одна – в Пинеге, друга – в Шотогорки.

Из братьев моего отца только он был немножко грамотный, он работал в лесной охране объездчиком. Там все мог делать, всю жизнь проработал. Алексей и Василий были неграмотными.

Алексей был с одним глазом. Когда отец подрос, с отцом делали ушат, кадки, чаны, бочки, а Василий да Алексей баловались на повети. Василий нож бросил, да Алексею в глаз попал, и глаз потерял, и в армию не ходил, не служил.

Алексей прожил здесь всю жизнь, дочь здесь осталась. А сын Николай был у него со мной с одного году: я в декабре рожден, а у него – в августе.

У Ивана Никифоровича был сын Павел Иванович, он был муж Анны Карповны. Он был первый-то женат на сестре ее Ксении, Амосовых-то. Померла она, и осталось двое детей – и Василий Павлович, он председателем райисполкома работал у нас. А Анфиса Павловна, она нигде, ничего, уборщицей работала.

У Алексея-то больше тоже ничего, наверное, нет. Он в 24-м умер, молодым. Василий в 37, наверное, умер.

Наш отец, Артамон, умер в 42-м, здесь, дома, по старости. Он японскую ходил, германскую ходил. Здесь в гражданской участвовал, ничего не рассказывал.

Он вначале империалистической войны был ранен. Хорошего ничего не выбродил, только бродил. А Василий тоже был на мировой и на гражданской-то. Он после, когда нэп ввели в 22 году, крестьяне, деревня так зажила, так зажировала тут на нашем Пинежье, я имею в виду.

А государству-то хлеба-то давать-то не стали. И это везде так, наверное, повлияло. Город-от голодал. Партия, значит, тогда уж Сталин был, решил коллективизировать. И вот коллективизировали, которых добровольно, которых насилу.

Когда колхозы поднялись немножко, и были созданы отряды продовольственные для того, чтобы от крестьян отбирать излишки хлеба и отдавать горожанам.

Авт. – А у вас тут был отряд?

А.А. – Да у нас тут не ходил он. Был тут тоже. У нас етта Иван Никифорович Амосов да Василий Никифорович Амосов. У них побольше хлеба было, они похлебнее были, у них забирали. Так они у тех, кого поменее: «Вы не накопили хлеба, так не сдаваете, а мы накопили, так сдавали!»

Авт. – Но эти хозяйства так и остались здесь, их не высылали?

А.А. – Да. А Башкины и Беляевы были реквизированы. Башкины-то не все. Башкины большой-от род-от.

Федор Аристархович, ты не знаешь, вот большой-от дом есть у Якова Федорова-то, у Александры Федоровны? Это от того рода.

Но их не кулачили. У Башкиных еще Евсей был, вот Евсея того раскулачили. Евсей Иванович, Иван был Малофеевич, Аристарх Малофеевич и Николай Малофеевич. Дуня Башкина была, сейчас она есть. И все. В нашей деревне никого не было мужиков-то (кого кулачили).

Наш род-от сразу разделился. От Паши-то Кузьма был. Три сына: Тарас, Захар, Никита. Анна Никитична от этого рода. У них род не размножался. Вот у Тараса был Александр Тарасович, у этого Александра было семь парней. Сейчас ни одного нету. Все погибли да померли. Был от Никифора, живет продавец-от молодой у нас вот. Парень от Валентина Никифоровича сын. Валентин-от тоже молоденький дома умер.

У Захара было: Тимофей – умер; Егор – помер; Петр; Николай – утоп; Василий – на Великой Отечественной – пять сыновей. Василий погиб на войне, на этой. Николай утонул, из лодки вылетел выпивший. Егор Захарович, тут тоже у магазина дом стоял, женатый на жене Исаака Дорофеевича, тот помер дома. Тимофей еще на той войны, на империалистической, помер, погиб, не приходил домой.

А у Никиты, женился поздно, Марья умерла, еще девушкой была, только одна Анна и осталась (Анна Никитична Шехина).

Никита, Захар, Тарас были вовсе неграмотны. Вот так. Занимались только домом, землепашеством.

Авт. – Ваш отец объездчиком был, что он делал?

А.А. – Он почти все время был в лесу. От казны платили. Даром-то он не жил. Вот я, поэтому школу кончил в 22-м, 12-ти годов. А дома: пахать, сеять. Вот я с малых лет к сельскому хозяйству приучен.

Авт. – Да, вы говорили, что лес для строительства дома вывозили. Вам тогда сколько в год бревен давали?

А.А. – По 10 бревен. Мы четыре года вывозили, чтобы тут перед построить один, да там построить, один на другом были. Вот, я после учебы четыре года зимой лес возил. Еще 10 бревен у кого-нибудь брали, потом отдавали.

Авт. – А как в колхозное время лес давали?

А.А. – Тоже давали из колхозного леса. Государственный фонд, колхозный фонд. Леса-то колхозу не передавались, а только пахотные и луга, и она (земля) отдана была бесплатно на вечное пользование.

Авт. – А как вы смотрите на паи, которые сейчас выделяют?

А.А. – А ерунда все это! Заваруха сейчас будет, бедово дело! Гражданская война будет. Гражданской-то, быват, не будет, класс-от один, в основном-то, тружеников. А эти жадные чиновники-ти, против них будет борьба.

Авт. – Анатолий Артамонович, а как вы относитесь к нынешнему руководству совхоза, как их оцениваете?

А.А. – Демидов – лентяй, Сергей Федорович – еще больше лентяй. Не хочу с ним разговаривать! Высшее образование, а только как бы себе в пасть впихать!

Авт. – А вы не помните, кто у вас здесь был первый председатель?

А.А. – До меня был Ефим Егорович Телицин. Евгений был раньше. Я передал колхоз Алексею Прохоровичу Минину. Старый, партийный. Вера Осиповна была парторг. Минин умер во время войны, по старости. Потом был Вальков с Церковой – инвалид был. Был, пока я не вернулся с войны.

Беседа с Амосовой Анастасией Ефремовной

Деревня Красное 1993 г.

Анастасия Ефремовна (род. в 1925 г.) живет в доме родителей в деревне. Муж умер. У Анастасии муж не местный, когда он умер, ей пришлось возвратиться в родную деревню, жить с родителями, работать в колхозе. Сейчас она на пенсии. В Ленинграде живет ее единственная дочь. Внучка летом приезжает к бабушке.

Анастасия Ефремовна поет в самодеятельном хоре, самая высокая и крупная женщина. Рыжеватые брови и волосы с сединой, синие глаза, круглое открытое лицо. Очень приятная женщина.

Она ведет дневник, который никому не дает читать, говорит, потом, после смерти. Это сказали односельчане. Она рукодельница, все что-нибудь шьет. Беседа была полезной, она рассказала об одежде, о праздниках, о периоде войны, работе на лесозаготовках, об отдельных тонкостях сельской жизни.

Помимо того, что зафиксировано на пленку, Анастасия Ефремовна рассказала, что в войну за опоздание на работу на три минуты давали полгода тюрьмы, а за большее опоздание – несколько лет.

Авт. – А что такое лузак?

А.Е. – Шерстенной, это ткали когда для голяшек, не чиста шерсть, а основа – простая нить, а уток-от – шерсть. Вот здесь (у головы показывает) прорезь такую сделать, и в эту голову. Передняя подлиньше эк, пришивались там, чтоб вот здесь застегнуть. А задняя свободна, она закидывалась. И у передней спереду карманы, и у задней спереду карманы, с внутренней стороны. И вот когда на плечи ек-ту оденут, у нас-то кожаный и ничего. Здесь нашивалась кругом кожа, чтобы плечи не промокали: мало ли дождь.

И вот в эти сумки, карманы, и хлеба на дорогу положат, можно и на охоту ходят, птицу каку застрелил или мало что там попало. Или когда за грибами или що. Раньше-то не ходили по хорошей по-

годы, ходили когда дождь: «Ужо дождь сегодня, сходить хошь на бор!» А нынче: «О, дождь будет, туча, не пойду в лес». Кабатом берегли одежду.

Авт. – А у женщин кабат какой?

А.Е. – А кабатушки эти были коротенькие. Ходили осенью или весной. У кого было, то носили, вынужденно. Купить было не за что. Вынужденно.

Авт. – А что на голову надевали?

А.Е. – Шили тоже, как из портна. Портно бывает однозубица, и рядинно, и разно, ну кто какого брали. И вот шили из портна и такой, чтобы тут плотно было к лицу, как у платка, чтобы он там не выезжал никуда. Куколь называется. Она и от комаров, как шлем.

Авт. – А зимой какие шапки носили?

А.Е. – Кто каки. У меня отец, дак он большинство без шапки все ходил. Еще у него была домосшита кака-нибудь. Сошьет, таку и ходит!

Авт. – А женщины – шалюшки, платки?

А.Е. – Да, шалюшки, платки. Повойники носили, дак еще повойник ведь. А повойник, как замуж выходишь, в церкви венчаешься. Снимают повязку, если она в повязке, ведь не у всех повязка.

Авт. – А повязка – дорогая вещь?

А.Е. – Дорогая! И ведь это было как у богатых которая. У бедных не было повязки. У нас не было. Вот у Марии Михайловны Щербаковой есть, от Федосеевых осталась в наследство. А у нас ведь у мамы болели глаза, так дедушко оветился, что не буду ни шапочки, ни повязки покупать. А раньше-то, как дочка-то, ска́жут: «Кукушкой!» Как така-то (без повязки). «Шаль куплю шелкову, шаль суконну большу куплю, а повязки и шапочки не буду покупать, лишь бы глаза оправились».

Ак вот, как маму за стол привели, а тато-то ее шалью суконной закрыл. А летом, она говорит: «О-о-й! Я вся спарилась под этой-то шалью!» До церкви-то закрыту везли! А в церкви-то шаль снимают, когда повойник будут накладывать. Да там, что надето на головы, тоже снимают: платок там шелковый или шалюшка кака. Повойник одевают, и уж больше везут в повойнике.

У повойника так фасон одинаковый, только у кого косы-то, волосы больши, эти оглобельки как назывались, те надь побольше, повыше. У нас у мамы-ти косы большие были. Были красны повойники и такие, из парчи шитые. Белая бывает парча, желтая. Кружок он все кружок, разве от размера головы зависит. А оглобельки разные, от волос зависит. ***(Принесла повойники, и мы их рассматриваем.)***

Авт. – А можно мне померить или нельзя?

А.Е. – Пожалуйста, пожалуйста.

Авт. – А какие сарафаны раньше носили?

А.Е. – Набиванник, потом синяк, а вот под стать им китаешник. У него покрой немножко не так, еще вшиты. Тоже этта строки, как у синяка.

Авт. – А почему называли китаешник?

А.Е. – А не знаю. У меня приезжали из Ленинграда две женщины: «Покажи нам набиванник и синяк!» Я принесла им из амбара набиванник и синяк. Этот набиванник, подобру-поздорову, они не забрали бы у меня. Но просто пристали: «Продай, пожалуйста! Сколько я ни покупала, у меня фотографии есть, а такой расцветки я еще не видала!» Я бы его так быва и не отдала. Но только что? Мама у меня маленькая была, да еще и тоненька. Дак он мне и сюды-то не влезает (имеется в виду объем груди), да и короткий. На что он мне лежать-то? А сшить из него что-то, дак это во время войны, у кого дети были, ак шили! Вынужденно, ак нечего одеть: рубашки ребятам, да девочешкам хошь тако платье. А жизнь-то смотри эка! *(Смеется.)* Так вот! Продала я ей...

Авт. – Анастасия Ефремовна, а расскажите, как раньше праздники отмечали?

А.Е. – Песни поем, кадрели, восьмеры, сени, ручейком ходят. Жонки да женщины, как помоложе, водят хороводы по-старому, как по-нынешнему сказать ручейком, а по-старому – ходечами. Ручейком-то соклоняешься идешь-то, а тогда что, ведь одежда така, что потихоньку иди, плавно. Такими ходечами и ходят, обходят: идут, идут, там перейдут и опять, а потом уже с другой какой-нибудь идут, пары-ти меняют. И все с поклоном с распевом идет. Расходишься, хошь мы с тобой шли, расходиться надо: все уж с поклоном. Когда стали это к современному-то подходить-дак, не-е-елюбо матерям-то было. «Трясоголовы», – все етта скажут.

И песни пели. Стоят, ведь на это собираются, хошь на мечище или игрище, але как по праздникам называлось, но я етта сказать не могу точно, когда называлось мечище, а когда игрище. Я уж с 24 года, уж не застали их. Вот я на угорчике здесь, где тот дом стоит, я помню мечище, я видала его.

Много народу-то собирается: тут под гармонику пляшут, там под песню ходят. Девок-то много соберется. А жонки, сыновья-то которые, ходят, смотрят, невест себе выбирают, обсуждают: «И это вот та-то, та-то, та друга...» Ходят все, сзади-то изучают! *(Смеется.)* Платья-то! Прямо подходят. Тут или друга подойдет: «Ну-ко, одерни, у тебя что-то там...» Так невест выбирают.

Авт. – А что это за праздник бороды?

А.Е. – Дожинают, на дожинках споют, совьют бороду. Раз у тебя больше все жнитье, тоже поют песню: «Уж мы вьем, вьем бороду, завиваем бороду. Мы на ниве великой, да на полосе широкой, хошь вот Александра на поле да Фомича на широком, хошь так скажем, да у Таисьи там», – всех перечисляют.

Да вот когда сделали это, завязывают этот снопок-куколку и несут, кто соседи: «Вот мы вам принесли килу; я с дожину, у вас еще долго». Кто как обидчивы, а кто как бывают: «Ну, ладно, наша кила, наша и спорина».

Авт. – А кто последний и некому передавать?

А.Е. – А тут принесем, и давай все вместе помогать: «Давай мы немножко поможем, и дожин, смотришь, у тебя будет». А раз дожин, хозяйка уже бежит домой: на дожин каша надо! Кашу скорей сварить надо. Теперь-то плитки есть, так хорошо! А раньше плиты не было! Были разные печи в избах-то, да которая чувствует, что дожин будет, сготовит с утра. Да потом тут на дожине и всего-то вина половинку принесут, по капле достанется, а песен-то! Тогда уж и по деревне пойдут и тогда скажут: «Это дожин, дожин сегодня у тех-то, видишь, запели!»

Авт. – А куда эту килу потом девают?

А.Е. – А я вот не знаю. Жгать у нас как вроде бы и не жгали, ведь хлебушко! Разве что, как бывало, на другой год хранили. Вот канун, так он шел у нас по дворам. Канун бывает весной. Вот в Жабье канун, и у нас он. Если на этот год канун у нас, то на другой год мы передаем кому другому. Это варят пиво, собираются девки на поветях, как большие-то повети вот по-старому были. Если дождливо время, так играют на повети.

Авт. – А канун был перед посевной?

А.Е. – Перед посевной, перед сенокосами, вот народ вроде отдохнет тут... Сено поставят, тогда вот тут борода. И в колхозе отмечали: борода!

Авт. – И сейчас борода, вот трактористы говорят: «У нас борода!»

А.Е. – Это сами-ти мы говорим, а в колхозе-ти не празднуют, а раньше праздновали, когда мы работали. Наварят пива, скота били. Наростят солоду, наварят пива, побригадно обеды. Вот мы вместе собрали, дак всех много. В первой бригаде – у той, во второй – у той, в третьей – у той, животноводство отдельно. И вот придут, поедят. Колхоз тоже мясо забивали, давали, да-а-а...

Авт. – А вот народу здесь раньше больше было?

А.Е. – Конечно, больше.

Авт. – А домов, наверное, столько же было?

А.Е. – Домов-то, хошь в Жабье и убавилось, а вот тут-то появляются где. А народу меньше. Семья-то семья, а ребятишек теперь: один, два, три, и все больше. А раньше семь, да восемь, да десяток! Уезжать стали в большинство в послевоенные годы. До войны токо, кто вот кончит школу да поступать учиться уедут в Архангельск.

Авт. – А как их отпускали?

А.Е. – Ах, вот у нас уехала Тонька учиться на учителя, Хрипунова, так то с ней еще поехало. Так на учителей, быва, и разрешалось,

тогда уже советска власть-то была. Они в лодках. Купят у кого-нибудь лодчонку таку, некорыстну, и в лодке плывут.

Авт. – Может, самовольно уплывали?

А.Е. – А так-то куда кинешься, если ничто да ничего. В город-от приедем мы бараны баранами. Это теперешние дети, их с таких вот годов ничем не удивишь. А у меня мама выросла, умерла уж за 70 годов, а она дальше Марьиной и не знала, что там жилье есть. Ак еще, молодых-то лес-от плавят. Лесом рубят здесь, сплотят и плавят туда, там в Архангельске хошь каки заводы-то были или в Пинеге сдавать прямо. Вот здесь-то мужики плывут, из девушек, котора-то постарше, вот ту берут с собой помощником-то. Они иной раз скажут: «Плывешь, плывешь, а там на этих Тороминских плесах-то большой, а как пойдет Сивер (ветер), ак, сколько время стоим у берега-то! Не несет обратно ветер, так нету течения, не проносит».

Авт. – А во время войны что вы делали?

А.Е. – Я во время войны в 41 году уехала на лесозаготовки, от колхоза послали. Сначала на Усть-Охтому жили, потом в Поджелезники перевели нас.Поджелезники выше по Покшеньге; Сылога, а потом Поджелезники были. В Поджелезниках мы зиму докоптили, так-ту до 10 апреля колхозники на лесозаготовках. А когда вот эти морозы подойдут, дней на 5, 10 оставляют. Придет там бумага: «Колхозников задержать!» Ой, коль прискорбно-то!

Авт. – Ох, и что только эти ручки не делали, а такие тонкие, красивые?!

А.Е. – Ах, что, вот такие! Не всю жизнь работала... тяжело. Но они-то тяжеловаты, тяжеловаты, теперь вот болят все суставы...

И потом мы сколько-то тут поработали, сплав-от только начался, нарошный приехал: Александру Ивановну да меня как вызвали по повестке: ехать в Архангельск на 3 месяца работать в «Заготзерно».

Авт. – А что вы в «Заготзерне» делали?

А.Е. – Выгружали, баржи-ти с зерном приходили с Украины-то. Зерно-то вывозили из Украины как в тылы-от, вагоны-то хранилися в Архангельске... Перемалывали в Архангельске.

Авт. – А как вы сами питались во время войны?

А.Е. – На лесозаготовках в основном своим, а кадры – котлопункты были. А мы варили мусеночку *(смеется)*, из дома брали. Да посылки пошлют когды из дома, молока замороженного какого-нибудь, то творога, то испарят в печи кружочками какими-нибудь да напосылают, дак растаешь тут.

Авт. – А ничего вам не платили?

А.Е. – На лесозаготовках-то? Да, заработки были, деньги получали мы. Только что тогда так было: не выполняешь нормы – не выходи из леса! Вот, Господи, жгать-то сучья да раскатывать дорожку, то уже темно, так только от света этого, от огней. И часов десять иной раз домой придешь.

Авт. – А лес как вывозили?

А.Е. – Так дорожку-то готовили, чтобы лошадь-то шла. Навалим лесу-то, да распилим, раскряжуем, чтобы проехать-то, потом было. Скажут: «Еще дорожку, не пройдена!» А потом лошадью вывозили или по ледяношной дороге до берега. Если воз тяжелый, много не увезешь, дак дальня-то возка и не оправдывает. Ак на колхозных лошадях вывозили из стороны на ледяношной дороге. Ледяношна дорога, знаешь что тако? Она как рельсы, рельсы только наверх, а у ледянки только вниз, прорезано и полито. И вот тогда на лошадях вывозили-то, только сани широки со стойками, чтобы воз-от большой был.

Авт. – А коней брали своих колхозных?

А.Е. – А колхозны с нами, а там кадровы кони были.

Авт. – А чем колхозных кормили? Тоже с собой брали?

А.Е. – Колхозный корм. Были сеновозы и возили туда.

Авт. – Там расценки были?

А.Е. – Расценки. И разница еще в том, что хоть тут же наши, колхозны, лошади: одна лошадь хороша, ей можно кубометр навалить, а друга из стороны-то по снегу до дороги не тянет. И ей хошь полкубометра, хошь 70.

Авт. – А кубометр это сколько бревен?

А.Е. – Ах, толщина бревна. Ну, наверно, я забыла или не забыла? Если 6-метровые, да в вершине 18 см, так, наверное, 5 или 6 бревен. А может, я и забыла?! Лес рубили, выборочно. Если лесозаготовки, то подрост оставляли, чтобы не нарушать. И березы тогда не рубили, потому что сплав был, она все равно осяжала. И вот дровяных таких старались много не валить, только, если уж на дорожке, то уж тогда некуда деваться. Ну а почвенный-то слой, он на лошадях так-то не нарушался. И где не мешает молода сосенка или елочка, то ее-то не рубили. А пень-от, чтобы не выше 10 см чтобы был. А сейчас как табуретка! Коготки были, чтобы вся хвоя сграблена была, да сожгана. Коготки наподобие грабелок были, когда жгешь, это сучье обсекаешь, так дорожку-то пройдешь, так еще этим коготком чтобы ничего не было. А сейчас посмотришь, не зря пишут в газетах, что невозможно выс...ся.

Беседа с Щеголихиной Таисией Герасимовной

Деревня Кобелево, околок Холм 1992 г.

Выбор респондента. Беседа с Таисией Герасимовной состоялась по настоянию секретаря сельсовета Зинаиды Васильевны Щеголихиной, невестки Таисии Герасимовны. Живут они на Холму, в домах, стоящих друг против друга. Таисия Герасимовна живет в доме роди-

телей мужа, которые уже умерли. Умер и ее муж. Сын Саша, муж Зинаиды Васильевны, построил дом напротив родительского.

Если дом Таисии Герасимовны построен на северный лад, то дом сына построен по плану Зинаиды Васильевны. Вход сделан на север, а жилая часть имеет сплошную планировку, даже сени планируется сделать теплой комнатой. Внутренняя планировка и убранство комнат сделаны по-городскому.

Зинаида Васильевна окончила режиссерское отделение культпросветучилища. Ее дипломная работа состояла из постановки спектакля силами жителей деревень Красное, Кобелево на основе местного народного фольклора. Сделав интересную дипломную работу, вместо клубной работы Зинаида Васильевна после техникума пошла работать в сельсовет, секретарем сельсовета.

Зинаида Васильевна увлекается родовыми связями жителей деревень, входящих в сельсовет. Когда мы беседовали с ней на тему родственных связей, она подтвердила тот факт, что здесь все роды в отдаленных коленах перекрещивались и не один раз. Она предоставила нам много ценного материала для восстановления родственных связей поколений тех семей, которые мы изучали.

Зинаида Васильевна современная, интеллигентная женщина, легкая, подвижная, красивая. По служебной линии в ее обязанности входит регистрация браков. В день регистрации она идет в сельсовет особо нарядно одетая, со свежей, тщательно сделанной прической. В сельсовете служебный кабинет в такой день преображается. На пол стелют ковер, на столе появляются цветы. Мебель в сельсовете вся полированная. В день регистрации звучит музыка с обязательной мелодией Мендельсона.

Несколько раз Зинаида Васильевна приглашала нас к себе домой в гости. В доме у нее совершенной другой стиль мебели, расстановки этой мебели. В кухне нет русской печи, много керамики, дерева, современный кухонный гарнитур. Отдельная комната отведена под спальню, где стоит двуспальная кровать, это не принято в деревенских домах. Для двух ее девочек сделана двухъярусная кровать для экономии места.

Из кухни, окна которой выходят на южную сторону дома, Зинаида Васильевна собирается прорубить выход на веранду, которую тоже планируется пристроить. Здесь она мечтает пить чай в теплое время года, а перед окнами посадить цветы. Она мечтает создать свой бельведер, что совершенно ново для деревни.

Перед домом у нее небольшой цветник, где все время цвели какие-нибудь цветы. Это трудно выдержать в этих климатических условиях. Но Зинаида Васильевна любит наводить всюду свою красоту, без которой не может жить ее душа.

Она не стремилась заводить большое крестьянское хозяйство, но жизнь заставила держать кур, кроликов и дойную козу. Козу она завела из-за отсутствия молока и молочных продуктов в магазине.

Не раз с нами участвовал в беседах ее муж Александр, который работает в РУСе (районное управление связи). Его работа связана с разъездами на мотоцикле по линиям связи, установкой телефонов, устранением неполадок, ремонтом связи. Саша очень разносторонний человек, много знает, читает. Очень разговорчивый. Он нам точно сказал, когда появились автоматическая телефонная связь, радио и телевидение.

В рассказе Таисии Герасимовны раскрывается жизнь ее поколения, ее семьи в колхозе. Сейчас Таисия Герасимовна на пенсии. Кроме двух–трех зимних месяцев, которые она живет у дочери, остальное время она проводит в своем доме, где у нее идеальный порядок. Она занимается огородом, вяжет веники. Родом она из деревни Большое Кротово, вся жизнь ее прошла в этих местах.

Словесный портрет. У Таисии Герасимовны простое круглое лицо. Она светловолосая, голубоглазая, выглядит моложаво, полна сил и энергии. Родовое прозвище ее мужа Коза. Под этим прозвищем подразумевается доминирующий характер людей этого рода. А Зинаида Васильевна указала и на внешний признак мужчин этого рода. У ее мужа лобно-височная граница волос, высокий лоб придают выражению лица козий вид. Это же мы увидели на фотографиях мужа Таисии Герасимовны у нее дома.

Авт. – Таисия Герасимовна, как вы выходили замуж?

Т.Г. – Я и замуж не хотела совсем. Какой замуж?! Екатерину-то Ефимовну (Богданова) разве не знали? Вот она-то знает. Она-то старый обряд хорошо знает. Она в горенке сидит да причитает, что ты! Девки, тут девичник. А мы на улице все стоим, а она так плаче, плаче. А ейные подружки заходят к ней. Они в церкви венчались. Ведь в 32-м году. Дедушко у тебя там, в каком году еще церковь красил? В церкви отпевали еще. Помню, как все стояли. Помню, было, жито желтое, поле такое поспелое!

Авт. – А вы рано начали работать в колхозе?

Т.Г. – В колхозе хошь какой человек, да надо. И тут надо человек, хоть какой.

У нас мама крута была. Она что-нибудь заругается, ругает нас там всех. А тата скажет: «Да на меня разгорячилася, а на ребятах сердце местит!» Не заденет ведь ни одного! Тата жалел всех. Мой муж ни на одно собрание не сходил, все я. С собрания (родительского) приду, а он все спрашивает, что да как.

А потом Саша (сын) в Карпогорах в 10-м классе учился. Я туда приехала. Стою. Выходят учителя: «Вы Саши Щеголихина?» – Я: «Да!» – «Всесторонне развитый парень, очень способный». Саша вышел: «Ты что, мама? Да уж никто не ходит!»

А тут (Кобелево) все до 8-го класса ходят! Ну, ладно. Саша учиться очень хотел. Я его ни разу не заставляла и не смотрела: выполнены уроки ли нет? Все сам!

Раньше все пугали в деревне: «Не ходите в рожь, там полуденницы». Рожь вот у меня растет, нам все скажут: «Не ходите в рожь, там полуденницы ходят». Ведь это ходили или нет, а ведь ставни у домов. Здесь ставни у Анны Карповны, но это ей сделаны недавно ведь. Карп жил, так это он ей сделал, чтобы стекла не выбивали. Это от полуденниц, не ходите в рожь, там полуденницы, они вас защекотят. В бане, так там обдерихи. Тоже задерут. А чиликунами-то, Господи! Мы раньше с дедушком-то маму ждем с работы, рано повалимся (ляжем): он не дават керосину жгать, деньги все. Повалимся. Полати. Раньше ведь у всех полати. Нельзя долго кричать (болтать, шалить): «Не кричите, чиликуны, они даже щелью могут пролезть!» Мы все боимся тут. Что-нибудь нам рассказывает, так и уснем все до мамы. Когда придет, то и разбудить, а когда так и приспим.

Как и кататься. Вот заговенье пройдет, боле санки убираем, боле все. Заговенье зимой, оно по-разному живет оно по Паске. Паска-то движется. Масленное заговенье прошло, все, санки боле все убирают. Кататься счас нельзя. Укатишься в смолу. Вот покатишься с горки, расколется дорога, и в смолу. Крайно боялись, ужасть, разве будешь кататься! Горы делали, это катушки, на улицах. Ребята до заговенья ходят строят да поливают. Доски наложат, стоянку высоку, катались на санках. С подковами, с окладами и меленкой – во все стороны как покатишься!

Свекорь зашел в колхоз, а бабушка еще долго была единоличником. Ей была земля отведена, и она сама обрабатывала. И сенокос там был на Шилеге, и все сама, единолично обрабатывала. Она не хотела в колхоз. Середняки: корова, лошадь свои были. С кормами было трудно при колхозе, но корова была всегда.

Сейчас здесь столько травы, а раньше разве это увидишь! Это совхоз ведь начался, так как-то стало, а до совхоза, колхозы-то были, здесь скот ходил. Он здесь все объедал. Раньше уже с 5 июня уже скот на луга не пускали, и ростят траву под сенокос. Скот уже ходил по улицам, а у нас аж до Кировский гоняли. А он о бережину так и пасся ходил, все времечко, пока не поставят тут наволоки. Все вот так водили. Ак, домой-то надь травы-то принести, ак, все в кусты-ти лазили, так и то где-нибудь поймают и отберут. Вот Богданов был, я уж больше не ходила.

Бабушка у нас несла кошель (с травой), так он: «Марья Архиповна, ты что это делаешь?» – «Травы несу!» – «Положь», – говорит. «Нет» – она така ведь скажет, шустра бабка, мне ведь не сказать ни за что. Она на матюк его: «Я, – говорит, – тоже пить и есть хочу! Я ни пенсии, ничего не получаю, я тоже пить хочу! Понесу и все, не засудишь меня больше!»

Авт. – Это в колхозе создавали такой фонд, чтобы продавать сено?

Т.Г. – Так то ведь если есть, то продавали, продавали. Муж мой, Ваня, он у нас специалист на все руки... И вот каку-то все несли. Так

любой ведь делает. У нас и свет первый загорел, нигде еще в деревне не было. А он достал движок, и у нас от движка три года жгали свет, а в деревне нигде не было. У нас у одних. А машина стиральная, он пошел к председателю сельпо Некрасову: «Мне надь машина стиральная». Он говорит: «Иван Васильевич, у нас никто такого и не заказывал еще, никто не поминал. Не знаю, дают нам или нет машину». Ну, он им заказал. Первый год им что-то не дали, что свету нету. Ваня на второй год заказал. У нас ведь товаровед-то ездит отбирает товары-то там: в Архангельск, в Котлас. На второй год дали 5 машин от сельпо. Дали 5 машин нам, ну вот мы одну взяли. Марк Ефремович был товароведом тут. Ваня купил и весной на рыбалку уехал с ребятима-то. Он все спрашивает: «Стирала ли на новой-то?» Я: «Не-е-е! Вани нету, я тут ничего не знаю. Ужо приедет, так тогда! А сейчас я ничего не знаю!» А машину (стиральную) тогда купили, а мама в Кротово все: «Господи, Тайка, все говорит денег нету, а тут машину! (видит, брали) Неужели тебе еще самой не выстирать, такая молода?!» Первый раз выстирала, мне понравилось, все хорошо. Второй раз выстирала, они с озер приехали, да все тако грязно. Выстирала. Не-е-е, лучше в сто раз руками! Он: «А чего не машиной-то?» Я: «А у меня, Вань, немного, дак!» А потом стала стирать машиной, занравилось, хорошо! Руками-ти, ладно, а потом даже понравилось. Стирать на досках-то, рубешком эти! У нас тут одна женщина: «Купим на двоих одну доску! Дорого одной-то! Дорого одной-то, так хошь на двоих купим!» *(Смеемся вместе.)* А вот ему все равно. А я как ведь настираюсь, все руки розна (разодраны): пузырьки-то и изо всего кровь текет! Он уж труд облегчать-то страшно все хотел!

Авт. – Вы самые первые начали стирать на машине?

Т.Г. – Самые первые! У нас все на свете первое! Моторы разве были на лодках? Разве знал хто, что бы шестом не пихаться? Первый у нас. Все бежат: «Господи, Ванька, поехал и не гребеться, и ничего! Лодка сама пихается!» А пила? Пилу-то как смекали?! Я с работы... не хочу, у них етта приедешь: вывезут холмы этаким долготьем: таки хонки! Две чурки отпилят, истопят, а на завтра опять пиля. Я так этого не хочу, хочу, чтобы все костер. Я с работы прихожу: воду возила на скотный. Приду и все весне пилой. Пилю, пилю, напилю и костерец поставлю. И вот он задумал пилу смекать. По частям все доставал. Одну часть выписал, там где-то в Лешуконье доставал, 200 рублей надо было. Так я вся расстроилась: «Ваня, хоть бы ребятам чего-нибудь купить. Кто слыхал, чтобы дрова чем-то пилили, чтобы не пилой? Никто и не видал экой беды! Не выписывай, ты не доставай!»

Нет, все равно! Достал, сделал, все собрал, движок, пилу эту. Этих хонок навозил, сделал лестницу с катками, хонки эти закатывал. Я ему подпихиваю, а он чурки реже, реже... Вся-я-я деревня сбежалась сюда, все смотрят. Вот беда-то! Дрова ведь не надо пилить! Сам тут пилит у его! Пихала. Сам-от сказал: «Ты аккуратней

пихай тут, чтоб голова у тебя не попала под пилу!» Вот у нас все, все перво. Только что, где, чего – у нас все перво!

Авт. – А телевизор, радио?

Т.Г. – А у нас раньше радио не было, а у них-то уж был приемничек-то! Мы сидим, слушаем, какие там новости. Сколько он их тут переделал, так ужасти! Ребята потом стали, Саша (сын) тут все стали эти приемники собирать! Собирали столько, сейчас там все завалено, все брошено! Сейчас оно не нужно, а тогды им страшно было все нужно! Все перво у нас. Зависть ведь людей берет. Страшно! Ну-ко, и председатель ходят тут мимо. Тут они какие, и мы тут со всем живем. Вот жизнь така и шла...

Авт. – А у вас тут на Холму народу жило много раньше?

Т.Г. – В каждом доме жили! Все дома-ти! Пусты только, а были полны: по 5–6 человек ребятишек все было! И в каждом доме была корова. Я пришла, у всех были коровы. Одни старые осталися. У нас вот тоже все взрослые выросли. Зина (невестка) тут с Сашей осталась. А у Ворониных, вон за дорогой, нынче хошь приехал сын, дак и то толку. Тоже пусто было, а пятеро детей было. Старые оба все жили. Все при мене умерли.

Авт. – Таисия Герасимовна, а там, в крайнем доме Ушаковы живут, да? Они раньше здесь жили?

Т.Г. – О-о! Их ведь раскулачивали. Их раскулачили. Они на той стороны, где Дьячковы-то живут, тут была избушка така. Их раскулачили. И бабушку, и детей вот в ту избушку поселили. Егор-то тут жил, а Анна-то из Кобелево. Раскулачили Егора-то. Он с Околку. Они кожу выделывали, у деденки мозоли с рук не сходили. Господи, все розна етта кожа! И вот из-за чего раскулачили?! Их ведь обех и угонили, Егор где-то там, в тюрьме и умер! А Анна-то еле-еле пришла, кости-то одни притянула! И так вот как-то и выжила, Господи!

А я как пришла и раньше, все дружно жили. И теперь не скажешь ни на кого, все ходили, все дружим. И что бы с кем-то кто-то поссорился, не скажешь, не-е-е! Выручат всяко и все на свете.

Авт. – А вы с Усть-Покшеньгой одна бригада была?

Т.Г. – Да, одна! Пальцовка с нами была. А Кобелево отдельно было. А потом все совместили, и последнее время все одно, вместе были.

Авт. – А что у вас на Холму было, скотный двор?

Т.Г. – У нас только телятник был. А тут чуть подальше, к Околку был скотный двор и конюшня. Лошадей было... около 20 лошадей.

Авт. – А когда их разорили?

Т.Г. – Да когда же? Уж при совхозе, годов 20.

Авт. – А телятник большой был?

Т.Г. – Я ведь обряжалась на телятнике. Я от Лидии Ушаковой сколько? 45 теленков приняла. Мне 20-дневных привозили. Увозили и на мясо, и на ремонт телок шли. У меня привес был хороший. Откармливала бы, да корм-то задавают разве? Нормочку-то уре-

жут, чем кормить-то? А эти маленькие, все же привес лучше. Поили вручную, в ведерках носили. Грели сами. Вот если 20-дневного приведут, надо все вскипяченное им! Вскипятить, заварить и кажному, кажному надо в ведерочке поить! Вот у меня маленькие были, их надо и днем напоить, большие-то были, их днем-то не поили, их два раз только надь. А тех 32 теленка было. Уж утром обряжу, а потом в обед опять надо. Три раза в день. Все бегала, вот...

А вот Иван Игнатьевич был, когда председателем, а мы жали. А лето-то сухое, нажато много снопов-то это. И вот Катерина (Екатерина Ефимовна Богданова, бригадир) говорит: «Будем класть!» Нужно в кучи класть, пока суха погода. А Иван Игнатьевич (Тыркасов), ух как, в контору вызвал: «Ох, что ты делаешь? Надо жать, пока сухо, надо жать!» А она все равно не послушала, класть и все тут. И все мы кучи переклали. Жать-то, она на корню стоит, оно не гниет. А дождь пойдет, и все; замокнут и не складешь. А мы кучи кладем, а она говорит: «А меня поругали уж сколько, а я все равно свое дело знаю!» Да, опыт. Она бригадиром хорошим была.

Господи, раньше жнем до темени глухой. И коровы у нас там ходят на Острову, за речкой. Жнем, уж, когда сбегаем подоим, пока скотницы доят, так в то же время. Косилка, эта жнем, так постоит там, на Усть-Покшеньге. Дойники-то с собой берем. Подоим сходим. А иногда и жнем, и скотницы подоят (их частных коров), и пойдем темно, коровы все разойдутся. Зовешь, зовешь и где-нибудь, и прибежит своя корова, и подоишь. А темень уж глуха! А потом стал совхоз, так это ужасти. Выйдут в 9, в 5 бежат с пожни! Самая бы гребь, самая гребь! (Самое время сено грести.) Раньше нас каких-нибудь 7–8 бабешек ходит, и мы этот весь этот Остров поставим вручную ведь! Косят на конях, гребем. Грабли только, да все гребем да подгребаем. Мужик тут есть какой-нибудь метать (стог). Все поставим!

А сейчас ведь оставается под носом. Просто не поставят! Трактором проедут, на завтра придут: поворочают, повернут и сидя. Пока ждут, сидя, смотришь, и дождь запал. Все повернули и поехали опять обратно.

А мы раньше видим, что дождь! Мы бегом бегали: хошь в кучки скорей складываем. В кучи наложим, наложим в кучи, а кучи так только сверху, как дождик. На завтра придем, а дождик сверху, а там сухое сено. А тут ничего. Ни у кого ничего не болит. А нынче уже через чур пошло, это ведь бедово дело! Только лишь не робить, а деньги получать. А раньше платили нам ведь что? Гроши ведь! Так работали и ничего не платили!

Семья вот это живешь, ак год ведь проживешь, только сходишь там, на мыло, да на спички, сахару купить там, дают тебе десятку или две. Берешь, берешь весь год. А конец года расчет будет, и в долгу останешься.

Авт. – А когда денег не было, а трудодни заработаешь, то что давали?

Т.Г. – Там сколько-нибудь грамм хлеба на трудодень. Сколько у тебя трудодней в году, так столько тебе пойдет хлеба. И там картофеля сколько-нибудь.

Авт. – Если своего ничего не держать, то и с голода можно было умереть?

Т.Г. – Да, да. Свое, вот все свое. И хлеб. Вот у меня ребята были, сходим в магазин и как буханку купим, таку черную. Так домато житник, дома-то житняя мука, да ржаная, такой хлеб. «Не ешьте ужо, с чаем хошь выпьем!» А чтоб белый хлеб да намазать маслом. это тут что ты?! Что ты, бабушка: «Вот еще выдумали быть с белым хлебом, да маслом помазать еще?!» Свое раньше масло делали. У нас корова, я вот пришла, у нас хороша была корова! Мы молоко носили, вот все молоко маслом платили. Жирность-то у нее хорошая была! Маслом-то опять, а простокваша-то себе, знаешь, как хорошо ведь! Ведь не обрату этому чета! Тут и творог поставишь, и простоквашей все едим. А масло все копили. Накопим, накопим, сдадим и опять дальше. Бабушка накопит, круги таки, и снесет на маслозавод.

Авт. – Я так поняла: все вопросы решал председатель, а что от бригадира зависело?

Т.Г. – А сначала бригадир, а председатель все требовал с бригадира. Но у председателя последнее слово, как он решит. Бригадир по бригаде, с народом все. Бригадир получал: сколько дают трудодней там на месяц. Ему не было так, чтобы деньгами, а сколько трудодней. Бригадир все учитывал. Сейчас и половины земли-то нету. А мы раньше плугом и пашем: «Ты сколько-то соток, сколько друга». И она все ходит по полям и мерит это.

Раньше сельсовет как-то кто зна, не знаю как... Сейчас вот все на сельсовете лежит. А раньше все только в колхоз, что ты там за сельсовет, зачем он тебе? Только браки да налог платить. Налогито все в сельсовет платили. Там у них агент свой был по налогам. Это все в сельсовет платили.

Авт. – Таисия Герасимовна, вы в Кротово жили и здесь, чем эти деревни отличаются?

Т.Г. – Место другое. Я в Кротово пожила, мне очень нравилось. А потом здесь и в Кротово хочется. А потом здесь пережила и Кротово – не-е-е, не-е-е. Ак давно уж здесь.

Беседа с Щербаковыми Александром Исаковичем и Софьей Николаевной

1992 г.

Выбор респондента. Александр Исакович (род. в 1907 г.) старожил Кобелево, живет с женой в доме родителей. Софья Николаевна

(род. в 1911 г.) из деревни Шотовая Гора, на другом берегу Пинеги, оттуда видна Кыркаловская церковь. Они живут в околке Кобелево в старом двухэтажном доме.

Александр Исакович умер в 1994 г., а Софья Николаевна – в 1999 г.

Словесный портрет. Александр Исакович – старик небольшого роста, чуть согнутый. Лицо небольшое, черты лица мелкие. Темноволосый с сединой. Глаза голубые, посажены глубоко.

Софья Николаевна – обаятельная, прекрасная рассказчица, певунья. Круглолицая, приятной внешности. Она крупнее мужа.

Они живут вместе и как бы соперничают друг с другом. В доме чистота и порядок.

Авт. – Расскажите, что вы помните о революции, гражданской войне?

А.И. – Я в ЦПШ 4 класса окончил. Одиннадцать годиков мне было, когда революция была. Что помню? А плохо было в смысле снабжения продуктами. Ничего нет. Война есть война. Плохие условия были. Тоже учебников не хватало, тетрадей не было. Писали на досках, грифельные доски. Я в четвертом классе был в 1917 году. Сучкова учительница была в классе. Она тридцать годов, наверное, учила. Умерла. Хорошая учительница. Я при ней закончил четыре класса. А так-то всех я запомнил, что же менялись они, разные были. Закон Божий первый урок был. Преподавали математику, славянский язык, часосолов. Это я все изучал. Трудно, конечно, было. Поп Бенедикт был тогда, преподавал тогда. Первый урок его был. Первый год трудно было, а потом втянулся. А некоторые ребята тоже старались, но что же? Баловались.

Авт. – А этот дом чей?

А.И. – Дом родителей, в 24 году перестроен перед. Деда моего не помню. Отца дату рождения не скажу, а в 1936 году умер. В Кобелево умер, без меня. Я в Архангельске работал. Я съезжал, он уж заболел. Все собирался ко мне приехать. Мать-то приехала. В 1939 году еще взяли на финскую войну. Мать приехала туда (Архангельск), проводила. Год пожила, и ну что 300 грамм хлеба? Паек. Сейчас тоже. А нам, как рабочему, 500 грамм. Она сюда приехала с сыном Петькой к дочери в Красное. Сестра, Калисвенья Исаковна, у магазина жила. Дочь Анка у ей была, теперь в Карповой. Александр и Калисвенья – только двое детей у родителей, остальные умирали. Пятеро умерло.

Авт. – А где и кем вы работали?

А.И. – После школы всю жизнь работал столяром.

Авт. – А где научились?

А.И. – А я – при школе, тогда при ней были мастерские: столярная, сапожная, вязальная. Сегодня в ту сходишь мастерскую, на второй день – во вторую, етта в третью. Все должно тут было.

Авт. – А в вязальной чему учили?

А.И. – Вязальная? Тапочки вязали на особом станке.

Авт. – И вы все умели?

А.И. – Я с малых годов учился на столяра, инструмент свой был. Все сам в доме сделал: и мебель, и рамы. Все сам. Рамы современной двухэтажной школы – это все моя работа. Я 10 годов проработал в промартели в Карпогорах. В Архангельске Дом советов последний этаж закончили. Он, знаешь, на Павлина Виноградова (одна из центральных улиц города), четырехэтажный, рядом почта, а сзади дом 14-квартирный. Четыреста с лишним комнат, а там украинцев, высланы были... Они в колхоз не вошли, тогда их сюда прислали. Питались в отдельной столовой. А нас таких вольных столяров было всего два человека, а остальные все присланы: украинцы и поляки. Украинцев большинство. Часто и с семьями. Я – профоргом. Как дают билеты, я как вольный тут один. Я потом перешел работать в гортеатр столяром.

Авт. – Александр Исакович, а вы на войне воевали?

А.И. – Вперед финска – она 11 месяцев была. Отечественная – взят я в 41 году. И первый год пришлось мне на Карельском фронте. Десять месяцев в госпитале отлежал: руки, ноги – все прострелено, просверлено: разрывная пуля. *(Показывает рану на руке, вернее, рубцы.)*

С.Н. – В задницу-то попали! *(Смеется.)*

А.И. (не обращая на нее внимания) – И руки, и ноги прострелено, еще счастье, жив остался, да и все шевелится. После госпиталя опять на передовую. Эту Украину, и вдоль, и поперек истоптал ее. До заграницы не дошел, не в ту часть попал. Из госпиталя выйдешь, обязательно в другую часть попадешь, та уж далеко ушла.

Авт. – А с Софьей Николаевной венчались?

С.Н. – Последний венец был. Здесь мы венчались, но только не покшеньгский поп нас венчал, а шотогорский. Покшеньгский за рыбой уехал, сам удил. Мне: «Потом!» – говорят (обвенчаетесь). А я: «Если венчаться, то на разу (сразу), а то потом венчаться не буду». Шотогорский поп сюда приехал. Церковь небольшая. В Шотовой была большая деревянная, сгорела. Ребята помет брали и сожгли. А каменную Кыркалов строил. Один купец был. У церкви опока была, мел. Дак мы малые ходили, эту опоку брали. Дом Кыркалова там, на низу, так мы в школу ходили в кыркаловский дом.

А.И. – Он – лесопромышленник, лесом торговал. Были у него рабочие. Революция началась, был поп Бенедикт (имеется в виду Кобелево). После него был на приходе Шангин Павел. Старичков Бенедикт, раньше у мужиков деньги были: серебро, золото, это не то, что бумажные. Он на храм божий собирал у них, у старичков таких. Старики вообще копили сбережения. Теперь сберкассы, а раньше куда?

С.Н. – Было! Золото на книжках.

А.И. – Это богатые! А средние на какие книжки?! Как заработаешь, когды все свое было! Раньше: жито свое насеем, муку свою намолем. Репа своя, картошка своя, не продавали. Мясо, молоко, масло – свое. Спички, керосин, сахар – это привозное.

Одежда: и свою делали, и покупная была. Сукно свое делали. Шелковые сарафаны, косынки – покупные. Дают тому, кто на заготовке выполнит план, задание. Им дают мануфактурой. Ну, а я не работал (на заготовках). Тут у меня один продавцом работал и заказал мне буфет. Я ему – буфет. С него – рубаху и денег. Что дают (т.е. сколько дадут). И другой так. Тогда привозной мебели не было.

Авт. – Вы не знаете, давно ли Кобелево существует?

А.И. – Давно.

С.Н. – Давно-давно. Я от стариков слыхала. Кобель и Агафон веревку тянули: который перетянет? Кобель перетянул, и Кобелево стало, а Агафон там остался (Агафоново – околок Лохново за рекой). Кобелю надь сюда церковь строить, а Агафону надь туды. Они зашли кверху и спустили икону: куда икона пристанет, тут и церковь построим. Икона сюда вот и пристала. Я это слыхала от старых людей. Здесь приход стал Покшеньгский. Летняя церковь Никольская, а зимняя – Георгиевская. Летняя сгорела. А восьмигранник с колокольни в Жабье клубом был.

Поженились мы в 29 году. Уже начались колхозы маленько. Свекор в колхоз не пошел, он-то столяром был. А я со свекром туда, наверх поехала сено ставить, там нас сенокосом-то наделили.

Авт. – А сходы были?

А.И. – Сходы были. Десятник был. Сегодня я десятник, потом другой, чередовались. Десятник на сход оповещает. Сходка называлась. Собирались в домике, на месте почты стоял. Вот мы там и записывались. Место сбора – старый клуб. Я вот в первом классе учился, школа, где почта, была, а старую на дрова распилили. Только что достроили его, этот дом (почта). Отделка-то уж при мне была. Фундамент каменный такой, там грунт слабый: болото было. Мастер на квартире у нас жил.

Авт. – Отец был столяр, а крестьянским трудом он занимался?

А.И. – Отец занимался крестьянским трудом: корову, лошадь, иногда теленка скормят. У нас расчистки были. Сами чистили: 80 соток у нас было. Навина. Сами копали, своим трудом. Это только навины 80 соток.

Авт. – А надел какой был?

А.И. – Надел, не помню, сколько. Раньше ведь на женщин надела не было, только на мужчин.

С.Н. – Я уж была, тогда на меня были. После революции: я уже женщина стала человеком. *(Смеется.)*

А.И. – Да! Теперь они стали равняться с мужчинами. Раньше женщина родит, муж доволен: сын родился! Надел дают. А девочка родится – ничего не дают.

Авт. – А какие вопросы решались на сходе?

А.И. – На сходе – наделы, подати. Какие порядки, беспорядки обсуждались.

С.Н. – А еще плеточками лупили, своих, нет чужих...

А.И. – Это в интервенцию. Один – в Красной армии, другой в – белой: сын и отец. Брат на брата шли.

С.Н. – Кто плетками? Лупили Андриянову-ту?!

А.И. – А они против власти были. Сходку собрали в избушке, матроска жила такая. Десятником у меня еще отец был. Наши красные там, к Верколе, отступали. Белых отогнали и пришли сюда. Собрали сход: кто против власти? А у меня дядьки были: Абрам Егорович, да Демитр. Ну, собрание сделали, а там уже намечено было, кто против власти. Тогда еще был красный поп. Тот удрал: деньги в кармане. Наши дом-то оцепили, а он чувствовал и уже скрылся. Семья еще осталась, а он сам уже скрылся. Человек 5–6 уже намечено против власти, уже знали про них. Им постановили на сходе, кому сколько розг. На улице скамеечку поставили и плеточками раз. Напротив Флавиана расстреляли Николая Архиповича: вывели из дому и штыками закололи насмерть. Не старый еще (был). Не знаю, за что! А которого в прорубь пихали? Архип Акимович – его в прорубь живьем наши. Соседи тут, 2-этажный дом был. А управа была. Когда наши отступали в Верколу, они заняли управу. А этот Архип Акимович, он не отступал. Наши пришли, а он против пошел вилами. Ну, его в прорубь запихали, и все! Тут, когда до Карповой фронт дошел, красных наших, их уже били тоже крепко. Многих побило. Здесь у белых интервенция, их прогнали. А они второй фронт: оттуда пришли, с Земцова. Там англичане да еще какие-то американцы.

Со всем они: вооружение, одежда вся полностью, оттуда на собаках, на нартах. А у нас сил-то того, еще мало. Ну, и еще тогда в старом переду пушка стояла перед окошком. Они ехали туда по направлению к Земцово. Надо отстаивать. Там пулеметы поставили на колоколенке. Сумкин был здесь, он как красный партизан считается. Миханя из заречья (Лохново), теперь его живого нет. Михаил Сумкин из Лохново. В Земцове крайний дом весь изрешечен. Стреляли-то ведь 18 км до Земцово. Они стреляли из винтовок, 5 км. На Нембас (приток Покшеньги) прогнали. Со всей провизией – в реку. Обратно удрали. Прогнали, не дали пройти сюда. Организовали как партизан таких молодых ребят. Все таких с деревень.

Авт. – А какое вооружение было?

А.И. – Како вооружение? Винтовка и та одна на двоих человек. Надо бить, а нечем. Да что! Во время Отечественной винтовка одна на двух человек, а бить нечем, патронов нет. Они же быстро на нас напали, у них подготовлено все было. А у нас первые годы одно ружье на двоих. Так было. В финскую тоже плохо было, мы не готовились. К Отечественной мы не готовились тоже.

Во время войны я в гортеатре работал. Митинг у нас был. Михайловский выступал: «С Германией заключили договор о ненападении». А через несколько времени я подхожу, Молотов в рупор говорит: «Началась! Киев уже начали бомбить!» Ну, с ребятами выходили, я говорю: «Ребята, придется нам воевать, не миновать!» Пришел домой на квартиру, уже время поздно. Повестку приносят. «На, – говорят, – распишись». Десять часов уже. Я только, мы тут еще чекушку выпили на двоих, на троих. А из деревень уже набор делают, мобилизуют. Партию за партией ведут: как скота на убой. Вот так пришлось четыре годика на пятый. Я еще год там работал. Меня в старо производство забрали.

Пешком из Архангельска, пять суток пешком. Проезд только весной по большой воде. Не давали расчет. На почтовых конях тогда от станции к станции. От станции к станции так и ехал: конфеты, мелочишко дашь, и дальше. Почту свезет, и он порожний едет на лошади. Ну, так я и добрался. Станции шли по старой дороге, по той стороне Пинеги, где телеграф, где Марьина, по той стороне Пинеги. Последний рейс переход. Я реку переехал, уже распута.

Авт. – Александр Исакович, а в Кобелево жили разные роды, фамилии, или какие-то одни?

А.И. – Я помню, только три фамилии были у нас в деревне: Щербаковы, Щеголихины, Амосовы – это Кобелево. Шехины – другой околоточек, 5 дворов. От столовой пойдет Шехино, Егор Шехин. И поля шехинские. В Шехино жили только Шехины, 5 дворов. Дорога отсекает – это Кобелево. Поля свои. Пальцовка там, где почта, школа, церковь, Щербаковы там. Потом Холм, Околок, Усть-Покшеньга.

С.Н. – Околок небольшой сейчас, все разъехались. Ой, раньше, сколько тут народа было-жило. А сейчас: полтора-тарара. Сын наш (младший) живет в Карповой. Старший из армии не вернулся, говорит: «Ты живи дома. Нас нет, так хоть ты родителей навестишь». Так он и решился, младший, Колька-Долгарь. А девки, что они, девки дома-то и не живут. Они только наведываются» (во время разговора Коля с женой приехал из Карповой и стал помогать по хозяйству: носить воду, дрова). Коля-Долгарь, длинный. До войны маленькие (были): дочка маленькая, сын маленький; а после войны: Наташа повыше, Алешка выше, а этот – долгой!

Колька работал, старший – к сену (ездил). А после армии не вернулся, там остался на военном. Прапорщиком на сверхсрочной – 20 годов он. На пенсию пошел в Апатитах Мурманской области, ему квартиру дали. На первой я была, а сейчас другую дали. Говорит, хорошая квартира. А вот жена-то умерла, а он и не женится.

Все нам пособит, наробит. Два раза на год: в мае сей год приехал, в июне уехал, пензию получат. А потом опять, все ладом, так приедет, наведается, если все ладно.

Этот Колька в Карпогорах, жена карпогорская. Полдома куплено. Снизу сами-то да отец с ними больной. Вот она и приехала не

надолготенько. А он останется: надь столбы делать, огорода перегородить. Старший-то воротца делал, а Алешка, средний, приехал, красить заставили. Все помогают что-нибудь. Пока мы живы, так делайте хоть нам, а там как хотите. Пока мы живы, ни на кого нам дом не отписывать. Помрем...

(Софья Николаевна с воодушевлением, блеском в глазах начинает рассказывать, какие праздники были в ее молодости.)

Авт. – Когда собирались мечища?

С.Н. – Мечище бывает в день Богородицы, 19, престольный праздник на Покшеньге. А у меня мать из заречья брана (Лохново). Так я туда ходила. Там большо мечище было. В праздник, Богородицын день, в первый день девки придем, нарядим... Наряды завертим, идем пешком. Ну вот, придем: девки, ребята собираемся. Утренне мечище. На улице определенно место есть, знают все, век в одном месте. Все идут, тут ведь раньше не танцевали. На утренне мечище в талью блузки, кофты одевали. Походят имками, ходят так пара с парой. Вот я с парнем иду, дойду, распущусь и опять, снова захватишься и идешь: по одной стороне и по другой. И песни поют, стоят все: в ряд станем, и девки, и ребята поют. Походишь. Опять девка парня берет, не раз пройдешь: там сколько-то пройдешь. А потом парень ту девку опять берет. Сколько вот пробудет мечище утренне, разойдутся.

Все разойдемся по домам, потом будет денно мечище, то уж хорошо. Тут наряжаются девки в повязках (очень дорогое украшение на голове, не у всякой девки было), в шелковых сарафанах, в шелковых платках. Загульно мечище, жонок придет (жонка – замужняя женщина), загульно будет. Это уж днем, часов с 12 до вечера. Дневно. После этого разойдемся. Те же разойдемся, имками ходят. Парень с девкой по деревне пройдут недалеко и опять обратно, с той и другой. Он может ту и другу брать. Парень девку водит. Потом это ведь денно кончится, домой сходят. Не домой, а к своим. Поедят, попьют, будет вечерне мечище. *(Смеется.)*

Тут потепле оденешься. Те же блузки или ишо що оденешься. Тут же вечер светло, не очень уж темно часов до 12 (здесь край белых ночей летом, солнце не уходит далеко за горизонт). Тоже ходят. Пляски были, так и станцуют. Только что в шелковом сарафане не станцуешь, оно ведь до пят.

Авт. – А что танцевали?

С.Н. – Кадриль. Парами. Тут двое, парень да девка, и там парень да девка, и насукося парень да девка.

Авт. – А играли на чем?

С.Н. – На гармошке и балалайке. Александр Исакович, он делал балалайки и сам играл. Он все время играл. Все трынкает, все играет! *(Смеется.)*

А.И. – У нас гармошек мало было, все больше балалайки. Потом уж появились эти гармошки.

С.Н. (вздыхает) – Да! Все уж балалайки. А зимой о святках, о рождестве – тут субботки. Субботки да игрища. Это раньше свету-то не было. Лампу откупят. Ну, вот хоть у нас. Чаще откупали, где живет вдова, да похуже, да одна. Ребята: «Пусти нас поиграть на вечер?!» Откупят на все святки, ну, на неделю, больше. Девки тут собираются, тут танцы. Потом танцы эти кончатся, жонки выйдут, посмотрят. Потом гусли, кадриль, чижика водят, гусли...

Авт. – А что такое гусли?

С.Н. – А гусли это к концу. Идет парень один и берет девку каку. *(Поет):*

Пошли наши гусли,
Пошли звончатые,
Тут гусельцы пали,
За рученьку брали,
За белу-белу имали,
К сердцу прижимали.
За значок, за перстенек.
Кума ходит по двору
Секет траву-лебеду.
Она рвет да секет,
В белый фартучек кладет.
Приговор говорит, приговаривает:
«Кого я люблю, того я возьму,
Кого я не люблю, того на сторону».

И опять: «Пошли наши гусли...» Парень берет девку, девка – парня. И все это поют, еще приплясывают, ходят. Да чего же больше? До чего всю эту избу заможают! Сперва до гуслей чижик водят:

Чижик-пыжик: воропыжек
По улоньке скаче, пляше,
Пышет, дышет, молодой!
Уж и, братцы, мало нас!
Молодцов нету у нас.
Александр, пойди к нам,
Да, Иванович, сюда...

Да там парня берут какого, по имени вызывают, а тот девку берет, каку берет, ту и поют:

...Молодцов мало у нас.
Да девица, пойди к нам,
Да, как-нибудь, сюда...

Это все весело да звонко!!! Да потом гусли эти завертятся. Уж потом гусли. Ухажер свою барышню берет или барышня ухажера. Ну, маленько познакомы.

Уж все гусли разойдутся и опять редко, не каждый раз, станет тут, кто брал:

Я горю-горю на камушке,
Я сгорел на темно-сереньком.

Ох, тому, кто смелее,
Придет выкупить меня,
Кому тошно по нам,
Тот и будет у нас,
Кому не тошно, тому не почто...

Так это какой парень девку берет, так он и выкупает ей или девка парня выкупает, с каким гусли ходили. Все. Да еще капусточку тут водили. Ходя:

Мы капусточку садили,
Приговаривали:
Кому капуста надь,
Приходите торговать,
Будем сходно отдавать:
По копейке и по грошу,
Я задаром кочан брошу!

Тут парень берет девку. Все-таки... Еще кака-то есть игра. Вот уж забыла. Стала все забывать! Ак, весело весь вечер! Дак, [Г]осподи, так ляжки-то боля! *(Смеется.)* Ой, не дай, [Г]осподи! Все ведь топты, да топты, да топты...

Авт. – А игрища чем отличались?

С.Н. – Игрища – это субботки о святки, о рождестви да перед Новым годом. Да все это игрища. Васильевское игрище, то перед Новым годом, то днем бывает. О святках наряженные ходят. Кто во что. Вот я девкой была, наряжались. Ведь, знаешь, раньше кони были. Жеребенка шкуру снимут. Один какой-то запихат, и как на лошади подъедут. Все было! Кто в чем нарядится. Кто девками, кто жонками. Кто в чем сумеет. Женщины мужчиной и наоборот. Все было, и по домам ходили, всяко.

И в Усть-Пинегу плавала, тогда лес плавили, а я тут с чужим мужиком, ну мужики-то свои, хороши тоже, да с девками. Да ребята, да и девки, хошь спать, хошь что. «Сонька, куда повалишься?» (ляжешь спать) – «К Василию». Спи, как отец, он уж тут за нами следит. А ребята молоды, ну что, все ведь бывает. Так все тут к одному поддярживались. Ой, весело, хорошо! Пятилетки были.

Авт. – А масленицу отмечали здесь?

С.Н. – Ой, а как же! На масленицу горки делали, заливали. Специально. Я здесь не знаю, где делали. Я здесь не знаю, я не застала горок. А у нас там на Шотовой три (околка), у нас Чернельница, Мезенцево и Волость. Это вот, сколько околышков, но в одном. Чернельница, так там, на Чернельнице катушка, там: «Чернельница-морозница, нос отковырь!» Мезенцево, Гаручи, Подгорье у нас, Едома, Волость, Пехорянка – в одном. И вот три года: сей год в том – туда и делают горку ребята. Высоко – она уж не убирается. Польют ее водичкой и целую неделю ходят, катаются на эту горку. Лестница – высоко! Парень девку возьмет, посадит, и покатили с горки.

Авт. – А на чем катались?

С.Н. – На санках маленьких. Пятница, суббота, воскресенье павжнать девки водят из какого вот околка. У нас, в Кобелеве вот, например, катушка, дак днем люди, ты: «Вот пойдем ко мне павжнать!»

Авт. – А что такое павжнать?

С.Н. – Павжнать – кушать! Подружка подружку берет, и заранее подговариваются *(шепотом)*: «Ты пойдешь ко мне сей год павжнать?» – «Ко мне пойдем». И мы тут с двоюродной сестрой: «Машка, ты куда пойдешь?» – «А куда ты, туда и я!» Мы все с ней вместе, как сестры двоюродные, дружно жили. «Пойдем к той!» Там несколько девок соберется. У какой братья есть, так и братья своих ребят водят. Чаю попьют, поедят и опять на катушку. Раньше что, сколько вина – много не пили. А немножко угостят – и опять тогда на катушку. Это все водили, со всей катушки в тот колок. И потом качули бывают о пасхи. Тоже, где катушка, там и качуля: ну в той вот деревни.

Авт. – На масленицу здесь блины не пекли?

С.Н. – Нет, не пекут. У нас не принято.

Авт. – И постепенно это все исчезло?

С.Н. – Да, что больше и все, нету. Все вышло, ничего уж нет.

Авт. – А до войны все эти праздники были?

С.Н. – Были.

Авт. – А после войны?

С.Н. – После войны, что уж тут. Я уж больше жонка стала!

Авт. – А жонки сами по себе как-нибудь собирались?

С.Н. – Собирались! Жонки, хошь ты и девка, а мы зимой с прялкой престь-то! Что ты! Тоже ходишь. Опять гостей возили.

А.И. – На веселинки собирались!

С.Н. – Да, тут веселинки, и ребята придут. И мало танцуем. Что ты! Прядем. Тогда пряли: все свое было.

Авт. – Софья Николаевна, вы ткать умеете?

С.Н. – Я ткала и пестредь ткала. Потом и времени-то не стало: никак брать (ткать)! Лен здесь сейчас не сеют. Лен посеем, вырвем, а осенью вот там, где избы да бани, его шмонем. Ребята придут, репы нанесут в эту грезь-ту. И сидим в куче с репой. Сейчас вспомним, так посмеемся: вот ведь каки глупы были! А все девки, ребята, песни, веселье! А потом вот и опять прядем, сидим! Да, все было!

Авт. – Станок есть?

А.И. – Живой есть!

Авт. – Кто делал?

А.И. и С.Н. (в один голос) – Это еще отцовский, свекора. Да бывал еще от деда.

С.Н. – Там хитрости нету, просто все!

А.И. – Просто.

С.Н. – Челнок, кобылки, набилки, сволок, пришвица, вердо, кросна кругом. Поставят их, свяжут. Все было. Ой, по-ранешнему столько работы было, что ой! Поесья ткали, красивые пояса. У меня ни одного нету: все раздала! Пестерединники таки плотны – не прокусывает комар.

Авт. (к концу разговора) – О названиях мест вы не знаете больше никаких историй, почему это так называется?

С.Н. – Вот Карпова и Марьина Гора. Там за рекой было игрище и там есть бездонна яма за рекой, на лугу. Раньше-то деревни на лугу еще были, потом... Было игрище, и на печке спал Карп и Марья. И это игрище провалилось, а печь осталась. Вот я так слыхала. Назвали Карповой и Марьиной, так эти деревни и названы. Это мне тоже одна старушка рассказывала.

А вот есть Павлова Горка в Кобелево, там, в Пальцовке. Павел, наверное, сестру, не топить ли с этой горки носил? Дак что и раньше все-то было тоже. Вот она что-то мне тоже сказывала. Что-то он со своей сестре сделал, что-то на этой горке делал. Все деревни почему-нибудь как-нибудь назывались.

Авт. – А реки, почему так назывались?

С.Н. – А речки, не знаю, почему так называются, не слыхала. Старые люди знали, но раньше этим не интересовались. Жили себе и жили. И не больно спрашивали, не больно нужно.

Беседа с Чемакиной Пелагеей Алексеевной

Деревня Марьина Гора 1992 г.

У Пелагеи Алексеевны мне пришлось заночевать на обратном пути из Карпогор в Кобелево. Автобус шел по правому берегу реки из Карпогор в Марьину и обратно. В Кобелево можно было попасть пешком от Марьиной, пройдя через замерзшую Пинегу. Дело было в первых числах ноября 1992 г.

Дом Чемакиной – первый справа, как въезжаешь в Марьину, правда, заночевать у нее посоветовал Щепоткин Андрей Александрович, ее племянник. С ним знакомство состоялось из-за того, что он местный краевед, собирает материал о крае, пишет статьи в газету «Пинежская правда». Живет она сейчас одна. Четверо детей уже давно разлетелись из дома, одна дочь (род. в 1947 г.) уже умерла.

Пелагея Алексеевна приглашала в гости. Из ее рассказа видна ее жизнь, а впечатления детства, опыт ее жизни внесли несколько необходимых штрихов к описанию жизни людей этого края, и Кобелево в частности.

Словесный портрет. Пелагея Алексеевна небольшого роста, черноглазая и темноволосая, крупный нос, строгие черты лица,

одета опрятно, очень медлительна в движениях, но основательна. Голос твердый, речь очень четкая.

Авт. – А как же вы 7 классов кончали, в какой школе?

П.А. – В Покшеньги!

Авт. – А 4 класса?

П.А. – Здесь, в Марьиной.

Авт. – А когда вы учились в Покшеньге, там был интернат в поповском доме?

П.А. – Был-был. Да тут еще интернат был, двухэтажный-от дом, в том был! В том еще был интернат! Его, наверное, сейчас перестроили.

Авт. – А потом вы в Карповой учились?

П.А. – Да!

Авт. – Вы 10 классов окончили?

П.А. – Да!

Авт. – А в Карповой вы тоже жили в интернате?

П.А. – Нет, в Карповой я жила у Левонтия Антипыча, у Минина, здесь нашего марьегорского, он был кладовщиком там, я у них жила. Он родственник нам. У них-то робят-то не было. Он, кто приде, я-то ростом все маленькая: «У тебя, чья дочка?» – он скаже: «Это моя!» Меня дочкой звал.

Авт. – А после школы вы в колхоз пошли работать?

П.А. – Не, в сельсовете работали.

Авт. – А сельсовет у вас здесь был?

П.А. – Нет, в Шотовой. Напротив школы теперешней, вот то леснический дом был. Вот в том доме был сельсовет. Сначала в петровском дому, кулак тоже был.

Авт. – Это вы секретарем работали?

П.А. – Председателем, сначала-то секретарем. После-то председателя-то взяли на войну. Дак вот меня затырили туды, так я плакала! Ак ведь карточек давали тогда на всю Марьину 200 кг. На весь сельсовет 200 кг, как хочешь, дели, а взойдет в сельсовет-то, полнехонек! Народу-то! Давали из Карпогор. 200 кг дадут, и на всех надо разделить! Вот как!

Авт. – И сколько каждому было?

П.А. – А норма была: иждивенцу – 200 грамм, а рабочему – 500 грамм в день. А 200 кг на месяц выделяли. А тут вот кому будешь давать-то! А когды все вместе с председателем колхозов собирались дак: кому из колхоза дают овса, а кому карточка. Вместе все решали, как-то ведь надь не заморить народ-от овсе-то! Ак из-за этих карточек я и взамуж-то пошла!

Авт. – Почему?

П.А. – Что же девчошко! В 40 году, в 41-м, 42, 43-й – сами таки трудны годы были! А замуж пошла, чтобы там не работать, чтобы уйти. Я специально из этого взамуж и пошла. Чтобы мне больше не

робить, так ведь никак не отвязаться! У меня председатель райисполкома тогда был... как его, забыла. Ой, как он меня ругал, что я взамуж пошла-то!

Авт. – А вышли замуж, ушли с работы?

П.А. – Ак, еще год работала. Николай работал на базе в Покшеньге, а я – в Шотовой! Ак он больше в райком заявление писал, чтоб отпустили!

Авт. – А почему в райком? Вы партийная были?

П.А. – Да! В сельсовете работала, уж как не партийная! Во время войны, когда в сельсовете работала. Я из нее и не выходила. У меня и сейчас все документы на руках!

Авт. – А детство у вас прошло в Кобелево?

П.А. – У нас мама-то все там жила, у бабушки-ти. Меня все Полей Доманиной звали.

Авт. – А бабушку как звали?

П.А. – Домана Даниловна Щербакова. Щербаковы жили в Пальцовке. В Пальцовке. Вот дядя-то Федосей, они жили тут в старом дому! Мама-то все поминала: у дедушки было много ребят, у того-то много робят!

Авт. – Так вы с Николаем Федосеевичем в родственных отношениях?

П.А. – Мама и Николай – двоюродны.

Авт. – А маму как звали?

П.А. – Ксенья Карповна, у нее сестра Анна Карповна, Катерина Карповна. Братья: Миша, тот в гражданскую под Торомой убит, а дядя-то Захар был красный партизан. Захар Карпович Щербаков. У мамы бабушка Домана Даниловна, она из заречья! С Хитгоры. Минин. Дядя Данило Степанович был. Степан был, как его отчество было, забыла, баби-то брат-от. Нет, Домана Даниловна, брат ей был Степан Данилович. Дак, он из Питера пришел зимой в одной рубахе.

Авт. – В какое время?

П.А. – Ак, молодой еще! Не знаю почто, баба-то все поминала: «Пришел, – говорит, – в одной рубахе пришел, и зимой-от! В одной рубахе, пешком, из Питера». Тогда еще Питером называли. Это до революции.

Авт. – Домана Даниловна, а вот муж ее кто был?

П.А. – Карп Спиридонович Щербаков.

Авт. – А сколько у них детей было?

П.А. – Уй! Дедушко-то на другой женился. Перва-то здесь была марьегорска, от Глубоких. Так от той осталось: Егор да Прасковья. Может, еще была?.. Да нет, двое только. А бабушки-то 14 было! *(Голос возвышается, смеется заливисто.)* Но не все живы, остались, не все... Живых-то, больших-то, ак, и больши-то которы померли: одна девка невестой померла, Прасковья была. А живых-то сколько у ней: первый дядя Захар, после мама, тетя Полинарья, те-

тя Аннушка, после дядя Мишка, после етта тетя Настя была да тетя Наташка была. Девятеро-то больших выросло. Ну, вот ко!

Авт. – А дом, в котором Анна Карповна жила, это дом ваших бабушки и дедушки?

П.А. – Да! Родовой дом. Там детство проходило. Дедушко уж с сыном Мишкой строил перед-от! То-то старо (поветь, хлевы), а перед-от, мама в 14 году уходила, тогде еще печей не было, в передней-то. Мама в 14 году вышла замуж на Марьину за Чуркина.

Авт. – А вы вышли замуж за Чемакина?

П.А. – Да, он с Шотовой.

Авт. – А у вашей мамы сколько детей было?

П.А. – Одна я.

Авт. – А ваш отец?

П.А. – Он умер. Я в 21 году родилась, в 22-м в апреле он умер, а я в октябре родилась. Я полугодова осталась. Он 22 апреля умер. Он был контужен во время гражданской. Да работал в сельсовете в Покшеньге председателем! Он в 22 году умер. Контуженный был. Заболел, ды... А мама одна жила. Мы жили здесь, когда колхоз образовался Забором (околок), в Щеголихинском доме кулаченном. Мама на скотнем обряжалась.

Авт. – А в Кобелеве вы у бабушки жили, своего дома там у вас не было?

П.А. – Нет, дак у бабушки свой дом, у нее и жили! У бабушки-то Доманы. Старухи-то все скажут: «Да ты Поля Доманина-то?» – «Да, да Доманина!» А к бабушке все етта жонки ходили. Много.

Авт. – А ваша бабушка долго единоличное хозяйство вела? Когда они в колхоз вступили?

П.А. – Нет, они не первы вступили, не в 30-м, но до войны еще. Она – мало. У них там колхоз и коммуна были! Да на Усть-Покшеньге была коммуна, а в Кобелево был колхоз. Ак, вот дядя-то Николай Козьмовский в коммуну-ту и вступил. А бабушка-то в колхоз. А коммуна-то мало все что-то была! Не больше годов-то двух!

Авт. – А какое хозяйство было у бабушки?

П.А. – Корова одна была, одна лошадь. Рыжка был, эх, какой конь хороший был! Он, было, летом, как отпустят, он все ходил под окошко. Он, говорят, приде да заржет, просит хлеба. Хлеба давали так. Приучен был. «Опять, Рыжушко, пришел, ну-ко, на-ко опять хошь кусочки!» Придет, как рже, рже, так поневоле вынесешь куски-то. Колхоз был «Красный Север», а коммуна «Красный партизан.

Школа там была, рядом с почтой дом! Не знаю, где-то помещенье-то. Рядом тут сельсовет был. Школу перевели в поповский дом, а тут сельсовет был! Одну половину сельсовет, а другу изба-читальня. Избачи были, но не помню только, кто.

Авт. – А на вашей памяти не остались старые праздники: игрища, мечища?

П.А. – Я помню еще мечища-то. Сначала соберутся утром – утренне мечище. У нас собирались тут рядом, у нас утренне мечище, а на денно, большо мечище ходили в Чуркино (околок). Ой, народто! Носно (ночное) мечище тоже в Чуркино. Соберется народ тут, все. Тут народу-то! Девки нарядны, нарядятся тут, ох каки! Особенно на большо мечище, в повязках, только блестит, а сарафаны-ти, сверху платы, бусы на груди, а на руках-то, котори-то богаты-ти, да эко перстней, да колесек-то, да етто браслетов, да! Все надenуть! А ленты-ти, ай, как красиво! Как хорошо! Пели песни, ходили ходецами. Девка правой и парень правой. Вот как идут. (Мы обе встаем, и она мне показывает.) Не знаю, где как, а у нас права с правой. Дойдут до особого места, девка парню поклонится и опять повернется, и в другу сторону пойдет, а тот в другу идет, и там встретятся снова и парой идут.

Авт. – А не меняют пара пару?

П.А. – Нет! Идут: вот ручеек водят, так с кем приведется, а тут только друг с другом. Девки в середке идут, а парни по двум сторонам. А старше люди стоят и поют. В нощно народу только молодые. А в Покшеньге-то мечище было в Лохново да и в Кобелево.

Авт. – А в Кобелево была пивоварня своя?

П.А. – Да, была. На Усть-Покшеньге, и на Кобелево своя.

Авт. – А где она была?

П.А. – А на Кобелеви поварня была, теперь колодец-от, воду черпают тут. Он так стоит, не огорожен, ничего тут. Поварня была против его. Маленька така сараюшка, там варили пиво. Костер был и котлы. Костер был на вороти. Был столб, а на столбу у его, как мало ли чего, он ворочался. От огня другой раз отвернут, к огню привернут. Котел сам. Не знаю, как на Покшеньге, у нас етта такой же был.

Авт. – А долго так пиво варили?

П.А. – А при колхозе еще варили.

Авт. – А зимой были игрища?

П.А. – Да, игрища! Все в дому. Ведь избу-ту ребята откупали! Избу целую. У нас мама-то семь годов жила с этима-то, с деверьями-ти. А после ей от старой избы низку избу тут, пониже избушку построили. У нас больша изба-та. Ак, у нас все игрища-ти были. Субботка да игрища-то. Все-те были. Субботка-то повседневна, а игрища, что ти, девки тут котори в повязках. Нарядны же. Ни на чем не играли, голосом пели. Ну, после-то уж это с гармошкой приходил Паша со Спицыной.

Авт. – А качули у вас делали тут?

П.А. – О Паски, о Радуницу-ту! Это здесь делали, все в гумни каком-нибудь! И в Кобелеве так же. На Масленицу, заговенье катушки делали, большие катушки. Столбы-то поставят и на столбы набирают. Катушку делали. Ой, как высока у нас была. Ак, покатишься, сердце так и обмирает. Забираться-то что! Ак, молоды-то

каталися. Молодых-то приморaживали, после их за веревку привязывали. Они скатятся, скатятся, а их и обратно как затянуть-то за веревку со всей горы. Надь, чтобы молодка поцеловала жениха, мужика. Эк, их специально катали. Другой раз, до-о-олго их мучать! Мало! Еще да еще!

Авт. – А вот как вы считаете и считали раньше, какая деревня богаче: Кобелево, Марьина или Шотова? Можно было их сравнить?

П.А. – У нас Марьиной все скажут: «Марьина Гора – сахарна голова!» Здесь у нас хороши земли были, и вот раньше часто сеяли и все, ак, где семян нету, а в Марьиной всегда семена. Потому что у нас на горы не так убивало морозом. Недородов не было. А сенокосы у нас в Марьиной, худо с сенокосами. С сенокосами лучше всех в Шотовой, у них наволоки большие, с сенокосами всех лучше. Все скажут: «За подпору, да в Шотову Гору!» А хлеба-ти, я не знаю, как у них были. Ак, все скажут: «Марьина Гора – сахарна голова, ак, как не давать» – это посватаются когда.

Авт. – А чем занимался ваш дедушка в Кобелево? Землепашествовал, а зимой мужчины кто охотой, кто лесом зарабатывали, а ваш дед?

П.А. – А он в церкви был звонарем. Звонарем он уже, не знаю, как стал. А играл он, ох, как хорошо играл. Колокольня высока была! Вот где братско-то кладбище, там колокольня была около кладбища! Высока колокольня, да как залезешь, так далеко видно! Я с дедушком-то лазила. Колокола были больши да маленьки. Он мне еще учил играть на колоколах-то. Ах, как он заиграт, да как хорошо! А бабушка домом, скотом да в поле работала. Робятишек-то много. Пряла, ткала зимой.

Авт. – А вы в сельсовете работали, заполняли статистические формы, похозяйственные книги все вели. Это каждое [хозяйство] ходили и описывали?

П.А. – Да, точно это все было. Ходили, всюду заглядывали. И скот, и все постройки, и все – в похозяйственные книги. И все промеряли.

Авт. – А налоги, не помните, какие были?

П.А. – Налоги: по 360 рублей с хозяйства, сельхозналог назывался. Деньгами 360 рублей в год, да подоходний налог, тот уж не помню, сколько. Да культсбор, тоже не помню, сколько. Тоже с хозяйства. А натурой: мяса надо было 40 кг, молоко с коровы надо было 360 литров, а яиц, как будто, надо было 10 штук, ба 20 штук. Кур не держали, а все равно.

Авт. – А чем же заменяли?

П.А. – Ак, молоком да мясом. Да. Шкура, полшкуры надо сдать хоть с какого скота-то, шерсть, не помню сколько. Зерно и картошку не помню. А картошку-то во время войны сдавали. Сушили и сдавали. Сварят, вычистят и сушат. И на фронт, наверное, отправ-

ляли. Она не загорит, а така прозрачна, красива на свет-от. Сушили. Сдавали налоговому агенту, инспектору. По мясу и продуктам-то тот с Карповой, агент-от был. Приезжали. А что деньги-то, налоги, то был в сельсовете налоговой агент-то. Ведь что, много-то населения было. А надо культсбор, сельхозналог, подоходный налог, самообложение. Вот сколько налогов-то было!

Авт. – А за участками следили раньше строго?

П.А. – А у нас по 40 соток устанавливали, а где сколько, не знаю, по земле ведь устанавливали. У меня недавно было еще 18 соток. У нас депутат Вершинин тут ходил, проверял, мерил. После сельсовета мы с Николаем уехали в Шотогорку, он завбазой был, его туда перевели. Так я там от рыбнадзора кладовщиком работала: сети да все выдавала. В колхоз-от я во время войны перешла, в колхозе с хлебом-то легче. Я худого хлеба не едала! Когда перешла в колхоз, сначала работала, бригадиром была. У нас здесь была наша Верхнеконска бригада, Савниченска: Савино да Николино! У нас на Марьиной было 5 бригад: Спицино – бригада, у нас две да в Чуркино две. И в каждой бригаде было по конюшне, лошадей-то было. А рабочая сила во время войны – робятенки да старушонки, мало было трудоспособных. А особо зимой-то. Ак, всех еще в лес угонят!

Авт. – А вы работали вместе с бригадой?

П.А. – Как не будешь работать, людей-то мало, работала со всеми. Надь работу делать скорей! Да с има-то робишь, робишь, вечером придешь да все запишешь. Надо начислить. А обмерить при них, пока еще не ушли. Вспашку тут при них меришь, а жали, все тут надо смерить али на пожне какой день тут погребут, сколько кто скосит, все надо было смерить. Бригадиру много тогды работы было. У нас первый председатель был Чуркин Иван Кузьмич, свой, марьегорский. Тоже, как и все, трудодни получал!

Авт. – А после бригадира где работали?

П.А. – После бригадира – в доярки! Бригадиром, наверное, пять годов, дояркой – три. Раньше доярка-то все ведь: дров привезут долготьем, надь дров напилить, дежурных днем не было. Вот дежурная как днем: надь насливать пять бочек. Было пять доярок, у каждой доярки – бочка. Воду надь нагреть да парево заварить. Нагреть да насливать надь было. Дров наколоть да наносить. Это которая при двори днем, дежурной называется. Той и так хватает работы-ти: надь у коров подчистить, ей настилать еще надо.

Авт. – А какая нагрузка коров была на доярку?

П.А. – По 12 коров. Ак, опять все вручную! Надои-то я не помню.

Авт. – А у вас часто проверяли качество молока?

П.А. – Тогды через каждые 10 дней проверяли качество молока. И кружочки все вывешивали на стену!

Авт. – И что это за кружочки были?

П.А. – Кружочек, знашь, это там марля, процедят молоко и повесят на стену.

Авт. – А жирность проверяли у каждой коровы?

П.А. – Нет, не у каждой. Маслозавода у нас не было, был один сепаратор здесь, только пропускали, а сливки в Покшеньгу отправляли. Сливки там перерабатывали. Сначала-то здесь был завод, в Кобелево, а потом в Жабей перевели. Но мало, только два лета и было.

Авт. – А после доярки где вы работали?

П.А. – После доярки, ой, да я сторожевой на конюшне работала! Надо было строиться тогди, так мне председатель тогди говорит: «Стань ты на конюшню, так ты скорее построишься!» Тогды в Кавру все ездили, зимой-то за сенами. Другой раз собирается. Сегодня хошь бы надо ехать, а кто-нибудь не готов, не поедут, так ты вот этим моментом хошь все три лошади запрягай да поезжай. Вот я этим моментом все себе на дом и навозила. Сама я все с робятишками, с Сашкой (сын).

Авт. – А пока вы этот дом не построили, вы где жили?

П.А. – Мы сначала жили маленька избушка, котора маме-то была построена. Вот из той избушке мы уехали: 12 годов мама истопником в школе работала, мы при школе жили. А я в 4-й класс ходила, мы, когда о крещении перешли 19 января, я в 4-й класс ходила. Тогды школа построена была. А увезли школу при совхозе (в Карпогоры в здание редакции газеты «Пинежская правда», в 1969 г.). Валентин Павлович (из Кротово) тогда был редактор (фамилии не вспомнила). На Покшеньге, может, год и училась (дочь), а потом в Шотовой открыли. Сейчас в Шотовой учатся, 9-летка (8-летка старая). А все пешком ходили ведь! А в Покшеньгу тоже пешком ходили. Тут-то ручьем раньше не была дорога, а мы стали ходить, и дорогу сделали. А за речку: из каждой бригады давали по лодке робятишкам. Ездили сами! Пять бригад было и пять лодок! Робятишек много было: пять полных лодок!

Авт. – А как раньше из колхозов уходили? Почему?

П.А. – А из-за налогов. Кто в кадру уйдет, а дома все нетрудоспособны, и налог-от не берут. С хозяйства, если есть хоть один трудоспособный, и мясо, и молоко сдавай! У Вальки отец Таньку только из-за налогов выпихал замуж в Карпову. А кто в лес уходил, то деньги зарабатывал, там и хлеба давали больше, хошь норма была.

Авт. – А займы под облигации когда начали брать?

П.А. – Наверное, во время войны. Ой, как не принудительно-то! Другой раз налоги да робятишки, так, где возьмешь? А на облигации все равно тут пытают да пытают, закалывают да закалавают. Все надь, чтобы подписка-то была больша.

Авт. – А вы этот дом строили, нанимали кого-то?

П.А. – А я не строила, а муку мучила. Тогды народу-то, мужиков-то не давают-то... Да когды кто, да когды кто. Был экой бродяга Николай, ходил. Дак, он меня все один. Это было в 60-м. Я вот на

конюшне робила, да к конюшне близко: мало ли там бродишь, а он: «По-о-оля! Надо бревно на стену затащить!» Ак-от, бревно иной раз тенем-тенем, он – один конец, а я – другой. Я мало ли что спущу, он ругается! Ой, беда-то! Я не строилась, а муку мучила. *(Смеется.)* Честно слово, поплакала я только! Каждое бревно не один раз слезами-то обмочено.

Авт. – Ну, долго вы так строились-то?

П.А. – Нет, быстро. На 5 декабря мы собрались тут: Гриша Бегонов да вот ево Егор Владимирович, Густи-то брат – они после праздника поехали мне лес рубить тут, Забором, а я трелевала. Тут поране с конями-то обряжуся, мама с робятишками сходит там доделать, на конюшне-то. Я лес-то стрелевала: от пня-то в кучу свозили. Этот лес весной-то я и вывозила, и сама была конюхом-то, тогда когди, кака свободна была [лошадь]. Мне председатель тогди, Александр Тимофеевич из Шотовой, я ему все спасибо даваю: «Вот когда свободна, будет лошадь, да ты быстрее построишься!»

Как я не хотела на конюшню, ак, беда, как плакала! После он (председатель) и говорит: «Глупа, – говорит, – ты быстрее построишься!» На конюшне у нас было 25 ли, что ли лошадей с жеребятами-ти. Встанем в три часа утра-то, их надо накормить, напоить, на работу что, и придут, и уведут, выдать надо и принять после работы. Только не приди, да не прими, дак, тут... Да! Кирпич свой делали, гонили деготь тут в ручью, от колхоза это было.

Авт. – Этот Николай работал поденно у вас, сколько вы ему платили?

П.А. – Не помню я. Ак, он у нас тогды жил! Такой бродяга, его поили, кормили, платила, кабыть, по 3 рубли. Ну вот, я весной-то лес вывозила с робятишками. Весь тут его окорила. Мне Юрий Михайлович сделал тут крюк, поворачивать, ведь так-то как?! Я все с робятишками, никого не бирала лесу корить, никого не бывало.

На нашем празднике-то, о девяту пятницу, опять-то окладывать-то приезжали: Юрий Михайлович, да вот дядя Василий, да кто ко мне еще приходил окладывать-то? Окладные – это само основание. Оклады у меня клали на камни.

Они оклад-то сделали, а после тут появился Никола-то один, но свести-то окна один-от не мог. Перекрыть-то окна-ти. Дак, помогали. А сверх окон-то один опять все! О конек-от свести, опять нету толку-ту. Ак, Гришка Бессонов конек-от сводил. Ак, он у меня стоял без крыши, только углы были закрыты.

В ту зиму лес Юрий Михайлович да Григорий там, в Карповой за Согой, они рубили, а мы с Сашкой на двух лошадях, сыном-то, возили. Сашка маленький был, лошадь достать не может, дак, прискочит, прискочит... Да, вот они рубили, а мы с Сашкой возили. На пилораму.

У нас тогда пилорама в Марьиной не была, а в Карповой была. А после уж своя была. В Шотову увезли, стал совхоз-от. Марьину всю разорили! Всю!

Авт. – У вас здесь молодежи много?

П.А. – Теперь нету. Да у нас етто в Марьиной да совхозников, наверное, только один Валерка из ребят-то остался, из холостых-то. Кто в Шилеге, да они-то домой ходят, кто в Шилеге да кто в Карповой.

Говорят, что руководители ничего не руководили, а просто проверку делали, да их хошь и ругают. Впрочем, каки работы некачественны, все переделывают бесплатно, тогда были инспектора свои. У каждой бригады был инспектор по качеству-ту. Назывались инспектора по качеству. Весной вспашку, сев, боронование, ну впрочем, все работы эти инспектора проверяли. Если кто некачественно что сделает, то заставляли переделывать за те же деньги. Знаешь, как раньше было, вспахать или посеять, боялись, что пойдет проверка: заставят переделывать! Инвентарь мелкий увидят, что где брошено – штраф! Если раз предупредят, пойдут в следующий раз, не подобрано – штраф. А сейчас валяется все... Тогды еще что, да мешки, поди, брось или оставь его где! А теперь, где что валяется: горы мешков! Прямо душа не выносит. «Нет, которы все почти репрессоры, все одни репрессоры, а они, знаешь, как мстят? Этому правительству-ту советскому-ту – у-у-у! Теперь, какой не репрессор, тот все в газетах, все это они одни и клеймят. Называют ево это контра, но тоже репрессоры.

Авт. – Репрессоры – это кто репрессировал, кто раскулачивал?

П.А. – Да! Не сами они, что их живых-то которых-то нету, а дети. Так вот у нас дочь-то репрессированного, учительница в Ваймуши была. Но сейчас она на пенсии. Дак, она все что-нибудь пишет, правду и не правду. Не знаю, ба и правду. Только она клеймит позором этих старых-то. Ак, всех-то, беда!

А я когда-то говорю: «Да вас советско правительство всех выучило! Всех бесплатно, все пенсии, все стипендии, ак, вы теперь на советское правительство, на советских руководителей и прете. А подумайте-ко, кто вас выучил – не советская ли власть? Советская власть выучила всех вас, руководителей-то. А теперь, что куда учиться надо, по тысяче двести надо платить. Али медицинско обслуживание – все ведь было бесплатно. Бесплатно все ведь было».

Беседа с Богдановыми Ильей Егоровичем и Екатериной Ефимовной

Деревня Кобелево 1992 г.

Выбор респондентов. Богдановы Илья Егорович и Екатерина Ефимовна – одни из старейших жителей Кобелево, поэтому с ними необходимо было побеседовать о жизни деревни в прежние годы. Как жители околка Усть-Покшеньга они помогли уточнить родо-

словную Богдановых-Темень, в род которых Богданова (Коньшина) Александра Егоровна выходила замуж. Описана история ее семьи и история семьи ее сына через его жену Богданову (Козьмина) Антонину Николаевну. Таким образом, раскрыта история двух местных родов: Богдановых и Козьминых и ближайших их родственников.

Словесные портреты. Богданов Илья Егорович – худой, высокого роста, черноволосый с сединой, глаза голубые, слезящиеся от старости, ходит с палочкой, голос глухой. Родовое прозвище Темень. Смуглокожий, брови мохнатые, слегка нависшие. Богданова Екатерина Ефимовна – среднего роста, худая, подвижная, говорливая. Русые волосы, глаза голубые. Лицо овальное, в редких морщинах. В молодости слыла красавицей.

Авт. – Илья Егорович, расскажите о себе, своих родителях, родных.

И.Е. – Отца звали Егорий Иванович Богданов. Жена моя, Екатерина Ефимовна, с Кротово, девичья фамилия Шумилова.

Е.Е. – Шумиловы-то раньше были богатые: Тонины Шумиловы, наши Шумиловы, род-то уж не один. Я была маленькая, жили рядом от Алексея (Шумилова). А потом уехали, два года жили далеко в лесу, одни. Дом-то срубили в деревне, кака-то гражданска, говоря, война стала, всех постановили выехать. У нас был не обделан (дом). Тата (отец, папа) срыл да перевез. Война-то стала: людей всех убило. А у нас-то дом-то срублен. Не поедешь.

Мы-то в 22 году переехали в Кротово. Но только постановили етта, что хорошая земля: землей-то раньше дорожили. Постановили выехать в ново место. И не выехали. Мы одни-то два года жили километра за полтора, за два. Я на – 9-м (годе), переехали, все там жили.

(В этом месте разговора в гости приходит Мария Яковлевна Москвина (род. в 1918 г.), родом из деревни Шотовой, расположенной на противоположном берегу Пинеги. Мария Яковлевна была женой председателя колхоза Тыркасова Ивана Игнатьевича, при нем колхоз стал миллионером. Мария Яковлевна с 1940 г. проработала преподавателем математики в кобелевской школе, выучила не одно поколение покшен. Она полная, грузная, седовласая, интересная женщина. Очень говорливая. Сразу же включилась в беседу. Ниже следует ее рассказ. Она живет в околке Околок, где живет род Тыркасовых. Мария Яковлевна принесла Богдановым продукты, которые она купила в магазине в Кобелево.

Мария Яковлевна говорит быстро, взахлеб, воодушевленно, слово трудно вставить в ее речь.)

М.Я. – Я родом с Шотовой. Церковь, что на берегу стоит, Кыркаловской зовут. Кыркаловых было два брата – Сиверьян да Мартемьян. У Сиверьяна была дочь красавица Александра. Иван Кронштадтский женат был на Александре Кыркаловской. Иван был

с Суры. Приезжал много раз. Все средства затратил на строительство церкви.

Вам бы газеты найти. Много описывал Никулин Анисим (книга «Это было на Пинеге»). Вот он описывает, как эти Кыркаловы ездили в Архангельск на ярмарку. После ярмарки ехали с каким-то мезенским или печорским купцом, имел много денег. Они его утопили, деньги забрали и вот из-за этого стали хорошо жить.

Сам он дома мало находился, все жил на Урале, в Архангельске. Причем он ездил все на лошади. Один раз мой дядя Федор Москвин, он ехал с ним с Архангельска до Шотовой 360 км. Проехали за сутки на лошади, не выходя из этой, раньше поповской называли – полукруглый колпачок наверх накрывался на сани. Они подъехали, раньше станции были. К одной станции подъедут, сменят (лошадей) и снова, и снова, и с такой скоростью ехали. Дядя сам очевидец, ехал с ним.

Эта церковь построена на средства Ивана Кронштадтского. Анисим Никулин сам ходил по Шотовой, собирал, родственник Татьяны Степановны был да Ульяновне, он все сам рассказывал. У него лесозаводов много было в Архангельске. Брат был, вот этот Мартемьян. А после войны уже сыновей Кыркаловых встретили уже в Норвегии.

Наши здешние моряки архангельские поехали, зашли в ресторан в Норвегии. И в ресторане они на русском говорят-то, один-то с Покшеньги был, Прокопий Прокопьевич Щербаков. И вот он услышал, а тот официантом в ресторане работал, сын.

Авт. – Кыркалов?

М.Я. – Да! Сын, сын. Не самого Северьяна. Так вон евойный сын. Так вон он прислушался к голосу и спросил: «Вы кто, вы чьи, я слышу по говору, что вы наши, русские!» Они сказали, что архангельские. И вот он им и рассказал, что он тоже, родился даже в Шотовой. Дальше. На заводе Кыркалова, не жив, наверное, дядька работал. Я останавливалась в Архангельске. Сейчас вспомню адрес: Нагорная, 8. Там живет Кулебякин. Вот он на этом заводе и работал.

Еще говорили: церковь была, кресты были очень красивые. Если в основном кресты были прямые таки, и одни железные были, а у нас в Шотовой кресты были типа ромба. Они были зеркальные с обоих сторон, и края нержавейкой были обделаны, так что изделека было, и с Карповой, и с Покшеньги, видно. Особенно солнце, так эти кресты блестели. Наверное, Илья Егорович помнит, да?

(Не дождавшись его ответа, так же напористо и темпераментно Мария Яковлевна продолжает):

– Они сильно отражали, раз зеркальные. Причем зеркала-то еще не плоские были, выпуклые; рассеивали. Кресты эти сняты, сейчас скажу, наверное, в 1932 году. И вот один комсомолец, наверное, Иван Земцовский, сильный парень, его попросили, и он со всех

этих пяти куполов снял кресты. Говорили: «Ну, Бог тебя покарает, раз ты так сделал, снял кресты!» Ну, покарал или не покарал. Он где-то на пилораме, у него паровая машина, в Кылме здесь где-то, года через 3–4 его размяло.

Авт. – А были в церкви службы или нет?

М.Я. – Службы были. Церковь внутри очень красивая. Даже в этой церкви я мывала пол. Но не везде девочек в алтарь пускали, только когда менструаций нет. В алтаре мыли, где поп ходит. Когда мыли, попа не было. Сторож церкви только был. Так вот я ходила, раза два мыла.

Авт. – А вы не знаете, когда эти места заселились?

М.Я. – Давно. Заселялись эти места новгородцами, пришельцами. Вот у нас фамилия Москвины. Они из новгородских род, небольшой-то у нас род.

Там еще, говорят, в Шотовой, в том краю Вехеревы (жили). Я когда была маленькая, так рассказывали, что там выходило какое-то племя, вроде от чукчей или от какого-то из таких. И вот на этих говорили, что люди-то, кто из них, а были они черные такие, небольшие ростом, кругловатые, вот не красавцы были. А красива Варюшка Вехерева, она именно из этого рода.

Ведь раньше здесь было, что до седьмого (июля) никак не ходили и траву жать, потому что пойдут, значит, изо ржи из большой выходят полуденницы какие-то с длинными волосами, поймают человека и могут защекотать.

В бане были обдерихи: маленькие, глазки какие-то черные. Я их вот не видела. Волосы большие. В баню ходили, особенно боялись в третий жар. Второй, третий более опасно: что обдериха может напасть и задрать в бане, хотя и ростом маленькая.

Вот говорили еще чиликуны какие-то зимой ездят, на святки, с какого? С 4 января по 19 января, на крещение. Что за чиликуны, я не знаю?! Медные шапки у них, большие такие, с колпаками. Они, говорили, возят раскаленное золото в этих в кошевнях-то. Оно блесит! Вот это говорили.

Е.Е. – Мы испугаемся, под укутку улезем. Мама говорила, чтобы не баловали: все вот улезут под одеяло спать.

М.Я. – Да, вот такое я слыхала. Да от полудниц-то раньше дома у нас делали, чтоб не залезали в окна, как темно наступает, ставни делали!

И.Е. – Раньше во время страды мужчина из деревни не выходил. Дежурил. Вот этих полудниц-то! Раньше изба у нас большая была, трехстенок, окошка-ти, во! Рамки какие были! И на ночь закрывались, ставни были. И они вот чарапают, ходят. Они, если ты уйдешь или когда, весь хлеб унесут.

М.Я. – У Анны Карповны у низкой есть два ставня, посмотрите. Прямо на школу (идти) на левой руки дом, так вот у низкой как раз два ставня, у Анны Карповны.

И.Е. – Дак, это у нее большие шестерки. Вон перед-то я переделывал и ставни снял. Это побольше. У нее меньши. Раньше ставни все были.

(Дом Анны Карповны Щербаковой действительно стоит напротив школы. И мы видели два окна в низкой и одностворчатые ставни у них. Шестерка – это окно, разделенное перекладинами на шесть равных частей. Анна Карповна умерла веснной 1992 года, была глухой по старости. Ее отец был церковный звонарь.)

Авт. – А расскажите, что вы знаете об обетных крестах?»

И.Е. – Раньше обеты были. Обет даешь. Или у меня отец, сестра болела с мала, он ее, быва, в монастырь Сурской отвезет нынешний год.

Авт. – Это обет, а обетные кресты?

И.Е. – Это молиться ходили. Вот на Солониках такой крест был. (Солоники – место между деревнями Жабей и Кротово). Давно поставлен был.

М.Я. – В Марьиной, в Шотовой хороша часовня была, но сейчас ведь все разрушено.

Е.Е. – На Немнюге тоже нет часовенки сейчас.

М.Я. – На Едоме была большая церковь. Вроде и сейчас есть. Профессор был тут, так мы долго с ним разговаривали. Из Петрозаводска. У нас в доме жил. Панченко. Я хорошо знаю: Панченко Александр Михайлович. Он член Академии наук, заведует отделом литературы. Особенно много собирает печатные книги, которые в первой типографии, то есть Иван Федоров был, так вот его книги.

Е.Е. – Я большая была и то полудниц боялась. Пойду в деревне, так один раз в канун осталась, так страшно боялась. Полем, где рожь, как пойдешь, так бегом бежишь.

Авт. – А что такое кануны?

Е.Е. – Так обетные кануны: ходить по хлебу. По деревне, знаешь ты, у нас в Кротово по той дороге, по другой дороге – поля. Все обходят, отслужить надо, чтоб хлеб был. После два дня играем: танцуем, поем.

М.Я. – Парень выбирает девицу, и ходецами ходят. Заворачиваются: один – одной стороной, другой – другой стороной.

Авт. – Ходецами, я так поняла, идут парой, расходятся, идут обратно по одному и опять встречаются?

Е.Е. – Да, да, да!

Авт. – Пару можно поменять?

Е.Е. – Нет, нет. Другой конец перейдет и опять тута друг к другу.

М.Я. – Подобно ручейку.

Е.Е. – Здесь-то, на большом-то мечище две девки в ряд, а парни по краю ходили, а так-то у нас на Кротове на малом...

М.Я. – А раньше ходили имками; пойдут вместе девушка да парень, ак она бежит бегом, а он ей догоняет. Он не имает, а чтоб догнал.

Е.Е. – Это раньше ходили наши мамы, а мы уж не бегали. Ак, мы уж девками все пляски плясали, уж за хорошими-то ходецами ходили!

И.Е. – Кадрель-то уж пошла!

М.Я. – Да, раньше чижика, капусту водили, все хороводами!

Е.Е. (Поет) –

Вьем, вьем капусточку,
Завиваем золотой кочежок,
Завиваем, приговариваем...

М.Я. – Гусли, да розочку...

Е.Е. (Опять поет) –

Розочка алая, хожу я, гуляю
Вдоль по хороводу, розочка алая,
Сибе выбираю дорого тестя!..
Розочка алая, хожу я вдоль
по хороводу, сибе выбираю
дорогую тещу...

а потом: ... дорогого братца, дорогу сестрицу... там невесту – все, потом пойдут:

Наварю я пива
Прямо тестю в рыло,
Розочка алая,
Напеку я пирогов,
Берегите що зубов,
Розочка алая,
Тут ты братец не сердись,
Поскорее уберись!
Розочка алая,
Ты светлица на мене женися,
Розочка алая,
Ты невестка,
Ты мне не пряха...

тут вот все это поют, и вот ек же гуляют по хороводу.

Вот пара заходит, тут поклонится. Долго тут. Уж вечером народу мало. Тут уж все эти хороводу гуляют, играют. Надоть что-то было!

Авт. – А под какой инструмент играли?

Е.Е. и И.Е. (в один голос) – Да балалайка!

М.Я. – Гармонь потом появилась. Балалайка, балалайка. Сами тут их делали.

(В этом месте началось чаепитие, и ход разговора прервался.)

Авт. – Как у вас хозяйство организовывалось?

И.Е. – А нас семья большa у отца была: девять девок и нас трое. Ну, правда, трех я не помню: померли девки, а десять все выросли.

Е.Е. – Он (Илья Егорович) один остался, остальные давно уж все вспомирали. Я когды, мне марьегорский мужик говорил: «Марьиной, – говорит, – триста лет, книга где-то есть. Триста лет жили у

нас на острову о Иженьгу. Там вот окладны были». Триста лет – говорит. Ах, говорят, Марья кака-то первая построила, ак Марьиной зовут ей. Говорит народ так. А Кротово, первый приехал, фамилия Крот было, поэтому Кротово.

Авт. – Илья Егорович, а дом отца на каком месте был?

И.Е. – Вот на этом месте! Перед только в 12 году срублен, когда брат разделилися. Брат, это его дедушко. Перед, половину взял. Еще пилы не было. Только углы топором опущены. А изба, кто знает, когда! Дедушко-то еще отец рубил.

Авт. – А пила когда появилась?

И.Е. – У Ирины Карповны был отец (род. в 1877 г.), только тогды пилы появились, сколько тому времени?

М.Я. – Вот и пиломатериал тоже поздно появился. У меня вот из Шотовой возили от дома плахи-то, так плахи все-то не такие-то: одна сторона все топором тесанная.

И.Е. – Вот тогда тес колот был.

М.Я. – Народ очень бережливый был друг к другу. У нас ведь не было замков никогда. Давно ли замки появились? Уходишь, поставь палочку на крыльцо поперек, и все! Никто, ничего.

Е.Е. – А сейчас дома сидим и заложилися (закрыли дверь на запор).

Авт. – Были ли у вас какие-то помощи друг другу?

И.Е. – Вот я живу, и у меня посев есть. И я подговариваю женщин выжать поле. Прибежут человек полдесяток у меня. Пожнут у меня. Вином угощать. За помощь только угощенье.

Авт. – А дом строить?

И.Е.: Каждый сам себе строит. Вот если мне надо, то сосед. Если свободен сосед, то соседи. А вот еще лес-от худо давали. Давали 9–10 бесплатно. Кому надь строиться, то я беру у соседа, опять на другой год отдаю! Каждый год так. Бесплатно.

Авт. – Лес вы занимали, а строить сам дом кто помогал?

И.Е. – Только родственники. Соседей приглашали, но только за деньги. Ведь раньше дешево было! Деньги давали заготовка леса и охота. Уедут 150 км! Там вот и живут. У Заречья Даниловичи, если слыхали, есть, надават там с има? Это по Покшеньге, это выше Кавры (60 км), Нырза, я забыл сколько. Это еще дальше. Вот я жил с телятами! Вот я переходил вот так! Сено там заготовляли. Телят берегом гоняли. До снега угоняли. Продукты брали с собой, в лодке. Я пек. Руска печь, баня, – все устроено. Там был лесопункт в 30-х годах; сейчас все разорено. 70 км! Верхне-Тоемский район, Вайянга, слыхала?

Е.Е. – В Березник там заезжали!

Авт. – А вы не помните, как тут коммуна образовалась?

И.Е. – Как же не помню? Помню! Да и старики: в коммуну надь все соединить, а в колхоз – все свое останется. Да, мы середняки. Твердым налогом облагали только Александра Васильевича Бог-

данова. Так он ведь в коммуну потом пошел. Он ведь середняк был! Так он же получше жил! Сено было начищено, хлеба тоже поле своими руками было наворочено, а семья небольшая. Накопают сами. Думают, ты возьми этот лес, обруби, да выкопай, а потом тебя и раскулачивали. Вот что наделали!

И.Е. – Трудился, а его...

Авт. – Я так поняла, что здесь какую-то землю делили между всеми. А если ты начистил, то это твое?

И.Е. – Если я расчистил, это мое. Давали за три года, на 10 лет давали.

Е.Е. – На 60 годов!

И.Е. – Потом срок выйдет, я обработаю, идет в общину. У меня у отца век хорошего-то пальта не бывало. Вон шуба, как пионерское сукно было. Овчины-то хороши, ак я перешил.

Е.Е. – А помощь-то, это говорилось. А которы богаты люди, много-то земли, так мно-о-о-ого-то народу назовут. Пиво наварят, вина накупят. Это без денег. Я вот тоже жинала. Молодых-то девок все тут, ба, 20–30 человек назовут, которые богаты. А которые не овсе богаты, так большой позем не выжнут, а когды выжнут, у которых-то мало, ак ходят. Так было! Наварят пиво, вина, пирогов напекут, тут пьяных напоят. Тут уже не просят денег, ведь напоят, накормят. Было тако заведено.

И.Е. – Вот видишь, раньше у Шотовой Горы Митя Король такой был. У него расчистки по Покшеньги-то есть, 85 км. Он берет билет под сенокос, и вот этот лес срубил, а лошадь там. Знаешь, всю зиму живет, свозит все! Потом еще весной ревизия: тут ничего больше не срубишь, все чтоб у тебя на площадке было. Лесничий приедет лес принимать. 15 марта. Уедет. Все обойдется. Сейчас богатеют за счет чужого труда, а тогда своим богатели.

Е.Е. – А сейчас богатеют воровством. Кто больше наворует, тот и богат.

И.Е. – Царь-то со всеми не дружил. С Америкой и со всеми. Все раньше умно было. Нам этого ничего не сделать. Я вот на Кольском полуострове был во время войны. На батареях береговая артиллерия, моряком был. У них там Кольский полуостров еще при царе весь в пикетиках перемерян, все учтено. Там же руды много. У нас здесь ископаемых тоже хватит, только разворуют все! У нас и нефть есть, и железо есть, и все есть!

Авт. – Откуда вы знаете?

И.Е. – Ох, откуда?! Я вот на охоту хожу зимой: компас не показывает и все! Что-то есть. В двух местах так. Это ведь с 20-х годов. Колькин-то отец возил этих: собирали каменья, по щельям все копали. Ведь ежегодно это собирали. Геологи? Да! Каменья навезут, и на всю зиму работы. Ежегодно ездили, копали здесь. Все исследовали, только нам неизвестно. Мы, русский человек, не роемся, не понимаем, чем владеем.

Авт. – Илья Егорович, вы учились в школе?

И.Е. – Я учился, где почта была, тут я учился. Я четыре класса кончил. Образование позволяло бухгалтером работать. Я только не за тем пошел.

Е.Е. – Я-то мало училась, год-от только по хорошему.

Авт. – Илья Егорович, а чему еще учили в школе, к чему вы стремились?

И.Е. – Мастерские были уже в поповском дому: столярить, слесарить, кто вяжет. Всему этому учили. Потом мало это было. Вот Исакович там научился. Я почему-то не научился. Охотиться хотел. Охотиться не у отца учился, а сам по себе, с детства. Ружье себе сам купил. Я в 22 году поехал в лес, тринадцать годов я. Лучше в лес. После залета (осенью) уехали, 80 км... Говорю, куплю себе ружье и собаку. Собаку буду до смерти кормить. Я купил ружье и собаку. Тогда что, на лесозаготовках отец оставит, а ты – с собакой...

Авт. – А на кого охотились?

И.Е. – На птицу: глухарь, жихарь, рябчика; на белку, куницу, лисицу, медведи.

Я зараз три медведя убил. Случайно. Из берлоги вышел. Там их трое было. Я куницу следил. Уже поздно. Темно. Звезды. Нужно было эта залезть, но темно. Пойду-ка домой, к избы. Пошел. Болото. Лыжи. Думаю: «По готовой лыжне пойду!» Закуриваю. Звезды. И бунчит: «У-у-у!» Я еще матернулся: «Так поздно самолет летит!» Это с цигаркой и пошел так, и вроде это так отворачиваюсь чуть. И остановился. И чую опеть, а я думаю: «Лоси опеть, другой раз!» А пес-от полетел (побежал)! И заревели. И я тоже полетел. И вот они как до изгороди (5–6 метров), близко. Пес ревет, я реву! Ночь темная! Стрелять кабы так, и я эк стрелю ведь? И чтобы топор тут был, на лыжах, ведь мехом покрыты: никуды не ускочишь! И так вот поднялась (медведица), стрелил! Она ахнула и обратно побрела, к берлоге. Собаку ведь подстрелю, боюсь! Стрелил еще. После пошел: тут уж ждать некогда! Лопаткой ткнул – не шевелится!

Пошел берлога смотреть: что там? Так ведь подошел: так еще в берлоге, ткнул лопаткой-та. Две дыры! И эта обе-ти из дыру в дыру лазит и ревет. «Еж твою, дать-то! – говорю. – Кола-то нет! Состяжить-то!», – раньше учили, как это стяжить-то. Один и выскочит! Я заревел: «Едри твою еть!» Это я уже снимал (шкуру): надь снимать, ведь замерзнет. Каждый ноготок чтоб был у шкуры, иначе брак.

Он ревет, да выскочит. Я это за ружью: да все это бросил! Летит мимо медвежонок – с большую собаку-таки! Я – на лыжи скорей. Стрелял ему – худо попало! Он как березка засверестит! Ведь он жмет. Он как-то завернул. Я второго патрона зарядить не мог, так дробь: у меня двухстволок. Так что дробью настрелишь. *(Смешок.)* Он бредет ко мне навстрету: и я-то, и пес-от ко мне гонит, я лопаткой ткнул в снег. Он у меня лопатку-то схватил, я его за загривок и топором зарубил.

Потом стал снимать-то все. Опять один выскочит да второй! Я опять скорей полетел. Третий тот ушел, я больше одумался: пуль-то мало, ночью! А после убил того, третьего. Малого-то.

Тут большо-то обснимал, знаешь, лапы, да все, чтобы не замерзли которо. Да к ушел к избы. На завтра ходил, леснику носил. Это в 1946 году... дедушко-то уже помер, ак уж в 1950!

Шкуры сдавал. Тогда давали 100 рублей. Сдавал заготконтору. Шкура белки – 3 рубля 20 копеек – I сорт, лисиц я не ловил, она, наверное, рублей 80. Куниц – 100 рублей. Их в глаз или собакой брал. Выдры – 150 рублей, большо-то. Белку етта в сельпо, в Кобелево, а заготконтора была в Карповой, заготовитель – Паша Залынский.

Авт. – Илья Егорович, расскажите о хозяйстве ваших родителей.

И.Е. – У отца коров было две. Вот у нас коров водили в низку: во-от така же изба, печь тоже русска. Затопят. Воды лохань такой большой. Воды наснимают, корму. Сейчас двери откроют, назем, во хлев. Она (корова) идет. Подоят, накормят. Опять втору. Теленок был. Лошадь одна, 10 овец. Куры после войны (гражданской) сколько-то Авдотья кормила. Вишь, соседи-то не хотят: потрава, лезут. Ругаются. Надь кормить их особо.

Авт. – А что вы знаете о гражданской войне?

И.Е. – Гражданская война – это при интервенции. Я помню, как это у нас брат на брата шел. Вот с Марьиной Горы пули-то чесали. Вот с Кобелево Константин Федорович, ак моряк такой, едри твою мать, такой Щеголихин. Где улица, тут его дом был, тут собирались все. Мы из школы прибежали, он командует. Тут он командиром был. Красный партизан. Он, сколько? 10 лет просидел. Это было в 36 году...

Авт. – А за что его посадили?

И.Е. – А просто ни за что. Мы не знам. Отсидел. Везде его возили! Он рассказывал. Перенес, так о-о-о!

Авт. – А он командовал отрядом, чтобы интервентов отогнать?

И.Е. – Да, да! Они хотели тут переехать. В Земцово дорогу вели через Охтому. Они хотели отрезать, пути захватить. Наши-то сверху шли, красны-ти. Один, где Глухонька та, рад был! Он на лыжах ушел. Белы ти были, искали, на повети штыками тыкали, а они уговори дочь попа-то, как будто бы за дровами утром рано. Отвезли до Шилеги, они нарубили дров, а он – на лыжи да и удрал!

Е.Е. – Когда эта война началась, мне день рождения. Мы ушли с пирогами, с мамой-то, ну тут ко крестной. Я домой бежу: «Мама, мама у нас стол уброшен, да шкап полон (открыт)». Они в ту пору летали по Кротову-то красные. Они искали: человека убили. Мы-то не знаем. Кротовский один, убили у нас на улице мужчину под кустом, так он Тоне своей буде: бабушка Марья была Тониной бабушке какой-то, я не помню какой-то. Сколько человек убили! А дядя Иван у нас был, таты (отца) брат, так его водили. Их 7 чело-

век, говоря, поставили и убили. Я тоже по рассказам, сама что, мала была. И дядю Ваню не убили, он что-то ранен что ли? Он как-то проснулся, встал как-то и на сутеменках убежал куда-то по Покшеньге, и там жил сколько-то, а потом вернулся, и ему ничего, он долго жил.

Я робила бригадиром. Вперед как вышла (замуж), годов шесть робила в лесу. Вишь, у нас старых-то много. Баб все в лесу держали: лес рубили, пилили, вывозили, сучья обрубали, все, что попало! Дерево лучковой пилой пилили. Что заставят, то и делали все. Посылали от колхоза: на стол бумажку принесут, дак! Все делали. После меня оставили дома: много старых. Надь кормить, вот я бригадиром и стала. В день больше трудодня трудно заработать! Как бригадир я должна была все распределить, все записать: каждый метр!

Вот на пожню поедет косилка, скосит. Все замерить, все смерить, записать. Мера была два метра. А потом будут грести, сено поворачивать. Опять точно! Они (колхозники) придут, а ты одна впереди. Все вывоpащаешь, а всем не так надь! Если одна придет, я уже смеряю, пусть они – задорнее робить. А придут вдруг, то вдруг все. Кладут возы вместе. В бригаде человек 20. До Федосеича все поля наши (Федосеич живет на Холму). А наволок 70 га за рекой, Остров (название места), все наше. Машина не было, все копны, да грабли, все руками подымем да смечем.

Авт. – Переселенцы, ссыльные были здесь у вас, в деревне?

Е.Е. – У нас-то не жили, а там в поселках.

И.Е. – Поляки-то. В Русковере они были. Не знаю откуда. Я вот с Усть-Пинега с ними ехал, полно было: мужчины, женщины, дети. Они там работали, срок какой-то отжили. Они какие-то заключенные были. Я не понимал этого. Какое-то наказание. Это в 30-х годах было. А Сылога давно, в эту войну привезены были, 41–45-го, а до этого лесопункт был.

Е.Е. – Там одна избушка с баенку стояла. Там местные были. Четыре барака о самую речку было.

Авт. – Скажите, а много ли домов было здесь у вас?

И.Е. – Домов было 20, в Околке век (все время) 4, Холму, там тоже мало было.

У нас деготь гонили. Это после гражданской войны. А до нее не было. У нас 10 человек работали с Усть-Покшеньги. Наши. Деготь из бересты. Ездили весной. Вот на это время (июль) уже надерем. Мне вот 80 лет, а я вот помню, не обделана была та изба (передняя). И вот как обделывали, не помню. А вот печь, труба складена, ево, где Александра Филипповича дом был, тут кирпич делали. Кирпичная была.

Авт. – А кто у вас сапоги шил?

И.Е. – Никита Лохновский, Родион в Кобелеве, Щеголихин, Шехин Александр Филиппович.

Авт. – А валенки кто катал?

И.Е. – Александр Сусоевич Лохновский, Никита Васильевич, Иван Антонович, Маши Филисатиной дедко – Шехин.

Авт. – А печки?

И.Е. – И сами клали. У нас бита печка. Сами били, это не надо печника!

Е.Е. – Кирпичей-то не было, не хватало. У нас хоть худа, да стоит. Свод сводили два раз, при мене.

И.Е. – Рамы тоже кто-то делал, не помню. Столы, лавки дядя делал, да мой брат.

Е.Е. – Дядя – отцу его брат Тимофей. Не женат, вот в 40 году помер. Он делал, хорошо делал, только что много не делал.

И.Е. – Ходили специалисты с верховье Пинеги. Шардомень там есть. Шардомена плотники хорошие были. Столярное. Ходили до гражданской войны. Табуретки, лавки, столы, шкапы, стулья, подблюдники, полки...

Вот – девять табуреток! *(Берет табуретку, приподнимает и опять ставит на пол, показывая на ее добротность и прочность.)* Что им? Век простоят, ничего им не делается!

Авт. – А посуду?

Е.Е. – У нас ничего не делали. Церкогора, все скажут, черепаны. Деревянную: бочки, лагуны – отец.

Авт. – А медная?

И.Е. – Это привозили купцы из городов. Лавка в Кобелево. Лес плавили в Усть-Пинегу, оттуда товар привозили. Братыни, ведра, рукомойку – это из Архангельска привозили. Фарфору, фаянса – эта в Карпогорах было.

Е.Е. – Кузница в Околке была, така, не казенна. Кузнец был Гаврила, отец Федька, Петро, наш дедушко. Я помню, что обод для колес ездили в Шотогорку окатывать, там мастера были. Дверные ручки етта здесь ковали, а замки, ключи – казенные, продажные были. Это возили. Один ключ был огромный для амбара.

Авт. – Что сажали, сеяли при единоличном хозяйстве?

И.Е. – Сеяли? Ячмень, рожь. Овса не сеяли. Овес после гражданской стали сеять. Картошки мало садили, репы много, редьки, лен, коноплю. Картошку стали садить после гражданской войны много-то. А так мало купусту садили. Помидор, свеклу, морковь, огурцы не садили. В лесу собирали грибы, ягоды.

Авт. – Много было раньше?

И.Е. – О-о-о-о! Возами возили. Вот у нас мать печь затопит, корзину схватит. Ево обежит (показывает на лес около дома). Первые чугуны ставить приходит, полна корзина. А сейчас уже нет, мало грибов. Химии сейчас много! Ягоды: черника – о-о!, да такой там – у-у! Хоть лопатой греби. И черника, и брусника. За морошкой ходили на Большо болото, километров пять–шесть, где грядами и топь. Но так не по всему болоту, часть только грядами с топью.

Раньше удобряли только навозом, торф не брали. Только сейчас его берут.

Е.Е. – Торф тоже полезный, но только без ума берут, ладом надо делать. Он ведь тоже поля удобряет, землю легче делает.

И.Е. – Раньше каждый метр нады выкопать и вычистить. Вот видишь, у нас телятник был. Коров во время страды-то, коровы кочевали. Так чтобы не искать, ак вот ево Чеблаково есть (ручей), так отец расчистил. Филиппово тоже так метров 500 было телятник огорожено, чтоб на наволока не ходили. А тут опять, под гору идти, лесочек. Он тоже не был, тоже телятник был. Филиппов да Иванов, у каждого свой был. Все заросло больше. Чистый был ведь!

Е.Е. – Как не заросло! Чистый давно уже был. Тепере в лесу никто скота не ходит, а не то что. Теперь по наволокам ходят. Есть ведь низкие места, а там суходольны, высокие места. Которые расчистили-то. На тех хуже сено ведь!

Авт. – А рыбу ловили?

И.Е. – Раньше какую хошь рыбу и сколько хошь лови. Ничего не ограничивали. Не все ловили, ведь работы-то и другой много. У меня мама ловила! Сама она. Лещей ели. Нас людно было.

Е.Е. – Когда же поедешь (на рыбалку)? Скорее етта все с полями, своя земля – не запустят ведь: то сено ставят, то в лес поедут, то жать поспело, то лен вырвать, замочить надь, то конопля подоспела. Так все одно за одним. Все надь! На еду-то время выберут все одно. Но раньше рыбы ели больше: семга, сиг, хариус, щука, окунь, лещ, карась... Карась – пахнет он... (Екатерина Ефимовна сморщилась брезгливо). Готовили в русской печи. Раньше много ели репу: пареная, сушеная – сушенки, и толкли зимой, как это повидло. Все с квасом ели. Все ушат натолкут. Сладкая таки. Надо парену тоже, чтобы мерзла она была, ведь тепло она и выживе (забродит). Мы в лесу жили, так нам в лес посылали репу, ведрышко. Она мороза не боялась.

Авт. – А пиво варили всей деревней?

И.Е. – Пиво варили. Пивоварня была на горушке. Солод все сдавали и пива варили. Отец варил, Александр Васильевич (Богданов). Кто постарше, те и варили.

Е.Е. – Последний раз варили еще после войны. Уж Николай был председателем, уж тогда пивоварню стопили на дрова. Котлов не было: у нас их составили на скотный, котел большой пивоваренный такой. Ак, мы все в Лохново ездили. Был котел у дяди, мы туда ездили за котлом. К печи приставим, ак, уж сварим!

И.Е. – Бересту в кубах: бочка больша греют. Деготь и пойдет. И серка идет, ее малы все ждем. Дегтеварня была.

Е.Е. – Сами деготь гонили. Деготь хоть счас гони: у нас есть больши таки горшки. А ведь свой деготь хороший. Мы им сапоги мажем. Деготь для кожи шел.

Авт. – А одежду шили сами или были портные?

И.Е. – А уж хорошу одежду сами не шили. Портные ходили.

Е.Е. – А уж шубы не шили. То портни ходили. Учены. Только пестрединники да рубахи шили сами, постельное. В Кобелево была (портниха), немка звали, не овсе хорошая.

Авт. – Постель из чего делали раньше?

Е.Е. – Матрацы – из соломы. Подушки – из перьев, из дичи охотничьей. Перины были пуховые, шерстяные. Шерсть в магазинах покупалась, это у кого хватит (денег). Одеяла из овчины шили. Стеганные из ваты. У нас быва лет 20 шито, сперва из овчины, а потом сверху черным сукном подернут, потом краичка голубым, а сверху – красным, кругом эко». *(Екатерина Ефимовна показывает мне это меховое красивое одеяло. Оно теплое, им укрывается Илья Егорович, его постель стоит у русской печки.)*

Авт. – А ткацкий станок у вас есть?

Е.Е. – Есть. Я мало ткала. Мама ткала пестрядь, на полотенца, на 4 подножки, две и четыре. *(В углу комнаты, под иконой, стоит на полочке очень красивое литое распятие с эмалью, высотой 35–40 см. Мы не удержались и спросили о нем.)*

Е.Е. – Распятие медное с эмалью. Кто-то смотрел, ак, говорят, 300 лет. А распятия большие в крестах на кладбище ведь не унесли! А сейчас: сегодня поставь, а завтра пойди – кто-то уже выковырял. У нас у мамы иконочка вверчена была, все равно достали. Все грабят. Раньше скажешь: «Возьми!» А ты не возьмешь: на что оно мне? Ну-ко, ты с покойника возьми?! Я не возьму. А сейчас ничего не боятся!

Авт. – А что носят на обетные кресты?

Е.Е. – На обетные кресты нужно класть, вешать пелены, и платье, и рубашку, и майку положь, все новое. Чего только не навешено. И деньги кладут.

(В разговор вступает Илья Егорович. Из записей бесед да и из самого разговора видно: что один начнет, другой продолжит. А еще: когда один говорит, другой думает, вспоминает, а вспомнив, возвращается к теме, которая была затронуты раньше.)

И.Е. – Раньше вот ишь 7 лет неурожай подряд, говорили так, а три года – часто. Вот из-за этого эти оветные (обетные) кресты и делали. Пекли хлебы. Чтобы отвести неурожай.

Е.Е. – У нас здесь хороше место (имеется в виду околок Усть-Покшеньга). У нас здесь мороз, может быть, и не был. А в Жабье поумирало много мужиков, а у нас никто не помер. Народ-то ходил, выменивал хлеб. У нас морозов не было. Жабей что, там мороз бьет картошку, и все.

У нас: мы жнем жито от реки – это зелено, но все отойдет. У нас етта не било (морозом). А в Жабье морозом все бье: и жито, и картошку – беда! У нас от реки Пинеги тепло, испарение, и не заденет. Жабье и Лохново заденет.

Ак, вот раньше и разбиралися: ты бы была у отца, он бы тебя в Лохново не отдал. Скажет: «Мерзло гнездо, замерзнешь там!» В Кротове там хороша у нас земля. Жабей деревню не хвалили раньше: сена худы. В Жабье, Земцове за сеном все надо на телеге трястись, а у нас как все здесь, рядом и ох как хорошо! Все на Острову. Сено хороше. У нас 70 га на Острове.

Мы с жабоконами (жители околка Жабей) жили вместе: ета робили. К нам приедут на наволоки: сено охапка за охапкой. А там ведь голы наволоки, плохо с сенами. Но тоже жили, то и больше в лесу-то было. А здесь хороши и вовсе сена-ти. Сено поставили, все разделили: это – телятам, тут – лошадям... Все рассортируем. Хорошо сено оставляли когда, то это уж на посевну. Мы знаем, что на посевну.

И.Е. – Раньше, знаешь, сколько на наволоке всякой травы! Сколько голубячего али медунисто, а где эта медуница?!

Е.Е. – Хороши сена, жалко теперь все идет скоту, и молока не продают. В магазине не продают, а коров ни у кого здесь нет. А раньше у каждого корова была. Извели почто-то, и пастух не стал. Всех извели. И пасти не стали, и гонять. Раньше пастух идет, в трубу играет. Рано, коль красиво он поет.

Авт. – А зерно семенное свое было?

Е.Е. – Свое, свое! Отбирали лучшее. Семенное лучше сушилось. У каждого были свои гумена и рига. При колхозе овины были, сушили. Овин-то менее избы. Высушишь 60 овинов, 70 – хватит на посевну. Останется еще. Высушим, само лучшее зерно – это на семена. Ладом высушим, ладом все. Сперва, вот тогда ране, в войну государству отсыпем тонн сколько надоть, во-вторых, засыпем семена, а в-третьих, на еду. Амбары у каждого свой, и казенны были. Семена все свои: лен, конопля. Веревки вьешь, в лес поедут: вожжи, веревки – все надь навить, все напресть. Государству сдавали лен-волокно, зерно. Какое-то время лен сеяли, а потом не стали. Привезли как-то год базарское, посеяли один гектар, а убирать некому: трудно его. Надь и сено ставить, надь все! А лен надь выдрать, обруснуть, замочить! Все вручную. Не хватает людей. После войны совсем не стали сеять. Веревки вили для колхоза: и сено возить, и лес заготовлять. Сети плели из ниток льняных, крепки. Шили это все портяное, все своими нитками, ак, после войны не было ниток, так машина (швейная) шила своими нитками. Пряли с прялки веретенами.

Авт. – Илья Егорович, а вы не помните, как раньше, до колхозов, управляли общиной?

И.Е. – В Карпогорах один писарь всей волостью управлял до гражданской. Управа. Где-то есть две книжечки «Слово и дело». Интересно, как все шло. Не, не найти сейчас. Урядник был вместо милиции. В Карпогорах – на всю волость.

Подати собирали специальные люди, свои, выбирали. Вот мой дядя Трофим.

Авт. – А сходы были?

И.Е. – Сходы были: делить землю, сенокос. Землю-то, вишь, в одной деревне больше, в другой меньше. У нас вот были Исаково поле да Ефима Прокопьевича (Кобелево). Вот я расчистил, и это пошло в общину, а потом у нас лишня земля, а у них не хватает по едокам-то, и им по едокам-то.

Авт. – У вас родни! Небось, в каждой деревне?

И.Е. (смеется) – Уй, дак много всех-то. Да в каждой деревне: на Холму Ушаковы – там сестра матери, в Кобелево – Егор Тимофеевич был-то, вот мать – тоже сестра. В Красном-то – Анна-то Карповна, в том доме Иван – сестра матери за Иваном замуж была. В Кротове – тоже сестра матери. В Лохнове – дядя был мне. А Анатолия Артамоновича (Попова из Красного) – отцу-то сестра была в их роду. На Марьиной Горы тетка была... Вот сколько было! Сейчас никого нет.

Авт. – Илья Егорович, вот вы говорили, что раньше на строительство дома крестьянину давали в год 10 бревен, это было при царе? А потом как обеспечивались строительным лесом?

И.Е. – А при царе каждому 10 бревен бесплатно каждый год. Тогды и занимали у соседа, если он никуда не будет потреблять. После революции, после гражданской, тогда было просто: выписывали у лесничего билеты. Тогды, ох, у Покшенья все расчищено. Коллективизация еще не пошла. Тогды каждый старался сенокос, а с этой расчистки лес товарил или для себя, или продавал. Кто с головой-то, о!

Я вот говорил Витя-король с Шотовой был. Там в Шотовой, там больше задавался, там хороший ельник. Портовый лес. Елово место срубит, дня 15 марта едет барин-лесничий, чтобы все у него было, все на месте. Торговали наши, кто с головой-то.

Авт. – Илья Егорович, а ель в строительстве использовали?

И.Е. – А повети из ели. Дома из сосны строят. Ель от сырости прочней. А избе – сосна тесать легче, сучья меньше. Ель тесать – суковатей. Ель пуще уводить. Сосна прочней и глаже. Ель мягче.

Беседа с Поповым Василием Тихоновичем

1992 г.

Выбор респондента. Василий Тихонович один из старожилов, в 1951–1956 гг. был председателем колхоза. Он родился в 1914 г. в деревне Красное, тут живут все его дети, некоторые из них уже умерли, сам Василий Тихонович умер в августе 1992 г.

Словесный портрет. Василий Тихонович – высокий, худощавый человек. Черты лица удлиненные, глаза голубые, волосы седые.

Две беседы состоялись в разных местах: одна – на улице за домом, а другая – у него в доме, где он жил с сыном и его семьей. Когда мы сидели за домом на лавочке, был теплый, солнечный летний день. Василий Тихонович все еще что-нибудь делает: вяжет веники, метлы.

Беседа первая

Авт. – Василий Тихонович, расскажите о себе, о своем роде?

В.Т. – Дом моего прадеда Григория крайний был в этой деревне. Он служил лесничим. Челноками тогда звали. Раньше 25 лет служили (в армии). Он 25 лет служил (лесничим). Семья большая была: пять девок и, ба, три сына. И он лесником 25 лет служил вместо солдатчины. Ездил на лодке быстро, как челнок. Его Челноком и прозвали. Его дача была от Пиремени и до Охтомы. Все в его веденье было. Время между посевной и сенокосом должны были (крестьяне) отработать у него и отметиться. Должны были прийти, подрубить, а он наблюдал за лесом. Он был лесничим государственного леса.

У него (был) сын Матфей (мой дедушко), Демид, Аника. Аника утонул молодым, остались жена и дочка. Жена без мужчин и осталась без земли. Она попросила, чтоб ей принять дворовика. Чтоб его приняли и землей придали. Согласились. И тогда она приняла с Земцова Михаила. От Земцовских Михаил. Потомки остались. Они уже были наши, третьи.

Деомид, два брата разделилися, он остался здесь. Он погиб, осталась Деомидова Марья, деденка. Она с Шотовой Горы. Осталась-от девушкой без земли. Вышла замуж в Кобелево за Федосия Дормидонтовича (Щербакова). Там надел имела.

И почему вот в то время, когда в Охтоме никого нет, он (прадед Григорий) всех угодьями наделил: покшена и кротовцы, все заехали в Охтому. Там охотничьи избы, и чащинины, и сенокосы. А вот лохновцев там ни одной души нет: ни охотников, никого. Там все Покшеньге отдано. Сенокосы были: Дюкова, Видукурья, Челночиха – само поливно. Наши ставили, так Челночихой и звали.

А земцовцы все поселились в Озера, Ракоскинские. Вот так все распределилось. В то время он ведал и право имел – всем распределилось.

А пахотной земли было мало. Вот здесь только (показывает на угоры за усадьбой), а сенокосы были там. Землю выровняли все вместе и распределили.

Я еще помню, как землей менялись, делились. Тут вот Дюков наволок: тот конец этот год ставят наши, а там други. Через год меняли. Душник был. У тебя две, у тебя три души было, у тебя пять... Размеряли все. Если мальчик родился, прибавляли. Раз в 10 лет, потом почаще, через пять лет. Соберутся наши летом на улице. Горушка к жабоконцам принадлежала. Список, душник. Палка одна – одна душа. Палка не полтора и не два метра, называлась душник.

Сей год первый получал, следующий год будешь последний получать свою долю, передвигались. Колесом все шло. Список хранился. Староста был, Трофим Строговский, хромой был. Староста – он как милиционер, карпогорскому подчинялся. Порядок наводил. Налоги и подати собирал пристав. Пристав приехал, плот за рекой – ругается! *(Смеется.)*

Кыркалов, лесопромышленник с Шотовой был. Закупал лес. Как-то вырос быстро. Еще (Амосов) Давид Миронович рассказывает, как вместе лес заготовляли, рубили его. В Архангельск лес сплавил, несколько мужиков подряжал. Договорился, сколько-то там пообещал, и алле! Плотами. Заплатил по гривеннику, а там по рублю взял. И сразу прибыль. Он там, в Архангельске и завод построил.

Что-то у него там не получилось. Лес перепутал, что-то еще... И он отравился. Закончилась династия Кыркаловых.

У меня жена умерла в 1978 (1983 ?) году. Я женился как в 1934 году, еще 22 лет не было. На Вере Осиповне. Женился, и в Суру уехали, а в декабре Витя родился, первый сын, и Миша, двойня, три–четыре дня пожил и умер. Вера Осиповна Фефилова родом с Кевролы. Ее брат Григорий Осипович учителем был здесь (в Жабее) в начальной школе. Она вначале в Верколе работала, а потом сюда приехала, в школе и жила. Мы и познакомились здесь. Я приехал домой в отпуск и женился. Я ее брата и раньше знал. Пошли и переписались, не надь месяц ждать. Сватались, отпраздновали, в Кевролу съездили к родственникам. В 1935 году с ребенком – к бабушке с дедушкой. Дедка бригадиром был, так ей бригадирство передал.

Я в армии в Ленинграде служил в саперном батальоне. Я год только служил, заболел плевритом. Перед финской-то войной. В лесу в палатках меня прохватило, и – в госпиталь. У меня плеврит. Я полежал, и на три месяца домой отправили. В палатках жить никак (нельзя). Я домой приехал, три месяца пожил, срок вышел. Я в военкомат в Пинегу приехал, документы показать, а уж призыв идет. Райвоенком в Суру уехал: с Суры начинали, а потом вниз спускались. Два района военкомат обслуживал. Мне-то надь заключение врача. А офицер говорит: «Давай-ка – в Архангельск, в военкомат». Ехать нечем. В Архангельск по Пинеге (и Двине) приехал. Меня там посмотрели. Я пришел в облвоенкомат, офицер говорит: «Пойдем». Поглядел на меня, спросил про семью. Он говорит: «Что тебя брать? Ты уже необученный, и брать-то тебя нельзя. Давай тебе выдадим билет и поставим статью, что годный да необученный, и езжай домой!» И отправили меня, и я совсем воротился. А я как приехал, меня в колхоз, раз, и председателем сельсовета, а Егорушко Немытов, его призвали... Финская началась, мобилизация, добровольцы. Председателя не брали.

Участков у колхозников не было, а только в колхозе. Тут решили участки всем дать по 25 соток, рекомендовали и сенокосу до двух

га. Но в нашем районе это много. Шотова, Марьина, Немнюга – у них там большие угоры, и могли дать, а у нас что тут? У нас тут Дюкову отдай, и коней кормить нечем, сразу надо ехать в лес. И решили сенокосов не давать. А из заработанных кормов выдавать по трудодням бесплатно. У кого старики и у кого мало, для тех торговый фонд.

Сено, где наставлено, лошадь – бесплатно. Лес – бесплатно. Колхоз рубит бесплатно. А с лошадьми что получилось. Просят: «Дай Данилки (кличка лошади), я съезжу к празднику в Немнюгу, утром приеду». Я: «Поезжай, – говорю, – поезжай». А председатель ревизионной комиссии тут стоял, я не обратил внимания, а он на ус мотал. А председатель ревизионной комиссии все так проверил и говорит: «Вот только от лошадей доходов нету. Ездят, – говорит, – к празднику, проезживают бригадиры и начальники, а денег ни копейки в кассу, говорит, не поступило. И к прошлому году, и сей год нет» *(Смеется.)* Жонки взялись: «Эка беда, съезжу, – говорят, – к празднику! Эк робим, да чтоб на лошади! Куды, ведь мы не в Город поехали. Ну, упряжку съездим, велико дело!»

Авт. – А сколько детей было у вас?

В.Т. – Пять сынов и три дочери. Гена, 1937 года, помер. Трактористом был. В лесу холодно, заболел, с почками случилось. В больницу увезли, и помер, 53 ему, с 37 года. Все дети учились семилетку. Я живу с последним сыном Колей, 1949 года. Школу кончил, ФЗО, СА, тракторист. Сейчас здесь, в колхозе работает. Вот всего 20 внуков и внучек и 20 уже правнуков. *(Смеется.)* Я уж забыл, как всех звать, и все ездят в гости.

Авт. – А где еще работала ваша жена?

В.Т. – Вера Осиповна, когда приехала, она – бригадиром. Когда война началась, ее сюда на маслозавод мастером. Она и счетовод, и директор, и ее, раз, и секретарем партийной организации. Все в семье коммунисты. Я – 50 лет, с 1940 года коммунист.

Авт. – А где вы работали после войны?

В.Т. – Из сельсовета ушел, в него возвратился в феврале, а в августе – заведующим райсо. Война, никого, пришлось идти. Вера здесь осталась. Мне там дали квартиру. Четыре с лишним года в райсо. Брат учился там, так жил со мной. К 1951 году освободился, обратно уехал.

Авт. – А в чем заключалась работа в райсо, какие специалисты были, как принимали решения?

В.Т. – В райсо все 42 колхоза были в нашем подчинении. В отделе были: главный агроном, агроном по семеноводству, два зоотехника, землеустроитель. Я – начальник отдела. Собрание – обязательно съездить надо. Где смена председателей, нового выбирали. Снимали, все было: «Езжай, езжай...» Все едешь. С области директивы идут, а мы соответственно им все выполняем. Отчет, нам оценку дают. Решения по району принимают. Да, директивы были.

Соответственно директивам мы председателям колхозов указы давали. Отчет раз у нас, отчет годовой сдавать надо. Совет на облисполком вызывали. Району Красное Знамя вручили. Заслушали, и было принято решение, за такие-то показатели район добился. Еще премия дана была там, похвальная грамота. Давали, лично вручали мне. Тогда на конях да на самолетах летали. Мне часто ездить приходилось. В колхозе тогда сеяли кукурузу. План нам дали: пять гектар по всем колхозам. У горы тут сеяли. Семена привезли в початках.

Авт. – Это при Хрущеве было?

В.Т. – Да, Хрущев был. Я председателем сельсовета (колхоза) уже стал. Что, будешь сеять пять гектар, куда кукуруза! Ну, тут против химии участок, контора лесничества. Приезжаем, я да Григория Самсоновича тут перевели. Участок посеяли. И посей тут 25 или 20 соток кукурузы. А оставлено поле было под кукурузу, горох с овсом засеяли. А сводка там, кормоотчетность, теребят: «Сколько там кукурузы?» – «Да 5 гектар, скажи, в кормоотчетность государственную, которую ведет статистик». Там только однолетние травы. Митя Галашев прибежал: «Сколько, скажи, все-таки кукурузы?!» Прилетит (прибежит, придет): «Только, чтобы было точно!» – «Да ставь гектаров пять!» Ну, все план больше выручали.

Наш депутат был, начальник Денисий, как фамилия его? Забыл. Ездил в Сылогу, брал коня у меня. Верхом едет, к вечерку так – к химии. Здесь заседание правлений было, пригласили. Вошел: «Это что у вас, кукуруза?» Жито поднялось, живет, подойдет с дороги, чисто кукуруза, и все! *(Смеется.)*

Ну, там, в Карпогорах-то народу было угнано, засеяно много было. Он говорит: «А вот там, в Кобелево, у Попова какая кукуруза! Как чисто там!» *(Смеется.)* Что такое? Приехал Сухановский смотреть: «Где кукуруза?» – «Вот!» – «Так это что, вся тут?» – «Вся!» *(Смеется.)* – «Так у тебя пять гектар?» – «Вот насеяно тут пять гектар». *(Смеется.)* Ну что тут! Заругался. Что же ругаться!? Что посеяно, не вытащат! Собирать что? В початках положено. Вот меня вздумали на исполком. Вызвали. Что тут! Велено ругать. Мне ничего не дали. Руки коротки. Раньше наказывали, снимали. Сейчас без голоса колхозников не имеют прав наказать меня-то. Постановление вышло: запретить председателей колхоза снимать другой раз на райкоме да на райисполкоме-то. Пожалуйста, виноват, так ставь перед колхозниками: колхозники сами решат – виноват или не виноват. Соберите, что скажут: снимут, накажут, выговор дадут! Пожалуйста.

Авт. – А когда вышло это постановление?

В.Т. – Это было в 1953 году, постановление вышло: ограничить. «Ну, что, – я говорю, – кукуруза тут у вас вырастет, сколько денег потратили на гектар? У нас не надь, а урожай овса хороший будет! Правильно я сделал!» Кто смеется, кто ругается! *(Смеется.)* «Ну,

так зачем, – говорят, – наврал-то в отчетах?» – «Так надоели больше, так скажешь! А в отчетах я ничего не наврал».

Авт. – Василий Тихонович, а какие колхозы здесь были?

В.Т. – В Красном был колхоз им. Молотова, а в Кобелево – «Красный Север». Потом – «Победа революции», когда всех объединили. В 69-м совхоз, нет, сначала с Земцово, Кротово объединили. Сначала «Родина». Сухановский был председатель райисполкома. Тогда: 50-тысячников было направить в колхоз. К нам приехал секретарь райкома, райплан, всех не помню. В том числе я, я-то здесь в колхозе, здесь жил. Я уже в Покшеньге был. Скомандовали. Раз такое дело, то пойду. Дал согласие. Собрали в колхозе собрание. Куда же тех, Кротово и Земцово? Далеко, связи нет. Куда же! Три колхоза объединили, а тех потом присоединили, когда я уже ушел. Я в 56 году заболел и ушел.

Меня увезли в психику в Архангельск. Ну, комиссовали, и на комиссии – на пензию. Уволился. Но я, как колхозник, я буду трудодняк, как все остальные. Народ-то бедствовал.

Но у меня перерыв более 5 лет в стажу. Как колхознику у меня пензии нет. На группу дали пензию. На комиссию не ходил, а как инвалиду не давали ничего, не полагалось. Установил 25 рублей. 25 рублей инвалиду. Директор школы встретил: «Ну, Василий, тебе и пензию откололи! И на бутылку не хватает!» *(Смеется.)* Что тут такое было! Вот я год, куда деваться? На маслозавод оформили: робил там. Приняли бондарем, рабочим. Петр Михайлович там ящики делал, там делать нечего вдвоем. Куды, чего пойдешь? Пензию оформил. Стал работать. Потом мотор, двигатель поставил. Ремонт проводили. Трактористом все 17 годов отработал. На пенсию уже по старости переоформился в 63 году (в 73-м?).

Вера Осиповна (жена) работала до пенсии на маслозаводе. В 83-м умерла – почки и сердце признавали. В Архангельск возил. Поехали в Карпову. Срочная операция. Оказалась больная селезенка. Не то лечили. Она уже не жихарь. Девять дней там полежала и умерла. Привезли сюда, хоронили в Кобелево. Здесь все родственники похоронены. У меня в пояснице осколок: нельзя удалять, а то вторая нога отнимется.

Авт. – Василий Тихонович, а вы что в хозяйстве у себя держали?

В.Т. – Всю жизнь корову держал. Когда жена занемогла, тогда держать не стал. Овец. Сейчас теленок – на мясо забили. Невестке Нине сейчас некогда обряжаться с коровой. Овец держат. Я швабры делаю для мытья полов: из дерева, резины и гвоздей. Все время без дела не сижу. Надо в лес, заготовлять материал.

Авт. – А для кого вы делаете метлы, швабры?

В.Т. – На фермы, для подсобного хозяйства на лесопунктах. На лес их меняли: машину дров привезут. А сей год не успели: не навозил сын материалу – сижу, скучаю.

Авт. – Василий Тихонович, раньше были артели. Вы не помните, как они организовывались, кому подчинялись? Расскажите, пожалуйста.

В.Т. – Я помню, как организовывалась первая артель: на Горушке была организована. Александр Иванович Кузьмин председателем был ее. В 20-х годах. 27-м? Я еще в лесах не ездил, еще раньше. Тогда лесоводства не было. Лес заготовляли в артелях. Лесопунктов, леспромхозов у нас не было. Леспромхоз приехал в 30 году, наверное. А до этого артель была. Потом подсочка, смолокурение – это все было лесхимартель. Правление было в ... (*не понятно*), потом в Кобелево переехало. И входили в нашу артель: Немнюга, Шотова, Марьина и вся Покшеньга. Все были на артельном хозяйстве.

Артели эти были по всему району: в Кушкопале – артель, в Верколе – артель, Нюхче – артель. И все эти артели объединялись в союз. В Карпогорах был райсоюз, лесхимсоюз. Выбирали уполномоченных, выбирали там правление и отчисляли от доходов на содержание этого правления. В области был обллесхимсоюз. В Москве был Всегопромсоюз. Управление было сверху донизу.

И в эти артели входили промартели: пошивом занимались, валенки катали; бондарные артели бочки производили. Пилорама была в Пинеге: доски напилят, бочки сделают и в Архангельск отправляли под треску и под канифоль. Потом канифольный завод на месте построили, стали возить с Пинеги.

Потом артель ликвидировали. Потом оставили химартель, подсочку. Сами хозяева, снабжение шло через потребсоюз. Передали все леспромхозам. Это было в 1953 году. Леспромхозы все бросили, подсочку бросили.

Там (артель) платили деньгами: заработки хорошие были. Год проработали, получили доход. Всю етто продукцию сдали: прибыль, сразу 35% – налог государству, 15% – на содержание вышестоящего звена, а остальное делите сами. Много когда прибыли, то там выделяют на развитие предприятия, на путевки. Мало, так делили по заработанным рублям. А последние годы школу стали строить, в сельпо отдавали. Собрание артельщиков: прибыль, давай артельщики делить остатки прибыли. Сельпо 5 тысяч – на школу, да школа нам же идет, выделяй! Сейчас, где сельпо, ликвидировали, передали там в Карпогорах все. Непонятно, что куда.

Потребительское общество: тут начальники назначены, ревизионная комиссия, и все учитывали сами. Попробуй там, где что, пайщики шум поднимут! А сейчас кто что знает? Ревизионная комиссия отчитывалась, и требовали. На общественных началах работали. Ревизионная комиссия – оплатить решением собрания: сколько дней затратили. Из этой же прибыли.

На Шилеге смолокурка была своя, покшеньгская. Ехать надо, называлась Кировская. Ее построили, когда Кирова убили. Назва-

ние получила Кировский (завод). Оборудование: два казана, шесть кубометров, здорова бочка, внизу выложено из кирпича, там дыра, потом деревянная колода, холодильник, трубы, медная крышка. Греют. Кругом топка. Дрова порубят, дымоходы кругом. А вниз – смола, 37–40 часов, и смола готова. Выйдет примерно две бочки по 130 килограммов смолы и 18 литров скипидара. Считай два дня, а потом загружай по новой. Могла работать круглый год.

Подсочку делают весной, режут кору, чистят, это делают по насту, а то и с осени приготовляют. А весной растает, пойдет сок, и начинают резать, через день, через два. А сейчас с химикатами, неделю не ходят. Впрыскивают какой кислотой, и она не застывает, и течет. На солнце жаркий день к вечеру уже все засохло, надо опять подрезать. Раньше по 3 тысячи дерев делали, а теперь через неделю – по 17 тыс. и собирают по 6–7 тонн. А сейчас лесхимхоз, в Сии – контора, мастер. Вахтой работают на подсочке.

Беседа вторая

Авт. – Василий Тихонович, а вы что-нибудь знаете о гражданской войне во время интервенции?

В.Т. – Когда Архангельск взяли белые, французы, англичане, здесь было пусто в Пинежском районе. Белые взяли Пинег, уездный город, пошли сюда в Карпогоры.

А здесь была баржа привезена с мукой. Хотели забрать муку. А здесь организовались партизаны. Из мужиков здесь сорганизовали фронт. И белых не пустили. Посты поставили. Партизаны их встретили. Оружие, винтовки тут привезли из села Верхней Тоймы, Северной Двины. Организовали, встретили их и турнули. На той стороне тоже мужики были. Дробовики, винтовки, пули куют, рубят свинец. Кузница была некорыстна. «Встречать белых идем!» Красные ушли, белые расправлялись. Видно было, что Архангельск без нашего фронта возьмут. Николай Егорович (Козьмин – мой дед) партизанил. Молодые – на лыжи и смылись. До Охтомы доехали, хлебцы съели, приехали домой-то, их арестовали. Афанасий Леонтьевич да Константин Тихонович, Саввий Лаврентьевич – их арестовали да повели в Архангельск. Там на Мхах расстреливали. (Мхи – место, где сейчас стоит железнодорожный вокзал). На Мудьюге (остров в Белом море) – тюрьма. Там были сколько-то. А наших-то выгнали, пришли пешком.

Авт. – Василий Тихонович, до коллективизации как жили в деревне?

В.Т. – В магазинах сахар да и все появилось. Хлеб-от сами пекли. Сахар да муку привезли с Пинеги. У отца были корова и лошадь. На охоту не ходил, рыбой не занимался. Плотничая, ходил, строил дома. Но земли по душам мало было. Картошки, ячменя, рожь – не хватит, дак докупали. Лен, коноплю сажали. Мать ткала, пряла.

Авт. – Вы в школе учились?

В.Т. – В 1924 году. Школа в погосском доме, где сейчас учителя живут. Четыре класса было. В школу ходить было необязательно: хошь ходи, хошь не ходи. Я четыре класса кончил. В 1930 году 7–8 хозяйств в колхоз вступили. На Горушке Евгений Михайлович Козьмин был председателем. Место дали в одном месте, да сенокос. Лошади три было. Все безлошадные, бедные вошли в колхоз. Год они были, на другой год массовая коллективизация. Кулачили мало кого. Тут у нас был Башкин Епифан Федотович. Маслозавод это там сейчас. Продали его. И Федот Малофеевич – старичонко. Его дом под школу перевезли, а сейчас здесь стоит, под садик, недоделанный. (Да, в Красном стоит огромный пустой дом – это второй этаж с дома Башкина, первый этаж был садик в Кобелево.) Митрофан Федотович тут был, председатель потребсоюза. Они грамотные были, торговали до революции. Пожар был, сгорели. Стали трясти-то, он в 20-м году съехал в Архангельск, к племяннику.

Кто остался? Старшая замуж вышла. Санька в школу со мной ходил.

А Митрофана-ти вперед обложили твердым заданием. Федора, его брата, тоже. Они уехали на сплав на Усть-Пинегу да больше и не вернулись. В Архангельске живут. Дом купили в деревне. Потомки-то есть, живут. А старичонка пустил, что тут, школа была. Жил в низкой избы, помер. В доме контора была, а потом скотный двор сделали. Некого было раскулачивать. Евсей, сын Федота, выучился, в Архангельске в НКВД работал. Федот-старичонка остался один, Анфиса за ним ухаживала.

(Здесь с домами ясно, что дома Башкиных: один – под маслозавод, один – под школу, еще один дом на рыбзавод увезли, а потом в Карпогоры под садик увезли. Если старинные дома огромные, то дома Башкиных еще больше.)

У нас тут артель была первое-то время. Лесоартель до 30-х образовалась: смолу курили, смолокурня была. Усть-Покшеньга, Немнюга, Шотова – все были в одной лесоартели. Смолокурня была в Земцово, Пыльменге, Немнюге, Шотовой, на Кировском, ниже Усть-Покшеньги: по Пинеге ездили. Подсочку, серу собирали летом.

Лесоартель лес сплавляла плотами. После образования колхоза стали сплавлять молем. Позорились! Все в песках застревало. Пароходами таскали. Плавить-то плотами не успевали, стали молем плавить. Первый-то год худо было, пока один мужик боны не придумал.

Я, как постоянный кадр, лес заготавливал: комсомолец-бригадир молодежной бригады. Вызвали – мастером подсочки надо быть. Мастеров не было. Я уже поработал, так взяли мастером. Позвали нештатным секретарем комсомола. Потом три месяца на

курсах поучился, и в Карпогоры позвали. В потребсоюзе работал, в Суру поехал, там старший у меня родился. Оттуда в армию уехал в 1935 году. В армии отслужил два года в Ленинграде. А потом приехал сюда и бригадиром работал. Пожар был большой в 1937 году. Меня в Кушкопалу направили председателем артели. Мне надо ехать, а Вера (жена) – мастер маслозавода, а там его нет, я отказался. И здесь меня – председателем колхоза на собрании. До войны был председателем. В 1939 году были новые выборы тайным голосованием по новой Конституции. Меня выбрали председателем сельсовета.

В 1941 году – на войне, в 1944 году вернулся инвалидом. У меня нога-то болтается, нерв перебит. Старичонка был председателем сельсовета. Жил в отцовом доме до 1952 года. Брат был в Австрии в плену. На фронте был сперва пулеметчиком, потом артиллеристом. Орел сдавали, Мценск, отходили чуть не до самой Москвы.

Меня 5 декабря ранило. В госпитале в Пензе лежал. Потом в Богородске три месяца на шофера учился. Богородск у города Горького на Оке. И опять шофером на фронт толкнули, опять на тот же фронт к Орлу. Орел брали, Харьков, Белгород освобождали. И тут меня ранило, отсюда вернулся.

А здесь поработал в сельсовете до лета-то, и утвердили в РСО (районный сельхозотдел райисполкома). Я уехал и 4,5 года там работал в Карповой. Отец здесь старый, ребята, семья. Стали колхозы укрупнять, я – на расчет, и домой надо. Я приехал, меня опять забрали председателем колхоза. В 1951 году колхоз «Родина» образовался из Лохново, Кобелево, Красное, Большое Кротово.

До 1956 года был председателем, да я заболел, меня отправили на пенсию. Пенсия маленькая, до армии заработная плата маленькая. Трудова по стажу как не хватало, но колхозникам не давали. Да у меня перерыв был шесть лет. Куда мне деваться? Счетоводом на маслозавод. Принять на работу приняли. Нечего делать, ящики стал делать. Год так проработал, пенсию получил.

Первая пенсия 25 рублей, вторая – 40, в 1967 году. Потом 70, 103 – как инвалид ВОВ, в 1990 году 625 рублей, с апреля месяца – на II группе. Две пенсии: как инвалид ВОВ и трудовая пенсия.

Авт. – А когда вы были председателем колхоза, как у вас складывались отношения с колхозниками?

В.Т. – Я не обижаюсь, и на меня не обижались. Сдавали мясо, молоко. Держали овец, кур (яйца), поросят, свиней. Был курятник. Когда объединились: свиней – в Кобелево, овец – в Жабей, три места соединились. Потом курей ликвидировали. Культуры сеяли и сажали по шестипольному севообороту: одно поле – пар, рожь, два поля – ячмень, одно – овес, пропашное – картофель.

Авт. – А как семенами обеспечивались?

В.Т. – Свои семена лучше, чем привозные. Удобрения были: навоз и торф. Химию не применяли. Урожайность зерновых –

12–13 ц /га, это амбарный вес. Сена – 15–17 ц /га, пойменое и лесное. В 1936 году стали нарезать приусадебные участки от 25 соток до 1 га и до 2 га сенокосов. Стали рассуждать, если столько выдать, ничего не останется. Порешили: участки – по 25 соток, а сенокос не выделять, а ставить общими силами. Из заготовленного корма до 10% выдавать по трудодням бесплатно и 5% – торговый фонд, за денежки купить.

И до войны карточек колхозникам не давали, а получастка картошку садили, да зерновые сеяли, да по трудодням (получали). Зерна не стало когда хватать, коров извели. Совхоз давал участки до 15 соток. Сейчас же все заростили. Пять–шесть гектар, на тракторе не заедешь. Года три–четыре как не стало лошадей. Когда сенокосы в лесах позабросили, отдали лесопунктам, лошадям-то делать стало нечего. Сейчас все поголовье – 200 коров. Меньше вполовину. Кроме лошадей. Севооборот весь сейчас запутан: ячмень да силос посеян, и больше ничего. Когда совхоз образовался, так севооборот соблюдать не стали. Как совхоз образовали, то картофель – в Лохново, и капусту здесь не садят. Семена нечистые, не отсортированные. Начальства много, а приезжают редко. Управляющий – лентяй. Отправили в Вологодский молочный институт, приехал, и управляющим поставили.

Для восстановления порядка необходима дисциплина, требовательность. Нет контроля за выполнением, за мерой труда. Лишь бы написать побольше да заработок получить. На маслозаводе все стоит, а везут в Лохново. И коровы рядом: масло бей. Отвозят молоко два человека: грузчик и шофер, и целый день отвозят, нет, чтобы тут переработать!

Беседа с Щеголихиным Павлом Владимировичем

Респонденты: Щеголихин Павел Владимирович, род. в1928 г.
Щеголихина Лидия Алексеевна, род. в1930 г.

2002 г.

Выбор респондента. Павел Владимирович на момент исследования остался одним из старожилов деревни, к тому же, по мнению жителей деревни, он – интересный, думающий человек, как мы определили «умный мужик». Это привело нас к мысли, что с ним надо беседовать.

Словесный портрет. Павел Владимирович – мужчина (в 72 года его не назовешь стариком) среднего роста, крепкого телосложения, с мужественным, суровым лицом, с печатью мысли на лице. Одет всегда аккуратно.

Беседа первая (21 июня 2002 г.)

П.В. – Мы с Георгием Николаевичем (Козьминым) вместе работали. Мы вместе учились. А потом в армию. Три с половиной года служил в Германии. Был коммунистом, и меня сразу в райком партии взяли. Ездил здесь везде по району, ну, не по району, а по Покшеньге. Сначала оставили в Карпогорах работать, потом в колхоз на руководящую работу. Потом обратно вызвали и отправили в лесную промышленность секретарем партийной организации освобожденным.

Работал в Кавре год, потом в Перенимский лесопункт, год там проработал. Потом секретаря сократили и меня сделали начальником лесопункта там же. Там мы шесть лет прожили, и в Русковеру перевели. Мы там с Георгием три года работали. А потом без согласия, без нашей воли перевели в Карпогоры в промкомбинат: там местная промышленность. Там я работал с 65 года до 84 года. Там по-разному назывались организации, но я был директором все время. А потом на пенсию. На пенсию вышел, родители умерли, мать последняя умерла.

Дедушко работал у Кыркалова, и они жили в Великом Устюге. Я сейчас вам покажу реликвию. Он был мастер леса, доверенное лицо. Вот печать. *(Достает и показывает.)* У него была власть, на сургуч ставил.

Авт. (Читаю на печати) – А.Н. Кобылин.

П.В. – Печать на сургуч, пломбировал. Это мой дедушко. В 1914-м приехали сюда снова. Он был хозяйственный мужик, тем более был доверенным лицом, было что-то накоплено. Он был против создания колхозов. Ему было предложено выехать в Карпогоры на суд в 34 году. Он не один, там шесть человек отказались от колхоза. Я интересовался о судьбе дедушки в органах, почему он осужден тройкой? Ничего не писали. Я снова написал. Приехал кегебешник, майор, с личным делом. Я ознакомился с личным делом. Оно толстое, так не один он, а все кротовские мужики. *(Достает бумаги, надевает очки, читает):* «Кобылин А.Н. 1897 г.р. был осужден по 5781 статье УК РСФСР на 5 лет ссылки тройкой 23 апреля 1934 года. Реабилитирован по указу СССР от 16 января 1989 года. Причины: до революции 10 лет работал доверенным лицом купца Кыркалова. В 1931 году принимал участие в антисоветской деятельности и способствовал борьбе по несогласию с ныне существующим строем.

Его слова: «Я сейчас старик, свой век отжил и скажу правду, что знаю. Мне все равно. Мы собирались и говорили, что делать, когда нас принимали в колхоз. В конце пришли к заключению – организоваться всем вместе и вести агитацию, чтобы никто не вступал. Нам это удалось легко, в колхоз не вступило более 50% населения, включая сельсовет. В конце 1932 наложили твердое задание. Тогда

было обидно за советскую власть, мы стали противопоставлять себя. Мы сошлись по своему прошлому. Про все рассказать не могу, но я настолько обижен, что меня раскулачили, что я способен идти на все, только ребят жалко».

Раскулачили, значит, гнали его. Ребята: Анастасия – 14 года, Иван – 20 года, Михаил – 25 года, да мать была замужем, уже отдельно была. Это дети, что остались. «Умер в Архангельске, на бирже Молотова, барак 4, комната 1, в 35 году». Это дело находится в Архангельске, Троицкий проспект, 54. Хранится там. А это подтверждение, что у Кыркалова работал. *(Смеется добродушно и стучит ритмично печатью по столу.)* Не пошли в колхоз, потому что были хозяева, нормальные жители деревни. Чего богатого? Ничего не было богатого. Дом, лошадь справна, корова. Быват шаль какая-то лишняя куплена. Чего лишнего? Наиболее хозяйственные мужики. Им, кажется, и сейчас так ведется хозяйство, а кажется заелся, зажился. Вкладывает труд свой. Это дедушко по матери. А мой дедушко был выходец из большой семьи. Большая, очень большая семья была. Наш род коренной. Наше прозвище Самоеды. Там лесок, борок такой у сельсовета, он называется самоедский борок. А я не знаю почему, самоеды – это национальность такая.

Авт. – А Володя Щеголихин?

П.В. – Это Черти, Черти прозвище. Мой прямой родственник есть Геннадий Николаевич, братан мой. А хозяин был прадед-то мой, Петр Федорович Щеголихин, у него пять сыновей и две дочери. У каждого был свой дом. А дедушко был не первым, а старшим был Константин Федорович, это отцу брат двоюродный. Он был активный участник войны гражданской. Он был во власти, первый год советской власти. Во время интервенции он скрывался в деревне, здесь, а жена была беременна. И жена родила в это время. Вот Валентину родила. Он не хоронил жену, и не знал ни жены, ни дочери. Но потом узнал, приезжал. В Сибири он жил. Валентина родилась в 1917 году. А сам Петр Федорович хозяин был, хороший хозяин. Была мельница у него. Своя мельница на ручью, на Еськине. Все они охотники. Охотники и рыбаки. Он погиб на вершине Покшеньги при каких-то обстоятельствах: или зверь, или что. У меня дедушко под медведем был. Он там погиб, и здесь его нет, не похоронен. Я это не знал, узнал совсем недавно. С отцом так это откровенно не было разговоров. Я даже про дедушко Кобылина мало знал. Стеснялись, боялись говорить.

Он погиб там. Я притащил, раз мельница, я один камень притащил на кладбище и сделал дырочку, табличку. Как памятник Петру Федоровичу Щеголихину. Это прадед мой. Все были такие порядочные люди. Любили труд все. Такая наследственность. Я тоже труд люблю.

Дедушко другой вообще труженик был, раскулачен был. Кегебешник вызывает, а я говорю: «Почему такой осужден тройкой,

а я служил за границей, такой наследник преступника? Я стал коммунистом там и больше двух лет был на секретной службе, служил там?» Сразу человека видят, кто чем занимается. Я еще в карантине, меня сразу в штаб. В штабе я секретчиком был. «Это вас уже не касается». И матери моей нет, в деле не фигурирует. Я его специально спросил: вот так и вот так. У меня было именная кличка Сверчок, и не Щеголихин писал, а Сверчок. *(Смеется.)*

Авт. – Доверие вам по наследству досталось?

П.В. (Смеется.) – Мешочек был. У меня печать в кармане. У меня допуск был. Не имел партийных взысканий. Сорок лет был коммунистом, потом все прекратилось. Был крепким коммунистом. Был все время на руководящей работе. Я занимался лесной промышленностью сначала, а потом местной промышленностью, предприятия местной промышленности. Что из себя представляют? Это предприятия советов в районе называется промкомбинат, который лес рубит, рыбу ловит. Я статью писал в местную газету, могу вам дать. Они большую работу проводили, эти предприятия. Заготавливали лес, рыбу ловили, грибы собирали, пряники пекли, калачи пекли. Александра Егоровна (Богданова) – она одна из первых трактористка. Все хочу ее пригласить и статью написать.

У отца было два брата: один старший, а Андрей младший, родился уже после смерти отца, бабушка беременна была. Отец в 14 году был взят в армию, царскую еще армию. Потом началась вся эта перетрубация, он служил в Петрограде в то время. Отец там, видимо, демобилизовался. Принимал участие в гражданской войне и был дважды ранен. А дедушко мой умер в 1915 году. Отец раненный приехал, всех девушек (сестер) замуж выдал и сам женился.

Авт. – А что значит выдать девушек замуж, это значит приданное какое-то дать?

П.В. – Да, раньше обычай был такой, надо приданое да сколотить все хозяйство, начиная, допустим, от ложки и до косы – надо сено косить.

Л.А. – А у меня судьба такая: со всем приданым. Познакомились, приехал и посватался. Через три дня свадьба. Три дня гуляли. А сначала за невестой приехали. Назавтра приехали, «хлебины» были. А на третий день сюда, это как проводины стали. Невесту везут с приданым. Вот у нас приданого целый ящик. Все хранится тот ящик с замком забережным. Вот там приехали, привезли. Мне свекровь: «Давай, Лидия, показывай, что привезла». Там и посуда, там и одежда, а потом коса была, грабли. Может не были, серп был, и вот постельное – все это было в приданое. И она начала выкладывать: чашка, ложка, вилка, стакан с блюдцем – мужу. Все в приданом было. *(Усмехается.)* Она: «Ну, выкладывай!». Она все это смотрит.

П.В. – Да и поженились, и вот ей 20, а мне 24. Я на 4 года ее старше. И женились, и прекрасно прожили. И вот скоро 50 лет. А я на

партийной работе: все переводят – ты там нужней, ты там нужней. Поспособней человека смотрели. Ездили. Заведем хозяйство. В Кылме работали: все есть – коза, овцы, лопаты, ухваты, все есть. И надо зимой ехать в Русковеру. Погрузили на трактор, на сани все это хозяйство, а потом приехали, а там квартиры нет. Приехали в Земцово (ближайшая деревня, на противоположном от Русковеры берегу Покшеньги). Там пожили. И [так]каждый раз.

Приехали в Карпогоры – квартиры нет. Уважили меня: «Как квартира первая будет, так ваша». Как сказали – так и сделали. Получил квартиру там, в 65 году, новую, и там сейчас до сих пор и живем, в зеленом доме: трехкомнатная квартира на 2-м этаже. Я не специалист, образование-то не получил. После школы не захотел. Отец еще в Архангельске, в армии служил. Я приехал поступать в техникум связи. А война еще была. Я говорю: «Да ну, там 5 рублей коробка спичек стоит». Я уехал враз в деревню. До 49-го в колхозе работал, на зиму в лес. Большую часть в лесной промышленности работали, а считались как колхозники. Работали и зимой, и летом другой раз. Летом сплав был. Все это делали мы – пацаны.

У меня было несколько возможностей получить высшее образование. В Ленинграде были высшие курсы повышения квалификации, высшее образование 2 года было. Я не поехал, потому что жениться надо было, – потеряю. Потом в Кылме начальником лесопункта работал, и на курсы. Главная специальность у меня был партбилет, раз партийный билет есть – оценят, на любую работу меня направят, запахать могут, заставят. И когда я учился на курсах на этих, там приглашали меня, направляют в Монголию на три года. Я отказался. Не поехал. Хотя работы всякие предлагали: председателем райпо, председателем рабочкома, председателем колхоза. *(Усмехается.)* И она (жена) без специальности. Оба прожили всю жизнь, получили профессию, освоили знания. Она ушла на пенсию с должности бухгалтера стройучастка.

А специальности никакой не было. Я один в семье был, еще сестра была, она меня моложе на 11 лет, умерла в этом году. Она училась в школе, потом работала в сельском хозяйстве зоотехником в Пинежском районе.

Приехал я в отпуск один раз через три года. После трех лет службы приезжал в отпуск. Это связано и с секретными документами. Я приехал в отпуск и купил себе костюм здесь. И барахло кое-какое привез из Германии, все дешевое там было. Я получал... ну, сколько-то денег получал по ихним ценам. А отцу с матерью надо деньги платить, шерсть сдавать надо, мясо надо сдавать, яички надо сдавать. Все надо иметь и сдавать. И я говорю: «Продайте мой костюм, я приеду, и опять привезу костюм себе». Продали этот костюм, немножко сдернули налог. Все трое работали.

При следующей встрече в конце августа Павел Владимирович, как и обещал, привез и отдал нам для ознакомления свою книгу-тетрадь, которая переплетена в твердый переплет темно-красного цвета, на котором золотыми буквами написано: П.В. Щеголихин, «ВСЕГО ПОНЕМНОГУ». Далее на первой странице сделано уточнение, что «Всего понемногу серьезно и в шутку», и отмечено, что записи начаты с апреля 1991 г. в Карпогорах. Эпиграф состоит из двух частей: первая – это слова Паскаля, а вторая – это мысли самого автора:

«Когда люди указывают нам на недостатки, они, разумеется, не только не причиняют зла, ибо ничуть не повинны в этих недостатках, но напротив делают добро, полагая исцелиться от недуга, состоящего в неведении своих несовершенств»;

«Здесь находятся личные выводы из происходящего в стране, оценка структур власти. Наблюдения и выводы по проходящим политическим вопросам, съездам народных депутатов РСФСР. Семейные поздравления, поздравления друзей и товарищей. Прошу извинить за некоторую безграмотность и прямолинейность. Это мне жить помогало».

П. Щеголихин

Январь 1993 г. Карпогоры.

В эпиграфе звучит боль, извинение-оправдание за суждения и осуждения и невозможность быть другим, потому что «это жить помогало». Второе поразившее нас открытие книги-тетради – это то, что она написана в стихах собственного сочинения.

Беседа (16 сентября 2002 г.)

Авт. – Каким отходным ремеслом, промыслом занимались ваши предки? Кроме Алексея Никитича. Охотой, например?

П.В. – Охотой? *(Смеется.)* Как же? С обеих сторон занимались охотой, сами по себе.

Авт. – Вот Илья Егорович мне рассказывал, что в школе можно было на столяра выучиться, или плетение из древесины. А он мальчиком сказал: «Я буду охотиться!» И первое, что он себе купил, – это собака и ружье. Когда он умер, собака у него сидела во дворе на привязи.

П.В. – У вас его запись очень полная и такая серьезная. И правда все на самом деле. Он жил вдвоем с Екатериной Ефимовной, детей у них не было. Жена его, Екатерина Ефимовна, работала в сельском хозяйстве, была бригадиром, в животноводстве работала. И очень хорошо работала. Очень добросовестный работник, человек добросовестный. И заслужила она поездку на Выставку народного хозяйства (ВДНХ). Первые делегаты были, и ей досталась такая возможность поехать туда. А Илья Егорович был на охоте.

И предложили на работе: «Вот, Екатерина Ефимовна, езжай!» Она, как дисциплинированный член семьи, решила у дедушки Егора, свекра своего, спросить. А он: «Нельзя. Никуда не поедешь. Мужик на охоте. Вернется. Никуда не поедешь». И она никуда не поехала. Я почему знаю? Я занимался изучением фотографий одно время. Вот где эти делегаты? Была фотография. И я ей позвонил, она сказала: «Меня свекор не пустил». И она не поехала.

Беседа с Богдановыми Анной Дмитриевной и Наталией Дмитриевной

1992 г.

Сестер Наталью Дмитриевну (1918–1995) и Анну Дмитриевну (1915–1998) Богдановых мы посетили один раз, они жили в околке Околок. Обратились к ним, так как они помнили про коммуну, созданную в 1929 г. на Усть-Покшеньге. Их родители были коммунарами.

Авт. – Расскажите, как образовали коммуну на Усть-Покшеньге?

А.Д. – Коммуну как образовали? Коллективизация началась: кто в колхоз, кто в коммуну. И ходят тут все и собираются. Хозяева-ти соберутся тут то к одному, то к другому. Говорят: «Ты куда будешь: в коммуну али в колхоз?» Так и разделялись, беседуют: кто в коммуну, кто в колхоз. Мне было 14 годов, это было в 1929 году. Мы жили с родителями, нас было четыре сестры: с 10 года была старшая, с 12 была, а я уже третья по роду. С района были уполномоченные, тогда райкомы-то были. Земельный отдел в Карповой был. Сюда все приезжали. Наша семья вся вошла в коммуну. Стали организовывать как? Чтобы своим-то единоличное не считали. Нас переселят в тот дом, а тех сюды, чтобы больше собственности не было так. Перемешали нас. И мы переселились, у нас полдома было. Сейчас его нет. Изба и перед были хорошие. Скотный стали строить, и все наше поместье увезли. Тут с краю, как идешь, был дом большой двухэтажный, нас в него переселили. Мы жили да одиночки. На верхнем этажу жили одиночки, мама тут варила на всех, на них. Все питались вместе. Коров тоже стали: где корова, где две. Общего-то (двора) не было: у кого две коровы, встают, у кого одна. А потом собирали там, на Усть-Покшеньге, в большом двухэтажном доме, был, где Николай Александрович, вот вместо его избы был. Маслобойка была куплена, сделана, тут и молоко стаскивали и перерабатывали. Я вот ходила зимой тогда: в креселках да лагун экой, да безмен, собираш у того, этого. Я и молоко соберу и тут это на маслобойку: пропустят через сепаратор. Надь ведь масло, надь кормить всех людей. Да на работу общую опять. Сами ели и государству сдавали. Коллективно ели. Коллектив тут это рабо-

тает вместе, готовили и вместе все ели. Не специальны были (повара), а где работают, тут и варят: хоть на пожне, хоть на севу. Коммуна просуществовала четыре года. А потом сошлись с колхозом. Я уж уехала в Явзору, секретарем сельсовета отправили. Потом здесь боле один колхоз (с. Кобелево) образовался «Красный Север», а коммуна была «Красный партизан». Весь инструмент, все это...

Авт. – А как с домами решался вопрос?

А.Д. – Ак, хорошо, у кого остался, а у нас вот у скотнего был перед такой, от раскулаченных. А у нас своего-то дому не было, мы и купили за 120 рублей. У скотнего-то и жили. К нему хлеву пристроили, корова была. А потом этот дом купили. 30 лет живем в этом дому. Потом у нас ничего своего: ни косы, ни чашки, ни ложки. Все перемешано было. Како дают, так, кто знает, чье? Перемешали все: и инструмент, и ни косы, ничего, ничего своего. Кому что досталось, потом покупали уж сами для себя. Потом в колхоз: лошадей, коров всех.

В Явзоре я два года проработала, я уж тут в сельсовете два года проработала секретарем. Потом мне 18 исполнилось, и я в Явзору поехала. Потом заместителем председателя меня сюда опять в Покшеньгу. Тогда единица была: заместитель председателя по финансовой работе. У меня образование четыре класса. А тогда ведь не принимают, там, в Карповой ШКМ (школа крестьянской молодежи) была. Принимали в первую очередь детей бедняков и красных партизан. А мы середняки были, и все. А я не попала, только образование и осталось.

Авт. – Вы не помните, кого здесь раскулачивали?

А.Д. – Александра твердым облагали, а так никого. Да, Ушакова Якова с Холма. А они кожи выделывали. Шкуры скота, кожевня была, кожу вырабатывали, шить обувь. Кожевню разом забрали, дом забрали. А потом молоды-ти стали жить, а старых раскулачили и высылали. А молоды-те есть. Нынче-то Яковлевых только год как нету. Куда-то выселяли из района, куда, не знаю. Сюда-то тоже привозили: переселенцы были же. Ну, а тут-то у нас, в Кобелеве, только Парамоновы были, в Красном – там Беляевы да Башкины. А твердым у нас облагали Александра Васильевича (отец Николая Александровича Богданова). Потом они вошли в коммуну. Налоги были тогда: шерсть, и на картошку, и на молоко, там и яйца.

Церковь-то, я помню, как разоряли, я уже приехала обратно сюда в сельсовет. Церковь под клуб, под школу разоряли: спиливали купол. А мы потом дубинушку тащили. Один дядька залез, подпилил купол, а нам веревку. Так мы человек 20 за веревку тянули. Он упал, крест-от глубоко в землю упал. А потом иконостас, тот весь после работы: кончился рабочий день, отработаешь и давай иконостас тащить. Под колокольню таскали, а потом, я не знаю, куды они делись. Сколько икон, о, как мы, молодые, натаскались! Какие там росписи были внутри церкви! Церковь большая была, приход

большой был. Раньше таскали, в Бога-то не стали верить, нам тут внушили: боле мы не верили. В церкви еще служили, о паски служат, а мы на улице с гармонью пляшем. Самые большие праздники здесь были Богородицы (19 июля) да Николин (19 декабря) день, да Петров. А у нас были праздники, и к нам все приезжали. А теперь обратно все будут праздновать.

Авт. – А деревня раньше была больше?

А.Д. – Раньше деревня была как не больше, теперь-то от нее что осталось? В 1966 году и то народу было сколько. Как пойдем на пожню, а сейчас что осталось? Здесь молодежи нет, а в Кобелево-то сейчас начали понемногу строиться. Здесь у нас (Околок) был скотный двор, 32 коровы. Его строила себе коммуна. Пока колхоз был, все двор был. Когда в Красном построили двор на заполье, тогда туда перевели. Кузница в Кобелеве была, здесь не было. Кирпич делали на Усть-Покшеньге. Кирпичный завод там был. Еще до коммуны был. Был он от сельсовета. Раньше был КОВ (Комитет общества взаимопомощи), завод вот его был (общества). Они накладную выпишут, я эта отпускала его. У Павла на угорошке была кирпичная.

Н.Д. – Тут еще пивоваренная была. Котлы были. Етта хорошо было. Пиво наварят. Это еще единолично жили, еще было. Ссыпались все солодом и варили. Все вместе сварят, а потом объявляют сливки: всяк с посудиной идет, и у кого сколько солода было, столько и наливают. У кого больше, у кого меньше. Все с лагунами, посудой придут. Пиво варили к праздникам: на летнее етта, на зимнее все варили, на кануны варили.

А.Д. – Летние кануны были у нас шестого ли, быват, июля, а в Кобелево-то раньше. Канун – солод, это пиво сварят и поручат, у кого будем праздновать. Этот год у тебя будем, например, к нам. И пиво наварено, все тут вместе пьют: празднуют, гостят. Это собираются только своей деревней. Его проведут и в конце договорятся: на следующий год мы к тебе придем праздновать. Канун раз в год бывает. На канунах пели, плясали, ходенцами ходили. Идут, идут, распустятся: по одной стороне идут, по другой, опять снова захватываются.

Водки так много не пили, водки пили мало, тогда не шла водка, как сейчас. Раньше екой дикости не было, как теперь, от беда, сколь пьют. Все пьяны, ой! А раньше – пиво.

Н.Д. – Поля тут хорошие, плодородные, все запустили, эти поля. Ведь многолетние травы были, насеяно тут было, дойка тут, ак, все запустили! Хлеба ох какие хорошие были! Сейчас ничего нет. Теперь насеяно, еко тут все перемешано. На острове наш наволок был, наделено было всем: и марьегорам, и всем, всем. Еще единолично жили, у всех были свои наделы.

У нас отец охотился осенями и зимой. На лесозаготовки ездил по подряду. Поредится столько-то заготовить, вывезти на своей лоша-

ди. Ну, они их тут снабжают опять, надают всего: муки, сахару, всего. И зарабатывали они.

Авт. – Низкие избы зачем? Доили ли в них коров?

А.Д. – Я еще в Явзоре жила, там вовсю водили. Тут у нас уж не так-то и стали водить. А там я приехала: караул! Тащат, тут заварено большой чан для коров. Обрядят опять обратно. У нас уже не водили, а там водили, она еще и черна, изба-то была. В переду-то холодно, низка ведь хорошо, тепло. В Явзоре обрядят, и сами там живут.

Н.Д. – Сейчас низкие на Усть-Покшеньге только у Ильи и остались.

А.Д. – Там, в Явзоре, дольше все сохранилось. Ну, тогди там что, тоже раскулачили да твердозаданцы тоже как кулаки признавались. Зажиточны таки, дак на них накладывали твердые. Столько-то сдать, сделать. Налоги опять были большие.

Н.Д. – В колхозе куры были. Коровы, овцы, телята, лошади. Алена-то была тогда в колхозе. А поросят, кабуть, не держали.

А.Д. – В Явзоре раскулачивали, имущество, скот распродавали. У нас здесь такого не было, а в Явзоре ой сколько было! Продавают, торгуют, ой жалко! Гонят, гонят, потом последнее надо брать, боле никто не повысит (как аукцион).

Кирпичная долго была Дунькина, да Кулуян какой-то делали здесь. Делали сколько годов Медведевы. До войны был завод, когда единолично жили, а при колхозах не было. Кирпич хороший, легкий, звенит аж. А этот возят, все ведь ломается. Тогда кирпич тонкий, хорошо его прожигали, а сейчас вон какой толстый! Дегтекурня была только при единоличном хозяйстве, а при колхозах уже не было. Единолично лишь.

Авт. – Какое медобслуживание раньше было?

А.Д. – Больница была в Карповой. Рожали дома, только бы с поля успеть дойти. А в Карпову, если уж случай какой тяжелый. Повитухи были. Медпункт давно в Кобелево. На горушку дедушка возил, я маленькая была».

Авт. – Вы ткали, пряли, лен обрабатывали в молодости?

А.Д. – Лен трепали в банях. Парни придут, обложатся вокруг репой, и надо, чтоб все съели. Коноплю. Сколько мотов наделают!»

Н.Д. – Ткали, пестры и белы, и холсты, и таки тоненьки! Тоненький: рубахи шили, кальсоны, портяное было. Бабушка на Щелье жила, у нее было портное, больше было. Говорила, я, как умру, спускайте меня на этом портне. А когда умерла, и этого уже не стало. Дочери ее у печек все (истратили).

А мы сами не ткали. Мама ткет, так сунешься только, а нам не давала, тут чтобы гладко, да ладно было. Не большие были. А выросли, тогда уж меньше ткать стали-то. Раньше много ткали! А потом уж что, только половики. Красивые. Краски разные, ак, накрасят. Краски покупные.

Беседа с Шехиным Юрием Петровичем

Деревня Кобелево. околок Шехино 1993 г.

Выбор респондента. Русский Север является поставщиком древесины, пользование лесом – важный момент в организации хозяйственно-экономической деятельности края. Юрий Петрович Шехин уроженец деревни Кобелево (род. в 1933 г.), проработал всю жизнь лесничим в этих краях. Сейчас на пенсии, живет в центре Кобелево, в околке Шехино, в своем доме.

Лесничего в старое время называли «барин», так зовут и Юрия Петровича. Разговор с ним дополнил картину жизни деревни Севера в годы советской власти со стороны лесопользования, жизни лесничего.

Словесный портрет. Юрий Петрович – красивый, стройный, крепко сложенный мужчина среднего роста, седовласый, с бородой. Глаза синие, волосы, хоть и седые, но видно, что был темноволосым. Умеет говорить. На беседу пошел с охотой, несмотря на то, что исполнилось 40 дней со дня смерти жены, которая несколько лет жила с диагнозом рака, он за ней ухаживал.

Авт. – Юрий Петрович, вы где-то учились, чтобы работать лесничим?

Ю.П. – Да, с 50 по 52 год у нас школа была в Обозерской. Потом армия, четыре года в армии. 56 год – в Кушкопале год работал. Здесь дома места не было, родители уже старые были. Потом в 1957 приехал сюда из Кушкопалы, лесничество сразу: Русковера, Сылога сразу. Сначала ведь Иван Артамонович (Попов) был лесничим, он в Сылогу уехал. Он здесь был лесничим, я с Кушкопалы приехал.

Авт. – А где сейчас Земцовское лесничество, там раньше химия была?

Ю.П. – Да. Это все участки там были: Кировский, болото было на Немнюгу, Немнюжское болото, вот там участок был, Серково. Вот эти три участка химии все подчинялись. Они смолу гнали, подсочку делали, осмол барасом собирали и все прочее. Барас – это скоблили дерево, серку собирали. Серка шла на канифоль. Ее в бочки, сухотарку, затаривается в бочки сухие, например. Бочки делали сами и на заводы отправляли. А скипидар гонили, это смолу-то гнали, вот это уже заводы работали: вот Кировский на болоте и у Серкова.

Авт. – А Серково, это где?

Ю.П. – Против Земцово тут. Три километра от Земцово. Все три рабочие заводы были, много народа было, девушек много там работало. Кировский был за Калией, где нефтебаза сейчас, немножко подальше. Сейчас ничего не осталось.

У нас лесничество, вот до меня оно менялось, кто лесничий, тот туда и везет. То Земцовский Иван Петрович, наверное, два раза во-

зил в Земцово к себе. Потом опять был переведен, да опять. Иван Артамонович сюда перевез. В общем, начали менять, до нас много очень лесничих было, до меня-то. Я считал, так уйма целая была. У меня помощников, наверное, 13 или 15, так как-то. Пока я работал, каждый год почти новый, понимаешь.

Сейчас Гена Щеголихин – техник. Лесничий сейчас в Земцово живет, вот контору опять в Земцово увез. А Гена как? Просто осталась у меня контора, это вот этот дом, у химии я купил его. Не то что я купил, а лесхоз. У нас мастерская тут была за избой. Мастерская обделана: там лодки шили, там ширпотребом занимались лесники-ти в свободное время, а сейчас все запрещено, опять перетрубация пошла вот эта. Нас года три назад в леспромхоз передали опять. Да нас уж второй раз хотели передать, пока я работаю. Первый-то раз в 60-х годах мы были в леспромхозе.

Авт. – Ну, как я поняла, то вы никак не можете принадлежать леспромхозу, вы другая государственная организация. Ведь тот же леспромхоз берет у вас лес в эксплуатацию?

Ю.П. – Да, да! Конечно. Да, у нас так и было в 60-е годы, так нас директор леспромхоза вызывает и тут же нас наказывает еще. Тут же одну треть тебе. Ты его штрафуешь, он тебя штрафует ответно, наказывает. Это неправильно.

И потом мы в ЦК письмо писали, по-моему, в 60-е... не помню, в каких годах-то, ну, в общем, письмо. Собрание у нас тут было. Лесничие все собрались, ну давай напишем в ЦК письмо. Сострочили, инженера работали тут, две девушки, грамотны были, мужик был Зоня Григорьевич такой, инженер, сейчас в Архангельске уже, директором-то лесхоза. Взяли, написали и ждем ответа. Ответ-от пришел. Приехал у нас тут с области Аркадий Иванович Орлов, сейчас заслуженный какой-то стал там в городе. Ну, он как защищать нас приехал.

Нас вызвали к Поздееву (сейчас нет в живых), первый секретарь, на кожаный диван, понимаешь, я сел и еще помню, я не партийный, дак, хошь в райкоме побывал. Так там так резаться начали! Поздеев директора: «Сопляк ты еще, понимаешь, – тут как начали, понимаешь, письма, – как в ЦК писать, к нам бы обратились!» Ну, в этом духе, ну, как в райкоме раньше бывало. Так отчистили тут, да все! Выгнали нас, понимаешь! А этот Аркаша приехал нас защищать, а он на стороне Поздеева и тоже, понимаешь, что мы дураки, и все, понимаешь. Надо, видишь, по ступени было писать-то: Поздееву сначала надо было обратиться на Шангина, который нас наказывал, директор леспромхоза. А мы, видишь, куда шагнули! Потом смотрим, после письма быстро нас разъединили. Мы опять наново начали строиться. И все у нас было: конюшня, гаражи, дома. Все в леспромхоз ушло, и вот опять по новой начали работать. Опять свое хозяйство и вот до этих годов. В эти годы опять в леспромхозы перешли. Да что ты будешь делать?!

А сейчас не знают, кому подчиняются. Сейчас непосредственно: комитет какой-то есть по лесному хозяйству и подчиняется прямо Ельцину, при комитете каком-то. Ну, в общем, ни министерства, ничего. Министерства лесного хозяйства нету сейчас. Куда там оно входит? В какой-то комитет по лесному хозяйству? Я не знаю больше, сейчас не касаюсь этого.

Авт. – А что в обязанности лесничего входило?

Ю.П. – О-о-о! То много, конечно, было. Территория у меня – вся Покшеньга была. Ну, не вся Покшеньга. Когда с Сылогой-то были – так большуща территория была! А потом разъединили лесничества-ти, когда земцовский лесопункт открыли, то два лесничества сделали: Покшеньгское и здесь – Земцовское. Вот как организовали стройку-ту вот эту, вот это Земцовское лесничество и сделали. Бетонная дорога по Земцовскому лесничеству шла, а Сылога там отдельно, вот два лесничества и стало. Так вот у нас сколько? 80 кварталов по 800 гектаров, нет, 90 с лишним кварталов, ну, 88 тысяч гектар территория-то, вот. Ну, она так-то по объему-то и не большa будет. Фактически, за мое присутствие, за мои 30 лет мы Русковеру-ту всю вырубили в своем-то лесничестве. У нас ничего не осталось! Мы уже уехали в Кавринское лесничество, в Пачихинское, в Кушкопальское и везде вот, в Покшеньгское, и везде залезли вот. Мы уже контролировали в других лесничествах, короче говоря, лесозаготовителей и работы проводили в других лесничествах. В своем-то мы быстро, годов за двадцать мы уже все обработали свое лесничество.

Авт. – Все вырубили?

Ю.П. – Все вырубили!

Авт. – Но вы же должны были следить за восстановлением леса?

Ю.П. – Это прямая нагрузочка была прямо. Это весной делалось, в летний период. С лесопункта рабочие там, ученики привлекались. Это нагрузочка, только нагрузочка, смотри, какая нагрузочка! Что такое нагрузочка? Дадут тракториста, ну, автобус выделят от леспромхоза и основное – ученик! Сеем, пашем, садим. С питомника со своего сеянцы вывозим. В Кушкопале, там базисный питомник. Он сейчас там, питомник. Сажают обычно двухлетку, трехлетку. У меня много лет так свои были, когда ладом-то. Как опять в леспромхоз пошел, тут бардак пошел.

Авт. – А в леспромхоз, когда пошел?

Ю.П. – В 1988-м. Вот в 1987-м нас в лес начали гнать. Вот тут началось тут все. Сейчас мне 60 лет. А работать? Работать мне не захотелось больше. Езда-то надоела. До Русковеры, считай, 20 км на лодках, на лодках, на лодках... А зимой – машины, да тут автобусы. Если я нужен, то они приедут за мной.

Авт. – А зачем вы им нужны?

Ю.П. – А как, для контроля-то! Они не имеют права на наряды там оплатить без меня, пока я не проверю делянки там. Я проверял,

как вырубили, как убрали. Сколько осталось, сколько чего, сколько в наряде выписано: порода, от кого это зависело? Ведь им идет бумага: оставлять лиственную древесину на корню. Это им уже считаем нарушением, потому что в сплав она не идет, береза и осина. Там Москва разрешает, нам тоже директивы идут: лиственная древесина остается на корню. Что им такой главный козырь был, понимаешь? А что они рубили? Они просто бродили по лесу, по этому! А нам трудно было восстановить этот лес. Как быть? Потом через год эта береза, осина как попадает, там ни одному трактору не проехать! Вот эти елочки и собирают тут меж осин-то! И мнут все, курочат! А потом, как сейчас, в связи с железной дорогой начали-то только осину брать, тогда стало легче контролировать.

Авт. – А вот мне многие из старшего поколения рассказывали, что раньше рубили выборочно и за порчу дерева наказывали, а сейчас всего этого нет. Можно назвать современную вырубку варварской?

Ю.П. – Варварское отношение, да. Сейчас вот люди, это можно понять, отчего оно это варварство пошло? Варварство это идет от лесопункта. Как в лесопункте делают, это же люди ведь, и здесь варварством занимаются. Поехал рубить: «Зачем мне, говорит, сучье жечь, под грабелки убирать?» Ведь работают инженера, институты, в лесопункте: «Зачем сучьи, ведь это же удобрение лесу». Это их так научили академики, их там учат, ведь верно? Ну, вот это идет к этому. Это быстро доходит и до колхозника. И наши поехали в лес, зачем жечь-то? Ведь это удобрение, я слышал это там, в лесопункте уже не жгут.

Авт. – А как вы сами считаете, удобрение или нет?

Ю.П. – Удобрения? Правильно, удобрения! Но горимость-то большая, вот в чем дело! Если б не горел лес! Ведь не дураки были раньше, убирали лес! На огнищах-то ведь тогда хорошо восстанавливалось. Чистота, порядок. Ведь удобрений в лесу хватает и так, ведь нападает и иголок, и сучков, и задоринок, коры, и всего нападает. Это все ясно! Но это удобрение ведь как? Опять стимул какой-то дают леспромхозу, лесопункту. Ведь надо лес-от был стране. Вот это один только и был лозунг. Надо было восстановить страну тогда после войны. Все это взяли на лес, так это миллионами стали рубить. Потом платили все только за выполнение плана по лесозаготовкам, а не по лесовосстановлению. Нигде в лесопункте такого плана по лесовосстановлению не было. Были тут, промелькали тут годы какие-то, лесопункту тоже план давали, так это просто для смеху. Мы опять же делали, только как будто они нам деньги платили. Опять же все наше руководство было, те же ученики и все, но тут уже автобус просить не надо даже. Начальник, хоть тот же Егор Николаевич, да дает сам. И даже поинтересуется: «Ну, как у тебя там? Как мой план идет?» Но восстановления в полной мере не было. Если Русковера на протяжении 20 лет работала, ну,

если гектаров 700 вырубки у нее было, а посев, посадку нам давали 100 гектар, ну 150, а остальное-то?

Остальное-то засчитывали: сохранение подроста, как будто мы сохраняем подрост, это тоже такой инженерный подход, от институтов. Что ты, подрост сохранить надо! Елочки, вот мы их сохраняем! Ну, трактор, меж волоков они остаются, трактор чтоб по волокам ходил, а в сторону не заходил. Ну, елочкой лес рубить, чтобы так это вытаскивать, и эти елочки остаются. Чтобы аккуратней было.

Ну, а раз такое дело, через год эти елочки все посохли, они же оголены! Что елочка? Она же под пологом леса была, а тут она на чистой вырубке осталась! А попробуй эту елочку стукнуть с одной стороны, да с другой, да еще гусеницами от трактора заденут, что там от нее останется? После стлань от подроста будет, стлань! Вот и пахать нам опять же трудно будет! Вот это каждая вица, каждая елочка лезет в радиатор трактору, а они в хаотическом порядке там раскиданы, ну елки-то вот эти будут. Оно работать интересно, придраться к начальнику там, к мастерам. Только тогда в то время как придраться? На все была инструкция! Они сразу: «У меня вон бумага есть, я то-то, то-то! Я все по бумаге!» Оштрафовал, допустим, кого-то. Я вот свою жонку оштрафовал, когда она мастером была, я еще неженатым был. В Земцово приезжаешь – ей штраф, а директор леспромхоза тут же ей премию, почти на моих глазах! Ну вот, как тут наказывать будешь? Ну, как вот было? Сразу в контору идем, да бутылочку. Пьянка-то она, конечно, была! Хоть и делянки принимаем, как это так не выпить?! А акты подписывать? Это пьянка, понимаете? И так другой раз из лесу выедем, хоть начальник твой, хоть леспромхоза хозяин, я и с директором пивал, делать нечего! Хоть едешь по организациям по этим, по стройкам, на карьерах этих попадают люди, безбилетных рубок сколько! Кто-то, какой-то мастер залетел, без билета залетел. Там дорогу прыгнул, там карьер сделал.

Авт. – А вот многие говорят, что дрова через лесопункт выписывали?

Ю.П. – А это сейчас система пошла. А раньше так не было. Раньше колхозник. У них колхозный лес был, даже лесника не было: твори Бог волю было! То сейчас вот межрайонный лесхоз есть, совхозные, бывшие колхозные собрали. Сделали организацию. И они тоже заготовкой занимаются и опять лес пилят, опять продают, опять ерундой занимаются! Они опять же не контролируют, они только рубят леса в своих же интересах, лишь бы зарплата шла! Кто им так-то оплатит, какой колхоз? Они, если лес не заготовлять, да лес не сплавлять, им не прожить, кто их кормить-то будет, так получается? А дрова-то они очень дешевы были, понимаете? Ну что такое 20 копеек один кубометр раньше был дров-то! А у нас такие кварталы были: 6 копеек кубометр по старым деньгам в Кротове. Ведь кварталы-то еще по разрядам идут. Расстояние

вывозки до реки. Так были кварталы. Вот и в Немнюге, я помню, 6 копеек кубометр! Так приходит человек: «Ну, ко, выпиши мне билет на рубель!» Так они мне все лимиты возьмут. Лимиты мне лесхоз дает на деловую древесину и на дрова. И ты из этого лимита не выходи. Потом на лесничества распределяют. А ведь, допустим, в Сылоге, там никто не брал, один какой-нибудь частник там домик построит, 100 возьмет там. А у нас ведь: Покшеньга, Кеврола, Русковера – все это какой большой куст-от был. Деревень очень много было. Работы-то было. Вот Карпогорское лесничество такое же трудное было. Большое по объему жителей! Ведь система тут интересная какая! Ну, не могли этой системы решить. Лесничий живет в Кавре, территория там 200 тысяч, наверное, была, и ни одного жителя. Только один поселок и один кордон: лесничий, техник и два лесника. Он таку же зарплату получает, таки же оклады, а сидит на одном месте, и никто у него не бывал там! И работ никаких нету и лесопункта нету!

А у нас: и деревни, и лесопункты, и сей, и паши, и все делай – вот это социалистическая система! Понимаешь! Ведь, как и сколько мы спорили и ничего не могли! Я еще хотел сказать-то: система-то, система, ну после там пошли какие-то разряды. Ну, в основном-то, шла территория, объем. Делали, шевелились, работали. Как премии подошли, пошли лишать: того там за то, другого за то. Всех лишили за что-то. Вот и нет сейчас пенсии-то.

Авт. – Маленькая!

Ю.П. – Ну что, 6 тысяч сейчас у меня была, сейчас перерасчет сделал, 9 тысяч стала. А вон сам, видишь, по 18 получили! Потому что в леспромхозе их не за что было наказывать, они все премию получали. Они сидели и наши сводки брали. Премии, премии. А нас все за что-то лишат. Вот приживаемость плохая, вот там, понимаешь, пожар был на территории, вот там еще что-то, и вот пошло.

Авт. – А вот пожары, какие у вас были возможности в борьбе с ними?

Ю.П. – Пожарная служба: это самолеты, во-первых, это они первыми пожары тушат. Последние годы у нас не было пожаров больших. Если распустишь, тогда нас приглашали. Вот, я помню, в 60 году горели: от Сылоги до Кротово все горело! Жаркое лето. Два месяца горело. И тоже причина, интересная причина была. Лесничий, я помощник был, нас обоих в Пинегу на переподготовку в армию взяли. Контору – на замок, и мы уехали в Пинегу. И не отозвали. Лесничий, а не отозвали! А потом работать-то не до смеху: в саже-то ползать. Леса-то все сгорели. Мы в эту сажу и пошли делянки отводить, чтобы рубить. Обгорелые-то которые, надо скорее срубить, чтобы осваивать. Мы сами не рубили, а ходили затески тесали, лесопункту-то надо было передать. Деляны-то мы отводим, мы передаем лесосеку-то. Сначала мы им карты в руки даем: все адреса, где какой угорышек, где какой лес, где болото, где что. Они

по нашим картам идут, дороги рубят, намечают планы работ своих. Ведь сроки привыкания есть у нас, а тут никаких сроков привыкания: раз пожарище -- тут сразу, скорее надо осваивать.

Авт. – А куда эта древесина после пожарища идет?

Ю.П. – А вот тут-то как сплав! Если деловой древесиной примут, то сплав, а если дрова, то они уже и не заготовляют. Принимала холмогорская сплавная контора, опять в районе была. Да, система сложная, там всяко бывало. Много было всякой канители. Сейчас уже сплава не будет, все по железной дороге везут. А гляди, и спецдревесина была: 12 метров длины, окорят. Вот эти чистые деревья в город придут, куда они идут? Ну, там опалубок какой-нибудь, а может, и на чурочки?! Мы там боимся на 5 сантиметров припуск неправильно сделать, так и то наказывают нас за припуск за этот. А приезжаешь в город и гляди: чурочки напилены, бруски на дрова, как халатно! Я в Архангельске ходил там по островам-то по этим, по баржам. Вот там-то древесину портят, трактора-то ходят по штабелям по этим, по доскам-то. Мы-то по коре ходим.

Авт. -- А сейчас кору не снимают, только сучья обрубают?

Ю.П. – Да. На машине-сучкорезке. Сейчас нету ни одной *женщины* (выделено мной). Вот при мне 13 бригад, по пять женщин в каждой бригаде. Мы сами лучками пилили. В Кушкопале я первый год приехал, с отрубки нам сразу план дали. Лучковой пилой пилили. бензопил не было. В 58 году, наверное, появились первые-то электропилки раньше были. Стоит ПС-ка на нижнем складе, на санях завозили на середку делянки. ПС-12, там называлась станция такая, вырабатывала ток, а к ней кабеля во все стороны, как присосались к ней, и вот там пилят. Ну, где-то кабель перетюкнули, где-то пила заглохла, и вот ищут по проводу, по снегу это. По снегу кабеля таскать. Ну, вот это не оправдали кабеля, после бензопилы пошли. А первые бензопилы – никто пилить не умел. Вон мы в 1958-м сплав заготовляли, не могли пилы завести. Давай на лучки эти лиственницы пилить на нефтебазы-то. Лиственницы пилили, коробили все подряд, вот все это бестолково-то. Ну, у нас тут хошь что-то немножко осталось. У Покшеньги-то. Если бы не наше, так все бы срубили! Ой, сколько войны у меня тут было, чтобы лес оставить.

Авт. – А вот многие мне говорили, что вырубали лес и не оставляли семенников, чтобы самосев был?

Ю.П. – Тут как подойти-то к этому делу-то. Смотрите, что получается: если беломошник, а ведь рубили-то все на беломошниках, что там? Там и семенника не оставить, все восстановится все равно. Потому что там грунт и все условия для самосева. Ветер дунул, и только бы урожайный год был для семян.

Оно и на другом месте все равно прорастет, но мы как будто сроки сокращаем. Пшеница все равно не вырастет, сосна будет. Только сначала осина зарастет, береза зарастет, верно. Пионер зарастет сначала, а не елка, да... Елка-то она уже под пологом, потом она вырас-

тет. Сначала она должна под березкой, потом она елкой зарастет.

У нас ведь не такие-то степи, как там, в Подмосковье, например, или где-то там. У нас-то тут все равно восстановится тут. Если природу оставить в покое, она сама себя восстановит. Но мы торопимся, мы торопимся. Ради плана мы все это делаем. Ну что мы делаем? План дали, и мы трактором на беломошнике борозды делаем! Зачем мы эти борозды делаем? Ну, сейчас догадались: «Ох, точно, можно и не делать, не надо!» А где мы сеять будем? Как нам план делать, план ведь, кровь из носу, дай! Так на беломошнике нельзя, там нельзя так делать-то, где выполнять! Если бы лесхозу дали командовать-то, а то опять Москва там деньги отпустила на область, область – лесхозу, лесхоз – нам. Все равно распределять, попробуй не выполни нам. Сверху спустили, и пошло все так до низов. А вот потом осенью считать-то пойдем. Семечки-то еще не взошли. А другой, третий год – все заросло. Самосев уже полнит, уже все борозды полны, а мы уже лишены всех... Не успели посеять, в июле месяце сеем, в сентябре месяце приезжают уже семечки считать!

Авт. – А кто приезжает?

Ю.П. – С лесхоза инженера. Приезжают обязательно! А потом уж еще едут областна проверка. Что ты! Сколько ты денег угробил, почему не взошло. Хоть в микроскоп смотри, где все-таки это третье-то семечко?! Почему оно не взошло, может, я два кинул?! Видишь, какое дело? Смех!

Авт. – Надо три семечка?

Ю.П. – Одно-то нельзя! Вручную сеют женщины да ученики. Как будто шутили, ну, я не знаю, работой-то этой. Идешь по борозде, по тракторной, где кинул, оно здесь есть, семечки-то. Все глаза проглядишь в эти 3–4 дня, ходишь-то, инвентаризацию делаешь посевов-то этих: первого года, второго года посева и пятилетней всхожести. Пятилетку уже переводим в покрытую лесом площадь, а она, собственно говоря, еще от земли не оторвалась! Она первые годы тихо идет. Ведь знают это! Нет, или вот так надо, это закон, это институты решили.

Раньше лесничего барином звали, это было: «Барин приедет лес принимать». И вот на носу лодки, на шесту везут его. Рассказывали, я не запомнил сам-то. Начальник едет: директор лесхоза едет и начальник леспромхоза едет. Вот это две шишки были большие по району. Лес здесь ведь основное богатство.

Авт. – А вот Воронин организовал малое предприятие, вы знаете об этом?

Ю.П. – Да, у нас мастерскую он сделал. Я по крупицам собирал это дело. Эти все станки, все это строгательные... Воронин, видишь, мне не понравилось самому: это не пойдет это дело! Эта мастерская была все-таки для народа делана. Мы все дешево делали, там и метелки делали, там лопаты тесали, там и ушаты, что только ни делали: веретена точили, там кошели плели, корзины. Много мы очень

продукции делали для народа и лодки делали. Последнее время мы на лодки, потому что шитняков мало, мы на шитые лодки перешли. Ну, штук до 50 лодок в год мы делали за зиму. Мы за зиму только делали, когда у нас свободное время. А летом мы все в лесу, и это было выгодно лесхозу. Как ни говори, это подспорье какое-то.

А у него пошло, видишь, что пошло... Он хотел сразу тут, цены эти заувеличивал. А кто к нему пойдет? Да и кому он продавать-то будет? Нам и все будет выходить по дорогой цене. Ну, в общем-то, что-то ничего у него тут не получилось! Он-то хотел широко открыть! В общем, так и так ничего не выйдет, я знал это. Я с ним не работал, но близко не подошел к нему. Это мне как-то! Мы-то делали для деревни. Трактор тут ему дали, тут все. Мы сколько работали, нам на неделю трактор давали, а тут всю зиму трактор стоит. Он же, в общем, быстро наработался. Один рабочий ушел, второй утонул, понимаешь, короче говоря. А сам в сельсовет ушел.

Авт. – Юрий Петрович, а как вы относитесь к раздаче земли, к фермерам?

Ю.П. – Техники никакой нет. Кто мне обработает, если акционеры все будут да частники, да! Ведь им надо будет платить деньги большущие! В колхозе-то, там трактор выделили, участки вспахали всем, да уплатил там по 6 рублей, или там раньше-то, или сейчас, пускай там по 60! Но ты в колхозе взял, ведь верно?! А счас ты у кого возьмешь? Так мелкой-то техники нету, чтобы обрабатывать землю-то. Теперь корову заимей, и молока не знаешь куда девать, сбыта-то никакого нету. Был в Жабье маслозавод, и того нету! Трудно счас, страшно об этом говорить счас. Лохново от нас отделяется, дак, прихватили наши сенокосы. А перевоз? Куда они без перевоза? Чей он сейчас будет? Надо бы было кучно как-то сделать: Лохново, Кобелево, вот это Кротово в один колхозик.

Организатора хорошего. Вот тут-то маслозаводик можно сделать какой-то, понимаешь! Свой бы. Серега Попов тут (управляющий отделением), он не-е, пацан! Он доведет колхоз до ручки, он довел уже! Но ведь так людей доводить нельзя ведь! И колхозников спросишь так-то: «Ах, што нам?» Ак, ведь вам жить-то! Нам что? Ну, так они поля разделят, луга разделят. Ну, я говорю, а мы-то, что будем делать с полями-ти со своими? На чем обрабатывать? Лопатой?!

Плуги-то давно на рыбзавод свезены, в лесопунктах они все остались: с рыбзавода в лесопункт увезли. Те, короче говоря, умнее люди-то. Они эту мелкую технику давно уже по своим хозяйствам-то, потому что там колхозов-совхозов не было, в Сылоге, в Шилеге. Вот так поедешь: там плуг, плуг, плуг, поехали пахать. Двигатель – на рамках, на мотоциклах, и поехали пахать! Из положения вышли. А ведь можно электричество применить, все можно применить, был бы плуг. А наши на рыбзавод свезли скорей, технике обрадовались и лошадей съели всех одновременно. Ведь ни одной лошади нет на деревне!

Приложение 1

БЕСЕДЫ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ

Архангельская область,
Пинежский район,
деревня Кобелево

Беседа с Ворониным Василием Владимировичем

(Записано О.Г. Субботиной, Г.А. Ястребинской)

Ноябрь 1992 г.

В деревне Кобелево расположен Покшеньгский сельсовет. С середины 1991 сельсоветы преобразованы в администрации, а председатель сельсовета – в главу администрации, секретарь сельсовета – в специалиста I категории. Администрация расположена в доме Щербакова, раскулаченного в годы коллективизации. Над зданием развевается трехцветное знамя РФ.

Главу администрации первый раз официально мы посетили 10 июля. Это был маленький «юбилей» – 10 дней, как Воронин Василий Владимирович приступил к исполнению служебных обязанностей. Визит был нанесен с целью официального представления местной власти. Василий Владимирович встретил нас любезно, проявил к нам живой интерес.

Василий Владимирович Воронин родился в 1955 г. в Кобелево, околок Холм. Он окончил лесную академию в Ленинграде (Санкт-Петербург). Не был в родных краях 17 лет. Приехал с семьей (двое детей) в 1991 г. в дом отца. Организовал малое предприятие по изготовлению лодок-шитух. Но это дело у него не пошло. Он в беседе объяснил, что помехой тому высокие налоги.

Антонина Николаевна Богданова отметила: «К нему никто не пошел, человек новый». Более глубоко раскрыл причины неудачи Шехин Юрий Петрович (см. беседу с ним, Прил. 2).

До Воронина председателем сельсовета был Галашев Николай Егорович, местный, живет в Лохново. Он с поста председателя сельсовета ушел работать управляющим Лохновским отделением совхоза «Тепловский».

Во время первого посещения Воронина беседа носила чисто ознакомительный характер. Воронин был озабочен землеустроительными делами.

Авт. – Как вы оказались на этой должности? Были избраны?

В.В. – Совершенно случайно. Назначили меня.

Авт. – Кем назначены?

В.В. – Главой администрации района. Соответственно, сессия утверждала, местная.

Авт. – А как это произошло, если нетрудно?

В.В. – Да произошло совершенно случайно, абсолютно. Я никогда не думал, что я буду работать именно в администрации. Я по образованию инженер лесного хозяйства, работал лесничим. Создал малое предприятие. Малое предприятие медленно, но верно удушили.

Авт. – Почему удушили?

В.В. – Дело в том, что мы не зарабатывали себе даже на хлеб: НДС, там столько начислений. *(Звонок по телефону – разговор прерывается.)*

Авт. – Что сейчас входит в ваши права и обязанности?

В.В. – Я хочу вам сказать. Когда приходишь, допустим, на работу, приходишь, раз, и читаешь свои права и обязанности. И ты знаешь круг своих полномочий: что, чем, когда. К этому идет расшифровка обязанностей, допустим, там по отчетности, за что конкретно отвечает человек.

А здесь как таковой инструкции мне и не дали. Я, если честно сказать, вот так вот сижу, и сказали, вот то и то надо делать.

Но, соответственно, спорный вопрос с землей. У нас землю надо всю обустраивать. Земельные вопросы.

Авт. – Вот конкретно по земельной реформе что сейчас у вас тут идет?

В.В. – Сейчас по земельной реформе, как сказать, работа идет в таком разрезе: нас обязывают в обязательном порядке всем обмерить земельные участки. Обмеряем земельные участки, и выдаем государственный акт на землепользование.

Авт. – А сколько у вас дается, закрепляется бесплатно земли?

В.В. – У нас есть выписка, сессия была летом: 0,50 га (50 соток). А у нас сессия местного совета решила 0,37га (37 соток). Это предел.

Но на самом деле опять собирали совещание всех глав, всех землеустроителей, говорят, раз по области принята норма 0,5 га, значит, вы должны руководствоваться и не выдумывать своих цифр.

Тут, конечно, двояко можно смотреть на эти вещи. Областной совет решил. Да, но в законе о земле сказано: такие и такие-то полномочия. И вот размер предельный не оговорен, и эти полномочия передаются на местные советы. Но для руководства настоящими инструкциями мы должны пользоваться.

Авт. – И больше по земельной реформе пока ничего?

В.В. – По земельной реформе – это мы конкретно с частниками закончили этот вопрос.

Но опять-таки идет работа с юридическими лицами. Вот, допустим, колхозная контора стоит. Ну, это уж по факту, как сложивше-

еся. Ну, все торговые точки к районной потребкооперации относятся. Тоже перемеряли участки.

По земле, что еще конкретно? Вот такое впечатление, когда были с Архангельска, облкомзем, областной комитет по землепользованию, они что? В их, так сказать, интонации гласило то, что срочно надо форсировать все работы по землепользованию. Похоже, что они чувствуют, что не сегодня – завтра будет, по всей вероятности, частная собственность на землю. И вот они хотят привести хоть в какой-то Божий вид, в порядок.

Но, в принципе, вот по земле я поднимал архивные данные здесь по сельскому совету, если не ошибаюсь, земельный реестр идет с 32 года. И там средний участок получается 0,15 по нашему району. По 30-м годам где-то давалось 30 соток.

С землей еще вопрос какой. Вот у нас на территории сельского совета земли 253 гектара, карандашом красненьким отчертили на карте: вот это – сельсоветская, остальная – совхозная. Допустим поля, это уже все совхозная.

Авт. – А дороги теперь тоже ваши?

В.В. – Дороги, которые непосредственно проходят у нас по сельсовету из этих, допустим 1%, 2 га.

Авт. – Когда ожидается пуск котельной?

В.В. – Пуск котельной? Ну, если, как говорится, хватит сил и здоровья, я думаю, на будущий год запустим. Если ничего не сорвется.

Авт. – А там проблема в чем?

В.В. – Там проблема вся в том, что надо хорошего мастера-теплотехника найти. Я хотел учебник теплотехники выписывать, самостоятельным порядком довести, но... Но лучше специалист: там законы гидравлики, тепловое расширение, ужас что там. Инженером надо быть настоящим, специалистом своего дела.

Авт. – Клуб летом практически и не работал, и сейчас все время на замке. Такого мы не видели, хотя были в медвежьих углах. Но у вас не медвежий угол, и молодежи полно. Старушки поют, в нетопленом помещении выступают. И рядом школа. Можно так работу развернуть, а у вас что?

В.В. – Вы недалеки от истины. Он практически не работает. Ну, решался вопрос. Ирина Андреевна (зав. клубом) говорит, что нет кадров. Пока ремонтные, сварочные работы пошли...

Авт. – И худрука вы упустили?

В.В. – Ну почему? Я считаю, ей в Лохново лучше работать, там молодежи больше, и Лохново – более сгруппированная деревня. Пусть она там работает.

Авт. – Ну конечно, ваш сельсовет шире, чем эта деревня. Все равно она работает на территории вашего сельсовета, но и здесь надо?

В.В. – Вы правы, административный центр здесь. Отец народов был близок к истине, когда сказал, что кадры решают все! Абсо-

лютно так. Нет человека, и любое дело будет стоять. Есть человек, и дело идет, крутится.

Авт. – Клуб же не только танцы, пляски. Вы вот заступили на должность, и у вас были сходы, собрания?

В.В. – Нет, еще не были.

Авт. – Если не секрет, почему еще ни одного не было?

В.В. – Да все действительно выживают сами по себе. Кто как может крутится.

Авт. – А как у вас складываются отношения с высшим, т.е. районным начальством? С самим народом? У вас здесь отделение, как с управляющим отделения? Взаимосвязаны или каждый в свою дуду?

В.В. – В принципе, да. Вот, допустим, администрация района. Она сказала: «Мы живем сами по себе. У вас есть свой расчетный счет, живите. Вам надо что-то? Допустим, конкретно, батареи или лодочный мотор. Покупайте!»

Лодочный мотор – 100 тыс. руб., пожалуйста! Батареи там, по-моему, 2700. Покупайте! Надо. Мы все живем сами по себе. По принципу, бросили – выплывайте... Так выплывай, а не выплывется, так...?!

С другой стороны, это самостоятельность, централизованные нити управления ослабевают, а с другой стороны, они (центр) дают, но как дают? Есть машина, бензин, крутитесь сами. Надо дрова – пожалуйста, заготовляйте.

Я поехал в леспромхоз заключать договор. Все, леспромхоз: «Цены растут, нам надо по 2 тысячи рублей за куб, как хотите, берите». Как нам быть? Где мы такие деньги возьмем? Народ, школа поджимают, клуб тоже жмет. Район нам ничего не дает. Потом-таки договорились с областью, с отделом культуры, приезжали на совещание.

С совхозом какие отношения? Им нужна переправа, возить молоко. Переправы не было. Переправа совхозная. Постановление написали, решение, но с переправой плохо.

Потом, если что-то надо у кого-то достать, например кран, то деньги не нужны. Надо что-то такое, материальное: навоз, комбикорма. А это есть в совхозе. Вы нам дефицитное достаете, а мы вам кран. Мы взяли кран у строителей-шарашников, трубу поставили. Как будто от денег не отказываются.

С совхозом вообще: если у нас гарантированная заработная плата, то в совхозе – я диву даюсь, как люди еще работают? Учителя и другие забастовали, им заработную плату дали: у директора – 25 тысяч зарплата. А у тракториста – 5–6 тысяч, животновод – там побольше. Я не представляю, как люди работают?

А с народом? Какая, я говорю, с народом установка? Налоговая инспекция. Мы, как еще приравненные к Крайнему Северу, налог на землю не брать бы! Народ говорит: «За свою землю еще и платить буду?»

Люди квартиру приватизируют, а у них (имеются в виду жители деревень) частное, а тут налог со строения!

Авт. – Василий Владимирович, а вы не знаете, на какие средства или откуда у района автомашины, которые выделили сельсоветами?

В.В. – Раньше были исполнительные комитеты (исполкомы), а когда сделали администрации, то под это выделили средства. На них закупили, в частности, автомашины. Вот нам дали грузовую.

Авт. – Очередное собрание планируете провести?

В.В. – Собрание, судя по критике, нужно. Создать совет через сессию, а потом уж собрание.

Авт. – Кто должен заниматься вопросом вывоза мусора и его утилизацией?

В.В. – Есть советы или служба быта должна быть.

Авт. – Как это организовано сейчас?

В.В. – Свалка отведена с нашей стороны и со стороны Лохново.

Авт. – А транспорт?

В.В. – А транспорта нет, сами выпихиваем.

Авт. – Идешь по краю леса, там стихийная свалка. Мы поняли, что у людей нечем его вывозить. Далеко возить. Раньше лошадь брали, а сейчас как?

(Ответа нет...)

Авт. – Водоснабжение: видели, что воду от водокачки развозят, кто это делает?

В.В. – Совхоз – у них техника, они развозят.

Авт. – Если совхоз откажется, то как?

В.В. – Мы забываем, что раньше была система, у каждого дома был свой колодец. Каждый и следил за ним. Если общинный, то сообща ремонтировали. А сейчас? Ведь колодцы есть глубокие: 24–27 м, до 36 м в Жабье (в околке деревни Красное).

Беседа с Поповым Сергеем Федоровичем

(Записано О.Г. Субботиной, Г.А. Ястребинской)

1992 г.

Попов Сергей Федорович (род. в 1960 г.) на момент исследования является управляющим Покшеньгского отделения совхоза «Тепловский». В конторе, расположенной в деревне Кобелево, бывает крайне редко.

С Сергеем Федоровичем мы договаривались о встрече в июне 1992 г., но к назначенному времени он в контору не пришел, уехал куда-то. Все в деревне, когда мы сетовали, что не можем с ним побеседовать, советовали идти на развод, что мы и сделали.

Чтобы увидеть его наверняка, мы ходили на утренний развод, который проходит в комнате при гараже. Гараж новый, теплый, кирпичный. В комнате стояли по стенкам скамейки и стулья из зрительного зала, соединенные между собой по несколько штук. Развод проходит утром. Мы шли с механизаторами, рабочими совхоза, шоферами рано утром из Кобелево в производственную зону деревни Красное.

Когда пришел управляющий, то все ушли в гараж, а мы остались с управляющим одни. Начали разговор. К середине разговора к нам подошел рабочий совхоза, тракторист, и стал вмешиваться в разговор с разными вопросами. Он был явно пьян.

Беседа с управляющим происходила в ноябре. Мы приготовили список вопросов, ответы воспроизвели по памяти. Диктофоном не пользовались.

Управляющий живет с семьей в деревне Красное, у него отдельный совхозный дом. Здесь же в собственном доме живет его мать с его братом. У матери в хозяйстве есть корова.

Авт. – Нам хотелось бы побеседовать с вами по многим вопросам. Для начала, что вы закончили, кто по специальности?

С.Ф. – В 1986 году окончил Вологодский молочный институт по специальности инженер-механик.

Авт. – Как оказались на должности управляющего?

С.Ф. – Будучи студентом института, я знал, что предстоит работа управляющим отделением. Учился в институте от совхоза, и после 3-го курса был разговор с директором совхоза, который сказал мне, что буду работать управляющим, так как на этой должности работали пришлые, случайные люди, так называемые временщики. Поэтому мало кого интересовало, как идет работа в отделении, никто не жил его заботами.

Авт. – Как вы находите свою работу: трудной, она вам в радость или в тягость?

С.Ф. – Я, конечно, не предполагал, что за работа меня ожидает, какие трудности. Мне пришлось многому научиться в работе с людьми. Но не могу сказать, что работа мне в радость или в тягость. Просто везде необходимо работать.

Авт. – С кем вам легче общаться, с начальством или с рабочими?

С.Ф. – Нет сомнения, с рабочими, конечно.

Авт. – Кому вы подчиняетесь непосредственно?

С.Ф. – Как-то я считал, сколько надо мной начальников, так насчитал их более 20, включая СЭС, пожнадзор, всех специалистов во главе с директором совхоза. Приходится выполнять их указания, но иногда я не считаюсь с их мнением и провожу свою линию.

Авт. – Трудно ли в настоящее время работать с рабочими?

С.Ф. – Легко работать никогда не было. Народ разный, к каждому нужен подход.

Авт. – Что можете сказать о земельной реформе?

С.Ф. – Если подойти с разных сторон к этой проблеме, то частник лучше обращался и с землей, и с разными орудиями производства. Сейчас ведь что? Отработал 8 часов и пошел домой, и там хоть что, докончил работу или нет. А если бы это было у него самого, то, пока не закончил бы начатое дело, не ушел.

Да, много примеров можно приводить нерадивого отношения рабочих к земле и орудиям труда, машинам, но как все будет проходить, ничего не ясно. Ну, выделят определенное количество гектар, но чем их обрабатывать, ведь нет ни лошадей, нет ни тракторов, ни сельхозмашин. А они сейчас сто́ят бешеные деньги. Каждый не сможет их приобрести. Да и в продаже, если и будут, то большие трактора, но никак не мини.

Здесь возникает очень много проблем. Земли у нас разные, тут тоже могут быть обиды. Еще до раздела, когда отделялись отделения, Лохново забрали лучшие сенокосы, раньше принадлежавшие Кобелеву, да и многие из сельхозмашин.

Авт. – Не создается ли у вас впечатление, что центральная усадьба делает все в своих интересах, тянет все на себя?

С.Ф. – Да, так оно и есть. Ведь вначале Покшеньгское отделение совхоза было вместе с Лохновским, управляющим был Галашев Николай Егорович. Тогда сенокос на Острове и отошел к лохновцам. А теперь мы два разных отделения.

В совхозе четыре отделения: Кеврольское, Кушкопальское, Лохновское и Покшеньгское. Кеврольское и Лохновское считаются получше, а наше и Кушкопальское в хвосте.

Конечно, центральная усадьба обеспечивает себя в первую очередь, а нам пять лет ничего нового не поступало.

Авт. – Почему в этом году с маслозавода в Жабее сняли все оборудование и увезли? Неужели вам бы оно не пригодилось хотя бы в распутицу?

С.Ф. – Но этот маслозавод оказался в собственности Сопляковой, и она забрала оборудование (Соплякова – директор маслозавода в районном центре, Карпогорах. Сейчас это акционерное общество «Молоко»).

Авт. – Почему вы считаете, что это собственность районного объединения «Молоко», а не совхоза? Вы видели акт приема-передачи маслозавода?

С.Ф. – Нет, не видел, но в управлении совхоза говорят, что это собственность Сопляковой.

Авт. – Какой севооборот применяется в хозяйстве?

С.Ф. – Да что говорить о севообороте? У нас земли мало, поэтому зерновые мы сеем по зерновым, бывает, 3–4 и более лет. Чистых паров мы не можем себе позволить, так как не хватает площадей.

Авт. – Тогда могли бы вы применять сидеральные пары? Ведь то, что вы таким образом используете грабительски землю, ее истощаете, что потом будете делать? Скоро то, что посеете, не соберете. Сколько удобрений вносите, в том числе и органики?

С.Ф. – Да, мы знаем, что мы варварски поступаем. В то же время даже органики мы не можем внести, сколько требуется, не хватает навоза. Техника приходит вся одновременно в негодность. Минеральные удобрения вносим, но тоже недостаточно.

Авт. – По дороге к кладбищу строится телятник. Но как нам кажется, он слишком долго строится, все лето и осень ни одного строителя не было. Почему все это происходит?

С.Ф. – Этот телятник не совхозный, строим не мы, а СМП. У СМП и администрации совхоза был договор, что СМП построит телятник и дорогу к нему, а совхоз будет обеспечивать работников СМП мясом по себестоимости.

Пока были отпущены деньги – шло строительство. Но как только финансирование прекратилось, прекратилось и строительство. Говорят, что теперь нет средств. А в телятнике уже начали растаскивать многое.

Авт. – Попутный вопрос о том, что не выделяется транспорт населению для поездок в Карпогоры и в другие места.

С.Ф. – У нас очень плохие дороги, и на пути три реки, которые надо преодолеть: Покшеньга, Немнюга и Пинега. Только зимой можно хорошо проехать.

Авт. – Но и зимой нет транспорта?

С.Ф. – Так ведь то машины ломаются, то еще что-то. *(Замялся, мы не получили должного ответа.)*

Авт. – С кем вы будете, чьи интересы будете защищать: администрации или рабочих во время проведения земельной реформы?

С.Ф. – Конечно, с рабочими. Я, как капитан с тонущего корабля, покину его последним. Нашему народу и деться некуда. Не организован досуг, развлечься негде! В городе люди в театр могут пойти, праздники разные, а в деревне нет ничего.

Беседа с Немытовым Юрием Васильевичем

18 сентября 2002 г.

Авт. – В 1992 году главой администрации был Владимир Васильевич Воронин, а Вы, с какого времени стали главой администрации?

Ю.В. – В 1995 году.

Авт. – А до вас кто был?

Ю.В. – Галашев.

Авт. – А почему... вас назначили?

Ю.В. – Ну, я работал до этого: с 82-го по 87 год. А потом у Галашева контракт кончился, он подошел, [предложил], я подумал и согласился.

Авт. – На сегодняшнее время вы являетесь представителем местной власти на все Покшенье: это Красное, Кобелево, Лохново, Большое и Малое Кротово. Скажите, какие у вас права и обязанности? Что вы обязаны делать и что вы можете потребовать от населения?

Ю.В. – Права и обязанности сейчас указаны в законах. Ну, и помощь населению.

Авт. – А в чем она выражается?

Ю.В. – Ну, там топливо, не всегда это получается, там, через закон о ветеранах. Потом все вопросы, с которыми обращаются.

Авт. – А какие вопросы?

Ю.В. – Собачий вопрос, это больной у нас вопрос, потому что собаки должны быть на привязи. Накусает собака, мы разбираемся. Потрава животными частных огородов. Со школой у нас тут часто возникает вопрос. Ну, сначала идет через директора, потом педсовет, потом родительский совет, а потом к нам.

Авт. – А кто из населения обращается к вам за приобретением дров?

Ю.В. – А сейчас все идут к нам. Обращаются к нам с заявлением, что просим выделить столько-то дров. К нам поступает лимит с лесхоза. Допустим, у нас населения 250 дворов, берем по 200 кубов на двор и вот, исходя из этого лимита, распределяем. У кого площадь побольше – даем побольше, у кого поменьше – даем поменьше. Если бабушка живет одна, то, естественно, ей надо меньше. Лесник идет и отводит лес на вырубку на дрова.

Авт. – А кто рубит?

Ю.В. – Заявление пишут и рубят сами. Ну, если бабушка, то она просит соседа.

Авт. – За какую-то плату?

Ю.В. – Ну, естественно, даром сейчас ничего...

Авт. – А вывоз?

Ю.В. – Тоже сами. У нас сейчас нет транспорта, понимаете?

Авт. – Сколько человек у вас работает в сельсовете, и какие это должности?

Ю.В. – Ну, глава администрация, специалист, бухгалтер, кассир и землеустроитель.

Авт. – А библиотекарь к вам не относится?

Ю.В. – Нет, это культура. Отдел культуры сейчас является юридическим лицом.

Авт. – В 1992 году была землеустроительная кампания, когда сельсовету отошла часть земель. Эта земля была в процессе оформления, что, сейчас уже все закончилось?

Ю.В. – Да. Сейчас подписываем договора аренды.

Авт. – То есть земля имеет своих пользователей?

Ю.В. – Да.

Авт. – И какая-то арендная плата есть?

Ю.В. – Ну, допустим, у меня Владимир Артемович (Ильин – директор школы) у него 65 соток, он платит 86 рублей.

Авт. – Норма оплаты у всех одинаковая или есть какие-то льготы?

Ю.В. – Нет, льгот нет. Просто есть коэффициент. Например, в одном месте есть сенокос и там он более удобный, и там побольше: коэффициент повышающий. Если в кустах, то там поменьше плата.

Авт. – 65 соток – это и огород туда входит?

Ю.В. – Нет, это чисто для сенокошения.

Авт. – А там, где огород?

Ю.В. – А там плата идет через земельный налог через налоговую. Здесь бухгалтерия принимает. Аренду принимает землеустроитель. Мы еще со строений собираем.

Авт. – А умирает хозяин, и куда поступают его дом и хозяйственные постройки?

Ю.В. – У нас здесь только два дома идут как безхозные. Они переходят к нам в оперативное управление. А так родственники находятся, и оформляется наследование. Это делается в Карпогорах, там через БТИ, пошлины и т.д. Это недешево получается оформить наследство. Пошлина и все прочее – где-то 1200 рублей.

Авт. – А сейчас оформляются здесь акты гражданского состояния, браки, например?

Ю.В. – Когда я работал 82–87 год, то в субботу бывало свадеб по пять, по шесть. А сейчас как оформляется? Мы можем принять заявление от молодоженов здесь, в администрации. Они заполняют, мы принимаем. Отвозим документы в загс. За неделю до регистрации они сдают паспорта в загс. Мы эти документы все забираем сюда, все записи, паспорта. Здесь делаем регистрацию. Они здесь расписываются, мы туда (в Карпогоры) отправляем в загс. Если люди хотят, то могут там (в Карпогорах) зарегистрироваться. А так мы не отказываем, если здесь хотят. Люди местные.

А рождения, смерти – это все там (в Карпогорах) делается. Ну, например, человек умер. Зачем нам гнать родственников в Карпогоры? Берем паспорт, справку о смерти, отвозим в загс и там оформляют, привозим свидетельство о смерти. Зачем еще гнать людей! Страховые медицинские полисы тоже здесь оформляем. Воинский учет: у нас сейчас два призывника, то есть мы работаем с военкоматом. В основном специалист занимается.

Обмен паспортов – сейчас у нас была массовая работа. Мы делали так: договорились с фотографом в Карпогорах. Отправили машину. Она сначала приехала в Кротово, все были оповещены: в клубе собрались, она всех пощелкала. Специалист написала формочки № 1, штамп, сказала, что: «Подписи поставите». Потом

в Лохново, потом сюда (Красное и Кобелево). За один день мы охватили, наверное, двести человек населения. А потом по мере готовности паспортов привожу, здесь еще надо прописать сразу.

Проводили сельские сходы и предупреждали об этой кампании. Говорили: «Готовьтесь!» Кто по пути ехал (через Карпогоры), то ради Бога! Сами делали.

Авт. – У вас бывают сельские сходы?

Ю.В. – Ежегодный отчет администрации перед населением.

Авт. – Это в каждом населенном пункте?

Ю.В. – В каждом населенном пункте.

Авт. – И что там решается?

Ю.В. – Отчет администрации, что мы сделали, и там другие вопросы ставятся. Отчет участкового инспектора милиции обязательно ставится. Вопрос о средствах на благоустройство ставится. Ну, вот, сколько провожу, то стараюсь из района кого-то вытащить. Главу вот...

Авт. – Приезжает он?

Ю.В. – Да, был два раза. Или он, или зам. Ну, обычно я приглашаю, сейчас, правда, надобность отпала, а когда были задержки с пенсией, райсобес. Ну, обычно завроно, это святое, у нас школа, школьники. Землепользование, когда это было, землеустроителя с Карпогор приглашал. Все приезжают, кого приглашаю, не отказывают.

Авт. – А население задает какие-то вопросы, активность проявляет?

Ю.В. – Ну да. Вот раньше проводил сходы: доклад прочитал 20 минут. «Есть вопросы?» – Все молчат. Вроде как бы и схода не было. Ставлю галочку для отчета, и больше все! А сейчас не то, бывает и громко!

Авт. – Какие темы волнуют?

Ю.В. – Вопросы землепользования, там по сенокосам. Совхоз работает еще, сенокосов мало. Не выкашивают, и в то же время не отдается.

Здесь у нас вечная проблема попасть к поезду. Был вопрос по расписанию движения поезда, сейчас этого вопроса нет.

Авт. – А как у вас с водоснабжением? С поддержанием колодцев?

Ю.В. – А это средства самообложения: собиралось по рублю, потом по два рубля. Это на поддержание колодцев, ограды, мосточков. Ну, здесь у нас, по Красному и Кобелево сбор средств ведется по 10 рублей с домохозяйства.

Авт. – Это самообложение?

Ю.В. – Да. Оно сейчас считается формой благоустройства, такое название. В Лохново тоже собирают. В Кротово проводили сельский сход, там отказались. С этого года не стали они собирать, отказались. А тут собирали – Никольский (колодец) надо было немного ремонтировать, да у нас тут прошлый год с июня месяца стала про-

блема с водокачкой, мотор сгорел, три месяца не работала. Проводили сельский сход, собирали деньги с населения. Так поговорили и решили, чтоб привезти новый насос. Я был в Архангельске. Собрали на два насоса 15 тысяч. Я ездил сам в город и насосы привез.

Авт. – Какое участие администрация принимает в проведении выборов?

Ю.В. – Больной вопрос. *(Усмехается.)* Самое прямое участие. Хотя этим делом должна заниматься комиссия выборная, но все идет через нас. Надо семь человек в комиссию. В школе просим провести собрание, в роно, чтобы членов комиссии выдвинуть. Председатель комиссии освобождается на месяц. Он здесь постоянно, те же открепительные талоны выдает, сверяет списки. Это обычно местный человек. Половина работы комиссии зависит от председателя. Стараемся, чтобы был знающий человек.

Авт. – А сейчас какая активность?

Ю.В. – 73–75%.

Авт. – А как определяется количество кандидатов, которые здесь баллотируются, сколько партий?

Ю.В. – От нас количество кандидатов не зависит. Зависит от уровня выборов: районных или областных, соответственно, там и определяется количество избираемых.

Авт. – Я вижу у вас компьютер, что вызывает у меня чувство здоровой зависти. Скажите, это, как распределяется, давно ли он к вам поступил?

Ю.В. – Это у нас поступил... сейчас скажу: 12 июля.

Авт. – Это районные власти выделили?

Ю.В. – Ну, естественно. У нас был компьютер, но он уже устарел.

Авт. – Вы еще им не овладели, не пользуетесь?

Ю.В. – Я не пользуюсь пока. Специалист занимается, еще землеустроитель иногда.

Авт. – Скажите, у вас здесь сложилась ситуация, когда основное население лишено возможности трудиться в общественных организациях, предприятиях. Самое большое количество рабочих мест в школе, потом пекарня – два человека, еще администрация сельсовета, почта, магазин, ФАП и лесничество. Там работают по два–три, максимум пять человек. Население занимается своими подсобными хозяйствами. Что вы думаете о будущем деревни?

Ю.В. – Сейчас многие ищут работу, ну, в леспромхозе, в Ясном, ну, в Капогоры там устраиваются. Держат скот, занимаются хозяйством, продают свою продукцию в Карпогорах, в Ясном, в Русковере. Все стараются как-то выжить.

Авт. – А как распределена бывшая совхозная земля, как оформлены земельные паи?

Ю.В. – Паи оформлены по Кротову, а здесь нет, никто не оформлял. Есть свидетельства, что, например, мне и моей жене по 3,7 га. Это есть у всех, кто работал.

Авт. – А нет лидеров, чтоб организовать кооператив или: «я хочу фермером стать»?

Ю.В. – Пока нет. Организовать ферму – такого нет. Фермы все развалились. Скота нет, обратно надо собирать. У нас многие стоят в центре занятости, больше 60 человек на учете.

Авт. – Что же в будущем?

Ю.В. (Молчит.) – Я думаю, надо всем как-то держаться вместе. Проводили много раз собрание акционеров, большая часть собралась – все, с завтрашнего дня мужики начинают работать. Завтра, как говорится, половина пошла...

Авт. – Пассивность?

Ю.В. – Да. На словах «будем», а на деле – ничего не получается. Все сначала для себя сделаем, а потом уже... Накопилось у людей.

Авт. – В июне, когда я здесь была, сельсовет организовал уборку кладбища, и это было очень хорошо проведено. Как вам это удалось?

Ю.В. – Совместно с советом ветеранов. Они по-прежнему собираются там на День Победы, организуют чаепитие в школе. Сейчас реже собираются. Самодеятельного хора нет уже.

Авт. – А клуб, что там сейчас проводится?

Ю.В. – Там работа на полставки. Это в основном школьники в каникулы дискотеки проводят до 11 вечера.

Авт. – Скажите, а с утилизацией мусора все такое же положение?

Ю.В. – Это все на самостоятельности и сознательности. Есть заявка и официально отведенное место для свалки за кладбищем. Если тебе лень относить мусор туда, то засоряй вокруг себя.

Авт. – Скажите, вы по-прежнему на государственном бюджете, и никаких собственных источников денежных поступлений не существует?

Ю.В. – Да. Все налоги на землю, аренду, строения – все забирается. Доходит до того, что бумагу покупаем за свои деньги.

Авт. – Еще такой маленький вопрос, Юрий Васильевич, ваш год рождения, ваше образование и ваша специальность?

Ю.В. – 1955 году родился. Образование среднее. Основная специальность – тракторист. Я раньше работал в Северодвинске, потом приехал в совхоз работать. По партийной линии я работал на общественных должностях.

Авт. – А на учебу, повышение квалификации вас никуда не посылали?

Ю.В. – Я был еще тогда, в 82–83 году, на курсах. У нас проводят аттестацию. В этом году была 16 мая. Сейчас требования такие, что глава администрации должен быть с высшим образованием. Так что... *(Тяжело вздыхает.)* Ну, у меня так получилось, что не удалось получить (высшее образование).

Беседа с Коневым Павлом Дмитриевичем

Село Карпогоры 10 сентября 2002 г.

Павел Дмитриевич Конев – начальник отдела сельского хозяйства Пинежского муниципального образования. Он представитель молодого поколения, ему 25 лет. Опрятно одет, румян и свеж. У него красивый голос, хорошая речь.

В беседе принимала участие Людмила Валентиновна Бутакова, ведущий специалист отдела.

Авт. – Скажите, пожалуйста, что происходит в районе с сельскохозяйственным производством и акционерным обществом «Покшеньгское», в частности?

П.Д. – Значит, в начале 90-х годов произошло акционирование государственных предприятий. И в структуре Пинежского района образовались различные виды сельскохозяйственных предприятий, такие, как акционерные общества закрытого типа, товарищества с ограниченной ответственностью. Организовывались они на базе государственных предприятий. В частности, вот ЗАО «Покшеньгское» образовалось на базе совхоза «Тепловский». Владельцы этого предприятия являются акционерами. Акционеры – это люди, которые отработали в совхозе «Тепловский», и акционеры не являются владельцами имущественных паев, которые вложены в это предприятие. Помимо этого можно назвать также людей, когда они акционеры, но помимо того, что у них есть имущественный пай, который вложен в данное предприятие, у них имеется и земельный пай, то есть земельный надел, который используется этим обществом, то есть они должны сдать его в аренду сельскохозяйственному предприятию. С сельскохозяйственным предприятием должен быть заключен договор, на основании которого сельхозпредприятие пользуется их земельными паями, и непосредственно оно выплачивает или дивиденды, или оказывает определенные услуги.

Но начиная с 90-х годов был государственный пирог и его, грубо говоря, передали в частную собственность. И я разговаривал с людьми, они говорят, что с 90-х годов начинается растаскивание этого государственного пирога. То есть люди, которые работают в данном сельхозпредприятии, люди, которые работали в совхозе, они все являются владельцами одной общей собственности, и то ли менталитет нашего народа такой, то ли еще что-то, но как бы, если оно общее, то оно ничье. Как бы единого хозяина нету и зачастую политика руководителя предприятия, какие-то возможные промахи, они оставались как бы без нарицания со стороны акционеров, то есть как бы акционеры они были мертвыми, они не принимали никаких попыток. Постепенно у нас происходил обвал сельхозпредприятий. Этому способствовали такие факторы: во-первых, у нас на территории района практически не работают структуры

перерабатывающей промышленности, то есть возникали трения между перерабатывающим предприятием ОАО «Карпогорский молочный комбинат». То есть «Карпогоры-Молоко» и, непосредственно, с сельхозпредприятиями: они не могли договориться о ценовой политике, о сбыте, и непосредственно многие предприятия старались обзаводиться собственной переработкой, то есть у нас произошел подрыв в сельском хозяйстве. Во-вторых, это зачастую предприятия работали, и у них не было цели работы, они работали по старинке, и работали, но старые отлаженные связи были нарушены, вложения, которые раньше делало государство, они не могут в себя вложения делать, и постепенно происходил износ основных средств: там зданий, техники, запуск полей. И еще была неразбериха с паями, была неразбериха с людьми, некоторые не могли разобраться с паями, возникали разные перенапряжения. Невыплата заработной платы на протяжении долгого времени тоже способствовала тому. Но самое главное это то, что сельхозпредприятия не видят цель, то есть не была поставлена определенная цель, то есть то, чего они хотят добиться и как этого добиться. Предприятию должна быть намечена определенная программа, то есть этапы, пусть эти этапы маленькие, но эти этапы должны со временем реализовываться в действительности. И на основании этого – получился этап или не получился, должны делаться соответствующие выводы. И конечно, с учетом сложившихся выводов можно ориентироваться.

Сейчас, в настоящее время, у нас большой износ техники. Во-вторых, разговариваешь с людьми, разговариваешь с руководителями предприятий, средний возраст людей, которые работают в сельхозпредприятиях, составляет в среднем 48 лет, то есть люди все так предпенсионного возраста. В свое время у нас сложилась программа – это помощь безработным, это люди не получали заработную плату и ходили на безработицу, то есть сгоняли себе заработную плату сельхозпредприятия. Хотя, по идее, любая заработная плата должна основываться на доходах, которые получает предприятие. Если предприятие не получает доходов, то говорить о больших заработных платах в сельхозпредприятиях, в свое время, мне кажется, было преждевременно. И люди уходили на заработную плату, создавались новые организации, где были неплохие доходы. И ценные специалисты, которые были на счету, с учетом того, что была нехватка специалистов с высшим образованием в нашем районе, не каждый мог получить, эти люди переходили в новые организации. Потенциал специалистов ослаблялся, тоже на руку сыграла безработица. С другой стороны, вот разговариваешь с людьми, есть два понятия: есть понятие «работать» и есть понятие «сходить на работу». И люди говорят, что зачастую работать – просто сходить на работу. *(Усмехается.)* Придут, посидят просто для «галочка» и уйдут, а производства самого, как такового, нету.

Авт. – А что будет в будущем?

П.Д. – В будущем? Ну, если судить по отношению людей к работе в сельхозпредприятиях, по отношению руководителей к работе сельхозпредприятий, то такая форма сельхозпредприятий, какая существует в нашем районе, такой подход к этой форме, какой у нас существует, то эта форма сама себя изживет.

Авт. – Какая, АО?

П.Д. – Да, она сама себя изживет. Вопрос будет переиначен, взгляд будет направлен на личные подсобные хозяйства. Но нельзя забывать, что личные подсобные хозяйства населения зачастую связаны с сельхозпредприятиями. Доноры распадаются, доноров растаскивают. Если смотреть на деревню северную, то там не остается молодежи. Остаются те, кто не смог нигде устроиться, не смог нигде приткнуться. Ребята из деревень переходят в районный центр, в городские структуры Архангельска, потому что в деревне они не видят перспективы, не видят поддержки. Я считаю, что государственная помощь должна быть оказана тому, кто хочет чего-то добиться. Если вкладывать деньги в предприятие, от которого ничего нет, то лучше эти деньги вложить в больницу, там в социальную сферу, чем просто вкладывать, как говорят, «закапывать» в землю.

Авт. – Но сейчас это уже никто не делает и давно?!

П.Д. – Ну, да! Сейчас государство, с другой стороны, заняло правильную позицию: если вам нужны деньги – закладывайте ликвидное имущество, получайте кредиты и отрабатывайте их. Ведь у нас же очень большие долги висят с 95–96 годов, которые нужно было тоже возвращать!

Авт. – Но, есть процесс санирования и финансового оздоровления, у Вас, наверное, есть практика такая?

П.Д. – Процесс финансового оздоровления?

Авт. – Да. Когда, например, старое предприятие становится банкротом, все долги списываются...

П.Д. – Дело все в том, что было старое предприятие... Для того чтобы производить оздоровление, нужны люди, которые в этом разбираются и которые видят дальнейший путь оздоровления, то есть он у них просчитан, он у них выложен на бумаге... Все равно, даже если государство пойдет на оздоровление, оно должно видеть дальнейший исход этого оздоровления. У нас есть примеры: предприятие ушло от налогов – образовалось новое предприятие, в котором находится имущество, которое раньше было в старом предприятии, и люди находятся там. Дело все в том, что от перестановки слагаемых сумма не меняется, и это предприятие снова набирает долги, снова сбрасывает имущественный фонд. Грубо говоря, государственный пирог пока не доедят, нового здесь ничего не будет. Когда доедят, тогда будут думать.

Авт. – То есть, надо дойти, до нищеты? Я беседовала с людьми, они все скучают по прежней работе, что ее у них теперь нет.

П.Д. – Дело в том, что скучают, что нет работы, а приезжаешь на предприятие, говоришь: «Ребята, давайте соберемся, может что...» Мы им предлагали, что может фермерское (крестьянское) хозяйство образовать, возможно личное подсобное хозяйство, возможно, что администрация пошла бы навстречу. И сейчас администрация идет навстречу, чтобы техника оставалась на селе в случае продажи предприятия, процедуры банкротства и реализации, чтобы что-то оставалась в деревне, чтобы деревня не исчезала совсем. Ну, когда туда приезжаешь и там говорят о безработице, зачем нам работать, мы здесь ничего не видим. А когда предприятие начинает закрываться и начинают думать, но ведь время ушло. И если смотреть на деревню, там люди разные, и есть такие что не держат скота и себя не могут обеспечивать нормальными средствами существования с личного подсобного хозяйства. Они живут просто так...

Авт. – Из того, что вы мне говорите, возникает вопрос: что в деревне, нет лидера или лидер есть и его надо найти? Тут проблема вся в кадрах?

П.Д. – Дело в том, что прежде чем что-то образовать, лидер должен являть пример и должен знать, что его поддержат. Даже если что-то не получится, он должен знать, что за это не посадят или еще чего-то. Но, конечно, нужно спрашивать с человека, человек должен быть уверен, что его поддержат, если он будет действовать, если ему будет трудно. Даже частные предприниматели не будут действовать в деревне, если будут знать, что не будет отдачи. Ему нужна гарантия со стороны государства, во-первых...

Авт. – Какая гарантия?

П.Д. – Гарантии нет пока.

Авт. – Или ситуация такая, что низы ничего не хотят, и верхи им не могут помочь?

П.Д. – Нет, низы хотят. Вот, например, есть личное подсобное хозяйство, которые держат много коров, которые занимаются картофелем, которые находят реализацию. Таких людей мало, но они появляются и со временем их будет больше.

Авт. – Но стимул личного подсобного хозяйства – обеспечить свою семью, свои семейный потребности?

П.Д. – Да, свою семью.

Авт. – Оно дальше не будет двигаться. Потом в менталитете нашего крестьянства по всей России, я сталкивалась с этим, нет такого стремления, чтобы иметь какую-то наживу, прибыль. Даже общество по своему общинному складу, хотя общины нет как внешнего явления, но оно внутренний дух деревенского общества, и общество не позволит кому-то богатеть за счет других

П.Д. – Петуха можно пустить, за то, что кто-то хорошо живет, петуха можно пустить.

Авт. – Но если в основе твоего дохода лежит твой труд, то это не осуждается. Но, если в основе лежит воровство или что-то подобное, то это порицается.

П.Д. – Дело в том, что зависит от человека, от того, кто этим делом занимался. Возможно, что человек будет торговать спиртом и к его дому и на сто метров никто не подойдет. Возможно, что человек наживет честным трудом свое богатство, но придет время и ему скажут... Недаром же была пословица: «От трудов праведных не наживешь палат каменных».

Авт. – Поэтому я и говорю, что все будет зависеть от его семейных потребностей. Если там дети, то дать им образование и чтобы они уехали...

П.Д. – Но, другая сторона, надо и к государству обратиться, как оно видит дальнейшее развитие: нужна ему деревня или не нужна?

Авт. – Ну, давайте разделим власть, на ту, что в Москве, и на Вас, вы ведь представитель местной властной структуры?

П.Д. – Да, я представитель местной властной структуры. Но дело в том, что мы видим развитие нашего Пинежского района. Благосостояние района возможно только за счет того, что будет расти благосостояние людей, развитие производства. Мы видим это, но ресурсы нашего района ограничены. Для того чтобы что-то создать, нужно вложение государственных средств. Ну, а если муниципальное образование не обладает такими финансовыми средствами по какой-то причине, то ему трудно это сделать.

Авт. – У вас здесь богатый район, во-первых, у вас лесная промышленность, которая сейчас тоже в сложном...

П.Д. – Дело в том, что лесная промышленность, управляется из того же Ленинграда, из той же Москвы. Они не заинтересованы в том, чтобы здесь было производство, чтобы была перерабатывающая промышленность, они заинтересованы в лесе, а не в нашем районе. Дело в том, что сельское хозяйство должно быть, но оно должно давать отдачу.

Авт. – У вас есть работающие предприятия?

П.Д. – Да, у нас есть работающие сельскохозяйственные предприятия, но по Архангельской области ликвидных предприятий, то есть работающих в сельском хозяйстве рентабельно, от 1 до 30 хватит цифр, чтобы их пересчитать.

Авт. – А у вас в Пинежском районе?

П.Д. – В Пинежском районе нет ни одного рентабельного предприятия. А еще сейчас намечается тенденция к снижению количества предприятий.

Авт. – То есть здесь на сельском хозяйстве «крест поставлен»?

П.Д. – Ну, нет, почему же?!

Авт. – Ну, вот вы надеетесь на ЛПХ, а что для этого делается?

П.Д. – Развитие нашего района в первую очередь будет направлено на то, чтобы реализовать собственные запросы, запросы на-

селения. А за пределами района отсутствует большой рынок сбыта. Можно сказать, что наша пойма находится в резервации. У нас единственная путь – это железнодорожная дорога круглогодично. А зимой – это зимник, который только зимой стоит. А если бы у нас был рынок сбыта, то можно было бы говорить о развитии сельского хозяйства. Сельское хозяйство его можно... оно рентабельное, если в него вкладывать и правильно производить все процессы.

Авт. – Обязательно вложить, а сами заработать?

П.Д. – Первоначально надо что-то вложить, чтобы оно заработало.

Авт. – Но даже то, что осталось, может начать зарабатывать, ведь тракторы ездят по полям?

П.Д. – У нас износ техники 86%. А старое производство у нас уже падает. А старое производство растаскивается самими работниками. Мы уже с вами говорили, и вы сами видите, что идет обезлюдивание деревни, молодежь стремится уехать.

Авт. – Да. Но что-то делается на уровне районной власти?

П.Д. – Ну, у нас было введено арбитражное управление в Городецке, решили создать инициативную группу. Мы приехали, и пришлось прямо за руку кого вытягивать. Мы создали группу и предложили создать фермерское хозяйство и сказали, что мы вам поможем купить мини-комплекс за небольшую цену. Поможем это сделать. У вас все будет: коровы, техника, только работайте. И самое интересное, мы создали эту группу, уехали, и так ничего не делается. Мы собрались, поговорили, а потом все разошлись, каждый по своим домам, каждый по своим делам.

Авт. – А что происходит с земельными паями?

П.Д. – Земля выделена, свидетельства есть, земля находится в общем пользовании и зачастую путают акционерное общество и с этим, руководителем, который распоряжается землей. И некоторые люди просто не могут получить свою землю в собственность.

Авт. – То есть здесь получается, что люди не сталкивались с этим и безграмотны?

П.Д. – Да, юридически неграмотны люди. Но мы стараемся помогать тем, кто что-то хочет сделать. Например, наш отдел не может кредитовать. Но чтобы получить кредит, надо оформить кучу бумаг и пройти кучу инстанций. Потом личное подсобное хозяйство не облагается налогом и там нет бухгалтерии. Хозяин знает, что он работает сам на себя. А в существующих сельскохозяйственных предприятиях один человек работает, а если трое не работают, то у него со временем отпадает желание работать. И если он не видит результатов своей работы, не видит награды за свой труд, то он будет, как все остальные.

Авт. – А как вот разные формы организации хозяйства, у вас были?

П.Д. – У нас были крестьянские (фермерские) хозяйства, их очень мало осталось три или четыре. Есть в Пинеге один, он занимается картошкой и лесом. В основном лес, он зарабатывает лесом.

Авт. – У меня такой вопрос к Вам: что вы окончили, какое у вас образование?

П.Д. – Я окончил Вологодский государственный молочный институт. А сейчас я пытаюсь учиться на юридическом факультете заочно.

Авт. – Ну, а как с земельными паями? Мы не закончили эту тему.

П.Д. – Земля она есть, но это виртуально. Это виртуальный участок. Можно выйти на поле, где, допустим, 500 гектар, и сказать: «Здесь находится мой участок». А где именно – нет. Но сейчас этот вопрос решается, и дело все в том, что надо было в свое время разделить имущественные паи, то есть дать человеку его трактор. Возможно, он видит, что другие плохо работают, а мог бы и объединиться с кем-то, по крайней мере сохранить это. Но в свое время это не было сделано. Это не было сделано потому, что кто-то боялся разделов, боялся споров, боятся грязи в свой адрес.

Сейчас придется закрывать предприятия, потому что не заготовлены корма. А если прийти в дом к владельцу, то у него для своего скота заготовлены прекрасные корма. А когда спрашиваешь, как они ставили, то они ставили техникой предприятия. Ставили бензином предприятия. Пока мы себе не наставим сено, мы не будем ставить предприятию. И с другой стороны, если идет такое отношение к предприятию, то нужно ли держать такое предприятие, нужно ли помогать государству такому предприятию? Мне кажется, лучше государству построить больницу очередную на территории нашего района, чем вложить деньги в это предприятие. Ведь если разобраться, эти деньги с какой-то статьи снимаются, кому-то они не выдаются? А если бы он сказал: «Да, я столько-то, столько-то выращу», даже элементарный бизнес-план предоставил, как он дальнейшее развитие (видит). Они не могут предоставить план, под который мы бы им кредит (дали), провести кредитование.

Авт. – А такая возможность есть?

П.Д. – Да, краткосрочное кредитование, долгосрочное кредитование. Пожалуйста, все это есть. Есть Россельхозбанк, филиал у нас открылся в Архангельске. Пожалуйста, приезжайте, привезите бизнес-планы, привезите опись имущества, которым будете отвечать и... Они, во-первых, боятся, хотя мы говорим, что вырастите картофель, через департамент сельского хозяйства мы договоримся продать ваш картофель. Надо, чтобы был большой объем. Дело все в том, что они картофель не выращивают, у них вначале нет бензина, потом техника посадочная не работает, потом нет посадочного материала. А потом говорят, что мы боимся, у нас же зона рискованного земледелия. Потом мороз, у нас ничего не вырас-

тет. А с другой стороны, они сажают картофель на своих приусадебных участках и выкапывают его.

Авт. – Но разобрали технику и животных в счет своего заработка? И сами вынуждены покупать бензин, сами ремонтировать, хранить все это?

П.Д. – Да, заработка, но могли получить как заработанный пай и распорядиться им. А в свое время руководители боялись огласки, могли же выйти в люди с техникой, с деньгами! В свое время у предприятия было много лесозаготовительной техники, были свои пилорамы. Это техника, все растаскивается. Сами же растаскивают. Сейчас в отдельных предприятиях зарплату выдают техникой, и техника уходит.

Авт. – В Кобелево все уже разобрали?

П.Д. – Что Кобелево? У нас есть предприятия, где имущества еще очень много.

Авт. – Не разворовывают, а растаскивают в счет своей заработной платы?

П.Д. – Ну, в счет заработной платы...

Авт. – Поскольку денег нет. Но тут еще такая проблема: оборот денег в сельском хозяйстве гораздо медленнее, чем в промышленности?

П.Д. – Да.

Авт. – Здесь финансовая, правовая, юридическая проблема. Мы все понимаем, какие проблемы, но только как их решить?

П.Д. – Да нужен пример, нужна стабильность. Более чем у десяти хозяйств есть средства. Я говорю: вы можете скинуться, нанять себе юриста, нанять себе экономиста, которые будут вам за ваши деньги отрабатывать по полной программе. Выполнять ваши заказы, и они будут давать вам реальную прибыль. Просто в свое время было управление сельского хозяйства при государственном аппарате и в этом управлении было очень много специалистов: юристов, экономистов. А сейчас этого не стало. Сейчас у нас все собственниками являются. Собственники, наймите себе экономиста и юриста. У нас двенадцать предприятий: ну хотя бы одного юриста и экономиста наймите. Все равно возникают проблемы юридического плана. Бухгалтера надо.

Они, во первых, будут вас консультировать, во-вторых, представлять ваши интересы. И если с каждого хозяйства по 500 рублей в месяц, мне кажется, не слишком уж убыточно, но люди вам отработают с лихвой это все. Можно нанять специалиста.

У нас в настоящее время, грубо говоря, в сельском хозяйстве официально два юриста. Это они находятся в департаменте сельского хозяйства Архангельской области. В других крупных хозяйствах, я не знаю, есть свои юристы или нет.

Но по крайней мере в нашем районе ни одного собственного юриста в хозяйствах нет. Если бы представитель хозяйства хотел

собственного юриста выучить. Но через год просто работники этого предприятия бы сказали: «Ну, а чего вы вот его учите, а моего не учите?! Так что мы не будем за него платить».

Надо как-то обращать внимание на сельское хозяйство, искать выход из создавшегося положения, потому что та же продовольственная безопасность страны должна быть обеспечена: мы должны сами себя кормить, вкладывать деньги в собственное хозяйство, а не сельхозтоваропроизводителей за рубежом. А так мы поддерживаем их развитие.

А знаю, в Вологодской, Ленинградской областях общественные предприятия развиваются, но там есть негласные программы по их развитию, поддержке.

Авт. – А в Архангельской нет?

П.Д. – В Архангельске только в этот год, первый, готовят менеджеров АПК.

Авт. – А со стороны администрации области?

П.Д. – Со стороны администрации области есть поддержка для тех предприятий, где остались крупные средства, там назначают человека, грубо говоря, проверенного. И этому хозяйству начинают помогать. Грубо говоря, создается показательное хозяйство. Сейчас везде показывают в Каргопольском районе хозяйство, что там создано, что новую технику закупили, оборудование по заготовке кормов импортное. И туда очень большие суммы вкладывают. Тем более предприятие имело большие кредиторские задолженности. Стало рассчитываться. Оно поднимется. Поднимется потому, за счет того, что молоко они сдают в тот же город Архангельск, они видят перспективу развития.

Сейчас одно хозяйство в Приморском районе поднимают. Тоже нашли руководителя, дали ему квартиру, дали ему скотину, то есть он проверенный, должен поднимать это хозяйство.

Авт. – А что значит «проверенный»?

П.Д. – Он работал, имеет опыт. У него что-то получалось, но дело в том, что там пригород Архангельска, там есть возможность много произвести и есть возможность это продать. А как быть с нашими северными районами: Мезенский, Лешуконский, Пинежский? Если у нас нет возможности, допустим, ежедневно вывозить свою продукцию в Архангельск?

Авт. – То есть у вас сейчас такое равновесие: все остановилось на уровне самообеспечения?

П.Д. – Пока идет на реализацию потребности сельского района. Если была бы возможность, если была бы заинтересованность сделать здесь какую-то переработку и произвести, допустим, сбор молока, то предприятия, личные подсобные хозяйства, люди стали бы стремиться. Если я, допустим, сегодня сдам молоко, завтра сдам молоко, у меня будут деньги, я буду заинтересован держать три–четыре коровы. Особенно в отдаленных деревнях, где производства

вообще никакого нету, но где есть дети. В некоторых деревнях молоко выливается на землю! В настоящее думается, что надо что-то создать. Но упирается все в то, что нужен человек, который будет за это отвечать.

Деньги дают под что-то, нужно, чтобы они гарантированно что-то приносили, кто-то должен за них отвечать. Не любой человек сможет все это организовать: нужны опыт, знания, образование. Нужно желание, чтобы он собрался все это сделать. Нужна поддержка, тем более наш район – он специфический: большая протяженность, ужасные дороги. Население только-только входит в эту нашу действительность.

Авт. – Да? А своей практической жизнью оно уже вошло?

П.Д. – У нас было ложное начало: собрать большое предприятие, которое получит поддержку от населения. А предприятие могло наращивать производство.

Авт. – А у вас сейчас в Карпогорах нет переработки?

П.Д. – Нет. В Карпогорах только молоко, а остальное продано все полностью. Продано по частям. Продали здание, территорию, оборудование, все!

Авт. – А мясо, переработки нет?

П.Д. – Есть у нас карпогорский... Но он тоже, как бы сказать...

Авт. – Но в деревне говорят, что туда не выгодно сдавать, легче и выгоднее забить у себя в хозяйстве.

П.Д. – Да и частные предприниматели ходят. Да они ходят по домам, берут и молоко. Если бы в деревне люди знали, что они куда-то могут реализовать свою продукцию и реализовать за деньги, а не за обещания, за деньги реальные, возможно, небольшие, но реальные, то: «Бери!» Стали бы, возможно, две–три коро́вы ро́стить. И у них не было бы проблемы с кормами. Люди сейчас занимают сами себе тем, что ищут: где купить, где продать. Они предоставлены сами себе. И зачастую идет нарушение ветеринарных, санитарно-гигиенических правил. Все идет в нарушение. А для того чтобы связать то же звено по принятию того же молока у населения, нужно, во-первых, пройти очень много инстанций, а во-вторых, создать заново это все.

Авт. – А потребкооперация, которая существовала, она тоже развалилась?

П.Д. – Потребкооперация существует, но она занимается другим. Потребкооперация занимается продажей товаров. Она занимается, грубо говоря, перепродажей товаров. Это самый эффективный способ зарабатывания денег.

Авт. – Людмила Валентиновна, а вы как считаете?

Л.В. – Что?

Авт. – Что ждет здесь наше сельское хозяйство?

Л.В. – Трудно сказать.

Авт. – Вы давно работаете здесь?

Л.В. – Десять лет.

Авт. – Можно сказать, со времени, когда перестройка началась?

Л.В. – Ничего нет хорошего, что где-то просвет будет. Трудно сказать. Ну, правильно он, Павел Дмитриевич, сказал, что психологию людей изменить трудно. Сколько мы ездили по району, и в Городец, Нюхчу... Там у нас хозяйства. Ну, никто не хочет. Вроде бы все хотим все, и в тоже время никто не хочет: «Нет, извините... Никто не приедет?» Ну, было бы хорошо, если бы к вам кто-то приехал и руководитель, как говорится, вас сумел убедить и сгруппировать, но никто ни хочет. Естественно, лидер, если он будет, люди будут его благодарить, если он сумеет... А сейчас у нас такое: если есть техника какая, то как бы ее разобрать по домам.

П.Д. – В существующих хозяйствах: я возьму себе вот это, а я это...

Л.В. – У меня зарплата есть, вы мне дайте! А вот что-то делать...

П.Д. – Люди не видят, куда это производить, нет цепочек. Работают только, чтобы не помереть.

Л.В. – И еще у нас все руководители, они же все видят, работяги. Если руководитель живет, он может в магазин съездить, у него транспорт: он может съездить и привезти, и дети у него учатся... Нет, а почему я не могу, я работаю с утра до вечера. А в то же время помалкивают, а большинство, что ж Вы: соберитесь, поговорите, ну выясните, наконец, в чем там... Так что переломить это. А молодежь-то не хочет. Чего им тут понравится? Трудно сказать.

П.Д. – Да, я даже знаю, что дети ходят и просят (попрошайничают). Если родители с утра и до вечера... Картошку не могут вырастить, не могут вырастить животных, то чего от них ждать?

Л.В. – Не хотят! Это опустившиеся совсем.

П.Д. – Люди все наростят, если бы была стабильность: вот по такой-то цене придут и купят.

Беседа с Родионовым Дмитрием Викторовичем

2002 г.

Дмитрий Викторович Родионов (род. в 1956 г.) – начальник земельного комитета. Мы его посетили, чтобы прояснить обстановку с разделом земли на земельные доли, с определением их принадлежности и отношений, которые складываются и между сельскими жителями, и с вышестоящими организациями. Цель этого визит – пролить свет на земельный вопрос в районе и в интересующей нас деревне.

Авт. – Объясните мне, пожалуйста, какая ситуация сложилась с землей, земельными долями и паями в районе и в отдельном хозяйстве, сельсовете?

Д.В. – Где-то в 93 году здесь реорганизация прошла, и появились АО. Получили все, кто там работал, получили пенсионеры, получили доли. И когда у них было собрание, то решили, именно при выделении, что долями будет распоряжаться генеральный директор или кто там другой руководитель.

По Гражданскому кодексу при выделении должно быть общее собрание. При общем собрании человек подает заявление, но у них это как-то не сложилось. Всем были выданы методички, материалы о реализации указа президента РФ, где их права по выделению земельных участков были изложены очень прекрасно, проводилась работа. Я тогда в земельном комитете не работал, но работа проводилась. В АО «Быстровский» очень много людей вышло, выделились, но почему-то мало, никто, не оформил выделение своих долей.

А общество договора не заключало по использованию земельных участков граждан. Земельные участки, по сути, находились у граждан, и они должны были их использовать. Должны были заключить коллективные договора. Почему-то так получилось, что этого не произошло.

Может быть, была ошибка земельного комитета, потому что мы в налоговую подавали именно, что земля была как в АО, земля находилась за людьми, а выдавалась, что за АО.

Но при реорганизации было решение такое, чтобы людям не платить налог за землю, АО пользуется земельными участками граждан и выплачивает земельный налог.

Авт. – А с чего, ведь никакой деятельности нет?

Д.В. – Ну, раньше занимались. Но в конце концов все пришло к праху. АО заниматься не могут. И граждане, не платя эти налоги, не чувствуют себя хозяевами.

И с этого года мы подготовили список, что будем подавать в налоговую, если у тебя есть свидетельство о праве на собственность, то не АО будет платить, а гражданин.

И сейчас проводится работа, что АО рассыпаются, что люди свои земельные доли выделили в натуре, не обязательно общее поле.

Сейчас хорошо сложилось в верхнем конце Пинеги, там ООО «Лавела». Они не делают выделения в натуре, потому что это дорогая землеустроительная процедура (надо нанимать где-то от 3 до 5 тысяч рублей), а для деревни это невозможно. А в «Лавеле» пошли таким путем: собрались вместе, сложились: «мы, там 15 человек, определенный массив пашни есть, вот мы его используем». Также сенокосы. Без споров, без скандалов.

Документы по закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» к нам еще не пришли. Тут намного будет упрощено выделение земельного участка в натуре.

По Гражданскому кодексу необходимо 100 %, чтобы, если коллективная собственность, все дольщики или там по доверенности,

присутствовали на собрании. А сейчас хорошо, уведомление о собрании нужно делать за один месяц в письменной форме под расписку или в местной периодической печати. При этом условии уже не важно число явившихся на собрание. И это не зависит от руководителя.

У нас недавно по «Искре» было судебное заседание: образовалось СПК «Рассвет», это 137 участников с долями выходили в отдельное образование и все оформили. Один бывший механик не захотел, хотел выделится. Ему отказали в том месте, где он хотел, потому что это был хороший участок в общем наделе.

Многие отказываются от долей: устраиваются на безработицу и отказываются от своей доли. А почему он отказывается: имея долю, он ведь никаких дивидендов не получает?!

И конечно, население-то у нас стареет, молодежь разъезжается. Что там бабушке эти 3,5 га? Ей достаточно для картошечки приусадебного участочка.

Сложилась такая ситуация, что уже земля почти никому не нужна: зарастает, запускается.

Сейчас споры идут за каждые 2 кв. метра в населенных пунктах, особенно в Карпогорах.

А по долям проблема очень сложная. А чтобы производить, нету сбыта, нет переработки. Был мясокомбинат, молочный комбинат, а сейчас совершенно ничего нет. Даже в лесной промышленности нет заработков. Здесь остаются единицы, даже после института приехать работать негде. А через 5 лет молодежи негде оставаться, значит, детей не будет, та же школа закроется, та же деревня опустеет.

Я с Пинежского района, местный, жил здесь в Карпогорах. Я учусь на юридическом, жизнь заставляет, у нас земельный комитет – больше стало работы по контролю: эти все постановления, указы, законы, работа с документами, нормами, постановлениями, Гражданским кодексом, Административным кодексом. Раньше-то меньше на это внимания обращали, а сейчас и споров стало больше, потом у нас же правовое государство.

У нас одна организация – земельный комитет. Прошла реорганизация, стал Северный территориальный отдел, объединивший Пинежский, Мезенский и Лешуконский районы. Не очень удобно, конечно: ни встретиться, ни поговорить. Все равно работаем через город, который занимается контролем. Политику проводим, работаем с администрацией. Совместно с нами, параллельно, подконтрольно работают федеральные учреждения, земельно-кадастровая палата, которая занимается введением единого государственного земельного кадастра.

В сущности, сейчас у нас нет ни одного нормального плана населенного пункта. Вечная проблема. Когда началась эта земельная политика, надо было вначале полную инвентаризацию провести, что у нас есть, чем располагаем, а потом все это делить.

А у нас получилось, что мы разделили. А сейчас не проверить, что разделено или не разделено. Ведь удобней, когда земельный участок передали и на дежурной карте отметили населенный пункт, координаты внесли, кому это передано: здесь и право, и целевое назначение отмечено.

А сейчас свидетельство, у нас там 12 102 собственника, где четыре с лишним тысячи дольщиков, но у нас нигде не найдете. Все учтено, но не найдете. Даже у района хорошей карты нет.

Колоссальная работа! Вот сейчас довольно престижно стало, потому что работы много и деньги вкладываются. В институте при АЛТИ есть сейчас специальность – земельный кадастр.

Мы сейчас в судах сталкиваемся с такими вопросами. Судьи почему-то по делам гражданским, уголовным компетентны, а по земельным почему-то раньше не сталкивались по спорным вопросам. А сейчас звонят, спрашивают, как решить вопрос. Сталкиваемся капитально! Вот позавчера: человек обрабатывал лет 30 это поле. Документов никаких не оформлял. Работал на этом поле, кусочек такой небольшой: 50 кв. м. Ситуация сложилась такая, он женщине давал обрабатывать, она пользовалась. А сейчас у этого мужчины своя семья большая и говорит: «Вы извините, но надо бы место освободить». А она не хочет. Она говорит: «Я тут пользовалась». Сбегала оформила аренду. Она подала заявление и говорит: «У меня оформлены документы, а у тебя нет». И подала заявление: разберитесь с человеком. Самовольный захват: земельным участком пользуется. Ну, не самовольный захват, а статья 7.1 «Об административных...». Ну, новый с 1 июля вступил в силу: самовольный захват и оформление документов. По закону как доказать?

До 17 года может, все нормально и было, землеустроители везде были и распоряжались и там, и там, если ты был собственник, надо было платить.

А когда это все наше, общее, то что могли разнесли по дворам, что не смогли, так и осталось брошенное. Все, что можно, приберут к рукам.

Авт. – Такое ощущение, что здесь все вымрет?

Д.В. – Не то что вымрут, но все куда-то разъезжаются. Ну, кто здесь останется? Я был в Ярославской области, ну уж там центр, там все деревни пустые. А здесь еще держатся. Особенно, в Нюхче, там крепкая деревня. Хозяйства падают, но молодежь остается. В деревне живут, но не полностью: ездят там в Коми работают, но все же в деревне остаются.

А здесь во всех деревнях молодежи уже почти не осталось. И тут же про доли: вроде и оформить нужно, но уже некому пользоваться. Под лопату не вскопаешь, а один трактор там был на деревню, который у частника, то он для себя и своих. Никакого сельского производства нет.

Авт. – Сейчас же страда: все копают картошку?!

Д.В. – Все на своих полях, хорошо, если есть трактор, а так все под лопату. Зимой ездят коммерсанты и собирают картошку. В прошлом году вперед по 2 рубля за 1 кг, а потом по 4,5.

Авт. – Мне сказали, что по 1, 8.

Д.В. – Все сдавали и по 1 рублю сдавали, просто куда-то сдавать надо. Это району надо было заниматься, чтобы организации какие-то делали. Даже вот под Архангельском служат, наши какие-то военные части (это в газете писали). Вот обслуживают: возят с Чувашии картошку. Неужели нашей не хватит?!

И раньше были эти госзаказы: «Ну, что председатель? Поступило столько, столько и посади». А сейчас же надо эти договора, а не научились у нас, по-моему, этой самостоятельности: ездить, где-то договариваться. Все ждут, что придут к ним, приедут и продадим. И так и получается. *(Вздыхает.)*

Так что, пожалуйста, можно выделяться, но можно и коллективно выделяться. Не обязательно, что все должны в общем работать, пожалуйста.

Авт. – Потом, мне кажется, что в деревне нет лидера, такого чтоб организовать людей. Проблема?

Д.В. – Да, нету лидера, нету, да. Конечно, трудности больше в том, что сбыта нет. У нас тут порой по дороге никуда не уехать. Только по железной дороге, хорошо, успели построить. У нас сейчас хорошая южная дорога, в Коми можно проехать, там только 4 км пески. А в Архангельск только зимой зимник прокладывают, чистят бульдозером, тогда можно ехать на машине.

Авт. – А как вы обеспечены такой роскошной техникой и компьютерами?

Д.В. – У нас идет российско-шведская программа «Ларис», по ведению земельного кадастра, целевое назначение. И по всем районам дали денег на 900 тысяч. Техника хорошая, хорошие программы, но карт нет. Вся проблема в картах. Должна быть отцифрована хорошая карта, чтобы на карте мог выносится земельный участок.

Нам нужны карты в компьютере, в электронном виде, чтобы можно было все зафиксировать и отметить. Массив поля должен быть весь разбит, весь размечен, иначе нам трудно отследить все изменения, весь оборот. Ох, проблем тут... *(Вздыхает.)*

Авт. – Но кто-то должен вам делать такие цифровые карты? Существуют они?

Д.В. – Существуют, деньги выделяются. В Вельском районе есть хорошие, и много.

Авт. – Но кто это должен делать?

Д.В. – Это муниципальное образование должно делать, инвентаризацию должны делать. На пять лет просиди 3 миллиона, есть программа по указу президента: инвентаризацию проводить по населенным пунктам. По Каргопорам на 5 лет по 600 тысяч, 3 миллио-

на. Со скрипом согласились, но деньги еще не получены вовремя. Там как идет: 50% – федеральное и областное, 50% – муниципальное образование (МО). Наши не предоставили, ну что, деньги там лежат федеральные, их другим перекинули. Почему-то районные власти не думают, что наше основное богатство – земля, и каждый кусочек должен быть учтен и вносить свою лепту в бюджет МО, чтобы каждый хозяин имел землю и платил налоги.

Хотя и налоги маленькие у нас. Я разговаривал с налоговой, у нас по району около 16 тысяч рублей по собственникам: дома, поля, частная собственность, не считая долей. Ну, что налог? Там 3 рубля, 4 рубля, а конверт, чтобы отправить – 7рублей! Так сколько еще человек все эти налоги обсчитывает?

Я в сельсовете работал, у нас 6 км деревня Шидема, там в Сосновке, на машине больше бензину затратишь, собирая эти налоги, квиточки там заполнишь, кто может заплатит, обратно приедешь. Так что у нас на бензин больше уходит, чем я соберу этих налогов.

За гектар 11, 68 рублей в год – это смешная сумма! Человек, если 5 соток ЛПХ, а за гектар 11, 86. Такие налоги у нас по всей России. Для индивидуального жилищного частного строительства в черте населенного пункта там 1400 за гектар. Ну, у нас не гектары, а сотки. Ну, в общем, цены получаются смешные. Человек, имея 5 соток, мог и отдать за это ведро картошки, стоимостью: 8 кг по 3 рубля = 24 рубля на 5 соток. Но хотя бы по 20 рублей человек мог отдать налога, ну, 120 рублей за 5 соток. Это ведь посильно?!

Авт. – Вопрос не только собственности, но и налогообложения?

Д.В. – Да. Индивидуальное жилищное строительство – 1400, а картошечку там посадить 11, 86 рублей за гектар – для ведения ЛПХ.

Ну, в этом году налоги увеличились в 2 раза, в следующем, наверное, еще в 2 раза. Разница-то большая, и все дорожает. И может человек не может заплатить эти 120 рублей, только кушает картошку, а чтобы продать, надо чтобы кто-то подъехал. Они сейчас выкопают, подсушат картошку, опустят в погреб, а потом зимой подъедут – ее же, эти тонны надо опять поднять из погреба.

Леспромхозы все обанкрочиваются. Многие вынуждены вести личное хозяйство: учителя, например, потому что иначе не выжить.

Пока специалистов-землеустроителей у нас нет.

Но сейчас в связи с новым законом кто-то побольше себе возьмет земли. Будем надеяться. С землей все равно что-то нужно делать. Кстати, вот, наверное, через неделю поедем. Пришло письмо с Пинеги от предпринимателя. Он написал письмо, что земли не используются, чтобы ему дали, ему не дают. Он хочет развернуть производство, он взял 3–4 доли в аренду, говорит, что погорячился, что многовато, и что надо ему земли дольщиков, которые поближе в одном месте, она все равно пустует. Написал письмо. Надо ехать, разбираться.

Да, юридическое образование необходимо, область с нами мало работает, а постановлений, законов, нормативов полно. Даже Земельный кодекс читается и понимается неоднозначно, комментариев маловато.

Областная дума должна решить определенные положения. МО может отрегулировать повышающие коэффициенты за арендную плату. Но в основном руководящим являются федеральные законы. Иногда мы спорим горячо. Мало работы по земельным вопросам в сельсоветах.

А потом все эти услуги населению от различных государственных органов: пожарный надзор и подобные, почему эти госслужащие, получая зарплату, должны брать пошлины с населения?

Авт. – Ну, это в пользу государства.

Д.В. – Ну, нотариальные – это частная контора, они за счет этого существует, но почему пожарная служба? Все занимаются поборами за свои штампики и за корочки, не выезжая, со слов. Кто в Нюхчу поедет? Тогда ясно, что нужно оплатить расходы. А так, за что?

Да, конечно, по дальним деревням можно это упростить. Зачем разрешение архитектора, когда есть генеральный план. И деревни строились по старым местам, выбранным человеком по традициям и в великолепных, красивых местах. Нормально, когда в комиссии участвует староста или сведущий человек, а это до абсурда дошли, когда техничка решает вопросы, в которых она не разбирается. То есть и я, и все понимают, что что-то перестроит на своем участке, тот же хлев, абсурдно согласовывать с таким количеством организаций.

Беседа с Щеголихиной Зинаидой Васильевной

2002 г.

Зинаида Васильевна Щеголихина – специалист первой категории сельской администрации Покшеньгских деревень (о ней см. Прил. 2 – беседа с Таисией Герасимовной Щеголихиной). Беседа состоялась в ее кабинете.

Авт. – Как оформляются безработные?

З.В. – Постоянно меняются. До такой степени, что они уже в очередь там стоят, их физически не могут оформить. Безработный, чтобы получить статус, надо предъявить трудовую книжку, что они не работают нигде, там нет записи, документ об образовании, паспорт, от нас только справка о составе семьи. Больше ничего нету.

А с центром (по безработице), у нас только такая связь: мы отмечаем, только, так сказать, на добровольных началах. Сейчас у нас почти 60 человек по покшеньгскому сельсовету.

Авт. – Им платится пособие, а какое по размеру?

З.В. – Зависит от состава семьи, идет пособие на ребенка. 700 они получают, а некоторые больше 1000. Они говорят: «Мы в колхозе столько не получали». Переключились на свое хозяйство, только на свое хозяйство. Пока еще налогом не обкладывают, то навоз продают, продают молоко свое, а потом, если закрутят как бывало: сдавай то, другое да пятое, то я не знаю, что будет.

Раньше были налоги. Сейчас нет. Пока нет. На если поразмыслить, то перекроют и эту жилу.

Центр занятости им менял, приезжают с молоком им меняют. А сейчас все тихо стало.

Авт. – Они с молоком ездили?

З.В. – Да, наши с Кобелево, отсюда невыгодно. А с Лохново регулярно. Едут, продают на рынке. Потом у каждой хозяйки свои точки, они так и называют: «Пойду на свою точку!» Кеврола, Лохново и Шотова, и Шардомень – близлежащие деревни – они все туда ринулись. Немнюга, может, тоже возит. Это я точно знаю.

Авт. – Там сообщение удобное?

З.В. – Нет, но куда деться!?

Авт. – Кеврола больше?

З.В. – Нет, сельсовет чуть побольше. Там три деревни: Немнюга, Кеврола, Едом. Там навоз уже наловчились, мешками продают, в Ясное возят.

Авт. – Сколько мешок стоит?

З.В. – 14, 9, 8 рублей.

Авт. – Высушенный?

З.В. – Нет, натуральный, нормальный. Возят его на лошади. Получат деньги и тут же купят на них муку, крупу, сахар. Кому что.

Авт. – У вас все есть в магазине из продуктов питания?

З.В. – Да, сельпо стало подыматься, и нас снабжают неплохо, а то ничего в магазине не было. Если бы была закупка, мы бы свою продукцию сдавали. А то картошка – не сдать. А если бы в райпо все это было налажено, то мы бы сдавали. Они пытались, здесь как-то сетки привезли. Потом вывезти не смогли. Вот какая морока!

Г. А. Ястребинская

ТАЁЖНАЯ ДЕРЕВНЯ КОБЕЛЕВО

«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ